

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
СОВЕТ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Педагогический институт имени В. Г. Белинского
Историко-филологический факультет
Кафедра «Русский язык и методика преподавания русского языка»
МОЗЫРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И. П. ШАМЯКИНА
Кафедра белорусской и русской филологии
ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра русского языкознания, типологии и теории коммуникации

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сборник научных статей по материалам
V Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 25–27 марта 2021 г.

Под редакцией
кандидата педагогических наук, профессора Г. И. Канакиной;
кандидата филологических наук, доцента И. Г. Родионовой

Пенза
Издательство ПГУ
2021

УДК 009
ББК 37.014
Я41

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского
А. Н. Байкулова;

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина
Ю. А. Южакова

Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 25–27 марта 2021 г.) / под ред. канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной; канд. филол. наук, доц. И. Г. Родионовой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. – 502 с.

ISBN 978-5-907364-98-1

Приведены материалы докладов, представленных на V Международной научно-практической конференции «Языковая политика и вопросы гуманитарного образования» (г. Пенза, 25–27 марта 2021 г.).

Издание адресовано широкому кругу читателей: филологам, преподавателям высших учебных заведений и колледжей, учителям школ, аспирантам, магистрантам, студентам – всем, кого интересуют актуальные вопросы языковой политики и гуманитарного образования.

**УДК 009
ББК 37.014**

*П р и к а з
о подготовке и проведении V Международной научно-практической
конференции «Языковая политика и вопросы гуманитарного
образования» № 0164/о от 03.03.2021*

ISBN 978-5-907364-98-1

© Пензенский государственный
университет, 2021

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

О. Н. Киянова, С. А. Василенко

г. Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы государственной языковой политики Российской Федерации: вопросы права государственного языка, нашедшие отражение в Конституции РФ 1993 г., их дальнейшее развитие в законодательстве РФ, связанное с современными особенностями реализации языковой политики России (поправки о русском языке, внесенные в Конституцию в 2020 г.); выделяются некоторые проблемные аспекты функционирования русского языка как государственного, анализируются меры, предпринимаемые органами государственной власти для совершенствования языковой политики.

Ключевые слова: государственная языковая политика, русский язык, законодательство о государственном языке

Для цитирования: Киянова О. Н., Василенко С. А. Актуальные вопросы государственной языковой политики // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 3–9.

На территории Российской Федерации государственным языком является русский язык, способствующий укреплению единого Российского государства.

Для России русский язык – значительно больше, чем просто средство общения. «Он объединяет все народы России, является основой нашей национальной идентичности, нашим великим наследием, уникальным по своей образности, четкости, меткости, выразительности и красоте» [12].

Совершенно очевидно, что современное государство не может существовать без единого культурного, образовательного, информационного пространства, в силу этого его основой является единый государственный язык, обеспечивающий также и функционирование единой управленческой вертикали.

С целью сохранения и развития русского языка государство проводит последовательную языковую политику, формирует законодательство о государственном языке [17, с. 7–24; 22, с. 15–23].

Понятие «государственный язык» в применении к русскому языку – явление новой России (в СССР русский язык был языком межнационального общения) [24]. Этот статус русского языка был впервые закреплен в Конституции 1993 года [1: ч. 1 ст. 68]. Одновременно Конституция предоставила субъектам-республикам право устанавливать свои государственные языки. Таким образом, в основном законе страны были поставлены вопросы права государственного языка, дан импульс к развитию законодательства о государственном языке, к определению векторов государственной языковой политики. На сегодняшний день функционирование русского языка как государственного языка РФ регулируется корпусом законов: Конституцией РФ (ст. 68), федеральными законами «О государственном языке Российской Федерации» [2], «О национально-культурной автономии», «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»,

законом РФ «О языках народов Российской Федерации» и другими [подробнее 17].

В 2005 году был принят Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», направленный на обеспечение использования государственного языка РФ на всей территории нашей страны, обеспечение права ее граждан на пользование государственным языком, защиту и развитие языковой культуры. Закон, повторяя норму Конституции (ст. 68), не только закрепил за русским языком статус государственного языка (ч. 1 ст. 1), но и определил сферы его обязательного использования (ст. 3).

Вопросы, связанные с функционированием русского языка как государственного языка РФ в разных сферах, нашли отражение и развитие в нормах целого ряда законов¹. Вместе с тем совершенно очевидно, что необходимость дальнейшего развития законодательной базы, регулирующей эту сферу, сохраняется [20, с. 14–15]. Именно недостаточная правовая урегулированность вопросов бытования и использования государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик в её составе явилась причиной того, что в ряде республик сократился объём использования русского языка в различных сферах общественной жизни, особенно в сферах государственного управления и образования [17; 23]. Не могут не вызывать озабоченности данные соцопросов, приведённые спикером Совета Федерации В. И. Матвиенко в марте 2017 года: «Есть субъекты РФ, где, по данным соцопросов, в пределах 10 % жителей не говорят на русском языке... Это недопустимо», – отметила она [9].

Формирование уважительного и ответственного отношения к государственному языку РФ, забота о его чистоте, сохранении и развитии – одна из важнейших задач современной языковой политики. Русский язык является языком межнационального общения, в силу этого знание его способствует формированию *толерантности* в обществе. «Мы должны понимать, что информационное, культурное, государственное единство страны, единство российского народа напрямую зависит от освоения нашими молодыми людьми, от состояния, распространения русского языка» [10].

В силу этого чрезвычайно важными и значимыми являются поправки о государственном языке, внесенные в Конституцию РФ и принятые в ходе всенародного голосования в июне 2020 года. В современных непростых геополитических условиях, когда сомнению подвергаются даже аксиомы, необходимо было в еще большей степени утвердить статус русского языка как государственного языка нашей страны – закрепить в Конституции его роль как связующую нас «материю», "как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации" (ст. 68). Эта поправка ни в коей мере не понижает статус национальных языков и не ущемляет права других народов, проживающих в Российской Федерации (еще в Конституции 1993 г. в ч. 3 ст. 68 была закреплена норма, согласно которой «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание

¹ Федеральные конституционные законы «О референдуме Российской Федерации», «О судебной системе Российской Федерации»; «О военных судах Российской Федерации»; федеральные законы «О государственной гражданской службе Российской Федерации», «О муниципальной службе в Российской Федерации», «Об образовании в Российской Федерации» «О связи», «О рекламе», «Об обращении лекарственных средств» и др., законы Российской Федерации: «О защите прав потребителей» и др.; Гражданском, Налоговом, Уголовно-процессуальном кодексах, Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации, Кодексе об административных правонарушениях и других кодексах [17].

условий для его изучения и развития»). Закрепил эту норму и ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»: *Обязательность использования государственного языка Российской Федерации не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов Российской Федерации* [2, ст. 1].

Русские, составляющие 82 процента населения страны, исторически всегда были объединяющим, системообразующим народом государства. Именно благодаря этому в России сложилось этнокультурное и языковое многообразие, именно поэтому русский является языком «государствообразующего народа» – он как скрепа объединяет не только народы, но и все языки (в нашей стране 193 народа говорят на 277 языках и диалектах, а в системе образования изучают 100 языков). Поддерживает норму о равноправии языков в РФ и новая часть 2 ст. 69 Конституции: *Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия.*

Чрезвычайно важной в плане реализации государственной языковой политики является ещё одна поправка в ст. 69 – о поддержке соотечественников за рубежом (ч. 3): *Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности.* Поправка напрямую связана с решением вопроса об обеспечении права русскоязычных на сохранение своей языковой идентичности как в ближнем, так и дальнем зарубежье [3; 4]. После распада СССР за пределами России оказалось 25 миллионов русских. И одна из важнейших задач российского руководства – обеспечение права русских в странах СНГ и Балтии на свой родной язык, на получение образования на русском языке, права иметь свои органы печати, теле- и радиoprogramмы; внимание к тому, как изучается русский язык нашими соотечественниками за рубежом в целом.

Самой большой дискриминации в плане возможности пользоваться русским языком подвергается русскоязычное население Прибалтики и Украины [18; 19].

Вызывают наибольшую обеспокоенность события, происходящие в последние годы на Украине. Одним из первых актов, принятых новым украинским правительством, пришедшим к власти в марте 2014 г. на волне массовых протестов населения, стало решение об отмене закона [5] о региональном использовании языков национальных меньшинств, которое напрямую затрагивало интересы не столько малых этнических групп, проживающих в стране (греков, венгров, поляков, болгар), сколько в первую очередь касалось многочисленной русской диаспоры. Прямым следствием этого решения стала гражданская война на Юго-востоке Украины и фактическое отделение от страны самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик.

Вероятно под страхом дальнейшего распада государства, правительство президента Порошенко объявило о разработке нового закона о государственном языке, призванного заменить отменённый националистами компромиссный и половинчатый закон о языках меньшинств. Через пять лет, 16 июля 2019 года, закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» [6] вступил в силу, несмотря на протесты русскоязычной общественности, политических партий, СМИ. Согласно этому документу, украинский язык стал обязательным для органов государственной власти и местного самоуправления, учебных заведений, больниц, сферы обслуживания. Закон предполагает создание специальной "языковой комиссии", которая будет осуществлять контроль за при-

менением украинского языка. Русский язык, как и языки других меньшинств, фактически объявлен вне закона, хотя это прямо противоречит как конституции независимой Украины, так и нескольким конвенциям ЕС, декларирующим права нацменьшинств. Дискриминационный подход к правам русскоязычных граждан страны, в частности, заключается и в том, что за использование русского языка в детском саду, школе, в вузе, больнице, магазине законом предусматриваются штрафы и иная ответственность. Требование использования государственного (украинского) языка коснулось и сферы культуры (театров, дублирования фильмов, телевизионных трансляций). Президент Украины В. Зеленский, сменивший на этом посту П. Порошенко, в своей предвыборной программе, обращаясь к русскоязычным гражданам страны, клятвенно обещал позитивные сдвиги в решении языковых проблем. В реальности же, он проявил себя как последовательный националист – закон о языке действует, а в феврале 2021 г. были закрыты три русскоязычных телевизионных канала.

Подобная политика украинской политической элиты не могла не вызвать соответствующей реакции в России. Выступая на 46 сессии Совета ООН по правам человека, министр иностранных дел РФ С. В. Лавров обвинил руководство Украины в политике выдавливания языков меньшинств из общественной и образовательной сфер. Он также отметил, что Совет ООН по правам человека никак не комментирует происходящие на Украине события, хотя они касаются интересов миллионов людей [8]. Это не может не вызывать глубокой обеспокоенности России.

Вопрос о дискриминационной политике в отношении русскоязычных меньшинств, которая проводится правительствами стран Балтии и Украины и не имеет ничего общего с декларируемыми европейскими институтами ценностями и правами иноязычных диаспор, проживающих в различных странах континента, был затронут С. В. Лавровым и в послании Генеральному секретарю Совета Европы по случаю 25-летия вступления России в эту организацию. По мнению министра иностранных дел РФ, европейские институты по отношению к нарушителям действующих конвенций проводят политику двойных стандартов. Это расшатывает авторитет СЕ, поскольку организация, «возникшая на руинах Второй мировой войны, не должна равнодушно взирать на проявления исторического ревизионизма и возвеличивание пособников нацистов» [16].

В День дипломатического работника в феврале 2021 года Президент РФ В. В. Путин, обращаясь к сотрудникам МИД, поставил перед ними задачу активнее отстаивать права и интересы наших соотечественников за рубежом, принимать действенные меры по укреплению позиций русского языка в мировом культурном пространстве [14].

Важно подчеркнуть, что руководство страны в последние годы в целом уделяет большое внимание вопросам совершенствования государственной языковой политики, проблеме сохранения и развития государственного языка [17; 21]. Выступая на заседании Совета по русскому языку 5 ноября 2019 года, на котором обсуждались важные вопросы государственной языковой политики и необходимости ее обновления, президент В. В. Путин отметил, что она должна быть «продуманной, сбалансированной и актуальной, отвечать современным тенденциям, чутко и гибко реагировать на их изменения» [11].

По итогам заседания президент дал ряд важных поручений: должна быть образована межведомственная комиссия по русскому языку с целью проведения экспертизы словарей и справочников; должны быть утверждены требования к составлению словарей, содержащих нормы современного русского литературного языка («Они должны стать обязательными для использования всеми государ-

ственными структурами, будь то органы власти – исполнительные, судебные, законодательные, школы и средства массовой информации», – сказал Путин [11]). Должен быть подготовлен правовой акт об утверждении норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка РФ; обеспечена финансовая поддержка реализации программы Института языкознания РАН по сохранению и возрождению языков коренных народов России и другие. В соответствии с Перечнем поручений [15] Правительство РФ должно "разработать и утвердить государственную программу Российской Федерации "Поддержка и продвижение русского языка за рубежом", обеспечить актуализацию нормативных правовых актов Российской Федерации, направленных на поддержку и продвижение русского языка за рубежом, поддержку образования на русском языке за рубежом. Работа по исполнению поручений президента активно ведется. В частности, уже образована *Правительственная комиссия по русскому языку* [7], которая будет заниматься формированием целостной политики для его сохранения и развития как в России, так и в зарубежье. Также Председатель Правительства поставил задачу провести экспертизу правил русской орфографии и пунктуации с целью их совершенствования. Хочется верить, что обсуждение этого вопроса не будет носить кулуарный характер и профессиональное сообщество сможет высказать свое квалифицированное мнение о предлагаемых изменениях.

К сожалению, рамки статьи не позволяют осветить все аспекты государственной языковой политики, требующие внимания государства, нуждающиеся в правовом регулировании. Однако и представленный материал свидетельствует о том, что государство последовательно развивает и совершенствует государственную языковую политику, уделяет большое внимание как государственному – русскому – языку, языку межнационального общения, «который так же, как инфраструктура в экономике, объединяет всю страну вне зависимости от этнической принадлежности каждого из нас», так и языкам других народов; делает и будет «делать всё для того, чтобы и языки народов Российской Федерации, всех этносов пользовались большим вниманием и большей поддержкой со стороны государства» [12].

Список литературы

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации : с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 : [принята всенародным голосованием 12.12.1993] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 20.09.2020).
2. О государственном языке Российской Федерации : федер. закон № 53-ФЗ : [принят 01.06.2005] // Собрание законодательства РФ. 2005. № 23. Ст. 2199.
3. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом : федер. закон № 99-ФЗ от 24.05.1999 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (дата обращения: 20.09.2020).
4. О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2016–2020 годы : постановление Правительства Российской Федерации № 481 от 20.05.2015 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179792/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b (дата обращения: 20.09.2020).
5. Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного : закон Украины № 2704-VIII от 25.04.2019. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T192704.html (дата обращения: 26.02.2021).
6. Об основах государственной языковой политики : закон Украины № 4651-VI от 13.04.2012. URL: <https://uazakon.ru/zakon/zakon-ob-yazikovoy-politike.html> (дата обращения: 26.02.2021).

7. О Правительственной комиссии по русскому языку : постановление Правительства Российской Федерации № 1197 от 08.08.2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008110005> (дата обращения: 26.11.2020).

Документы

8. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе сегмента высокого уровня 46-й сессии Совета ООН по правам человека. М., 2021. URL: https://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4594290 (дата обращения: 26.02.2021).

9. Выступление Председателя Совета Федерации В. И. Матвиенко на торжественном заседании палат Федерального собрания Российской Федерации и Совета законодателей при Федеральном собрании Российской Федерации, посвященном 20-летию Конституции Российской Федерации и парламента демократической России // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d4a97161ecbf40d5c1.pdf> (дата обращения: 12.02.2021).

10. Путин В. В. Речь на открытии совместного заседания Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку. 19 мая 2015 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49491> (дата обращения: 20.09.2020).

11. Путин В. В. Речь на открытии заседания Совета по русскому языку. 5 ноября 2019 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986> (дата обращения: 06.11.2020).

12. Путин В. В. Встреча с деятелями культуры. 6 июня 2020 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63462> (дата обращения: 10.06.2020).

13. Путин В. В. Встреча с лауреатами конкурса «Учитель года России». 2 февраля 2021 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64961> (дата обращения: 08.02.2021).

14. Путин В. В. Поздравление с Днём дипломатического работника. 10 февраля 2021 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/64982> (дата обращения: 12.02.2021).

15. Перечень поручений по итогам заседания Совета по русскому языку (ПР-355, 20 марта 2020 г.) // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62918m> (дата обращения: 12.04.2020).

16. Послание Министра иностранных дел России С. В. Лаврова Генеральному секретарю Совета Европы М. Пейчинович-Бурич по случаю 25-летия вступления Российской Федерации в Совет Европы. 28 февраля 2021 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4601173 (дата обращения: 05.03.2021).

Специальная литература

17. Вопросы права государственного языка и языка права : монография / отв. ред. О. Н. Киянова. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. 123 с.

18. Василенко С. А. Политические трансформации «нестабильных государств» СНГ // По материалам круглого стола (Факультет мировой политики МГУ, 24 апреля 2013 г.). М. : Ин-т востоковедения РАН, 2013. 70 с.

19. Василенко С., Яворич Д. Проблемы регионального сепаратизма в современной Европе // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6, № 2 (19). С. 368–370.

20. Киянова О. Н. Проблемы совершенствования и развития законодательства о государственном языке // Русский язык и литература в современных культурных контекстах : тр. и материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Тюмень, 30–31 октября 2015 г.) / под ред. О. В. Трофимовой. Тюмень, 2015. С. 14–15.

21. Киянова О. Н. Русский язык как государственный язык Российской Федерации в современных условиях // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2016. № 2. С. 106–116.

22. Киянова О. Н. Принципы создания текстов административного и правового характера (содержание, построение, языковые нормы) : учебник. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. 412 с.

23. Кичева И. В. Русский язык как средство межкультурной коммуникации в полиэтничной среде: современные реалии и проблемы // *Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования*. Пятигорск : ПГУ, 2017. С. 35–41.

24. *Русский язык в современном мире* / отв. ред. Ф. П. Филин. М. : Наука, 1974. 304 с.

Информация об авторах: *Киянова Ольга Николаевна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Государственный советник РФ 2 класса (г. Москва, Россия); *Василенко Сергей Александрович*, кандидат философских наук, доцент Института иностранных языков Российского университета дружбы народов (г. Москва, Россия).

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ЛИЧНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА

Г. И. Канакина

г. Пенза, Россия

Аннотация. Исследование посвящено осмыслению возможностей духовно-нравственного воспитания будущих учителей средствами языковедческих дисциплин с целью их подготовки к формированию духовности подрастающего поколения.

Ключевые слова: духовность, система общественных ценностей, духовно-нравственное воспитание, языковедческие дисциплины

Для цитирования: Канакина Г. И. Формирование духовно-нравственной личности будущего учителя-словесника // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 10–12.

Проблема духовно-нравственного воспитания молодого поколения сегодня весьма актуальна. Устоявшаяся система ценностей, долгое время существовавшая в нашей стране, резко изменилась в конце прошлого столетия. Происходящее на современном этапе развития общества переосмысление системы ценностей требует серьёзного осмысления и ценностей образования, изменения подходов к общему и профессиональному образованию, как одному из важнейших компонентов формирования личности.

В образовательном процессе на первый план выходит не столько интеллектуальная или профессиональная подготовка, сколько формирование нравственного человека, способного осмысливать происходящее, видеть конструктивные пути решения важных общественных проблем. Это нашло отражение во многих документах, принятых в последние годы на государственном уровне. Они создают базу для определения конкретных направлений духовно-нравственного воспитания молодёжи. 31 декабря 2015 года Президент РФ утвердил **«Стратегию национальной безопасности РФ»**, где отмечалось «низкое качество общего среднего образования, профессионального начального, среднего и высшего образования» и подчёркивалась необходимость «создания системы духовного и патриотического воспитания граждан России» [2]. Принятая в 2009 году разработанная коллективом учёных **«Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России»** определила, что «образованию отводится ключевая роль в духовно-нравственной консолидации российского общества. ... Именно в школе должна быть сосредоточена не только интеллектуальная, но и гражданская, духовная и культурная жизнь обучающегося». Отмечено, что духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся, как важный компонент социального заказа, является основной задачей современной образовательной системы [1]. Концепция стала методологической основой разработки и реализации **«Федерального государственного образовательного стандарта общего образования»** (17 мая 2012 г.), где в «портрете выпускника школы» названы следующие его личностные характеристики: «любящий свой край и свою Родину, уважающий свой народ, его культуру и духовные традиции; осознающий и принимающий традиционные ценности семьи, российского гражданского общества, многонационального российского народа, человечества, осознающий свою сопричастность судьбе Отечества» [4]. **«Стратегия развития воспитания в Российской Феде-**

рации на период до 2025 года», утверждённая 29 мая 2015 года, в качестве одной из основных задач определила «создание условий для воспитания у детей активной гражданской позиции, гражданской ответственности, основанной на традиционных культурных, духовных и нравственных ценностях российского общества», что предусматривает «формирование у детей патриотизма, чувства гордости за свою Родину, готовности к защите интересов Отечества, ответственности за будущее России» [3].

Исходя из этих документов можно говорить об актуализации в российском обществе идеи духовно-нравственного воспитания молодого поколения. Это, в свою очередь, привело к появлению насущной потребности подготовки учителя к формированию духовности школьников, поскольку непременным условием эффективности нравственного воспитания обучающихся является духовность самого педагога.

По мнению классиков педагогики, духовно-нравственное развитие личности является приоритетным в образовательном процессе. В настоящее время существует ряд концепций, связанных с решением проблемы подготовки педагогических кадров к духовно-нравственному воспитанию школьников. Авторы этих концепций (В. И. Андреев, В. А. Беляева, В. В. Игнатова, Н. А. Коваль и др.) совершенно справедливо считают основным условием формирования духовности студентов как будущих специалистов гуманитарную среду вуза. Важнейший путь решения проблемы духовного возрождения общества – подготовка учителя к духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения. Для этого в содержание педагогического образования на всех его этапах должны быть включены соответствующие знания. Анализ научной литературы показал, что существует противоречие между возросшей потребностью общества и государства в формировании у обучающихся духовно-нравственных ценностей и низкой эффективностью образовательного процесса подготовки будущих учителей к формированию духовности школьников. С этой целью некоторые учёные предлагают ввести в учебные планы педагогических вузов специальные дисциплины и курсы по выбору, способствующие формированию профессионально-ценностных ориентаций будущих учителей.

Полагаем, однако, что вводить в учебные планы педвузов специальные курсы по формированию духовности будущих учителей совсем не обязательно, поскольку не до конца использованы возможности уже имеющихся в учебных планах педвузов гуманитарных дисциплин. В планах представлены, например, учебные дисциплины предметной подготовки, которые включают основные компоненты содержательной структуры (знания, умения, навыки) и опыт эмоционально-ценностного отношения к окружающему миру. К сожалению, до сих пор учёными не исследовалась проблема духовно-нравственного формирования личности будущих учителей-словесников средствами языковедческих дисциплин. Между тем опора на ценностный потенциал языковедческих дисциплин является, на наш взгляд, одним из важнейших педагогических условий, способствующих активизации процесса духовно-нравственного воспитания будущего учителя. Преподаватели кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» работают над проектом по подготовке будущего учителя-словесника к духовно-нравственному воспитанию школьников средствами русского языка. Цель проекта – подготовка будущих учителей-словесников средствами языковедческих дисциплин к формированию духовности подрастающего поколения через обогащение знаниями о языке, национальных традициях и культуре своего народа, воспитание их интереса к истории и современности русского языка.

Базой, на которой может быть создана система подготовки учителя-словесника к формированию духовности школьников средствами русского языка, являются языковедческие дисциплины, изучаемые в Педагогическом институте им. В. Г. Белинского Пензенского государственного университета (направление подготовки «Педагогическое образование, профили «Русский язык. Литература»): «Старославянский язык» (способствует осознанию этнического и языкового родства славян, воспитанию уважения к другим славянским народам и их культурам); «История русского литературного языка» (воспитывает любовь к русскому языку и его истории, преданность своему народу и Отчизне); «Стилистика» (позволяет познакомиться с нравственной позицией выдающихся писателей и публицистов – носителей элитарной речевой культуры); «Филологический анализ текста» (формирует у студентов эстетический вкус, воспитывает уважение к писателям и писательскому труду); «Вклад русских лингвистов в современное языкознание» (способствует формированию чувства причастности к историко-культурной и научной общности российского народа); «Русская лексикография» (формирует систематизированные знания в области отечественной лексикографии); «Методика обучения и воспитания (русский язык)» (способствует формированию национального самосознания и усвоению системы общечеловеческих ценностей через культуроведческий подход в преподавании русского языка); «Русская ономастика» (даёт целостное представление об ономастическом пространстве русского языка, приобщает к системе общественных ценностей); «Лингвистическое краеведение» (расширяет лингвистический кругозор, воспитывает гражданское мировоззрение, любовь и уважение к родному языку и своей малой родине); «Русский язык и культура речи» (способствует пониманию нормативного, коммуникативного и этического аспектов культуры речи как предпосылки формирования культуры ценностного отношения к действительности).

Задачи духовно-нравственного развития подрастающего поколения выдвигают новые требования к выпускникам педвузов: они не только сами должны обладать системой нравственных ценностей, но и уметь формировать духовность своих воспитанников. И эти задачи могут быть успешно решены только в том случае, если при подготовке будущего учителя будет полно задействован потенциал всех изучаемых по плану гуманитарных дисциплин.

Список литературы

1. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М. : Просвещение, 2009. URL: http://school.ru/fgos/koncepcija_dukhovno-nravstv-vozpitanija.pdf (дата обращения: 15.02.2021).
2. Стратегия национальной безопасности РФ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/ (дата обращения: 22.02.2021).
3. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://rg.ru/2015/06/08/vozpitanie-dok.html> (дата обращения: 22.01.2021).
4. ФГОС СОО. URL: <https://base.garant.ru/70188902/8ef641d3b80ff01d34be16ce9baf6e0/> (дата обращения: 02.02.2021).

Информация об авторе: *Канакина Галина Ивановна*, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА XXI в.: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М. А. Бобунова

г. Курск, Россия

Аннотация. Рассматриваются новые орфографические словари русского языка. Выделяется несколько направлений лексикографической работы, которой отводится важная роль в современном гуманитарном образовании. Дается обзор общих орфографических словарей и аспектных справочников. Особое внимание уделяется электронному орфографическому ресурсу. Делается вывод о своеобразии орфографических словарей XXI в.

Ключевые слова: лексикография, словарь, орфография, орфографический словарь

Для цитирования: Бобунова М. А. Орфографические словари русского языка XXI в.: традиция и современность // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 13–16.

В гуманитарном образовании важное место всегда отводилось справочной литературе, предназначенной для получения объективных сведений различного характера. Орфографический словарь был и остаётся одним из самых популярных и широко используемых в обществе словарей, в которых отражаются нормы письменной речи. Долгие годы надёжным справочником, предназначенным для широкого круга пользователей, считался «Орфографический словарь русского языка» под редакцией С. Г. Бархударова, составленный в соответствии с «Правилами русской орфографии и пунктуации» (1956 г.) и переживший много изданий. Однако к концу XX столетия в связи с изменениями, происходившими в языке, возникла необходимость пересмотра многих рекомендаций и уточнения отдельных правил, поскольку написание целого ряда новых слов «Правилами» 1956 г. не регламентировалось, что требовало подготовки новых справочных изданий.

В настоящее время можно выделить несколько направлений данной лексикографической работы. С одной стороны, это создание общих орфографических словарей, с другой, подготовка специальных (или аспектных) справочников.

В первом случае словник отражает лексику современного языка достаточно полно, поэтому такой словарь отвечает на разные орфографические вопросы. Однако подход к формированию словников разными авторскими коллективами может отличаться. По мнению одних лексикографов, «главным в словарной орфографической практике является закрепление устоявшихся написаний (с опорой на принцип историзма) и отказ от радикальных перемен или попыток разного рода “упорядочений” и “усовершенствований”, чем бы эти попытки ни объяснялись» [1, с. 5]. Примером такого подхода стало исправленное и дополненное издание «Большого орфографического словаря русского языка» (БОС) под редакцией С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко и Л. И. Скворцова [1]. Обновлённый за счёт новой лексики словник включает 106 000 слов и представляет состояние русского литературного языка на современном этапе. В целях компактности и в соответствии с традицией в словарь не включались собственные имена, а также производные слова, орфографический облик которых ясен из основного слова.

Хотя «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. до сих пор остаются действующим и общеобязательным сводом правил, в 2007 г. была опубли-

ликована их новая редакция, подготовленная Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН и ориентированная на современность языкового материала с опорой на существующую практику письма [6]. Уточнённые и сформулированные в новой редакции правила подкрепляются материалами «Русского орфографического словаря» (РОС), который обозначил новое направление в создании орфографических справочников [7].

Словник РОС пополняется от издания к изданию (ср.: 1-е изд. 1999 г. – 160 000 слов и словосочетаний; 2-е 2005 г. – 180 000; 4-е 2012 г. – около 200 000). Заметим, что расширение словника обусловлено не только появлением в нём новых лексем, но также производных слов и неоднословных единиц – эквивалентов слова (*в штыки, до смерти, не в кайф*). Несомненным новшеством данного словаря является включение в него слов, пишущихся с прописной буквы, и их сочетаний (*Евровидение, Мономах, Ньютон, Поволжье; Государственная дума, Каменный остров, Малый театр, Пушкинские Горы*), а также слов, которые в разных значениях пишутся по-разному (*Олимпиада* ‘Олимпийские игры’ и *олимпиада* ‘соревнования, состязания в чем-н.’; *паутина* и (об Интернете) *Паутина*). В качестве самостоятельных словарных единиц приводятся и сложносочращенные слова разных типов, имеющие нарицательный смысл, например: *ВПК, ВТЭК, ГОСТ, ОВИР, СИЗО* и др.

Как правило, орфографические словари отличаются достаточно простой макро- и микроструктурой, однако в современных орфографических справочниках объём информации нередко увеличивается. Обычно в конце орфографического словаря приводится только Список личных имен, но авторы новых словарей этим не ограничиваются. Так, в РОС даётся список слов, написание которых было изменено по сравнению с вышедшим ранее академическим орфографическим словарём. Кроме того, в отдельном приложении представлены общепринятые графические сокращения. А в БОС особый интерес вызывает таблица, в которой приведены лексеммы, написание которых различается в основных орфографических словарях русского языка, например: *горнолыжный* и *горно-лыжный, будёновка* и *буденновка, в наклон* и *внаклон*.

Отдельное направление лексикографической работы представляют словари, посвященные сложным вопросам правописания, например, употреблению одной или двух букв «Н» [8], слитному или раздельному написанию [2], употреблению прописных и строчных букв [4]. В таких аспектных справочниках собственно словарь обычно предваряет новая редакция правил того или иного раздела орфографии, сформулированная с учётом современной практики письма, что оказывается весьма полезным для пользователя.

Известно, что особую трудность для написания представляют так называемые словарные слова, содержащие непроверяемые орфограммы. Написание таких лексем обычно предлагают запомнить, хотя во многих случаях знание их этимологии позволяет осознанно выбрать правильное написание. Именно эту задачу решают словари «Этимологические тайны русской орфографии» [3] и «Объяснительный словарь непроверяемых орфограмм русского языка» [9]. В отличие от других орфографических словарей в указанных справочниках важная роль отводится этимологической справке, которая освобождает обучающегося от зубрёжки и способствует формированию осознанных орфографических навыков.

Так, в словаре Л. А. Глинкиной, где представлено около 6 000 лексем, приводится первоначальный вариант слова с первичным значением и с опознаваемой фонемой в сильной позиции. Например, написание буквы «О» и удвоенного сочетания «ЛЛ» в существительном *коллега* можно объяснить тем, что слово «восходит к *lego – legere – собирать + col-* – прист. *вместе; col-1...> coll...*» [3, с. 141].

Такая информация помогает и лучше понять значение слова – ‘товарищ по работе, совместной учёбе (в высшей школе), по профессии’. Становится понятным и написание существительного *территория*, заимствованного из латинского языка, где «*terra* – земля, край, страна» [3, с. 260], пришедшего из французского языка слова *саботаж*, которое восходит к *sabot* ‘обувь, башмак на деревянной подошве’ (первонач.: *саботировать* – стучать деревянными башмаками в знак протеста) [3, с. 242], а также английской по происхождению лексемы *бестселлер*, восходящей к сложению: *best* – больше всего, наилучший + *to sell* – продавать (букв.: продаваемое лучше всего) [3, с. 59].

Знание этимологии слова позволяет безошибочно писать и исконно русские лексемы, образованные от утраченных производящих основ, например: *колесо* – от *коло* (праслав. * *kolō*), *обаяние* – от *обаяти* (преф. от *баяти*) [3, с. 141, 195].

Важно, что словарь, где отдельной строкой приводится краткий перечень однокоренных и этимологически родственных слов, часто способствует запоминанию правописания не отдельной языковой единицы, а целого ряда слов, например: *территория, террариум, терраса, террикон; колесо, колесить, колесница, колесовать, колея, коляска* и др.

По мнению автора, «назначение предлагаемого словаря – убедить сомневающегося и укрепить любознательного читателя в том, что нормативная орфография во всех её звеньях сформировалась не случайно, что она несёт в себе, подчас через тысячелетия, «материнский ген», заложенный в слове, и отвечает правилам и законам исторически сложившегося сочетания морфем» [3, с. 5].

Характерной чертой лексикографии XXI в. является опора на новые информационные технологии, которые не только ускоряют лексикографическую работу, но и совершенствуют её. В последнее время появилось много электронных словарей, среди которых особое место отводится словарям правильности письменной речи. Обратим внимание на «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, в котором представлено нормативное написание большого числа языковых единиц (более 200 000) [5].

Особенностью данного ресурса является его постоянно пополняемый словарь (с указанием года добавления того или иного слова в словарь), возможность исправления ошибок (с указанием изменения написания в сравнении с предыдущими изданиями), включение рекомендаций для еще не устоявшихся в письменной практике слов.

Приведём несколько примеров.

автомобильно-паромный [добавление 2019]

трóллить, -ллю, -ллит [добавление 2020]

ИВЛ [ивээл], *нескл., ж.* (*сокр.*: искусственная вентиляция лёгких) [добавление 2020]

фаёр, -а (*факел*) [изменено, ср. РОС 2012: **фа́йер**, -а]

ру́кола, -ы [изменено, ср. РОС 2012: **ру́ккола**]

батл, -а [рекомендация 2019]

биткóин, -а [рекомендация 2019]

Пользователя привлекает открытый характер словаря и удобная поисковая система данного электронного ресурса, который предполагается дополнять объяснительными комментариями, данными о расхождениях в рекомендациях разных орфографических словарей и др. Думается, что такая многоаспектная информация, предлагаемая электронным орфографическим ресурсом, будет востребована разными категориями пользователей.

Таким образом, новые орфографические словари, создаваемые с опорой на авторитетные справочники XX в., демонстрируют новые подходы и к составлению словников, и к подаче материала, и к объему словарных статей. Ширится круг аспектных орфографических словарей, посвященных наиболее трудным разделам орфографии, а компьютерные технологии открывают новые возможности словарной работы, которой отводится важная роль в современном гуманитарном образовании.

Список литературы

1. Большой орфографический словарь русского языка: ок. 106 000 слов / под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцова. 2-е изд., испр. и доп. М. : ОНИКС 21 век : Мир и Образование, 2003. 528 с.
2. Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П. Слитно или отдельно? Орфографический словарь-справочник: свыше 107 000 слов. М. : Рус. яз., 1998. 944 с.
3. Глинкина Л. А. Этимологические тайны русской орфографии : словарь-справочник: ок. 6000 слов. 2-е изд., испр. и доп. М. : АСТ : Астрель : Транзиткнига, 2006. 381 с.
4. Лопатин В. В., Нечаева И. В., Чельцова Л. К. Прописная или строчная? Орфографический словарь русского языка. М. : Эксмо, 2009. 512 с.
5. Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС». URL: <http://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 28.01.2021).
6. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М. : Эксмо, 2007. 480 с.
7. Русский орфографический словарь: ок. 160 000 слов / Российская академия наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; редкол.: В. В. Лопатин (отв. ред.), Б. З. Букчина, Н. А. Еськова [и др.]. М. : Азбуковник, 1999. 1280 с.
8. Сазонова И. К. Одно или два Н? Орфографический словарь русского языка. М. : АСТ-Пресс, 1998. 544 с.
9. Шелякин М. А. Объяснительный словарь непроверяемых орфограмм русского языка : пособие по русской орфографии. М. : Флинта : Наука, 2009. 320 с.

Информация об авторе: *Бобунова Мария Александровна*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Курского государственного университета (г. Курск, Россия).

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЕ

Т. А. Милёхина

г. Саратов, Россия

Аннотация. Обобщены методические и культурно-лингвистические особенности преподавания русского языка в Китае. Выделена объективная и субъективная специфика работы, представлены наиболее удачные методы аккультурации русских и китайских культурных моделей.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингво-культурная ассимиляция, коммуникативный метод обучения, учебник русского языка для китайских вузов

Для цитирования: Милёхина Т. А. К вопросу о специфике преподавания русского языка в Китае // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 17–19.

Интенсивность культурных контактов России и Китайской народной республики необыкновенно возросла за последние годы. Всё больше китайских студентов изучают русский язык, в то же самое время, как всё больше молодых россиян проявляют интерес к китайскому языку и культуре. И китайские и российские вузы заинтересованы в высоком уровне языковой подготовки своих иностранных студентов, в связи с чем происходит расширение взаимовыгодного обмена профессорско-преподавательскими кадрами двух стран.

Преподавание русского языка как иностранного в Китайской народной республике, с одной стороны, связано с целым рядом объективных трудностей, свойственных для работы русиста в любой стране мира, то есть с трудностями, имеющими объективный характер – сложной грамматической системой языка, флективным характером грамматического строя, богатством и разнообразием словаря, древней историей и философской основой языка, спецификой восприятия мира. Однако, с другой стороны, преподавание русского именно в Китае имеет много специфических особенностей, среди которых в первую очередь необходимо назвать необыкновенный душевный комфорт, обусловленный исторически сложившейся духовной близостью китайского и русского народов. Преподаватель РКИ попадает в Китае в атмосферу всеобщей любви, интереса и эмоционального подъёма.

В качестве иллюстрации сказанного приведу отрывки из прощальных писем и открыток китайских студентов: *Уважаемая Татьяна, Вы самый нежный и добрый преподаватель, которого я никогда не встретила; Я вполне могу себе представить, какой красивой и нежной преподавательницей Татьяна Алексеевна была в молодости (конечно, и сейчас тоже); Уважаемая Татьяна, от всей души поздравляю вас с наступившим Новым годом и с прошедшим праздником Рождества Христова; Недавно я научила писать поздравительные карточки на русском языке и я очень рада пишу Вам. Добрая, заботливая и симпатичная преподавательница. Вы нам так нравятся. Эта карточка в китайском стиле вам нравится? В Китае люди часто посылают друг другу такие поздравительные карточки в Новый год, потому что в Китае красный цвет значит счастье и радость!; Дорогая Татьяна Алексеевна! Большое спасибо за Вашу доброту, Ваше терпение и конечно Вашу красоту!*

Значительно облегчает работу россиян традиционно высокий в Китае статус учителя и преподавателя. Конечно, работа преподавателя иностранного языка во всём мире предполагает более близкое, доверительное общение с аудиторией, поскольку обучающий языку является не только знатоком грамматики и лексики, но и носителем иного языкового сознания, иной культуры, что становится особенно важным в условиях иноязычной среды. Вот это прикосновение к иной, новой и для студентов, и для преподавателей, культуре является самым ценным в работе за границами родной страны. О неподдельном уважении к преподавателю и его статусу свидетельствует, например вопрос одного из китайских студентов «*Есть ли у Вас зонтик?*» в ситуации после окончания занятия, когда на улице неожиданно пошёл сильный дождь.

Работать легко прежде всего за счёт большого интереса китайских студентов к учёбе. Демографическая ситуация в стране обуславливает высокий уровень конкуренции среди студентов и поэтому практически не возникает учебно-методических проблем, связанных с дисциплиной, выполнением домашнего задания, участием во внеурочной работе.

Что же характеризует преподавателя РКИ, носителя русского языка, в КНР, каковы отличительные особенности работы самого педагога? Прежде всего необходимо отметить снисходительное, доброе отношение к студентам. По словам одной из китайских коллег «*русские преподаватели очень женственные*». В самом деле, оценивая высокую работоспособность китайских студентов, их тягу к знаниям, наверное, можно сказать, что русские преподаватели не требовательны в той должной мере, какая характерна для китайских учителей.

Важнейшей отличительной особенностью отечественной методической системы преподавания РКИ является широкая внеаудиторная работа, направленная на погружение иностранных учащихся в русскую культуру, что предполагает знакомство с русской литературой, историей, живописью, с шедеврами отечественного кинематографа, с русским фольклором.

Помимо заданий, непосредственно связанных с учебными материалами, эффективным приёмом является заучивание русских песен и стихов, которое способствует расширению лексики, лучшему пониманию ритмики русского языка и народного юмора. Однако к заданиям такого рода необходимо относиться с осторожностью. Так, например, китайский студент категорически отказался спеть партию Черепахи в песенке из мультфильма «*Как лвьёнок и черепаха пели песню*», потому что, оказываясь, в бытовом представлении китайцев образ Черепахи наделяется ярко отрицательными характеристиками, вызывая устойчивые ассоциации с ленивым, глупым, некультурным человеком.

Формы и методы лингвокультурной ассимиляции иностранных учащихся весьма разнообразны. Одной из таких форм, например, может быть музыкально-поэтическая композиция «*Пушкинская осень*», в которой используются стихи А. С. Пушкина, посвящённые этому времени года, поэтические отрывки из романа «*Евгений Онегин*», музыкальные сцены из одноимённой оперы П. И. Чайковского, фрагменты русских художественных фильмов, таких, как «*Звезда пленительного счастья*». Мультимедийная установка демонстрирует картины природы известных русских художников. Для такого вечера характерна атмосфера высокой поэзии и классического искусства.

Ещё один из хорошо зарекомендовавших себя методов – подготовка праздничных новогодних спектаклей, которые имеют совсем иную культурологическую природу. Основой таких мероприятий выступает народный фольклор, озорной юмор. Как известно, наступление китайского нового года празднуется по лунному календарю в разное время, чаще всего в феврале. И сакральное значение этого

праздника – наступление весны. Поэтому китайцы с большим интересом относятся к европейской традиции отмечаия наступления нового года. Как показывает опыт работы, такой весёлый праздник отлично сочетается с представлением на основе русских народных сказок. Опера Римского-Корсакова «Снегурочка», да и русские народные песни и танцы также могут быть основой такого спектакля.

Подготовка таких музыкально-поэтических вечеров занимает от одного до двух месяцев дополнительной работы преподавателя и студентов. Положительный эффект такой работы огромен. Это не только погружение в русскую культуру, но и совместное творчество с преподавателем, знакомство с русским костюмом и бытом, а главное, дружеское общение в творческой обстановке на русском языке.

Существующие особенности преподавания русского языка в КНР имеют разный характер. Во-первых, можно отметить те, которые связаны с методикой преподавания. В качестве одного из основных методов преподавания китайскими коллегами традиционно используется метод заучивания больших стационарных диалогов и текстов в готовом виде. При этом не уделяется внимания собственно коммуникативному методу преподавания языка, который является основным, базовым в России. Это приводит к тому, что, пассивно владея огромным словарём, китайские студенты не могут свободно владеть устной речью, теряются в общении.

Преподавателю необходимо использовать и развивать практическую работу по освоению устной речи. Изучение грамматической темы требует устного закрепления. На каждом занятии необходимо предлагать студентам типовые коммуникативные ситуации, в которых используется то или иное грамматическое явление. Для предложного падежа это могут быть вопросы типа «Где вы гуляли вчера?», «Где вы отдыхали летом?», для винительного падежа фразы «Что вы читаете?», «Что вы смотрите?», «Что вы слушаете?». Дательный падеж аккумулирует вопросы «Кому вы купили подарок?», «Кому вы звонили вчера?» и т.д. Такого рода «грамматическая гимнастика» выводит на конструирование учебных диалогов. Заинтересованное общение с учащимися, знание их интересов, настроений и увлечений позволяет преподавателю выстраивать коммуникативные диалоги в соответствии с коммуникативными потребностями ребят. «Имитация» свободного общения стимулирует ребят к выражению актуальных эмоций, оценок и впечатлений. И в этом смысле огромное значение приобретают коммуникативные ситуации, отбор, характер и реконструкция которых осуществляется преподавателем индивидуально, каждый раз заново, с учётом интересов учащихся, в зависимости от их уровня владения языком,

Расширение такого рода устных упражнений проходит в направлении участия в выполнении более трудных заданий, от коммуникативных ситуаций к развёртыванию речевых событий, в основе которых не только ролевые игры, но и более объёмные сценарии. Примером такого рода сценария может быть коммуникативное событие «День рождения». В структуре такого сценария имеют место диалоги «Приглашение друзей», «Время и место праздника», «Выбор меню», «Покупка подарка», «Поздравление», «Знакомство гостей», «Угощение» и т.д. В ходе выполнения такого сценария учащиеся на материале устного общения отрабатываются несколько лексических и грамматических тем.

В последнее время особенно актуальным в преподавании РКИ стало использование целого ряда методических приёмов, в основе которых – новейшие информационные технологии. Это способствует созданию ситуации непрерывного освоения русского языка. К таким методам относятся: создание группы в WeChat; поиск иллюстративного материала, грамматических таблиц, идиоматических выражений и прочего на таких сайтах, как www.pinterest.com; www.canva.com. Для эффективного изучения русского языка школьниками также помогает регистрация

на платформе Edmodo; использование www.barabook.ru; создание интерактивных упражнений на www.learningapps.org.

Создание группы студентов и преподавателя в WeChate, например, создаёт возможность дополнительного контакта с преподавателем во внеаудиторное время, развивая тем самым, навыки владения письменным русским языком и этикетными стереотипами. Например: Преподаватель: *Привет, Лида! Вы можете прийти ко мне завтра в 10? – Лида: Здравствуйте! Давайте в 10 00 встретимся! Я к вам пойду.* На следующий день: Лида: *Здравствуйте, Людмила Владимировна, я сегодня не могу к Вам, я болею.* – Преподаватель: *Хорошо, хорошо. Выздоровляйте. Договоримся потом.* – Лида: *Да, я забыла, завтра как раз наш праздник Луны. Не забудьте завтра надо есть традиционные пирожки, которые называются ЮеБин (орфография и пунктуация авторов сохранены).*

Одна из острых проблем, актуальных сегодня в преподавании русского языка в Китае, связана с подбором учебных пособий. Методическое обеспечение преподавания РКИ в КНР отличается большим разнообразием. Особой популярностью среди китайских студентов пользуется прекрасный комплекс учебников по русскому языку для вузов «Русский язык. Восток», изданный Пекинским университетом иностранных языков.

«Русский язык. Восток» [2], предназначенный для студентов первого курса, представляет Россию как страну великой культуры. Каждый раздел книги содержит страноведческую информацию на китайском языке под рубрикой «О России», в которой рассказывается о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Тургеневе, Достоевском, Толстом, Чехове, Ломоносове. В качестве иллюстраций в учебнике используются картины великих русских художников: «Золотая осень» и «Март» И. И. Левитана; «Бурлаки на Волге» И. Е. Репина; «Рождь» И. И. Шишкина; «Грачи прилетели» А. К. Саврасова; «Девочка с персиками» В. А. Серова; «Утро стрелецкой казни» В. И. Сурикова; «Алёнушка» В. М. Васнецова; «Незнакомка» И. Н. Крамского.

Эта генеральная линия получает продолжение и в учебных материалах на русском языке – текстах, диалогах и упражнениях. В тексте «В библиотеке» китайский студент рассказывает, что он взял в библиотеке стихи Пушкина и рассказы Чехова на русском языке, потому что хочет прочитать их по-русски [2, с. 137]. Урок 11 содержит большой учебный диалог «В театре» [2, с. 121–122], где китайский студент будет смотреть русский балет. Урок 14 содержит подстановочное упражнение, включающее следующие реплики: – *Из всех русских писателей / композиторов / московских театров / русских городов я больше всего люблю Достоевского / Чайковского / Левитана / Большой театр / Суздаль* [2, с. 165]; *Скажите, пожалуйста, какой это театр / музей / парк / библиотека?* [Русский язык 2015, с. 166]. В диалогах урока 15 студенты спрашивают: *Как пройти к новому цирку / Малому театру / Третьяковской галерее / Пушкинской площади?* [2, с. 180].

О том, насколько высок уровень сложности учебника «Русский язык». «Восток б» [3] свидетельствует один лишь перечень художественных и публицистических текстов, предлагаемых студентам для изучающего чтения. Среди них, например, проза В. Шукшина и В. Солоухина – рассказы «Верую» и «Каравай заварного хлеба», фрагмент «Зимних заметок о летних впечатлениях по Европе» Ф. М. Достоевского и т.д. Таким образом, учебник русского языка «Восток» формирует представление о России как о стране высокой культуры, визитной карточкой которой являются великая литература, живопись, музыка, театральное искусство, большие научные достижения.

Китайские коллеги и сами разрабатывают прекрасные специальные пособия и методические учебники, учитывающие профессиональную ориентацию сту-

дентов. Одним из выпущенных в последнее время является, например, учебное пособие «Русский язык в научном стиле технического профиля» профессора Института иностранных языков Харбинского политехнического университета Ван Личжун [1]. Данный учебник содержит фундаментальные знания по математике, физике, химии и одновременно знания по лексике, грамматике и стилистике научного стиля и предназначен для подготовки специалистов по техническому переводу.

Таким образом, особенности преподавания русского языка в Китае формируются факторами субъективного и объективного характера. Субъективизм обусловлен высоким уровнем государственного обеспечения сферы образования в КНР, возможностью работать со студенческой молодёжью Китая, стремление к знаниям, высокий морально-нравственный уровень и любовь к своей стране которой просто восхищают. Объективные особенности связаны с некоторыми различиями в методике преподавания, несмотря на которые китайские студенты показывают хороший уровень владения русским языком. Объективны также трансформации общественно-политического устройства России, оказывающие влияние на культуру и формирование имиджа нашей страны в том числе и в учебниках русского языка как иностранного. Однако важнейшей объективной особенностью преподавания русского языка в Китае остаётся крепкая дружба и стремление к сотрудничеству наших стран, что формирует всё возрастающий интерес к изучению такого трудного и прекрасного языка, как русский.

Список литературы

1. Ван Личжун. Русский язык в научном стиле технического профиля. Шанхай : Shanghai Foreign Language Education Press, 2018. 185 с.
2. Русский язык. Восток. 1. Пекин : Изд-во Университета иностранных языков, 2010. 250 с.
3. Русский язык. Восток. 6. Пекин : Изд-во Университета иностранных языков, 2012. 217 с.

Информация об авторе: *Милёхина Татьяна Алексеевна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия).

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ НАД ТЕКСТОМ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Я. К. Алхасов

г. Баку, Азербайджан

Аннотация. При описании текста в учебных целях следует выделить особые параметры описания, учёт которых позволит сформировать у обучаемых «текстовую» интуицию. Рассматривается категория последовательности, которая позволяет систематизировать усилия учащихся по усвоению схемы предложения в его речевых вариантах.

Ключевые слова: текст, последовательность, порядок слов, инверсия, русский язык как иностранный

Для цитирования: Алхасов Я. К. Особенности работы над текстом при обучении русскому языку как иностранному // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 22–26.

При описании текста для студентов-азербайджанцев необходимо, на наш взгляд, не только опираться на закономерности осмысления текста носителем русского языка, но и постараться взглянуть на язык со стороны. Следует выделить особые параметры описания, учёт которых позволит сформировать у обучаемых «текстовую» интуицию. Мы вправе ожидать от изучающих русский язык студентов-азербайджанцев своеобразной интерференции на уровне текста – тенденции к поиску в русском языке правил соединения предложений, интуитивно осознаваемых ими в родном языке. При этом субституция ещё не сформированных навыков владения изучаемым языком навыками использования родного языка приводит – даже при правильности построения отдельного предложения – к тому, что порождаемый учащимся текст «звучит не по-русски».

Студенты-азербайджанцы, овладевая монологической речью, должны так или иначе связывать предложения между собой. При существующей практике обучения русскому языку студенты-азербайджанцы, зная, что в русском языке относительно свободный порядок слов, с большим трудом, например, квалифицируют предложение с обратным порядком слов как зависимое от контекста, несамостоятельное.

Наличие в тексте групп предложений (имеется в виду текст, порождённый иностранным учащимся) «...является одним из важнейших показателей сформированности механизма построения письменного текста» [2, с. 35]. Изучение сложного синтаксического целого всё более последовательно связывается с задачами развития культуры речи [1; 5; 12], и в этом смысле лингвистика текста, ставшая, по справедливому замечанию Т. М. Николаевой, наукой о правильной коммуникации [8, с. 48], может внести существенный вклад в лингвистические основы методики преподавания русского языка как иностранного.

В. А. Звегинцев справедливо называет сферу описания связного текста «заоблачной языковой областью» [4, с. 19]; Б. А. Маслов отмечает, что не так давно интерес к супрасинтаксису «...большей частью исчерпывался разного рода декларациями и неопределёнными указаниями» [7, с. 103].

Чтобы избежать возможных оценок такого рода, мы берём за основу рассмотрения текста формальные (а потому вполне ощутимые и доступные непосредственному восприятию) критерии, хотя, конечно, в основе структуры текста лежат смысловые отношения. Смысл полностью игнорировать нельзя, нет смысла –

нет текста. Но если в начале предложения употреблён сочинительный союз, выражающий синсемантическую зависимость предложения от контекста, то смысловая зависимость предложения от контекста получает вполне определённую языковую конкретизацию: ведь если бы смысл предложения этого союза не требовал, союз бы и не появился. Мы разделяем мнение И. П. Севбо, считающего, что «...построение систематической лингвистики текста на семантических основаниях было бы, пожалуй, преждевременным» [11, с. 49]. В практике преподавания русского языка студентам-азербайджанцам необходимо ограниченное количество по возможности чётко сформулированных правил, руководствуясь которыми учащиеся могут воспринимать или строить высказывание, включающее несколько предложений.

Такие правила должны быть получены на материале, дающем широкие возможности для переноса сформированных на нём навыков и умений в различные сферы использования языка. Что же мы понимаем под текстом? Текст – это письменное по форме речевое произведение, принадлежащее одному участнику коммуникации, законченное и правильно оформленное.

Опора на письменные источники, несомненно, имеет и свои минусы, но тем не менее в практике лингвистического анализа текста ощутимые результаты получены именно при обращении к письменным, не спонтанно созданным текстам; текстам, появлению которых сопутствовал процесс предварительного обдумывания.

«Выбор письменного текста в качестве материала для анализа обусловлен тем, что письменная речь – это наиболее адекватная форма реализации языковой системы, ибо в устной речи в силу того, что она ситуативна, допустимы различного рода отклонения от существующих норм языка...».

Следует иметь в виду, «...что никакая наука не в состоянии описать и объяснить «поведение» эмпирически фиксируемых индивидуальных феноменов с принципиально бесконечным и постоянно изменяющимся числом свойств» [9, с. 32]. Но это не основание для того, чтобы смириться с невозможностью провести то или иное обобщение, поскольку путём абстрагирования (в нашем случае лингвистического анализа) мы допускаем «...существование таких объектов, которые сами по себе... существовать не могут, но при посредстве которых мы можем получить – по крайней мере, в заданных пределах – вполне достоверные сведения о тех или иных явлениях действительности» [7, с. 36]. Ориентируясь на это положение, мы выделяем текстовую категорию последовательности – понятие в достаточной степени абстрактное, но позволяющее систематизировать огромное, с трудом поддающееся общему исчислению проявление функционирования схемы предложения в его речевых вариантах.

Категория последовательности есть категория текстовая. Текст состоит из смены одиночных предложений и объединённых в группы несамостоятельных предложений. Универсальное свойство любого текста – линейность [7; 11] – позволяет показать возможную роль предложения – минимальной коммуникативной единицы – в монологическом высказывании. Роль эта может быть двоякой: предложение как минимальная коммуникативная единица либо функционирует самостоятельно, либо комплектуется более крупное объединение, являясь лишь составной частью целой группы. Во втором случае предложение содержит формы его несамостоятельности, т.е. показатели его синсемантической. В связи с этим можно несколько видоизменить определение категории последовательности.

С помощью категории последовательности можно описать: а) синтагматические отношения между предложениями, составляющими группу; б) синтагматические отношения между одиночными предложениями и группами предложений; в) парадигматические отношения между возможными вариантами предложений.

Парадигма предложения, выявленная с учётом категории последовательности, базируется на оппозиции синтагматически и семантически независимого (коммуникативно-сильного) предложения коммуникативно-слабому предложению, содержащему сигналы несамостоятельности (изменённый порядок слов, указательные местоимения, сочинительные союзы, местоимения третьего лица, притяжательные местоимения, местоименные наречия, соотносительные слова, неполнота).

Категория последовательности достаточно глобальна и не носит частного грамматического характера. Нет сомнений в том, что любое исследование, имеющее конкретный характер, полезно. Но, как справедливо замечает Т. М. Николаева, «...ключ к текстовой грамматике – это сама идея линейного соположения единиц» [8, с. 18]; «...толчком к выявлению новых категорий и классов и переосмыслению старых явилась, по-видимому, не связность текста, а его линейность» [8, с. 24]. Трудно усомниться в линейном характере статуса текста на любом языке, поэтому утверждение такой линейности может стать действительно бесспорной аксиомой.

Пользуясь понятием категории последовательности, мы, во-первых, предлагаем описание русского текста; во-вторых, ориентируем это описание на дальнейшие возможные сопоставления связи предложений в русском и других языках. В методическом же аспекте экспликация категории последовательности даёт материал для использования в учебном процессе.

Текстовая категория последовательности имеет вполне конкретное содержание, обнаруживающееся в текстовых значениях. Одни значения выявляются лишь в пределах изъятого из контекста предложения, другие – в условиях текстовой ретроспекции.

Кроме общего значения – последовательности, линейности – может быть обнаружен ещё ряд частных значений, которые выявляются в пределах одного предложения. При определении этих значений мы исходим из представленности в предложении сигналов его коммуникативной слабости. Так, наличие в предложении одного из сочинительных союзов свидетельствует о значении координации (*С утра было тепло и солнечно. Но к вечеру погода испортилась*). Изменённый порядок слов сигнализирует о значении инверсионности (*Поступать в технический вуз Самир не хотел*). Неполнота предложения выражает значение инкомплетивности (*Рано утром туристы отправились на вокзал. Они долго спорили у расписания, до какой станции им ехать. Наконец сели на пригородную электричку*). Представленность в предложении местоимений третьего лица (личных, притяжательных), указательных местоимений, местоименных наречий, обозначающих подлежащее, дополнение или обстоятельство, указывает на значение прономинальности (или вторичной номинации в самом общем понимании) (*Он поднялся на восьмой этаж*).

Значения прономинальности и координации не представляют трудностей при выявлении, поскольку каждое характеризуется ограниченным и сравнительно нетрудным для усвоения перечнем форм. Что касается значений инкомплетивности и инверсионности, здесь дело обстоит более сложно. Остановимся на этих значениях. Значение инкомплетивности раскрывается в неполноте предложения. А. М. Пешковский неполноту предложения определяет как случайную и не создающую особой формы [10, с. 353]. Случайность, равно как и типичность, – понятия, для иностранца неприемлемые. Очевидно, определение неполноты предложения для иностранного учащегося должно включать сведения: а) о главных членах предложения; б) о глаголах, требующих дополнения; в) о структуре определительного словосочетания [3, с. 93].

Ознакомление учащегося с двусоставным коммуникативно-сильным предложением (как исходным членом парадигмы), трансформация исходного члена парадигмы в косвенный посредством внесения значения инкомплетивности (опущения одного из главных членов предложения) позволяет дать конкретное представление о реализации одного из способов создания синтагматической зависимости предложения.

Студентов-азербайджанцев обычно знакомят со случаями обязательного управления глаголов. Значения, полученные ими в этой области, могут явиться хорошей основой для усвоения значения инкомплетивности. Случаи «индивидуального сцепления именно данного глагола с данным предлогом и падежом» представляют собой убедительный фон для сравнения с фактами отсутствия дополнения (прямого или косвенного) при глаголе. Например: *Он тщательно мыл руки под краном. Мыл и думал об операции, которую предстояло провести в очень трудных условиях.*

Наконец, знакомство со способами выражения определительных отношений (в частности, с согласованным определением) тоже помогает в последующем правильном маркировании таких неполных предложений, как *На столе лежали две ложки. Мурад выбрал маленькую.*

Значение инверсионности, пожалуй, представляется максимально сложным для усвоения. Понятие порядка слов сравнительно недавно используется при описании русского языка как иностранного: указанный материал до сих пор оценивается скорее как дополнительный, факультативный. Связано ли это с недостаточной определённойостью, которая до сих пор имеет место в оценке сущности порядка слов?

В самом деле, какой же всё-таки порядок слов в русском языке? Носитель языка скажет, что есть прямой и обратный порядок слов. Лингвист, не специализирующийся в области изучения порядка слов, скажет, что порядок слов в русском языке свободный, и приведёт весьма убедительные аргументы (связь свободного порядка слов с развитой флективной морфологией) [10]. Однако лингвист, занимающийся исследованием порядка слов, скажет, что «порядок слов в русском языке не свободен. При разном порядке слов смысл предложения, его коммуникативное назначение оказывается различным» [6, с. 9].

Думается, что применительно к описанию русского языка для преподавания его в азербайджанской аудитории должно быть дано такое определение порядка слов, которое позволяло бы познакомить студентов со значением инверсионности. Это значит, что мы знакомим студентов с порядком слов не только для того, чтобы они правильно понимали смысл читаемого или слушаемого, но и для того, чтобы добавить в формирующуюся у них языковую интуицию ещё один критерий связности речи. Иными словами, если мы расцениваем порядок слов как средство улучшения понимания – это дополнительный, факультативный материал; если же мы относимся к порядку слов как к одному из способов создания связности производимой речи – включение его в учебный процесс является условием обязательным.

Список литературы

1. Абдуллаев К. М. Сложное синтаксическое целое как объект семантико-грамматического анализа // Советская тюркология. 1978. № 5. С. 11–19.
2. Величко Л. И. Работа над текстом на уроках русского языка. М. : Просвещение, 1983. 126 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 348 с.

4. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976. 270 с.
5. Изюмская С. С. Русский язык и культура речи : учебник для вузов. М., 2010. 350 с.
6. Ковтунова И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М. : Просвещение, 1976. 376 с.
7. Маслов Б. А. Проблемы лингвистического анализа связного текста. Таллин, 1975. 180 с.
8. Николаева Т. М. О чём рассказывают нам тексты? М., 2012. 148 с.
9. Ожегова Н. О. Методика обучения восприятия русской речи. М. : Русский язык, 1978. 278 с.
10. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М. : Учпедгиз, 1956. 369 с.
11. Севбо И. П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. М. : Наука, 1969. 190 с.
12. Текучев А. В. Методика русского языка. М. : Просвещение, 1970. 560 с.

Информация об авторе: *Алхасов Яшар Камиль оглу*, доцент, доктор философии, заведующий отделом практики и развития карьеры выпускников Бакинского славянского университета (г. Баку, Азербайджан).

КОМПЛИМЕНТЫ С ЗООНИМАМИ И ФИТОНИМАМИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Л. Г. Брутян

г. Ереван, Армения

Аннотация. Объектом изучения являются комплименты, содержащие сравнения с зоонимами и фитонимами. На материале разных языков, отражающих специфику культуры и ментальности их носителей, показываются сходства и различия в использовании данных групп комплиментов, что актуально и важно, особенно в аспекте межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: речевой акт, комплименты, зоонимы, фитонимы, межкультурная коммуникация, лингвокультура, социокультурный

Для цитирования: Брутян Л. Г. Комплименты с зоонимами и фитонимами: лингвокультурологический анализ // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 27–30.

Сегодня уже не нуждается в доказательстве тезис о том, что качество нашей жизни обусловлено качеством нашего общения, нашей коммуникации. А это напрямую связано с тем, насколько уместно и адекватно – в зависимости от множества социокультурных факторов – используются и интерпретируются коммуникантами речевые акты. Особое место в ряду самых разнообразных актов коммуникации занимает речевой акт комплимента.

Марк Твен говорил: «Услышав хороший комплимент, я могу прожить два месяца». Комплименты – это «любви счастливые моменты», по словам Булата Окуджавы, а по В. В. Маяковскому, – «благородные поступки». Ценность комплимента как речевого действия заключается в том, что он закладывает основу для эффективной коммуникации, устанавливает хорошие отношения с собеседником, располагает его к себе, удовлетворяет важнейшую психологическую потребность человека – потребность в положительных эмоциях, доставляет собеседнику удовольствие, поднимает настроение, имеет воспитательное значение (услышав слова похвалы, человек будет стараться оправдать их), наконец, – поднимает самооценку не только адресата, но и адресанта (ведь нужна определенная доля уверенности в себе, чтобы в других замечать хорошее и озвучивать эти мысли; кроме этого, умение подмечать положительные качества в людях помогает нам видеть больше хорошего в нас самих).

При схожести единой установки – сделать приятное собеседнику – форма выражения комплимента, а также его восприятие зачастую очень отличаются в разных культурах. И это зависит от менталитета носителей той или иной культуры, от принятых в том или ином обществе норм (и табу) в проявлении чувств, в частности, симпатий, а также от культурно-обусловленной специфики лексем, входящих в состав комплиментарного выражения.

В фокусе нашего рассмотрения в настоящей статье – комплименты, содержащие сравнение с зоонимами и фитонимами.

Как справедливо отмечают И. Н. Горелов и К. Ф. Седов, «разное отношение разных народов к животным особенно наглядно проявляется в метафорическом переносе названия животного на человека» [1, с. 132]. В этой связи Е. А. Гутман, Ф. А. Литвин и М. И. Черемисина пишут: «Зооморфизмы разных языков, “ориентированные” на одно и то же реально существующее животное, могут представ-

лять его (и реально представляют) эталоном разных качеств и свойств. Содержание зооморфизмов в каждом данном языке может отличаться от содержания аналогичных зооморфизмов в любом другом языке» [4, с. 148]. И поскольку один и тот же зооморфный код отражает культурную специфику, ментальность той или иной лингвокультуры, комплименты, содержащие **зоонимы**, используются и интерпретируются по-разному в разных языках: часто то, что считается комплиментом в одной культуре, в другой может быть вовсе непонятным и даже оскорбительным. Так, «очень странное впечатление на носителей иной культуры могут произвести некоторые комплименты женщинам. В Индии можно польстить женщине, если сравнить её с коровой, а её походку – с походкой слона. Хороший комплимент японке – сравнение её со змеей, татарке и башкирке – с пиявкой, олицетворяющей совершенство форм и движений. Обращение к женщине “Гусыня!” в русской культуре – оскорбление. В Египте – это ласковый комплимент» [1, с. 132].

В русской культуре овца не вызывает положительных эмоций и ассоциаций, назвать человека овцой «отнюдь не значит сделать комплимент, потому что это в нашей (русской – Л. Б.) культуре характеризует (обычно женщину) как тупую, глупо покорную, следующую за стадом. В китайской же культуре и, соответственно, в языке овца – символ красоты и совершенства, особенно большая и жирная: она послушная, у неё вкусное мясо, она воплощает лучшие добродетели – доброту, коллективизм, самоотверженность, скромность» [5, с. 152]. Змея как для русского, так и армянского сознания – это нечто жальщее и язвительное (“*Она – змея*”), хотя слово употребляется и с положительными коннотациями: “*мудрая как змея*” (в армянском говорят в дословном переводе “*иметь змеиный ум*”). В Японии же змея олицетворяет только положительные качества, в том числе изысканность, поэтому для японки, как уже отмечалось, наилучший комплимент – это сравнение её со змеей: “*красавица-змея*”. Если в Индии, как отмечалось выше, можно польстить женщине, сравнив её с коровой (там это, как известно, священное животное), то в русской и армянской культурах сравнение с коровой отнюдь не является похвальным. Если у казахов сова ассоциируется с рассеянностью и безалаберностью, а пчела со злобностью и недовольством [см. 1, с. 132], то в русском и армянском языковом сознании сова и пчела имеют положительные коннотации: сова символизирует мудрость, а пчела – трудолюбие. Примеры: “*Не случайно по гороскопу ты сова*”, “*Ты трудишься как пчёлка*”. Если в русском языке “*болтать как попугай*”, “*попугайничать*” имеют негативные коннотации, то в узбекской культуре, поэзии «это каноническое любовное обращение к девушке. Там постоянно: “ты – мой обожаемый попугай”, “я готов умереть за один твой взгляд, о жестокий ко мне попугай»» [6, с. 105]. “*Поёшь как соловей*” – хороший комплимент во многих культурах, в том числе в русской и армянской, и не случайно выдающуюся армянскую певицу Гоар Гаспарян называли “армянским соловьём”. “*Какая птица!*” – комплимент молодой женщине, девушке в армянской культуре (используемый в молодёжном сленге), который может быть непонятен во многих других. В русской лингвокультуре “*птичка*”, “*рыбонька*”, “*рыбочка*”, “*сокол*”, “*орлёнок*”, “*орлуша*”, “*орёл*” – это все похвальные и/или ласкательные слова. В Армении комплиментом мужчине является сравнение его со львом, с орлом; маленького ребёнка нежно называют барашком, а комплиментом женщине является сравнение её с ланью.

В связи с различиями в «зооморфном коде» культур (термин Д. Б. Гудкова), в частности, с различным восприятием слона в русской и индийской культурах и, следовательно, разным осмыслением выражения “*ходить, как слон*”, Д. Б. Гудков приводит следующий пример межкультурного коммуникативного сбоя, который чуть было не привёл к межкультурному конфликту. Одна из коллег

автора от своих студентов из Индии услышала следующую характеристику своей походки: *“Вы ходите, как слон”*. Студенты позже объяснили своей русской преподавательнице, для которой походка слона ассоциируется с тяжеловесностью, неуклюжестью и т.п., что имели в виду, что её походка отличается плавностью и исполнена собственного достоинства, уверенности в себе [см. 3, с. 147]. Студенты из Индии сделали своей преподавательнице комплимент, а она, не зная, как воспринимается походка слона в индийской культуре, чуть было не обиделась на своих студентов.

Различны и **фитонимы** в составе комплиментарного дискурса. Так, если в армянской лингвокультуре хорошим комплиментом девушке, молодой женщине является сравнение её с тополем (кстати, то же и в Киргизии), то в России говорят *“стройная как берёза (берёзка)”*. Ср. строчку *“Ты как берёза стройная”* из одноимённого стихотворения Александра Свечкова. Берёза – один из символов России, и не случайно одним из брендов России за рубежом является известный танцевальный ансамбль “Берёзка”, состоящий сплошь из стройных, как на подбор, танцовщиц.

Универсальным, распространённым комплиментом девушке в русской, армянской, английской, а также во многих других лингвокультурах является сравнение её с цветком всех цветов, с розой, поскольку слово *“роза”* «ассоциируется с чем-либо самым красивым, избранным, с какими-либо самыми лучшими качествами, а также с молодостью...» [2, с. 74]. Приведём примеры: *“Ты словно роза!”*, *“Тебя можно сравнить с самым изысканным в мире цветком, с розой, потому что ты так же прекрасна и изящна”*, *“Ты мой прекрасный цветочек, твоя кожа нежна как лепестки роз”*, *“Ты прекрасней всех цветов на свете, / Роза, ты на девушку похожа”* (Валентина Шестопалова). В сравнении с розой всегда выигрывает женщина: *“Даже лепестки майской розы не сравнятся с нежностью твоей кожи!”*, *“Запах твоих волос более приятен, чем запах тысяч роз”*, *“Ты – краше, чем рассвет над садом роз!”*.

В комплиментарных сравнениях с розой встречается иногда и указание на другие её характеристики, хотя сила комплимента от этого не теряется: *“Вашу строгость можно сравнить с шипами роз, но лепестки всё равно всегда остаются нежными”*, *“Ваша строгость как шипы, Ваш образ, как бутон цветка – Вы роза”*. Кстати, в армянском языке есть выражение, которое в буквальном переводе звучит как *“роза-девочка”*, т.е. *“красивая девочка”*, и от армянского эквивалента слова *“роза”* образованы соответствующие женские имена *Вардуи, Вардануш* и др. [ср. 2, с. 74–75].

В “цветочных” комплиментах встречаются и сравнения с другими цветами, особенно с нежными весенними: *“Она мила, как ландыш мая”* (А. С. Пушкин), *“А можно я назову Вас цветком ландыша, потому что Вы действительно такая нежная, такая душистая и весенняя!”*, *“Твои глаза как фиалки!”*. И, конечно же, во многих лингвокультурах встречаются комплименты со словом *“цветок”*: *“Ты прямо как цветочек”*, *“Ты похожа на цветок”*.

А вот пример, который может привести к межкультурному конфликту. В русском языке выражение *“Он выглядит как огурчик”* означает “выглядеть крепким, здоровым, свежим”, тогда как в армянском выражение с тем же словом (в разговорной речи) означает “быть глупым”.

Даже беглое сопоставительное описание комплиментов, содержащих в своем составе зоонимы и фитонимы, позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Дифференцируются комплименты универсальные, во всяком случае, повторяющиеся во многих языках (например, комплименты со словом *“роза”*)

и национально-специфические, обусловленные особым, специфическим восприятием одного и того же компонента – фитонима или зоонима – в разных языках.

2. Выражение с одним и тем же зоонимом может в одной культуре восприниматься как комплимент (например, “*ходить, как слон*” в Индии), а в других – как антикомплимент.

3. Compliments с одним и тем же компонентом, в частности, с зоонимом, могут указывать на разные положительные качества в разных лингвокультурах (например, комплименты со словом “*змея*” в армянском и японском языках).

4. И в рамках одной и той же лингвокультуры встречаются выражения, которые могут быть восприняты, в зависимости от контекста, как со знаком “+”, с положительной оценкой (“*Ты змея*” в смысле “мудрая”), так и со знаком “-”, с негативной оценкой (“*Ты змея*” в смысле “*язвительный человек*”).

5. В структурном отношении рассмотренные типы комплиментов представляют собой в основном эксплицитные сравнения в устойчивых оборотах со сравнительным союзом “*как*”, а также в предложениях с некоторыми лексемами с семантикой сравнения (“*сравнить*” и др.); в некоторых же случаях имеются скрытые, имплицитные сравнения (“*Ты – цветок*”).

В заключение ещё раз подчеркнём важную роль комплиментов в процессе общения, что, в свою очередь, требует глубокого знания их функционирования, особенно в аспекте лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М. : Лабиринт, 2005. 320 с.
2. Грдзелян Р. Р. Слово в ореоле смысла. Ереван : Эдит Принт, 2007. 360 с.
3. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003. 288 с.
4. Гутман Е. А., Литвин Ф. А., Черемисина М. А. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. С. 144–165.
5. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М. : Слово / Slovo, 2008. 341 с.
6. Чуковский К. И. Высокое искусство. М. : Советский писатель, 1968. 384 с.

Информация об авторе: *Брутян Лилит Георгиевна*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языкознания, типологии и теории коммуникации Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения).

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СТАЦИОНАРНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Г. Г. Хисамова

г. Уфа, Россия

Аннотация. В современном русском языке широкое распространение получили структурно неоформленные предложения, описание которых целесообразно осуществлять с учётом функционального и семантико-ситуативного признаков. К таким единицам относятся стационарные высказывания, воспроизводимые единицы языка, характеризующиеся неизменностью лексического состава, регулярной повторяемостью в речевой практике носителей русского языка. Они являются развивающимся явлением современной разговорной речи, что предопределяет актуальность их исследования. Несмотря на многоаспектное изучение стационарных предложений как языковых и речевых феноменов, семантико-ситуативный аспект данных единиц недостаточно изучен. Цель статьи – выявить особенности функционирования стационарных предложений в русском языке и описать их с учётом ситуативной маркированности.

Ключевые слова: коммуникация, синтаксис, стационарные предложения, художественный диалог, В. М. Шукшин

Для цитирования: Хисамова Г. Г. О функционировании стационарных предложений в современном русском языке // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 31–35.

Предложение – многоаспектная синтаксическая единица, для которой характерно единство различных, но взаимосвязанных сторон: семантической, коммуникативной, структурной. Структурный подход не всегда позволяет дать полное и всестороннее описание предложения как синтаксической единицы. В современном русском языке широкое распространение получили структурно неоформленные предложения, описание которых целесообразно, на наш взгляд, осуществлять с учётом семантико-ситуативного признака: «Лишённые внутренней структуры и способности к грамматическому функционированию, слова-предложения выступают как застывшие выражения, не представляющие сами по себе никакого интереса для структурного синтаксиса. Зато они чаще всего обладают необычайно богатым, сложным и тонко нюансированным семантическим содержанием, искупающим их структурную бедность» [7, с. 111].

В синтаксисе русского языка структурно неоформленные предложения получили наименование «нечленимых предложений» [3, с. 506]. Однако функционально-коммуникативный подход к исследованиям фактов языка позволил выделить особую группу синтаксически нечленимых высказываний, которые получили название «стационарных предложений». Впервые данный термин употребил А. М. Пешковский, который под стационарными предложениями понимал такие предложения, которые регулярно воспроизводятся в привычных ситуациях, например: Что с Вами? (в смысле «Не чувствуете ли Вы себя дурно?»), «Будет!» (в смысле «Довольно, хватит»), «Кто кого?» (в смысле «Кто кого одолеет?»), «Чья взяла?» (в том же смысле), «С добрым утром! С праздником!» [6, с. 39].

В соответствии с этим в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой давалось следующее определение стационарных предложений: «Неполное стационарное предложение – клишированное неполное предложение, регулярно воспроизводимое в привычных ситуациях» [1, с. 212].

По мнению Н. В. Черемисиной, специфика стационарных предложений проявляется не только в постоянстве формы и лексического наполнения, но и в их связи с ситуацией, в своеобразии информативности [8, с. 35].

Данные высказывания обладают особым прагматическим потенциалом и являются развивающимся, продуктивным и нормативным явлением современной разговорной речи, типом синтаксического образования, занимающим своё место в системе структурных типов простого предложения [5, с. 161].

Стационарные предложения были предметом специального исследования, но попытки описания носят в основном грамматический характер.

Так, в монографии В. В. Бабайцевой «Явления переходности в грамматике русского языка» [2] стационарные предложения типа «С праздником!» анализируются в числе явлений зоны синкретизма, представляющей оппозицию «полные-неполные предложения» [3, с. 483]. По наблюдениям Л. В. Матевосян, стандартные высказывания «С днём рождения», «С новосельем», «С победой» воспринимаются не как «осколки» полного предложения, а как его варианты, равнозначные соответствующему полному предложению и равноправные с ним, так как предикат «поздравляю» имплицитно содержится в актанте [4, с. 99].

Стационарным предложениям свойственна основная функция предложения – коммуникативная, поскольку они, как и любые предложения, служат средством общения людей. Являясь сжатым выражением определённой информации, они представляют собой своеобразный психологический код. Многие стационарные предложения – это безглагольные конструкции, состоящие из одного знаменательного слова. Содержание таких предложений определённым образом соотносено с действительностью, вследствие чего они обладают категорией предикативности, которая выражается интонационно: «Желаю удачи!», «Внимание!», «Прощу», «Руки вверх!»». С интонационной точки зрения – это самые обычные фразы, представляющие собой сочетания актов, объединённых вокруг одного сильного такта.

Своеобразие стационарных предложений заключается в том, что они обладают специфическими признаками – отсутствием собственных структурных схем, воспроизводимостью, логической и синтаксической нерасчленённостью, постоянством лексического состава, цельностью. Стационарные предложения – знаки ситуаций, а в плане номинативного синтаксиса – знаки поведения человека в обществе: Здравствуйте! С праздником! Спасибо! Всё это позволяет отнести стационарные предложения к синтаксическим единицам и выделить их в особый тип предложения в современном русском языке.

Несмотря на то, что стационарные предложения были предметом специального исследования [4], не все классификации опираются на чёткие критерии и отражают специфику стационарных предложений – в их связи с ситуацией, в своеобразии информации.

Данная статья посвящена особенностям функционирования стационарных предложений с учётом их семантико-ситуативных признаков в современном русском языке.

Стационарные предложения характеризуются высокой частотностью употребления в разговорной речи, а также в языке современной русской художественной литературы, в частности драматургии и в прозаических диалогах персонажей. Материалом для исследования послужила проза В. М. Шукшина.

Стационарные предложения с точки зрения семантики и особенностей употребления в различных ситуациях общения делятся на этикетные и неэтикетные.

При встрече обычно используются такие семантические типы этикетных предложений, как приветствия «Добрый день!», «Привет!», «Какими судьбами?», «Сколько лет, сколько зим!», «Моё почтение!», «Здравия желаю!» и другие.

Например:

«Приходил Захарыч, спрашивал:

– Василий Егорыч дома?

– Иди, Захарыч! – кричал Васека.

Накрывал работу тряпкой и встречал старика.

– Здоровеньки булы! – Так здоровался Захарыч – «по-казацки».

– Здорово, Захарыч» («Стенька Разин») [9, т. 2, с. 23].

При прощании употребляются приветствия «Прощай!», «До завтра!», «Всего хорошего!», «Счастливо!». При расставании часто употребляются напутственные слова «Спокойной ночи!», «Приятных сновидений!», «В добрый час!», «Попутного ветра!», «С щитом вернуться!»:

«– Таков мой совет. А что говорил с нами, про это не пишете. И не говори нигде. Это только испортит дело. Прощай, сын мой. Дай бог удачи» («Мастер») [9, т. 1, с. 505].

Особую группу ситуативных клише составляют поздравления: «С новым годом!», «С днём рождения!», «С юбилеем!». Часто поздравления сопровождаются всевозможными пожеланиями: «Желаем здоровья (счастья, радости)!', «Будьте счастливы!», «Желаю удачи!».

В ситуациях, которые предполагают совокупность форм повседневного поведения человека в быту, на службе, употребляются также этикетные стационарные предложения, означающие извинение: «Простите!», «Извините»; благодарность: «Спасибо!», «Благодарю»; просьбу, приглашение: «Прошу!», «Милости просим!», «Пожалуйста»; советы: «Возьмите себя в руки», «Не падайте духом!»; пожелания: «Ни пуха, ни пера!», «С лёгким паром!», «Хлеб да соль!».

Например:

«Девушка чуть не вывалилась из кабины.

– Саша! Саш!... Там под баллоном какой-то брезент!... Накройся!

– Хорошо! Спасибо!

– На здоровье, – сказал Пашка, закурил и задумался, всматриваясь прищуренными глазами в дорогу» («Классный водитель») [9, т. 2, с. 144].

Этикетные стационарные предложения можно квалифицировать как полиситуативные, функционирующие в бытовых, служебных, обрядовых, зрелищных, спортивных ситуациях. Данное свойство этикетных предложений объясняется тем, что речевой этикет является составной частью внешней культуры общества и обслуживает все сферы человеческого общения.

Помимо полиситуативных предложений, возможно выделение и моноситуативных неэтикетных стационарных предложений. К ним относятся просьбы «Регламент!», вопросы «Кто за?», «Кто против?», которые реализуются в служебной ситуации (на собрании); команды «На старт!», «Марш!», призыв «Шайбу!», которые употребляются в спортивной ситуации (легкоатлетические соревнования, хоккейный матч); призыв «Горько!», который используется в обрядовой ситуации (на свадьбе); просьба «Присядем на дорогу», которая характерна для обрядовой ситуации (перед отъездом куда-либо); одобрение «Браво!», «Бис», которое свойственно для зрелищных ситуаций (на концерте). Так, форма «Слушаю» используется в основном в служебной ситуации:

«– Кхм... – Студент пошевелился.

– Готовы? Давайте, – профессор отвернулся от окна. – Слушаю» («Экзамен») [9, т. 2, с. 31].

Следовательно, неэтикетные стационарные предложения являются ситуативно-закреплёнными, а этикетные – ситуативно-незакреплёнными. Ситуативно-закреплённые предложения, как правило, однозначны («Направо!», «Шагом

марш!)), ситуативно-незакреплённые предложения, наоборот, многозначны; при этом многозначность развивается у них благодаря использованию в различных ситуациях, ср.: «Прошу! (к столу), (извинить), (покорно)»; «Разрешите (представить), (Вам), (откланяться), (пройти), (посмотреть), (взять что-либо)» и т.д. Следует отметить, что многозначность может развиваться в полиситуативных предложениях на базе эмоционального переосмысления (ср.: «Ого!» – для выражения удивления, восхищения).

Исследование синтаксических особенностей художественной прозы В. М. Шукшина позволило выявить функции стационарных предложений в художественном тексте.

Стационарные предложения, употребляясь в диалогах персонажей В. М. Шукшина, способствуют созданию разговорности художественного текста. Персонажи действуют по этикетным и речевым правилам поведения:

«На стук двери Гринька повернул голову, широко улыбнулся старому знакомому:

– А-а! Здорово живёшь!

– Здорово, – весело сказал Кузьма. – Со свиданьем! Очень рад.

– Спасибо! – откликнулся Гринька, не снимая ног со стенки» («Любовины»)

[9, т. 1, с. 27].

Формулы этикета в данном диалоге создают дружескую тональность общения, сохраняют диалектные черты и указывают на социальную принадлежность участников диалога к жителям деревни.

Этикетные стационарные предложения подчиняются законам социально дифференцированного применения языковых единиц:

«Ещё постояли.

– Ну, с богом! – сказал старик.

– Бывай.

Старик пошёл своей дорогой. Иван посмотрел на мать...» («В профиль и анфас») [9, т. 2, с. 321].

Формы этикетных предложений способствуют передаче социальной характеристики персонажа и указывают на возрастные особенности литературных героев. В приведённом контексте форма «С богом!» употребляется преимущественно в речи старшего поколения, что подтверждается пояснением писателя: «сказал старик».

Стационарные предложения в художественном тексте помогают адекватно раскрывать коммуникативное содержание ситуации:

«Закревский опять посмотрел на Марью и при общем молчании пригубил из стакана. Обвёл взглядом настроенные, лукавые лица и сказал:

– А самогон-то горький.

Как будто потолок обвалился – все разом гаркнули:

– Горька!

Егор первый поднялся и, не глядя ни на кого, ждал когда встанет Марья. На крепких плитках его скул заиграл румянец. Марья тоже поднялась... Шум стих. Егор неловко обнял невесту, ткнулся ей куда-то в щеку и сразу сел. Опять заорали... Кто-то стал доказывать, что это надувательство, – так не целуются! Кто-то изъявил желание показать как надо...

– Горька!

Егор уже смелее обнял Марью, крепко поцеловал» («Любовины») [9, т. 1, с. 217].

Стационарное предложение «Горько!» способствует созданию динамики повествования, акцентируя внимание читателей на определённых обрядовых действиях персонажей.

Стационарные предложения в художественном тексте служат средством выражения особой экспрессии:

«Парень вышел на край просеки, остановился. Глянул по сторонам. Посто-
ял немного и скоро-скоро побежал через просеку. И тут навстречу ему поднялся
Никитич.

– Стой! Руки вверх! – громко скомандовал он, чтоб совсем ошарашить
парня» («Охота жить»).

Стационарные предложения, выражающие приказ, команду, имеют яркую
эмоциональную окраску.

Таким образом, своеобразие семантики стационарных предложений связа-
но с социальной регламентированностью и выражением этической, волевой
и эмоциональной реакции говорящего на отдельные слова или поступки собесед-
ника, на ситуацию в целом. В структуре художественного текста стационарные
предложения способствуют созданию разговорности, помогают адекватно рас-
крыть коммуникативное содержание ситуации, выполняют экспрессивные и ха-
рактерологические функции. Их дальнейший анализ поможет более глубокому
исследованию предложения с коммуникативно-прагматической точки зрения.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966. 383 с.
2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М. : Дрофа, 2000. 513 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1970. 580 с.
4. Матевосян Л. Б. Стационарные высказывания как структурная основа речевого общения (на материале русского языка) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 318 с.
5. Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика. Минск : Изд-во БГУ, 2009. 190 с.
6. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М. : Просвещение, 1956. 202 с.
7. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М. : Прогресс, 1988. 294 с.
8. Черемисина Н. В. Стационарные предложения: тенденция к стандарту, типология структур // Исследования по семантике. Уфа : Изд-во БашГУ, 1985. С. 35–41.
9. Шукшин В. М. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Молодая гвардия, 1992–1993. Т. 1. 558 с. ; Т. 2. 557 с.

Информация об авторе: *Хисамова Галия Гильмулловна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета (г. Уфа, Россия).

СЛОВЕСНОЕ ВОССОЗДАНИЕ ЭПОХИ В РОМАНЕ ДМИТРИЯ БЫКОВА «ИЮНЬ»

Е. Ю. Протасова

г. Хельсинки, Финляндия

Аннотация. Исторический роман филолога Д. Л. Быкова «Июнь» изучается с точки зрения лингвистической полифонии и представлений о языке. Методом сплошной выборки отобраны места, в которых говорится о разных языках или цитируется иноязычная речь. Делается попытка понять, намеренно ли такой отбор отражает эпоху или является особенностью авторской манеры. Выясняется, каким именно образом прием переключения кодов играет свою роль в романе.

Ключевые слова: роман Д. Л. Быкова «Июнь», полифония художественного текста, переключение кода, иноязычные вкрапления, стилизация языка эпохи, 1930-е гг.

Для цитирования: Протасова Е. Ю. Словесное воссоздание эпохи в романе Дмитрия Быкова «Июнь» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 36–40.

О языке советского времени поздних 1930-х гг. известно не так уж много. В лингвистической науке это было, в частности, время создания толковых словарей [10], сравнивавших дореволюционное и новое в лексике. Обычно рассматриваются взгляды и статьи отдельных языковедов, эволюционировавшие со временем, но в то же время язык советской эпохи характеризуется по большей части как отражающий те или иные политические события. Повседневная речь описывается в меньшей степени, хотя её вкрапления просматриваются и в речи персонажей художественных произведений, созданных в то время, и в записях интервью с очевидцами происходившего. Точного среза языка сделать, видимо, просто нельзя [11], потому что это всегда конгломерат разных идиостилей, сформировавшихся под влиянием определённой среды и обстоятельств, что совершенно естественно.

Создавая новые тексты, имитирующие речевые приёмы и патетикообразные беллетристические черты некоторого социального слоя, современные авторы пользуются разными средствами, в числе которых прецедентность [5]. Исследователи творчества Дмитрия Львовича Быкова обычно отмечают, что его общественная, журналистская, педагогическая, литературоведческая и собственно писательская деятельность тесно связаны, что мысли, существенные для одной ипостаси, перетекают к персонажам другой [7, 13]. О чём бы он ни писал, это всегда портрет интеллигенции на историческом фоне [8, 9]. В то же время тексты этого автора считаются стилистически выверенными и нередко служат для анализа определённых явлений языка и речи, например, исследуемый нами здесь роман «Июнь» [3] – для изучения вставных конструкций [1], модальных связок [6], винительного падежа [12].

Учёные отмечают, что роман «Июнь» наследует литературной классике, отражая действительность как бы от лица современника, чья точка отсчёта расположена в прошлом, с другой стороны, в книге есть и проекции новейших концепций истории [4]. Название выбрано в связи с нападением Гитлера на СССР 22.06.1941, и читателю очевидно неизбежное, надвигающаяся катастрофа, о которой он знает заведомо больше, чем герои романа, которые тем не менее ощущают

приближение войны. Автор и герой пересекаются и взаимодополняют друг друга [2]. Структура романа, состоящего из четырёх неравнозначных и не сходных по объёму частей вызывает особый интерес у специалистов [14].

Время и место действия – Москва 1930-х гг., в основном 1940–1941 учебный год. Столичная речь всегда отличается от речи провинции, в частности, темпом и скоростью ввода в обиход новых, в том числе заимствованных слов. Задачей настоящей статьи является анализ некоторых лексических особенностей книги, связанных с употреблением слов и выражений, принадлежащих к разным языкам и подязыкам, встречающихся намеренно ради создания особого эффекта окрашенности хроники. Помимо этого, в фокусе нашего внимания оказываются и метарассуждения автора о языке, встречающиеся в романе. Несмотря на некоторые анахронизмы в цитатах и языке, в основном писатель старается придерживаться примет времени и не выходить за рамки дискурса, возможного в описываемый исторический период, однако и не насыщает специально текст словечками, которые можно было бы извлечь из произведений, созданных накануне войны. Поскольку основные герои – филологи, в тексте много цитат, скрытых и явных. Ссылки на мысли разных знаменитых или чем-то примечательных персонажей являются также важной приметой художественной прозы, создаваемой литературоведами.

Повествуется об одном кружке, где собираются поэты, о языке которых автор говорит так: «Это была не заумь, а что-то после зауми, как будто в стране победили заумники и насадили свой язык, но у людей ещё оставался прежний, и поэтому они говорили на странной смеси обывательщины и всяческого дырбуршила» (с. 85). Кружки, в которых обсуждались самые разные вопросы гуманитарной направленности, подпольное стремление продолжить экспериментирование с языком, столь типичное для начала века, в новых и меняющихся советских условиях – примета тогдашней интеллектуальной жизни, играющей с огнём. Быкову дорогá мысль о всемирно значимом вкладе русской культуры в развитие новых литературных направлений и, скорее всего, жаль, что им было отведено такое маленькое окно в канве истории.

Всё же отдельные невозможные, как кажется, сегодня словечки встречаются, например, *сдержанный хихикс* – вм. хихиканье, смех; *обжимон*; *тити-мити*; *а тебе шии*; *кабы не больше*; обращение *старик*; обозначение оценок *неуд* и *пос* вм. «неудовлетворительно» и «посредственно», т.е. двойка и тройка. Кажется, можно отметить, что означенные выражения принадлежали к молодежному сленгу. *Хихикс* доживал свои дни, а другие ещё держались потом, до 1950-х и даже 1960-х. Суффикс -к- обозначает фамильярность, как в гипокористике *Лийка* (с. 97).

Некоторых других персонажей Быков характеризует при помощи просторечных слов: *выключь*, *неть*, *исть*, *без тебе*, *комЭдия*, сибирское высказывание: «По кунде ладошкой гладишь» (с. 165). Население, начавшие активно перемещаться в городах после революции 1917 г., ещё не образовало однородную массу, ещё сохраняло, само того не ведая и, видимо, не вполне стесняясь своего, черты речи, постепенно изгонявшиеся школой. Коммуналки были культурным плавильным котлом.

Но не только современность интересует создателя полотна и его героев. Быков отсылает и к русскому языку Ломоносовского периода, употребляя слова *рацея*, *натура* – и даже к правописанию: *трупъ*. Происходит также спор о том, как называть главу цыган – *баон* (в Ростове) или *баро* (более правильно) (с. 427).

Автор чувствителен и к значениям, передаваемым растягиванием гласного, и отмечает такое произношение: «Гвирцман, ну Гви-ирцман» (с. 45); «по-о-омни»

(с. 256). Здесь передаётся в одном случае просьба, отчаянная мольба, канючение, в другом, вероятно, угроза, завет, отчасти попрек.

Однако прошло уже немало лет с момента установления советской власти с её новоязом для того, чтобы сформировать нового советского человека, новую Москву, отличную от того, что было в России дореволюционной. О манере речи Цветаевой персонаж книги говорит: «Цепкость бывших. Со всеми разговаривала на их языке. Ко всем старалась подольститься; особенно ужасны были её разговоры с водопроводчиком, с электриком... Это был какой-то Афанасьев или Даль – её русский язык, который она считала простонародным; выходило и глупо, и льстиво» (с. 382). Отношение героев к возвращенцам-репатриантам неоднозначное, они и интересны, и ненавистны. Общение с ними интригует: они кажутся то чужими и наивными, то лучшим вариантом самих себя. При этом однозначно отрицается искусственная народность речи, теперь уже несвойственная и самому народу, потому кажущаяся неуместной, ставящей между классами барьер, которого не должно быть.

До сих пор мы рассматривали мозаику речи в пределах русского языка. Теперь обратимся к иным языкам. В интеллигентной среде, как известно, было принято учить в начале века по крайней мере три иностранных языка, обычно в последовательности немецкий – французский – английский, потому что так считалось, во-первых, лучше для произношения, во-вторых, по значимости языков в образовании. Основная техническая литература и публикации по естественным наукам были на немецком, немного на английском, художественную литературу читали по-французски. Те, кто получил образование пораньше или учились в классических гимназиях либо в семинариях, могли знать латынь и древнегреческий. Соответственно, в большинстве романов того времени цитируются произведения или слова на этих языках. В среде коммунистов, мечтавших о мировой революции (к началу 1940-х это было запрещено), был популярен немецкий как язык основоположников марксизма. Что же мы видим у Д. Л. Быкова?

Количественно преобладает французский язык, которым лучше всего могли бы владеть бабушки и дедушки, а также эмигранты. Сын Цветаевой, выросший в Париже, естественным образом вставляет в русскую речь французские слова. Те сленговые слова, которые существовали как заимствования из английского в 1970-е и 1980-е с соответствующим произношением, могли в тот момент придти из французского: *параны* – parents, родители. Иногда объясняется этимология: репетиция от слова *репетэ* [повторять], *мон пер* [мой отец], *адью* (искаж., сленг) [прощай(те)], *Фретийон* [резвушка], *вы ме компрене* [меня понимаете], *ажан* [полицейский → милиционер], *анаиш* [бандит], *ami de tous – ami de personne* [друг всем – друг никому], *laissez-moi* [оставьте меня/мне], *анфан* [ребенок], *анфан террибль* [исчадь ада], *affection* [привязанность], *la corde* [веревка], *nuisible* [вредный]. Определенный колорит за счет употребления этих вкраплений тексту безусловно придается, но стоит отметить, что в речи героя первой части слова преимущественно транслитерированы кириллицей и являются устойчивым сленгом, в то время как сын Цветаевой использует более широкий репертуар и в его речи заимствования в основном не транслитерированы.

Помимо французского, лишь одно немецкое слово в транслитерации – *билд* – ответственный за оформление журнала, оформитель (подчеркивается, что именно на западный манер). *Bild* по-немецки «картина», здесь следовало бы, представляется, сказать *Bildredakteur*, но иностранное слово оборвано, ему придано значение сложного слова. Из итальянского: *Nessun maggior dolore che ricordarsi del tempo felice nella miseria* [Нет большей боли, чем вспоминать о счастливом времени в несчастье], это цитата из «Ада» Данте, её вспоминает Борис, когда Аля

находится в лагере. Из грузинского: «Арави тари оми», აზვავთაბო თბო, или «Никакой войны» на родном языке адресата, т.е. Сталина.

В третьей части огромное количество самых разных мыслей о языке формальном и неформальном, о возникновении смыслов из случайного соположения букв и частей слов. Центральное лицо – Игнатий Крастышевский – имеет способность к сверхписательству. Возникает квинтэссенция игры со словами: «Каким отличным делом стало бы сверхписательство, если бы с его помощью можно было уговорить любую женщину, обольстить начальство, выколотить повышенную зарплату! Жизнь превратилась бы в непрерывную конкуренцию словотворцев, а общение свелось бы к обмену заговорами вроде: “Принеси свою горь, унеси мою хворь, пусти по морю синему, по ливню линему, по бивню бинему” – “Вон, моя вонь, дон, моя донь, по песку крупичату, по мыску язычату!”» (с. 460). Это снова заумь, но и псевдофольклор. Обладая безупречной памятью и аналитическим умом, полностью раскрывает манеру Сталина.

Поскольку главный персонаж происходит из поляков, его прошлое сопровождается рассуждениями типа: «Дома никогда не говорили по-польски, но польский был всосан с молоком матери; вероятно, подсознательно Крастышевский его знал» (с. 484-485); герой пытается вспомнить польские слова (*Skonać? patychmiast? grędko?*), любит Польшу, а люди с польскими фамилиями кажутся ему своими, неопасными, из писателей-современников выделяет Олешу (с. 488). В конце сообщается, что он достаточно хорошо владеет санскритом – языком, спущенным с небес, где фонемы имеют собственное значение.

Быков от лица героя сообщает, что понял исключительную зависимость русских от устного слова: «Слово стояло в центре русского мира, служа универсальной компенсацией. Большинство названий русских романов содержало “и” – “Преступление и мир”, “Война и дети”, “Отцы и думы”, “Былое и наказание”, – но это было “и” в значении “зато”: война, зато какие дети! Отцы, зато какие думы! Мы живем вот так – зато какое у нас слово! “Зато” было более важным, более значимым словом, нежели “авось”» (с. 457). В перепутывании названий содержится, вероятно, намёк на психический недуг, постепенно раздирающий сознание персонажа.

В своих размышлениях Крастышевский пытается найти могущественное сочетание слов, отнимающее жизнь. Он вспоминает о ругательствах, способных при произнесении снять боль, но бессильных на бумаге. Интересуясь различными заговорами и народными легендами, он понимает: «Человеку, овладевающему главной тайной языка, к которой лишь приблизился Хлебников, к которой даже не подошёл Якобсон, – не было нужды в отвлечениях» (с. 460). Видимо, перед смертью сумасшедший гений произносит наконец обретенные звуко сочетания, которые должны спасти страну и людей: *Ажгуххр! Ахрр! Ахрр! Ажгун! Гррахр! Шррруггр! Гррастр! Трррубр! Андадавр!* Этим как бы завешается предвоенное развитие мышления и литературно-языкового творчества, наступает другая эпоха с иными ориентирами и словами.

Быков создал сложную конструкцию, в которой стилизация начинается с оформления обложки и подбора шрифта. Отсутствие оглавления предостерегает читателя от слишком поспешного понимания композиционного устройства книги. В конце концов оказывается, что в речевые игры играли с читателем, смешивая строчки разных авторов, звуки, знакомое по другим книгам и фильмам и авторские изобретения. В результате получился достаточно достоверный портрет предвоенной Москвы, где нет спокойной нормальной жизни, много надежд, обречённых не сбыться, и задатков, которым не развиваться.

Список литературы

1. Аписарова Д. Ю. Вставные конструкции как способ реализации авторского намерения в романе Д. Л. Быкова «Июнь» // Русская словесность и современная школа: научно-методический журнал кафедры русского языка и литературы Набережночелнинского гос. пед. ун-та. 2020. № 4. С. 26–30.
2. Бирюкова Е. С., Гримова О. А. «Июнь» Д. Быкова как метароман // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития / под ред. В. П. Абрамова [и др.]. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2019. С. 234–237.
3. Быков Д. Л. Июнь. М. : АСТ, 2018. 507 с.
4. Веппе Л. А. Отражение тенденций современной теории истории в романе Д. Быкова «Июнь» // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 8. С. 138–143.
5. Выровцева Е. Прецедентность как способ выражения позиции автора в медиатексте // Мультимедийная журналистика: медиакоммуникации и медиаиндустрия. Минск : Белорусский гос. ун-т, 2019. С. 266–270.
6. Герасимова Н. И. Роль модальных связок в составном именном сказуемом в романе Д. Л. Быкова «Июнь» // Актуальные проблемы культуры речи / отв. ред. И. С. Папуша. Набережные Челны : Набережночелнинский гос. пед. ун-т, 2020. С. 164–169.
7. Григорьева Е. А. Автокомментарий как составляющая творческого поведения Дмитрия Быкова // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2013. № 3. С. 10–20.
8. Кульгавчук М. В. Продолжение следует (некоторые размышления о творчестве Дмитрия Быкова) // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2014. № 4. С. 94–100.
9. Литовская М. А. «Прошлое плюс будущее минус настоящее»: имперская идея в российском романе 2000-х годов // Уральский филологический вестник. Сер.: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2012. № 1. С. 135–147.
10. Никитин О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг.: борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) // Мир русского слова. 2016. № 3. С. 27–40.
11. Панфилова Т. И. Сопоставительное исследование корпусов русского литературного языка двух периодов: с 1900-х гг. по 1930-е гг. и с 1990-х гг. по настоящее время на платформе txtm // Прикладная лингвистика. Новосибирск : Новосибирский нац. исслед. гос. ун-т, 2020. С. 17–18.
12. Соловьева В. Ю. Винительный падеж со значением превращения в связочно-субстантивном сказуемом в произведениях Д. Быкова // Лексикология русского языка и стилистика художественного текста : сб. материалов Всерос. науч. конф. студентов, аспирантов, преподавателей, посвящ. 100-летию со дня рождения профессора А. Н. Кожина и 90-летию со дня рождения профессора М. Ф. Тузовой / отв. ред. Н. Б. Самсонов. Мытищи, 2019. С. 235–240.
13. Шакиров С. М. Методический и методологический аспекты медиастратегии Дмитрия Быкова // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 4. С. 268–276.
14. Шпак Е. А., Голикова Л. П. Специфика жанра четырёхчастного романа Д. Быкова «Июнь» // Актуальные проблемы современной филологии: теория, практика, перспективы развития / под ред. Е. Н. Рядчиковой. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2018. С. 276–279.

Информация об авторе: *Протасова Екатерина Юрьевна*, доктор педагогических наук, доцент, профессор-адъюнкт Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИГРЫ КАК СПОСОБ ДЛЯ ЛУЧШЕГО ЗАПОМИНАНИЯ НОВЫХ СЛОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЛЕКСИКЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКИМ ЯЗЫКОМ СО СТУДЕНТАМИ АКАДЕМИИ НАРОДНОЙ ПОЛИЦИИ

Ву Тхи Нгок Хоа

г. Ханой, Вьетнам

Аннотация. Рассматривается эффективность использования лексических игр для лучшего запоминания новых слов при обучении лексике на начальном этапе на занятиях русского языка со студентами Академии народной полиции. Применение таких игр способствует запоминанию и графического, и фонетического образа слова, его произношению и активизации новой лексики. Также приводится пример лексических игр, которые преподаватели могут использовать на занятиях русского языка по обучению лексике.

Ключевые слова: лексика, русский язык, лексические игры

Для цитирования: Ву Тхи Нгок Хоа. Лексические игры как способ для лучшего запоминания новых слов при обучении лексике на начальном этапе на занятиях русским языком со студентами Академии народной полиции // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 41–46.

Общение на русском языке как иностранном не может иметь место без наличия у студентов определённого запаса слов, а также умений пользоваться ими в разных видах речевой деятельности. Поэтому работе над лексической стороной речи и установлению лексического минимума на всех этапах обучения русскому языку как иностранному отводится особое место.

Традиционно работа над лексикой включает в себя три стадии: введение, закрепление и активизацию лексической единицы в речи. На этапе введения новых лексических единиц осуществляется ознакомление студентов со звуковой и графической стороной слова, а также семантизация новых слов с помощью беспереводных (наглядность, словообразовательный анализ, толкование, включение в контекст, подбор синонимов, антонимов) и переводных приёмов [5, с. 18]. Очевидно, что подбор синонимов, антонимов и т.п. весьма ограничен на начальном этапе в силу ограниченного запаса слов учащихся. Важным фактором является опора на контекст, что способствует формированию языковой догадки [2, с. 183]. Безусловно выбор того или иного приёма определяется особенностью лексической единицы, а также объёмом словаря, который имеется у студента.

На этапе закрепления и активизации лексического материала целесообразно использовать упражнения на распознавание, выбор, согласование, сортировку, расположение, воспроизведение контекста, составление словосочетания с новыми словами, дополнение и создание предложения или текста, в том числе с элементами игрового характера, способствующие формированию лексических навыков.

Русский язык является одним из 4 иностранных языков, который преподаётся в Академии народной полиции. Русский язык преподаётся студентам филологических факультетов. С преподавателями сталкиваются некоторые трудности в преподавании русского языка. Во-первых, для студентов русский был для них совершенно новым, неизвестным языком, в то время как тот же английский они, например, начинали изучать ещё в школе. Во-вторых, количество часов, от-

ведённых на преподавание русского языка, было небольшим (8 ч в неделю, всего 255 ч, соответствующих 10 кредитам). В-третьих, у студентов нет мотивированности говорить на русском языке. В-четвёртых, у студентов возникает трудность в изучении русского языка из-за различия в системах двух языков (русского и вьетнамского). Студенты не привыкли к постижению языка флективного типа, к фонетической системе русского языка, к изучению многосложных слов. Уже на первый день занятий вьетнамские студенты слушают, читают, учатся произносить и писать слова, «при этом каждое слово выступает не только как комплекс звуков или букв, а как языковой знак, имеющий план содержания и сочетающийся в предложении с другими словами» [4, с. 129]. Лексика современного русского языка насчитывает огромное количество слов, разнообразных по значению, происхождению, стилистической окраске и употреблению. Соответственно усвоение русской лексики вызывает у наших студентов значительные трудности.

Главная трудность в обучении лексике, с которой сталкиваются наши преподаватели и студенты – это проблема запоминания как можно большего количества новых слов за единицу учебного процесса. Обычно методисты считают, что за один урок учащийся может активно усвоить 12–15 новых слов [2, с. 184]. В аудиториях не хватает времени для запоминания звучания слов, и их написания, и форм слова, и их соединения. Это привело к тому, что преподавателям приходится давать такие задания на дом, как «Запомните дома! Выучите, завтра проверю!» Дома студенты записывают слова на бумажках, вытаскивают их и вспоминают, приклеивают слова на стены комнаты, чтобы видеть «боковым» зрением, развешивают слова по комнате как плакаты. Было много способов. Каждый ищет свой. А многие даже не ищут. Просто не умеют, не знают как это делать.

Для лучшего запоминания необходимо обеспечить повторяемость каждой новой лексической единицы. Добиться этого помогают всевозможные игровые задания [1, 3, 6]. Игра при обучении языку:

- мотивирует деятельность, при которой речь является средством достижения реальной цели;
- увеличивает степень мотивированности учащихся, повышая интерес к самому учебному предмету;
- способствует тому, что учащиеся приобретают знания и речевой опыт не по необходимости, а по собственному желанию;
- даёт возможность учащимся оценить себя на фоне других, создаёт атмосферу здорового соревнования, благодаря чему мобилизуется творческий потенциал учащихся;
- обеспечивает естественную необходимость многократного повторения языкового и речевого материала, усвоение которого необходимо при подготовке к речевой деятельности;
- делает более разнообразным и увлекательным учебный процесс [2, с. 65].

Приведём пример некоторых игровых заданий, работающих в первую очередь именно на запоминание графического и фонетического образа слова, его произнесение и активизацию новой лексики. Кроме того, они способствуют развитию внимания, образной, эмоциональной и логической памяти, что немаловажно при изучении иностранного языка. Большую помощь преподавателю могут оказать разнообразные наборы карточек, открыток, фотографий с изображением людей, животных, предметов, объединённых какой-либо тематикой. Многие задания опираются на принцип «лексика на синтаксической основе» [2, с. 185] и предполагают активизацию какой-либо грамматической конструкции. Многие игры можно провести как соревнование между группами учащихся. В ходе игры названия предметов обязательно проговариваются.

1. СЛОВА С ПЕРЕПУТАННЫМИ БУКВАМИ

Цель. Тренировать правописание изученной лексики.

Подготовка к игре. Преподаватель должен подготовить несколько групп с перепутанными буквами, каждая группа относится к какой-то тематической группе.

Описание игры. Студенты работают индивидуально или в парах. Чтобы отнести слова к какой-то теме, даётся 1 минута на каждую группу слов. Победителем является тот, кто набрал большее количество правильных слов. Примеры.

Вот что я ем на завтрак:

Олмкоо Кисосис

Ьрс Ласат

Айч Ефок

(молоко, сыр, чай, сосиски, салат, кофе).

Альтернатива. Дайте возможность каждой команде подготовить список слов с перепутанными буквами, которые попытаются разгадать другие команды. Каждая группа слов должна объединяться одной темой. Это хороший способ заставить студентов учить новые слова в тексте.

2. Я ПОДГЛЯДЫВАЮ

Цель. Тренировать названия предметов, находящихся в классной комнате, или около неё, или на картинках.

Описание игры. Преподаватель начинает игру со слов:

«Я смотрю и вижу что-то, начинающееся с буквы «П». Студенты пытаются отгадать, что это такое:

– Это пол? – Нет.

– Это портрет? – Нет.

– Это платье? – Да.

Студент, который правильно догадался, затем выбирает другой предмет, который хорошо виден с его места.

Вместо предметов в классной комнате, а также предметов, которые видны из окна, могут быть использованы картинки. Таким образом, вы можете тренировать слова по определённой теме, например, «сад», «улица города», «супермаркет» и т.д.

3. Я ЕДУ В МОСКВУ

Цель. Тренировать существительные и произношение названий российских городов. В альтернативной игре целью является тренировка прилагательных и существительных.

Подготовка к игре. Чтобы провести обзор названий городов, было бы полезно перед игрой провести «урок» географии.

Описание игры. Эту игру можно проводить командами или в парах. Первая команда или первая пара загадывает город и говорит, например: «Я еду в Москву». Другая команда (или лицо) просит: «Пожалуйста, купите мне мороженое», выбирая какое-то существительное, которое начинается с той же буквы, что и город.

Другие примеры:

Команда 1: Я еду в Уфу.

Команда 2: Пожалуйста, купите мне удочку.

Команда 2: Я еду в Петербург.

Команда 1: Пожалуйста, купите мне пирожок.

Меняйте роли, чтобы команда, которая просила что-то, в следующий раз называла город. Дается не более 10 секунд для команды, чтобы задумать город или что-то купить.

Счёт: Одно очко за город, одно очко за покупку чего-то.

Оба участника должны употреблять предложения: «Я еду в ...» и «Пожалуйста, купите мне ...».

Комментарий. Студенты должны выбирать только города, находящиеся в России.

4. Я ОТПРАВИЛСЯ В ГОРОД

Цель. Тренировать навыки слушания и понимания слов, обозначающих названия вещей, которые вы можете купить.

Реализуемый материал. Знание глагольных форм *пошёл* и *купил*, расширенный запас слов – названий предметов, которые вы можете купить.

Описание игры. Первый участник начинает, придумывая что-то, что он мог бы купить в городе. Он говорит:

«Я отправился в город и купил яйца». Второй ученик добавляет: «Я отправился в город и купил яйца и помидоры». Следующий участник добавляет ещё один предмет: «Я отправился в город и купил яйца, помидоры и мороженое в вафельном (бумажном) стаканчике». Так игра продолжается до тех пор, пока кто-нибудь не сделает ошибку.

Комментарий. Напишите список предметов, которые студенты покупают, по мере того, как продолжается игра.

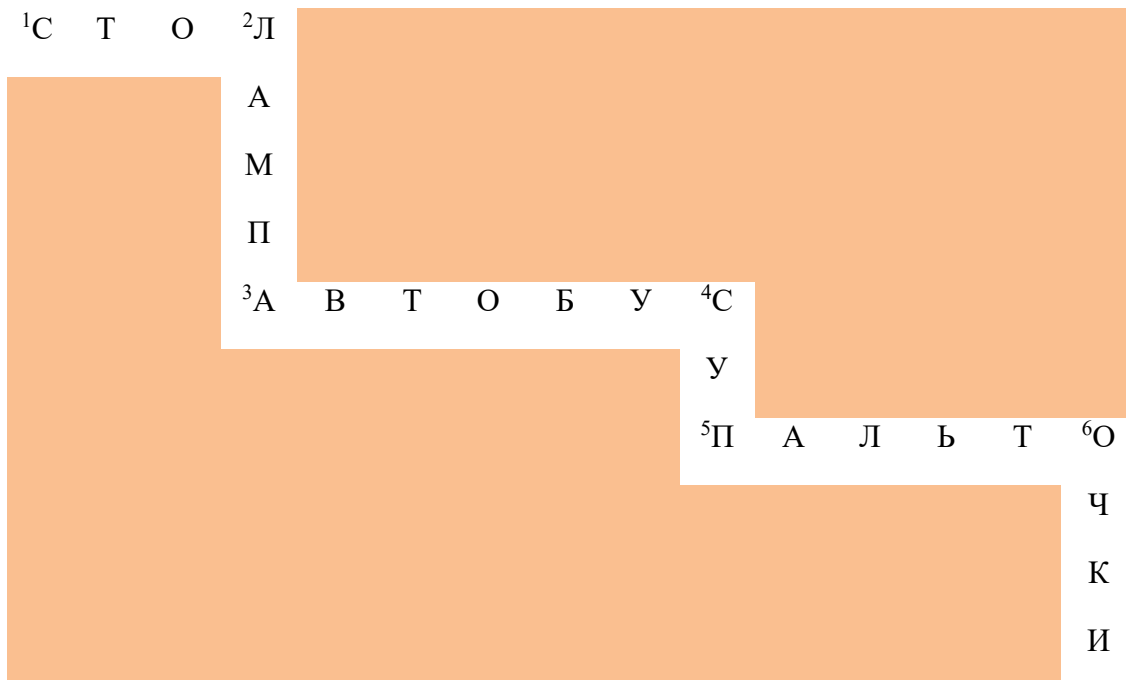
Вы можете играть в эту игру маленькими группами. В большом классе вы не сможете дойти до каждого, прежде чем кто-нибудь не забудет что-то.

5. ЛЕСТНИЦА ПРАВОПИСАНИЯ

Цель. Тренировать правописание слов.

Реализуемый материал. Слова из лексического минимума.

Описание игры. Каждая команда строит на доске «лестницу». Первое слово стол может быть написано заранее. Каждый член команды выходит к доске, чтобы добавить слово к «лестнице», чтобы получилось так:

Засчитайте одно очко за каждую букву в каждом слове, которое правильно написано. Таким образом, длинные слова лучше, чем короткие. Если допущена ошибка в правописании, очко за это слово не присуждается.

Комментарий. Слабой группе можно разрешить пользоваться словарями.

6. СЛОВАРНАЯ ЗМЕЯ

Цель. Тренировать правописание слов.

Реализуемый материал. Словарный запас студентов должен составлять 300–400 слов.

Описание игры. Эта игра похожа на игру в кроссворд, но её легче приспособить к разным правилам и уровням обучения. Каждому студенту нужно иметь несколько «змей».

Преподаватель должен определиться с количеством квадратов. Если студенты сами готовят «змею», проверьте, чтобы у них у всех было одинаковое количество квадратов.

Студенты правильно заполняют «змею» словами так, чтобы не было свободных квадратов, и буквы не выходили за контуры «змеи». Соревнование заключается в том, чтобы определить, сколько студентов могут заполнить «змею» правильно написанными словами за ограниченный период времени, например, за три или четыре минуты.

В таком виде игру можно проводить один или два раза на ранней стадии обучения. Игру также возможно проводить в парах или группах по 3 или 4 человека.

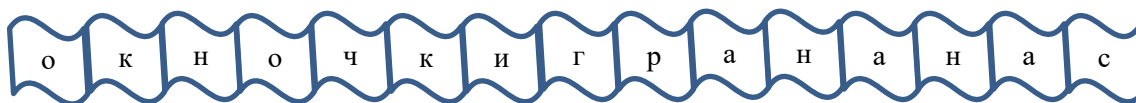
Даётся одно очко за каждое правильно написанное слово, одно очко за каждую букву и снимаются очки за ошибки в правописании.

Альтернативы.

1) Играйте, как указано выше, но употребляйте слова одной темы – погода, спорт, дом, сад, география или одежда.

2) Работайте только с существительными, прилагательными или глаголами.

3) Разделите класс на группы по пять или шесть человек. Каждый студент вписывает только одно слово, передавая «змею» по группе. Двое или трое студентов могут написать больше, чем одно слово. Группа, которая заполнит «змею» первой, является победителем. Такая «змея» будет выглядеть так:

Таким образом, **без разработанной системы работы над словом трудно достигнуть нужного и возможного эффекта в обучении русскому языку как иностранному.** Лексические игры на занятиях русского языка по лексике очень важны. Они вносят разнообразие в учебный процесс и повышают активность и привлекательность студентов. У студентов появляется интерес к русскому языку, желание узнать новое. При этом игровые виды работ выполняют не только развлекательную функцию, но и служат практическим целям. Естественно, что такие занятия, повышают эффективность самих занятий: студенты с удовольствием учатся, легко усваивают материал и развивают все необходимые навыки.

Список литературы

1. Акишина А. А., Каган О. Е. Учимся учить. М. : Русский язык. Курсы, 2002. 256 с.
2. Аркадьева Э. В., Битехтина Н. Б., Вайшнорене Е. В. [и др.]. Живая методика. М. : Русский язык. Курсы, 2005. 336 с.
3. Губанова Т. В., Нивина Е. А. Русский язык в играх : учеб.-метод. пособие. Тамбов : Тамб. гос. техн. ун-т, 2007. 80 с.
4. Капитонова Т. И., Московский Л. В. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки. СПб. : Златоуст, 2006. 272 с.
5. Лебединский С. И., Гербик Л. Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного : учеб. пособие. Минск, 2011. 309 с.
6. Аль-Момани Е. А. Лексическая игра как способ обучения русскому языку как иностранному // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2019. № 7 (64). С. 12–14.

Информация об авторе: *Ву Тхи Нгок Хоа*, магистр, преподаватель русского языка факультета иностранных языков Академии народной полиции Вьетнама (г. Ханой, Вьетнам).

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА

САМАРСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ЛЕКСИКЕ ВТОРИЧНЫХ ГОВОРОВ

Т. Е. Баженова

г. Самара, Россия

Аннотация. Представлены основные этапы создания словаря самарских говоров. Даётся оценка большому вкладу в его создание представителей научной школы В. А. Малаховского. На конкретных примерах показана близость самарских говоров с другими говорами Среднего Поволжья. Утверждается возможность использования материалов тематического словаря в изучении лексики поволжских говоров.

Ключевые слова: диалектология, русские народные говоры, региональный словарь, В. А. Малаховский

Для цитирования: Баженова Т. Е. Самарский региональный словарь как источник сведений о лексике вторичных говоров // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 47–50.

Одним из приоритетных направлений научных исследований языковедов самарской филологической школы является изучение диалектной лексики. Создание областного словаря самарских говоров длительное время было задачей перво-степенной важности. Основа диалектного словаря в Самаре заложена более 80 лет назад профессором Всеволодом Антоновичем Малаховским (1890–1966), очередной юбилей которого мы отмечаем в 2020 году.

На выбор научного направления ученого оказали влияние идеи его учителя А. М. Селищева и сотрудничество с такими выдающимися исследователями живой народной речи, как его коллега и соратник А. Н. Гвоздев. С первых лет своей профессиональной деятельности в педагогическом вузе Самары В. А. Малаховский уделял большое внимание изучению поволжских говоров. Его интерес к диалектной лексике сформировался в 1938–1940 гг., когда в Куйбышеве (Самаре) началось планомерное изучение поволжских говоров. В. А. Малаховский был организатором и активным участником экспедиций, одним из первых в регионе он опробовал методику полевого сбора и картографирования диалектных особенностей, составил первую лингвистическую карту поволжских говоров, уточнив картину их бытования. Им заложена основа картотеки словаря, краткий обзор которой приведен в работе «Говоры Новобуянского района Куйбышевской области» [3]. В ней дана характеристика правобережных говоров самарского Поволжья на основе описания отдельных тематических групп лексики, в дополнение к которым приводятся фонетические, морфологические и синтаксические особенности. Комплексный подход к изучению диалектных единиц различных ярусов берется ученым за основу дальнейших диалектологических исследований и продолжается в диссертациях его учеников Е. В. Ухмылиной (1948), В. Д. Бондалетова (1951), Д. И. Алексеева (1952), выполненных на материале непосредственных наблюдений за говорами Самарской и Ульяновской областей. Каждое из этих ис-

следований содержит описание диалектных фонетических систем с указанием на имеющиеся или намечающиеся тенденции в их развитии. Попутно уделяется внимание лексике говоров: в приложениях к диссертациям приводятся словарные подборки и небольшие словари. Например, в диссертации В. Д. Бондалетова содержится единственный для нашей территории словарь диалектных наименований диких растений, трав, цветов (44 единицы). Комплексный подход к изучению частных диалектных систем использовался задолго до теоретической разработки понятия диалектного языка как о макросистеме, образуемой элементами разных языковых уровней, включая лексический [6, с. 10–11].

Словарные выборки продолжались в период работы над X томом Диалектологического атласа русского языка. Город Куйбышев был центром диалектологической работы в Поволжье, сюда присылались материалы по огромной территории, охватывающей более 1000 населенных пунктов. В. А. Малаховский возглавлял эту работу, и её масштабы определялись незаурядной личностью этого ученого и его выдающимися организаторскими способностями, получившими высокую оценку [7, с. 4–7]. В эти годы шёл активный сбор фактического материала о говорах Среднего Поволжья научной школой В. А. Малаховского и А. Н. Гвоздева. В разные годы активными участниками диалектологических исследований были Д. И. Алексеев, В. Д. Бондалетов, Е. С. Скобликова, О. Д. Кузнецова, М. В. Лабзина (Кривова), Р. С. Канунова (Овчинникова), О. А. Безуглова, Е. Ф. Горбачева (Дасюк), Т. Ф. Зиброва, М. Н. Барабина и многие другие представители самарской филологической школы (подробнее см. [2, с. 9–15; 6, с. 213–215]). На основе собранных материалов была составлена первая диалектологическая хрестоматия с приложением краткого словаря (около 320 слов). Хрестоматию открывала большая вводная статья с описанием основных типологических особенностей самарских говоров и обоснованием их генезиса [4, с. 7–17]. Словарик и хрестоматия В. А. Малаховского долгое время служили основным справочным источником. Стараниями М. Н. Барабиной, О. А. Безугловой, Л. И. Бордуновой и Т. Ф. Зибровой словарь из хрестоматии, а также внепрограммная лексика, извлеченная из материалов диалектологических экспедиций и научных работ (более 2 тыс. слов), были объединены в 1990 г. в составе учебного пособия, подготовленного к 100-летию со дня рождения В. А. Малаховского [5, с. 165–359].

Работа над отдельным изданием регионального словаря была завершена в 2020 году [1]. При составлении словника нами использовались в первую очередь достоверные сведения, полученные экспедиционным путем. Собранный в словаре диалектная лексика (4626 единиц) систематизирована с применением тематического принципа, предполагающего презентацию диалектных слов в составе отдельных предметных областей. Идеографический подход, взятый за основу в словаре, позволяет представить диалектную лексику, во-первых, наиболее полно, во-вторых, с учётом объективно сложившихся системно-структурных связей, в-третьих, открывает широкие возможности исследования лексики вторичных говоров.

Говоры Среднего Поволжья хранят богатейшие запасы культурно-исторической информации. В диалектном словаре самарского края представлена история русского народа, сыгравшего ключевую роль в освоении этого региона. Традиционные занятия и ремесла, трудовая деятельность, особенности духовной культуры, взаимодействие с соседними народами – всё это нашло отражение в диалектной лексике. Память о многих реально существующих и исторически существовавших реалиях материального и нематериального культурного наследия, а также о древних элементах, которые давно утрачены литературным языком и редко встречаются в диалектном языке, сохраняется в диалектном слове. Например, по воспоминаниям старожилов фиксируются наименования деталей про-

стейших ручных орудий труда (соха, плуг, цеп, коса), терминология традиционных занятий (рыболовство, обработка шерсти, конопля и поскони, прядение, валяние), наименования культурных растений, входивших в традиционное земледелие в прошлом (лён, брюква) и др. В самарских говорах в отдельных словах продолжают жить элементы диалектного произношения аффрикат, теперь уже утраченные (например, названия частей цепа: *капица* и *капича*, *цепило*, *тепец* и *чапило*).

На территории самарского Поволжья бытуют говоры окающие и акающие с различными типами материнских основ. Несомненна ценность таких говоров для языкознания – в том, что они позволяют установить тенденции развития русских диалектов и национального языка в целом, выявить устойчивые и быстро изменяющиеся их звенья.

Источником словаря самарских говоров послужили говоры на территории, освоенной русскими после XVI в., для которой характерно размещение говоров небольшими однородными группами, а не сплошными массивами, как в центральной европейской части России, поэтому его составила лексика, генетически разнородная и характеризующаяся широкими связями с говорами других территорий России. Одно совершенно очевидно даже при беглом прочтении словаря – несомненная близость словарного состава самарских говоров с другими говорами Среднего Поволжья. С правобережными ульяновскими, саратовскими, пензенскими говорами их объединяет лексика тематических групп «Погода» (*наволок* ‘облачность, предвестие ненастной погоды’, *наволочно* ‘пасмурно, облачно’, *помоха* ‘неблагоприятные погодные условия, туман в летнюю жару, вызывающий болезнь растений’, *обледеница* ‘ледяная корка, наст’, *шурган* ‘буран, вьюга’), «Ландшафт» (*венец* ‘открытое место на высоком берегу реки’, *кулига* ‘полянка, небольшой участок поля, луга, занятый растениями одного вида, посевами’, *гай* ‘низменное, топкое место, лес в пойме реки’), «Питание» (*кокурка* ‘пресная лепешка’, *салма* ‘каша из муки’, *куряга* ‘сушеные кусочки свеклы, тыквы’), «Семья» (*дедака* ‘дед’, *мамака* ‘мать’, *леля* ‘крёстная мать’), наречия *втупор* ‘тогда’, *восейка* ‘недавно’, *гоже* ‘хорошо’ и др.

Таким образом, «Тематический словарь самарских говоров» – не просто научный труд, это дань памяти тем, кто принимал участие в его создании, воплощение нашей благодарности всем, кто внес посильный вклад в его подготовку, прежде всего – инициатору его создания Всеволоду Антоновичу Малаховскому. С одной стороны, издание словаря представляет собой значимое явление для диалектологии, с другой – заставляет ещё раз обратить внимание на необходимость дальнейшего изучения поволжских говоров.

Список литературы

1. Баженова Т. Е. Тематический словарь самарских говоров. Самара : СГСПУ, 2020. 192 с.
2. Зиброва Т. Ф., Барабина М. Н. Атлас говоров Самарского края : учеб. пособие. Самара : Самарский университет, 2009. 116 с.
3. Малаховский В. А. Говоры Новобуянского района Куйбышевской области // Учёные записки Куйбышевского государственного педагогического института. 1942. Вып. 5. С. 57–90.
4. Малаховский В. А. Куйбышевская областная диалектологическая хрестоматия // Учёные записки Куйбышевского педагогического института. 1957. Вып. 17. 183 с.
5. В. А. Малаховский и изучение говоров Поволжья : учеб. пособие по русской диалектологии / сост.: М. Н. Барабина, О. А. Безуглова, Л. И. Бордунова, Т. Ф. Зиброва. Самара : КГПИ, 1991. 382 с.

6. Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М. : АН СССР, 1964. 306 с.

7. Скобликова Е. С. Всеволод Антонович Малаховский: роль в науке и развитии лингвистического образования // Традиции и новаторство в развитии лингвистической и методической мысли : материалы Междунар. конф. Самара, 2010. С. 3–11.

Информация об авторе: *Баженова Татьяна Евгеньевна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Самарского государственного социально-педагогического университета (г. Самара, Россия).

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПОЛОТНА

С. А. Буцких

г. Тамбов, Россия

Аннотация. Особое место среди крестьянских «женских» работ занимает деятельность, связанная с изготовлением полотна. Предпринимается попытка систематизировать пласт лексики, обслуживающий данные процессы. Наиболее продуктивным по отношению к собранному материалу является тематический принцип, обусловленный непосредственной связью номинаций с экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: диалектология, традиционная народная культура, изготовление полотна, тематический принцип, Тамбовская область

Для цитирования: Буцких С. А. Систематизация лексики изготовления полотна // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 51–53.

Традиционная народная культура является объектом исследования различных направлений научного знания, таких как история, этнолингвистика, лингвогеография, лексикогеография, а также диалектология.

Следует отметить, что быт крестьянской семьи складывался с учётом гендерного признака при выполнении и распределении работ, занятия делились на «мужские» и «женские». Среди последних особое значение имела деятельность, связанная с изготовлением полотна.

Эта тема уже не раз привлекала внимание исследователей, она была рассмотрена на материале Рязанской, Орловской областей [1, 3], в настоящее время ведётся активное изучение на полевом материале Тамбовского региона [5, 6].

Анализ полевого материала, а также осуществленная нами выборка из словарей, имеющих географические пометы, позволили выделить несколько наиболее релевантных принципов для систематизации лексики, связанной с изготовлением полотна на территории Тамбовского региона.

Тематическое / лексико-семантическое деление слов на группы позволяет систематизировать значительную часть лексики по данной теме [4]. Выделенная классификация осуществляется на основе различных признаков. Ведущими являются отношение к растительному и животному сырью, среди которых выделяются номинации, используемые для обозначения самого холста, приспособлений, используемых для его обработки, и процессов, которые осуществляются при его производстве, а также лексемы, характеризующие изготовленное полотно и человека, деятельность которого связана с данной сферой. Практически каждое тематическое объединение может быть разделено на составляющие, характеризующиеся общностью смысловых взаимосвязей и частеречной принадлежности.

На основании семантических связей выделено несколько групп, охватывающих различные уровни процесса изготовления и обработки уже полученного полотна.

В группу I вошли наименования приспособлений, использующихся для обработки растительного и животного материалов, а также изготовленных нитей. Данные лексемы оказалось нецелесообразно распределять по выделенным сферам деятельности, в связи с малочисленным количеством: 1) **воробы, воробье** – «приспособление для сматывания нитей». Ткацкий снаряд для наматывания ниток, устроенный в виде треножника, на остром верш которого прикреплены гори-

горизонтально пересекающиеся деревянные рейки, вращающиеся на стержне, как колесо, по концам реек вбиты стержни, поддерживающие наматываемую нитку» [2, т. 5, с. 103, 104]; 2) **гребень, гребёнка, гребёночка** – приспособление для разделения волокон конопля, шерсти: *И вот эти самые были... греб... ну, греб... гребни, гребёнки. А это какие-то большие гре... вот, на них нанизывали, пряли и ткали. Вот, тогда так было.* (Харлашкина Нина Николаевна, 1935 г. р., с. Вячка, Кирсановский р-н, запись 2016 г.); 3) **плоты** – настил из деревянных бревен, спускаемый на воду, использовался для сушки: *Ну, вот этот, семя-то, яё, бывало, выдержают, обмолят, и мочить в речке спускали, **плоты** делали. И вот так-то и мать моя мучалась. Пряли, ткали.* (Капранова Анна Гурьевна, 1915 г. р., с. Заречье, Пичаевский р-н, запись Махрачевой Т. В., 2001 г.); 4) **ступа** – вертикальное бревно с углублением, в котором разминали коноплю: *Ступа – кудель толкли в ней. Семя сеют, его выбирают, толкут, затем прядут.* (Мешков Николай Гаврилович, 1906 г. р., пос. Советский, Бондарский р-н, запись Махрачевой Т. В., 1995 г.).

В группе II объединены языковые единицы, обозначающие действия и предметы при обработке полотна после изготовления (тканья): 1) **кальга** – «синяя краска для пряжи» [2, т. 13, с. 7]; 2) **красить** – изменять цвет полотна с помощью специального раствора: *Наши бабушки и матеря вязаные юбки носили. Вязали их из шерсти, они были чёрные, красные, зелёные. Красили красками или естественными, вязали их сами.* (Журавлева Нина Петровна, 1913 г. р., с. Куровщина, Бондарский р-н, запись Махрачевой Т. В., 1994 г.); 3) **пакальник** – дерево, используемое для окрашивания ткани в чёрный цвет, дуб: *В лесу пакальник рубили, что облезлая юбка – охота в старой юбке-то ходить, она облезлая. Да вот это пакальник, и туда ложили, и она чёрная. Такое дерева. Деревя. Называется вязок, а эта такой пакальник, его натягиваешь, чтоб он прокипел, чёрный, и опускаешь туда, и в чёрной юбочке идёшь на улицу. У него листочки, они похожи вот на клёна, они поуже, и они, он как... Да. И он невысокий, ну он тоже вот как сирень, если разрастается толстый, большой.* (Маркунина Нина Павловна, 1915 г. р., д. Натальевка, Ржаксинский р-н, запись Махрачевой Т. В., 2001 г.); 4) **сушить** – расстилать полотно для просушивания после вымачивания в воде: *Сами пряли и ткали, и холсты сушили, весной холсты сушили... У кого прялка была, а она в каждом доме была, и донце украшали, кто с веретеном, и на гребне могли вырезать что-нибудь.* (Зазулина Клавдия Ивановна, 1915 г. р., с. Ракша, Моршанский р-н, запись Махрачевой Т. В., 1995 г.).

III группа представлена преимущественно словарной лексикой, имеющей отношение к характеристике уже изготовленного полотна.

Наименования холста с учетом его ширины: 1) **восьмуха** – холст в 8 пасм: *Ткали всё: и как называлось «восьмуха», и «девятьна». И чернуха. Это хвост такой. «Восьмуха» – это на портянки, эт самые толстые.* (Грачева Клавдия Тимофеевна, 1930 г. р., Манаенкова Мария Ивановна, 1921 г. р., д. Казинские Выселки, Мичуринский р-н, запись Махрачевой Т. В., 2004 г.); 2) **двойник** – «холст в двенадцать пасм» [2, т. 7, с. 291]; 3) **девятьна** – холст в девять пасм основ: см. выше; 4) **десятьневый** – «тканый в 10 пасм (о холсте)» [2, т. 8, с. 35]; 5) **десятьна** – «холст шириной в десять пасм» [2, т. 8, с. 35]; 6) **одинщик** – «холст шириной в одиннадцать пасм». Чехлик шили из домотканого холста, сотканного в одиннадцать пасм, из **одинщика**» [2, т. 23, с. 33]; 7) **тройка** – «холст, тканый в 13 нитей». Холст из 13 пасм: самый тонкий из простых, крестьянских. Холст-тройник в 13 пасм в основе» [2, т. 45, с. 118]; 8) **тройник** – «домотканый холст в 13 пасм в основе». *Тройник – это ручное тканье, тройник тонкий, плотный, мало рвется, самое хорошее плотно. Я раньше рубашки только из тройника шила* [2, т. 8, с. 120].

В IV группу выделены номинации, используемые для обозначения человека, занимающегося определенным видом деятельности, причем отдельные единицы наделены субъективной (оценочной) семантикой: 1) **делáва, делáвья** – «деловая женщина; мастерица, рукодельница» [2, т. 7, с. 210]; 2) **колéсник** – «рабочий на пенько-прядильной фабрике, который вертит колесо станка» [2, т. 14, с. 127]; 3) **неудáха** – женщина, которая долго не могла научиться прясть, а также, которая плохо прядёт: *С десяти лет девочек прясть учили, а ткали женщины. Если девочка долго не могла прясть научиться, то её на посиделки не пускали и неудахой называли, и замуж её не очень-то брали.* (Коропева Лидия Степановна, 1932 г.р., д. Гурово, Пичаевский р-н, запись Махрачевой Т. В., 1996 г.).

Таким образом, особенности диалектологической подсистемы национального языка позволили систематизировать материал на основе наиболее продуктивного принципа – тематического, основой для которого послужили лексико-семантические особенности выбранных единиц, а также экстралингвистический фактор, выраженный в неразрывной связи языка с действительностью, который становится наиболее очевидным при анализе ремесленной лексики.

При данной дифференциации лексемы объединены в четыре тематических образования, каждое из которых относится непосредственно к изготовлению или обработке полотна. В отдельную группу входят лексемы, обусловленные одной и той же сферой использования, а также связанные общностью частеречной принадлежности.

Список литературы

1. Алешина Л. А. Лексика коноплеводства в орловских говорах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Орёл, 2001. 253 с.
2. Буцких С. А. Коноплеводство, прядение и ткачество: прошлое и настоящее (исторический, этнографический и лингвистический аспекты) // Экология языка и речи : материалы VIII Междунар. науч. конф. Тамбов, 2019. С. 155–166.
3. Буцких С. А. Тематические образования как способ систематизации лексики трудовой деятельности (на примере коноплеводства, прядения и ткачества) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2020. С. 62–66.
4. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–44. М. ; Л. : Наука, 1965–2013.
5. Чумакова Ю. П. Лексика традиционного ткачества в говорах района «Богословщина» Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика). Рязань, 1995. 228 с.
6. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 53–62.

Информация об авторе: *Буцких Светлана Александровна*, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина (г. Тамбов, Россия).

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ УЧАЩИХСЯ 6 КЛАССОВ ЛИЦЕЯ № 230

Е. М. Вавилова

г. Заречный, Россия

Аннотация. Указывается, какие факторы влияют на речь шестиклассников, а также причины употребления жаргонных слов и выражений.

Ключевые слова: языковой портрет личности, молодёжный сленг, жаргон, заимствования

Для цитирования: Вавилова Е. М. Языковой портрет учащихся 6 классов лицея № 230 // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 54–56.

В последнее время учёные-лингвисты бьют тревогу. В нашей стране катастрофически падает грамотность населения. Во многом это связано с тем, что ускоряется темп жизни, исчезает размеренность, ценится не багаж знаний, а умение быстро получать информацию. Среднестатистическому человеку чтение книг заменили Интернет, аудиокниги, фильмы. Средства массовой информации, бесспорно, влияют на развитие культурного уровня населения.

Нередко, только услышав речь незнакомого нам человека, мы можем составить о нём своеобразное представление. Прочитали ли мы текст, написанный неизвестным, или услышали вживую его слова – перед нами тут же обрисовался портрет его характера. Он, конечно же, пока только условный, но оставил то самое «первое впечатление». Как мы так быстро смогли для себя отметить что-либо о человеке? Ведь мы ещё совсем не знаем его. На самом деле, подсознательно, уже оценили его по языковому портрету личности, который он предоставил.

Важнейшей составляющей речевого портрета языковой личности является характеристика её лексикона, т.е. объёма словаря, диапазона лексических средств, способности уместно и грамотно их использовать в речевой ситуации. В этом плане интересно изучение лексикона шестиклассников. Подростка 12–13 лет ещё нельзя назвать полноценной языковой личностью, так как он только начинает вырабатывать свой неповторимый стиль общения. Поэтому им необходимо научиться выбирать и критически оценивать используемые языковые средства, чтобы выражать свои мысли ярко, образно, убедительно, доступно и в пределах общепринятых норм и правил общения.

Анализ речевых особенностей и речевого поведения представителей той или иной группы позволяет создать речевой портрет языковой личности. Речевой портрет – «это воплощённая в речи языковая личность определённой социальной общности» [1, с. 6].

В лингвистике под «языковой личностью» понимается человек как носитель языка, его способности к речевой деятельности.

Понятие «языковая личность» складывается из способностей человека осуществлять различные виды речемыслительной деятельности и использовать различного рода коммуникации для общения друг с другом и с окружающим миром.

Молодёжный сленг – социальный диалект людей в возрасте 13–22 лет, возникший из противопоставления себя старшему поколению и официальной системе, и отличающийся разговорной, а иногда и грубо-фамильярной окраской.

Например: «велик» – велосипед, «сотик» – сотовый телефон, «дискач» – дискотека, «днюха» – день рождения, «домашка» – домашняя работа, «врубаться» – понимать и т.д.

Жаргон – социальный диалект; отличается от общеразговорного языка специфической лексикой и фразеологией, экспрессивностью оборотов и особым использованием словообразовательных средств, но не обладает собственной фонетической и грамматической системой.

Лексика жаргона строится на базе литературного языка путём метафоризации, переоформления, звукового усечения и т.п., а также активного усвоения иноязычных слов и морфем.

Жаргонизмы отличаются неустойчивостью во времени – одни быстро выходят из употребления, другие появляются и живут много лет. Например: «хвост» – не сданный в срок зачёт или экзамен, «липа» – подделка, фальшивка, «молоток» – молодец, «телек» – телевизор.

К жаргонизмам относятся новые значения слов общеупотребительной лексики: «предки» – родители, «тачка» – автомобиль, «слинять» – незаметно уйти, «баранка» – руль, «фирмовый» – высшего качества, модный и др.

Лексика молодёжного – школьного и студенческого – жаргона сохраняется и постоянно обновляется. Для молодёжной речи конца XX в. были характерны многочисленные англицизмы, нередко намеренно искажённые: «гёрла» – девушка, «вайтовый» – белый, «трузера» – брюки, штаны.

В современном языке жаргон получил широкое распространение, особенно в языке молодёжи.

Например: «крутой» – модный, деловой, «хата» – квартира, «баксы» – доллары, «тачка» – автомобиль, «рвануть» – пойти, «баскет» – баскетбол и т.д.

Причины возникновения жаргона:

1. Развитие сотовой телефонной связи, компьютерных технологий.

Массовое внедрение в середине 1980-х годов в обиход обычного человека персональных компьютеров и компьютерных устройств, внесли в русский язык громадное количество специальных слов и выражений. Появился компьютерный сленг (жаргон) – разновидность сленга, используемого как профессиональными, так и другими пользователями компьютеров. Интернет, его широкие возможности, быстро развивающиеся компьютерные технологии всегда привлекали молодых людей. В связи с этим появляется много новых жаргонизмов. Например: «компьютер» – комп, «струйный принтер» – струйник, «клавиатура» – клавиша, «резак» – записывающее устройство и т.д.

2. Хобби и увлечения молодых людей. Одно из увлечений школьников – музыка. Она является частью их жизни. Жаргонизмы, относящиеся к сфере музыки, содержат названия различных музыкальных стилей. Также во все времена среди школьников популярным остаётся футбол, и в связи с этим тоже не обойтись без жаргонных слов. Например: «махать» – дирижировать, «картошка» – длинная нота, «слил под рояль» – не очень хорошо играл на фортепиано, «мимо кассы» – мимо нот, «репа» – репетиция и др.

3. Общение в соцсетях. Отдельно нужно отметить, что большинство подростков чаще общаются не вживую, а в социальных сетях. Широкое их распространение и глубокое проникновение в жизнь современной молодёжи тоже отразилось на речи. Например: «лайкнуть», «твиттнуть», «чат», «инста» прочно обосновались в нашей повседневной речи.

Жаргонизмы употребляет большая часть населения. Особенно широко используется жаргонизмы в речи молодёжи.

Заемствования в современном русском языке

Но современный русский язык буквально напичкан англицизмами, благодаря масс-медиа, Интернету и индустрии маркетинга. Люди заменяют уже существующие совершенно адекватные русские слова более «крутыми», более привлекательными англо-американскими эквивалентами. Появилось большое количество новых понятий, терминов, прежде всего в области экономики, политики, техники: маркетинг, бизнесмен, прайс-лист, тендер, менеджер, ланч, фреш, мониторинг, геймер, ток-шоу, уик-энд, батл, гаджет и т.д.

Однако многих тревожит засилье иностранных слов в современном русском языке. Зачастую заимствования излишни, вполне можно сказать «встреча» вместо «саммит», «продлить» вместо «пролонгировать», «магазин», «универмаг» вместо «супермаркет» (впрочем, последние два слова тоже заимствованные). А есть ещё слова «спам» (непрошенная, ненужная реклама, рекламный мусор), «фрилансер» (свободный профессионал), «копирайтер» (специалист по написанию рекламных текстов) и т.д. Есть от чего забить тревогу.

Иноязычные слова в речи использовать можно и нужно, но не стоит ими злоупотреблять, а главное, используя заимствованное слово, нужно быть уверенным в том, что значение его понятно. Всем известны слова И. С. Тургенева: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками. Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием: в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса!»

Список литературы

1. Леорда С. В. Речевой портрет современного студента : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 19 с.

Информация об авторе: *Вавилова Елена Михайловна*, учитель русского языка и литературы лицея № 230 (г. Заречный, Россия).

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В НАЗВАНИЯХ КИТАЙСКИХ БЛЮД

Ван Юйин

г. Челябинск, Россия

Аннотация. Исследование посвящено анализу того, как китайская культура отражается в названиях кулинарных блюд. Его актуальность обусловлена увеличением количества межкультурных контактов в разных сферах, в том числе и в гастрономической. Предлагаются примеры названий китайских блюд, которые являются наиболее известными, и описывается история этих названий.

Ключевые слова: гастрономический дискурс, китайская культура, названия китайских блюд

Для цитирования: Ван Юйин. Лингвокультурная составляющая в названиях китайских блюд // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 57–59.

Благодаря разностороннему развитию отношений между Китаем и Россией в последние годы межкультурная коммуникация также привлекает внимание исследователей. Всё больше и больше людей из двух стран изучают язык и культуру партнёров, однако культура питания остаётся на периферии этого внимания. В то же время гастрономия как неотъемлемая часть культуры играет значительную роль в межкультурной коммуникации. В обеих культурах еда представляет не только процесс удовлетворения физиологической потребности, но содержит культурный компонент: традиции, ритуалы, этикет, названия и рецепты кулинарных блюд. В Китае народ считает пищу «своим небом», иными словами, для народа пища – самое главное. Названия китайских блюд отражают китайскую культуру, поскольку связаны с историей и традициями народа.

Китайская кулинария отражает всю тысячелетнюю культурную традицию, имеет долгую историю и известна во всём мире превосходным мастерством кулинаров, разнообразием видов, приятными запахами и зависимостью от местных особенностей. Существуют так называемые восемь видов китайской кухни (中国八大菜系), которые отличаются не только по ингредиентному составу и вкусовым качествам, но и преимущественными способами обработки продуктов питания [4]. Строго говоря, эти восемь видов называются восемь школ, в том числе: шаньдунская (鲁菜), сычуаньская (川菜), гуандонская (粤菜), цзянсуская (苏菜), фуцзяньская (闽菜), чжэцзянская (浙菜), хунаньская (湘菜), аньхуйская (徽菜). У каждой школы своя особенность. По вкусам кухни можно разделить на следующие: шаньдунская – солёный и свежий, сычуаньская – очень острый, вызывающий онемение, гуандонская – утончённый аромат и нейтральный вкус, цзянсуская – лёгкий и слабый, фуцзяньская – свежий и утончённый аромат, чжэцзянская – не жирный и лёгкий, хунаньская – привлекательный аромат и острый, аньхуйская – свежий и острый. У каждого представителя китайской культуры в зависимости от места проживания есть свой предпочитаемый вкус. Для краткого описания особенностей своей кухни сами китайцы обычно используют следующее выражение: 南甜北咸东辣西酸 «на юге сладкая, на севере солёная, на востоке острая, на западе кислая» [2, с. 330].

Название китайского блюда в меню ресторанов нам часто подсказывает, какой вкус самого блюда, например, «糖醋排骨» («Жареные свиные рёбрышки в кисло-сладком соусе»), «辣子鸡» («кусочки тушёной курятины с острым перцем»), «醋溜白菜» («жареная китайская капуста в уксусном соусе»), «酸辣粉» («остро-кислая крахмальная лапша») и т.д. Но не все названия китайских блюд создаются по этой модели. Ли Сыци своей работе выделил шесть основных направлений номинации китайских блюд: 1) по основному продукту; 2) по способам приготовления; 3) по форме; 4) по вкусу; 5) по месту, где блюдо предположительно появилось; 6) по связи с культурным фактом, национальным праздником, событием, персонажем и др. [3, с. 121]. Названия китайских блюд часто вызывают трудность для неносителя китайского языка, потому что для иностранцев источников понимания новых реалий являются именно переводы, к сожалению порой не совсем адекватные [1, с. 90], а в названиях китайских блюд спрятана богатая китайская история. Иностранец не сможет понять из названия в меню, что именно будет приготовлено. В статье мы проанализируем следующие примеры: «羊方藏鱼» («Рыба в баранине»), «松鼠鳜鱼» («Рыба-белка»), «佛跳墙» («Будда прыгает через стену»).

«羊方藏鱼» («Рыба в баранине») принадлежит к цзянсуской школе и называется первым классическим блюдом в китайской традиционной классической кухне. Считается, что этому блюду уже более чем четырёх тысяч лет. По преданию, у Пэна Цзу (внук мифического императора Чжуань-сюя, якобы проживший около 800 лет) было много сыновей, но его самого любимого младшего сына звали Си Дин. Он любил ловить рыбу, но Пэн Цзу беспокоился о том, что Си Дин утонет, поэтому запрещал ходить на рыбалку. Однажды Си Дин ловил рыбу, но боялся получить замечание от отца и умолял маму спрятать рыбу в животе барана, которого тушили в горшке. Когда Пэн Цзу попробовал баранину, то обнаружил, что это блюдо было очень свежее и вкусное. Выяснив причину, он так же приготовил это блюдо. Благодаря ему это блюдо стало «лучшим блюдом в Китае» и его рецепт сохранился до наших дней. Эта история также показывает, как появился иероглиф 鲜 (сянь, вкусный, свежий), который состоит из двух частей: иероглифа 鱼 (юй, рыба) и иероглифа 羊 (ян, баран).

У истории названия блюда «松鼠鳜鱼» («Рыба-белка») есть несколько вариантов, в этой статье мы опишем один из них. Однажды император Цяньлун ехал в Цзяннань (район к югу от реки Янзыцзян), зашёл в ресторан Сун Хэ Лоу. Там увидел много китайских окуней в озере и хотел попробовать. Но эти окуни были специально приготовлены для совершения жертвоприношения, поэтому хозяин ресторана не решался их приготовить, однако и приказ императора не мог быть нарушен. Свита императора обсудила с поваром эту проблему и решила приготовить рыбу похожей на белок, чтобы избежать обвинения в поедании «священной рыбы». Когда блюдо подали на стол, император Цяньлун увидел рыбу в виде белки, особенность была в том, что это блюдо не только имеет свой цвет, аромат, вкус, но и звук: когда жареную рыбу поливают горячим соусом, она издает звуки, похожие на крик белки. Внешне блюдо выглядит так: китайский окунь с поднятой головой и хвостом выложен на тарелке, мясо рыбы очищено от костей и нарезано красивыми сетчатыми узорами. После жарки покрыто томатным соусом. Блюдо относится к кисло-сладкой кухне, снаружи рассыпчатое и хрупокое, внутри –

нежное и свежее. Попробовав, император был очень доволен и рассыпался в похвалах, поэтому это блюдо дошло до нас.

Блюдо под названием «佛跳墙» («Будда прыгает через стену») также известно как «满坛香» («Вся банка наполнена вкусным ароматом») и «福寿全» («Собраны благословение и долголетие») и является известным местным блюдом в городе Фучжоу провинции Фуцзянь. В период Даогуан (династия Цин) чиновник из Фучжоу устроил банкет для чиновника Чжоу Лянь из Фуцзянь. На пиршестве было блюдо под названием «Фу Шоу Цюань», что означает «Собраны благословение и долголетие». Оно готовится из курицы, утки, бараньих локтей, свиных ног и рёбрышек, голубиных яиц и т.д. Чжоу Лянь очень понравилось это блюдо. Придя домой, он сразу же попросил своего повара Чжэн Чуньфа также приготовить такое блюдо. Повар решил изменить рецепт: он уменьшил количество мяса и добавил различные морепродукты, чтобы обогатить вкус этого блюда. Позже Чжэн Чуньфа открыл свой ресторан под названием «Сань Ю Чжай» на восточной улице Фучжоу. Однажды он подал это блюдо на званом обеде, когда собралось много литераторов. Попробовав его, литераторы стали аплодировать, и один из них написал стихи на банкете: «Аромат мяса после открытия банки витает повсюду. Если бы Будда почувствовал такой вкусный запах, он бы перестал читать буддийские сутры и перепрыгнул через стену, чтобы попробовать это блюдо». После того это блюдо стало называться «Будда прыгает через стену», чтобы подчеркнуть превосходный вкус этого блюда.

В Китае есть много подобных наименований, блюда могут быть названы по способам приготовления, по форме, по связи с культурным фактом и событием и т.п. К сожалению, большинство этих блюд в меню ресторанов на русском языке не сохраняют оригинальные названия, поскольку описательный перевод считается самым частотным и успешным способом для перевода китайских блюд. Возможно, это поможет посетителям лучше понять состав и вкус блюда, но приводит к потере национального колорита. Само наименование китайского блюда несёт в себе национально-культурную информацию: историю создания иероглифа, ритуалы и обычаи, а также пожелания. Таким образом, мы видим, что названия китайских блюд содержат не только указание на вкус, способ приготовления и основную ингредиент, но часто включают богатую китайскую культуру.

Список литературы

1. Ван Хэйянь. Русский перевод названий китайских блюд в аспекте транскультурной коммуникации // Вестник калмыцкого университета. 2018. № 38 (2). С. 88–94.
2. Ковалёв Е. Д., Кожевников И. Р. Особенности названий блюд в ресторанных меню на китайском языке (Структурно-семантический и прагматический подходы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7-2 (85). С. 329–333.
3. Ли Сыци, Березовская Е. А. Специфика перевода наименований китайских блюд на русский язык // Язык в сфере профессиональной коммуникации : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2019. С. 119–124.
4. 中国八大菜系简述 (Краткое описание восьми видов китайской кухни). URL: <https://www.meishichina.com/Eat/Culture/200503/2155.html> (дата обращения: 19.01.2021).

Информация об авторе: Ван Юйин, аспирант Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) (г. Челябинск, Россия).

ОСОБЕННОСТИ ЧАСТНОГО ПИСЬМА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ю. А. Васинькина

г. Пенза, Россия

Аннотация. Исследование посвящено анализу писем периода Великой Отечественной войны. Оно проводилось на основе эпистолярного наследия пензенцев, хранящегося в Пензенском государственном краеведческом музее и семейных архивах. Письма данного периода отличаются информативностью, эмоциональностью, исповедальностью и патриотизмом.

Ключевые слова: эпистолярный текст, фронтовое письмо, Великая Отечественная война, структура, содержание

Для цитирования: Васинькина Ю. А. Особенности частного письма периода Великой Отечественной войны // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 60–64.

*Фронтовое письмо, не молчи, расскажи
О жестокой войне и о времени том,
Как сражался солдат, как в окопах он жил,
Как страдал и мечтал, как любил отчий дом...*

В последние десятилетия интерес языковедов направлен на изучение культуры народа с позиций лингвистики, а именно на описание того, каким образом языковые знаки отображают культурные ценности. Фронтовые письма – это своеобразная летопись военных времён. В их строках – дыхание войны, грубость боевых будней и нежность солдатского сердца. Эпистолярное наследие раскрывает «особенности мировоззрения автора документа и той социальной общности, к которой он принадлежит» [4, с. 55], а также особенности письменной культуры того времени. Настоящая работа посвящена изучению писем, созданных красноармейцами в Великую Отечественную войну. Ценность исследования заключается в том, что оно проводится на региональном материале, объектом анализа выступают письма в большинстве своём не опубликованные, хранящиеся в фондах Пензенского государственного краеведческого музея и в семьях жителей нашей области. Мы изучили 50 писем красноармейцев-земляков с точки зрения структурных и содержательных особенностей. В данной статье сохранены орфография и пунктуация авторов писем.

Изучая фронтовые письма, нельзя забывать о военной цензуре, которой пресекались, например, намёки на антисоветскую пропаганду. Однако, читая строки, в которых говорится о чести и самоотверженности и в которых с ненавистью упоминается враг, веришь, что антисоветской пропаганды там быть и не могло. Но, вероятно, солдаты излагали в посланиях не всё, что хотели сказать адресату, или не в той форме, в которой желали бы это сделать.

Изучение писем помогает понять «многие аспекты фронтового опыта, переживаемого человеком» [4, с. 64]. Красноармейцы не скрывали, насколько для них важно получать ответные послания и знать, что в тылу их ждут. Фёдор Шкуров признаётся жене: «*Письмо было для меня лучшей моральной поддержкой*», Николай Сокол пишет будущей супруге: «*Временная разлука должна только укрепить наше будущее. Этим я живу...*». Тёплые ответы отправлял и Р. И. Кисе-

лѐв Марии Карпухиной, которая собирала на фронт посылки с продуктами, носками: *«Сегодня я чувствую и переживаю неисчислимую радость так как получил твое письмо, которое ты написала 16/XII-42 г., что ждал с нетерпением. вот почему я шлю вам свою большую товарищескую благодарность»*. В речевых актах благодарности находит отражение национально-культурная особенность общения.

Традиционно письма содержали зачин (приветствие), основную (содержательную) часть и концовку (прощание). Приветствие и прощание выполняли функцию установления и размыкания контакта и в основном были представлены типичными для этой цели фразами. Однако встречались и необычные зачины. Алексей Тимофеевич Тихонин начинал письма подруге так: *«Добрый день счастливая минута! Здравствуй Шура, Гвардейский привет с пожеланием самого наилучшего в твоей жизни и цветущей юности от Алека»*. К родителям сыновья обращаются почтительно, на «Вы»: *«Мама письмо я Ваше получил за что Вас очень и очень благодарю!»* – пишет Григорий Михайлович Шумилин в 1943 году из блокадного Ленинграда. *«Здравствуйте дорогие родители...»* – а так начинает письмо Константин Захарович Сухов. К адресатам автор письма обычно обращается по имени: *«Здравствуйте, дорогая моя Катя и детки Боря и Валя»* (Сергей Новосельцев). Встречаются модификации антропонимов – *Алек* (Александр Тихонин), *Ринок* (Ирина – сестра О. Б. Семенова).

Завершая письмо, автор обычно желал здоровья родственникам и друзьям, часто с перечислением конкретных имён: *«Передавай привет подругам и той, что в Бутурлинке»*, *«Привет большой-большой Нюсе»* (А. Т. Тихонин), а также высказывали пожелания и просьбы, давали советы: *«Ну будьте здоровы не забывайте о нас»* (Н. А. Шарапов), *«Ну, хорошо, желаю успехов во всем, во всем»* (А. Т. Тихонин), *«Выращивайте овощи, готовьтесь к зиме»* (И. А. Ильин). К. З. Сухов просил прислать махорки и *«сухариков хотя с 4 кг»*, а И. А. Ильин – фотографию.

В самом конце письма чаще всего была подпись – имя адресанта, иногда со словами, указывающими на отношения родства: *«Ваш сын Гриша»* (Г. М. Шумилин), *«Ваш папа И. Ильин»* (И. А. Ильин). Н. И. Белунова отмечала, что подписи в неофициальном письме – это «не только дань этикету, но прежде всего – показатель личных отношений между адресантом и адресатом» [1, с. 487]. Основная, содержательная часть посланий была свободной.

Несмотря на выделенные компоненты писем, их структуру «нельзя считать строгой и устойчивой, поскольку многие тексты создавались в тяжелейших, экстремальных условиях, когда не было времени на то, чтобы сосредоточиться и изложить мысли по плану» [5, с. 184]. Конечно, фронтовики старались уместить в письме всю информацию, которую им хотелось передать в данный момент. Отсюда и политематичность как особенность фронтового эпистолярия. Доминантные темы – семья, межличностные отношения, война, Отечество. Монотематические письма нам встречались редко. Одно из них – поздравление с *«международным коммунистическим женским праздником 8-е марта»* от И. А. Ильина супруге и дочке.

Бойцы в письмах кратко делились фронтовыми новостями: *«За боевую работу часть которой я командую представили к ордену «Красное Знамя». Лично меня тоже представили к пятому ордену «Красное Знамя» как утвердят и получат, так сообщу обязательно»*, – писал жене Н. М. Бубнов. Фёдор Шкуров рассказывает супруге о боевом задании: *«Мы долго сидели в холодных окопах. <...> Теперь мы идём в наступление. На снегу реки горячей крови. На дороге груды человеческих тел. Мороз жуткий. Люди отмараживают руки и ноги. <...>*

Холодный ветер сквозь истертые шинели пронизывает до костей, сваливает с ног. <...> Пули впились рядом с нами, звенели в колючей проволоке. Мы её стригли ножницами. На колючках оставляли клочья шинелей, в кровь раздирали руки и лицо. Гремит канонада, ползут на нашу землю железные чудовища. Из этого боя я вышел живым, но опять надо сражаться». Также в письмах обсуждали семейные новости, которые узнавали от родственников: «Полина 24.01.44 я получил твои два письма из которых в одном написано что 7-го января скончалась мать! Не выдержав этих слов я даже взгрустнул, потому, что непришлось повидаться в последний раз, с ней» (В. З. Сухов). Часто встречаются воспоминания о близких и малой родине: «Шура очень хочется знать как вы живете, как здоровье моей любимой дочки Галички...» (И. А. Ильин), «...напиши мне...все живы или нет и на счет отца как он живет» (К. З. Сухов).

На эпистолярный стиль наложила отпечаток долгая разлука. Значительное место в письмах занимает выражение чувств по отношению к корреспонденту, сообщение об ожидании скорой встречи. Степень эмоциональности писем различна, но восклицательных предложений мало, напряжённость чувств передаётся с помощью лексических средств, часто с применением эпитетов, метафор: «Галичка и Шура в эти суровые дни великой отечественно войны я думаю о Вас. Перед моими глазами прошла вся наша жизнь. Как хорошо было жить! Я работал а мама ухаживала за дочкой и спровляла домашние дела. У нас было всегда хорошо и в достатки» (Иван Ильин); «Как это понять? Ни строчки ни звука. Или забыли меня? ... Я смерти в лицо много раз глядел, не пугался, что не напишите переживу, только правду. Поймите как тяжело мучится неизвестностью» (Фёдор Шкуров). Сугубо информативные письма, имеющие только практическое значение и не несущие эмоциональной нагрузки, нам не встретились.

Иногда в письмах приходилось выяснять отношения, что свойственно людям. Таких посланий с фронта сравнительно немного. Например, Фёдор Шкуров в письме упрекал жену в том, что нет ответа на его многочисленные отправления: «Дорогая Валя. Как это понять? Ни строчки ни звука. Или забыли меня?». С чувством обиды видна в письме тревога, драматически звучат слова: «Ничего-то я не знаю и оттого особенно болит сердце и гложет тоска. Может тебя нет в живых так ребята-бы написали. Крепко целую тебя и детей. Потерял надежду получить от Вас письмо. Мы снова в бой». Важно отметить, что зачастую создание писем зависело не от наличия каких-либо новостей, а от потребности выразить чувства, хотя Н. М. Бубнов справедливо замечал: «...и не опишешь, того, что переживаешь».

Итак, защитники Отечества в письмах предстают как люди, проникнутые чувством ответственности за свою семью, верные Родине с её «широкими полями и зелёными лесами, заводами и фабриками». Лексема Родина занимает одно из важнейших мест в письмах красноармейцев: «Я буду бить немецких акупантов до полного их уничтожения, что бы жить. Но если придется умереть, то Вам не будет стыдна за меня. Вас не кто не упрекнет, что погиб позорно. Я готов умереть за Родину, за то чтобы счастлива жили Вы» (И. А. Ильин), «Не нахожу слов какими можно было бы выразить Вам благодарность за подарок, который я получил, как защитник нашей любимой Родины» (Н. А. Шарапов). Впечатляют высокие слова бойцов, которые, наверняка, надеялись на скорую победу. В письмах ярко проявляется ненависть к фашистам, чаще всего это заметно на лексическом уровне: *двуногое зверье, проклятый гитлер, гитлеровские сбесившиеся шакалы, озверелая немецкая армия, гитлеровские орды зверей, немецкие кровопийцы*. Н. М. Бубнов писал: «...кто из них уцелеет ... закажет потомству, чтобы не совали свиное рыло в наш советский огород». Этноним «немцы» в письмах встреча-

ется часто и во время Великой Отечественной войны имел резко отрицательную коннотацию.

Синтаксический строй писем представлен сочетанием различных типов речи и синтаксических конструкций. Фронтовики стремятся описать какую-либо ситуацию через призму собственного эмоционального состояния, поэтому в письмах преобладает рассуждение. Нередки вопросительные конструкции, отражающие желание автора письма разобраться в нелёгкой реальности: *«Только, Шура, почему ты так пишешь, что меня природа ждет, а разве любимая, мечты о которой ни на минуту не выходят из головы, разве она не ждет?..»* (А. Т. Тихонин). Иногда послание было в стихотворной форме. Вот часть письма А. Т. Тихонина: *«Фронтовые дни хоть и суровы // Рано юность горько потерять; – // Мы привыкли жить без дома-кровя, // Честно биться за отчизну-мать»*.

Отметим, что письма с фронта различаются объёмом. Если не произошло ничего экстраординарного, послания сводились к краткому сообщению о своем здоровье, передаче приветов. Например, Н. М. Бубнов писал: *«Здравствуй Надюшка Люба, Витя! Шлю Вам привет и самое наилучшее пожелание в жизни и работе. Коротко о себе здоров, чувствую себя великолепно дела идут не плохо Фрицев колотим по гвардейски Наука другим будет хорошая. Писем за это время ни откого не получал и с друзьями ни с кем не встречался Передай привет Клаве, Люсе, Людмиле, Рае, бабушке Вере и всем друзьям и знакомы. Будьте здоровы. Целую всех крепко, крепко. 7.3.43 г. Николай»*. Короткие послания встречаются редко – немногословен обычно Иван Алексеевич Ильин. А письма Алексея Тимофеевича Тихонина часто занимают больше двух страниц. Также послания различаются по степени грамотности и логике изложения. Проанализированные документы написаны в целом понятно, разборчивым почерком, но небезошибочно. Из всех писем только письма А. Т. Тихонина являются образцовыми. Интересно, что в его школьном аттестате напротив предмета «русский язык» стоит отметка «хорошо».

Итак, фронтовое письмо – ценный источник по изучению фактов Великой Отечественной войны, жизни и быта защитников Родины. Военные письма «являются носителем духовно-эмоциональных переживаний целого поколения огромной страны, пережившего такое страшное событие» [3, с. 66]. Анализ эпистолярного материала позволяет понять, что чувствовали люди в то страшное время и что помогло им выстоять и победить, а также сформировать «образ фронтовой реальности» [2, с. 54].

Таким образом, проанализировав письма солдат-пензенцев, мы пришли к следующим выводам.

Авторы стараются придерживаться традиционной композиции: приветствие, содержательная часть и прощание. Однако в зависимости от индивидуального стиля пишущего и цели послания первый или последний структурный компонент может отсутствовать.

Переписка выступает документом, в котором отражены общие качества бойцов Красной Армии, прежде всего – невероятный патриотизм и мужество. Солдаты предстают как истинные патриоты, для которых самая главная ценность – жизнь и свобода советского народа. Красноармейцев возмущает вероломное вмешательство Третьего рейха в мирную жизнь людей. В письмах видно, с одной стороны, стремление сполна отомстить врагу за нарушение спокойствия советского народа, с другой, – огромное желание скорее вернуться в родной дом.

Фронтовики нечасто приносили в письма служебные проблемы. Потребность в переписке была больше эмоциональной, нежели практической: общение с родной душой позволяло на время забыть о войне и создавало ощущение, что

близкие люди рядом. В письмах преобладает внимание не к себе, а к адресату. Это находит воплощение в частом использовании его имени, вопросах к нему и советах.

Письма позволяют узнать о фактах Великой Отечественной войны непосредственно от участников боевых действий. По строкам, написанным красноармейцами, можно судить о том, что пришлось пережить всем воевавшим: *«Вы не узнали бы меня, если и увидали. Я белый как лунь. Трудно поверить, что придётся увидеть Вас после такой мясорубки»* (Ф. Шкуров).

В последующем мы продолжим свою исследовательскую деятельность, направленную на изучение документов периода Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Акимова Т. П. Антропонимы в русских частных письмах XIX–XX вв.: специфика употребления // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 486–494. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18842122> (дата обращения: 10.02.2021).

2. Антипов А. Г., Рыбникова Е. Е. Фронтowej эпистолярной как источник русской лингвокультуры // Культурология. 2017. С. 49–55. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32205750> (дата обращения: 10.02.2021).

3. Кузнецов А. С. Фронтowe письма как источник для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 63–68. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27506281> (дата обращения: 10.02.2021).

4. Маркова О. Письма с фронта как документ военной эпохи // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2016. Т. 8, № 12. С. 54–67. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28416802> (дата обращения: 10.02.2021).

5. Родионова И. Г. Язык фронтowych писем бойцов 61-й стрелковой дивизии, сформированной в г. Пензе и сражавшейся на территории Белоруссии // Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. (УО МГПУ им. И. П. Шамякина) / отв. ред. С. Б. Кураш. Мозырь, 2019. С. 182–185.

Информация об авторе: *Васинькина Юлия Андреевна*, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

СОВЕТСКИЕ ИМЕНА УЛИЦ В СОВРЕМЕННОЙ ГОРЛОВКЕ

И. А. Герасименко, А. В. Пивень

г. Горловка

Аннотация. Исследование посвящено комплексному исследованию топонимов-советизмов города Горловки как части ономастического пространства города. Представлена типология советских названий улиц, подкреплённая примерами.

Ключевые слова: топоним, меморатив, демонстратив, советизм

Для цитирования: Герасименко И. А., Пивень А. В. Советские имена улиц в современной Горловке // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 65–68.

В современной парадигме исследования языка большое значение отводится изучению лингвокраеведческого аспекта, частью которого является ономастикон города. Известно, что система городских названий складывается в течение длительного периода под действием различных экстралингвистических факторов. «Топонимические названия отображают различные исторические события, под влиянием которых они создавались и трансформировались. Возникновение данных названий – это не случайный процесс, а результат многолетнего жизненного опыта минувших поколений» [2]. В данной работе даётся характеристика советских названий улиц города Горловки и излагается материал относительно мотивации наименований линейных адресных объектов. Наше исследование направлено на анализ лингвокраеведческих фактов, связанных с историей и культурой родного города. Данная область исследования отразилась в работах Е. С. Отина, Т. В. Шмелёвой, Е. П. Багировой, Е. О. Гавриковой, А. В. Калякиной и др. Однако номинации линейных объектов Горловки до сих пор предметно не изучались, что и определяет актуальность нашей работы. Цель исследования – проанализировать и расклассифицировать топонимы города Горловки. Объект исследования – топонимы-советизмы города Горловки. Предмет исследования – типология топонимов-советизмов города Горловки. Результатом исследования является описание топонимов-советизмов города Горловки.

Советские реалии в топонимической номинации города – явление, характеризующее многие города современного Донбасса. Горловка не является исключением.

В работе «Советские имена улиц в современном городе» Т. В. Шмелёва пишет о том, что названия улиц «оказываются в кругу тех явлений, которые следует рассмотреть в контексте советской культуры и её современного восприятия и бытования» [4]. По мнению автора, часть городского ономастикона радикально менялась под влиянием советской действительности. Поэтому в настоящее время мы фактически имеем дело с частью советского наследия, которое хранится как в номинациях внутригородской среды, так и во множестве документов и памятников культуры (об этом см.: [4]). «Имена улиц становятся частью политического словаря эпохи, унифицируя города», – пишет Т. В. Шмелёва [4].

Стоит сказать, что советские топонимы представляют собой демонстративы и меморативы. Демонстративный принцип советизмов основан на иллюстрации новых идеалов и ценностей. Например, площадь *Революции*, ул. *Героическая*, ул. *Братская* и пер. *Братский*, ул. *Гражданская*, пер. *Трудовой*, ул. *Труда*. В свою

очередь, меморативный принцип номинации направлен на увековечивание вождей и героев революции. В современной топонимии Горловки существует достаточно большое количество номинаций, восходящих к именам различных советских деятелей: революционеров, военных, советских деятелей науки и искусства. Например: площадь *Ленина* (пер. *Ленина* и проспект *Ленина*) получили своё название благодаря Владимиру Ильичу Ленину (при рождении Ульянову) – советскому политическому и государственному деятелю, теоретику марксизма, создателю Российской социал-демократической рабочей партии, руководителю Октябрьской революции 1917 года; ул. *Маршала Жукова* именована в честь советского полководца, Маршала Советского Союза, четырежды Героя Советского Союза, кавалера шести орденов Ленина Георгия Константиновича Жукова; ул. *Маршала Бирюзова* носит имя Семёна Семёновича Бирюзова – Маршала Советского Союза, начальника Генштаба Вооружённых сил СССР, имевшего множество государственных и иностранных военных наград; ул. *Маршала Гречко* связана с именем Андрея Антоновича Гречко – советского военного, государственного и партийного деятеля, маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза, Героя Чехословацкой Социалистической Республики, Министра обороны СССР. К примерам данного типа относятся также ул. *Маршала Конева*, ул. *Маршала Москаленко*, ул. *Маршала Неделина*, а также ещё пять номинаций с лексемой *маршал*. Ул. *Генерала Батюка* именована в честь Николая Филипповича Батюка – советского военачальника, командира стрелковой дивизии в годы Великой Отечественной войны, принимавшего участие в обороне Сталинграда; ул. *Маршала Астахова* именована в честь Фёдора Алексеевича Астахова – советского военачальника, маршала авиации, прошедшего Гражданскую и Великую Отечественную войну и получившего много наград за свою боевую доблесть; ул. *Генерала Гурова* и ул. *Гурова* названы в честь Кузьмы Акимовича Гурова – генерала-лейтенанта, Члена Военного совета Южного фронта, а также одного из руководителей обороны Сталинграда и освобождения Донбасса; ул. *Генерала Ефремова* носит имя Михаила Григорьевича Ефремова – советского военачальника, полководца Гражданской и Великой Отечественной войн, Героя Российской Федерации; ул. *Генерала Казарцева* связана с именем советского военачальника, Героя Советского Союза, генерала-полковника Александра Игнатьевича Казарцева; ул. *Генерала Кондратенко* названа в честь Романа Исидоровича Кондратенко – русского генерал-лейтенанта, военного инженера, героя обороны Порт-Артура; ул. *Вострухина* носит имя мастера воздушного боя (лётчика-аса), лейтенанта и Героя Советского Союза Петра Михайловича Вострухина; ул. *Гнилицкой* именована в честь Нины Тимофеевны Гнилицкой – разведчицы, Героя Советского Союза, погибшей под городом Красный Луч в бою с фашистскими захватчиками в 1941 году; ул. *Елены Колесовой* названа в честь советской разведчицы, командира диверсионной группы специального назначения Елены Фёдоровны Колесовой. Примечательным является тот факт, что в память о Елене Фёдоровне были названы улицы в Волгограде, Москве, Ярославле, Крупках и деревне Зоричи Борисовского района Минской области, а также школа № 2 в Крупках. Ул. *Ермачка* носит имя советского партизана Павла Ивановича Ермачкова, награждённого Орденом Красного Знамени. Советские названия улиц Горловки увековечены также именами известных учёных и деятелей искусства. Например, Ул. *Королёва* носит имя Сергея Павловича Королёва – одного из создателей советской ракетно-космической техники обеспечившей стратегический паритет и сделавшей СССР передовой ракетно-космической державой, и ключевой фигурой в освоении человеком космоса. Под руководством С. П. Королёва был организован и запущен первый искусственный спутник Земли и первый советский космонавт Юрий Гага-

рин. С. П. Королёв является дважды Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии. Ул. *Беляева* названа в честь Ивана Петровича Беляева – советского космонавта, заслуженного мастера спорта СССР; ул. *Конёнкова* названа в честь советского скульптора, графика и педагога, «русского Родена» Сергея Тимофеевича Конёнкова, которому присвоено звание народного художника СССР (1958 г.), Героя Социалистического Труда (1964 г.), лауреата Ленинской и Сталинской премий.

Целесообразно отметить, что к числу мемориальных номинаций относятся названия, посвящённые различным памятным датам и вехам отечественной истории: ул. *Первомайская* (2 единицы), ул. *1-й Пятилетки*, ул. *7-го Ноября*, ул. *8-го Марта*, ул. *9-го Мая*, ул. *9-го Января*, ул. *26 Бакинских Комиссаров*, ул. *30 лет ВЛКСМ*, ул. *40 лет Октября*, ул. *40 лет Украины*, ул. *60 лет СССР*, ул. *1905 года* [1].

Отметим, что меморативный принцип именования улиц играет ведущую роль в современном городском ономастиконе. В этой связи Т. В. Шмелёва рассматривает данный феномен с точки зрения культурного сознания жителей. Автор обращает также внимание на тот факт, что данные номинации преимущественно имеют грамматическую форму родительного падежа, называя данный факт «симптомом травмированности языкового сознания родительным падежом» по причине того, что данная тенденция оформления номинаций прослеживается не только в годонимах советского типа, но и других онимах [3]. Например, ул. *Кошевого* и ул. *Олега Кошевого* – распространённое название улиц, которое названо в честь одного из представителей подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», действовавшей в годы Великой Отечественной войны. Известно, что Олег Васильевич Кошевой награждён посмертно званием Героя Советского Союза. Ул. *Сергея Тюленина* носит имя Сергея Гавриловича Тюленина – участника вышеуказанной организации, награждённого званием Героя Советского Союза, Орденом Ленина и медалью «Партизану Отечественной войны»; ул. *Жлобы* и ул. *Дмитрия Жлобы* именованы в честь Дмитрия Петровича Жлобы – советского военачальника, участника Гражданской войны, дважды награждённого Орденом Красного Знамени; ул. *Генерала Вершигоры* названа в честь участника советского партизанского движения времён Великой Отечественной войны, генерала-майора Петра Петровича Вершигоры.

Несмотря на то, что под процесс переименования попало немало внутригородских объектов, годонимы, имеющие советскую окраску, сохранились по сей день. «Удельный вес этих элементов, их «конкуренция» с новыми именами в устной и письменной речи, отношение горожан к тем и другим – всё это в каждом городе сложилось по-своему» [3]. Исходя из вышеизложенного становится очевидной необходимость исследования годонимов с точки зрения культурологии, истории и лингвистики в каждом отдельно взятом городе, что и будет нами принято в дальнейшем.

Список литературы

1. Багирова Е. П., Гаврилова Э. О. Языковой имидж современного города (на материале годонимов и эргонимов г. Тюмень) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1, № 4 (4). С. 43–55.
2. Пивень А. В., Герасименко И. А. Структурно-грамматическая классификация годонимов современной Горловки // Язык и культура : сб. науч. тр. VI Республиканской очно-заоч. науч. конф. (11 ноября 2020 г.). Макеевка, 2020. С. 144–146.

3. Шмелёва Т. В. Советские имена улиц в современном городе // Советское прошлое и культура настоящего : монография : в 2 т. / отв. ред.: Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 2. С. 322–331 (Труды Уральского МИОНа; вып. 21).

Информация об авторах: *Герасименко Ирина Анатольевна*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и славянских языков Горловского института иностранных языков (г. Горловка); *Пивень Анна Витальевна*, магистрант Горловского института иностранных языков (г. Горловка).

ПИСЬМА В. И. ДАЛЯ: КОМПОЗИЦИЯ, ТЕМАТИКА, ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Л. Б. Гурьянова

г. Пенза, Россия

Аннотация. В качестве эмпирической базы исследования выступают частные письма писателя, учёного, лексикографа, этнографа В. И. Даля. Цель статьи – выделить характерные черты элитарной эпистолярной личности художника слова. Его письма, адресованные писателям, издателям, чиновникам, родным, рассматриваются с точки зрения композиции, тематики и языковых особенностей.

Ключевые слова: письмо, эпистолярный, эпистолярная языковая личность, адресат

Для цитирования: Гурьянова Л. Б. Письма В. И. Даля: композиция, тематика, языковые особенности // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 69–76.

В последнее время учёные всё чаще говорят о смене парадигмы в лингвистике, называя главным объектом исследований языковую личность. Известно, что свой вклад в изучение языковой личности внесли отечественные ученые: В. В. Виноградов, Ю. Н. Караулов, А. А. Ворожбитова, В. П. Нерознак, Г. И. Богин и др.

Относительно недавно появился сравнительно новый термин «эпистолярная языковая личность», под которой, по мнению А. В. Курьянович, понимается «автор (адресант) контента эпистолярных текстов – письменных речевых произведений, обладающих ярко-выраженной жанрово-стилевой спецификой и рассматриваемых в качестве вербального ядра дискурса соответствующего типа, который посредством данных текстов осуществляет межличностное и социальное взаимодействие с адресатами в условиях дистанцированной во времени и пространстве коммуникации» [4, с. 258]. Среди характеристик эпистолярной языковой личности персонифицированность и конкретность, рефлексивность сознания, уровень коммуникативной компетентности, свобода дискурсивных проявлений, уровень риторического мастерства и т.д. [4, с. 258–259].

В центре нашего внимания эпистолярная языковая личность русского писателя, этнографа и лексикографа В. И. Даля.

В «Толковый словарь живого великорусского языка» автор включает слово письмо. Рассмотрим одно из его значений: «грамотка, уведомление, сообщение на бумаге, лист южн., зап. писанье, письменная речь, беседа, посылаемая от одного лица другому» [3, с. 113]. Данное значение автор словаря сопровождает пословицей: «Письмецо придет и вестей принесет» [3, с. 113].

Переписка занимала в жизни В. И. Даля важное место, однако, к сожалению, сохранилось сравнительно небольшое количество его писем к различным адресатам, среди которых писатели, издатели, чиновники, родные.

Источником писем для нас стали архив ИРЛИ (электронная версия оригинальных писем В. И. Даля представлена на сайте Петрозаводского университета). Кроме того, некоторые письма В. И. Даля в современной орфографии и пунктуации опубликованы в книге «В. И. Даль. Документы. Письма. Воспоминания».

С композиционной точки зрения письма В. И. Даля не всегда включают обязательные элементы письма.

Известно, что письмо начинается обычно с обращения или приветствия. В письмах В. И. Даля этот элемент является факультативным. Так, в письме Г. П. Данилевскому содержится обращение: «Милостивый Государь, Григорій Петровичь!». Подобного рода обращения, но с другими знаками препинания мы встречаем в письме Н. А. Некрасову: «Милостивый Государь Николай Алексѣевичь!» и в письме к А. А. Скальковскому: «Милостивый Государь Аполлонъ Александровичь». Ещё более развернутое обращение содержится в письме к П. И. Рикарду: «Ваше Высокопревосходительство, Милостивый Государь, Петръ Ивановичь!». Хотя и этот элемент нередко отсутствует в письмах издателям или другим писателям, поэтому кажется, что письмо является продолжением уже начатого когда-то разговора. Так, обращение не встречается в письмах В. И. Даля к А. В. Никитенко, М. Н. Лонгинову, факультативным становится этот элемент в письмах к А. В. Головину. Иногда обращение к адресату мы встречаем во вступлении к письму. Так, послание известному поэту В. А. Жуковскому начинается со слов: «Если бы Вы, Василий Андреевичь, знали, съ какимъ глубокимъ и священнымъ чувствомъ я пишу это *первое* къ Вамъ письмо – то Вы конечно не осудили бы меня за пробѣль, которымъ начинаю письмо это, вмѣсто обычнаго, общепринятаго: «Милостиваго Государя» [2].

Как правило, писатель датирует свои письма, хотя и не всегда. Так, в письмах к А. В. Головину мы находим точные даты с указанием года, например, «8 ноября 1852 года», под одним из ответов ему находим только дату «26 августа», год можно восстановить по тексту письма – 1851. Нет указания на год и в письме Н. А. Некрасову, есть только дата – «23 июня».

Письма В. И. Даля могут быть разными по объёму: от лаконичных до вполне обстоятельных. Как правило, их основная часть посвящена творчеству, службе, житейским проблемам.

Нередко в самом письме В. И. Даль просит передать приветы знакомым ему людям, понимая, что далеко находится от них. Так, в письме В. Ф. Одоевскому от 5 апреля 1837 года он пишет: «Сделайте одолжение, кланяйтесь душевно Жуковскому; кланяйтесь и Плетневу, Краевскому и всем добрым людям, что помнят меня» [1, с. 66].

Иногда перед финальной частью содержатся пожелания и уверения автора, которые в некоторых письмах плавно переходят в подпись: «Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть Вашего Высокопревосходительства покорный слуга В. Даль» (письмо П. И. Рикарду). Одно из пожеланий в письме носит явно религиозный характер: «Сохрани Васъ Богъ и помилуй здѣсь, а насъ тамъ» (письмо М. Н. Лонгинову). В письме к историку А. А. Скальковскому финальная часть письма, переходящая в подпись, расширена до значительного объёма: «Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы хотя за очно съ Вами познакомиться, я покорнѣйше прошу принять меня въ число искреннихъ Вашихъ доброжелателей и сохранивъ меня въ Вашей памяти, принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи моемъ и преданности. В. Даль» [2].

Необходимо отметить, что еще одним элементом письма является подпись, которая может как лаконичной, так и более развёрнутой. Чаще всего этот элемент письма встречается в следующих вариантах: В. Даль, Даль В., Ваш В. Даль. Однако в некоторых письмах она расширяется до «Покорный слуга В. Даль» (письмо Н. А. Некрасову) или «Покорнейший слуга В. Даль» (письмо А. В. Никитенко). В письмах Г. П. Данилевскому и А. В. Головину подпись как элемент композиции отсутствует.

Если рассматривать дошедшие до нас письма В. И. Даля с точки зрения тематики, то они знакомят нас с разными аспектами жизни и деятельности писателя.

Достаточно часто он пишет о своих произведениях. Так, в письме М. П. Погодину от 19 ноября 1840 года он помещает достаточно объёмный список всего того, что им уже написано и напечатано [1, с. 78–80].

Нередко в письмах он делится замыслом будущих произведений. Так, в письме к В. Ф. Одоевскому от 5 апреля 1837 года писатель сообщает, что у него «давно на уме уральский роман; быт и жизнь этого народа, казаков, цветиста, ярка, обильна незнакомыми картинами и жизнью-самородою; это заветный уголок, который должен быть свят каждому русскому» [1, с. 66].

Часто в письмах он искренне переживает, что многие его произведения так и лежат мёртвым грузом в журналах и издательствах. Так, в письме М. П. Погодину от 1 июня 1841 года он не только старается объяснить ему свой подход к созданию художественных произведений, но и горько сетует на то, что читатели не могут познакомиться с ними: «Все повести мои, если угодно взглянуть на них, происходят в краях и странах, мне коротко известных, где я бывал, живал и сам все видел. Я не умею писать полиция на авось; вот почему и не могу слишком бойко и скоро писать или создавать новое. Турция породила *Кассандру* и *Болгарку*; Польша – *Подольнку*; Оренбург – *Мауляну* и *Майну*; Русские Губернии – *Вакха*, *Бедовика*; Малороссия – *Василия Граба*, Южная и Новая Россия – *Мичмана Поцелуева*. Обе последние лежат 3 года у моего издателя» [1, с. 90].

Кроме того, в письмах ему иногда приходится решать и финансовые вопросы. Так, в известном уже письме Н. А. Некрасову он пишет: «Если рѣшусь прислать кой-какія мелочи (Картины изъ Русск. быта), то предоставляю Вамъ высылать мнѣ за нихъ начету наравнѣ съ тѣмъ, что платите другимъ, какъ Григоровичу и пр.» [2].

Нередко в письмах В. И. Даль размышляет о русском языке, который он любил до самозабвения. Так, в письме Г. П. Данилевскому он осуждает отношение многих современных ему писателей к родному языку и удивляется «откуда берётся ... этот не русский склад рѣчи, это непростительное искажение нашего языка, который постепенно слабѣет и пошлѣетъ, при насильственной *перетяжки* его на нѣмецкую *колодку*» [2]. Анализируя некоторые недочёты в их произведениях, он даёт всем им совет: «Писателю надо изучить Церковный языкъ нашъ, также старинный, а всего болѣе народный. Думаю, что безъ этого [въ] /на поприщѣ/ словесности нашей нельзя ступить шагу» [2]. В этом же письме он высказывает мысль о том, что для писателя важно писать на родном языке. Проанализировав произведения украинского писателя и драматурга Г. Ф. Квитко-Основьяненко, В. И. Даль приходит к выводу: «Многословная болтовня его, на природномъ языкѣ, всегда простодушна и умна; на русскомъ же, не рѣдко пошловата» [2].

С большим уважением В. И. Даль вспоминает в письмах о своём друге, великом русском поэте А. С. Пушкине. Так, в письме к М. П. Погодину от 1 июня 1841 года он сообщает о написании «статейки о Пушкине» [1, с. 89], а в письме к В. Ф. Одоевскому от 5 апреля 1837 года он пишет о подаренном ему перстне поэта, который стал для него настоящим талисманом, и о том, какую роль он играет в его жизни: «...как гляну на него, так и пробежит по мне искорка с ног до головы, и хочется приняться за что-нибудь порядочное» [1, с. 66].

В. И. Даль, получив медицинское образование в Дерптском университете, стал высококласным врачом. Впоследствии в Оренбурге он служил чиновником, однако вопросы медицины по-прежнему интересовали его. Так, в письме к М. П. Погодину от 1841 г. он сообщает: «Сию минуту жене кровь кинул и уложил ее...» [1, с. 83], а в письме А. А. Краевскому от 1 сентября 1837 года он обращается к нему с просьбой: «Если случится Вам зайти куда-нибудь в книжную лавку,

то возьмите и пришлите ... наставление лечиться гомеопатически, или Русское лечение, как здесь не дают покою, отвечать я обязан, а допроситься и этой книжки, в числе других, не могу» [1, с. 69].

Известно, что В. И. Даль был автором необычных сочинений. Его «Солдатские досуги» (1843) и «Матросские досуги» (1853) известны как книги, предназначенные для народного чтения. Сам писатель, пройдя через суровые испытания Русско-турецкой войны, понимал, как важно чтение для простых людей. Так, в письме к П. И. Рикарду от 8 ноября 1852 года он просит о том, чтобы «книжка была роздана по Флоту бесплатно, а мнѣ выслано до 20^{ти} экземпляровъ, для задачи знакомымъ» [2]. Речь в письме, вероятно, идёт о «Матросских досугах».

С большим вниманием В. И. Даль относится к творчеству других писателей. Так, в письме А. В. Никитенко он сообщает: «Когда я заходилъ къ Вамъ, съ мѣсяць тому или болѣе, то я еще не успѣлъ поблагодарить за присылку книжечки Вашей, написанной въ благородномъ, безпристрастномъ и изящномъ духѣ. А скоро ли продолженіе?» [2].

Конечно, в письмах он обсуждает и судьбу своего детища – будущего словаря. Наиболее интересно с этой точки зрения письмо М. А. Максимовичу от 12 ноября 1848 года. Он советуется с членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук, размышляет о своём будущем словаре и честно признаётся, как нелёгок его труд: «Для словаря у меня весь планъ такъ обширенъ, что никогда не будетъ исполненъ; напередъ всего, вѣроятно, приступлю къ обработкѣ второй части словаря нарѣчій, потому что этотъ запасъ легче и скорѣе обработать. Думаю отдѣлать малорусскій, бѣлорусскій, затѣмъ разбить великорусскій на Новгородскій, Суздальскій, Казанскій, Сибирскій и пр., подчинить каждому еще нѣсколько мѣстныхъ поднарѣчій; слѣдовало бы тутъ же прибавить церковно-славянскій и старинный русскій – но это для меня трудъ не совѣмъ сподручный, къ которому мало подготовлено; я занимался живымъ. Затѣмъ надо бы издать обратный переводъ: словарь обиходнаго русскаго языка, съ переводомъ на церковный, старинные всѣ нарѣчія... Какъ Вы думаете?» [2].

В письме И. И. Давыдову от 24 сентября 1850 года он пытается объяснить, почему работа над словарём продвигается так медленно: «Пополненіе словаря затрудняетъ меня по большому количеству собранных мною запасовъ. Позвольте мнѣ объяснить прямо и открыто: Если бы я высыпалъ запасы эти – какъ бы они ни были велики – въ Словарь Академіи, то труды и заботы всей жизни моей расплылись бы незамѣтно, и сверхъ того /вовсе не/ въ такомъ видѣ, /не/ въ такомъ порядкѣ и наружной одеждѣ, въ какомъ у меня усиленными и продолжительными трудами приготовлены. Самое внесеніе [ихъ] /десятковъ тысячъ словъ/ съ словарь, съ надлежащею отдѣлкой, трудъ не малый, требующій /и досуга и/ времени; этого нельзя сдѣлать вдругъ, а всего менѣе, когда Словарь уже печатается» [2].

Многое о жизни и деятельности В. И. Даля мы узнаём из его писем к сестре П. И. Шлейден, что позволяет нам понять, каким прекрасным сыном и братом он был.

Так, В. И. Даль постоянно пишет о матери, заботясь о её здоровье и настроении. В письме от 20–25 августа 1835 года он беспокоится о «бедной... маменьке», местоположение которой ему неизвестно, а значит, он не может передать причитающиеся ей деньги, именно поэтому и обращается с просьбой к сестре: «Сделай одолжение, упроси её, чтобы она взяла у вас займы, на дорогу, рублей триста» [1, с. 94–95].

В письме от 7 октября 1835 года В. И. Даль выражает надежду, что маменька доберётся до Оренбурга и поселится у него. Он озабочен тем, как ей удастся добраться до провинциального городка: «Нельзя ли маменьке ехать с ка-

ким-нибудь артельщиком или иным хорошим человеком? Издержки я принимаю на себя...» [1, с. 96]. Сестре он объясняет, что сам не может приехать за ней: «...потому что приходит пора работы моей – зимою – которую здесь поручить некому» [1, с. 96]. Приезд её всё же состоялся, чему Владимир Иванович был рад, но позже в письме сестре он пишет о непростых отношениях маменьки и жены, что его искренне тревожит: «И я и жена всё готовы для неё сделать, но, может быть, не умеем, делаем неладно, не вовремя. Мне признаюсь, кажется, будто она с самого начала не совсем полюбила жену мою, которая право любит её всей душой, но, может быть, не умеет это показать» [1, с. 100]. И приходит к философскому выводу о сложности семейных отношений: «Как это странно и нехорошо на свете, что иногда добрые, хорошие, благомыслящие люди не могут сойтись без всякой вины и причины» [1, с. 100].

Можно предположить, что письма сестре, в основном, посвящены житейским проблемам, однако Паулина Ивановна не только живо интересуется творчеством брата, но и является переводчицей его произведений на немецкий язык.

С ней В. И. Даль откровенно делится разными проблемами. Так, в письме от 20–25 августа 1835 года он с болью пишет: «Будучи удалён от Питера, не могу сладить с печатью и изданием своих рукописей» [1, с. 94].

Из писем к сестре мы узнаем, как постоянно был занят В. И. Даль и как много он успел сделать в своей жизни.

Прежде всего, он постоянно думает, где взять время, чтобы осуществить свои планы. Так, в письме от 4 октября 1837 года он откровенно пишет ей:

«Время у меня изорвано на клочки и я не могу приняться ни за что порядочное; чтобы написать что-нибудь ... и потолковее, надобно месяц-другой не отрываться и не развлекаться» [1, с. 109], а в письме от 27 февраля 1838 года он сообщает ей: «В новый покой свой ... поставил я верстак и станок токарный, потому что сидячая жизнь меня убивает, а здоровье нужно не на один год или два, а если угодно еще пожить, то лет на десяток-другой. Поэтому я каждый день часа два работаю на станках своих до усталости и бываю здоровее и веселее» [1, с. 110].

Несмотря на большую занятость по службе, В. И. Даль объединяет вокруг себя людей, интересующихся историей, литературой, культурой. Так, в письме от 27 февраля 1838 года он рассказывает сестре о четвергах, на которые собирается интеллигенция Оренбурга: «Тут один говорит об истории, другой о кайсарах и башкирах, третий о сравнительной анатомии, четвёртый о Бородинском сражении, пятый о расколах, и пр., и пр.» [1, с. 110]. Он сообщает сестре о своих планах составить сборник статей по итогам этих встреч.

Именно ей он рассказывает подробности семейной жизни. Часто пишет о жене Юлии, которая подарила ему детей. Так, в письме от 20–25 августа 1835 года в финале письма он сообщает, что «жене некогда, перебирается и хлопочет с банками, склянками, горшками и другим скарбом» [1, с. 95], а в послании от 7 марта 1836 года он радостно извещает сестру о её здоровье после очередных родов: «Жена, подле которой я сижу и пишу, кланяется; она весела и здорова; ей уже гораздо лучше, чем в первый раз, хотя и тогда было недурно» [1, с. 99]. Однако не только радостью В. И. Даль делился в письмах. Так, письмо 20 июля 1837 года посвящено смерти сына Станислава, который умер младенцем. Сообщая об этом скорбном известии, он пишет и о состоянии жены: «Юля теперь спокойна и вынесла всю беду лучше, нежели я полагал» [1, с. 104].

В письме от 27 февраля 1838 года он делится с сестрой своими предчувствиями: «У нас в доме всё, слава Богу, очень хорошо и нам собственно весело; я боюсь одного только: перемены; а она, кажется, не может быть к лучшему, потому что все и так уже хорошо» [1, с. 111]. Уже следующее письмо наполнено

горькими мыслями о здоровье жены: «Со времени родов жена всё больна, лежит уже более 2-х месяцев и была очень опасна» [1, с. 112]. Он подробно рассказывает, что нет возможности точно определить её диагноз, что консилиум врачей оказался бессилён. А в написанном сестре письме без даты он передаёт уже чувства вдовца: «Тяжело, сестрица, я не знаю, как быть, как привыкать» [1, с. 115].

В. И. Даль неоднократно извещает сестру о том, как живут его дети. Так, в письме от 7 марта 1836 года извещает её о пополнении в семье: «Имею честь поздравить, прибыл казак. 4-го марта в 8 часов утра. Такой же молодец, как и Ленька, который зовёт его «мой баць», т.е. мой братец» [1, с. 99]. Письмо от 4 ноября 1836 года он начинает со слов: «Ты пиши, папа, – говорит мой сын, сидя у меня на плечах, – а я отвезу письмо тётке Пальвине», т.е. Паулине» [1, с. 101]. Вероятно, речь в письме идёт о сыне Арслане, о котором в письме от 27 февраля 1838 года автор письма сообщает, что тот «не даёт мне покою, заложил два стула и приглашает меня садиться и ехать в Москву, к тете Павлине» [1, с. 110]. В этом же письме он извещает сестру о рождении дочери, которую будут звать Ольга и Софья. «Первое имя от меня, второе от крёстного отца» [1, с. 110].

Конечно, в письмах упоминаются и другие члены семьи: матушка, сестра Александра, зять Кистер. Он сообщает подробности, связанные с их здоровьем. Так, его беспокоит состояние сестры Александры, которую он лечит, используя «омеопатические препараты». В. И. Даль часто размышляет об отношениях матери и других родственников. Так, в письме от 9 июня 1838 года он делится сокровенными мыслями: «Маменька, на беду, не может говорить ни о чём без горьких замечаний и колкостей, одевает всякое неудовольствие свое и других в эпитаграмматический кафтан...» [1, с. 113]. В письме от 12 июня 1839 года он с благодарностью пишет о её помощи после смерти жены: «У мамы все очень хорошо, по-другому я не могу сказать, она ухаживает за всем хозяйством и за детьми, да еще за массой гостей» [1, с. 117].

Кроме того, В. И. Даль способствует переводу по службе в Оренбург под руководство В. А. Перовского своего зятя Кистера, о чём сообщает сестре в письме от 7 марта 1836 года. А в письме от 9 июня 1838 года он делится своим мнением о нем: «Место его хорошее, на беду ловчейший из подчинённых его примерный мошенник и негодяй; поэтому беспрестанная война и неприятности. Впрочем, Кистер тоже большого рода чудак; примерно упрям, примерно беззаботен относительно жены и хозяйства...» [1, с. 113].

Особое внимание хотелось бы обратить на языковое своеобразие писем В. И. Даля.

Прежде всего, привлекает внимание употребление пословиц и поговорок, которые помогают ему объяснить свои мысли и житейские обстоятельства. Так, в письме к В. Ф. Одоевскому от 5 апреля 1837 года, говоря о своей занятости по службе, он использует пословицы, снабжая их собственным комментарием: «...работа, говорят, не медведь, в лес не уйдёт – да казенная работа упырем сидит на шее и не даёт покою» [1, с. 66]. В письме к А. А. Краевскому от 1 сентября 1837 года, размышляя, какой материал для печати послать ему и не будет ли он после этого «притянут к допросу», В. И. Даль использует пословицу «Пуганый сыч и притолока боится» [1, с. 69]. В письме к этому же адресату от 4 октября 1838 года, комментируя возможность публикации статьи о раскольниках, он использует иную пословицу: «Пуганая ворона куста боится» [1, с. 74].

Язык писем образен, богат изобразительно-выразительными средствами.

Так, в письме Г. П. Данилевскому от 31 мая 1854 года на просьбу прокомментировать его напечатанные произведения, В. И. Даль отвечает: «...женихи обыкновенно совѣтуются съ пріятелями своими на счетъ выбора невѣсты – когда

уже обручились» [2], намекая на то, что советы и правки опоздали и вряд ли могут изменить что-то, и дополняя это пословицей: «На словахъ, что на [дровняхъ] /саняхъ/; на дѣлѣ, что на вилахъ» [2].

Не менее образно В. И. Даль пишет в этом же письме о современных мастерах пера: «...доколѣ писатели во французскихъ крысыихъ перчаткахъ, въ /раздушенныхъ/ завиткахъ, чопорно охорашиваясь, будутъ старательно изъясняться подборомъ французскихъ словъ и оборотовъ, придавая имъ только по наружности русскій видъ, дотолѣ русское слово не будетъ облагорожено» [2]. Ему важно выразить собственное мнение при помощи народного оборота: «По мнѣ, ужъ пусть бы лучше припахивало сырѣемъ да квасомъ, [да хотя] /лишь/ бы въ носъ не шибало» [2].

В тексте писем он использует русские синонимы вместо иноязычных слов, что мы потом встретим в статьях «Толкового словаря живого великорусского языка». Так, в письме К. Н. Бестужеву-Рюмину от 1 августа 1860 года он сетует, что «въ торопяхъ, не приписали Вы, ни отчества, ни насылки своей» [2], понимая под насылкой адрес.

Нередко он использует в письмах родственные слова, значение которых сложно понять без комментария. Так, в письме к А. А. Краевскому от 16 мая 1839 года он просит пожать руку Одоевскому, поличие которого «живѣм ходит по улицам Оренбурга и навещает иногда» [1, с. 75] и его. Поличие, по мнению В. И. Даля, – это облик, лик, лицо.

Объясняя в письме от 30 мая 1830 года В. А. Жуковскому, почему он не посылает ему «основу для мѣстныхъ, здѣшнихъ, думъ или балладъ; утѣкъ былъ бы Вашъ, а съ нимъ и вся отдѣлка» [2], он использует ткацкий термин уток, означающий «поперечные нити ткани, пересекающиеся с продольными, составляющими основу».

Известно, что В. И. Даль владел несколькими иностранными языками, наверное, поэтому одно из писем сестре написано на немецком языке, а в других письмах он цитирует великих немецких поэтов.

Так, в письмо В. А. Жуковскому от 30 мая 1830 года, рассказывая о здоровье жены и оренбургских врачах, которые не могут поставить ей правильный диагноз, он включает «незабвенное двестише Шиллера:

Einzeln Seid sie euch alle leidlich gescheit und vernünftig –

Seid sie beisammen – gleich wind euch ein dummkopf daran!»

В этом же письме В. И. Даль комментирует его:

«Каждый в отдельности может Вам показаться толковым;

Если ж in corpore все, тотчас глупеют они».

В конце письма добавляет: «Толкуют, толкуют и больше ничего» [2].

Это же двестише он использует и в письме к сестре от 9 июня 1838 года [1, с. 112].

Таким образом, проанализированные нами письма выдающегося представителя творческой интеллигенции XIX века Владимира Ивановича Даля позволяют получить более детальное представление о его жизни и деятельности, привнести дополнительные штрихи в портрет мастера слова, талантливое лексикографа, этнографа и просто человека. Многие письма позволяют увидеть, как интенсивно он работал, какие замыслы вынашивал и какие из них сумел воплотить, как переживал за судьбу русского языка. Данные частные письма рассказывают не только о конкретном человеке, они отражают эпоху. Языковые особенности писем дополняют наше представление об авторе писем как выдающемся писателе и учёном.

Данная статья – первый шаг к рассмотрению эпистолярной языковой личности В. И. Даля. Однако уже сейчас можно отметить многие характеристики,

присущие ей: детализированная конкретность писем, персонифицированность, проявляющаяся в личной заинтересованности в переписке, рефлексивность сознания, высокий уровень коммуникативной компетентности, которая проявляется в языковом оформлении писем и т.д. Предполагается продолжение данного исследования.

Список литературы

1. В. И. Даль: Документы. Письма. Воспоминания. Оренбург : Оренбургское книжное издательство, 2008. 544 с.
2. В. И. Даль. Рукописное наследие. Записные тетради. Рукописи. Переписка // Сайт Петрозаводского университета. URL: <https://petsu.ru> (дата обращения: 20.02.2021).
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Репр. воспроизв. изд. 1955, 1889–1892. М. : Русский язык, 1990. Т. 3. С. 113.
4. Курьянович А. В. Эпистолярная языковая личность: к вопросу определения категориальных и типологических черт // Сибирский филологический журнал. 2014. № 6. С. 255–262.

Информация об авторе: *Гурьянова Людмила Борисовна*, старший преподаватель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. А. Дубинина

г. Луганск

Аннотация. Анализируется взаимосвязь языка и культуры в этнолингвокультурологическом аспекте. Акцентируется внимание на том, что проблема взаимовлияния языка и национальной культуры, исследуемая лингвистами более ста лет, на сегодняшний день не потеряла своей актуальности. Определяется основной круг проблем, в рамках которого развиваются современные исследования в области этнолингвокультурологии.

Ключевые слова: язык, культура, этнолингвокультурология

Для цитирования: Дубинина В. А. Язык и культура: этнолингвокультурологический аспект // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 77–81.

Современные лингвистические исследования характеризуются антропоцентрическим подходом к изучению проблем языка и духовной деятельности человека, языка и мышления, языка и культуры, мировоззрения человека и его окружающей действительности. Антропоцентричность является универсальной категорией, она проникает во все сферы духовной жизни человека, отражает процесс осознания человеком своего особого статуса в природе и обществе.

Идея отражения в языке национальной культуры не нова для языкознания. По мнению французского лингвиста Э. Бенвениста, возможность создания нового языкознания возникает на основе трех терминов – язык, культура, человеческая личность [1]. Эта идея получила свое развитие в научных трудах В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, которые заложили основы таких современных языковедческих направлений, как этнолингвистика и лингвокультурология.

По мнению немецкого лингвиста В. фон Гумбольдта, богатство и развитие языка напрямую связаны с влиянием на него национальной культуры (язык меняется с каждой ступенью развития духа). Язык – это «произведение национального духа», которое глубоко входит в сознание человека, является своеобразным аккумулятором особенностей духовной жизни этноса. Кроме того, язык является осознанным непрерывным творческим процессом, который выражает не только «дух народа», но и его национальную культуру, которая, в свою очередь, воплощается в языке и передаётся следующим поколениям. В. фон Гумбольдт понимает язык как «хранилище» народного духа, народной культуры, ведь в определённых звуках речи зафиксирована духовная энергия, которая объединяет тот или иной народ. Новаторство научного подхода учёного заключается в том, что за разнообразием языковых форм он увидел укорененную в этносознании нетождественность способов мышления и восприятия действительности представителями разных национальных сообществ и сделал вывод о способности языка отражать своеобразие культуры.

Лингвистические взгляды А. А. Потебни связаны с его фольклористическими и литературоведческими идеями. В научных трудах он рассматривал тесную связь языка и мышления, указывая на их национальные особенности. По мнению А. А. Потебни, «сила человеческой мысли не в том, что слово вызывает в сознании прежние восприятия (это возможно и без слов), а в том, как именно оно заставляет человека пользоваться сокровищами прошлого» [7, с. 143].

В осмыслении индивидом бытия всегда будет присутствовать элемент субъективности, поэтому языковая личность выступает одновременно и носителем унаследованного от предков языка, и творцом этого языка. Доминантой научной деятельности А. А. Потебни можно считать его идею о речевой деятельности человека как о творческом познании мира: «Язык – это полностью творчество, которое только возможно для человека, и только потому имеет для него значение» [6, с. 198]. Научные положения А. А. Потебни находим в исследованиях многих американских и европейских лингвистов первой половины XX века.

Результаты работы В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни побудили их последователей к развитию новых языковедческих направлений: этнолингвистики, психоллингвистики, этнопсихоллингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и теории межкультурной коммуникации, представители которых углубили изучение проблемы соотносительности языка и культуры, объединившись в различные научные этнолингвокультурологические школы. Ученые этих школ по-разному формулируют цель, предмет своих интересов, используют различные подходы, методы и приемы исследования, в зависимости от аспекта этнолингвокультурологической проблематики.

Среди научных исследований начала XX в. следует выделить труды американского лингвиста и культуролога Э. Сепира, который изучал проблемы языка и культуры. Культура, по определению исследователя, – это социально унаследованная совокупность практических навыков и идей, с помощью которых можно охарактеризовать наш образ жизни [8, с. 185]. По мнению исследователя, с развитием культуры язык обогащается, поскольку язык – это результат, продукт социального и культурного развития [8, с. 265]. Относительно соотношения языка и культуры, язык, по мнению лингвиста, не существует вне культуры и не может быть оторванным от основного культурного массива. Он является важной составляющей культуры народа, который живет в определенное время и в определенном месте [8, с. 537]. Можно считать, что язык – это наиболее массовое искусство, которое создано анонимно многими поколениями [8, с. 194].

В 30-х годах XX в. в этнолингвистике США под влиянием трудов Э. Сепира и Б. Уорфа возникла концепция лингвистической относительности (гипотеза Сепира-Уорфа), согласно которой структура языка определяет мышление и способ познания реальности, а язык и мышление народа взаимосвязаны. По этой теории, разные языки по-разному классифицируют окружающую среду, поэтому люди (носители этих языков), которые говорят на разных языках и принадлежат к разным культурам, будут по-разному воспринимать мир: «мы расчлняем природу в направлении, которое подсказывает нам родной язык. Мы выделяем в мире явления те или иные вовсе не потому, что они самоочевидны; напротив, мир появляется перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, то есть – речевой системой, хранящейся в нашем сознании» [13, с. 174]. Из этого следует, что люди, владеющие более чем одним языком, когда говорят на разных языках, руководствуются различными структурами мышления.

По мнению А. Вежбицкой, в языке отражаются и одновременно формируются ценности, идеалы и установки людей, то, что и как они думают об окружающем мире и своей жизни в этом мире, а ключами к пониманию этих аспектов культуры являются соответствующие языковые единицы. То есть, определенную культуру можно понять с помощью ключевых слов. Исследовательница считает, что для разных языков существует общая база семантических универсалий, с помощью которых осуществляются различные способы концептуализации действительности, которые постоянно уточняются. Лексические единицы, которые не

входят в состав ядерной части языка (не имеют соответствующих эквивалентов в других языках мира и не являются универсальными), должны рассматриваться как те, что отражают специфику миропонимания носителей этого языка и этой культуры.

В трудах основателя московской этнолингвистической школы Н. И. Толстого предложено два определения понятия «этнолингвистика». В широком понимании этнолингвистика – это комплексная дисциплина, предметом изучения которой является «весь «план содержания» культуры, народной психологии и мифологии независимо от средств и способов их формального воплощения (слово, предмет, обряд, изображение и прочее)» [12, с. 39–40]. Второе определение сужает эту научную область до этнолингвистического направления в языкознании, которое «ориентирует исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимосвязи и различных видов их корреспонденции» [12, с. 27].

В рамках этнолингвистики языковая система исследуется не как индивидуальное, авторское, а как коллективное, общественное произведение в связи с системой культуры, что дает возможность постичь значение и место всех компонентов языковой системы. Изучение языковой картины мира, способов языковой концептуализации мира является одной из главных задач современных этнолингвистов. Важной задачей этнолингвистов, по мнению Н. И. Толстого, является системное освещение культуры народа через его язык, отражение культурного значения языковой единицы на основе ее соотнесения с кодами культуры, которые известны только носителю этого языка или с теми, которые устанавливаются с помощью анализа, толкования соотношения и связи языка и культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества [11, с. 182].

Этнолингвокультурологические исследования, в частности лингвокультурологию некоторые российские ученые считают ответвлением этнолингвистики [2, с. 64–65] или её частью, которая изучает и описывает корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии [9, с. 217]. Лингвокультурология создана «на основе языка, культуры и человеческой личности» и представляет этнокультуру как «линзу», через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса [2, с. 64–65]. Объект лингвокультурологии находится «на перекрестке» языкознания и культурологии [9, с. 222].

В статье к сборнику «Фразеология в контексте культуры» В. Н. Телия выделяет три направления исследования и описания культурной семантики языковых единиц – этнолингвистический, лингвокультурологический и контрастивный. Этнолингвистическая ориентация, по мнению лингвиста, направлена преимущественно на исторический реконструктивный план выявления культурных изменений в языковых единицах. Лингвокультурологический анализ выявляет способность знаков отражать современное культурное самосознание народа, которое рассматривается как основа его ментальности, и выражать ее в процессах непосредственного использования в текстах различного типа. Контрастивное направление имеет цель выявить этническую или национально-культурную специфику единиц (фразеологизмов) того или иного языка, добытую на фоне «наивной» картины мира «в создании характерных черт которой они участвуют» [10, с. 15].

Различие между этнолингвистикой и лингвокультурологией, по мнению В. Н. Телия, заключается в синхронной ориентации лингвокультурологии. Ведь в центре интересов этой науки – исследование и описание взаимодействия языка и культуры в диапазоне современного культурно-национального самосознания и его знаковой репрезентации. Для этнолингвистики, которая «учитывает, – как отмечает Н. И. Толстой, – прежде всего специфические – национальные, народ-

ные, коллективные – особенности этноса» [11, с. 185], основной задачей является реконструкция по данным языка культурных, народно-психологических и мифологических представлений, «волнений» в их диахроническом движении, что дает богатый материал для сопоставления культур этнических сообществ [10, с. 15].

Этнолингвистика, по мнению А. Гердта, – это «предельная дисциплина, которая граничит с языкознанием, этнографией и социологией» [3, с. 3]; её цель – показать, как язык в разных формах существования, на разных этапах развития влияет на историю народа, на положение того или иного этноса, социальной группы в обществе. Объектом этнолингвистики являются все проявления языка в его устной форме (фольклор, диалект, жаргон, паремии) и всё многообразие письменных текстов. Этнолингвисты не столько обращают внимание на исследование и описание языковых единиц или процессов, как на то, что они интересны исследователям как средства для более глубокого проникновения в собственно этнические и социальные процессы [3, с. 5].

В книге В. В. Красных «Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология» автор не разграничивает этнопсихоллингвистику и лингвокультурологию, подчеркивая общность их проблематики и методов исследования. Этнопсихоллингвистика, по определению В. В. Красных, – это «направление, которое рассматривает речевую деятельность с учетом национально-культурной составляющей дискурса, а также исследует этнопсихоллингвистическую детерминированность языкового сознания и коммуникации» [4, с. 10]. Лингвокультурология определяется как дисциплина, которая изучает «выявление, воспроизведение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанную с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [4, с. 12].

По мнению В. А. Масловой, лингвокультурология, как новая гуманитарная дисциплина, возникла «на стыке лингвистики и культурологии», её предметом «является изучение культурной семантики языковых знаков, которая формируется при взаимодействии двух разных кодов – языка и культуры» [5, с. 9, 30].

Таким образом, развитие лингвистических теорий XIX–XX века повлияло на активизацию интереса ученых к проблеме взаимодействия языка и культуры, языка и этноса, носителя этого языка и культуры. Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном изучении проблемы взаимосвязи языка и культуры, которая актуальна для представителей различных научных школ и в первых десятилетиях XXI в.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред., с вст. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. М. : Прогресс, 1974. 447 с.
2. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
3. Герд А. С. Введение в этнолингвистику : курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., испр. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 457 с.
4. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Academia, 2001. 202 с.
6. Потемня А. А. Слово и миф. М. : Правда, 1989. 624 с.
7. Потемня А. А. Эстетика и поэтика. М. : Искусство, 1976. 615 с.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии : пер. с англ / общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М. : Изд. группа Прогресс, Универс, 1993. 656 с.

9. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986. 312 с.
10. Телия В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура : материалы II Междунар. конф. (г. Тамбов, 1999 г.). Тамбов, 1999. Ч. 3. С. 13–15.
11. Толстой Н. И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: (язык и этнос) : сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т этнографии [и др.]. Л., 1983. С. 181–191.
12. Толстой Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Индрик, 1995. С. 27–40.
13. Уорф Б. Л. Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) // Новое в лингвистике / сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. М., 1960. Вып. 1. С. 169–182.

Информация об авторе: *Дубинина Виктория Александровна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск).

О ПОПОЛНЕНИИ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Г. К. Касимова, П. С. Елизаров

г. Пенза, Россия

Аннотация. Значительные изменения, произошедшие на современном этапе в жизни общества, связанные с пандемией коронавируса, не только повлияли на жизнедеятельность человека, но и нашли отражение в системе языка. Объектом внимания предстаёт лексика русского языка, предметом исследования выступают новые лексические единицы периода пандемии в семантико-словообразовательном аспекте.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, словообразовательная модель, способы словообразования, коронавирус, ковид, карантин

Для цитирования: Касимова Г. К., Елизаров П. С. О пополнении лексики русского языка в период пандемии коронавируса // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 82–85.

Коренные изменения, происходящие в жизни общества, обуславливают изменения в различных сферах языковой системы. «Жизнь языка осуществляется в обществе, которое создаёт условия для тех или иных изменений и стимулирует языковые процессы, приводящие к удовлетворению потребностей общества. ...Изменения в языке оказываются возможными благодаря заложенным в нём потенциальным внутреннему характеру, которые обнаруживаются под воздействием внешнего, социального «толчка» [1, с. 7].

Таким «толчком» для изменений в языке, которые мы наблюдаем сегодня, явилась пандемия коронавируса, охватившая нашу планету. Данное событие достаточно быстро нашло своё отражение в лексике различных языков, в том числе и в русском. Язык пополнился такими словами и словосочетаниями, как: *коронавирус, covid-19, ковид, пандемия, дистант, зум, зумиться, ковид-диссиденты, ковидиоты, ковидник, контактеры, коронафобия, коронагеддон, коронойя, коронаваться, коронованная особа, красная зона, локдаун, масочный режим, масочники, маскобесие, обсервация, плато, самоизоляция, санитайзер, социальная дистанция, удаленка, антитела, ИВЛ, инфодемия, карантин, карантинка, карантинкулы, ковидео, корониалы, пик, плато, застряницы, погуляницы, шашлычники* и многие другие [5, 6].

Лексические единицы, активно употребляющиеся носителями языка, можно разделить на несколько групп. Наиболее яркими предстают слова, мотиваторами которых послужили *коронавирус, covid и карантин*.

Само название термина **КОРОНАВИРУС** связано со строением вируса, шиповидные отростки которого напоминают солнечную корону [3].

COVID-19 – это бета-коронавирус того же подрода, что и коронавирус тяжёлого острого респираторного синдрома (SARS), а также нескольких коронавирусов летучих мышей [4].

Производными от этих терминов являются следующие слова со значениями:

Коронафобия – 'патологический страх людей заразиться коронавирусом, который приводит к неадекватным поступкам тех, кто поддался панической атаке'.

Короноваться – 'этот глагол происходит от сленгового названия вируса "корона". Под ним подразумевается – сдать тест на Covid-19'. Также употребляется в значении «заразиться, переболеть ковидом».

Коронованная особа – в разговорной речи «человек переболевший коронавирусом».

Корониалы – 'дети, зачатые во время пандемии коронавируса'.

Коронагеддон – 'Армагеддон в эпоху коронавируса'.

Коронойя – 'слово образовано по аналогии с паранойей. Такое заболевание приписывают людям, которые шарахаются от чихающих и кашляющих, боятся здороваться за руку и литрами выливают на себя антисептик'.

Ковид-диссиденты – 'последователи теории всемирного заговора. Ковид-диссиденты могут утверждать, что коронавируса не существует и его опасность надумана, а могут продвигать теорию о том, что вирус распространен спецслужбами ради тайных целей (переформатирования мировой экономической среды, для удаления неудобных режиму людей, для разрыва социальных связей, для удержания и контроля местонахождения населения планеты и т.д.)'.

Ковидиот – это существование появилось одним из первых во время пандемии. Так называют человека, 'который пренебрегает опасностью заражения и не принимает никаких мер против инфекции, либо того, кто слишком серьезно и даже параноидально относится к пандемии и, например, скупает горы туалетной бумаги и тонны гречки'.

Ковидник – так называют 'как отделение больницы для зараженных коронавирусом, так и самого больного'.

Ковидео – 'это видео о жизни в самоизоляции'. Также используется для обозначения любой новостной видеoinформации, связанной с ковидом.

Образованы они по существующим в языке словообразовательным моделям. Так, **коронафобия** образовано путем сложения слов *корона* + *фобия* по аналогии с *англофобия*, *клаустрофобия*, *некрофобия*, *русофобия* и др. В отличие от многих сложных существительных, в которых в качестве интерфикса выступают соединительные гласные *о* или *е*, в *коронафобии* словосложение происходит при помощи флексии *а*.

Существительные **ковидиот** и **ковидео** также образованы путём сложения, при котором наблюдается явление наложения основ.

Глагол **короноваться**, как было показано выше, приобрёл новое значение в период пандемии. Образован он от существительного *корона* суффиксально-постфиксальным способом (по аналогии с *гримироваться*, *группироваться*). Производным от этого глагола выступает причастие **коронованная** (особа), которое также выступает в новом значении.

Корониал образовано суффиксальным способом по аналогии с существительным *театрал*. При помощи суффикса *-ник* образовано существительное **ковидник** (по аналогии с *дворник*, *работник*, *приемник*).

На базе общеупотребительных слов образованы существительные по аббревиатурному способу путём усечения основ либо с добавлением суффикса *-к(а)*:

Дистант, **дистанционка** ← дистанционная работа, дистанционное обучение.

Удалёнка ← удаленная работа, удаленное обучение.

Удалёнка, в свою очередь, выступило мотиватором для слова **удалённый** – тот, кто находится на удаленной работе (обучении).

Эти слова функционировали и раньше, однако в условиях самоизоляции они приобрели новый смысл: «вынужденная работа, учёба на дому, которая не всегда комфортна».

Самоизоляция – 'изначально это слово использовалось для определения двухнедельного режима для тех, кто контактировал с людьми, у которых подтвер-

дился коронавирус, либо же с теми, кто вернулся из-за границы. В последующем на самоизоляции пребывали люди, которые относились к группе риска, например, пенсионеры'.

От существительного **самоизоляция** путем усечения по аббревиатурному способу образовано **изо**. 'Сегодня под хештегом **#изо** публикуют посты в Instagram, смысл которых "жизнь в изоляции": например, изо-фуд (кулинарные рецепты во время изоляции) или изо-тренды (мода либо макияж во время самоизоляции)'.

В период пандемии актуальным стало приложение для видеоконференций **ЗУМ (Zoom)**. До пандемии это приложение было малоизвестным, но во время самоизоляции оно приобрело большую популярность как среди обучающихся, так и среди работников различных предприятий. На его основе суффиксально-постфиксальным способом был образован глагол **зумиться** (по аналогии с *ветвиться, ершиться, куститься, струиться, охотиться*). Глагол имеет значение «выйти в видеочат в программе Zoom».

Распространение получило слово **конфа** в связи с удаленной работой и означает 'конференция' или 'общий чат на определенную тему'.

Новый термин **инфодемия**, появившийся по аналогии с эпидемией, пандемией, стал обозначать 'возникший из-за пандемии информационный фон, когда всем вокруг кажется, что СМИ слишком много говорят о коронавирусе'.

Часто функционирующее существительное **карантин**, который был введен в стране в связи с пандемией коронавируса, стало мотивирующим для некоторых слов:

Карантини. Этим словом стали обозначать напитки во время вечеринок (англ. *quarantini*). 'Это производное от двух слов: «карантин» и «мартини»'.

Карантинка – 'картинка из карантина, фото вашего пребывания в самоизоляции'. Образовано существительное суффиксальным способом по аналогии со словом *валентинка*.

Карантикулы – сложное существительное, в образовании которого участвуют слова карантин и каникулы. Оно выражает значение 'Период нерабочих дней, объявленный президентом РФ Владимиром Путиным. Также употребляется в значении имитации отпуска в условиях самоизоляции'.

Карантиндер – 'создано путем слияния слова «карантин» и названия известного приложения для знакомств Tinder, обозначает поиск спутника жизни в эпоху самоизоляции в интернете'.

Особую актуальность в период пандемии приобрели **маски**, которые стали неотъемлемым атрибутом каждого из нас при выходе из дома, посещении общественных мест; с конца марта 2020 года был введен **масочный режим**. **Масочниками** стали называть людей, которые носят маски в местах, где это требуется. Появилось сложное существительное **маскобесие** – 'истерия вокруг медицинских масок и респираторов, покупка масок в огромных количествах'.

В разговорной речи встречаются такие названия людей, которые характеризуют их поведение во время пандемии:

Застрянцы – 'люди, уехавшие на заработки за границу, которые из-за карантина не могут вовремя вернуться домой. Поэтому на обратном пути им будет грозить либо штраф по количеству просроченных дней визы, либо временная депортация'.

Погулянцы – 'Люди, которые выступают за мягкий карантин – хотя бы с возможностью выйти на пешую прогулку, пробежку или просто во двор с детьми. Враги сиддомцев'.

Сидидомцы – 'Люди, выступающие за жесткий карантин – чтобы разрешили выходить только в магазин, погулять с собакой или в аптеку и желательно в радиусе 100 метров от дома. Враги погулянцев'.

Представленный материал показывает, что лексика периода пандемии коронавируса достаточно обширна и разнородна: это и новые слова (неологизмы и окказионализмы: *коронафобия, корониалы, коронагеддон, коронойя, ковидиот, масочник, маскобесие, зумиться* и др.), и заимствования (*локдаун, карантиндер, карантини*) и слова общеупотребительные, которые характеризуются развитием своей семантики (*короноваться, самоизоляция, масочный режим, красная зона, пик, плато, дистанционка, удаленка* и др.). Неологизмы, как показывает анализ, создаются по существующим в языке словообразовательным моделям. Новые слова особого типа, окказионализмы, – «это слова, создаваемые в речи в определенной ситуации и с определенной задачей, но не претендующие стать принадлежностью языка. Окказиональные образования отличаются от обычного новообразования индивидуальностью и тем, что в нем слова чаще возникают не по действующим образцам, а по аналогии к отдельным словам» [2, с. 463].

Судьба лексических единиц, пополнивших лексику русского языка в период пандемии, в будущем неоднозначна: часть слов, касающихся медицинской тематики, очевидно, утратив актуальность, выйдет из активного употребления; другая часть, напротив, продолжит функционирование в других сферах жизни общества, приобретая новые смыслы и значения.

Список литературы

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для студ. вузов. М. : Логос, 2001. 304 с.

2. Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке. М. : Индрик, 2001. 504 с.

Электронные ресурсы

3. Коронавирусы // Википедия. URL: <https://www.wikipedia.org> (дата обращения: 24.02.2021).

4. COVID-19. URL: <https://www.yandex.ru> (дата обращения: 24.02.2021).

5. Азбука карантина: смотрите, чем пополнился наш словарь из-за коронавируса. URL: <https://www.nn.ru> (дата обращения: 24.02.2021).

6. Плиева А. Дистант, застрянцы и ковидиоты: какими словами пополнился наш лексикон // Словарь коронавируса: какие слова появились вместе с пандемией. URL: <https://www.vesti.ua> (дата обращения: 24.02.2021).

Информация об авторах: *Касимова Гульзухра Кевировна*, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка филиала Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва (г. Пенза, Россия); *Елизаров Павел Сергеевич*, курсант филиала Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва (г. Пенза, Россия).

ОБРАЗ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ОБЪЁМ ПОНЯТИЯ И ЕГО МЕСТО В КАРТИНЕ МИРА

Е. В. Косс

г. Тольятти, Россия

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению актуальных проблем, связанных с определением понятия «внешность человека» и его места и способов выражения в национальных культурной и языковой картинах мира, что и является целью нашей работы. В результате изучения литературы по теме исследования с помощью логически выстроенных доводов были предложены возможные варианты содержания понятия «образ внешности человека» в данной работе, а также создана схема, наглядно показывающая место данного объекта в картине мира.

Ключевые слова: образ внешности, национальная культурная картина мира, национальная языковая картина мира

Для цитирования: Косс Е. В. Образ внешности человека: объём понятия и его место в картине мира // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 86–89.

Всё большее внимание со стороны учёных обращено к проблемам наук, занимающихся различными сферами жизни человека, рассматривающих человека как объект и субъект интеллектуально-духовной деятельности, как производителя и потребителя культурных, нематериальных ценностей, среди которых антропология, культурология, философия, этика, эстетика, социология и т.д. В этом ракурсе проблема восприятия, оценки, интерпретации внешности человека становится особенно актуальной, так как внешность, являясь первым воспринимаемым визуальным фактором общения (вспомним «встречают по одежке...»), играет исключительно важную роль в коммуникации.

Первую же сложность представляет собой объём понятия «внешность», так как взгляды на данное понятие расходятся в разных науках, изучающих его. Например, физиогномика изучает внешние черты лица человека и его выражение [7, с. 177], а также мимику; визуальная антропология рассматривает визуальные проявления культуры – выражение лица, движения тела, танец, способы украшать тело [3]; габитоскопия (направление криминалистики) исследует отдельные анатомические органы (голова, рука и т.д.), целые области тела (грудь, спина), отдельные части целого (лоб, глаза и т.д.), одежду и сопутствующие предметы, которые помогают идентифицировать человека [7, с. 177]. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Внешность как объект изучения в различных науках

Наука/ предмет изучения	Лицо	Тело	Жесты/позы	Одежда/аксессуары
Физиогномика	+	+	+	–
Визуальная антропология	+	+	+	+
Габитоскопия	+	+	+	+

Таким образом, в различных науках нет общего мнения об объёме данного понятия.

Отсутствие единого подхода к определению границ понятия образа внешности можно наблюдать и при изучении современных научных работ. Например, Ли Вэньжуй при исследовании образа внешности в русской паремиологической картине мира рассматривает внешность в широком понимании, то есть включая понятийные поля «человеческое тело, поведение, одежда, обувь, ощущения, состояние организма, физические состояния человека», приводит особенности описания внешности через возраст, для детального изучения отбирает паремии по значению красота – ум, красота – доброта, красота – характер [5, с. 96]. То есть в состав понятия «внешность» включены также черты характера, когнитивные особенности, которые позволяют создать целостное представление о человеке. М. Б. Санина также считает, что «внешний облик человека следует определять как сложное концептуальное представление, формирующееся с помощью внешне проявляющихся и зрительно воспринимаемых физических, психоэмоциональных и интеллектуальных признаков» [7, с. 178]. Е. А. Петрова при анализе внешности человека выделяет габитус (характеристики телесного строения человека), кинесику (невербальные жесты) и костюм (одежда, обувь и аксессуары). С. В. Попов в своей классификации считает внешний облик человека комбинацией двух групп признаков: собственных (возраст, рост, пол, национальность, строение тела и его частей, осанка, походка, мимика, речь) и сопутствующих (дают человеку дополнительную характеристику, например, одежда, обувь и т.д.) [цит. по: 9, с. 33]. В. М. Богуславский представляет внешность как «сложный концепт и многослойный образ в динамике его становления, развития и последующих изменений, определяемых историческими, социальными и культурными факторами» [2, с. 11]. По его мнению, «внешность – физическое отграничение и выражение внутреннего мира человека» [2, с. 22], т.е. к физической оболочке внешности при рассмотрении данного понятия в широком смысле добавляются психофизические, психоэмоциональные, психологические и другие особенности личности, которые помогают оценить внешность человека комплексно, с достаточной полнотой восприятия.

Следовательно, понятие «внешность» можно рассматривать в узком смысле, включая физические признаки: описание лица, тела и их частей, мимику, жесты и позы, и в широком смысле, добавляя к этим компонентам ещё и одежду, значимые для восприятия внешности аксессуары, психоэмоциональные и интеллектуальные признаки.

Для определения позиции образа внешности в картине мира необходимо сначала вывести значение данного понятия. Словарь «Macmillan English Dictionary for Advanced Learners» предлагает следующее определение термина «внешность / appearance»: то, как выглядит кто-либо, или что-либо [10]. В словаре Ожегова определение данного термина выглядит близко к англоязычной версии: ВНЕШНОСТЬ 2. Внешний вид чего-н. 3. Наружный облик человека [6]. Термин «образ» трактуется в философии как результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека: 2. Вид, облик. 3. Живое, наглядное представление о ком-чём-н. 4. В искусстве: обобщённое художественное отражение действительности, облечённое в форму конкретного индивидуального явления [6]. Для определения места образа внешности в картине мира необходимо рассмотреть особенности её структуры.

Физическая, культурная и языковая картина мира тесно связаны между собой: окружающий человека мир, его физические объекты и явления действуют на органы чувств человека, затем, вместе с его духовным опытом, преломляются в коллективном и индивидуальном сознании и образуют культурную картину

мира [1, с. 124]. Причём её научное понимание только формируется на данный момент, ещё не решены вопросы структурной единицы концептуальной (а в её составе и культурной) картины мира, а также методов определения её содержания [4]. Так как «культурная (понятийная) картина мира – это отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное» [8, с. 54], очевидно, что **отражение** физически воспринимаемой органами чувств внешности, т.е. **образ** внешности в виде понятия нам следует поместить в понятийную картину мира наряду с другими понятиями. Вследствие того, что путь от реальной действительности через понятие к словесному выражению различен у разных народов (благодаря различном географическим, политическим, историческим и т.д. особенностям развития определенной нации), можно говорить о различных национальных культурной и языковой картинах мира. Очевидно, что национальный образ внешности следует поместить в национальную культурную картину мира, а специфические способы языкового означивания национального образа внешности – в национальную языковую картину мира.

Анализ научных работ, посвящённых языковому описанию национального образа внешности, его отражению в языковой картине мира, показывает, что исследователи выявляют различные лингвистические средства, в том числе изобразительно-выразительные: устойчивые сравнения, метафоры; лексические: фразеологизмы, поговорки, наименования родственников, национальностей, экзотизмы; грамматические: различные части речи, специфические грамматические конструкции [2, 5]. Результаты исследования представлены на рис. 1.

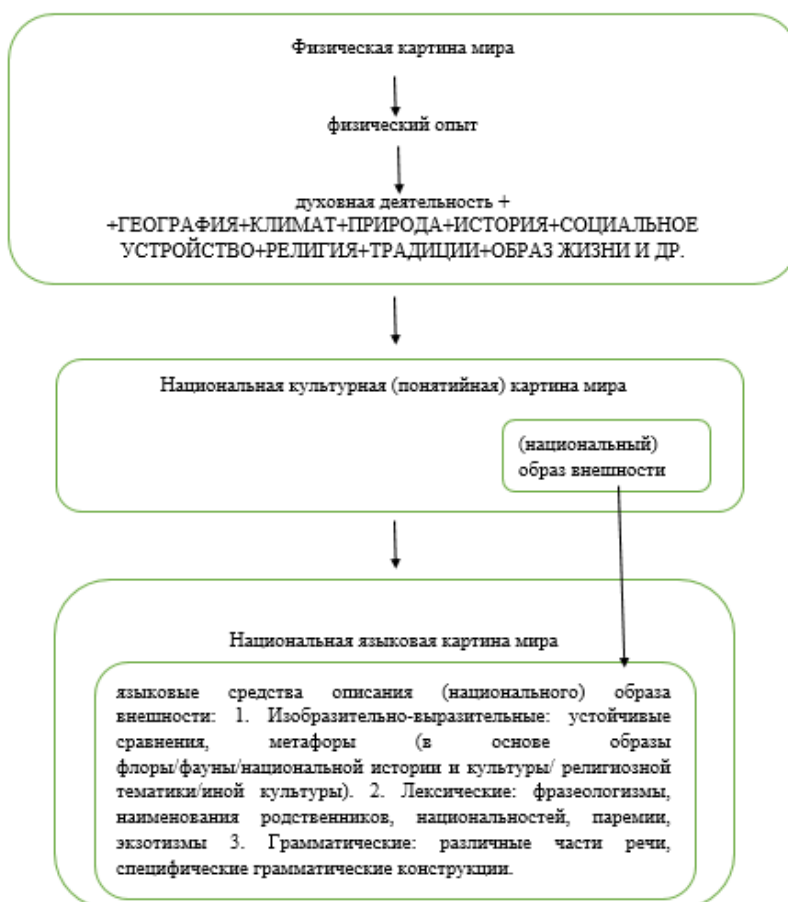

Рис. 1. Образ внешности в национальных культурной и языковой картинах мира

Итак, результатом работы можно назвать выявление различных подходов (в широком и в узком смысле) к определению понятия «образ внешности», определение места данного понятия в национальной культурной картине мира и выявление некоторых языковых средств выражения данного понятия в национальной языковой картине мира.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие. 5-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2016. 288 с. ISBN 978-5-9765-0813-2. URL: <https://e.lanbook.com/book/84276> (дата обращения: 07.01.2021).
2. Богуславский В. М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка. М. : Космополис, 1994. 240 с.
3. Визуальная антропология // Википедия. URL: <https://clck.ru/TPwFy> (дата обращения: 22.02.2021).
4. Горобец А. Ф. Языковая и культурная картины мира: современный подход к проблеме // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-i-kulturnaya-kartiny-mira-sovremennyy-podhod-k-probleme> (дата обращения: 14.02.2021).
5. Ли Вэньжуй. Внешность человека в русской паремиологической картине мира: Лингвокультурологический аспект (на фоне китайского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. СПб., 2019. 224 с.
6. Ожегов С. И. // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=10326782> (дата обращения: 22.02.2021).
7. Санина М. Б. К вопросу об исследовании концепта «внешность» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 1 (3). С. 177–179.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, 2008. 368 с. ISBN 978–5–211–05472–1. URL: <http://www.iprbookshop.ru/13162.html> (дата обращения: 29.08.2020).
9. Шкуратова И. П. Оформление внешности как средство самовыражения личности // Северо-Кавказский психологический вестник. 2009. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oformlenie-vneshnosti-kak-sredstvo-samovyrazheniya-lichnosti> (дата обращения: 06.01.2021).
10. Macmillan English Dictionary: For advanced Learners. New Edition. International Student Edition. Oxford : Macmillan Education, 2007. 1748 p. ISBN 978-0-2300-2493-9.

Информация об авторе: *Косс Евгения Валериевна*, аспирант по направлению подготовки 45.06.01 «Языкознание и литературоведение», профиль «Русский язык», старший преподаватель кафедры «Теория и практика перевода» Тольяттинского государственного университета (г. Тольятти, Россия).

ПРИМЕРЫ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ, ОТРАЖАЮЩИХ СИМВОЛИЗАЦИЮ ЗНАЧЕНИЯ (СЛОВА ЗООНИМИЧЕСКОЙ ОТНЕСЁННОСТИ)

Н. А. Красовская

г. Тула, Россия

Аннотация. Приведены примеры словарных статей для словаря символов русской культуры. Материалом для рассмотрения развития семантики слова, формирования символического значения стали лексемы, относящиеся к тематической группе «Животный мир», слова, которые позволяют соотнести живых существ с особями, относящимися к фауне. Расширение семантики напрямую связано с особенностями употребления слова в речи.

Ключевые слова: семантика, расширение, символизация, словарь, животный мир

Финансирование: исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008). Название проекта: «Символика русских и болгарских вербальных текстов культуры».

Для цитирования: Красовская Н. А. Примеры словарных статей, отражающих символизацию значения (слова зоонимической отнесённости) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 90–93.

Изменение семантики слов – процесс длительный и сложный. В ряде случаев он связан с тем, что увеличивается объём значения, слово развивает способность ко вторичной номинации. Мы уже писали о том, что расширение семантики слова в некоторых случаях связано с символизацией значения. О процессе изменения значения слова, вторичной номинации и символизации значения слова писали В. Н. Телия, М. Л. Ковшова [2], Г. В. Токарев и др. Так, Г. Токарев вводит понятие квазиэталона, который, по его мнению, и помогает определить механизм использования слова во вторичной номинации и механизм развития символического значения. Он полагает, что квазиэталоны являются «языковыми символами, которые не имеют материального воплощения в культуре, а выступают как референты, замещающие реальное имя идей» [5, с. 148]. В. Н. Телия считает, что замена языковой сущности на функцию символическую позволяет говорить о квазисимволах [4, с. 243–244].

Нами уже была проанализирована совокупность лексем, относящихся к тематической группе «Растительный мир» на предмет развития у них вторичной номинации и формирования символического значения [3]. В рамках данной статьи мы останавливаемся на словах, которые в большей степени можно отнести к зоонимам, они входят в большую тематическую группу «Животный мир», но не называют самих животных, а указывают на их отличительные черты, вторичные признаки, по которым человек часто и опознает представителей мира фауны. Мы обращаемся к таким лексемам, как *крыло, лапа, рога, хвост, яйцо*. Предлагаем для рассмотрения некоторый объём словарных статей, которые можно включить в словарь, указывающий на развитие символизации слова. Оговоримся, что структура словарных статей, расположение информации может в значительной степени варьироваться и подвергаться корректировке. Однако, по нашему мнению, такая исследовательская работа не лишена известной доли рационализма и актуальности, особенно в сопоставлении слов-символов русского языка со словами других языков.

Крыло

- Символизирует свободу. Можешь делать то, что хочешь! Положительн. Формирование символического значения связано с образом птицы, крыло является неотъемлемой частью птицы, её способности летать, подниматься над землёй. *Без крыльев не улетишь! Для птицы крыло не бремя!*

- Символизирует самостоятельность, достижение определённого успеха, стабильности. Будь самостоятелен, независим! Формирование символического значения связано с образом жизни птицы. Умение самостоятельно летать, пользоваться крыльями указывает на то, что птенец стал взрослым, может самостоятельно преодолевать большие расстояния, добывать себе пищу и т.д. *Встать на крыло, становиться на крыло.* Встречается в художественной литературе и фольклоре. *Приобретать самостоятельность, независимость от других. Вот так в буднях, в обычных делах мальчишки познают, что такое сознательность, совесть, справедливость... И они утверждают себя в жизни... Учатся вставать на крыло* [Л. Курин. «Встань, подранок, на крыло»*] (*Оговоримся, что примеры-иллюстрации взяты из художественных произведений, в этом случае указан автор и название произведения, из словарей – указывается автор и название словаря, а также из разговорной речи или некоторых фольклорных произведений).

- Символизирует защиту, опеку. Знай, что некто под защитой, в безопасности! Формирование символического значения связано с наблюдениями за птицами, которые выхаживают своё потомство. *Как у матушки под крылышком* [1].

- Символизирует одухотворённость, творческий порыв. Твори, создавай новое! Положительн. Употребляется на характеристики человека и его действий. Формирование символического значения основано на ассоциативной связи полёта и творчества. *Выросли крылья (о человеке). Стал окрылённым.*

Употребляется на характеристики человека и его действий.

Лапа

- Символизирует силу, способность оказать влияние на кого-либо или на что-либо. Будь готов к проявлению силы! Негативн. Формирование значения основано на понимании слова как большой, неуклюжей конечности. *Попасть в лапы к кому-то.*

- Символизирует действия взятополучателя. Знай, что некто берёт деньги за свои услуги! Отриц. Формирование значения, вероятно, связано с наблюдениями человека за поведением животных, отношением человека к ним, наблюдениями, основанными на совместном проживании животных и людей. *Дать в лапу. Положить на лапу (о взятках).*

Употребляется для характеристики ситуации или действия человека.

Рог

- Символизирует неверность. Ожидай от кого-то предательства! Неодобр. Формирование символического значения связано с пониманием того, что большие, красивые и мощные рога обычно вырастают у самцов рогатых животных. *У него выросли рога (о мужчине). Наставить рога.*

Употребляется для характеристики отношения женщины к мужчине.

- Символизирует нечто дьявольское. Будь осторожен, рядом может быть опасность! Неодобр. Формирование символического значения связано с представлением о том, что у чёрта как воплощения нечистой силы есть рога. *Черт с рогами (о неприятном человеке). На рогах прийти (о пьяном человеке). Держи черта за рога.*

Употребляется для характеристики ситуации.

- Символизирует силу, агрессию. Будь осторожен в поведении с другими, ожидай давления или отпора! Неодобр. Формирование значения основано на понимании того, что животное, обладающее мощными рогами, способно нанести сильный удар. *Бодливой корове бог рогов не дает. Видел бог, что не дал свинье рог. Были роги, да посломали Боги. Богатство с рогами, бедность с ногами* [1].

Употребляется для характеристики ситуации или поведения кого-либо.

- Символизирует взросление, получение опыта. Учти, что с годами человек приобретает опыт! Нейтральн. Формирование значения обусловлено тем, что у животных рога появляются в процессе взросления, именно развитые рога становятся символом взрослого самца. *Рога выросли. У старого козла большие рога. Была бы голова, будут и рога.*

Употребляется по отношению к человеку, его поведению.

- Символизирует богатство. Ожидай хорошего! Одобр. Формирование символического значения связано с античной мифологией: по одному из мифов коза Амалфея, обладавшая таким рогом, вскормила Зевса.. *Рог изобилия. Всё не было да не было ораторов, как вдруг – Мирабо! А за ним, как из рога изобилия, посыпались: Дантон, Сен-Жюст, Камилл Демулен, Вернье...* [М. Е. Салтыков-Щедрин. «За рубежом»].

Употребляется для оценки ситуации.

Хвост

- Символизирует незаконченное дело. Делай дело до конца! Неодобр. Формирование символического значения основано на ассоциативной связи хвоста с завершающей фазой чего-либо. *Хвосты одни тянутся.*

- Символизирует нечто случайное. Будь готов к неожиданностям! *Сесть на хвост. Поймать удачу за хвост.*

- Символизирует что-то пропащее, напрасное. Знай, что какие-либо действия не будут иметь результата! Неодобр. *Коту под хвост. Собаке под хвост.* Формирование символического значения связано с наблюдениями за животными. Употребляется для констатации положения дел и для оценки.

Яйцо

- Символизирует неопытность. Учись на опыте старших! Формирование символического значения основано на наблюдениях за яйцом. *Яйца курицу не учат* [1].

- Символизирует результат. Цени в любом деле результат! Формирование значения связано с пониманием того, что яйцо появляется как результат развития кого-либо. *От худой курицы худые и яйца. Умерла та курица, что несла золотые яйца. Хоть бы нёс, да яйца бы нёс* [1].

Употребляется для констатации положения дел.

Яйцо выеденное

- Символизирует нечто простое, не имеющее ценности. Знай, что нечто незначительно, не представляет ценности! Неодобр. Формирование символического значения основано на наблюдениях за яйцом, его употреблением и использованием. *Не стоит выеденного яйца. Все налицо, как выеденное яйцо* [1].

Употребляется для констатации положения дел и для оценки.

Таким образом, приведённые выше словарные статьи для словаря символов русской культуры позволяют делать выводы о том, что рассмотрение нескольких лексем одной тематической группы вносит существенные дополнения в общее представление о символизации значений, о расширении семантики слова. Очевидно, что проявление расширения семантики напрямую связано с функцио-

нированием слова в речи, с его использованием в фольклорных произведениях, в художественной литературе.

Список литературы

1. Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник В. И. Даля. М. : Рус. яз. Медиа, 2009. 814 с.
2. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры / Российская акад. наук, Ин-т языкознания. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. 453 с.
3. Красовская Н. А. Русские названия некоторых деревьев и кустарников: символическое значение // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 4 (39). С. 120–129.
4. Телия В. Н. Русская фразеология: Семант., прагмат. и лингвокультурол. аспекты. М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1996. 284 с.
5. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (На материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке) : монография. Волгоград : Перемена, 2003. 232 с.

Информация об авторе: *Красовская Нелли Александровна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого (г. Тула, Россия).

ЯЗЫК И ПАНДЕМИЯ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ – НОВАЯ ЛЕКСИКА

Н. С. Куприянова

г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассмотрены некоторые процессы в лексике и словообразовании, отражающие новую реальность, связанную с пандемией коронавирусной инфекции; определены лексемы, ставшие центром данного лексико-семантического поля и вершиной наиболее объёмных словообразовательных гнёзд, названы наиболее частотные дериваты и причины, их инициировавшие.

Ключевые слова: пандемия, Covid-19, новая лексика, интернет-дискурс, словообразовательная модель

Для цитирования: Куприянова Н. С. Язык и пандемия: новая реальность – новая лексика // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 94–95.

Пандемия коронавируса, которую расценивают сегодня как катастрофу мирового масштаба, отразилась в лексике всех современных языков, в том числе русского [2]. Активные процессы, связанные с этим явлением, привели, с одной стороны, к актуализации лексем и фразеологизмов, уже живущих в языке, появлению у них новых значений, с другой – к образованию новых слов и по моделям, характерным для современного словообразования, а также к образованию новых устойчивых оборотов (фразеологизмов, пословиц, поговорок и того, что в соцсетях получило название *мемы*) [1, с. 71–72].

Референтное поле, связанное с пандемией, обширно и многообразно, что отразилось в сложной структуре и количественном составе лексико-семантического поля, ядерными единицами которого в русском языке стали лексема *коронавирус* и её синонимы. Иноязычные названия болезни – аббревиатура *COVID-19* (от *COronaVirus Disease*, в которой английское *disease* значит («болезнь»)) и *SARS-CoV-2* – функционируют, как правило, в книжной речи: значение их непрозрачно для большинства носителей русского языка воспринимаются ими в качестве научного медицинского термина. В отличие от них, лексема *коронавирус* наиболее популярна, потому что понятна: СМИ разъяснили внутреннюю форму слова, подкрепив многократным показом картинок с изображением нового вируса, форма которого напоминает корону.

Этот факт подтверждается сегодня не только частотой лексемы, но и появлением в русском языке аффиксоида *корона*, который стал первой частью большого количества неологизмов: *коронадемия*, *коронапаника*, *коронакризис*, *коронапроявления*, *коронадиссиденты*, *коронаскептики*, *корониалы* (дети, рождённые в период пандемии коронавируса), *коронавирые*, *коронапоклипсис* (*коронавирус* + *апокалипсис*), *коронагеддон* (*коронавирус* + *армагеддон*) и др. Творческий характер нового словообразования особенно заметен в интернет-общении, где в большинстве неологизмов имеет коннотацию, обычно негативную, которую и придаёт слову его первая часть – *корона*-.

Термин *COVID-19* в русском языке был быстро освоен и превратился в существительное мужского рода *ковид*. Эта лексема тоже стала вершиной словообразовательного гнезда (*противоковидный*, *антиковидный*, *ковидологи* – "врачи, специализирующиеся на ковиде" и др.), большая часть дериватов в котором содержит отрицательную, презрительную коннотацию: *ковидик* (*подхватить*), *ковидить*, *ковидничать* ("болеть ковидом" или "проводить время во время ковид-пандемии"), *ковидло* ("состояние во время болезни" и вообще "всё плохое, связан-

ное с ковидом"). Появились в этом гнезде и полисеманты: *ковидник* (1) – "мужчина, болеющий ковидом" и 2) – "больница для больных ковидом", *презр.* по аналогии с *рассадник*), *ковидница* (1) – "женщина, болеющая ковидом" и "больница для больных ковидом"), *ковидарий* ("больница, для заболевших ковидом"), *коронавты* ("люди, болеющие ковидом"), *ковид-бумеры* (по аналогии с *беби-бумеры*), *ковиниалы* (дети, рождённые во время эпидемии, по аналогии с *миллениалы*), *ковидиот* (сложение: *ковид* + *идиот*), *ковид-диссидент* (*ковиддиссидент*). Редки на этом фоне неологизмы с положительной оценкой, появление которой обусловлено положительной коннотацией лексемы, по аналогии с которой (или на без которой) они образованы: *ковидарность* – "солидарность во время эпидемии ковида".

Следствие пандемии – *карантин*, что не только вызвало актуализацию самой лексемы, повысив частоту её употребления, но и спровоцировало рождение новых слов: *карантинец* ("человек, сидящий на карантине", суффиксальное образование по аналогии с *сиделец*), *карантикулы* ("каникулы, выходные дни из-за карантина"), *карантье* ("человек, сидящий на карантине или выгуливающий чужую собаку, чтобы иметь возможность выйти на улицу"), *карантэ* ("умение владеть собой в самоизоляции") и др.

В разговорном дискурсе соцсетей страх мы видим, что страх перед болезнью и одновременно желание обезопасить себя, вызывает инстинктивное желание сплотиться – отсюда лексемы *карантим* (*карантин* + англ. *team* ("команда")), общаться – *карантинки* ("картинки, которыми обмениваются во время карантина по интернету") и высмеять это страшную ситуацию. Поэтому языковая игра наблюдается и при создании новых слов (*макаронавирус* – "ажиотаж, связанный с покупкой макарон в начале пандемии", *гречкохайп* – "ажиотаж, связанный с покупкой гречки в начале пандемии", *коковид* и *куриновирус* ("куриный грипп, вспыхнувший во время пандемии коронавируса"). *Сидидомщики* теперь противопоставляются *коронапофигистам*, *масочники* – *голомордым безмасочникам* или *антимасочникам*. Страх пред болезнью именуется *коронабесием*, *ковидобесием*, *маскобесием* и *маски-шоу*.

Вероятно, значительное влияние на людей оказало то, что сегодня назвали *инфодемия* ("переизбыток информации об пандемии") и *дезинфодемия* (распространение ложной информации во время пандемии").

Многие слова, рождённые в период пандемии, безусловно, уйдут в пассивный запас или сохранят активное употребление лишь в медицинской сфере. Последствия пандемии в то же время открыли новую реальность – новые возможности, которые нашли отражение в новых словах и сочетаниях: *удалённая работа* – *удалёнка*, *дистанционное обучение*, *дистанционный формат* – *дистант*, *дистанционка* и др.

Список литературы

1. Новые слова и словари новых слов. 2020 : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Козловская ; Институт лингвистических исследований РАН. СПб., 2020. 220 с.
2. Мустайоки А., Зорихина-Нильссон Н., Тоус-Ровирова А. [и др.]. Covid-19: катастрофа в языковом измерении разных стран // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 4. С. 1369–1390. URL: <https://science.urfu.ru/es/publications/covid-19-a-disaster-in-the-linguistic-dimension-of-different-coun> (дата обращения: 04.03.2021).

Информация об авторе: *Куприянова Наталья Сергеевна*, старший преподаватель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

СУБСТАНТИВАЦИЯ СЛОВ «УМНЫЙ» И «ГЛУПЫЙ» В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

А. В. Кусайкина

г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается процесс субстантивации прилагательных «глупый» и «умный» в пословицах и поговорках. При анализе причин субстантивации характеризуются особенности субстантивированных слов, приобретённые ими благодаря переходу в разряд существительных.

Ключевые слова: существительное, субстантивация, субстантивированное прилагательное, адъектив, пословица, поговорка

Для цитирования: Кусайкина А. В. Субстантивация слов «умный» и «глупый» в русских пословицах и поговорках // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 96–98.

Субстантивация – это распространённый способ пополнения разряда существительных и актуальное направление неморфологического словообразования. Под термином субстантивация в языкознании понимается переход слов других частей речи в разряд существительных. Чаще всего наблюдается переход исходных прилагательных и причастий. В ходе процесса субстантивации можно проследить условия перехода слов в состав предметных имён и происходящие с ними трансформации, в результате которых изменяются грамматические свойства исходного адъектива и его лексическое значение.

К числу важных условий образования новых слов относится и значение исходного прилагательного: слово называет такой признак-свойство человека или неодушевленного предмета, отвлечённого явления, который может быть абсолютизирован и переосмыслен как некая самостоятельная сущность в отрыве от своего носителя [2, с. 142]. В силу этого субстантивированное слово приобретает предметное значение и может замещать в контексте собственно название носителя признака. Таким образом, между признаком и его носителем становится возможным употребление имени признака вместо имени предмета – со всеми вытекающими последствиями: изменением синтаксической функции, преобразованием морфологических признаков.

На материале сборника М. А. Рыбниковой «Русские пословицы и поговорки» [5] и «Словаря-тезауруса русских пословиц, поговорок и метких выражений» В. И. Зимина [3] мы рассмотрим субстантивированные прилагательные, относящиеся к группе «человек по внутренним свойствам, характерному поведенческому качеству», – «умный» и «глупый».

Называющие человека субстантивированные прилагательные употребляются в контекстах, где есть упоминание о специфических человеческих занятиях или какой-либо сфере деятельности, человеческом поведении. Грамматически это передается глагольными формами, выражающими активные действия субъекта, его отношение к кому-, чему-либо. Пословицы и поговорки относятся к малым фольклорным жанрам, отражают народную мудрость, моральный свод правил жизни. Так как слова «глупый» и «умный» употребляются в пословицах и поговорках, которые несут воспитательную направленность, можно выделить группы действий: а) глаголы речевой деятельности: *Глупый да малый всегда правду глаголют; Глупый да малый глаголют истину; Глупый наговаривает и на себя и через*

себя; б) глаголы интеллектуальной и социальной деятельности: *Глупый киснет, а умный промыслит; Глупый хвастает молодой женой, умный хвастает родной матушкой.*

Практически все слова употреблены в пословицах в форме мужского рода, следовательно, они обозначают лицо мужского пола или человека вообще: *Умному только намёк дай, а глупому и тумак не в подмогу.* Формы множественного числа определяют совокупность людей, объединённых по названному признаку: *Глупым счастья от безумья, умным горе от ума; Ищи храбрых – в тюрьме, мудрых – в кабаке, а глупых – в полах.*

Также можно говорить, что в основе структуры русских пословиц лежит процесс эллипсиса – сокращения существительного в словосочетании «существительное плюс прилагательное»: *Глупому – счастье, умному – напасти.*

Прилагательные «умный» и «глупый» являются антонимами. Антонимия в пословицах и поговорках – одно ярких изобразительно-выразительных средств: *Умный учит, а глупый мучит; Глупый киснет, а умный промыслит; Умному – намёк, глупому – толчок; Глупым счастье от безумия, умным горе от ума; Глупый хвастает молодой женой, умный хвастает родной матушкой; Умному только намёк дай, а глупому и тумак не в подмогу.* Антонимия – важное языковое средство, влияющее на восприятие пословиц и поговорок, это эффективный и часто применяемый способ сделать короткий текст ярким и выразительным.

Можно увидеть неполную субстантивацию прилагательных, то есть они лишь в данных контекстах употребляются как существительные, в других же случаях могут выступать как определение существительных.

К примеру, *Глупому – счастье, умному – напасти; Глупому сыну и отец ума не пришьёт; Умный любит учиться, а дурак – учить; Умный ты был бы человек, если бы не был дураком.*

В первых примерах прилагательные выступают в роли существительных, имея все лексико-грамматическими признаки данной части речи, во вторых примерах это уже прилагательные.

Анализируя синтаксис, можно прийти к выводу, что в основном представлены односоставные и двусоставные предложения.

Кроме того, следует отметить, что чаще всего субстантивируется прилагательное «умный», чем «глупый», что, возможно, связано с просветительской направленностью пословиц и поговорок. Семантика субстантивированного слова «умный» разнообразна. В большинстве случаев субстантив «умный» обозначает «умного человека», но иногда и «мудрую жену» (*На хорошую глядеть хорошо, а с умною жить хорошо*). Слова «глупый» и «умный» являются характеристикой человека и его умственных способностей. Отметим, что при соотнесении слов «глупый» и «умный» с человеком, процесс субстантивации происходит, если же идёт речь о животных, речи и других неодушевленных понятиях, то процесс субстантивации не происходит, например: *За таким умом лучше ходить просто в гости, потому что и самый глупый из наших знакомых всё-таки умнее самой умной собаки* [6]; *Умный, всегда загорелый лоб и абсолютно белые, без малейших оттенков волосы укрепляли веру в бабушкины диагнозы и предсказания* [1]; *Умная речь и звучный молодой голос привели меня в норму* [4].

Опираясь на словарь В. И. Зиминой «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» [3] и сборник М. А. Рыбниковой «Русские пословицы и поговорки» [5], мы выявили 64 паремии, включающие компоненты «глупый» и «умный». Среди них словосочетаний с прилагательным «умный» 13, а субстантивированным прилагательным 27; словосочетаний с прилагательным «глупый» 17, а субстантивированным прилагательным 14. Можно говорить о том,

что преобладает употребление субстантивированных прилагательных, так как язык стремится к экономии языковых единиц. Эллипсис, как синтаксический процесс, является одной из наиболее интересных и сложных проблем в лингвистике. Этот процесс распознается из контекста или определённой ситуации, потому что автор, раскрывая в предложении определённую мысль, может пропустить слово. В результате сокращается текст, что и наблюдается в пословицах.

Можно сказать, что большинство субстантивированных прилагательных, представленных в русских пословицах и поговорках, обозначают человека (формы мужского рода), что связано с обобщением типичных ситуаций в жизни человека и закреплением их в виде компактных формул для сохранения и передачи информации подобного рода.

Список литературы

1. Алексин А. Г. Собр. соч. : в 3 т. М. : Детская литература, 1980. Т. 2. URL: <http://lib.ru/PROZA/ALEKSIN/razdel.txt> (дата обращения: 20.02.2021).
2. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М. : Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
3. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 736 с.
4. Петров-Водкин К. С. Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. М. : Искусство, 1970. URL: <http://dugward.ru/library/sodlibl> (дата обращения: 20.02.2021).
5. Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 229 с.
6. Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник : избранное / под общ. ред. Н. А. Богомолова ; сост. и подгот. текста В. Г. Перельмутера. М. : Сов. писатель, 1990. URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&sort=i_grtagging&nodia=1&startyear=1800&mydocsize=&mysize=&spp=&mysentsize=&req=глупый&mycorp=&mysent=&api=1.0&endyear=2019&mode=main&env=alpha&text=lexform&dpp=&spd=&p=3 (дата обращения: 20.02.2021).

Информация об авторе: *Кусайкина Анастасия Владимировна*, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

К ВОПРОСУ О ПРОЕКТИРОВАНИИ И СОЗДАНИИ ПЕРЕВОДНОГО СЛОВАРЯ ТЕРМИНОВ ПАНДЕМИИ КОВИД-19

М. Р. Милуд, Н. Гезайли

г. Алжир, Алжир

Аннотация. Исследование посвящено проектированию, созданию и описанию нового переводного словаря терминов Ковид-19. Глобальная пандемия способствовала появлению новых терминов. Обзор медицинских словарей показывает полное отсутствие новых терминов, появляющихся в результате всемирной пандемии Ковид-19, что убедительно доказывает неизбежность проектирования и создания нового специального переводного словаря. Главное преимущество этого словаря заключается в том, что впервые в истории словарной деятельности была создана русская версия корпуса терминологии пандемии Ковид-19. Словарь содержит в себе все термины, связанные с коронавирусом, вместе с терминами, использованными для названия новых реалий, возникающих в процессе борьбы с эпидемией.

Ключевые слова: термин, терминология, Ковид-19, коронавирус, пандемия, переводный терминологический словарь, карантин

Для цитирования: Милуд М. Р., Гезайли Н. К вопросу о проектировании и создании переводного словаря терминов пандемии Ковид-19 // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 99–103.

В непрерывно развивающемся мире наблюдается значительный рост терминов в различных областях науки и нашей жизни. В связи с этим, термины активно пополняют словарный запас всех языков без исключения. Наиболее сложными и актуальными дискуссионными темами в современных исследованиях становятся терминологические проблемы, представляющие существенную значимость в профессиональной коммуникации людей, становясь при этом источником получения информации и инструментом освоения специальности.

Глобализация представляет собой появление гибридной мировой культуры. В рамках глобализации происходит повышенное движение информации в сфере международной коммуникации в сети Интернета, что способствует интернационализации науки и культуры. Интересно упомянуть тот факт, что большинство международных слов являются терминами, употребляемыми в профессиональных сферах. Интернационализация науки и культуры однозначно приводит к интернационализации языковых средств.

Коронавирус был обнаружен в декабре 2019 года в Ухане. Город центрального Китая был изолирован от внешнего мира почти одиннадцать недель из-за этого вируса. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) классифицировала его как пандемию 11 марта 2020 года в связи с быстрым распространением этого вируса по всему миру. Эпидемиологи считают, что коронавирус относится к классу вирусов с различными симптомами в целом, в первую очередь к обычной простуде, острым и тяжелым респираторным заболеваниям [4].

Название вируса происходит от латинского *Corona*, что означает как правило венец, венчик, гало [5]. Ученые утверждают, что при просмотре коронавирусов через электронный микроскоп обнаруживается, что все типы этой категории имеют на своей оболочке отростки в виде короны, откуда и происходит их название.

Эпидемиологи подтверждают, что коронавирус был обнаружен в шестидесяти годах прошлого века. Первыми обнаруженными вирусами были вирус инфекционного бронхита кур (ИБК), а также два вируса из носовой полости пациентов, зараженных простудой, так называемые человеческий коронавирус E 229 и человеческий коронавирус OC 43. С тех пор учёные обнаружили множество вирусов, относящихся к тому же семейству, включая коронавирус атипичной пневмонии (SARS) в 2003 году, человеческий коронавирус NL 63 в 2004 году, человеческий коронавирус HKU1 в 2005 году, коронавирус MERS в 2012 году и новый коронавирус –nCoV2019. Общим знаменателем этих вирусов является животный источник. Они передаются от животного к человеку, вызывая острую инфекцию в его дыхательной системе, сопровождающейся такими признаками инфекции, как лихорадка, кашель и затрудненное дыхание, которое иногда переходит в острую пневмонию, что может привести к почечной недостаточности и смерти [4].

Создание терминологических словарей имеет давнюю историю. «Уже в конце XVIII в. начиналась активная работа русских исследователей по созданию русских терминологических словарей. Первым лексикографическим источником, зафиксировавшим русскую научную терминологическую лексику, стал «Дикционер или Речениар, по алфавиту российских слов, о разных произражениях, т.е. древах, травах, цветах, семенах огородных и полевых, кореньях, и о прочих минералах», созданный коллежским асессором Императорской Академии Наук К. А. Кондратовичем. Выход в свет названного словаря послужил началом создания словарей терминологического типа в России» [3, с. 228].

В рамках усилий, прилагаемых Арабской организацией по образованию, культуре и науке и её специализированным органом «Управление по координации арабизации» были разработаны современные научные словари, касающиеся арабских эквивалентов научных терминов в различных дисциплинах. Здесь с 1961 года выпускаются стандартизированные трехязычные словари: арабский, французский и английский, в соответствии с научной методологией, принятой научными комитетами. Отдел словарей начал отбор наиболее известных терминов, связанных с коронавирусом, из научных статей, специализированных сайтов и медицинских журналов.

Не отставая от событий, связанных с развитием коронавируса, в этой организации была выпущена предварительная цифровая версия словаря терминов Ковида 19. Данный вирус, согласно тому, что упоминается во многих научных докладах, не только вызвал пандемию, но и связанный с ним карантин, который привёл к всеобщему экономическому и психологическо-социальному кризису в мире.

Первое издание словаря, насчитывающего 188 терминов, было опубликовано в мае 2020 г. Оно доступно в электронном формате [4].

Несмотря на сложившиеся условия во время карантина, при котором массовое человеческое общение перешло в общение в онлайн, авторами данной статьи была подготовлена самая первая русская версия переводного словаря терминов Ковид-19. В нём содержатся наиболее употребительные термины-понятия в области коронавирусных заболеваний.

Ожидается, что исправленное и дополненное второе издание словаря, включающего 354 термина на русском языке, выйдет в нынешнем году.

В ходе составления словаря и выбора эквивалентов, мы использовали широкий круг источников, наблюдая внимательно за развитием терминов в научных статьях и на заинтересованных сайтах, а также проверяя их перевод на русском языке так, чтобы достичь эффективности предлагаемого словаря.

Интернационализация русского языка относится к 70-м г. XX в. и связана с процессом глобализации. Данные процессы приводят к заимствованию новых слов и модернизации языка, поэтому нами было обнаружено в ходе анализа, что лексике текущей пандемии присущ интернациональный характер. Например, *химиопрофилактика (chemoprophylaxis)*, *бетакоронавирус (betacoronavirus)*, *хлорохин (chloroquine)*, *кластер (cluster)*, *Ковид-19 (Covid-19)*, *аэрозоль (aerosol)*, *коронавирус (coronavirus)*, *эпидемическая миалгия (epidemic myalgia)*, *эпидемиология (epidemiology)*, *газометрия (gasometry)*, *генетическая эпидемиология (genetic epidemiology)*, *геном (genome)*, *самоконтроль (self-monitoring)*, *гермофобия (germophobia)*, *иммунитет (immunity)*, *интубация (intubation)*, *инфекционный агент (infectious agent)*, *изоляция (isolation)*, *янтинобактерия (janthinobacterium)*, *маска (mask)*, *нидовиралес (nidovirales)*, *самокарантин (self-quarantine)*, *досимптомный диагноз (presymptomatic diagnosis)*, *карантин (quarantine)*, *ремдесивир (remdesivir)*, *маркер риска (risk marker)*, *телемедицина (telemedicine)*, *R-ноль (R-naught)*, *самоизоляция (self-isolation)*, *социальное дистанцирование (social distancing)*, *телеработа (telework)*, *социальный риск (social risk)*, *стерилизация (sterilization)*, *телеконсультация (teleconsultation)*, *триггеры (triggers)*, *вирусология (virology)*, *вентилятор (ventilator)*, *бронхоальвеолярная лаважная жидкость (БАЛ) (bronchoalveolar lavage (BAL))*, *гидроксихлорохин (hydroxychloroquine)*.

Использование греческих и латинских корней в формировании этих терминов отражает интернационализацию подязыка медицины в целом. Межсистемные заимствования в области медицины объясняются междисциплинарностью инфекционных заболеваний. Приведем несколько примеров таких терминов, *ксеноантитело (xenoantibody)*, *ксеростомия (xerostomia)*, *зооноз (zoonosis)*, *зимоген (zymogen)*, *пандемия (pandemic)*, *миалгия (myalgia)*, *ятрогенный (iatrogenic)*, *гипоксемия (hypoxemia)*, *олигонноз (hyporpea)*, *гермицид (germicide)*, *диагноз (diagnosis)*, *аносмия (anosmia)*, *агезия (ageusia)*, *антисептический (antiseptic)*, *асфиксия (asphyxia)*.

Проведённое исследование показало, что большинство русскоязычных научных терминов, использованных во время глобальной пандемии возникли в результате калькирования из английского языка. Например, *benevolent fund* → *благотворительный фонд*, *bacteriophage* → *бактериофаг*, *antiviral drug* → *противовирусный препарат*, *artificial respiration* → *искусственное дыхание*, *chemoprophylaxis* → *химиопрофилактика*, *clinimetrics* → *клиниметрия*, *conditional pathogens* → *условные патогены*, *contagious* → *контагиозный*, *continuing source epidemic* → *эпидемия постоянного источника*, *extrinsic incubation period* → *внешний инкубационный период*, *false negative* → *ложно-отрицательный*, *false positive* → *ложно-положительный*, *hemoptysis* → *гемоптизис*, *host cell* → *клетка-хозяин*, *laboratory-confirmed case* → *лабораторно подтвержденный случай*, *middle east respiratory syndrome (MERS)* → *ближневосточный респираторный синдром (БВРС)*, *pharmacoepidemiology* → *фармакоэпидемиология*, *physical containment barrier* → *физический сдерживающий барьер*, *pneumonia* → *пневмония*, *prodrome* → *продром*, *reservoir of infection* → *резервуар инфекции*, *superspreading* → *сверхраспространение*, *super-spreader* → *суперинфектор*.

Отмечаем, что малоизвестные медицинские термины, стали общеупотребительными в результате дистанционной коммуникации обществ. Актуализация русского языка во время пандемии происходит вместе с появлением и использованием новых терминов для наименования новых реалий. Большинство этих терминов были заимствованы из английского языка. Например, *elbow bump* → *приветствие локтями*, *foot shake* → *приветствие ногами*, *border closure* → *закрытие границ*, *cordon sanitaire* → *санитарный кордон*, *drive through testing* → *тестиро-*

вание за рулём, *epicenter* → эпицентр, *case fatality rate (CFR)* → уровень смертельных случаев, *fist bump* → приветствие «кулак о кулак», *hydro-alcoholic gel* → водно-спиртовой гель, *modified quarantine* → модифицированный карантин, *unnecessary travel* → ненужное путешествие.

Основной целью создания данного словаря терминов Ковид-19 является максимальный охват русских, французских и арабских терминов, связанных с коронавирусомными заболеваниями.

С целью обеспечения **доступности** словаря для широкого круга пользователей, второе издание будет издано и опубликовано на сайте Арабской организации по образованию, культуре и науке для бесплатного и совершенно легального скачивания.

Основные задачи данного словаря заключаются в следующем:

- 1) в определении корпуса английских, русских, французских и арабских терминов, связанных с коронавирусом;
- 2) в выявлении лексикографической специфики данной терминологии;
- 3) в разъяснении терминов, связанных с пандемией Ковид-19.

В специальной литературе по терминологии детально описаны самые важные этапы составления терминологических словарей: «1) просмотр литературы; 2) составление картотеки предполагаемых терминов; 3) отбор терминов и их редактирование специалистами; 4) составление схемы понятий; 5) составление алфавитной картотеки; 6) подбор эквивалентов» [1, с. 91; 2, с. 12].

Макроструктура каждой словарной статьи в первом издании словаря была смоделирована трехсторонним образом, т.е. для каждого английского термина приводятся французский и арабский эквиваленты вместе с толкованием. Русские эквиваленты находят свое место во втором издании этого же словаря.

Главным преимуществом данного словаря является тот факт, что впервые в истории словарной деятельности был создан и опубликован корпус терминологии пандемии Ковид-19. Словарь содержит в себе все термины, связанные с коронавирусом, наряду с терминами, использованными для называния новых реалий, возникающих в процессе борьбы с эпидемией.

С точки зрения **практического применения**, адресатами этого словаря являются англоговорящие, франкоговорящие и арабговорящие. Словарь также предназначен переводчикам специальной литературы и квалифицированным специалистам.

Таким образом, составление переводных терминологических словарей опирается на общие принципы создания любого словаря, при котором выделяются этап сбора корпуса, этап отбора терминов и подбора эквивалентов, затем этап оформления словарных статей. Что же касается переводного словаря терминов Ковид-19, то его составление требует особого подхода, заключающегося в понимании природы появившегося термина, в его правильном определении и точной передаче на другие языки путём калькирования.

Данная статья была подготовлена исключительно с использованием свободного программного обеспечения с открытым исходным кодом.

Список литературы

1. Дубичинский В. В. Теоретическая и практическая лексикография. Вена ; Харьков, 1998. 160 с.
2. Лейчик В. М. Лексикографическая терминологическая деятельность // Терминология библиотечного дела : сб. ст. гос. библ. им. В. И. Ленина. М., 1975. С. 6–15.

3. Милуд М. Р. Становление языка русской науки и формирование русской терминологической лексики // Художественный текст: проблемы чтения и понимания в современном обществе : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Стерлитамак, 2018. С. 227–230.

4. The Arab League Educational, Cultural and Scientific Organization (ALECSO). Dictionary of Covid-19 terms (English-French-Arabic) // Alecso.org. 2020. 84 p. URL: <http://www.alecso.org/nsite/images/pdf/6-5-2020.pdf> / (дата обращения: 01.02.2021).

5. Goldendict Gnu-Linux // Ubuntu.com. 2021. URL: <https://packages.ubuntu.com/xenial/goldendict-wordnet> / (дата обращения: 28.01.2021).

Информация об авторах: *Милуд Мохамед Рашид*, доктор филологических наук, доцент, преподаватель русского языка как иностранного Университета Алжир 2 имени Абу Эль касем Саад Аллах; эксперт при Министерстве высшего образования и научных исследований в Алжире (г. Алжир, Алжир); *Гезайли Надя*, доктор филологических наук, профессор, заместитель декана по научному исследованию факультета арабской филологии и восточных языков Университета Алжир 2 имени Абу Эль касем Саад Аллах (г. Алжир, Алжир).

ДИРЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В ЭПИСТОЛЯРИИ Л. Н. ТОЛСТОГО

В. Г. Павкина, А. Ю. Маслова

г. Саранск, Россия

Аннотация. На материале писем Л. Н. Толстого проанализированы особенности выражения побуждения в его эпистолярной коммуникативно-прагматическом аспекте. Выявлены директивные речевые акты с интенцией категорического, нейтрального и смягченного типов. Установлено, что преобладают просьбы в интересах третьих лиц, прошенные советы и наставления, что свидетельствует о проявлении индивидуально-авторского начала писателя и дополняет черты его речевого портрета.

Ключевые слова: эпистолярный, письмо, речевой акт, директив, побуждение

Для цитирования: Павкина В. Г., Маслова А. Ю. Директивные речевые акты в эпистолярной Л. Н. Толстого // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 104–108.

Эпистолярное наследие мастеров мировой культуры имеет большое значение в культурно-историческом отношении, выступая в качестве своеобразных документов эпохи. Их письма обладают несомненной эстетической ценностью и вызывают научный интерес как феномен письменной межличностной коммуникации.

А. В. Вельский справедливо отмечает, что общение немислимо без побуждения к действию, так как люди непрерывно обращаются друг к другу с разнообразными побудительными фразами [3]. Коммуникативно-прагматический подход к изучению побудительного значения, специфики его интенциональной репрезентации, в частности, в эпистолярном наследии делает закономерным исследование в аспекте теории речевых актов.

Как отмечает Е. В. Скрипченко, в свете изучения эпистолярных текстов теория речевых актов представляет особый интерес [7]. Обусловлено это в первую очередь уникальной природой эпистолярной: с одной стороны, – это письменный текст, с другой – воссоздание ситуации живого общения. Письмо одновременно моделирует «поведенческую ситуацию (разговор друзей), язык описания этой ситуации и диалога, происходящего в этой ситуации, а также и роли её участников (адресанта и адресата), которые присутствуют на равных правах в его тексте» [1, с. 127].

Источником фактического материала для настоящего исследования послужили письма Л. Н. Толстого [8–25].

При изучении побудительной семантики всегда отмечается обязательная обращенность к адресату, диалогичность. Отсюда вполне оправдан интерес к тому, как осуществляется взаимодействие участников коммуникации в эпистолярных текстах. Так, в рассматриваемых письмах побуждение реализуется непосредственно к адресату: *Обращаюсь к вам с просьбой о возвращении с каторги крестьян Сумского уезда <...>* [18]; есть факты побуждения к совместному действию: *Будем же <...> утверждать себя в таких убеждениях и чувствах и руководствоваться ими в <...> поступках* [24]; к действию третьего лица, не участвующего непосредственно в процессе коммуникации: *Пусть же помнит старик, что слова его могут быть особенно значительны* [24]. *Пусть дети: Таня, Маша, Лёва напишут мне про него.*

Анализ фактического материала позволил выявить в письмах писателя все виды побудительной интенции директивного типа: категорическую, нейтральную и смягченную [4]. Категорический директив, требующий безоговорочного исполнения волеизъявления адресанта, который уполномочен официально или сам себя наделяет полномочиями власти, представлен в эпистолярной в требованиях: *Я требую, чтоб меня любили также, как я могу любить* [13]; в запретах: *Таня, не капризничай* [14]. *Страшно, чтобы не заморили её, и потому одному мужику или двум мужикам нельзя поручить <...>* [15]; в распоряжениях: *Деньги посылай Колечке 5000; а остальные отдавай Лёве. Мы приблизительно должны удовлетвориться тем, что есть и подойдет. Помощников известных и хороших присылай: чем больше, тем лучше* [25]. *Пускай он там переночует и Воскресенье едет шажком в Сергиевское и там тоже переночует, ежели мы не приедем в этот день* [16]. Отметим, что в типологии речевых актов довольно проблематично дифференцировать распоряжение и другие категорические директивы, например требование или приказание. М. Г. Безяева под распоряжением понимает побуждение к действию, «которое нужно, следует совершить (если слушающий и исполнитель одно и то же лицо) обязательно в течение определённого времени или к определённому сроку» [2, с. 70]. Очень часто распоряжение реализуется в бытовых ситуациях, когда даётся «указание о выполнении чего-либо» [6]: *Вели Мише поискать – сама поищи в моих книгах брошюру в синей, обертке: Истребление Аварских ханов, соч[инение] Неверовского, и привези* [16]. Как следует из вышеприведенных примеров, Л. Н. Толстой как адресант распоряжений стоит выше адресата в социальной иерархии: *<...> а в субботу вечером вышли Якова <...> В Лапоткове пускай он скажется на станции, а в Серьговском пускай стоит у Черемушкина* [16], но при этом данные распоряжения менее апелляционны, чем команды и приказы.

Побудительная интенция смягчённого типа реализуется в высказываниях, в которых адресант не наделён правом требовать исполнения, скорее наоборот, он находится в зависимом положении от партнера по коммуникации, поскольку в большей степени заинтересован в реализации побуждения; адресат обладает свободой выбора в отношении выполнения / невыполнения действия, к которому его побуждают. Это могут быть письма делового характера, связанные с деятельностью писателя: *<...> я просил бы всех тех, кто желает издавать не напечатанные в России мои произведения, обращаться за оригиналами таковых в Англию* [11], – сослагательное наклонение глагола, номинирующее интенцию, привносит оттенок этикетной ненастойчивой просьбы; *Очень хочется написать популярное изложение Един[ого] Налога и начал, да не вышло. Но попытаюсь еще. Мне приходит мысль, нельзя ли напечатать теперь в России Конец века. <...> Не возьметесь ли вы напечатать?* [18] – контекст, в котором реализуются вежливые косвенные просьбы в форме вопроса, свидетельствует о личной заинтересованности автора в издании трудов. В личных письмах начала 1860-х Л. Н. Толстой, обращаясь к жене, нередко просит о прощении, прибегая к самоуничтожению: *Соня, прости меня, я теперь только знаю, что я виноват и как я виноват... Соня, голубчик, я виноват, но я гадок [1 неразобр.] во мне есть отличный человек, который иногда спит. Ты его люби и не укоряй, Соня* [19]. Иногда просьбы граничат с мольбой: *Душенька моя, голубчик, самая лучшая на свете. Ради Бога, не переставай писать мне каждый день до субботы* [14] – фразеологизированное сочетание *ради Бога* в значении *пожалуйста* [6] увеличивает иллюкутивную силу высказывания. Однако довольно часто смягченные директивы представлены просьбами, которые реализуется не в пользу адресанта, а в пользу третьего лица: *Милый Павел Александрович, сын нашего Ильи Васильевича (ла-*

кея), смирный и умный малый 20 лет, от болезни глаз не мог продолжать учиться гравёрству и без места. **Не можете ли вы пристроить его** [20]; Как правило, это просьбы о помощи или о содействии, причем сам адресант выступает посредником, а не лицом, заинтересованным в исполнении ради собственной пользы. Многие обращались к писателю, зная, что Л. Н. Толстой обладает влиянием и связями с людьми, которые могут решить их проблемы: *Передаст тебе эту записку штундист Киевской губ., который ходатайствует от своего общества о переводе их деревни из одной волости в другую. Если можешь, **помоги** ему* [21].

Побудительная интенция нейтрального типа, которая не основана на приоритете власти или / и социального положения адресанта, участники общения характеризуются равноправным положением, и результат действия не направлен в пользу адресанта, в анализируемых письмах выражается преимущественно в речевых актах совета. Наблюдаются, как правило, прошенные советы, что говорит об авторитете писателя, об уровне доверия к нему людей: **Отвечая же на ваш вопрос, что вам делать? советую** вам употребить все ваши душевные силы на освобождение себя от захватившей вас страсти [22]. Советуя, писатель побуждает к действию в интересах адресата: *Очень **бы** советовал тебе побольше быть на воздухе, на солнце. Как ни упорна твоя болезнь, это – воздух, солнце больше всего подкрепляет, освежает нас, стариков* [23]. Сослагательное наклонение подчеркивает ненастойчивый характер воздействия и необязательность выполнения побуждения. Наряду с советом в эпистолярной Л. Н. Толстого выявлены наставления, которые, по мнению Е. Б. Петровой [5], отличаются от совета нормативностью и инициативностью со стороны автора. В письмах писателя наставления, как правило, направлены на взывания к важным истинам, человеческой мудрости и опыту, накопленному годами: *О ближнем сказано: делай другим то, что бы ты хотел, чтобы тебе делали. Больше этого нельзя* [24]. Это может быть косвенное побуждение, например, как в письме к брату, который принял решение уйти из семьи. Л. Н. Толстой близко принял эту новость и сам изъявил желание написать брату, апеллируя к своему жизненному опыту и взывая его одуматься и вернуть мир в семье: *Не могу не повторить тебе еще того, что писал тебе прежде: что твое чувство отталкивающее к О[льге] несколько не означает то, что ты не можешь с ней жить и любить ее. Чувство это часто возникает в супружестве, большей частью происходит от пресыщения, и все супруги в большей или меньшей мере испытывали его и переживали, если в душе признавали, что это чувство дурное и надо его превозмочь* [9].

Данный фрагмент исследования показывает разнообразие побудительного речевого воздействия, представленного в эпистолярной писателем, как с коммуникативно-прагматической, так и с формальной точки зрения в аспекте языковых средств, выражающих разные типы побудительной интенции. Но важно отметить, что при актуализации тех или иных прагматических признаков проявляется индивидуально-авторское начало Л. Н. Толстого, что позволяет дополнить речевой портрет писателя.

Список литературы

1. Атанасова-Соколова Д. Эпистолярность А. С. Пушкина // *Litteraria humanitas. Alexandr Sergejevič Puškin v evropských kulturních souvislostech*. Брно, 2000. URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/132482/LitterariaHumanitas_007-2000-1_15.pdf?sequence=1 (дата обращения: 16.02.2021).

2. Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М. : Изд-во МГУ, 2002. 752 с.

3. Вельский А. В. Побудительная речь // Учен. зап. Моск. пед. ин-та иностр. яз. им. М. Тореза. 1953. Т. 6. С. 81–147.
4. Маслова А. Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и её реализация в сербском и болгарском языках на фоне русского языка. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 244 с.
5. Петрова Е. Б. Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 124–132.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999.
7. Скрипченко Е. В. Иллокуция и перлокуция в письмах Татьяны Лариной и Евгения Онегина // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. ст. II Междунар. симп. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. Донецк, 2018. С. 438–442. URL: <https://www.elibrary.ru/tem.asp?id=35244006> (дата обращения: 16.02.2021).
8. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : Худ. лит., 1956. Т. 76. URL: <http://tolstoy.ru/online/90/76/> (дата обращения: 16.02.2021).
9. Толстой Л. Н. – Толстому А. Л., 18 января 1904 г. // Письма Толстого (1904–1907). URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1904-1905/letter-8.htm> (дата обращения: 16.02.2021).
10. Толстой Л. Н. – Черткову В. Г., 10 апреля 1884 г. // Письма Толстого (1873–1889). URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/k-chertkovu-1883-1886/letter-12.htm> (дата обращения: 16.02.2021).
11. Толстой Л. Н. – в редакции газет «Новое время» и «Русские ведомости», 14 января 1906 г. // Письма Толстого (1904–1907). URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1905-1906/letter-99.htm> (дата обращения: 16.02.2021).
12. Толстой Л. Н. – Булыгину А. Г., 20 августа 1905 г. // Письма Толстого (1904–1907). URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1905-1906/letter-27.htm.5> (дата обращения: 16.02.2021).
13. Толстой Л. Н. – Толстой С. А., август-октябрь 1863 г. // Письма Толстого (1844–1872). URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/k-tolstoj-1862-1886/letter-7.htm> (дата обращения: 16.02.2021).
14. Толстой Л. Н. – Толстой С. А., ноябрь 1863 г. // Письма Толстого (1862–1886). URL: <http://tolstoy.ru/online/90/83/> (дата обращения: 16.02.2021).
15. Толстой Л. Н. – Толстой С. А., 20 июня 1867 г. // Письма Толстого (1862–1886). URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/k-tolstoj-1862-1886/letter-66.htm> (дата обращения: 16.02.2021).
16. Толстой Л. Н. – Толстой С. А., 22–23 апреля 1864 г. // Письма Толстого (1862–1886). URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/k-tolstoj-1862-1886/letter-10.htm> (дата обращения: 16.02.2021).
17. Толстой Л. Н. – Толстой С. А., 20 мая 1898 г. // Письма Толстого (1887–1910). URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/k-tolstoj-1887-1910/letter-347.htm> (дата обращения: 16.02.2021).
18. Толстой Л. Н. – Гольденвейзеру А. Б., 11 ноября 1905 г. // Письма Толстого (1905–1906). URL: <http://tolstoy.ru/online/90/76/> (дата обращения: 16.02.2021).
19. Толстой Л. Н. – Толстой С. А., 3 августа 1863 г. // Письма Толстого (1858–1880). URL: http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/dnevnik/1858-1880/zapisi-na-otdel_nyh-listah.htm (дата обращения: 16.02.2021).
20. Толстой Л. Н. – Буланже П. А., 26 февраля 1906 г. // Письма Толстого (1905–1906). URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1905-1906/letter-132.htm> (дата обращения: 16.02.2021).
21. Толстой Л. Н. – Горбунову-Посадову И. И., 28 июля 1905 г. // Письма Толстого (1905–1906). URL: <http://tolstoy.ru/online/90/76/> (дата обращения: 16.02.2021).
22. Толстой Л. Н. – Бродянскому М. А., 29 января 1906 г. // Письма Толстого (1905–1906). URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0:L._N._Tolstoy._All_in_90_volumes._Volume_76.pdf/99 (дата обращения: 16.02.2021).

23. Толстой Л. Н. – Толстому С. Н., 19 апреля 1904 г. // Письма Толстого (1905–1906). URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1904-1905/letter-92.htm> (дата обращения: 16.02.2021).

24. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. ; СПб. : Худ. лит., 1934. Т. 58. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_1050.shtml (дата обращения: 16.02.2021).

25. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : Худ. лит., 1959. Т. 84. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_1330.shtml (дата обращения: 16.02.2021).

Информация об авторах: *Павкина Валерия Геннадьевна*, студентка филологического факультета Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (г. Саранск, Россия); *Маслова Алина Юрьевна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (г. Саранск, Россия).

О МЕТОДАХ ИЗУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

М. Н. Панова

г. Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается языковая личность государственного служащего и его профессиональная языковая картина мира. При изучении профессиональной речи работника органов государственного управления, в которой отражается его «образ мира», целесообразно применение междисциплинарного подхода, привлечение методов и подходов разных наук. Представлена краткая характеристика используемых методов.

Ключевые слова: профессиональная языковая картина мира, государственный служащий, методы исследования

Для цитирования: Панова М. Н. О методах изучения профессиональной языковой картины мира государственного служащего // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 109–113.

Государственная служба в Российской Федерации, в которой сейчас занято более 2,5 млн человек, – это не только сфера профессиональной деятельности, но и социальный институт, имеющий свою структуру, традиции, модели поведения, в том числе речевого. Языковая личность государственного служащего как обобщённый образ носителя профессиональных ценностей, знаний и установок формируется в определённом социокультурном пространстве – соответствующей ментальной среде, обусловленной профессией, образом жизни и мировоззрением участников общения. Согласно теории языковой личности, разработанной Ю. Н. Карауловым, лингвокогнитивный уровень языковой личности представлен её тезаурусом, в котором запечатлена «картина мира», или система знаний о мире [2, с. 172]. Этот уровень составляют практические знания личности, её внеязыковой, в том числе социально-профессиональный, опыт; теоретические знания, полученные из различных текстов в широком смысле этого слова.

При изучении профессиональной языковой картины мира целесообразно использование междисциплинарного подхода, привлечение методов из арсенала других наук: социологии, социолингвистики, разнообразных процедур и технологий эмпирических исследований. Рассмотрим некоторые из методов и подходов, используемых в нашей работе.

Анализ повседневного языкового существования государственного служащего. При его описании использовался метод включённого наблюдения, который особенно подходит для анализа «живого» речевого поведения в реальном времени – онлайн. Проведённый анализ показал, что профессиональная речь представляет собой совокупность единиц разных уровней языковой системы и функциональных разновидностей языка: это определённая терминологическая система (в основном, используется организационно-управленческая, юридическая, экономическая терминология), официально-деловые клише, элементы разговорной речи, в частности слова-универбаты: *льготники, бюджетники, социалка, коммуналка* и др.; глаголы с приставками «по» и «про»: *порешать, поспособствовать, проработать, прописать* и др.), административно-политический жаргон.

Интерпретация полученных результатов с точки зрения теории языковой личности показала, что специфика административного дискурса состоит в его

особой интенциональности, идеологической обусловленности, а также в иерархическом характере статусно неравноправного служебного общения [3, с. 143]. Характер служебных отношений способствует формированию профессиональной картины мира, которая отражается в речевом поведении госслужащего: в специальной терминологии, профессиональном жаргоне, тематических характеристиках профессиональной речи, прецедентных текстах, а также в концептуальном плане и особенностях его вербализации.

Ассоциативные эксперименты, заключающиеся в толковании испытуемыми предложенных слов-стимулов. Профессиональная деятельность формирует определённый взгляд на мир, создаёт особый язык, единицы которого выполняют особую социопсихологическую функцию, отделяя «своих» от «чужих», служа приметой принадлежности к одному кругу тесно взаимодействующих и с полуслова понимающих друг друга людей. Например, проведённый ассоциативный эксперимент, в ходе которого в качестве слов-стимулов чиновникам были предложены глаголы, имеющие в других сферах общения иную актуализацию значений (*прописать*, *проговорить*, *расписать* и др.), показал, что существует тенденция к стандартизации их речевого поведения, связанного со служебной тематикой. Большинство испытуемых выбирали для толкования профессионально маркированные значения: *прописать* – «изложить в нормативно-правовом акте какие-либо положения»; *проговорить* – «обсудить вопрос, тему, обменяться мнениями»; *расписать* – «распределить обязанности между исполнителями» и т.д. Такие объяснения вряд ли были бы возможны при ином составе участников эксперимента, которые выбрали бы другие варианты толкования тех же самых слов, например: *прописать* – родственника в квартире; *проговорить* – всю ночь напролёт; *расписать* – стены узорами. Изучение ассоциативных реакций показало, что языковое сознание госслужащих отражает особый образ мышления, их профессиональную ангажированность, специфическое видение одного из фрагментов действительности. Профессиональная деятельность влияет на образ мышления, формирует языковое сознание и отражается в речевом поведении профессиональной группы [3, с. 143].

Как показывают результаты социологических исследований, в обыденном сознании большей части общества образ государственного служащего оценивается негативно. Материалы Русского ассоциативного словаря показывают, что частотными реакциями на слово-стимул *служащий* являются такие оценочные слова, как *бюрократ*, *маленький*, *мелкий*, *серый*, *служака* и даже *человек в футляре*. Реакциями на слово-стимул *чиновник* являются слова *чванливый*, *важный*, *высокомерный*, *надменный*, *надутый*, *заносчивый*, *спесивый*. Реакция на слово *чинуша* – *кресло* (Русский ассоциативный словарь, 1994 – 1998) [4, с. 124].

Экспериментально-фонетическое исследование, состоящее из аудиторского, компьютерного анализа интонации высказываний (записанных на аудиокассету фрагментов публичных выступлений госслужащих на совещаниях и деловых встречах) и лингвистической интерпретации результатов. Проведённое исследование показало, что принцип субординации как отражение иерархичности профессиональной картины мира имеет интонационное выражение, причём значение субординации в полуофициальном повседневном общении интонационно проявляется ярче, чем в строго официальном. Помимо установления важной роли интонации как индикатора социального статуса, эксперимент показал, что налицо новый тип интонационного поведения, ломающий сложившиеся стереотипы о просодических характеристиках речи людей, занимающих высокое положение в обществе. Голос государственного деятеля «нового поколения» «не начальственный», не громкий, не «административно-командный», для него характерны

ненапряженные фонации, у него «мягкий» тембр. Общая тональность речи чиновников высшего звена, в том числе имеющих разный служебный статус, – деловая, подчёркнуто корректная, а иногда даже намеренно спокойная, будничная, даже в официальных ситуациях служебного общения. Возможно, тенденция к использованию «разговорных», не пафосных интонаций в деловом общении – своеобразная «аллергия» на недавний «официоз». Можно сказать, что на рубеже XX–XXI вв. в России появилась новая интонационная мода в высших эшелонах власти. Мы наблюдаем проявление этой моды в речи представителей высших административно-политических кругов во время публичных выступлений (перед аудиторией в зале) или деловых бесед «с глазу на глаз», ориентированных на телезрителей. Значение этого нового интонационного поведения – демонстрация нового, демократического стиля, новой модели служебных отношений и кооперативного поведения в сфере государственного управления. Тем не менее в повседневном непубличном – не для телекамер – служебном общении субординация на интонационном уровне выражена традиционно. «Главный» начальник говорит по-прежнему «внушительным» голосом, в котором звучат начальственные нотки [3, с. 129–130].

Методы исследования, активно используемые в социологии. Дополняющие друг друга количественные и качественные методы (анкетирование, опросы, интервьюирование, метод фокус-группы), используемые в социологических исследованиях, были успешно использованы при описании профессиональной картины мира государственного служащего. «...Если количественная методология преимущественно направлена на изучение закономерностей социального взаимодействия между структурами, социальными институтами и организациями, а также индивидами, в эти структуры встроенными <...>, то качественная социология занимается субъективным содержательным аспектом реальной практики этих отношений...» [7, с. 348].

Так, результаты эксперимента в фокус-группе, основанного на завершении предложенных испытуемым незаконченных предложений; сведения, почерпнутые из фокусированных и биографических интервью с госслужащими, наполняют профессиональную языковую картину мира «живым», «объёмным» материалом, касающимся распорядка их рабочего дня, проблем и конфликтов на службе, профессиональной мотивации, круга чтения и т.п. Полученные результаты предоставляют исследователю ценную информацию о государственном служащем, корпоративной культуре организации в целом – информацию, способствующую созданию более «очеловеченной» профессиональной картины мира [5, с. 18–55].

Анализ нормативных правовых документов о государственной службе, которые являются прецедентными текстами для работников государственного аппарата, а также анализ документов, регламентирующих деятельность сотрудников (служебных инструкций, приказов, распоряжений и т.д.). Ценности, провозглашаемые организацией, – нормы, правила, традиции – задают людям ориентиры их профессионального поведения. В первую очередь они закреплены в Конституции РФ и федеральных законах, в частности в Федеральном Законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации», в котором сформулированы принципы государственной службы, в текстах программных выступлений должностных лиц, руководителей государства, которые относятся к числу прецедентных текстов данного дискурса и демонстрируют обществу образ современного государственного служащего. Есть и другие нормативные документы, не менее важные, «облигаторные прецедентные тексты (правила, инструкции, предписания, приказы, уставы и т.п.), на которые ориентируются участники совместной профессиональной деятельности» [6, с. 21].

Анализ узуса – реальной речевой практики в административно-правовой сфере – привлёк внимание к такому явлению, как традиции корпоративного языка государственного служащего. Специфика обучения госслужащих состоит в том, что потребителями или пользователями орфографических рекомендаций – часто противоречивых – выступают работники органов государственного управления. Поскольку вышеперечисленные нормативные правовые документы – Конституция РФ и федеральные законы – относятся к прецедентным текстам административного дискурса, столкнувшись с трудным случаем написания (например, при выборе прописной или строчной буквы в названиях органов власти, учреждения или подразделения органов управления; должности, звания или титула) или трудностями словоупотребления, государственные служащие выбирают не рекомендации академических словарей, а более авторитетные для них предписания федеральных законов и служебных документов [3, с. 250–252].

Анализ публичных выступлений членов правительства, других должностных лиц.

Отношение к госслужащим формируется не только под воздействием СМИ, художественной литературы [3, с. 191–204], кинофильмов и телепередач (например, сериал «Домашний арест»; юмористическое шоу «Comedy Woman» – сюжет «Обучение в паспортном столе» и др.), изображающих чиновников аморальными, циничными людьми, но и под влиянием личного опыта граждан.

В общественном мнении сформировались требования, предъявляемые к личности государственного служащего, к его профессиональной деятельности, нравственному облику, речевой культуре. По характеру деятельности государственная служба является службой публичной и постоянно находится в центре внимания общественности, подвергаясь оценке населения, а значит, речевое поведение чиновников должно соответствовать общественным ожиданиям. В публичных выступлениях современных управленцев отражается их намерение определенным образом позиционировать себя в обществе: убедить аудиторию в эффективности своей деятельности, отчитаться (рапортовать) о проделанной работе, сообщить о достижениях, доказать несправедливость общественных претензий [3, с. 92–93].

В качестве примера приведём недавнее выступление одного из министров. «В ходе совещания Президента с членами Правительства Российской Федерации глава Минобрнауки России Валерий Фальков сообщил о проработке ситуации, о которой накануне рассказала научный сотрудник Института цитологии и генетики Сибирского отделения РАН <...> Министр подчеркнул, что до Института цитологии и генетики финансирование доведено в нужный срок в полном объёме – 795 миллионов 200 тысяч рублей. В соответствии с решением Президента, в прошлом году научным учреждениям по всей стране дополнительно было выделено 4 миллиарда 897 миллиона 585 тысяч рублей <...> Мы проанализировали динамику оплаты труда научных сотрудников с 2018 года <...> Мы внимательно смотрим за соотношением заработных плат руководителей и основного персонала. Сегодня оно составляет не более, чем один к восьми», – сказал Валерий Фальков» [1].

Анализ профессиональной языковой картины мира государственных служащих позволяет говорить о её главной отличительной черте – «вертикальном» устройстве мира, безусловной и абсолютной иерархичности картины мира как её доминирующем признаке [3, с. 89].

Методы исследования, используемые при междисциплинарном подходе к изучению профессиональной языковой картины мира государственного служащего и её вербальных маркеров, профессионально значимых жанров, коммуника-

тивных стратегий и тактик, позволяют описать эту языковую картину комплексно, способствуя выявлению явных и латентных тенденций в её формировании, её дальнейшему всестороннему описанию.

Список литературы

1. Валерий Фальков доложил Президенту об уровне зарплаты научных сотрудников // Официальный сайт Минобрнауки России. 2021. URL: https://minobrnauki.gov.ru/presscenter/news/?ELEMENT_ID=29221 (дата обращения: 23.02.2021).

2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 2-е изд., стер. М. : Едиториал УРСС, 2002. 264 с.

3. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 393 с.

4. Панова М. Н. Образ российского государственного служащего в обыденном и научно-профессиональном сознании россиян: штрихи к социальному портрету // Образ России извне и изнутри : сб. ст. / под ред. Е. Ф. Тарасова (отв. ред.), Н. В. Уфимцевой, Е. А. Аршавской. Калуга, 2008. 280 с.

5. Панова М., Ибрагимова Н. Социальный портрет государственного служащего Республики Дагестан: социокультурный аспект. Saarbürcen, Deutschland : Palmarium Academic Publishing, 2016. 80 с.

6. Тарасов Е. Ф. Организационная психоллингвистика: методология и теория // Организационная психоллингвистика. Теория и практика : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва. 16 ноября 2018 г.) / редколл.: Е. Ф. Тарасов (отв. ред.), С. В. Мыскин, Д. В. Маховиков. М., 2018. С. 19–21.

7. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности : учеб. пособие. 4-е изд., стер. М. : Омега-Л, 2009. 567 с.

Информация об авторе: *Панова Марина Николаевна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук, деловой этики и социальной ответственности Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия).

СЕМАНТИКА ЦВЕТА И МЕТАЛЛА ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ (СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Н. С. Редькина

г. Рязань, Россия

Аннотация. Рассматриваются фразеологические обороты с компонентом, представляющим собой цвет и металл. В основе анализа корпуса фразеологизмов лежат семантический, лингвокультурный, стилистический аспекты.

Ключевые слова: фразеологизмы, языковая картина мира, концепт, колоратив, металл, семантика, коннотация

Для цитирования: Редькина Н. С. Семантика цвета и металла во фразеологизмах (стилистический аспект) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 114–118.

Описывая окружающую действительность, интерпретируя все существующие знания и представления о мире, отражённые в сознании, человек прибегает к их словесному выражению. Фразеологизмы могут выполнять роль своего рода эталонов, стереотипов национально-культурного мировидения или указывать на их символичный характер и выступать в этом качестве в виде языковых экспонентов культурных знаков [2, с. 173].

Цветовые и вещественные концепты относятся к числу социально и культурно значимых единиц языка и речи; лексемы, обозначающие цвет и металл, фразеологические обороты, включающие элементы цветообозначения и наименования металла, входят в ассоциативное семантическое поле мифологических, эстетических, бытовых и других воззрений и опыта человека, что представляет несомненный научный интерес.

Предметом нашего рассмотрения стало лексико-семантическое поле фразеологизмов с компонентами-лексемами, которые семантически или этимологически связаны с идеей цвета и металла, принадлежат к разным частям речи, независимо от их прямого, терминологического (исходя из широкого понимания термина «фразеологизм») или метафорического употребления. Из более чем 150 языковых единиц было выделено почти 80 фразеологизмов, более 40 составных терминов цвета и около 30 терминологических сочетаний различной направленности. В качестве источников языкового материала были привлечены современные фразеологические и энциклопедические словари, а также предложенный авторами монографии по русской колоративной лексике «Каталог названий цвета в русском языке» [1, с. 108–216].

За основу в работе были взяты семантический, стилистический (оценочно-экспрессивный) и лингвокультурный критерии.

Переосмыслению подвергаются в основном названия драгоценных, благородных металлов. В подборке оказались устойчивые обороты со следующими наименованиями: *золото, серебро, бронза, медь, железо, сталь, свинец, цинк, олово, чугуны*. К каждому из представленных материалов можно применить семантику цвета металла (*цвета железа, цвета золота, цвета бронзы, цвета меди* и т.п.) и семантику привычного нам цветообозначения.

Любой металл имеет свой цвет. Чтобы проиллюстрировать эту мысль, обратимся к словарям: золотой – цвет золота, блестяще-желтый, желтого цвета; се-

ребристый (серебристый) – цвет серебра, металлический, серовато-белый, оттенок серого, серовато-белого цвета с блеском, блестяще-белый; медный – цвет начищенной медной пластинки, красновато-жёлтый, красно-рыжий, золотисто-розовый, красноватого цвета. По Далю: в чистом, виде называется красною, а в сплаве с цинком – жёлтою или зелёною; бронзовый – золотисто-коричневый, золотисто-жёлтый. У Даля – смесь сусального золота с землистыми красками, разных оттенков; стальной – цвета хорошо шлифованной стали, светло-серый с серебристым оттенком, светло-серый с отливом, серебристо-серый, серебристо-белый; свинцовый – грязно-серый, темно-серый, синевато-серого цвета; чугунный – белый, серый; заметим, что чугун – единственный металл, в лексическом значении которого цвет не прописан, а колоративное наименование связано с цветом излома, обусловленного структурой углерода в составе сплава; цинковый – свинцового цвета, серебристо-белый, синевато-белого цвета; оловянный – серебристо-белый, пепельно-серебристый; железный – блестящий серебристо-белый.

Как мы видим, спектр представленных цветов невелик, однако отражает основную палитру русской колоратуры, включая цвета красный, оранжевый (рыжий), жёлтый, зелёный, синий, белый, серый, коричневый, розовый.

Последовательно описывая этапы развития колоративов в том или ином языке, исследователи придерживаются следующей схемы: опосредованная передача цвета путём указания на него соответствующих общеизвестных предметов или объектов природы (*как снег, как сажка*), появление абстрактных слов специально для обозначения цвета (*серебристый, позолотить*), возникновение номинаций, образованных от наименований соответствующих предметов с характерной окраской (*рыжий как золото, свинцовый, как небо*). Таким образом, растущее количество слов, обусловленных потребностью называния новых объектов действительности, напрямую связано со степенью цивилизованности общества [1, с. 9–10]. Интерес к языковому выражению различных оттенков цвета сегодня представлен в разных областях, начиная с текстильной и красильной промышленности и заканчивая рекламной и модельной сферами.

Почти любое слово, не имеющее прямого отношения к цвету, но способное дать определенную цветовую характеристику, может поменять семантику и получить возможность называть цвет. Такое словотворчество продуктивно представлено в так называемых составных терминах цвета, образованных от наименований предметов. В нашем случае, это именные словосочетания (прилаг. (прич.) + сущ.; сущ. + сущ.), которые включают в себя: название металла в сочетании с прилагательным-колоративом: *красная бронза, серое золото, голубая сталь, темная медь, черное серебро*; название металла в сочетании с другим прилагательным (причастием): *раскаленная бронза, самоварное золото, старое серебро, нержавеющей сталь*; существительное с прилагательным, обозначающим металл: *бронзовый загар, золотой песок, серебристый ковыль, свинцовые облака, стальная улыбка*; название металла с прилагательным, обозначающим металл: *бронзовое золото, золотистая бронза, медная бронза*; название металла с конкретным существительным: *золото куполов, золото саксофона* (всего два примера).

Словосочетания подобного типа привлекают более детальным описанием цвета и, как следствие, усложнением семантики с некоторым налетом поэтичности. Так, цвет *античной бронзы* характеризуется как серовато-медный; *золотая осень* – багряно-жёлтый, *золотистый горизонт* – бледный, желтовато-зелёный; *золотой сноп* – блестяще-жёлтый; *серебряная рефлексия* – светло-серый, пепельный, металлизированный; *старая бронза* – темно-желтоватый, хаки.

Усложнение семантики присутствует и в отобранных нами так называемых наименованиях празднований годовщины со дня свадьбы. Фразеологические сло-

вари фиксируют два подобных устойчивых сочетания – *золотая свадьба* и *серебряная свадьба*. Согласно же большому количеству интернет-источников каждый прожитый семьей год, начиная со дня заключения брака и заканчивая 100-летним юбилеем имеет свое имя, символику и значение. Историчность и, следовательно, культуроспецифичность таких словосочетаний вызывает определенные споры в научных кругах и не является предметом нашего рассмотрения. Отнесем это к культурным кодам современной языковой картины мира и отдадим дань массовой культуре, способствующей появлению подобных речевых оборотов. Лингвистический интерес обусловлен процессами фразеологизации устойчивых сочетаний, входящих в тематическую группу «свадьба» с условно детализированной номинацией «металлические» («металлические» свадьбы).

В список входит 13 оборотов. На семантику новообразований влияют свойства металла: от хрупкости и пластичности (*чугунная, медная, оловянная, алюминиевая свадьба*), до прочности и закаленности (*жестяная, стальная, железная свадьба*); фактурность и цвет металла благодаря блестящей, глянцевой поверхности (*цинковая, бронзовая, никелевая свадьба*); стоимость драгоценного металла (*бронзовая, серебряная, золотая, платиновая свадьба*) и их метафорическое переосмысление. Так, первые годы брака считаются непрочными, хрупкими, и если небрежно относиться к чувствам друг друга, то их легко сломать как чугун или смять как медь; прошедшие некоторые испытания семейные отношения сравниваются с оловом и бронзой, металлами, которые нельзя разрушить, но можно переплавить, что и символизирует гибкость и гармоничность научившихся приспосабливаться друг к другу супругов; спустя годы железные нервы и закаленные, стальные чувства олицетворяют крепкое семейное счастье.

Сигнификативно-денотативный аспект фразеологического значения можно отнести к базовым критериям семантики фразеологизма. Основой для метафоризации собственно фразеологизмов и фразеоматических единиц (по А. В. Кунину) с компонентом «цвет» и «металл» выступают семантические составляющие ‘цвет’, ‘качество металла’, ‘критерий ценности’.

Колоративный признак сохраняет свою семантику у производных прилагательных, входящих в состав устойчивых оборотов. Метафорические возможности позволяют выделить следующие группы: а) объекты растительного мира в составных терминах (*золотой ус, золотое дерево, золотой шар, золотистые водоросли, железное дерево*); б) объекты животного мира в составных терминах (*золотая макрель, золотая рыбка, серебристый кролик, бронзовые индейки*); в) лексику, связанную с человеком (*серебряные седины, оловянные глаза, бронзовая болезнь; рыжий как золото, белый как серебро, темный как чугун*; г) природные явления (*серебристые облака, свинцовые тучи*). Детализация цвета усложняется с помощью семы «блеск» как отсылка к блестящей металлической поверхности во взаимозаменяемых номинациях таких минералов, как *свинцовый блеск, серебряный блеск, железный блеск, медный блеск* и устойчивых сравнениях со словом-сопроводителем *блестеть как золото, сверкать как серебро*.

Первичная «металлическая» семантика влияет на продуктивность метафорического переосмысления подавляющего большинства выбранных для наблюдений фразеологизмов. На базе прямых значений ‘сделанный из железа, меди, серебра и под.’, ‘содержащий золото, бронзу и под.’ и основных характеристик металла (твердость – мягкость, плотность – рыхлость, жесткость – пластичность) развивается переносная семантика, осложненная дополнительной стилистической коннотацией: ‘сила’: *луженая глотка, свинцовые кулаки*; ‘мужество’, ‘стойкость’, ‘непреклонность’, ‘жесткость’: *железные (стальные) нервы, стальная хватка, железный закон*; ‘болезненно-отяжелевший’, ‘неподвижный’: *как свинцом нали-*

та, свинцовая голова, свинцовая тоска, свинцом лечь, чугунная голова, оловянные глаза; 'упрямый', 'тупой, 'невежественный': медный лоб, чугунные мозги; 'недобрый': стальная улыбка, свинцовый взгляд.

Прямая характерологическая номинация присутствует во фразеологизмах-компаративах со словами-сопроводителями (*твёрдый как железо, твёрдый как сталь, тяжёлый как чугун*) или без дополнительных сопроводителей (*как свинцовый, как чугунный*).

Детерминализация устойчивого оборота *цинковая обманка* связана с прямым указанием на цвет металла и трудностью определения данного минерала; в семантику устаревшей фразеоматической единицы *бронзовый вексель* вложено противоположное золоту как гаранту ценности значение необеспеченности, фиктивности, обмана.

В целом, специфика смысловой нагрузки названий металлов дает возможность интерпретировать различные ассоциативные отношения благодаря сильной эмоциональной и оценочной характеристике.

Пожалуй, наибольшим потенциалом в плане семантического переосмысления обладает лексема «золото» («золотой»). Этимологически *золотой* входит в родственную группу вместе со словами *жёлтый, желчь, золото, зелёный*. Символизирует царский цвет, цвет солнца, тепла, радости и в то же время разлуку, болезнни, ревность, зависть, яд.

Ценность металла понятийно-семантически трансформируется в разнообразные переносные значения: 'очень, непомерно дорогой', 'большие денежные средства': *дороже золота, золотой дождь, золотая казна, золотой запас, на вес золота* (ценится); добавим сюда фразеологизм с другим наименованием металла в том же значении, но с отрицательной стилистической окраской: *как чугунный мост*; семы 'богатство', 'власть денег, золота', 'жажда наживы' часто сопровождается негативная оценочность, эмоционально выраженная насмешкой, иронией, либо презрением: *золотая киса, золотой мешок, золотой телец, золотая лихорадка, купаться в золоте, срывать золотую щетинку*.

Яркая образная мотивировка и положительная коннотация делает фразеологизмы с компонентом *золотой (золото)* экспрессивно-значимыми и эмоционально-оценочными. Метафорическое и метонимическое употребление слова реализует образные значения: 'прекрасный, замечательный по своим достоинствам, очень хороший', 'ценный': *золотой работник, золотой характер, золотых (серебряных) дел мастер, с золотым сердцем*; 'неиссякаемый источник благ', 'обещание благ' (материальные и не только): *золотая жила, золотой фонд*; 'самое лучшее, несравненное', 'расцвет', 'счастливые времена': *золотая пара*; 'счастливые мечтания, грезы': *золотые сны*; 'смягчить неприятные последствия': *строить золотой мост отступающему неприятелю*.

Коннотативный аспект фразеологического значения неотделим от смысловой структуры фразеологизма и учитывает параметры функционального описания. Если эмоционально-оценочный компонент определяет способность выражать одобрительное или неодобрительное отношение говорящего к предмету или процессу, то экспрессивность, понимаемая как выразительность, усиливает активное значение фразеологических единиц.

Под влиянием исключительно положительной семантики стилистическая окраска книжных фразеологизмов (с компонентами «драгоценный металл») часто приобретает оттенок торжественности, приподнятости, возвышенности. Так, помета высок. свойственна оборотам *серебряные седины, золотой фонд, золотая пора, навевать золотые сны*. Семантика, основанная на противоположных коннотациях, проявляется в одобрительности или неодобрительности, может уточнять

ся оттенками шутливости, ироничности, презрительности: ирон. *бронзовый вексель, золотая рота, золотая рыбка, позолотить пилюлю, срывать золотую щетинку*; презр. *чугунная голова, чугунные мозги, золотой мешок, золотая молодежь, медный лоб*; одобр. *белое золото, черное золото* (без стилистических помет *мягкое золото, зеленое золото, голубое золото* – фразеологизмы-перифразы, которые приобрели в последнее время статус публицистического штампа); неодобр. *сулить золотые горы, ни в медный грош ни ставить*.

Степень стилистической высоты или сниженности, историческая перспектива в современном языке позволяют учитывать возможности использования рассматриваемых оборотов в той или иной сфере общения. Фразеоматические единицы преимущественно нейтральны, как все термины, и зачастую локализованы специальными областями знаний (спец., медиц., археол.). Составные термины цвета могут отличаться экспрессивной функцией, что делает их потенциально привлекательными в рекламной сфере.

Семантико-стилистический анализ фразеологизмов с компонентами, одновременно содержащими элементы цвета и металла, наглядно показал, что одним из главных признаков таких фразеологизмов может быть названа их метафоричность, или образность, подкрепленная, а часто увеличенная за счет коннотативного аспекта и усложненная различными ассоциативными реалиями. Рассмотрев лингвокультурные особенности фразеологизмов, есть все основания говорить о фразеологической картине мира как неотъемлемой составляющей многогранной языковой картины мира.

Список литературы

1. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А. П. Василевича. М. : КомКнига, 2005. 216 с.
2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Информация об авторе: *Редькина Наталья Сергеевна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (г. Рязань, Россия).

ПОДПИСЬ-НОМИНАЦИЯ КАК ВИД ПОДПИСИ К ФОТОГРАФИИ В ФОТОАЛЬБОМАХ О ГОРОДЕ ПЕНЗЕ И. С. ШИШКИНА

А. С. Сидорова

г. Пенза, Россия

Аннотация. На материале подписей к фотографиям в фотоальбомах пензенского краеведа И. С. Шишкина рассматриваются особенности подписи-номинации, представляющей собой номинативное предложение. Отмечается её структура: как правило, это сочетание краткого наименования объекта и дополнительной информации об объекте или фотографии. Выделяются и характеризуются виды подписей-номинаций: собственно номинация, номинация-ракурс, номинация-персонификация. Делается вывод об их роли в сохранении истории родного края.

Ключевые слова: подпись-номинация, фотография, собственно номинация, номинация-ракурс, номинация-персонификация, И. С. Шишкин, г. Пенза

Для цитирования: Сидорова А. С. Подпись-номинация как вид подписи к фотографии в фотоальбомах о городе Пензе И. С. Шишкина // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 119–122.

Подпись к фотографии в настоящее время всё чаще становится объектом лингвистического исследования, однако до сих пор остаётся недостаточно изученным жанром [1].

В центре нашего внимания находятся подписи к фотографиям, опубликованным на страницах первых двух книг из серии фотоальбомов о городе Пензе: «Пенза: Листая старый альбом... Фотографии 1860-х – 1910-х гг.» и «Пенза: Листая старый альбом... Фотографии 1900-х – 1920-х гг.» автора-составителя И. С. Шишкина – пензенского краеведа, коллекционера, геральдиста. В них собраны снимки, на которых отражена жизнь города в такие переломные моменты русской истории, как Русско-японская война, Первая мировая война, три русские революции, Гражданская война, мятеж легионеров Чехословацкого корпуса. Подписи к фотографиям дают возможность познакомиться с уникальными сведениями о событиях вековой давности, происходящих в Пензенском регионе, а также узнать о жителях города.

Выполняя сопроводительную функцию по отношению к визуальному тексту (фотографии), вербальный текст (подпись к фотографии) характеризуется краткостью, лаконичностью. Однако, несмотря на это, он способен передать важную информацию об объекте изображения (предмете, событии и т.п.) [2].

Подпись к фотографии как жанр имеет следующие поджанры: подпись-номинация, подпись-событие, подпись-экскурс в историю, подпись-цитата, подпись-переосмысление и др., в которых, в свою очередь, можно выделить частные разновидности.

Данная статья посвящена одному виду подписей к фотографиям – подписи-номинации.

Подпись-номинация – это наименование объектов и субъектов, запечатлённых на фотографиях, представленное в форме номинативного предложения.

В зависимости от объекта номинации и способа его языкового выражения стало возможным выделить следующие виды подписей-номинаций:

1) **собственно номинация**, представленная существительным в именительном падеже (обычно распространённым) и называющая следующие объекты:

– город и его части (улицы, площади, скверы / парки / сады): *Тихое мостечко в Ахунах. Брошенный тарантас, пара гимназистов на мостике, наблюдающих за девчушкой с тазом, полощущей бельё, что-то похожее на купальню и многочисленные лодочки* [4, с. 156];

– городские здания и их части (комнаты, залы): *Актовый зал семинарии. На стене – дата основания «1800» и портрет Павла I, при котором было принято решение о создании духовной семинарии в Пензе. Фото 1912 г.* [4, с. 142];

2) **номинация-ракурс** называет объект, изображённый с определённой точки. Номинация-ракурс так же, как и собственно номинация, описывает город и его части или городские здания, однако, в отличие от собственно номинации, создаётся по модели «вид на (что) (откуда)» и содержит существительное-объект в винительном падеже: *Вид на город с северо-востока, от Красного (Карауловского) моста. Ныне на этом месте расположен Бакунинский мост. Фото И. П. Вакуленко до 1896 г.* [4, с. 17];

3) **номинация-персонификация** – наименование лица или лиц: *Члены Пензенской городской управы (слева направо): надворный советник Иван Васильевич Сивохин, потомственный почётный гражданин Николай Тимофеевич Евстифеев, Максимилиан Евлампиевич Ивановский и (скорее всего) секретарь, титулярный советник Василий Петрович Пелетьминский* [4, с. 22].

Собственно номинации могут быть представлены как краткими наименованиями: *Кафедральный собор* [4, с. 11]; *Училище садоводства* [4, с. 13], так и расширенными, которые содержат дополнительную информацию об объекте, изображённом на фотографии. Нередко собственно номинации построены в форме микротекста с начальным номинативным предложением. Расширенных наименований в фотоальбомах И. С. Шишкина большинство. Они включают следующие сведения об объекте:

– дату съёмки: *Пензенский Дворянский земельный и Крестьянский поземельный банк. Фото 1912 г.* [4, с. 43];

– инициалы и фамилию фотографа: *Центральный вход в Парк Белинского (так называлось Верхнее гулянье после 1911 года) с Садовой улицы. Фото И. А. Вальдмана, 1911–1913 гг.* [4, с. 103];

– исторические факты об объекте: *Казанский мост, сожжённый чешскими легионерами при уходе из центра города в сторону Пензы-III* [4, с. 87];

– место объекта в городской среде: *Ночлежка для бездомных и неимущих. Таких богоугодных заведений в городе было много – как при больницах, так и частных* [4, с. 48];

– информацию о соседних городских объектах: *Хлебная площадь города Пензы. Вид от улицы Бакунина. Вдали (справа) виден Спасский кафедральный собор, слева Петропавловский храм, стоящий на Базарной площади. Фото нач. 1930-х гг.* [5, с. 141];

– указание на историко-литературное событие, связанное с объектом, изображённым на фотографии: *Перекрёсток Никольской и Дворянской. Прямо вверх – Верхнее гулянье (Парк Белинского). На углу Зимний клуб Соединённого собрания – для тех, кто был невхож в собрание дворянское. В свой первый приезд в Пензу 3 марта 1914 г. Маяковский выступал именно здесь* [4, с. 106];

– указание на связь объекта с современностью: *Заведение приказа общественного призрения (ныне – здания областной больницы им. Н. Н. Бурденко)* [4, с. 11].

Номинация-ракурс, как правило, содержит не только наименование объекта, но и дополнительные сведения о нём, что отражает стремление автора-составителя альбома передать наиболее полную информацию о родном городе и его истории. Номинация-ракурс включает:

– дату съёмки: *Вид с кафедрального собора на восток. Окружной суд на переднем плане, за ним – губернская земская управа, купола Казанской церкви. Фото 1871–1872 гг.* [4, с. 89];

– инициалы и фамилию фотографа: *Вид на Казанскую церковь и центр города с правого берега реки. Фото И. П. Вакуленко до 1896 г.* [4, с. 18];

– названия объектов на запечатлённом пространстве: *Вид с колокольни Спасского кафедрального собора на улицу Никольскую. Справа – Никольский храм, слева – архиерейский дом и консистория* [4, с. 48];

– исторические сведения об объекте номинации: *Вид на нижнюю часть Красной улицы от дома, где в 1920–1930-х гг. жил художник И. С. Горюшкин-Сорокопудов. Фотография была сделана им лично* [5, с. 161];

– указание на связь объекта с современностью: *Вид с собора на Никольскую улицу. Вдали – Петропавловский храм на Московской. На переднем плане – разрушенные рыбные лавки, на месте которых спустя некоторое время соорудят террасу (насыпь), заканчивавшуюся изящным каменным сооружением под (нынешним) названием «Грот». Фото 1871–1872 гг.* [4, с. 60].

Краткие подписи-ракурсы, содержащие только название объекта, в альбомах И. С. Шишкина редки: *Общий вид на город с юго-востока* [4, с. 14].

Номинации-персонификации представляют собой наименования:

– одного лица: *Поручик Перунов, Пенза* [4, с. 52]; *Дмитрий Сатунин, поручик 121-го пехотного Пензенского полка. После революции – у белых в Сибири. Стал первым атаманом новообразованного Алтайского казачьего войска. К ноябрю 1919 года – начальник всех белых войск на Алтае. Убит при отступлении в начале 1920 года на монгольской границе* [4, с. 104];

– нескольких лиц, названных именами собственными, при которых возможны приложения – имена нарицательные: *Поэт-имажинист Анатолий Мариенгоф, выпускник 3-й Пензенской мужской гимназии, с товарищами. Слева на-право: А. Марьин, А. Мариенгоф, Кобзен, М. Маркин, А. Кутеров. Фото 1917 г.* [5, с. 153];

– группы лиц, среди которых выделены отдельные значимые персоны: *Работники первой пензенской аптеки на Московской улице в здании аптеки. Вторая слева в третьем ряду – лаборантка Евгения Рассказова. Фото 1911 г.* [5, с. 31]; *Фотография на память: усы подстрижены, сапоги начищены, кокарды блестят. А в обеих столицах с военных уже начинают срывать погоны и знаки различия: «теперь все равны». Второй справа в верхнем ряду – Нежданов Константин Алексеевич. Фото 15.04.1917 г.* [5, с. 64]. Как правило, выделяются личности, наиболее известные в определённый период. Подпись обычно содержит информацию об их деятельности и заслугах: *Рукодельная школа учителя 2-й мужской гимназии Полумордвинова (он сам в шляпе стоит сзади). А вот третьей слева сидит мадам Голуб – зачинатель дошкольного воспитания в Пензе. У неё на Дворянской был свой детский сад* [5, с. 21]; *В центре – Митрофан II (Симашкевич), епископ Пензенский и Саранский. В годы Первой мировой войны он организовал сбор пожертвований от пензенских церквей и монастырей на нужды фронта и оказание помощи раненым. После революции поддерживал Белое движение на Юге России. Был сослан в Сибирь* [5, с. 43]. Выделение лиц на некоторых фото, возможно, обусловлено единственной известной в настоящее время фамилией (или свидетельством оставшихся в живых родственников): *Полевой лазарет пензенских медиков в Кронштадте. Сидит крайний справа – военный врач А. А. Сатурнов. Фото 1916 г.* [5, с. 58];

– группы лиц без указания на отдельные личности: *Юные пионерки* [5, с. 231].

Подпись-персонификация может включать дополнительную информацию:

– указание на место съёмки: *Семья Сатурновых на крыльце родного дома* [5, с. 43];

– обозначение только должности человека, если его имя и фамилия неизвестны автору-составителю альбома: *Иван Андреевич Арапов (справа) с управляющим своего имения* [4, с. 164];

– эмоциональную личную авторскую оценку лиц, изображённых на фотографии: *Служебный персонал губзембольницы. Сидят (справа налево): Н. А. Щепетильников (ухо, горло, нос), Д. С. Щёткин (старший врач), К. Р. Евграфов (психиатр), В. К. Трофимов (хирург). Что ни имя – то гордость пензенской медицины!* [4, с. 174]; *Александр Алексеевич Панчулидзе, бывший в 1831–1859 гг. губернатором – фигура преколоритнейшая, удостоившаяся разных эпитетов Салтыкова-Щедрина, Лескова, Огарёва. <...> А лишился он всего в один миг: ревизор столичный захотел набережную реки посмотреть, на сооружение которой губернатор много лет из столицы большие деньги получал, а её и в помине не было...* [4, с. 56/5.2].

«За каждым снимком скрывается целая история. Фотография позволяет передать её сжато и очень наглядно», – справедливо отмечает автор-составитель фотоальбомов о городе Пензе И. С. Шишкин [3]. Однако большая роль в сохранении истории родного края принадлежит не только фотографиям, но и текстам подписей к ним, среди которых значительное место занимают подписи-номинации. Благодаря тому, что такой вид подписи обычно сочетает краткое наименование объекта и дополнительную информацию о нём или о снимке, она позволяет читателю получить ценную информацию об историческом прошлом города Пензы и о её жителях.

Список литературы

1. Исследование речевого жанра подписи к фотографии // Глобальная сеть рефератов. 2016. URL: https://knowledge.allbest.ru/languages/3c0b65625b2ac79a5d53a89421216c26_0.html (дата обращения: 06.02.2021).

2. Родионова И. Г. Подпись к фотографии как источник информации о событиях Великой Отечественной войны (на материале пензенской региональной газеты «Сталинское знамя» за 1941 год) // Память нужна живым : Всерос. сб. науч. и науч.-публицист. ст. / под ред. О. В. Милаевой, О. В. Черновой. Прага, 2015. 196 с. URL: https://kprf.ru/media/filestorage/library/fa8beb_sbornik_chtobi_pomnili.pdf (дата обращения: 01.02.2021).

3. Саванкова Н. Краеведы представили более 600 дореволюционных снимков Пензы // Российская газета. 2013. URL: <https://rg.ru/2013/02/09/reg-pfo/fotoalbom-anons.html> (дата обращения: 03.02.2021).

4. Шишкин И. С. Пенза. Листая старый альбом...: фотографии 1860-х – 1910-х годов. Пенза, 2013. 223 с.

5. Шишкин И. С. Пенза. Листая старый альбом...: фотографии 1900-х – 1920-х годов. Пенза, 2013. 248 с.

Информация об авторе: *Сидорова Анастасия Сергеевна*, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

И. А. Турлыбекова

г. Нур-Султан, Казахстан

Аннотация. Описывается проявление культуры в языковой картине мира, которая показывает особенный национальный характер народа. Воплощение проявляется через фразеологизмы, так как эти устойчивые слои заключают ценности народа и являются хранителями истории нации, тем самым позволяя понять культурный менталитет народа.

Ключевые слова: картина мира, национальный характер, образ, реалии, семантика

Для цитирования: Турлыбекова И. А. Отражение национальной картины мира в английских фразеологизмах речевого поведения // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 123–127.

Научные исследования, которые были популярны в истоках системноцентричной лингвистики, постепенно сменяются в антропоцентричную лингвистику, ориентированную на изучение языка в тесной связи с духовнопрактической и культурной деятельностью человека.

Современная лингвистика уделяет большое внимание изучению различных способов отражения окружающей действительности у народа, а также соотношению языка и культуры этноса. Определённый стереотип характера, особенность мышления, собственная культура и ценности присущи каждой нации. Картина мира народа составляется, складывается, накапливаясь веками, и наследуется последующими поколениями.

Каждое сообщество идентифицирует своё национальное самосознание в лингвокультурный фразеологический фонд языка. Фразеологизмы являются хранителями знаний о человеке и о мире и отображают современное культурное самосознание народа.

Наличие языковых обозначений реалий цивилизации, среды, быта народа, несущие культурный отпечаток, и фоновая лексика, лакуны, культуремы, безэквивалентная лексика и т.д. являются главной ценностью любого языка.

Языковая картина мира формируется, прежде всего, на лексическом уровне языка посредством использования устойчивых выражений, фразеологизмов, идиом, пословиц, поговорок, анекдотов и др. [2, с. 61].

Семантика языка является особой формой отражения мира, показателем культуры народа, выразителем его картины мира, то есть отображением в языке опыта каждого народа и совокупности его знаний о мире. Языковые коллективы различаются своими духовными и культурными своеобразиями в национальных картинах мира. Язык носителя, отображая действительность в форме её языковой картины мира, воспроизводит культурно-национальные установки и традиции народа из поколения в поколение.

Система, представляющая реальность, – картина мира – отражает знания человека о мире, о природе, об обществе, самом себе и составляет основу культуры. В языковой форме отражается и отмечается всё то, что видят люди в процессе своей деятельности.

Идиоматическая лексика, закреплённая за определённым обществом, является одним из способов языковой репрезентации специфических культурных смыслов. Идиома, оборот речи, который не подлежит дальнейшему разложению, употребляется как некоторое целое и обычно не допускает внутри себя перестановки. Определённые ситуации описываются идиомами, делая повседневную речь насыщеннее и отражая особенности каждой нации.

Картина мира меняется с развитием самого человека и его представлений о мире в ходе всемирного исторического процесса. Фразеология выражает материальную и духовную культуру народа. Во фразеологизмах отражаются элементы национального менталитета и национальная уникальность. Различия во фразеологии разных народов определены историей, природными условиями, обычаями и традициями и ценностными системами той или иной нации. Семантическая структура языковых знаков отражает национальное своеобразие мировосприятия конкретной этнокультурной общности и берёт свои корни в психологии и образе жизни народа. Система обычаев, традиций, законы и обыденные представления о мире, знания, выработанные в обществе, хранятся и транслируются во фразеологизмах. Фразеологизмы, кодируя в самых разных конфигурациях культурно значимые смыслы, вербализуют ментальные образования, обобщенно-целостные мыслительные единицы. Фразеологизмы эмоциональные и содержательные, формируют самостоятельные высказывания, заменяя собой содержание целого предложения. Употребляя фразеологизм, говорящий сообщает о своем отношении к событию, предмету или собеседнику, и это является одной из главных особенностей фразеологических единиц. Называя объективную действительность, фразеологизмы указывают на определённое отношение говорящего к явлению. Выражение отношения касается ситуации и отдельного фрагмента высказывания. Фразеологизмы через образное представление в речи характеризуют названные понятия, оценку точки зрения определенной социальной среды, выражая отношение к ним. Через фразеологизмы достигается выразительность. Фразеологизмы, передавая оценочную характеристику какого-либо явления или человека, обладают экспрессивно-стилистической окраской и функционируют в качестве образных синонимов слов. Фразеологизмы – группа языковых единиц, являющихся сложными в семантическом плане. Фразеологизмы отличаются от других единиц тем, что общий смысл этих образных выражений не выявляется из значений составляющих их компонентов. Буквальное восприятие фразеологизмов может быть связано с недостаточностью у говорящего / слушающего фоновых, контекстуальных знаний. Эти знания, отражённые в языке данной национальной общности, социокультурные сведения, получены в результате существования в определённой среде.

По мнению английского учёного Бертрона Рассела, картиной мира является результат духовной активности человека, глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, образ, который репрезентирует свойства мира в понимании её носителей [1, с. 143].

Наличие множества идиом со словом «язык» свидетельствует о том, что народ воспринимал пустословие как негативный характер и не одобрял чрезмерную болтливость. Можно выделить следующие идиомы речевого поведения с компонентом «язык»: “A long tongue”, “a slip of the tongue”, “better the foot slip than the tongue”, “bite tongue”, “cat got your tongue”, “he who knows how to hold his tongue knows much”, “hold tongue”, “keep a civil tongue in one’s head”, “lose one’s tongue”, “on the tip of my tongue”, “sharp tongue”, “to have a quick tongue”, “tongue in cheek”, “wag one’s tongue”.

“A slip of the tongue” означает ошибку в речи, ошибку в разговоре, когда говорящий говорит что-то непреднамеренно. “A slip of the tongue” (описка пера) впервые была использована в 1650-х годах. Британец написал письмо, в котором признавался в своей бесконечной любви к леди Кэтрин. Открыв письмо, она увидела, что он подписал его словами “В любви” вместо “С любовью”. Когда несколько дней спустя леди Кэтрин рассказала ему об этом, он рассмеялся и сказал: «Эта была описка пера». Окружающим это выражение понравилось, и оно прижилось, а годы спустя, примерно в 1725 году, его родственная идиома a slip of the tongue (обмолвка) стала всё более популярной, поскольку люди также совершали ошибки, когда говорили, а не только когда писали.

“Bite tongue”, bite one's tongue (прикусить свой язык, сдерживать злость или другие эмоции), (также “hold tongue – держать язык за зубами”) означает воздержаться от того, что вы хотите сказать, потому что момент неподходящий. Это способ сказать кому-то, чтобы он перестал говорить, прежде чем он скажет что-то нежелательное.

“Cat got your tongue” используется для обозначения времени, когда кому-то нечего сказать. Эта идиома означает ситуацию, в которой кому-то трудно сказать что-либо в свою защиту. Кроме того, идиома используется при попытке заставить или побудить кого-то говорить, когда они молчат. Эта идиома имеет следующее происхождение: в 18 веке в английском флоте существовала практика избияния заблудших моряков кнутом, которая имела несколько последствий. Этот хлыст был прозван “кошкой”, потому что обычно имел девять окончаний. Так что после получения побоев, пока бедный матрос лежал в углу, дулся или молчал, другие матросы подходили к нему и дразнили: “Did the cat get your tongue?” (Неужели кошка достала твой язык?), имея в виду хлыст. Со временем это стало сокращаться до Cat got your tongue?

“Hold tongue” – держать язык за зубами (также “bite tongue – прикусить язык”) означает молчать, когда хочется говорить. “Tongue in cheek” (Язык в щеку) означает что-то, сказанное с юмором. Эта идиома также означает сказать что-то ироническое. Идиома является буквальной отсылкой к выражению лица, возникающему при засунутом языке за щеку. Идиома также означает подмигивание, чтобы показать, что сказанное не следует воспринимать всерьёз.

Также, как с компонентом «язык», в английском языке встречаются идиомы со словом «губа» для выражения сохранения молчания. Например, “bite (one's) lip”, “button your lip”, “none of your lip”, “pay lip service”, “tight-lipped”, “zip your lip”. “Bite (one's) lip” (кусать (свою) губу) означает с силой сдерживать себя, особенно злость, раздражение или огорчение. “Button your lip” (прикусить губу) означает воздержаться от лишних разговоров, попросить кого-то помолчать. Идиома используется как выговор или способ дать кому-то понять, что ему давно пора перестать говорить. “None of your lip” (ни одной твоей губы) означает попросить кого-то замолчать, заткнуться. “Pay lip service” (говорить на словах) – что-то предложенное, но не исполненное, служение только губами. Эта идиома означает, что кто-то выражает верность чему-то вербально, но неискренен и не поддерживает на деле [5].

“Tight-lipped” (Плотно сжатые губы) – это физический признак подавленных эмоций, приводящих к тому, что человек не хочет говорить. Идиома означает нежелание говорить. Эта идиома возникла в Европе в конце 16-го века и заимствована из финансового мира. Когда у кого-то было туго с деньгами, человек становился скуп и не желал расставаться или тратить какие-либо деньги. Эта идиома стала использоваться для обозначения людей, которые не проявляют желание говорить. “Zip your lip” (Заткнись) означает "замолчи". Идиома использовалась

в 1868 году, как “button your lips”, потому что в тот период времени для закрытия вещей использовались пуговицы. После того, как молнии начали использоваться, эта идиома была изменена на “zip your lip”. Использование этой идиомы восходит к 1943 году. “Zip it” (Застегнуть молнию) означает попросить кого-то заткнуться, попросить больше ничего не говорить, в грубой манере, прекратить говорить.

Наряду с компонентами, как «язык» и «губы», встречаются идиомы речевого поведения с компонентом «рот»: “keep one’s mouth shut” (держать рот на замке), “open full mouth” (открыть полный рот).

Для выражения нежелания слушать говорящего, грубости, обмана, похвалы с компонентами “back”, “ear”, “eyes”, “head” встречаются следующие английские идиомы: “Bite someone’s head off” (откусить кому-то голову), (также, snap one’s head off) означает ответить резко, гневно отреагировать на обычную ситуацию. “Turn a deaf ear” (оглохнуть) означает игнорировать то, что кто-то говорит, отказываться слушать. “Throw dust in eyes” (пустить пыль в глаза) значит ввести кого-то в заблуждение, обмануть кого-то. “Pull the wool over eyes” (пустить пыль в глаза) означает обмануть кого-то, заставить кого-то думать о них хорошо. Поговорка – “you can’t pull the wool over my eyes” (вы не можете натянуть шерсть на мои глаза) быть похороненным в шерстяном саване, и означала: “I am not dead!” (Я не мертв!). С незапамятных времён Англия славилась своими шерстяными изделиями, а домашняя шерсть была значительной частью национального благосостояния. В XIV и XV веках охрана этого национального продукта имела большое значение, и в царствование короля Карла II был принят закон, специально направленный на увеличение потребления английской шерсти. После погребения в шерстяных актах 1667 и 1678 годов все тела были похоронены только в шерсти, если только они не умерли от чумы или не дали присягу. Штраф за это составлял 5 фунтов. Они были отменены в 1814 году. Согласно другой теории, предполагается, что идиома происходит от ношения шерстяных париков [4].

“Pat on the back” (Похлопать по спине) означает поздравить, получить или выразить похвалу за хорошо выполненную работу.

Ценность тишины и сдержанность для английского народа проявляется в идиомах с компонентами “silent”, “silence”. “A silent fool is counted wise”, “silent as a mouse”, “silent gives consent”, “silence is golden”, “dead men tell no tales”, “empty vessels make the greatest sound”, “one’s bark is worse than one’s bite” [3, с. 67].

“Silence is golden” (молчание – золото) означает, что часто лучше вообще ничего не говорить, держать рот на замке. “A voice crying in the wilderness” (Глас вопиющего в пустыне) означает сказать что-то, что не считается приемлемым группой или обществом.

Глагол “blow” в английских идиомах речевого поведения используется в негативном значении. Например, “blows smoke in your face”, “blows smoke in your eyes” (“пускает дым в лицо”, “пускает дым в глаза) означает намеренно дезинформировать или обманывать, скрывать тайну за стереотипной ситуацией. Происхождение этой идиомы от старого стиля фокусников, когда выпускали дым, чтобы скрыть мелкие трюки, которые они выполняли, чтобы доказать свою магию. “Blow your own trumpet” (blow one’s (own) trumpet) (дуть в свою собственную трубу) означает говорить высоко о собственной работе. Знатные люди в средние века рассказывали свои герольдические истории. Рассказ начинался с игры на дудке сделанного из рога, который со временем превратился в музыкальный инструмент – труба.

Краткость слов и сдержанные эмоции отражаются в следующих английских идиомах: “a battle of words”, “actions speak louder than words”, “a picture is worth a thousand words”, “a picture paints a thousand words”, “have a gift with words”,

“many true word is spoken in jest”, “suit the action to the word”, “tell smth. in few words”, “pep talk”, “talk through the back of one’s neck”, “try one's double talk on smb”. “A picture is worth a thousand words” (картина стоит тысячи слов), (также, “a picture paints a thousand words” – картина рисует тысячу слов) означает, что картина может рассказать историю так же хорошо, как и много слов.

Названия кухонных утварей, а также название еды и напитков, встречающиеся в английских идиомах речевого поведения, отражают картину мира народа. Например, “A hot potato”, “pot calling the kettle black”, “spill the beans”, “wine is in, truth is out”. “A hot potato” (горячая картошка) выражает любую тему, о которой говорят несколько человек, и, которая часто обсуждается. “Pot calling the kettle black” (горшок называет чайник черным) означает комментировать кого-то за ошибку или слабость, в то время когда у самого такие же недостатки.

В заключение можно сделать вывод, что проявление национальной картины мира англичан – занимательная тема. Картина мира дополняется на каждом этапе развития человечества. Становясь коллективным творчеством народа, уникальное восприятие мира фиксируется в языке и отражает мир, и каждое новое поколение получает с родным языком полный комплект культуры, с заложенными чертами национального характера и морали. Окружающий мир отражается и создается с помощью языка. Национальное познание отражает через фразеологизмы истину вне языка. Язык репрезентирует общественно-исторический и национальный опыт человека.

Список литературы

1. Рассел Б. Человеческое познание, его сферы и границы. Киев : Ника-Центр, 2001. 560 с.
2. Козлова Л. Я. Формирование языковой картины мира англичан // Вопросы методики преподавания в вузе. 2016. № 5. С. 53–63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/formirovanie-yazykovoy-kartiny-mira-anglichan> (дата обращения: 21.02.2021).
3. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. 7-е изд., стер. М. : Рус. яз., 2006. 580 с.
4. The idioms. Largest idioms dictionary. URL: <https://www.theidioms.com/> (дата обращения: 21.02.2021).
5. Etymological Dictionary of English. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 21.02.2021).

Информация об авторе: *Турлыбекова Инкар Алтынбековна*, докторант кафедры иностранной филологии Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилёва (г. Нур-Султан, Казахстан).

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ДАРСТВЕННЫХ НАДПИСЕЙ НА КНИГАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИНГВИСТОВ

В. В. Устинская

г. Пенза, Россия

Аннотация. Анализируются дарственные надписи на книгах отечественных лингвистов с точки зрения их содержания и структуры. Выделяются основные элементы структуры инскрипта, приводится попытка их классификации. Определяются способы репрезентации адресата и адресанта в текстах дарственных надписей. Выявляются основные направления содержания дарственных надписей.

Ключевые слова: дарственная надпись, инскрипт, адресат, адресант

Для цитирования: Устинская В. В. Структура и содержание дарственных надписей на книгах отечественных лингвистов // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 128–132.

В человеческих сообществах разных эпох известна традиция дарения. Этот акт несёт в себе символический смысл и часто сопровождается специальными ритуалами, одним из которых является надписывание подарка. Оставлять дарственные надписи принято на альбомах, картинах, фотографиях, пластинках, книгах и т.п.

Инскрипт – «краткая дарственная, посвятельная надпись на книге; автографическое посвящение» [1]. Дарственные надписи обычно располагаются на форзаце или авантитуле книги на свободном от текста месте. Надписание обязательно производится от руки, а наклон текста имеет произвольный характер.

Исследовательских работ, посвящённых дарственным надписям, насчитывается немного. Инскрипты объединяются и публикуются в каталогах различных библиотек, используются библиофилами в своих любительских работах. Почти отсутствуют исследования инскрипта как литературно-бытового жанра, редко рассматриваются вопросы структуры, содержания, поэтики дарственных надписей. Предметом внимания исследователей становятся лишь инскрипты, оставленные писателями и поэтами. Однако не менее интересными представляются дарственные надписи других мастеров слова – отечественных лингвистов. Нами предпринимается попытка анализа структуры и содержания инскриптов, оставленных на книгах языковедами.

Всего было собрано и проанализировано 250 дарственных надписей. Материалом послужили книги из личного архива преподавателей кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета, а также каталог дарственных надписей библиотеки Пушкинского Дома. Среди дарителей известные лингвисты: академик Петербургской АН А. А. Шахматов, профессор А. М. Пешковский, доктор филологических наук Н. С. Поспелов, профессор МГУ М. Н. Петерсон, академик РАО Н. М. Шанский, доктор филологических наук Е. С. Скобликова, заведующий кафедрой «Русский язык и методика преподавания русского языка» ПГУ Г. И. Канакина, доценты кафедры, кандидаты филологических наук И. Г. Родионова и М. Г. Луннова, старший преподаватель кафедры Л. Б. Гурьянова и многие другие. Основной массив рассматриваемых книг составляют научные лингвистические труды, подаренные самими авторами. Значительно меньшую часть составляют труды литературоведческого характера, а также дневниковые записи.

Рассмотренные инскрипты разнообразны по своей структуре. Они отличаются наличием / отсутствием наименования адресата и адресанта, способами их представления, содержанием основной части надписи, наличием / отсутствием указания даты и места создания надписи и т.п. Нельзя с уверенностью утверждать, что какой-либо элемент инскрипта является строго обязательным, однако можно выделить наиболее часто используемые. К ним относятся наименование адресата, наименование адресанта, дата написания книги.

Существует множество различных способов номинации адресата. Е. А. Косых в работе «Имя собственное в тексте инскрипта» выделяет пять таких способов: а) собственно полное имя адресата; б) аллоним антропонима; в) имя и патроним; г) криптоним; д) прецедентная единица, соотносимая с антропоминической единицей именования референта [2]. Анализ рассматриваемых нами дарственных надписей в целом позволяет согласиться с такой классификацией, однако целесообразным представляется внесение некоторых уточнений и дополнений. Представлены следующие способы наименования адресата в текстах инскриптов на книгах отечественных лингвистов.

1. Инициалы имени и отчества в сочетании с полной фамилией (*Л. Б. Гурьяновой*). Группа представлена 12 надписями.

2. Полное наименование имени и фамилии (*Людмиле Борисовне*). Группа представлена 92 надписями.

3. Полное наименование имени (*Людмиле*). Группа представлена 2 надписями.

4. Полное наименование имени, отчества и фамилии (*Василию Даниловичу Бондалетову*). Группа представлена 109 надписями.

5. Полное наименование имени и фамилии (*Василию Бондалетову*). Группа представлена 1 надписью.

6. Сокращённое наименование имени и отчества в сочетании с полным наименованием фамилии (*Фед. Евген. Коршу*). Группа представлена 1 надписью.

7. Полное наименование имени, отчества и фамилии или инициалы в сочетании с должностью / титулом (*Александру Николаевичу проф. Гвоздеву*), (*Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу*). Группа представлена 13 надписями.

8. Аллоним антропонима (*Людочке*). Группа представлена 1 надписью.

9. Описательный оборот, отражающий отношения между дарителем и получателем. А. И. Рейтблат в работе «К социологии инскрипта» выделяет три типа отношений дарителя и получателя: отношения «сверху вниз», «снизу вверх» и «по горизонтали» [3]. Среди рассмотренных инскриптов встречаются примеры отношений «снизу вверх» (*Учителю*) в количестве 1; «по горизонтали» (*Уважаемой коллеге*) в количестве 5. Не встречается самый редкий тип – отношения «сверху вниз». Отдельно стоит указать тип «родственные связи» (*милой моей племяннице*), встречающийся в количестве 2.

10. Наименование учреждения / подразделения учреждения (*В библиотеку Пензенского педагогического университета*). Группа представлена 13 надписями.

В двух случаях наименование адресата отсутствует. Важно отметить, что текст одного инскрипта может содержать несколько способов наименований (*Уважаемой коллеге, дорогой нашей помощнице Людмиле Борисовне*). Наименование адресата обычно «открывает» дарственную надпись и часто сопровождается именем прилагательным, отражающим характер отношений между дарителем и получателем (*глубокоуважаемому, дорогому, милой, чудесному* и т.п.).

Более регулярный характер носит употребление в тексте инскрипта наименование адресанта. Е. А. Косых выделяет четыре группы: а) подпись адресанта;

б) полное именование (патроним, патроним-отчество); в) имя и первая графема патронима или первая буква имени и патроним; г) криптонимы [2]. Данная классификация также нуждается в уточнениях и дополнениях. В текстах дарственных надписей на книгах отечественных лингвистов встречаются следующие способы наименования адресанта.

1. Подпись адресанта. Группа представлена 112 надписями.
2. Инициалы имени и отчества в сочетании с полным наименованием фамилии в именительном падеже (*Т. К. Донская*). Группа представлена 4 надписями.
3. Инициалы имени и фамилии (*А. Б.*). Группа представлена 3 надписями.
4. Инициал имени и полное наименование фамилии в именительном падеже (*А. Кожин*). Группа представлена 42 надписями.
5. Инициалы имени и отчества и полное наименование фамилии в родительном падеже с предлогом «от» (*от И. Н. Толстого*). Группа представлена 2 надписями.
6. Полное наименование фамилии и инициал имени в родительном падеже с предлогом «от» (*от Нафасова Т.*). Группа представлена 8 надписями.
7. Полное наименование фамилии в именительном падеже (*Левашов*). Группа представлена 4 надписями.
8. Полное наименование имени и фамилии и фамилии (*Николай Греч*). Группа представлена 1 надписью.
9. Наименование фамилии в родительном падеже с предлогом «от» (*от Малишевского*). Группа представлена 1 надписью.
10. Сокращённое наименование имени и полное наименование фамилии (*Мих. Хомонов*). Группа представлена 1 надписью.
11. Полное наименование имени и отчества в именительном падеже (*Надежда Николаевна*). Группа представлена 1 надписью.
12. Сокращённое наименование имени и отчества (*Нат. Ал.*). Группа представлена 1 надписью.
13. Сокращённое наименование имени, полное наименование фамилии в родительном падеже в сочетании с предлогом «от» (*от Мих. Малишевского*). Группа представлена 2 надписями.
14. От лица / группы лиц с указанием на причастность к даримой книге в родительном падеже в сочетании с предлогом «от» (*от автора, от сочинителя, от редактора* и т.п.) Группа представлена 85 надписями.
15. Наименование лица с указанием причастности к даримой книге в именительном падеже (*автор*). Группа представлена 6 надписями.
16. От группы лиц по месту жительства в родительном падеже в сочетании с предлогом «от» (*от пермяков*). Группа представлена 3 надписями.
17. Наименование группы лиц по роду деятельности в именительном падеже (*Карельские ономасты; африканист*). Группа представлена 2 надписями.
18. От лица с указанием должности / рода деятельности (*от Любящего его отца, теперь только старого филолога, а когда-то очень боевого – также молодца Лейб-Гусара, от переводчицы*). Группа представлена 3 надписями.
19. Описательный оборот, отражающий отношения между дарителем и получателем. Представлены варианты «снизу вверх» (*Многоуважаемому Василию Даниловичу от автора маленькой статейки; от ученика*) в количестве 3, «по горизонтали» (*от собрата; от коллег из МСК*) в количестве 1, а также группа «родственные связи» (*от Любящего его отца*) в количестве 2.
20. От учреждения / подразделения учреждения (*От Оргкомитета Международной конференции памяти чл.-кор. АПН А. Н. Гвоздева, (Кафедра русского языка)*). Группа представлена 4 надписями.

Наименование адресанта отсутствует в 2 надписях. Текст одной дарственной надписи может включать несколько способов наименования адресанта (*от Любящего его отца, теперь только старого филолога, а когда-то очень боевого – также молодца Лейб-Гусара*). Наименование адресанта может завершать текст дарственной надписи, находиться перед датой или наравне с ней. Редко этот элемент инскрипта сопровождается именем прилагательным.

Менее регулярным, но также довольно часто встречающимся структурным компонентом дарственной надписи является дата написания. Всего она встречается в 154 надписях. Дата обычно ставится после основной части инскрипта и располагается до наименования адресанта или наравне с ним. Нами отмечены различные способы обозначения даты в текстах дарственных надписей на книгах отечественных лингвистов.

1. Наименование исключительно в числовом варианте (21. 02. 06; 12.4.1970). Группа представлена 60 надписями.

2. Наименование числа и года цифрами, а месяца – текстом (26 декабря 2018 г.). Группа представлена 31 надписью.

3. Наименование месяца текстом, а года – цифрами (май, 1996). Группа представлена 6 надписями.

4. Наименование числа и года арабскими цифрами, а месяца – римскими (1. VIII. 08 г.). Группа представлена 48 надписями.

5. Наименование только года (1977 г.). Группа представлена 3 надписями.

6. Наименование даты вместе с обозначением «н.э.» (18 сентября 1974 г. н.э.). Группа представлена 6 надписями.

Отметим, что внутри даты возможна разная постановка знаков препинания (употребление точек, тире, запятых, косой черты).

В 32 случаях до / после даты указывается место написания книги (Пенза, г. Москва).

Основную часть инскрипта составляет некое обращение к адресату. Так, содержание дарственной надписи может представлять собой:

1. Благодарность адресанта. Даритель может благодарить за участие в создании книги, за особую роль, которую сыграл получатель в его судьбе, за сотрудничество и т.п. (*Дорогой Галине Ивановне с благодарностью за внимание и, конечно, за труды по лингвистической историографии Пензы!*). Группа представлена 17 надписями.

2. Пожелания адресату. Среди рассмотренных нами надписей наиболее часто встречаются пожелания успехов в научной деятельности и личной жизни, здоровья, благополучия, а также «наилучшие» пожелания (*Глубокоуважаемому Василию Даниловичу с пожеланиями новых творческих успехов, здоровья и счастья*). Группа представлена 38 надписями.

3. Выражение уважения, признательности адресату (*Василию Даниловичу с благодарностью, в знак глубокой признательности за критическую оценку моей скромной работы*). Группа представлена 42 надписями.

4. Дарение «в память» / «на память» о встрече, совместной работе, конференции (*С пожеланиями успехов и в память о первой Всероссийской Буслаевской конференции*). Группа представлена 44 надписями.

5. Дарение «в честь» какого-то события (*Василию Даниловичу Бондалетову в честь получения докторского диплома*). Группа представлена 1 надписью.

6. Надпись, содержащая просьбу (*Дорогому Василию Даниловичу с самыми добрыми чувствами на строгий суд (и снисходительный)*). Группа представлена 4 надписями.

Одна надпись может иметь разный по содержанию текст (*Дорогой Людмиле Борисовне с благодарностью за сотрудничество и пожеланием успехов*).

Обычно основной текст расположен между наименованием адресата и адресанта. Важно отметить, что несмотря на наибольший по сравнению с остальными элементами объём, рассмотренный компонент инскрипта не является обязательным и может отсутствовать в тексте дарственной надписи.

Некоторые инскрипты содержат уникальные элементы, например, указание почтового адреса, также редко в дарственных надписях содержатся постскриптумы и информация, понятная исключительно адресанту и адресату. В основном тексты дарственных надписей представляют собой готовые этикетные формулы с одинаковым набором структурных элементов (наименование адресата, основная часть, наименование адресанта, дата, место). Однако за счёт большого количества способов выражения этих элементов создаётся разнообразие структуры и содержания дарственных надписей.

Инскрипты на книгах отечественных лингвистов представляют ценный культурный и лингвистический материал. Тема данной статьи может быть развита и расширена, кроме того, остались без внимания вопросы языковых особенностей жанра дарственной надписи. Всестороннее изучение инскриптов позволит сформировать чёткое представление о самом жанре и выявить историко-культурные связи определённой эпохи.

Список литературы

1. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 04.02.2021).

2. Косых Е. А. Имя собственное в тексте инскрипта. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imya-sobstvennoe-v-tekste-inskripta> (дата обращения: 04.02.2021).

3. Рейтблат А. И. К социологии инскрипта. URL: <https://pushkin/articles/ot-kibirova-do-pushkina/rejtblat-k-sociologii-inskripta.htm> (дата обращения: 04.02.2021).

Информация об авторе: *Устинская Валерия Витальевна*, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ А. МЕРКЕЛЬ И В. В. ПУТИНА

А. С. Шатилов

г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Предметом настоящего анализа являются тексты обращений канцлера Германии А. Меркель (18.03.2020) и Президента РФ В. В. Путина (25.03.2020) [1]. Оба лидера обратились к гражданам своих стран в связи с пандемией коронавируса в мире. Анализ обращений позволяет сделать вывод о том, что выступление канцлера Германии носит общий характер, обращено к германскому народу, содержит призыв к консолидации и ответственности; в обращении же Президента РФ В. В. Путина больше внимания уделено конкретным мерам по борьбе с пандемией, оно ориентируется на правительство и административные органы власти.

Ключевые слова: коронавирус, пандемия, Президент Путин, канцлер Меркель

Для цитирования: Шатилов А. С. Лингвостатистический анализ обращений А. Меркель и В. В. Путина // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 133–137.

Таблица 1

Общая статистика обращений

Параметры	А. Меркель	В. В. Путин
Продолжительность	12 минут	17 минут
Темп речи	136 слов в минуту	100 слов в минуту
Общее количество слов	1620 нем. 1371 русский	1700
Общее количество предложений	98	126
Минимальная длина	1	1
Максимальная длина	47	44
Средняя длина предложения	16.5	13.5
Средняя длина слова	5.4	6.1

Из данной таблицы следует, что объём обоих текстов примерно одинаков, однако наполненность разная. У А. Меркель меньше количество предложений и большая длина, но средняя длина слова меньше. У В. В. Путина наоборот, большее количество предложений и меньшая длина, но средняя длина слова больше. Это выглядит не очень обычно, так как для немецкого языка характерны более длинные слова, чем для русского. Обращает на себя внимание резкое различие в темпе речи при схожем объёме текстов. Речь А. Меркель в целом соответствует среднему темпу речи в немецком языке, т.е. 110–130 слов в минуту, темп речи В. В. Путина существенно отличается. Для русского языка он составляет 120–150 слов в минуту [2]. В принципе, для публичной речи В. В. Путина вообще характерен замедленный темп речи. По подсчетам газеты «Коммерсант», средний темп речи В. В. Путина в выступлениях перед Федеральным собранием составляет 106 слов в минуту [3]. Это, очевидно, связано с тем, что статус лидера нации требует внушительной и медленной речи. Кроме того, надо помнить, что все публичные выступления, по сути, представляют собой чтение заранее написанного текста, т.е. их можно рассматривать не как устный текст, а как озвученный письменный. В этом смысле выступление А. Меркель больше соответствует парамет-

рам устного текста. Интересно, что продолжительность выступления В. В. Путина практически совпадает с оптимальной продолжительностью публичных лекций на платформе TED (Technology, Entertainment, Design) [4, с. 51]. Для сравнения – знаменитое выступление Мартина Лютера Kinga в 1963 году «У меня есть мечта» продолжалось 17 минут и 40 секунд, и скорость его речи составила 100 слов в минуту [4, с. 126]. Примечательное совпадение.

Структура выступления.

Выступление – повод обращения (ситуация в мире). Подтемы – (1) положение России; (2) деятельность по предотвращению эпидемии; (3) поправки к Конституции; (4) объявление о нерабочей неделе; (5) характеристика текущей социально-экономической ситуации в России и меры по поддержке граждан; (6) налоги на проценты по вкладам за рубежом, предупреждение иностранным партнёрам.

Заключение. Обращение к ценностям общества – сплочённость, личная ответственность, солидарность, взаимовыручка. Основная часть выступления посвящена перечислению конкретных мер, предлагаемых Президентом, чтобы смягчить негативные последствия для экономики страны и для отдельных граждан.

Таблица 2

Манера выступления В. В. Путина

Характеристики речи	Грамотная речь, чёткое произношение. Преимущественно умеренные интонации. Медленный темп речи. Речь произносится негромко. Оратор не старается увлечь слушателя. Нет прямого контакта со слушателями.
Жестикуляция, мимика, манера одеваться и держаться	Отсутствие жестикуляции, не очень выразительная мимика, деловой стиль одежды.
Визуализация	Оратор сидит в рабочем кабинете, за спиной – государственный флаг и штандарт Президента РФ.
Использование конспекта речи (свободная речь без конспекта)	Читает текст с телесуфлера.

Перейдём к частотности употребления. Десять самых частотных значимых слов в выступлении В. В. Путина выглядят так: *гражданин, страна, все, доход, предлагать, ситуация, налог, процент, мера, выплата*. Как следует из приведенного списка, основной упор в выступлении сделан на экономической стороне ситуации в России. Светоносова Т. А. на материале инаугурационных речей и посланий высшему законодательному органу страны (2000–2005 годы) выявила следующую систему ценностей в выступлениях В. В. Путина: политические (закон, свобода, демократия), экономические (конкуренция, бизнес, благосостояние) и социальные (образование, здоровье, безопасность) [5]. Как можно видеть, политические и социальные ценности в обращении Президента представлены слабо. Эти ценности упоминаются в начале и в конце обращения:

И главный приоритет здесь – жизнь и здоровье наших граждан.

Однако, как уже говорил ранее, абсолютным приоритетом для нас является здоровье, жизнь и безопасность людей.

По большому счёту, именно в такой солидарности и заключается сила общества, надёжность взаимовыручки, эффективность нашего ответа на вызов, с которым мы сталкиваемся.

Преобладающая часть лексики относится к социально-экономической сфере: *текущая социально-экономическая ситуация, сохранение доходов, поддержка малого и среднего бизнеса, социальные пособия и льготы, выплаты, микропредприятия, кредиты, зона риска, сокращение доходов, заказов, снижение выручки* и т.п. Составители текста обращения явно сделали акцент на практических, в первую очередь, экономических мерах, которые нужно предпринять для стабилизации ситуации. В качестве исполнительных органов в обращении упоминается *Правительство РФ, Парламент, Банк России, органы власти, губернаторы*.

Лексика, относящаяся к обществу, правительству и государству представлена следующими формами: *гражданин (13), страна (9), Россия (5), правительство (5), государство (3), общество (2), органы власти (2)*.

Наиболее частой формой глагола является первое лицо настоящего времени: *обращаюсь (2) к вам, хочу обратиться, сердечно благодарю, прошу (8) гражданин, как я к этому отношусь, буду просить, объявляю, считаю, повторю (3), остановлюсь, обращаю внимание (2), предлагаю (11), поручаю, как я уже сказал, подчеркну, добавлю, благодарю вас за внимание (38 форм)*. Форма 1 лица множественного числа встречается в три раза реже: *мы видим, нам удаётся, мы с вами, что мы можем и что мы делаем, нам нужны, мы обязаны сделать все, наша новая форма поддержки, у нас, мы проявим сплочённость, нам нужно сделать (11 форм)*. Такое преобладание форм первого лица можно объяснить жанром выступления – это личное обращение главы государства к гражданам.

В качестве обращения использованы следующие формы: *уважаемые граждане России (2), дорогие друзья, коллеги*. Если первые две формы достаточно традиционны для политика, то обращение «коллеги» больше принято в академической, научной среде.

В тексте встречаются единичные случаи употребления фразеологизмов (*понадеяться на авось*), элементы делового жаргона (*принять «вдолгую»*), нет прецедентных высказываний и эмоционально-окрашенных выражений.

На уровне синтаксиса заметно преобладание простых предложений, но довольно объёмных. Зачастую сложное предложение делится на два-три простых, чтобы облегчить восприятие.

Благодаря заранее принятым мерам нам в целом удаётся пока сдерживать и широкое, и стремительное распространение болезни. Но мы с вами должны понимать, что Россия – просто даже в силу своего географического положения – не может отгородиться от угрозы.

Однако, как уже говорил ранее, абсолютным приоритетом для нас является здоровье, жизнь и безопасность людей. Поэтому считаю, что голосование необходимо перенести на более позднюю дату.

Предложенные решения – непростые. Но прошу относиться к ним с пониманием

В целом выступление В. В. Путина можно охарактеризовать как очень конкретное, информативное, с преобладанием экономической тематики, выдержанное в нейтральной манере, без ярко выраженной эмоциональности, грамматически и лексически правильное, со сдержанным визуальным рядом, тематически однородное (для более детального анализа см. <https://putin.dekoder.org>).

«Десятка» А. Меркель включает следующие слова: *leben, virus, Zeit, schwer, Menschen, lassen, wirklich, Situation, sagen, Gemeinschaft* (*жизнь, вирус, время, тяжёлый, люди, продолжаться, на самом деле, ситуация, говорят, человечество*).

Наиболее частотны слова общей семантики, обращённые к широкому кругу лиц. Общая направленность выступления – призыв к совместному участию в

преодолении кризиса, обращение к каждому жителю и объяснение мер, предпринимаемых правительством для решения общей задачи.

Таблица 3

Манера выступлений А. Меркель

Правильность и выразительность речи; орфоэпия, интонация	Грамотная речь, чёткое произношение. Спокойные и невыразительные интонации. Речь произносится негромко. Оратор не увлекает слушателя.
Жестикуляция, мимика, манера одеваться и держаться	Минимальная жестикуляция, невыразительная мимика, деловой стиль одежды.
Визуализация	Рабочий кабинет, на заднем фоне здание Бундестага, в углу флаги Германии и Европейского союза.
Использование конспекта речи (речь без конспекта)	Читает текст с телесуфлера.

Композиция – отсутствие вступления, переход к описанию драматического положения в стране. Подтема 1 – действия канцлера и федерального правительства, без конкретики. Подтема 2 – обоснование рекомендаций на основе консультаций с экспертами. Подтема 3 – обращение к медицинскому персоналу. Подтема 4 – ограничение в социальной жизни и их последствия. Подтема 5 – меры правительства. Подтема 6 – благодарность работникам торговли. Подтема 7 – призыв к соблюдению рекомендаций врачей. Подтема 8 – новые формы социального взаимодействия. Подтема 9 – призыв к самодисциплине и выражение уверенности в разрешении кризиса.

Обращение А. Меркель более разнообразно по тематике, затрагивает разные стороны жизни страны, для него характерна цикличность, возврат к ранее затронутым проблемам – ответственность, самодисциплина, сотрудничество.

Основная часть лексики относится к характеристике социальной и экономической ситуации и мерам по её разрешению. Обращает на себя внимание предельно ясное и правдивое описание ситуации – *всё очень серьезно, нет ни терапии, ни вакцины, самый серьёзный вызов со времени Второй мировой войны, ограничения, подобных которым мы не знали, жёстко вторгаются, крайняя необходимость*. Авторы текста сделали основной упор на обращение к ответственности личности и на понимание необходимости ограничений, на объяснение принимаемых решений. В тексте обращения нет конкретных цифр (процентов, сумм и т.п.), поскольку это дело правительств федеральных земель. Этим обращение резко отличается от обращения Президента РФ, в котором конкретные цифры и суммы занимают значительное место.

А. Меркель часто обращается от первого лица, объясняя, что она, как федеральный канцлер, делает для решения ситуации: *Я хочу объяснить вам, Я хочу подчеркнуть, что делаю я как канцлер* и т.п., всего 22 формы. Форма МЫ встречается 38 раз и наиболее часто в сочетаниях *мы должны* (10 форм) и *мы можем* (5 форм). Ср. в обращении В. В. Путина Я-форма встречается 38 раз, МЫ-форма 11.

В качестве исполнительных органов в обращении упоминается Федеральное Правительство (5) и органы власти. Лексика, относящаяся к обществу, правительству и государству представлена следующими формами: *Германия* (4), *общество* (3), *(со)граждане* (2), *страна* (2), *(открытая) демократия* (2), *государство*. В обращении встречаются устойчивые словосочетания (*сражаться на передовой, стоять на посту, верить слухам*), единичные фразеологизмы (*держаться на плаву*).

С точки зрения синтаксиса наблюдается преобладание сложных предложений большого объёма, в том числе с использованием бессоюзной связи:

Об эпидемии – все, что я скажу вам, основано на постоянных консультациях федерального правительства с экспертами института Роберта Коха и другими учёными и вирусологами: во всём мире ведутся интенсивные исследования, но до сих пор нет ни терапии против коронавируса, ни вакцины (41 слово);

Позвольте вас заверить: я как человек, которому свобода передвижения досталась в трудной борьбе, может найти оправдание таким ограничениям только в случае крайней необходимости (23 слова);

Миллионы из вас не могут ходить на работу, ваши дети не ходят в школы и детские сады, театры, кино и магазины закрыты, но, наверное, самое тяжёлое – нам всем не хватает социальных контактов, которые составляют неотъемлемую часть нашей жизни (38 слов);

Рекомендации вирусологов однозначны: большие никаких рукопожатий, тщательное и частое мытьё рук, расстояние не менее полутора метров друг от друга, и лучше всего, воздержаться от контактов с пожилыми людьми, так как они наиболее подвержены заражению (34 слова).

В целом выступление А. Меркель можно охарактеризовать как достаточно информативное, с упором на разъяснение мер по борьбе с пандемией, сделанное в сдержанной манере, грамматически и лексически правильное, с отсутствием ярко выраженных эмоционально-окрашенных и экспрессивных элементов, с преобладанием сложных предложений, разнообразное тематически.

Заключение. Анализ показывает, что оба политика организуют свои выступления в похожей риторической манере – сдержанно, в соответствии с литературной нормой, с минимумом выразительных средств. Главное отличие – в обращении В. В. Путина основной упор сделан на конкретные способы преодоления кризиса, которые он предлагает использовать. Основными действующими лицами являются Президент и Правительство. В обращении А. Меркель акцент сделан на взаимодействии власти и граждан, на разъяснении необходимости специальных мер и консолидации общества. Основными действующими лицами являются граждане и органы власти.

Список литературы

1. Перевод текста обращения А. Меркель // Официальный сайт Правительства Германии. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/coronavirus/statement-chancellor-1732354> (дата обращения: 08.01.2021) ; Текст выступления Президента РФ В. В. Путина // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63061> (дата обращения: 08.01.2021).
2. Dic Academic.ru. URL: https://ped_recheved.academic.ru/245/Темп_речи (дата обращения: 31.03.2020).
3. Коммерсантъ. 2008. № 21.
4. Крис Андерсон. TED Talks. Слова меняют мир: первое официальное руководство по публичным выступлениям / пер. с англ. Т. О. Новиковой. М. : Э, 2017.
5. Светоносова Т. А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 174 с.

Информация об авторе: Шатилов Андрей Сергеевич, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия).

ТЕКСТ ПОЭЗИИ ЯНА КОХАНОВСКОГО КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

В. Шетэля

г. Москва, Россия; г. Варшава, Польша

Аннотация. Исследование посвящено языку поэзии великого национального поэта Польши эпохи Возрождения Яну Кохановскому (Jan Kochanowski), который одним из первых создавал свои произведения на родном (польском) языке в период, когда в литературе, образовании, богослужении и других областях доминировал латинский язык. Новаторские языковые средства поэтического выражения Яна Кохановского отражают языковую картину мира, сложившуюся в родном языке, а вместе с тем дают представление о глубине знаний об этом мире носителями языка того исторического периода. Описание названий, с помощью которых представлен реальный мир в текстах произведений поэта, является основной темой настоящей статьи.

Ключевые слова: антропоним, новаторские средства поэтического выражения, носитель языка, полонизация, топоним

Для цитирования: Шетэля В. Текст поэзии Яна Кохановского как средство отражения картины мира эпохи Возрождения // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 138–141.

Нам важно знать, каким лексико-фразеологическим фондом обладала языковая система прошлого, в нашем случае языковая система XV–XVI вв., а в частности, из каких единиц, называющих внешний мир, состояла речь носителя языка эпохи польского Возрождения (Ренессанса). Через посредство употребляемых носителем языка наименований того времени узнаём не только о богатстве его речи, а и насколько был ему известен окружающий мир и его история.

Употребление в речи носителя языка разнообразных по своей тематике единиц может быть показателем глубины знаний об окружающем мире, а следовательно, о кругозоре языковой личности эпохи польского Возрождения. Допускаем, что при шляхетской «демократии» эти знания были сословными. Так можно утверждать хотя бы по той причине, что основные знания были получаемы через латынь.

Ян Кохановский (1530–1584 гг.) – выдающийся поэт польского Возрождения (XV–XVI вв.), деятельность которого на поприще родного (польского) языка во многом способствовала совершенствованию системы польского языка, улучшению статуса и положения польского языка в мире, в котором доминировал латинский язык.

Ян Кохановский как представитель своей эпохи – эпохи Ренессанса – создавал на польском языке драматические произведения, стихотворные миниатюры (фрашки), а также религиозные песни, псалмы, трены и другие, с помощью иногда им самим созданных средств поэтического выражения. Кстати, произведения Яна Кохановского с вкрапленными в их текст латинизмами были переведены на русский язык [3]. В песни вплетены часто библейские истории, с упоминанием в них библейских личностей, названий городов, рек, часто экзотических и мифических названий животных. Употреблённые в текстах единицы много могут сказать о его авторе, как представителе высшей образованной прослойки общества, о его кругозоре, а следовательно, о языковой личности той эпохи, о её знаниях окружающего мифологического, древнего и настоящего мира.

Отбор для текста наименований диктует тематика задуманного произведения, что свидетельствует не только о том, что есть из чего выбирать, а и о степени знания о сложившейся в это время цивилизации.

Ян Кохановский, как каждый образованный дворянин XV–XVI веков, получивший латинское образование, вероятней всего, в иезуитских или братских коллегиях, а затем пополнивший эти знания, о чём известно точно, в Кёнигсбергском и Падуанском университетах, а следовательно, владеющий родным и латинским языками, обладал широкими знаниями в области гуманитарных наук того времени, а прежде всего доскональными знаниями текста Священных писаний. Не чужда ему была общая (классическая) и отечественная история, история религии и проч. Возможно, что о современных ему событиях в Европе и мире мог узнавать дополнительно в период работы секретарём при королевском дворе. Впрочем, подробности о третьем походе Радзивилла на Московские земли в конце XVI в., состоявшемся при жизни поэта, Кохановский почерпнул из хроник немца Рейнгольда Хейденштейна (Reinhold Heidenstein). Как любопытный факт отметим, что этими хрониками пользовался гораздо позже М. Н. Карамзин при составлении истории России.

Таким образом, отметим, что в стихотворной строке Яна Кохановского даны классические сведения, а также новые сведения всего того, что происходило в столицах и на землях соседствующих государств. Свою оценку этих последних события поэт давал часто в иноказательной форме с привлечением для сравнения аналогичных библейских или мифологических ситуаций.

Как раз гомеровский сюжет Троянской войны в драме «Возвращение греческих послов» («Odprawa posłów greckich», 1578 г.) прямо намекает, какие последствия могут возникнуть от проводимой опасной внешней политики Речи Посполитой.

Поэт использует известные ему (и другим) имена героев тех давних событий – греческих послов: **Ulisses**, **Menelaus** и других: **Parys**, им называемый **Aleksander**, **Priamus**, **Kasandra**. Через посредство этих употреблении узнаём о степени знания текста Гомера. «Ale nie toć jest pan, Co się w Poleponezie albo w Troi rodził; Szabla ostra przy boku to pan» – (перевод наш:) «Не тот господин, кто родился в Полепоннесе или в Трои; А у кого сабля острая у бока – тот господин» [5, t. 3, s. 105]. В речи греческого посла прямо звучат нотки современного Кохановскому шляхтича.

В текстах названы страны: **Piryja**, **Kroacyja** [5, t. 3, s. 238]; а определение «z meońskiego kraju» [5, t. 3, s. 192] указывает на современную нам **Ливию**; а также на народы: «każdy naród słowieński swoim własnym przezwiskiem zawżdy był mianowan, jako to: Bułgarowie, Serbi, Słowacy i wiele innych» – «каждый славянский народ собственным своим названием всегда был назван, таким как: Болгары, Сербы, Словаки и много других» [5, t. 3, s. 237–238].

Таким образом, можно предположить, что носителю польского языка были известны многие славянские народы и их предполагаемая история.

Ян Кохановский употребляет названия морей так, как они в его время назывались, напр.: **Венетское море**, имея в виду, скорее всего, **Балтику**, а также залив, которой им назван **Гданьским морем**: «Słowacy przeszli przez Dunaj i nad Morzem Weneckim usiedli» – «Словаки перешли Дунай и на венетском море расположились» [5, t. 3, s. 238]. Называет **Хваленьское море**, имея в виду наше **Каспийское море**: «Dźwina i możny Wolhwa: owa ku Gdańskiemu, A ta zasię ku Morzu rłynac Chwaleńskiemu» – «Двина и богата Волга: эта первая к морю Гданьскому, а та к морю Хваленьскому текла» [5, t. 3, s. 167]. Внимание вызывает здесь давнее название реки **Волги**, как **Wolhwa** при современном польском написании **Wolga**.

Во всяком случае «Словарь польского языка XVI века» в своём иллюстративном материале из разных источников того времени отмечает гидроним величайшей русской реки в той же форме **Wolhwa** [6, s. 90].

Подобное несовпадение (современное польское название и название XVI века) находим в названии полуострова **Балканы** – **Balchany** и современное польское **Balkany**. В довольно интересном фрагменте песни употреблены названия: **Балканы (Balchany)**, **Черное море**; **Замерзшее море (Morze Zmarzłe)**, вероятно, **Белое**. Под определением **brzeg adryjański** – **берег адрианский** подразумевается **Адриатика**. См. описание расселения славян с употреблением этих названий: «Tu do Czarnego Morza jeszcze świeże szlaki; Tu droga znakomita przez śnieżne Bałchany [...] od Zmarzłego Morza po brzeg adryjański Wszystko był opanował czy naród słowiański» – «Здесь к Черному морю свежая тропа; Здесь известная дорога через снежные Балханы [...] от Замерзшего моря по берег Адриатики Всем овладел славянский народ» [5, t. 3, s. 38].

Употребляются и другие названия, которые свидетельствуют о знании географии и о народах, там проживающих, например: «Prokop Cezaryński, zasny historyk, o Kaukaz i o granicach iberskich mówiąc: „Tu (powiada) między inszymi narody Alani i Abazgi mieszkają, i Sekki, i Hunny, które i Saberi zowią”» – «Прокоп Цезариньский, известный историк, о Кавказе и о границах иберских говорил: “Здесь (говорит) между другими проживают Алани и Абазы, и Цекки, которых также Сабери называют”» [5, t. 3, s. 239]. В приложении к этому тексту имеется пояснение, что прилагательное **iberskich** происходит от страны **Iberia** т.е. **Guzja** – **Иберия-Грузия**. **Sekki** это скорее всего **Черкесы**, а этнонимы **Alani** и **Abazgi** имеют отношение к другим народам Кавказа [5, t. 3, s. 315]. Таким образом, поэту и носителю польского языка эпохи Возрождения было известно название Кавказских гор, стран этого региона и народов там проживающих. Поэт отмечает, что **гуннов** называют и «Сабери».

Иногда, употребленное автором прилагательное указывает на город, от которого оно произошло, в котором происходили известные по мифам события. Так, Кохановский употребляет прилагательное **gordyński** от топонима **Gordyn**, рядом с которым находился Лабиринт, с проживающим в нем Минотавром: «(Tezeus) Płynął ... przez głębokie morze I stawił się na króla gordyńskiego dworze» – (Тезей) Плыл ... через глубокое море И явился на гординского короля дворце» [5, t. 3, s. 130].

Кстати, Кохановский употребляет и выражения **nić Ariadny** (**нить Ариадны**) у него **kłębek Aryjadny**; **Labirynt** – **Лабиринт** (фрашка, к преследовавшим его умникам): «Powiedzcie mi, niech próżno nie frasuje głowy, Bo się w dziwny Labirynt i błąd wda takowy, Skąd żadna Aryjadna, żadne kłębki tylne Wywieść go móg nie będą» – «Скажите ему, пусть не забивает себе головы, а то в странном Лабиринте так заблудиться, что никакая Ариадна, никакие нити вывести оттуда его не смогут» [5, t. 1, s. 231].

В шутовском анекдоте о сандомирском канонике, а Ян Кохановский собирал такие произведения, употребляется название вино **malmazyja**, название происходящее от итал. *Malvasia*, а то от греч. *Μομεμβασία*, *Μομεμβασια* – «греческое виноградное вино, изготавливаемое в районе города Монеμβасия, от которого и произошло название». В тексте читаем: «upołwszy malmazyją» – «напоив мальвазией» [5, t. 3, s. 251]. Имеется в виду **мальвазия**, **мальвази-мадера** – «разновидность красной мадеры», о котором упоминают гораздо позже А. С. Пушкин: «его утопили в бочке мальвазии» [4, с. 386] и другие русские авторы XIX века: «Не далее как вчера я насилу залил пожар моего желудка, вспыхнувшего от подобного брандскугеля. – И заливали, конечно, не водою, доктор? – Без сомнения,

мальвазией, господин барон» [1, с. 17]; «Из сладких вин, известное под названием мальвази-мадеры» [2, с. 87]. Это название вина и город, в районе которого изготавливали это вино, было известно в Польше в XVI веке, о чем сообщал Кохановский путем употребления этого названия.

Примером названия экзотического животного в тексте Кохановского может послужить слово **krokodyl** – крокодил, употреблённое у него в форме прилагательного во фразеологизме **łyzy krokodylowe** – крокодиловые слёзы в знач. «фальшивое выражение эмоции»: «Zmyślone skargi, bo to łyzy krokodylowe» – «Выдуманные жалобы, это крокодиловые слезы» [5, т. 1, с. 228]. В момент написания этой фразы было уже известно само название **krokodyl**. «Словарь польского языка XVI века» в иллюстративном материале на слово «krom» приводит цитату из источника 1510 г. с употреблением слова **Kokodrill**: «Kokodrillow, którzy fie ustáviczniepo oney rzese tułáli krom miefiacá Lipcá y Sirpniá» – «Крокодилов, которые постоянно в этой реке плавали кроме месяца Июля и Августа» [6, с. 240].

Всё же интересно знать, как читатель того времени воображал себе этого животного.

Таким образом, отметим, что создатель польского поэтического языка Ян Кохановский в качестве своеобразных средств выражения использует ономастику библейского и мифологического происхождения. Известна она ему прежде всего из латинского источника. Названия славянских и других народов свидетельствуют об исследованиях, проводимых в этой области в век так называемой «Золотой польской культуры». Новаторские языковые средства поэтического выражения Яна Кохановского отражают языковую картину мира, сложившуюся в родном языке, а вместе с тем дают представление о глубине знаний об этом мире носителями языка того исторического периода.

Список литературы

1. Бестужев-Марлинский А. А. Ревельский турнир // Повести / А. А. Бестужев-Марлинский ; сост., вступ. ст. и прим. В. И. Кулешов. М. : Правда, 1986. С. 15–48.
2. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия : в 2 т. / комм. К. И. Тюнькина. М. : Правда, 1985. 688 с.
3. Кохановский Я. Стихотворения : пер. с польского и латинского. М. : Худ. лит., 1980.
4. Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г. // Сочинения : в 3 т. / А. С. Пушкин. М. : Худ. лит., 1986. Т. 3. С. 370–410.
5. Kochanowski J. Dzieła polskie. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1953. Т. I–III.
6. Słownik polszczyzny XVI wieku / red. naczelny M. R. Mayenowa. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1978. Т. XI. 634 s.

Информация об авторе: *Шетэля Виктор*, кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия; г. Варшава, Польша).

АССОЦИАТИВНЫЙ АСПЕКТ ЭРГОНИМОВ г. МОЗЫРЯ

А. В. Юденкова, Е. В. Ковалёва

г. Мозырь, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются результаты ассоциативного эксперимента, проведённого среди иностранных студентов филологического факультета на примере названий коммерческих объектов г. Мозыря. Было выявлено, что в ряде наименований эргонимы содержат ассоциации, которые позволяют соотнести их с называемым объектом; в белорусскоязычных названиях не прослеживается, как правило, соотнесенность номинируемого объекта с выявленными реакциями.

Ключевые слова: эргоним, ассоциативный эксперимент, номинация, апеллатив

Для цитирования: Юденкова А. В., Ковалёва Е. В. Ассоциативный аспект эргонимов г. Мозыря // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 142–145.

Номинация городского ландшафта фиксирует изменения в социуме, а также традиции материальной и духовной культуры народа. Информация о национальных особенностях, закодированная в онимах, позволяет рассматривать ономастические единицы как свернутый текст, который «состоит из нескольких логико-информационных модулей» [1, с. 6]. Номинация ономастических единиц современного города содержит интенции номинатора с целью привлечения внимания к объекту, отражает существующие традиции и тенденции в ономастической номинации. Исследование таких ономастических единиц способствует пониманию языка как средства осмысления определенного коллективного опыта, который закодирован в значениях топооснов. В языке современного города существует множество названий, выполняющих функцию ориентиров. Под эргонимом понимается название «делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [2, с. 151]. Современный эргонимикон в последние годы является объектом тщательного изучения лингвистов. Данные ономастические единицы исследовались в работах М. В. Горбаневского, Ю. А. Карпенко, И. В. Крюковой, А. М. Мезенко, А. В. Суперанской, В. И. Супруна, Е. В. Тихоненко, Т. В. Шмелевой и др.

Цель работы – выявить ассоциативные особенности названий магазинов одежды и обуви, названий объектов общественного питания белорусского города среди иностранных студентов для выявления специфики ономастической номинации. Материалом для исследования послужили названия магазинов одежды и обуви, магазинов непродовольственных товаров, заведений общественного питания г. Мозырь (Беларусь) [3]. Для выявления ассоциативного потенциала эргонимов, номинирующих торговые и иные объекты в г. Мозырь, был проведён ассоциативный эксперимент. В данном эксперименте приняли участие иностранные студенты, обучающиеся на филологическом факультете. Респондентам было предложено определить свои ассоциации к названиям определённых объектов. В качестве слов-стимулов были выбраны следующие эргонимы, находящиеся в непосредственной близости от места проживания данных студентов: *Чай и кофе, Овощи и фрукты, Охота и рыбалка, Канцтовары, One coffee, Сдобнушка, Каравай, Смак, Лимон, Трибуна, Girtpap's, Каблучок, Грация, Персона, Белмода, Модники, Euroспорт, TURBO компьютер, FRESHCoFF, ЭкономЪ, Бьюти, Бон жур, ГринМаркет, Пантера, Фантастика, York Pub, Дары от Зари, Ласунак,*

Духмяны хлеб, Папараць-кветка, Аксаміт, Старажытны. Студентам предлагалось написать ассоциации, связанные с понятиями, лежащими в основе наименования. Наибольшее число ассоциаций, совпадающих с назначением объекта и целевой аудиторией, имеют эргонимы, прямо указывающие на деятельность объекта, что обусловлено, как правило, прозрачной внутренней формой этого эргонима-стимула. Так, название объекта *Чай и кофе* информирует об ассортименте (продажа чая и кофе). Данное наименование прямо называет объект, поэтому были предложены следующие реакции: *магазин чая* (65 %), *кафе* (30 %), *сорт кофе*, *магазин Радуга*, *Чайный маяк*, *напитки*. Оним *Овощи и фрукты* (продажа овощей и фруктов) ассоциируется со следующими лексемами и эргонимами: *магазин Евроопт* (56 %), *продуктовый магазин* (34 %), *рынок* (10 %), *каталог товаров*; в единичных случаях анкетированные просто перечисляют названия овощей и фруктов. Эргоним *Охота и рыбалка* (товары для охоты и рыбалки) мотивирован лексемами *охота* и *рыбалка*, при этом нами были получены следующие ассоциации: *рыболовный магазин* (70 %), *море*, *рыба*, *медведь*, *охотники и рыбаки*, *птица*, что можно объяснить отсутствием лесов в стране постоянного проживания данных студентов. Единичны случаи выражения личных переживаний: лексемами *охота* и *рыбалка* – *хобби папы*. Наименование кофейни *One coffee* содержит указания на сферу деятельности, оно образовано от английских лексем *one coffee* ‘одна чашка кофе’. У респондентов выявлены следующие ассоциации: *сорт кофе* (30 %), *кафе* (30 %), *coffee house*, *франшиза кофейни*, *ларёк, где можно купить кофе*. При выборе данных слов в качестве названий магазинов ассоциативные векторы респондентов и номинаторов совпадают.

В исследуемой группе эргонимов, названия которых содержат определенную особенность объекта, указывающую на характер ассортимента, вкусовые характеристики, в ассоциативных реакциях прослеживается общее направление деятельности объекта. Следует отметить, что мотивировочный признак, представленный в данных ономастических единицах, легко определяется респондентами формирует устойчивый характер этой ассоциативной связи.

Наименование *Сдобнушка* (хлеб и кондитерская продукция) мотивировано лексемой *сдобнушка* (от *сдоба* – ‘сдобное хлебобулочное изделие’). Нами были получены реакции: *печенье* (45 %), *лепешка* (35 %), а также единичные реакции *деревенское печенье*, *слойка*, ‘*Деревенские*’ (пышные печенье к чаю), *хлеб*, *белорусский молочный продукт*. Эргоним *Каравай* (продовольственный магазин) происходит от апеллятива *каравай* ‘хлеб круглой формы’. Часть респондентов (40 % испытуемых) соотнесла это слово с названием магазина *Евроопт*, а также с лексемами *хлеб* (30 %), *магазин-кулинария*; *фирменный магазин*, *дискаунтер*, *традиция народа*. Оним *Трибуна* (спортивный бар) происходит от лексемы *трибуна* ‘сооружение с рядами мест на стадионе’ и ассоциируется с лексемами *спорт* (60 %), *спортбар* (30 %), *паб*, *суши*, *бургеры*, в двух случаях выявлена реакция *мебельный магазин*. Ономастическая единица *Gourmet's* соотносится с французской лексемой *gourmand* ‘любитель и ценитель изысканных блюд’, с данным апеллятивом получены следующие ассоциации, зафиксированные в равной степени: *ресторан*, *кафе*, *магазин*, *меню*, *кофейня*, бульвар *Малинина* (имеется в виду местоположение объекта), *рынок* (находится недалеко от рынка), *красивый вид*. Эргоним *Каблучок* (магазин женской обуви) происходит от апеллятива *каблучок* ‘деталь обуви’; 65 % респондентов отдали предпочтение номинациям *магазин обуви*, *магазин женской обуви*, 10 % респондентов назвали им магазин *Кари*, а также зафиксированы лексемы *каталог обуви*, *вещи*, *туфли*.

Наименование *Белмода* образовано путем контаминации лексем *белорусский* и *мода*, на данный эргоним были выявлены следующие ассоциации:

магазин одежды, белорусская одежда, магазин женской одежды, интернет-магазин женской одежды, магазин белорусской одежды, белорусская мода для молодежи. Оним Модники соотносится с лексемой модник 'тот, кто следует моде' и равной степени представлен реакциями одежда, магазин одежды, интернет-магазин "Детки", магазин турецкой одежды, магазин детской одежды, ул. Малинина, для молодежи, женщины, одежда нового сезона. Отметим, что реакции респондентов, указывающие на связь слова-стимула с названиями данных объектов, достаточно репрезентативны.

Наименование *Грация* (магазин женского белья) мотивировано лексемой *грация* 'внутренний вид красоты, проявляющийся в движении' и ассоциируется с лексемами *нижнее бельё, женское бельё, магазин алкогольной продукции, мебель*. Такой выбор реакций в ответах респондентов, вероятно, обусловлен тем, что данное слово-стимул обладает разнообразным ассоциативным потенциалом, позволяющим соотносить его с различными городскими объектами. Название магазина *ЭкономЪ* соотносится с лексемой *экономить*, указывающей на диапазон цен и общее направление магазина. Эргоним содержит символ *Ъ* 'ерь или твердый знак', используемый и в рекламе объекта. Данное наименование ассоциируется со следующими словами: *магазин, экономный магазин, продуктовый магазин, магазин Евроопт, маленький магазин*. Название салона красоты *Бьюти* соотносится с английской лексемой *beauty* 'красота', для данного эргонима выявлены следующие реакции: *магазин косметики, салон красоты, каталог женской одежды, макияж, женские украшения, косметика*. Лексемы в основе данных эргонимов указывают на определенную стереотипность большинства ассоциаций.

Но иногда номинатор использует для названия объекта такие апеллятивы, которые затрудняют восприятие эргонима, в некоторых случаях без определенного уточнения или описания невозможно определить характер объекта. Наименование *Пантера* (мужская одежда) происходит лексемы *пантера*, у анкетированных название ассоциируется с лексемами *салон красоты, название мультфильма, название хищника*; единична для данного объекта ассоциация, основанная на личных переживаниях: стильные люди, например, Сулейман. У некоторых ассоциаций невозможно проследить логические связи со словом-стимулом. Так, например, оним *Фантастика* (магазин игрушек) ассоциируется со следующими лексемами: *фильм, фантастический фильм, кинофантастика, магазин одежды, бульвар Юности* (вероятно, местонахождение объекта), *игротека, развлекательный центр*.

Распространенной трансонимизационной моделью в эргонимии г. Мозырь является привлечение слов другого языка, использование общеизвестных слов и понятий. Так, название *York Pub* происходит от ойконима *York* и лексемы *pub* 'заведение, в котором продаются алкогольные напитки'. Данный эргоним ассоциируется с лексемами *кафе (45 %), пицца (25 %), кофе, пивной ресторан, коктейли, белорусские блюда, бургеры, кафе для мужчин*.

Ономастическая единица *Дары от Зари* (фирменный магазин агрокомплекса) происходит от лексемы *дары* 'результат труда, подарок' и эргонима *Заря* (агрокомплекс). Данная конструкция ассоциируется со следующими лексемами: *мясной магазин (70 %), продуктовый магазин (20 %), единичны реакции мясо, одежда, овощи*.

Иностранцам студентам также было предложено проанализировать и эргонимы, мотивированные белорусскоязычными лексемами. Такие единицы в языковом пространстве города составляют более 10 % от зафиксированных. Белорусскоязычные лексемы в составе эргонимов указывают на вид продуктов или их

свойства: оним *Ласунак* происходит от апеллятива *ласунак* (рус. *лакомство*), название *Духмяны хлеб* мотивировано лексемами *духмяны* и *хлеб* (рус. *ароматный хлеб*). Респондентами были предложены следующие реакции: *сладости* (60 %), *торт* (25 %), *шоколад, мороженое, конфеты, колбаса, сосиски, детский мир*. Для эргонима *Духмяны хлеб – чёрный хлеб* (57 %), *хлеб* (32 %), *хлебный магазин, пекарня*. Наименования *Папараць-кветка, Аксаміт, Старажытны* (продовольственные магазины) происходят от апеллятивов *папараць-кветка, аксаміт, старажытны*, но не содержат характеристик объекта, поэтому для иностранных студентов сложно было определить ассоциативную связь с эргонимом и объектом. Так, для онима *Папараць-кветка* фиксируются реакции *котлеты, ресторан, столовая, кафе*; для названия *Аksamит* – *ткани, магазин одежды, магазин мебели*; для эргонима *Старажытны* – *продуктовый магазин* (45 %), *фестиваль истории и культуры, музей, секонд хэнд, квас*.

Таким образом, данные эргонимы, как и многие единицы ономастической номинации, представляют набор определенных номинаций, который позволяет соотнести их с объектом. Выбор одинаковых реакций в ответах респондентов, вероятно, обусловлен тем, что данные эргонимы хорошо знакомы участникам эксперимента и находят ассоциативный отклик. Данные слова-стимулы обладают разнообразным ассоциативным потенциалом, позволяющим использовать их в качестве названий различных городских объектов. Ассоциации, которые вызывают данные ономастические единицы, отражают культурные реалии, включенные в набор знаний и жизненного опыта носителей языка.

Список литературы

1. Горбаневский М. В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. М., 1994. 39 с.
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1988. 199 с.
3. Mlife. Портал города Мозыря. 2020. URL: <https://mlife.by> (дата обращения: 01.02.2021).

Информация об авторах: *Юденкова Анна Викторовна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь); *Ковалёва Елена Валерьевна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь).

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА: СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ В ВУЗЕ И ШКОЛЕ

РАЗВИТИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В СТАРШИХ КЛАССАХ

С. З. Аббасова

г. Баку, Азербайджан

Аннотация. Исследование посвящено динамике развития самостоятельности, критичности мышления и элементам занимательности в процессе обучения русскому языку в старших классах. Степень сложности литературных текстов на уроках русского языка должна соответствовать возрастным критериям. В процессе преподавания в старших классах тексты позволяют моделировать их функциональные возможности. Всё это позволяет выявить текстообразующую роль пройденных грамматических правил, вследствие чего учитель имеет возможность постфактум задать соответствующие изученной теме вопросы.

Ключевые слова: развитие самостоятельности, факторы критичности мышления, элементы занимательности, процесс обучения русскому языку, гуманитаризация образовательного процесса, лирические миниатюры

Для цитирования: Аббасова С. З. Развитие самостоятельного мышления в процессе обучения русскому языку в старших классах // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 146–150.

Современный подход к обучению – это прежде всего гуманитаризация образовательного процесса. Суть его в своё время хорошо выразил Ф. И. Буслаев, считавший, что учить школьников русскому языку – это в первую очередь «развивать духовные способности учащегося». Эти слова созвучны высказыванию другого видного педагога К. И. Ушинского: «Дитя входит в духовную жизнь окружающих его людей единственно через посредство родного языка» [6, с. 59]. Таким образом, на уроках русского языка должна быть поставлена следующая методическая цель: обучать и воспитывать юную личность с ориентиром на привитие ценностных языковых вкусов и утверждение нравственно-эстетических ценностей. В принципе это весьма трафаретная идея синтеза обучения и воспитания в школьном процессе, однако, на наш взгляд, речь должна идти не о формальном её исполнении, но, скорее, о творческих подходах к ней.

Так, в процессе обучения русскому языку учитель неизменно опирается на учебные пособия. Они есть руководство к действию и вместе с тем настольная книга для составления ежедневных поурочных планов. Но решение воспитательных задач уже не сковывает современного слависта узкими рамками плановой схемы обучения; напротив, открывает широкое поле деятельности в аспекте развития самостоятельности и критичности мышления старшеклассников, органически соединённое с творческими подходами к ряду задач.

Какими же видятся нам эти задачи? Укажем на то, что урок, когда грамматические правила опираются на содержательный текстовый материал, оставляет

в памяти школьников (в особенности старших классов) глубокий след. В то же время навыки и умения правописания, сформированные на таком уроке, обычно закрепляются прочнее, знания становятся стабильнее. Скажем, самостоятельно разъясняя знаки препинания, пытливые дети, как правило, улавливают некоторые наиболее ясные и доходчивые принципы отбора писателями тех или иных слов и выражений. Легче всего и доступнее это продемонстрировать школьникам не на основе крупных эпических творений, а небольших миниатюр. Например, отталкиваясь от краткого обзора «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева, в дополнительную литературу можно включить «лирические миниатюры» Мир Джалала, Анара «Ночные мысли» и т.д. По факту прочтения малых текстовых отрезков напрашиваются вопросы: «Какой смысл вкладывает азербайджанский писатель в настоящий рассказ?» «К чему призывает наш автор?» «Какие выводы вы сделали из прочитанного?», «Можете ли вы в нескольких предложениях охарактеризовать идейную суть «лирических миниатюр» или продолжить их? и т.п.

Ещё в конце 1960-х годов педагог и психолог А. С. Байрамов в своей докторской диссертации подчёркивал: «Самостоятельность и критичность мышления необходимы человеку не только для приобретения более глубоких знаний, более совершенных и прочных навыков умственной деятельности. Эти качества мышления играют особо важную роль в процессе формирования у подрастающего поколения научного мировоззрения» [2, с. 4]. Но в нашем случае мы можем продолжить мысль отечественного учёного, указывая, что настоящим налицо динамика развития самостоятельности и критичности мышления у старшеклассников, воссоединённые с элементами вольного пересказа отдельных частей рассказа. Это, несомненно, стимулирует сознание школьников, так как в учебный процесс включается некоторый элемент занимательности.

В романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», входящем в школьную программу, есть весьма примечательное описание Грушницкого. «Сапоги его скрипели». Как видим, глагол изменил своё фонетическое звучание, хотя смысл слова совершенно прозрачен. Но это сделано автором не случайно: слово «скрипели», в представлении Лермонтова, субъективно выражает определённый лингво-культурологический и исторический факт. Вспомним, как супротивник Печорина щеголял своими сапогами, по-особому сшитыми хорошим мастером. Сапоги с ботфортами во времена поэта, как правило, надевались по праздникам. Требуется обращение старшеклассников к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля. В соответствующей словарной статье читаем: «Скрып, в сапогах, по заказу давальцев лоскутки кожи, вымоченные в уксусе, пересыпанные серой и вложенные меж стельки и подошвы» [4, с. 209]. Кстати, тут же Далем приводится и пословица: «Сапожки под скрипом, а каша без масла». К этимологическому словарю отправляем школьников за разъяснением лексемы «Давальцы» – «заказчики» на старославянский манер. Таким образом, у старшеклассников вырабатывается критический подход к материалу в целом, ведь отдельные лексемы несут на себе немалую смысловую нагрузку; практически всё в облике Грушницкого отдаёт фривольным поведением, самодовольством, чванством, стремлением к напыщенным и витиеватым фразам. В свою очередь обращение к словарям пробуждает занимательный интерес к этимологии слов, корням различного происхождения. Тем самым параллельно развивается ассоциативное, пространственно-геометрическое мышление.

Словари вообще способны развить самостоятельность и критическое мышление, равно как и способствуют пополнению общего запаса знаний. Они добавляют и важный элемент занимательности, так как в некоторых случаях позволяют разгадывать слова в форме загадок, кроссвордов. Например, в одном из рассказов

И. А. Бунина есть такое предложение: «Весело ехать по глубоким колеям, заросшим муравой, повиликой, какими-то белыми и жёлтыми цветами на длинных стеблях» [3, с. 384]. Логично задать школьникам вопрос: что означает «мурава», на что, по всей вероятности, незамедлительно последует ответ: трава. Скорее всего, вспомнят про фольклорные выражения «трава-мурава», «травушка-муравушка». Наступает очередь учителя спросить: не смущает ли вас бунинское «мурава», употреблённое в контексте вполне самостоятельно? Научная выборка слов в составе схожих народно-поэтических выражений неизменно опирается на просмотр различных словарных статей. В итоге с помощью учителя выяснится: мурава имеет узко специфическое значение. Это «молодая и сочная зелёная трава», а при употреблении приложения второе слово уточняет первое.

По данному поводу своим многолетним методическим опытом поделился один из учителей белгородской школы. «Позволю себе заметить, – пишет он в своей статье, – что тексты о быте и мирозерцании русского народа, национальных традициях, народном «погодоведении», месяцеслове и т.д. во многом способствуют формированию положительной мотивации к изучению русского языка. Эти тексты оказывают эстетическое воздействие, находят отклик в душе у детей, заставляют по-другому воспринимать окружающую жизнь и самих себя. С такими текстами ребята всегда работают с удовольствием», – в заключение считает Н. М. Рухленко [8, с. 9].

Работы с лирическими миниатюрами или небольшими по объёму рассказами, полагаем, лучше всего дать в качестве домашнего (внеклассного) задания. При проверке целесообразно спросить: «Постановка каких знаков препинания оказалась затруднительной, вообще недоступной для понимания или не соответствующей ранее пройденным правилам?» Как известно, такие знаки называются авторскими, продиктованными волеизъявлением писателя, но соответствующими духу произведения, идейной проблематике в целом и т.п.

Действительно, в некоторых текстах иногда встречается постановка знаков препинания, которую трудно объяснить ученикам, ссылаясь на традиционную грамматику и синтаксис. Однако необходимо дать учащимся дополнительный комментарий на тему о том, что они в отдельных случаях соответствуют жанровым особенностям произведения, стилю, подходят к конкретному контексту и т.д. Например, А. Ахвердов в своих рассказах нередко использовал многоточия. Зачитываем в классе текст с выделением интересующих нас отрезков речи. Например, в рассказе «Вместо предисловия»: «Уши длинные, предлинные. Созданы, чтобы слышать... Глаза, как щели... Но какие глаза?.. Ничего не видящие... Животы, способные вместить два котла съестного... [1, с. 7]. В рассказе «Представление»: «Был двадцатый или двадцать второй день мухаррама, хорошо не помню, да для читателя не важно...» [1, с. 11].

Многоточие для нашего писателя-сатирика является одним из эффективных языковых средств создания художественной выразительности. Этот знак, как видим, соединяет простые и нераспространённые предложения. Иногда они инфинитивные или вопросительные. Многоточия, употребляемые А. Ахвердовым, позволяют сосредоточить особое внимание на паузах, чтобы читатель воспринял эту деталь как недоговорённость (отрицательная портретная характеристика, которую можно продолжать до бесконечности в рассказе «Вместо предисловия») или малозначительный факт, не стоящий конкретизации в рассказе «Представление». Симптоматично, на наш взгляд, здесь добавить обилие знака [;] в рассказе «Жалоба» (только на одной странице в самом начале повествования он повторяется более десяти раз). Автор даёт понять, что одна характеристика чётко должна

быть отделена от другой, поэтому каждое новое предложение начинается с абзаца и отделено друг от друга вышеуказанным знаком препинания.

Представляется также, что развить самостоятельность и критичность мышления у старшеклассников можно путём определения стилистической окраски заданных слов. Этот методический приём, с одной стороны, приближается к фронтальному опросу, когда учащиеся наперебой предлагают различные варианты, демонстрирующие их знания в области разговорной, книжной, научной, газетно-журнальной лексики, к умению отделять нейтральные слова от диалектизмов и профессионализмов. С другой стороны, искомые лексемы следует включать в тексты различного содержания, а выборку предлагать сделать самим обучающимся. Тем самым учитель имеет возможность органично подключить материал лингво-страноведческой направленности, и тогда старшеклассники становятся исследователями языка, глубже задумываются над структурой предлагаемых к классификации слов с различной маркировкой. К тому же они учатся не проходить мимо новых и многозначных слов. Между прочим, вместе с восприятием художественного текста учащимися определённую ценную информацию может почерпнуть для себя и учитель. Одним словом: «Обучая, учусь сам».

На память приходят слова К. И. Чуковского: «Орфографию невозможно улучшить в отрыве от общей культуры. Орфография обычно хромает у тех, кто духовно безграмотен, у кого недоразвитая и скудная психика». И далее известный педагог давал юному поколению наставление: «Ликвидируйте эту безграмотность, и всё остальное приложится» [7, с. 111].

Из высказывания К. Чуковского следует, что развитие самостоятельности и критичности мышления тесно связано с постижением некоторых законов или тайн изучаемого языка. Например, обращаясь в рамках внеклассного чтения к лирическим миниатюрам Мир Джалала, старшеклассники, повторяя орфографию, неизменно столкнутся с самыми разными темами, выраженными в ясных, строгих и лаконичных формах. В миниатюре «Руки» они почувствуют гимн труду («Благословенны мозолистые руки труженика») [5, с. 459]; в «Верховном судье» – чувство справедливости и сострадания к детям; о природе старшеклассники сумеют развернуть дискуссию по материалам рассказа «Новоселье» и т.д. Это значит, что урок будет проникнут поэзией труда, фольклором. На подобных уроках внеклассного чтения дети, как правило, стараются быть втянутыми в интересные и полезные для их возраста беседы. По всей вероятности, они будут не только вдохновенно говорить, изучая материал не по зубрёжке, но вспоминать фразеологизмы, пословицы и поговорки, восточные народные приметы. В дальнейшем урок можно усложнить и разнообразить с целью составления старшеклассниками словарных статей с приведением ассоциативного ряда, в который следует включить слова, всплывающие в детской памяти в связи с морфологическим разбором слова или синтаксическим – предложения. Следовательно, в учебный процесс автоматически будет включён элемент занимательности, который, как мы постарались показать в настоящей статье, так важен и необходим при обучении русскому языку в старших классах.

В заключение хотелось бы несколько слов сказать о значении избранного текста. Существо дела заключается не только в том, чтобы степень сложности соответствовала возрастным критериям. Программа учитывает эти параметры, а динамику развития самостоятельности и критичности мышления старшеклассников с вероятностным соблюдением элементов занимательности учитель в принципе способен корректировать самостоятельно. Прежде всего, в зависимости от часов. Важнее подчеркнуть другое: во-первых, в процессе обучения русскому языку в старших классах тексты позволяют моделировать их функциональные возмож-

ности. Так, ставя нижеследующую цель: выявить текстообразующую роль пройденных грамматических правил, учитель имеет возможность постфактум задать соответствующие изученной теме вопросы. Например: «Сколько в данном тексте было использовано односоставных предложений?» ... инфинитивных, назывных, безличных, распространённых и нераспространённых?», «Какие из вами названных преобладают и по какой причине?», «Какие функции в первых двух (трёх, четырёх...) предложениях выполняют однородные члены предложения?», «Можете ли вы привести вводные слова или конструкции в последующих предложениях?», «Какую конкретную роль они выполняют в данном контексте?» и т.д. Во-вторых, следует терпеливо и последовательно добиваться, чтобы соблюдались нормы произношения. В-третьих, восприятию текста специально обучают, используя не только вышеприведённые вопросы, но и тезисы, составляющие основу его плана. И, наконец, в-четвёртых, необходимо наводящими вопросами побудить старшеклассников включиться в своеобразную «словесную игру». Задача учителя – создать ситуации занимательности; цель учащихся – интуитивно почувствовать в этом помощь со стороны в процессе обучения.

Список литературы

1. Абдурагим-бек Ахвердов. Бомба. Рассказы. Баку : Гянджлик, 1987. 85 с.
2. Байрамов А. С. Динамика развития самостоятельности и критичности мышления у детей младшего возраста : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Баку, 1968. 128 с.
3. Бунин И. А. Избранные сочинения. М. : Худ. лит., 1984. 750 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 2006. Т. 3. 553 с.
5. Мир Джалал. Избранные произведения : в 3 т. Баку : Чашыюглу, 2009. Т. II. 466 с.
6. Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. М. ; СПб. : Акад. пед. РСФСР, 1950. Т. 10. 665 с.
7. Чуковский К. И. Высокое искусство: О художественном переводе. М. : Советский писатель, 1988. 348 с.
8. Рухленко Н. М. Методика и опыт. Заметки с уроков русского языка // Русский язык в школе. 2008. № 1. С. 3–11.

Информация об авторе: *Аббасова Севиндж Захид гызы*, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурных коммуникаций Бакинского славянского университета (г. Баку, Азербайджан).

СПОСОБЫ АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Д. В. Бровкина

г. Луганск

Аннотация. Исследованы способы активизации познавательной деятельности на уроках русского языка в условиях дистанционного обучения. Установлено, что в условиях электронного обучения и применения дистанционных образовательных технологий элементы обучения видоизменяются, переносясь в цифровую среду. Выявлено, что каждая из образовательных платформ содержит обширные возможности для активизации познавательной деятельности учащихся на уроках русского языка.

Ключевые слова: познавательная деятельность, дистанционное обучение, онлайн-платформа, электронная образовательная технология

Для цитирования: Бровкина Д. В. Способы активизации познавательной деятельности учащихся на уроках русского языка в условиях дистанционного обучения // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 151–155.

Современные реалии бросили системе образования серьёзный вызов: пандемия Covid-19 перевела учеников из школ домой, а обучение стало дистанционным (ДО). Подобная практика ещё никогда не получала столь масштабный характер. Если до 2020 г. только некоторые школы в РФ (и ни одной – в ЛНР) работали по системе смешанного обучения (т.е. когда часть учеников находилась дома, а часть – в общеобразовательном учреждении; при этом на уроке присутствовали все: кто-то – физически, кто-то – посредством электронных устройств), то весной этого же года все школы РФ и ЛНР, а также ГУ СПО и вузы выбрали дистанционное обучение как наиболее приемлемый формат для сохранения здоровья обучающихся и учителей.

Очевидно, что подход, учитывающий элементы электронного обучения и дистанционные образовательные технологии, оказался наиболее продуктивным с обучающей точки зрения. Поэтому внедрение в дистанционное обучение электронных технологий, интернет-ресурсов и онлайн-платформ – перспективная задача современной системы образования, что свидетельствует об актуальности исследования.

Цель статьи – исследовать и охарактеризовать способы активизации познавательной деятельности учащихся на уроках русского языка в условиях дистанционного обучения.

Прежде чем переходить к конкретным способам, необходимо кратко охарактеризовать структуру видов дистанционных уроков.

1. Анонсирующее занятие, во время которого будет объявлена траектория работы учащихся на время изучения темы или целого раздела (например, темой может стать «Местоимение», а разделом «Части речи»). Учителем подготавливается методический и иллюстративный материал по теме, который будет разослан учащимся для ознакомления.

2. Вводное занятие, которое может проходить в форме видеоконференции. Учитель с помощью презентации (или другого иллюстративного материала) предоставляет сжатое объяснение темы, отвечает на возникающие вопросы уча-

щихся – т.е. создаёт некий блок информации, которая в дальнейшем будет самостоятельно повторена и закреплена учащимися.

3. Индивидуальная консультация с учениками с определёнными образовательными потребностями, которые не могут воспринять информацию на видеоконференции вместе со всеми или у которых не было возможности подключиться к трансляции.

4. Дистанционное тестирование и самооценка знаний. Данный урок направлен на практическое закрепление полученных знаний. Проходя его, ученик должен продемонстрировать степень овладения материалом.

5. Выполнение виртуальных работ. Представляется, что данный вид урока может быть использован для уроков развития речи. К примеру, в ЯКлассе или Core можно создать вопрос с открытым ответом, куда ученик может написать сочинение, а учитель получит его в Личный кабинет.

6. Синхронная телеконференция – это вид связи, при котором учитель в режиме реального времени общается с учениками. Данный урок может быть использован для объяснения новой темы, работы над ошибками и т.п.

7. Асинхронная телеконференция – это запись учителем трансляции, во время которой возможно объяснение новой темы [2, с. 23–25].

Однако ни один из названных видов урока не будет успешен, если не будут соблюдены требования, диктуемые электронным обучением. Согласно им, учитель обязательно должен предоставить инструкцию по работе с предоставленным ресурсом или материалом урока. Сам материал (или сконструированный урок) должен быть методически грамотно структурирован: в нём желательны такие элементы, как иллюстрации (схемы лингвистического разбора, таблицы (частей речи, стилей речи и т.д.), презентации, теоретический материал, чередующийся с тренировочными заданиями, аудио- и видеоресурсы. Урок можно закончить заданиями для контроля знаний, умений и навыков (тесты, практические работы, электронные рабочие тетради); однако задания должны быть оригинальными во избежание списывания. Задания для проверки усвоения должны содержать возможность самоконтроля – т.е. ответы должны автоматически проверяться, и правильный или неправильный ответ может быть увиден учеником [1, с. 91].

Соблюдая данные требования, учитель способен построить современный и качественный урок, который заинтересует учащихся и активизирует их познавательную деятельность. Способы, с помощью которых учитель может повысить эффективность освоения темы урока в условиях дистанционного обучения, основаны на использовании различных цифровых платформ. Охарактеризуем те, что можно использовать на уроках русского языка.

Core – перспективная платформа для онлайн-обучения. Она позволяет создавать дистанционные уроки и интерактивные листы к ним совершенно бесплатно и с широким арсеналом инструментов. Зарегистрировавшись в Core, перед учителем открывается рабочее пространство – панель управления, где хранятся и складываются в папки созданные уроки. Рабочее пространство для редактирования урока содержит в себе несколько полей: слева собраны иконки, обозначающие тип электронного контента, в центре – полотно для создания дидактического материала, справа собраны кнопки управления. Для добавления необходимого элемента на страницу необходимо переместить его из списка слева на страницу центрального полотна. Урок создаётся довольно быстро и просто и может содержать в себе такие элементы:

1) «Текст» – в котором размещается и редактируется текст (например, теоретический материал, содержащий гиперссылки); в него же легко монтируются изображения.

2) «Медиафайл», позволяющий добавить видео- или аудиофайл размером до 100 мб или разместить ссылку со сторонних сайтов, причём учащемуся не требуется переходить по ссылке – видео уже будет размещено в структуре урока. Видео – ключевой элемент дистанционного урока. Не всегда учитель может выйти на связь с учащимися, а технические возможности не позволяют записать урок на видео.

3) «Упражнение», в который можно интегрировать контент с сайта Learning Apps (о нём см. ниже).

4) «Документ» – в структуру урока можно поместить документы различных форматов.

5) «Тест», позволяющий создать вопрос с однозначным и многозначным выбором с автопроверкой и поясняющими комментариями учителя, если учащийся прошёл тест неправильно. Тест – лёгкий и привычный способ проверки знаний, а Core облегчает работу учителя с помощью автопроверки.

6) «Открытый вопрос», позволяющий создать вопрос с ответом в открытой форме. Ответ придёт учителю в личный кабинет, а его проверка учителем – на электронную почту ученика. Элемент «открытый вопрос» очень важен для развития творческого потенциала ученика. Так как количество слов в ответе не ограничено, учащийся может вписать туда сочинение или изложение, творческую работу (придумать предложения, содержащие в себе изучаемые орфограммы и пунктограммы или часть речи, которая стала темой урока), тексты разных стилей и жанров (при изучении раздела «Стили речи»). Перед открытым вопросом можно поместить изображение картины, которую нужно будет описать в сочинении, – такая модель урока развития речи вполне уместна.

7) «Классификация», позволяющая создать задание на сортировку объектов по категориям. Количество категорий не ограничено. Это довольно удобное упражнение при изучении морфологических свойств частей речи или синтаксических функций членов предложений. Например: перед учеником список морфологических свойств частей, которые нужно «раскидать» по частям речи: «Имени существительному», «Имени прилагательному», «Местоимению» и т.д.

8) «Вопрос с автопроверкой», позволяющий создать задание с заданным ответом в виде числа, слова или комбинации слов. Удобное упражнение для учителей-словесников. С его помощью можно проверить как теоретический материал, так и практическое знание орфограмм и пунктограмм.

9) «Диалоговый тренажёр», с помощью которого можно создать игровой стимулятор с разными вариантами действия.

Интерактивное взаимодействие, визуальные материалы, подача в цифровом пространстве, возможность обратной связи с учителем, широкий инструментарий конструктора урока – это ключевые достоинства платформы Core, которые позволят урок, способный активизировать познавательную деятельность учащихся. Однако творчество учителя-словесника в выборе и организации дидактического материала должна преобладать.

Следующий интересный ресурс – Kahoot, сервис для создания онлайн-викторин, тестов и опросов. Его познавательный потенциал в том, что в викторины привносится соревновательный элемент: после ответов на вопрос, выдаётся статистика – кто из учеников справился быстрее всех, кто ответил верно, а кто – нет; в конце статистика суммируется и выдаётся результат учащегося, который справился успешнее остальных. Сервис Kahoot можно использовать и на очных уроках – достаточно наличие в классе компьютера, проектора и смартфонов у учеников. Есть ещё платформа для создания викторин – Quizizz. Её функци-

онал напоминает Kahoot, и с помощью этой платформы можно также создавать и проводить игры, викторины, тесты и домашнюю работу. Основное отличие состоит в том, что при запуске викторины в классе учащиеся отвечают на вопросы, двигаясь в своём темпе, и не зависят от скорости ответов других участников.

С помощью Mentimeter можно создавать интерактивные презентации. Удобство Mentimeter заключается в том, что выступающий может чередовать слайды для показа и слайды для взаимодействия, проводя опросы, собирая мнения, организуя голосования. Можно поставить проблемный вопрос и мгновенно получить мнение класса: «Причастие – часть речи или форма глагола?». После этого уже может последовать презентация учителя, содержащая теоретический материал. Это ещё один из полезных веб-сервисов для учителя, который нужно иметь в своей копилке.

Один из способов активизации познавательной деятельности учащихся – это квест. Но его создание зачастую становится трудоёмким, длительным и масштабным процессом. В условиях дистанционного обучения упростить создание квеста способна платформа Learnis. Она позволяет создать уникальную квест-комнату, поместить туда свою презентацию в виде изображений, видео и аудиофайлов. Подбирая «ключ» к каждой двери, ученик выполняет различные задания по теме урока и, если всё сделано верно, «открывает» дверь квест-комнаты, проходя дальше. Любую тему, проблему или раздел по русскому языку можно воплотить в форме квеста, который имеет игровой характер, способный увлечь учащихся.

Также в Learnis можно создавать интерактивные видео. К примеру, учителем найден видеоматериал о местоимении; в нём последовательно характеризуется местоимение как часть речи, его морфологические признаки, классы и т.д. Для того чтобы сделать видео интерактивным, на платформе достаточно установить в видео пометки на определённой минуте. Эта пометка – вопрос: «Что такое местоимение?», после него даётся поле для ответа, в который ученик вписывает полученную информацию из видео. И так на протяжении всего ролика. Достоинство в том, что ученик не может «промотать» видео на нужные ему места (технически это невозможно): ему придётся досмотреть видео до конца. А ответы на вопросы продемонстрируют учителю степень внимательности учащегося при освоении темы.

И последняя платформа, которую мы охарактеризуем (но не последняя в цифровом пространстве, которой можно воспользоваться в образовательной среде), – это Learning Apps. Все упражнения имеют игровой и интерактивный характер; в библиотеке сайта их множество, каждый из которых доступен для использования. Можно создать упражнения по русскому языку для объяснения нового материала, для закрепления знаний и навыков, тренинга и контроля. Упражнения можно создавать в виде онлайн-опросов, тестов, викторин, игр по типу «Самый умный», «Кто хочет стать миллионером», «Поле чудес» и т.д., кроссвордов. Недостаток данного сервиса заключается в том, что пока ученик не даст правильный ответ на вопрос, задание не завершится. Т.е. любое упражнение имеет скорее тренировочный характер, чем контрольный.

Таким образом, способ, с помощью которого можно активизировать познавательную деятельность учащихся на уроках русского языка в условиях дистанционного обучения, по существу, один – это внедрение в уроки электронных технологий, цифровых ресурсов, функционала сети Интернет. А платформ, предоставляющих широкие возможности для повышения качества современного урока, множество.

Список литературы

1. Зайченко Т. П. Основы дистанционного обучения: теоретико-практический базис : учеб. пособие. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 167 с.
2. Хусяинов Т. М. Основные характеристики массовых открытых онлайн-курсов (МООС) как образовательной технологии // Наука. Мысль. 2015. № 2. С. 21–29.

Информация об авторе: *Бровкина Дарья Витальевна*, студентка Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск).

РУССКИЙ ЯЗЫК ВО ФРАНЦИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Я. А. Вожель

г. Биарриц, Франция

Аннотация. Исследована проблема функционирования русского языка во Франции. Автор обозначает ключевые моменты истории России и Франции, повлиявшие на взаимодействие двух стран в языковом и культурном плане. Особое внимание обращено на место русского языка в общеобразовательной системе Франции. Дается анализ мотивации для изучения русского языка людьми, проживающих во Франции. Статья написана с опорой на источники и на личный опыт автора, накопленный в период проживания во Франции. Данная работа привлечёт внимание тех, кто интересуется вопросами распространения русского языка в мировом пространстве и его влияния на культурную и общественную жизнь за рубежом.

Ключевые слова: русский язык в образовательной системе Франции, ассоциации русистов, живой иностранный язык, русский язык в колледжах и лицеях Франции, языковые школы

Для цитирования: Вожель Я. А. Русский язык во Франции: прошлое, настоящее, перспективы // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 156–165.

Россия и Франция. Русские и французы. Два народа, менталитет которых настолько различен, что, казалось бы, невозможно найти точки соприкосновения между ними. Разными являются истоки, к которым восходят народы и языки, абсолютно по-разному протекало развитие как самих стран, так и их языков. И тем не менее есть многое, что сближает Россию и Францию.

Известно, что уже в 1051 году две страны оказались связанными благодаря союзу дочери Ярослава Мудрого Анны и короля Франции Генриха I. В результате этого союза Анна Ярославна становится Великой королевой Франции, а впоследствии и матерью короля Филиппа. Прекрасно образованная, Анна ведёт культурную и просветительскую деятельность в чужой, но ставшей для неё навсегда родной стране. Она строит монастыри, переписывается с Папой Римским, обучает грамоте и манерам французский двор. Ни одно государственное решение не принималось без её одобрения. «Рыжая Агнесс», как называли её французы, становится любимицей, достойной всеобщего обожания.

Важным этапом для установления дипломатических отношений между Россией и Францией явилось заключение Амстердамского договора в октябре 1717 года в условиях Северной войны (1700–1721). Русские дипломаты Г. И. Головкин, Б. И. Куракин, П. П. Шафиров вели напряжённые переговоры, шедшие с апреля 1717 г. в Париже при участии Петра I. Успех русских дипломатов обеспечил нейтралитет Франции на заключительном этапе Северной войны [2]. Именно эта дата стала знаковой в отношениях двух стран. «Для Франции 1717 год означает установление отношений с Россией. Это начало политических и дипломатических связей, которые будут развиваться в дальнейшем. Раньше французы вообще мало что знали о России и даже не представляли её реальных границ. Приезд Петра Великого позволил осознать существование новой силы на политической карте Европы» [9], – отметил Тьерри Сарман, глава Центра архивов Департамента исторического наследия Министерства обороны Франции.

Даже по прошествии трёх веков договор не утратил своего значения, что подтверждается встречей двух президентов: только что избранного президента Франции Эммануэля Макрона и президента Российской Федерации Владимира Путина, который был приглашён в Версаль 29 мая 2017 года на празднование 300-летия этого события. По этому случаю была организована выставка в залах дворца Версаль, подготовленная Государственным Эрмитажем, на которой были представлены уникальные экспонаты, в том числе личные вещи Петра Великого. В ходе выставки не раз звучала знаменитая фраза русского монарха: «В моих руках сейчас вся Франция», которую произнёс Пётр I, когда в нарушение дипломатического церемониала подхватил на руки семитетного французского короля Людовика XV.

В ходе совместной пресс-конференции выступили президенты двух стран. Эмманюэль Макрон отмечал: «Пётр Первый – символ той России, которая хотела стать открытой Европе и которая желала заимствовать у Европы то, что составляло её величие и силу. И что особенно важно в этой истории, которой сегодня исполнилось три века, – это диалог между Россией и Францией, который никогда не прекращался, диалог между нашими интеллектуалами, нашими культурами, посеявшими семена взаимной дружбы, продолжающейся и сегодня» [10]. Президент В. В. Путин подчеркнул важность гуманитарных взаимодействий между Россией и Францией: «...нужно наращивать молодежные обмены: большее количество студентов из России во Франции должно учиться, из Франции – в России, изучать историю, культуру, языки народов наших стран» [10].

Одной из составляющих культурно-гуманитарного взаимодействия двух стран в настоящее время, безусловно, является изучение русского языка во Франции.

Французский филолог-славист, преподаватель, историк, переводчик, создатель школы славистов-русистов во Франции, Пьер Паскаль (1890–1983) так писал о русском языке: «le russe présente une grande richesse de formes, un trésor de mots presque infini, un système original, une syntaxe dont la liberté ne sert qu'à exprimer des nuances de la pensée, un accent dont le rôle est aussi important que sa place est imprévisible»¹ [4, с. 220].

Из уст его ученика и последователя, Жоржа Нива (род. 1935) мы слышим настоящий гимн русскому языку: «Язык – это главная составляющая России, больше, чем её пейзажи, больше, чем её обычаи, танцы, самовары и церкви с куполами-луковками. <...> Квинтэссенция России – это русский язык с его музыкальностью и невероятно гибким синтаксисом, в корне отличающимся от нашего, остающегося латинским по сути, а также духовный мир, порождённый этим языком, чья способность рождать лексические новации и семантико-синтаксическая изобретательность по сей день не перестаёт меня восхищать» [1].

История изучения русского языка во Франции проходила через различные этапы, которые во многом были обусловлены влиянием политической ситуации. Наибольшего распространения в образовательной системе Франции русский язык достиг в период 30–70 годов XX в., когда он входил в пятёрку самых изучаемых живых иностранных языков, уступая место лишь английскому, испанскому, немецкому и итальянскому. С чем же связан такой интерес к изучению русского языка именно в этот период?

Победа, одержанная Советским Союзом во Второй мировой войне, определила то, что многие французы хотели овладеть языком народа-победителя.

¹ «Русский язык представляет собой огромное богатство форм, нескончаемый кладёз слов, оригинальную систему; свобода его синтаксиса позволяет выразить всевозможные нюансы мысли; крайне интересным является ударение, роль которого важна, а его место в слове непредсказуемо» (Прим.: перевод автора статьи).

Согласно утверждению Филиппа Конт, Президента французской Ассоциации русистов (Association française des russisants – AFR), период 1957–1972 гг. для русского языка во Франции можно по праву назвать «славой длиною в 15 лет» («15 ans de gloire») [5]. Начиная с 1957 года, когда Советский Союз запустил в космос первый искусственный спутник Земли, французы с энтузиазмом и решимостью берутся за изучение языка сильнейшей в мире державы. В 1959 году русский язык преподаётся более чем в ста учебных заведениях средней и старшей школы.

В этот период многие преподаватели русского языка во Франции отмечали, что большую часть их учеников составляют так называемые «сочувствующие». Так, преподаватель русского языка в лицеях Генриха IV и Людовика Великого в Париже Кристин Кайон говорит, что в конце 1970-х – начале 1980-х у неё «было довольно много учеников, и среди них были дети сочувствующих советской системе, дети французских коммунистов» [8].

В этот же период открываются конкурсы по набору учителей русского языка: с 1947 года Agrégation (право преподавания языка в старшей школе и на подготовительных курсах); с 1955 года CAPES (право преподавания в средней и старшей школе).

Распад СССР в 1991 году вызвал резкое сокращение популярности русского языка во Франции. Эта тенденция продолжалась до начала 2000-х годов. Преподаватели русского языка и члены французской Ассоциации русистов (AFR) констатируют «головокружительное падение» («chute vertigineuse») интереса к русскому языку. Резко сокращается количество классов с изучением русского языка, что влечёт за собой сокращение рабочих мест для преподавателей.

Символом перезапуска экономических отношений стал 2010 год – перекрёстный год России во Франции и Франции в России (L'année croisée de la Russie en France et de France en Russie). Целью перекрёстного года было налаживание сотрудничества преимущественно в сфере экономики и частично в сфере культуры, истории и языка. Этот год дал новый импульс для взаимодействия двух стран, и, что немаловажно, в рамках проведения мероприятий перекрёстного года был сделан объективный анализ ситуации с русским языком во Франции и дана оценка ошибок, допущенных в прошлом.

Начиная с 2010 года, всё чаще звучат голоса официальных представителей, которые выражают необходимость перехода на новый уровень культурных взаимоотношений России и Франции и в первую очередь – необходимость продолжения традиций изучения русского языка во Франции, утраченную после распада СССР.

Так, Жан де Глиниасти, будучи Послом Франции в России, в интервью для ежедневной общественно-политической газеты «Вечерний Новосибирск» от 18 мая 2010 года выражает своё сожаление о том, что русский язык утрачивает свои позиции во Франции. Вместе с тем он выражает надежду на то, что период падения сменится периодом взлета. Жан де Глиниасти добавляет: «Le français et le russe sont deux langues de haute culture, qu'il importe de développer dans un monde globalisé, où le risque d'uniformisation culturelle est bien présent. C'est l'une des priorités de la France que d'encourager la diversité culturelle, et à ce titre, les pouvoirs publics sont très attentifs à la situation de l'enseignement du russe en France»¹ [6].

¹ «Французский и русский языки являются языками самой высокой культуры, которые они стремятся развивать в мире глобализации, когда очень высок риск однобоких культурных взглядов. Одним из приоритетов Франции должно стать стремление к культурному разнообразию. Именно поэтому в настоящее время французская общественность

Действительно, знаком потепления в отношениях двух стран явилось открытие двух новых франко-русских лицеев в Страсбурге и Ницце в 2009 году. До этого момента такие лицеи функционировали только в Лионе и Сан-Жермэн-ан-Лэ, последний из которых насчитывает полувековую историю. Учебный процесс в этих лицеях имеет свою специфику: вместо 28 часов в неделю учащиеся занимаются 35 часов. Основной целью двуязычного образования является интеграция иностранных детей, недавно приехавших во Францию. Для двуязычных детей, родившихся во Франции и свободно говорящих на обоих языках, учёба в Международном лицее – это способ углубить знания языка, на котором они говорят в семье, но не всегда пишут и читают, а также повысить свои знания в области культуры страны своих родителей. Этой цели служат не только уроки литературы и истории на русском языке, но и внеклассные занятия: секции театра, музыки, пения, живописи, истории искусства. Поступление в эти лицеи проходит по конкурсу. По окончании обучения проводятся экзамены, по итогам которых выпускники получают особый вид аттестата – «l'option internationale du baccalauréat» (O.I.B.), т.е. Международный бакалавриат. Это разновидность французского аттестата зрелости, который могут получить либо иностранные граждане, проживающие во Франции, либо французские подданные, имеющие достаточно высокий уровень в одном из языков интернациональной секции. За этот диплом отвечает отдел Министерства образования, который называется *Délégation académique aux Relations européennes, internationales, et à la coopération* (DAREIC). Идея O.I.B. – не только настоящий билингвизм, но и освоение детьми культуры двух стран. Поэтому два предмета преподаются полностью на русском языке: история и литература.

2010 год стал предвестником изменения в отношениях между двумя странами не только в экономическом, но и в культурном и языковом плане. За этим годом последовал 2012 – перекрёстный год Франции и России в области культуры и лингвистики, ставший знаковым для русского языка во Франции. В этот год проводятся различные семинары, выставки, встречи, целью которых является нахождение способов изучения, выбор методик и методологии, отбор внеклассного и социолингвистического материала, без которых невозможно эффективное изучение русского языка.

В этом же году Филипп Конт, Президент французской Ассоциации русистов (AFR), обратился к Президенту Республики Франсуа Олланду с открытым письмом от лица всех членов Ассоциации, всех русистов Франции, переводчиков, преподавателей, научных сотрудников, государственных служащих, студентов, учеников, т.е. от всех, кто изучает, преподаёт русский язык, пользуется им в своей профессиональной деятельности. Он отметил, что состояние обучения русскому языку во Франции не может считаться удовлетворительным, как и знание русской культуры. Очень эмоционально звучат его слова: «Si la France n'a pas été effacée de la carte de l'Europe, c'est avant tout à la Russie qu'elle le doit»¹ [7]. Говоря это, он имеет в виду роль России в сохранении государственности Франции в ходе Первой Мировой войны. Далее он добавляет: «...qu'elle n'a pas oublié le sacrifice de millions de Soviétiques pour abattre le nazisme»² [7]. Филипп Конт считает, что

очень внимательно относится к ситуации, сложившейся с изучением русского языка во Франции» (Прим.: перевод автора статьи).

¹ «Если Франция не была стёрта с лица карты Европы, то благодаря России» (Примечание: перевод автора статьи).

² «...она (Франция) не забыла о миллионах жертв советских людей, победивших нацизм» (Примечание: перевод автора статьи).

в правительстве нет чёткой программы по работе в данном направлении. Свидетельством этого, по его словам, является сокращение мест в классах с изучением русского языка в колледжах и лицеях. Количество изучающих русский язык ограничивается 14–15 тыс. по всей стране (в отличие от 25 тысяч в 1991–1992 учебном году). Президент Ассоциации возмущен тем, что Министерством образования даже не были открыты конкурсы CAPES на ближайшие два года.

Действительно, в этот период национально-экономическая политика государства проходит под лозунгом: «Economisez!» («Экономить!»). Министерство образования сокращает количество мест для участия в конкурсе преподавателей русского языка (5 вместо 15), конкурсы организуются не каждый год, как обычно, а только один раз в 3–4 года, малые группы объединяются в большие, классы с количеством учеников менее 7 попросту закрываются. Вполне логичным является то, что если закрывается класс русского языка в колледже (средние классы в России), то в лицее (старшие классы в России) речь об изучении русского языка уже не идёт.

Парадокс ситуации состоит в том, что потребность в изучении русского языка, в знании русской культуры и реалий жизни России не исчезает, несмотря на политику жёсткой экономии. Количество классов уменьшается, а количество французов, желающих изучать русский язык, растёт.

Представление об изменении ситуации с изучением русского языка во Франции в период 1991–2011 годов в колледжах и лицеях могут дать цифры, которые мы находим в диссертационной работе Людмилы Афанасьевой «L'enseignement du russe en France dans le système éducatif public (lycées): état des lieux et perspectives »¹:

1. В течение 1990–1991 учебного года русский язык занимает пятое место среди иностранных языков, изучаемых во Франции. 2302 ученика изучают русский язык как первый иностранный живой язык, 5407 – как второй иностранный живой язык, 13307 – как третий.

2. 1992 год – открываются первые секции восточных языков.

3. 1994 год – открыто лишь пять вакантных мест на конкурсе CAPES, что почти в десять раз меньше, чем в 1970 году.

4. В течение 1995–96 учебного года насчитывается 449 преподавателей русского языка в частных и государственных учреждениях на 13335 учеников.

5. К началу 1997 года количество преподавателей насчитывает лишь 400. 13 департаментов полностью отказываются от преподавания русского языка.

6. В 2002 году насчитывается 314 преподавателей на 13 300 учеников.

7. В период с 2003 по 2007 гг. открывается 21 пост по конкурсу. С этого момента конкурсы CAPES et l'Agrégation проводятся каждые два года.

8. 2006–2007 учебный год – русский язык преподается в 98 колледжах и 210 лицеях. Количество преподавателей – 258. В этом учебном году еженедельно проводится 3084 часа русского языка по всей Франции.

9. В 2009 году, по словам Министра образования Ксавье Дарко (Xavier Darcos, с 2007 по 2009), русский язык становится более популярным. Его изучают 2000 студентов в 25 университетах. В старшей и средней школе – 14000 учеников. Русский язык сохраняет свое пятое место.

10. В 2009–2010 учебном году наблюдается стабилизация ситуации [3].

Однако с 2012 года по настоящий момент русский язык по изучаемости во Франции в колледжах и лицеях перемещается с пятого на седьмое место, уступив китайскому и португальскому.

¹ «Изучение русского языка в общеобразовательной системе Франции (лицеях): настоящее время и перспектива» (Примечание: перевод автора статьи).

Интересен тот факт, что согласно критериям типологии учебных заведений (колледжей и лицеев) [11], учебные заведения, предлагающие изучение живых редких иностранных языков, куда входит в том числе русский язык, определены как колледжи и лицеи, наиболее благополучные в отношении их местоположения (центр города), состоящие из смешанных социальных групп, при отсутствии трудностей с обучением у учеников, т.е. так называемые престижные и элитные учебные заведения.

К учебным заведениям, в которых изучается русский язык как живой иностранный, относятся лицеи и колледжи в следующих городах: Экс-Марсель – 6 учебных заведений, Амьен – 3, Безансон – 6, Бордо – 10, Канн – 5, Клермон-Ферран – 4, Дижон – 5, Гренобль – 8, Лилль – 16, Лимож – 3, Лион – 12, Монпелье – 6, Нанси – Метц – 4, Нант – 5, Ницца – 4, Орлеан – Тур – 5, Пуатье – 6, Реймс – 4, Ренн – 6, Руан – 7, Страсбург – 3, Тулуза – 4, Париж – 16, Версаль – 12.

В системе высшего образования русский язык также получил важное место. Многие университеты Франции предлагают факультеты, изучающие русский как иностранный, ориентированные на преподавание истории цивилизации, лингвистики, перевода (Sorbonne Paris IV, VIII, X). Некоторые университеты предлагают соединить обучение русскому языку с другими дисциплинами: французское и международное право, социология и экономика (Sorbonne Paris X Nanterre, Sorbonne Paris I), международная коммерция (Sorbonne Paris IV), геополитика (Sorbonne Paris VIII), туризм и гостиничное дело (ENC Bessières, Université d'Angers), международные отношения (Sciences-Po) и т.д.

Русский язык можно изучать с нуля либо с продвинутого уровня в Институте Восточных языков в Париже (INaLCO, Sorbonne Paris VIII). При этом есть возможность продолжить обучение по основной специальности в других университетах.

Русский язык предлагается к изучению в качестве как основной, так и прикладной дисциплины на факультетах следующих университетов: Валенсия (факультет иностранных языков), Страсбург (кафедра славянских языков), Гренобль (факультет иностранных языков, литературы и цивилизаций), Тулуза (двойной франко-русский диплом по праву), Экс-ан-Прованс (департамент славянских языков), По (кафедра иностранных языков), Лион (департамент славянских языков, Университет международных отношений), Нанси (кафедра славянских языков, литературы и цивилизаций), Пуатье (кафедра иностранных языков), Бордо, Анжер (Католический университет живых языков), Байон, Безансон (кафедра прикладного изучения русского языка), Канн (кафедра прикладного изучения русского языка), Клермон-Ферран (факультет иностранных языков, литературы и цивилизаций), Дижон (департамент славянских языков), Гавр (университет восточных языков и цивилизаций), Лилль (литературный и лингвистический факультет), Ницца (факультет права и экономики).

У французов есть ещё один способ изучения русского языка и знакомства с традициями, культурой, обычаями. Такую возможность им предоставляют многочисленные Ассоциации. Их особенностью является то, что французы могут изучать язык под руководством носителей русского языка.

Как правило, эти ассоциации создаются русскими, проживающими во Франции. Чаще всего это женщины, которые оказались во Франции по семейным обстоятельствам, выйдя замуж за француза, либо те, кто остался в стране после учёбы. Интересно то, что большинство членов ассоциаций – русские. Они организуют тематические вечера, концерты, литературные чтения, мастер-классы по освоению русской кухни, прогулки, спортивные мероприятия. Таким образом, у французов есть возможность, будучи во Франции, прикоснуться к русской куль-

туре, проникнуться духом традиций страны и народа. Такой способ усвоения языка и культуры действительно уникален ещё и потому, что, как правило, в колледжах, лицеях и высших учебных заведениях русский язык преподают французы. Это связано с существованием конкурса на замещение вакантных должностей, принимать участие в которых могут только специалисты с французским гражданством. Создаётся ситуация, когда обучающиеся получают информацию не из первых уст, как в Ассоциациях, а от людей, для которых русский язык также является иностранным.

Необходимо отметить, что ассоциативная деятельность во Франции не носит коммерческий характер. Ассоциации существуют благодаря вступительным членским взносам (размер годового взноса варьируется в зависимости от города нахождения ассоциации от 20 до 30 евро). Членство в ассоциации позволяет пользоваться всеми формами проводимой работы. Стоимость уроков русского языка для членов ассоциации намного дешевле, чем в частных языковых школах. Так, например, в городе Биаррице при ассоциации «Il était une fois» («Однажды») групповое занятие русским языком будет стоить 10 евро в час.

Русские культурные ассоциации во Франции популярны и многочисленны. В крупных городах может существовать не одна, а сразу несколько ассоциаций. Так, только в Париже их насчитывается 17, самыми крупными из которых являются: «Les amis de Saint-Petersbourg» («Друзья Санкт-Петербурга»), «France – Oural» («Франция – Урал»), «Association Rossinka» («Ассоциация Росинка»), «Les Amis du Patrimoine Russe» («Друзья русского наследия»), «Club franco-russe de la culture et des arts» («Франко-русский клуб культуры и искусства»). В Ницце – «La maison de la Russie» («Русский дом») и «Perspective internationale» («Международная перспектива»), Канн – «Association Davaï» («Ассоциация Давай»). Экс-ан-Прованс – «Datcha Kalina» («Дача Калина»), Бордо – «Russie – Aquitaine» («Россия – Аквитания») и «Ecole russe à Bordeaux» («Русская школа в Бордо»). Лилль – «Izba i Datcha» («Изба и Дача»), По и его регион – «Béarn – Russie» («Беарн – Россия»). Ним – «Kalinka» («Калинка»). Лион – «Chkola» («Школа»). Страсбург – «Rhin – Volga» («Рейн – Волга»). Марсель – «Alliance franco-russe» («Франко-русский альянс») и «Association Perspectives» («Ассоциация Перспектива»). Тулон – «Les amis de la culture russe» («Друзья русский культуры»). Этот список далеко не полный.

Кто же те французы, которые желают изучать русский язык? Какова их мотивация?

После революции 1917 года в России Франция стала второй родиной для более чем 400 тысяч русских эмигрантов. Эта была элита российского общества, мыслящая и наиболее образованная. В 1920-е годы вслед за представителями аристократии и интеллигенции во Францию последовала военная элита, ученые, писатели, священники, которым было не по пути с советской властью.

Не все эмигранты первой послереволюционной волны проявляли желание обучать своих детей русскому языку, передавать культурные традиции своей родины, многие из которых родились уже во Франции. Напуганные революционными событиями и нашедшие приют во Франции, они дорожили своим спокойствием и безопасностью. Именно по этой причине многие из них скрывали своё русское происхождение, стараясь затеряться во французском обществе, изменяли свои фамилии, придавая им французский вид. Так, например, русская фамилия «Коробков» трансформировалась в «de Korobko» либо в «Korobkoff». Дети «изгнанников», родившиеся во Франции, ощущают себя больше французами, чем русскими. Они не ищут общения с соотечественниками, не интересуются ни языком, ни культурой своих предков. И только их дети и внуки, для которых русское

происхождение не было секретом, с энтузиазмом и жаром молодости стремятся наверстать годы отлучения от своих истоков. Они ходят в православные храмы, изучают язык и культуру, гордясь своим происхождением.

Безусловно, среди русских первой волны эмиграции были и другие. Они никогда не забывали своих корней, бережно передавая язык и традиции своим детям и внукам.

30 июня 2020 года Российским центром науки и культуры в Париже совместно с Росгоссотрудничеством была организована онлайн-встреча, посвящённая 100-летию «Русского исхода» (1920–2020). В рамках этой встречи был проведён цикл мероприятий, включая конференцию с участием российских и зарубежных экспертов, был сделан ряд историко-документальных экспозиций, проведён гала-концерт и совместный молебен в парижских храмах. В 20-е годы самыми крупными центрами русского мира стали Париж и его пригород, Ницца и Биарриц. В Биаррице есть православная церковь Покрова Богородицы и Святого благоверного князя Александра Невского, основанная в 1892 году, в сохранении которой была большая заслуга эмигрантов из советской России.

Во все времена, независимо от политической ситуации, Россия и русская культура привлекала французов. Многие из них на вопрос, почему они изучают русский язык, отвечают, что хотели бы постичь русскую душу, понять сущность народа, который смог создать глубочайшую в мире литературу, поднимающую вечные философские вопросы. Французы хотели бы ответить для себя: что это за народ, который сумел противостоять самой страшной угрозе и одержать победу во Второй мировой войне. А магическую сущность русской души невозможно постичь без знания языка. Из личных наблюдений автора: любой француз гордится тем, что в его окружении есть русские, а французские мужчины гордятся своими русскими жёнами.

С середины 90-х годов появляется новая волна русофилов, приезжающих во Францию. Большинство из них ассимилируется и легко интегрируется в новое для них общество. Но своих детей они всё-таки стараются учить русскому языку. На протяжении последних пятнадцати лет появляются так называемые «школы дополнительного образования», где обучение проходит по средам (день внеклассных занятий во Франции) и субботам. Здесь проводят развивающие занятия для детей младшего возраста, театральные кружки, творческие студии. Преимущество этих школ состоит и в том, что дети общаются в среде сверстников, говорящих на одном с ними языке. Популярность этих школ растёт среди русскоговорящих родителей и среди смешанных семей. Только в Париже насчитывается более десяти школ такого типа («Теремок», «Алые Паруса», «Сюрприз», «Читайка» и др.). Популярными являются «Chkola» («Школа») в Лионе и «Антошка» в Версале.

Ещё одной важной мотивацией в изучении русского языка является профессиональная деятельность. Число французов, живущих и работающих в России, никогда не было настолько высоким. Это связано с тем, что Россия в настоящее время как никогда открыта к сотрудничеству и как никогда привлекательна для французских специалистов. Знание русского языка, приложенное к диплому специалиста, даёт уникальные возможности для карьерного роста и для успеха на российском рынке. Французские работодатели широко используют для обучения своих специалистов интенсивные курсы русского языка на базе частных языковых школ и культурных центров. Только в Париже таких курсов насчитывается более десяти, самыми крупными из которых являются курсы при Российском центре науки и культуры (РЦНК), Русском православном духовно-культурном центре, Институте Пушкина, Русской консерватории им. Сергея Рахманинова, Русской консерватории им. Александра Скрябина. Такие курсы, как правило, оплачивает

работодатель. Это очень важный момент, так как стоимость интенсивных групповых курсов составит примерно 600 евро за 60 часов, а индивидуальные занятия – 65 евро в час.

Согласно статистике, французские компании являются первым иностранным работодателем в России. В настоящее время на российском рынке насчитывается более шестисот французских компаний, работающих в различных областях – пищевая промышленность: Danone, Bonduelle, Lactalis, Soufflet...; автомобильная промышленность: Renault, PSA...; транспорт: Safran, Airbus, Alstom, Vinci...; логистика: FM Logistic, Géodis; финансы: Société Générale, BNP Parisbas, Crédit Agricole, Natixis...; энергетика: Total, EDF, Schneider Electric...; фармацевтика: Sanofi, Boiron, Ipsen, Pierre Fabre...; косметика: L'Oréal, Groupe Rocher...; коммерческие центры: Auchan, Décathlon, Castorama, Kiabi, Leroy Merlin.

Русский язык во Франции прошёл долгую историю, в которой были периоды взлёта и падения, неудач и успехов. То, как русский язык функционирует во Франции в настоящее время, безусловно, говорит о том, что он всё более завоевывает сердца и французов, и наших соотечественников, живущих во Франции.

Вот только некоторые из мероприятий последнего времени, проведённые или запланированные русскими школами и ассоциациями.

22 октября 2019 г. в Российском центре науки и культуры в Париже состоялся Форум русских школ во Франции по случаю Международного дня учителя. Здесь собрались представители около 30 русских школ дополнительного образования из Парижа и пригородов, Страсбурга, Бордо и других городов для участия в тематическом семинаре и круглом столе. Представители наиболее опытных и авторитетных школ были приглашены обменяться мнениями в ходе круглого стола на тему «Преподавание русского языка во Франции: проекты на 2019-2020 год, актуальные проблемы и пути их решения».

22 июля 2020 в Российском центре науки и культуры в Париже состоялась встреча с участием директора Центра К. М. Волкова и президента ассоциации «Chkola» в Лионе Ю. В. Сильвестр. От имени Представительства Россотрудничества во Франции (РЦНК в Париже) руководителю крупнейшей русскоязычной ассоциации департамента Рона-Альпы были торжественно переданы подарочные издания и художественная литература. Прозвучали поздравления с недавними победами в литературных конкурсах учеников старейшей русской школы дополнительного образования во Франции, успешно работающей уже более 15 лет и насчитывающей сегодня свыше 200 учеников.

12 ноября 2020 г. на веб-платформе Российского центра науки и культуры в Париже состоялся Второй форум русских школ во Франции. Цель конференции – вести дело к объединению свыше 320 русских школ дополнительного образования, действующих сегодня во Франции.

14 марта 2021 года в театре Турски (г. Марсель) запланировано проведение 8-го Фестиваля русских школ дополнительного образования, целью которого является создание и укрепление партнёрских отношений между русскими школами дополнительного образования; формирование и укрепление творческих связей между учениками русских школ; распространение русской культуры и национальных традиций, поддержка русского языка детей-билингвов, проживающих за пределами России.

Даже эти далеко не полные доказательства активности работы русских школ и ассоциаций говорят о том, что русский язык во Франции живёт, развивается и имеет самые положительные перспективы для своего дальнейшего функционирования во французском обществе и в среде русскоговорящих французов.

Список литературы

1. Нива Ж. Подарок Георгия Георгиевича: жить русским языком // Знамя. 2009. № 2.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 5. № 3098.
3. Afanas'Yeva L. L'enseignement du russe en France dans le système éducatif public (lycées) : état des lieux et perspectives. Linguistique. Université Paul Valéry. Montpellier III, 2012. Français. P. 78–79.
4. Pascal P. Publications de l'Ecole des Langues orientales vivantes. 7e série, Cent-cinquantième de l'Ecole; VII. 12 / P. Pascal. Russe, 1876; Paris [s.n.], 1948.
5. Philippe Comte. L'enseignement du russe en France: problèmes et perspectives. 2009. URL: <http://www.afr-russe.fr/spip.php?article22>
6. Вечерний Новосибирск. 2010. URL: http://www.ambafrance-ru.org/france_russie/spip.php?article8519
7. URL: <http://www.afr-russe.fr>
8. URL: <http://www.inosmi.ru>
9. URL: <http://www.vesti.ru>
10. URL: <http://www.kremlin.ru> .
11. Les critères de la typologie des établissements scolaires. URL: http://www.insee.fr/fr/ffc/docs_ffc/donsoc06p.pdf

Информация об авторе: *Вожель Янина Андреевна*, преподаватель русского языка как иностранного, преподаватель французского языка как иностранного в ассоциациях «Les amis de la culture russe» в г. Биарриц, «Il était une fois» в г. Англет, Франция (г. Биарриц, Франция).

ПЕРВЫЙ ОПЫТ ВЬЕТНАМО-РУССКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ

Бу Тхе Кхой

г. Ханой, Вьетнам

Аннотация. Исследование посвящено начальному этапу (1960–1970-е гг.) сотрудничества русских и вьетнамских специалистов в области преподавания русского языка во Вьетнаме (созданию первых учебных пособий, выработке методических принципов и практическому их применению), а также дальнейшему (1980-е гг.) его развитию: созданию оригинальной авторской концепции и её воплощению на практике.

Ключевые слова: «Специальные курсы», «Уроки» А. Колесникова, учебное пособие А. Колесникова и Бу Тхе Кхой, «Пособие», 16 лет переиздания и использования; новая оригинальная концепция и её научная, методическая основа

Для цитирования: Бу Тхе Кхой. Первый опыт вьетнамо-русского сотрудничества в области преподавания русского языка и его дальнейшее развитие // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 166–171.

1. Сразу после подписания в 1954 г. Женевских соглашений о прекращении войны и восстановлении мира в Индокитае Вьетнам приступил к восстановлению народного хозяйства, а с 1958 г. начал выполнять Трёхлетний план (1958–1960 гг.) преобразования и развития экономики. До 1945 г. французские «цивилизаторы», исходя из своей политики эксплуатации колоний, которая сводилась, в конечном счёте, только к захвату природных богатств, готовили в единственном в Индокитае университете мизерное количество специалистов-вьетнамцев. А с 1946 по 1954 г. шла ожесточённая война против могущественного врага, и вьетнамцы не строили, а сами, своими руками, согласно тактике «сожжения дотла ради сопротивления» разрушали дороги и мосты, заводы и фабрики, даже целые города. Но настало наконец время большого созидания, и стране остро не хватало специалистов с высшим образованием для всех отраслей народного хозяйства. Важнейшие национальные вузы, такие, как Ханойский политехнический институт и Академию сельского хозяйства, только начали создавать в 1956 году. По этой причине Правительство ДРВ решило послать большое количество молодёжи на учёбу в братские страны, прежде всего в СССР.

2. Возникла нелёгкая для только что вышедшей из войны страны задача: дать уезжавшим на учёбу в советские вузы основы русского языка. Хотя русский как учебный предмет был введён в университетскую программу сразу после победы Августовской революции (Постановлением Министра народного образования от 3 ноября 1945 г.) и при открытии 15 ноября того года занятий в университете на курсы русского языка записались уже 398 очных студентов и 196 заочных (“bàng hình viên”) [1], однако разразившаяся война Сопротивления прервала учёбу на целое десятилетие. Поэтому фактически языковую подготовку для абитуриентов пришлось начать с нуля. Ещё в 1958 г. при Ханойском педагогическом институте был открыт Факультет иностранных языков с русским отделением, но его профиль – готовить учителей средней школы – совершенно не отвечал требованиям языковой подготовки будущих студентов советских вузов. Этим объясняется появление 1-го ноября 1959 г. нового учебного заведения при Министерстве Про-

свещения ДРВ: «Специальных курсов иностранных языков» (официальное название: trường Bổ túc Ngoại ngữ, сокращенно: trường Chuyên tu) – предшественника нынешнего известного в стране и за рубежом Ханойского университета (HANU). В составе Trường Chuyên tu было сначала два отделения: русского языка и китайского, а в 1961 г. появилось и третье – немецкого. Ежегодный набор на отделение русского языка насчитывал до тысячи студентов (например, в 1960-1961 учебном году их было 1070 чел.) [2]. Учебных пособий для этого нового контингента учащихся не было никаких (знаменитого «Учебника» Е. Баш тогда и в помине не было!). Занятия велись вьетнамскими преподавателями с двухлетней языковой подготовкой и частично – советскими специалистами по составляемым ими же «на ходу» конспектам уроков, напечатанных ротапринтом и раздаваемых преподавателям и учащимся за 2-3 дня до занятий.

2.1. В начале 1961-62 учебного года преподавательский состав русского отделения «Специальных курсов» был пополнен 4-мя выпускниками филологического факультета Московского государственного педагогического института им. Ленина, обучавшимися русскому языку и литературе в самой языковой среде в течение 7-ми лет. (В их числе был и автор данной статьи.)

2.2. Руководство «Trường Chuyên tu» впервые поставило перед ними насущную педагогическую задачу создания специального учебного пособия для студентов, которые должны отвечать требованиям, выдвинутым Минпросом страны: после годичной языковой подготовки во Вьетнаме «поступать прямо на первый курс вузов Советской страны» [3]. Такая серьезная задача с такими высокими требованиями была явно не по плечу нам, молоденьким, двадцатитрёхлетним новоиспечённым выпускникам МГПИ (ныне Московский государственный педагогический университет). Счастливый случай помог выполнить эту сложную задачу.

2.3. В предыдущем учебном году на Русское отделение Факультета иностранных языков Ханойского педагогического института прибыл советский педагог в качестве специалиста А. В. Колесников и привёз составленное им учебное пособие – «Уроки русского языка». По неизвестным сейчас причинам это пособие по окончании года апробации перестали там использовать, а советский специалист остался не у дел. Директор «Trường Chuyên tu», господин Фам Дык Хоа, выходец из старых интеллигентов, а потому прекрасно образованный (бакалавр французской школы по философии, в совершенстве владевший французским и английским языками, самостоятельно знакомившийся с китайским, русским и немецким), к тому же во время войны работавший начальником штаба целого военного округа, обладал оперативным умом и недюжинными организаторскими способностями. Он быстро принял решение воспользоваться подходящим моментом, чтобы осуществить выдвинутую им же впервые идею: *сочетать лингвистические и методические знания и умения советского специалиста с практическим опытом вьетнамских преподавателей в обучении иностранным языкам, в данном случае – русскому, вне живой языковой среды в целях создания «вьетнамизированного»* (в терминологии того времени, что соответствовало бы современной – «национально-ориентированного») *учебного пособия для будущих студентов советских вузов.* Господин Хоа попросил у Минпроса годичную командировку в своё учебное заведение для педагога-специалиста и создал в 1961 г. *первый в истории преподавания русского языка во Вьетнаме* совместный авторский коллектив из А. В. Колесникова и выпускника МГПИ Ву Тхе Кхой для переработки составленных советским преподавателем «Уроков русского языка».

2.4. Вьетнамские преподаватели внимательно изучили составленные А. Колесниковым «Уроки русского языка», несколько раз обсуждали их на засе-

даниях Отделения и в конце концов пришли к выводу, что, несмотря на несомненные достоинства (концентричность расположения грамматического материала, повторяемость словаря, обилие повторительных упражнений и др.), они не соответствуют выдвинутому Минпросом требованиям ускоренного и краткосрочного курса обучения абитуриентов, предназначенных поступать на первый курс советских вузов. Главное же несоответствие состояло в том, что грамматический материал давался только элементарный (простые конструкции предложений и употребительные падежные значения), а лексический минимум ограничивался только первой тысячей самых общеупотребительных слов. Перед вьетнамским соавтором, как знающим умственно-психологические возможности учащихся и условия их обучения, была поставлена задача выработать новые грамматический и лексический минимумы, так как будущим студентам советских вузов предстояло с первого же занятия там слушать лекции и читать (со словарём, конечно!) научную литературу по специальностям.

2.5. Следовательно, надо было кратчайшим путём вооружить их полным курсом практической грамматики русского языка и минимумом употребительной и общенаучной лексики, концентрировать время и усилия на тренировке умений слушать и кратко записывать прослушенное. За недостатком времени частично задача формирования умений и навыков устной речи возлагалась на «работу» будущей языковой среды. К счастью, к этому времени в Научно-методическом центре при МГУ им. Ломоносова Е. Баш уже опубликовала словник в 3500 единиц своего будущего «Учебника для подготовительного факультета» своего вуза. Учитывая отсутствие языковой и культурной среды, из 3500 единиц нами были отобраны 2500. А для создания грамматического минимума был использован «Справочник» И. М. Пулькиной по грамматике русского языка, вышедший на английском языке, т.е. предназначенный для иностранцев.

2.6. «Уроки Колесникова» составлялись в обстановке общего увлечения в нашей стране прямым методом Robert Lado и Charles Fries (не по этой ли причине от «Уроков» первоначально отказались?), но «Trường Chuỳên tu» твёрдо придерживался грамматико-переводного метода, сочетая его с элементами аудиовизуального и коммуникативного методов. Заведующий Научным отделом «Trường Chuỳên tu», преподаватель Хоанг Лай, впоследствии кандидат филологических наук, первый директор Ханойского филиала Института русского языка им. А. Пушкина, назвал этот метод «комбинированным» [3]. Грамматический материал давался относительно систематически, правила и новая лексика разъяснялись на родном языке, широко использовался двусторонний учебный перевод как вид упражнения. Воспользовавшись предоставленными интернатским бытом возможностями (студенты и преподаватели тогда 24 часа проживали в общежитии, кроме выходных дней), наши «Уроки» мы дополняли разнообразной внеклассной иноязычной речевой деятельностью в устных формах. Например, по вечерам группы студентов «посылали посольские делегации» друг другу для беседы о своих занятиях и повседневном быте в общежитии, разыгрывали сценки, пересказывали «ночные рассказы на русском языке», которые читали преподаватели перед сном по радиотрансляции и т.д. [4]. А на Факультете заочного обучения, где, естественно, не было таких речевых потребностей и возможностей, все названные формы речевой деятельности на изучаемом языке заменялись чтением и переводом газетных сообщений и текстов по специальности слушателей. Интересно, что много лет спустя в Ланкестерском университете, так сказать, на самой родине прямого метода, проф. Дж. Кирквуд (G. Kirkwood) применял подобную методическую модель (грамматико-переводный метод в сочетании с элементами

деятельностного подхода) для обучения английских студентов чтению русских литературных и литературоведческих текстов [5].

3.1. «Уроки русского языка, составленные А. Колесниковым. С участием Ву Тхе Кхоя» (Так гласит титульный лист, предложенный советским специалистом А. В. Колесниковым для печати), известные студентам и преподавателям 60-х и 70-х годов прошлого столетия под сокращённым названием «*Giáo trình Kolesnikov*» («Курс Колесникова») использовались в качестве основного учебного пособия 17 лет подряд. Вначале, с 1962 по 1965 гг., на годичных Специальных курсах русского языка для уезжавших на учёбу в СССР студентов. А затем, когда для этого контингента учащихся ввели «Учебник русского языка для студентов-иностранцев, обучающихся на подготовительных факультетах вузов СССР», написанный коллективом авторов Е. Г. Баш и др., с 1966 вплоть по 1979 гг., «Уроки» предназначались для взрослых слушателей Факультета заочного обучения Ханойского института иностранных языков (с 2006: Ханойский университет, HANU), пока его текстовые материалы не совсем отстали от послевоенной действительности. Больше года, с сентября 1962 г. по декабрь 1963 г., судя по сохранившимся у меня письмам, наше Пособие, успешно использовавшееся в последующие учебные годы на русском отделении «*Trường Chuỳên tu*», А. В. Колесников безуспешно пытался напечатать в советском «Издательстве на иностранных языках». У нас же во Вьетнаме «Курс Колесникова» перепечатывался не менее десяти раз (но только ротапринтом, на плохой, из-за трудных условий войны, серой бумаге) и расходился в десятках тысяч экземпляров, верой-правдой успешно обслуживая огромное число изучающих «каверзный» русский язык. Однако из-за такой интенсивной его эксплуатации пока, к сожалению, не отыскивается следов ни одного его полного экземпляра: с 1964 по 1975 г. по всему Северному Вьетнаму шла длительная, «разрушительная война» – бомбардировка США, и институтская библиотека, и наша личная не раз подвергались эвакуации и разбазариванию.

3.2. И всё же методические идеи, выработанные нами совместно и заложенные в основе первого опыта сотрудничества в области составления учебных пособий для обучения вьетнамцев русскому языку вне языковой среды, не исчезли, а получили дальнейшее свое развитие.

В теоретическом плане первоначальные замыслы и идеи постепенно сформировались в собственную нашу **концепцию национально-ориентированной методики обучения иностранным языкам (в том числе и русскому) вне живой языковой среды**. А методические принципы данной концепции нами не раз излагались на национальных и международных научных конференциях (самостоятельно или в соавторстве с однокашницей, выпускницей МГПИ, доцентом, доктором филологических наук Нгуен Туэт Минь). Интересующихся позвольте отослать к опубликованным статьям [6, 7].

3.3. Вкратце наша концепция зиждется на двух фундаментальных положениях:

Во-первых, на *всестороннем учёте реальных условий жизни и учёбы, реальных потребностей и возможностей пользования изучаемым языком как средством общения, с одной стороны, а с другой – на учёте возникающих и развивающихся по мере овладения языком познавательных интересов учащихся к стране изучаемого языка и его культуре. Только такой подход позволяет создать действенную мотивацию, а следовательно, выход в речь в условиях отсутствия языковой среды и обеспечить развивающий, образовательный характер обучения* [7].

Во-вторых, на *сопоставлении языков и культур, не столько эксплицитном, открытом на занятиях, как это делали во времена сопоставительного метода, сколько имплицитном, скрытом, то есть на учёте типичных речевых ошибок*

учащихся, вызванных интерференцией двух языковых и культурных систем. Коротче говоря, мы последовали старой мудрой рекомендации академика Л. В. Щербы: «отталкивание от своего для овладения чужим» [8].

3.4. В практическом плане принципы нашей методической концепции реализованы в учебном комплексе «*Практический курс русского языка для студентов I-го курса институтов иностранных языков*» Вьетнама. Этот «*Практический курс*» составлялся в самом разгаре так называемой коммуникативной методики РКИ (русского языка КАК иностранного). Однако мы не слепо подражали таким известным (и одно время абсолютизированным иными ортодоксами метода РКИ) принципам, как строгое ситуативное представление языкового материала и обучение только в «воображаемых ситуациях общения в стране изучаемого языка». Признавая правильность и ценность их нового *методологического*, деятельностно-личностного подхода, мы всё же не находим принципы широко пропагандируемого тогда нового коммуникативного метода подходящими для обучения иностранному языку – русскому. Можно даже сказать, на *методическом* уровне, при составлении «Практического курса русского языка» для студентов-русистов I-го курса (начального этапа, с нуля) мы пошли обратно принципам ортодоксального коммуникативного метода.

«Курс» был составлен нами в 1969 г., опробован и переработан в 1970–1972 годах (окончательная редакция была утверждена и издана Учёным советом ХИИЯ в 1972 году) и с тех пор перепечатывался без изменений ещё два раза, в 1974 и 1977 годах.

В 1978 г. Ханойский государственный университет (ХГУ) с разрешения автора перепечатал данный «Практический курс» для студентов русского отделения открывшегося там Факультета иностранных языков и использовал его в качестве основного учебного пособия до 1986 г., когда его заменил составленный совместным коллективом русско-вьетнамских учёных «*Учебник русского языка для студентов языковых вузов Вьетнама*» (первое издание вышло в Москве в 1986 году). Таким образом, в целом наш «Практический курс», родившийся в крайне тяжёлых условиях войны и напечатанный также ротاپринтом на плохой бумаге, прослужил 16 лет и дал основы знаний и умений по русскому языку 16 выпускам вьетнамских русистам из HANU и ХГУ.

3.5. В организационном плане:

В 1986 году в стране начался Генеральный курс на «Обновление», который коснулся и системы высшего образования. В 1989 г. автор «Пособия» в целях подготовки к реформе преподавания иностранных языков в вузах СРВ был послан в порядке обмена научных сотрудников в Московский педагогический институт иностранных языков им. М. Тореза, где получил возможность плодотворно общаться с ведущими советскими специалистами.

По возвращении из этой командировки ему было предложено возглавить специально созданную Комиссию реформы программ иностранных языков (русского, английского, французского, китайского) для обучения в языковых и неязыковых вузах страны. На основе ранее выработанных нами теоретических положений и длительных практических их воплощений Комиссия разработала Научно-методическую концепцию практического курса русского языка для языковых вузов страны. Создала на её основе 8 новых программ, а также Рекомендации к их внедрению. Все эти документы не потеряли своего значения и сегодня.

Продолжительная практика успешной подготовки студентов-русистов на Факультете русского языка в HANU и на русском отделении Факультета иностранных языков ХГУ, да и дальнейшее развитие методической мысли в СССР и других странах показали, что выработанная нами и проверенная на практике

в 60-х–80-х годах прошлого столетия концепция преподавания иностранных языков в ситуации внеязыковой среды оказалась на уровне современной методической науки. Можно даже сказать, что она в определённой степени предвосхищала её выводы в исследовании ряда проблем (например, положение о сочетании функционального и системного подходов в презентации языкового материала, а также о соотношении в учебных пособиях действительности родной и страны изучаемого языка (или в современной терминологии – «диалоге культур»)).

Список литературы

1. Vũ Đình Hòe: Tờ trình Quốc dân Đại hội của Bộ Quốc gia Giáo dục, 1946; lưu trữ cá nhân tại gia đình, in trong Phụ lục sách Vũ Đình Hòe: Pháp quyền Nhân Nghĩa Hồ Chí Minh, nxb Văn hóa TT & Trung tâm Ngôn ngữ Văn hóa Đông Tây, Hà Nội 2001.
2. Trường Đại học Hà Nội – 50 năm xây dựng và phát triển 1959–2009. Hà Nội 2009, tr. 13.
3. Hoàng Lai: Nội san Ngoại ngữ, số 4/1969, tr. 2.
4. Hoàng Lai: Phương pháp tổng hợp ở hệ chuyên tu trường Đại học Ngoại ngữ. Nội san Ngoại ngữ, số 4/1969, tr. 4–26.
5. Кирквуд Дж. Б. Овладение умением в области чтения и письма (Применительно к ускоренному курсу русского языка в университете) // Русский язык за рубежом. 1989. № 1.
6. Ву Тхе Кхой. Методическая записка к учебнику русского языка для 1-го курса института иностранных языков. ХИИЯ, 1978 ; Ву Тхе Кхой, Нгуен Туэт Минь. Лингво-методическая концепция национально-ориентированного учебного комплекса «Русский язык для вьетнамцев». Проблемы функционирования и преподавания русского языка в Юго-Восточной Азии : доклады и сообщения Междунар. конф. Вьетнам – Ханой, 2005 ; Ву Тхе Кхой. Равноправное сотрудничество // Вьетнамская русистика. Юбилейный номер ХФИРЯ им. А. Пушкина. 2013. № 20 ; Ву Тхе Кхой. Методика русского языка как иностранного и методика иностранного языка русского. Русский язык в странах Юго-Восточной Азии : материалы Междунар. регион. конф. Вьетнам – Ханой, 15–16 декабря 2016. С. 157–165.
7. Ву Тхе Кхой, Тихонова Н. А. Методическая концепция учебного комплекса «Практический курс русского языка» для языковых вузов СРВ // Вьетнамская русистика. Вып. IX. 1998.
8. Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в школе. Общие вопросы методики. М. ; Л., 1947.

Информация об авторе: Ву Тхе Кхой, заслуженный учитель Социалистической Республики Вьетнам, Ханойский государственный университет (г. Ханой, Вьетнам).

ФУНКЦИЯ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА В ОБУЧЕНИИ ШКОЛЬНИКОВ ЯЗЫКУ И РЕЧИ

И. Ю. Гац

г. Мытищи, Россия

Аннотация. Объектом исследования выступает процесс формирования читательской грамотности обучающихся 5–11 классов; предмет исследования, промежуточные результаты которого частично отражены в статье, – назначение креолизованного текста на учебных занятиях по русскому родному языку. Научно-методический поиск ведётся с целью преодоления трудностей в направлении разработки последовательности действий школьников при чтении креолизованных текстов, интерпретации визуальной наглядности, визуальных образов.

Ключевые слова: обучение русскому языку, организация читательской деятельности, креолизованный текст

Для цитирования: Гац И. Ю. Функция креолизованного текста в обучении школьников языку и речи // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 172–176.

Лингвометодическое исследование, в настоящее время проводимое автором статьи, является частью теории формирования функциональной грамотности школьников в процессе лингвистической подготовки. Промежуточные результаты и материалы для обсуждения регулярно представляются профессиональному сообществу [1, 2]. На этом этапе автор проводит опытную работу, результаты которой отражены в соответствующих публикациях.

Общеизвестно, что применение визуальной наглядности на занятиях по родному языку напрямую связано с развитием функциональной грамотности школьников. Применение художественных жанров современного визуального искусства, разнообразных креолизованных текстов на уроках родного языка оправдано в контексте освоения школьниками универсальных учебных действий. Программа «Русский родной язык» (О. М. Александрова и др.) отражает одну из концептуальных идей – обеспечить методическую поддержку различным видам учебно-языковой деятельности школьников на основе составных текстов [5]. На страницах учебника размещён богатый материал выработки умений по формированию читательских действий и читательских умений. Поддержать идеи этого учебника, обращённые «к многообразным связям русского языка с цивилизацией и культурой, государством и обществом» [5, с. 10], развивая методические находки, предложим в качестве визуальной опоры креолизованные тексты, конкретнее – кинофрагментов известных произведений отечественного кинематографа [3, 4, 6 и др.]. На основе преподавательской практики и проведённого автором теоретического анализа актуальной научной литературы, обобщения результатов лингводидактических исследований, приходим к научному предположению, что в условиях развивающихся принципов цифровой дидактики, перспективно характеризовать визуальные средства обучения в лингвистической подготовке как креолизованные тексты. В своём исследовании опираемся на сложившееся сегодня представление о том, что креолизованный, или поликодовый, текст – семиотически сложное единое смысловое образование. Креолизованный текст буквально сплетён из смыслов и знаков. Помимо вербального содержания, подобный текст включает различные семиотические знаки: иконические, световые, графические,

музыкальные, анимационные, пр. По степени воздействия на получателя информации, он обладает большей эффективностью, поскольку сигналы и сведения одновременно поступают по нескольким каналам [3, 6, 7]. Отсюда сложность восприятия многокомпонентного текста и переработки кодов. В своём рассуждении о назначении креолизованного текста в развитии навыков читательской грамотности мы исходим из того, что при его восприятии и переработке, ученик переходит от знака к знаку, от одного сочетания знаков к другому, чтобы понять смысл и полноценно представить значение.

Помимо теоретического анализа проблемы, в течение 2019/2020 учебного года была проведена опытная работа в лабораторных условиях. Содержание опытной работы определялось эмпирическими методами: это и собеседование с учителями русского языка Москвы и Московской области, интервью с обучающимися (школьники и студенты филологических факультетов), отбор и классификация сетевых ресурсов по теме исследования. Опытно-экспериментальная работа продолжается. Нас интересует, какие мультимедийные источники постоянно привлекаются в качестве наглядной опоры, для поддержки педагогической коммуникации, какие предпочтения есть у субъектов образовательного процесса (учителей, учеников, родителей, студентов, преподавателей высшей школы, тьюторов и разработчиков онлайн-курсов). В ходе собеседования с обучающимися (обработано около 340 интервью), мы выяснили, что чёткого представления о медиаколлекциях по русскому родному языку не сложилось. При всей очевидности и простоте предмета речи – актуальность использования средств наглядности, – обучающие имеют отдалённое представление о влиянии визуальных средств информации на мир обучающихся. Ни одному респонденту не удалось привести практических примеров того, как креолизованный текст помогает по-новому решать методические проблемы и помогает в создании более сложных текстов. В собеседовании препятствием являются вопросы о дидактических качествах цифрового визуального ряда, поддерживающего учебные занятия по грамматике и развитию речи. Студенты-филологи, которые знакомы с основами лингвометодической науки, имеющие представление о принципах обучения родной речи, не могут построить логического умозаключения о связи грамматического мышления и письма. Грамматическое мышление качественно преобразуются, если пишущий приобретает опыт, в котором ему приходится перевести значение в разные знаковые системы. Педагоги считают, что на уроках нужно использовать специализированные видеоматериалы, так как это разнообразит урок, помогает деятельностно представить языковой материал, поддерживает понимание и запоминание лингвистической информации. Видеоряд на уроке по грамматическим темам должен помочь в запоминании правил, повышении грамотности учащихся. Акцент на слове «должен». Видеоряд на уроках по развитию речи, возможно, положительно влияет на развитие устной монологической речи, расширяет словарный запас учащихся. Понятие «креолизованный текст» в речи обучающихся и студентов не используется, оно находится в пассивном словарном запасе и за пределами дидактического поля. И хотя «смотрящие учеников» экраны на онлайн-занятиях существуют по законам креолизованных текстов (слайды, презентации, лонгриды, бегущие строки, информативные и справочные блоки, реплики чатов), обучающие не воспринимают их как средство трансмедиации – средство, которое обеспечивает перевод информации из одной знаковой системы в другую. Сто процентов опрошенных учителей ответили, что используют видеоматериалы (так обозначаются в их рассуждениях визуальные средства информации) на учебных занятиях по русскому языку, однако нечасто, вне системы, так как нет видеотек и разработанных сценариев с применением электронного визуального ряда. Высказали со-

жаление, что найти методически оправданные сюжеты чрезвычайно трудно, и чаще всего пользуются блогами коллег, находят случайную информацию на неспециализированных сайтах и социальных сетях, привлекают сервис You Tube. В процессе исследования мы отбирали материалы каталогов: «Каталог «Школьный Яндекс»; «Каталог информационной системы «Единое окно доступа к образовательным ресурсам» и образовательных ресурсов: «Российское образование: федеральный портал»; портал «Русское слово»; система дистанционного обучения «Веди» – Русский язык; «Проект Всероссийского педагогического портала «Методкабинет.рф»; «Школьный мир»; «Фестиваль педагогических идей. Открытый урок»; «Русский язык в школе»; «Русская словесность»; «Открытый класс: Сетевые образовательные сообщества»; «Просвещение»; «Дрофа» и др. Было сделано заключение, что указанные сайты не предлагают коллекций видеосюжетов, которые бы могли служить определённым методическим задачам речевого развития школьников. Каталогизация ресурсов, составление медиакolleкций в методических – весьма трудозатратны. К сожалению, ни один из учителей не указал на важнейшие условия, которые создаются при использовании креолизованных текстов – достижения школьниками метапредметных результатов на уроках русского языка.

Для нашего исследования принципиальным является современный взгляд на формирование метапредметной компетенции. Способность адекватно воспринимать медиатекст, извлекать учебную лингвистическую информацию из различных источников, способность к преобразованию, сохранению и передаче лингвистической информации, способность осуществлять речевой самоконтроль – таковы метапредметные результаты, которые достигаются на основе владения видами речевой деятельности. При реализации коммуникативно-деятельностного подхода процесс осознания конкретных языковых явлений и фактов и личный опыт использования языка в определённых ситуациях общения оказываются неразрывно связанными.

Чтению креолизованных текстов, безусловно, учат. В процессе накопления подобного читательского опыта, осознанно осваиваются способы прочтения, а в итоге – формируется такое качество, как начитанность. Это качество противопоставлено «насмотренности», которое воспринимается нами как спонтанное, хаотичное, неосознанное восприятие объектов, не приводящее к изменению ментального состояния обучающегося, не предполагающее его рефлексии. В противоположность этому, начитанность соотносится с навыками эстетического восприятия и эстетической оценки, с эстетическим вкусом. Своеобразным «учебным пособием» здесь станет короткометражный фильм Герца Франка «Старше на 10 минут». Кинозритель следит за маленьким мальчиком, который живо, непосредственно, сверхэмоционально реагирует на происходящее на сцене кукольного театра. Именно такой культуре восприятия визуальной информации посвятил монографию М. Казинс [3]. Уверены, что целенаправленное воспитательное воздействие на обучающихся в цифровой среде, – приоритетная задача, которая поможет преодолеть барьеры и энтропию открытого пространства. Креолизованный текст, применяемый в дидактических целях, трактуется нами как последовательная информация в виде изобразительной, символической и графической наглядности, как статическая, так и динамическая (анимация или видеоряд), которая хранится в цифровой форме и предьявляется в цифровом формате, т.е. посредством информационных технологий. Учитывая задачи исследования, мы определили для себя критерии отбора поликодовых текстов для лингводидактической среды обучения: ёмкое информационное наполнение; явно выраженное эмоциональное воздействие; профессионально ориентированное содержание. Среди креолизованных текстов, которые

востребованы на учебных занятиях по русскому родному языку, своё место найдут: а) медиатека: кинофрагменты из отечественных художественных фильмов; фрагменты документальных фильмов и специальных репортажей о жизни выдающихся личностей героев; короткометражные художественные фильмы патриотического содержания; б) информационные источники дидактического наполнения (лонгриды, комиксы, аниме, стрипы, мемы); в) визуальные источники: репродукции картин, фотографии скульптур и памятников, жанровые фотографии. В таком аспекте мы исследуем функцию креолизованного текста в посредничестве и представлении смыслового значения в школьном коммуникативном опыте.

В настоящее время формируется своеобразный кейс учебных ситуаций для занятий по русскому родному языку. Промежуточной задачей конкретной учебной ситуации на основе чтения креолизованного текста является развитие произвольного внимания, внимания к конструированию и реконструированию реальности, соотнесение изображения и личного опыта. Чтобы взглянуть на креолизованный текст (кинофрагмент) иначе, нужно обратиться к традиционной, привычной для урока русского языка ситуации – языковой разбор грамматической единицы. Рефлексивное мышление и обобщение позволяют установить связь между знаковыми системами. Комплект кинофрагментов отбирается, исходя из лингвометодической целесообразности: ёмкие, по хронометражу, доступные возрасту подростка кадры, насыщенные, но неперегруженные, со спокойной, не отвлекающей зрителя посторонними эффектами, цветовой гаммой, эстетически предъявленным зрителю природным ландшафтом, с динамичной пантомимикой персонажей, эстетически значимым звуковым и музыкальным сопровождением. Такие подборки с энтузиазмом проводят студенты, например, один из подобных кейсов для учащихся 8 класса, подготовленный А. И. Буравковой, представляем ниже.

<i>Тема занятия</i>	<i>Кинофрагменты (мин : с)</i>
Исследования грамматических единиц (морфология и синтаксис)	
Урок построения системы лингвистических знаний и коммуникативных умений «Правописание: орфография и пунктуация»	«Зима в Простоквашино» (реж. В. Попов, 1984; время: 09:10– 15:40)
Урок открытия нового знания «Наречие как часть речи»	«Новогодние приключения Маши и Вити» (реж. Г. Казанский, И. Усов, 1975; время: 17:00 – 25:00)
Урок построения лингвистических знаний и коммуникативных умений «Предлог как служебная часть речи»	«Волшебник страны Оз» (реж. В. Флеминг, 1939, время: 01:00– 07:00)
Урок открытия нового знания «Союз как часть речи»	«Двенадцать месяцев» (реж. А. Граник, 1 серия, время: 12:20–20:00)
Урок построения лингвистических знаний и коммуникативных умений Междометие как особый разряд слов»	«Королевство кривых зеркал», реж. А. Роу, 1963; время: 02:40–06:00
Развитие речи	
Урок рефлексии / урок развивающего контроля «Фразеологизмы, пословицы, крылатые выражения в речи»	«Сказка о потерянном времени» (реж. А. Птушко, 1964; время: 01:11: 00–1:15:00)
Урок рефлексии / урок развивающего контроля «Публицистический стиль речи»	«Солдат Иван Бровкин» (реж. И. Лукинский, 1955, время: 33:00–36:00)
Урок развивающего контроля (подготовка к сочинению) «Описание состояния человека»	«Вий» (реж. Г. Кропачев, К. Ершов, 1967, время: 37: 00–44:00)

<i>Тема занятия</i>	<i>Кинофрагменты</i> (мин : с)
Урок развивающего контроля (обучение анализу текста) «Порядок слов в спокойной монологической речи»	«Гроза», (реж. В. Петров, 1933; время: 02:18:00–02:22:00)
Урок развивающего контроля (подготовка к сочинению) «Описание внешности человека»	«Снежная королева» (реж. Л. Атаманов, Н. Эрдман, 1957; время: 35:00–38:00)

Начало высказываний положено содержанием креолизованного текста, побуждающего к выражению собственного отношения. Коммуникативные универсальные учебные действия составляют основу непосредственно речевой деятельности и выражаются в форме монологического высказывания школьника и участия в групповом обсуждении.

На предшествующих этапах своего исследования мы установили, что сегодня продуктивно описывать тексты новой знаковой природы, используемые в цифровой лингводидактике, как тексты креолизованные, прагматически осложнённые. Креолизованный текст как средство воспитания читательской культуры потребителя сетевого пространства способен развивать эмоциональный интеллект обучающихся. Единица контроля – читательское действие на основе креолизованного текста. Измеритель качества устной речи ученика – количество использованных в высказывании номинативных и дескриптивных элементов (описание фона, пейзажа, описание действий персонажей, оценочные суждения о закадровых текстах, об общем личном восприятии, личной оценки содержания кинотекста). Значение креолизованного текста в обучении родному языку видим в том, что школьник не пересказывает увиденное / просмотренное, а преобразует содержание, выявив коммуникативные средства, которые позволяют достичь отправителю, или автору креолизованного текста, коммуникативного намерения.

Список литературы

1. Гац И. Ю. Интерпретация креолизованного текста как приём конструирования педагогической реальности // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2020. № 4. С. 203–214.
2. Гац И. Ю. Электронные тексты – средство оценивания уровня читательской грамотности обучающихся // Теоретические и методологические проблемы обучения современному русскому языку. М. : ИИУ МГОУ, 2020. С. 14–17.
3. Казинс М. Человек смотрящий / пер. с англ. Н. Роговской, Т. Шушлебиной. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2018. 480 с.
4. Нуркова В. В. Психология фотографии. Культурно-исторический анализ. М. : Юрайт, 2019. 473 с.
5. Александрова О. М., Гостева Ю. Н., Добротина И. Н. Русский родной язык. Примерные рабочие программы. 5–9 классы. М. : Просвещение, 2020. 147 с. URL: <https://catalog.prosv.ru> (дата обращения: 20.02.2021).
6. Хурмуз О. В. Методическая модель использования художественных фильмов при обучении русскому языку как иностранному : автореф. ... канд. пед. наук : 13.00.02. М., 2019. 19 с.
7. Чернявская Е. В. Текст в медиальном пространстве : учеб. пособие. М. : ЛЕНАНД, 2017. 232 с.

Информация об авторе: *Гац Ирэн Юрьевна*, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета (г. Мытищи, Россия).

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ (НА ПРИМЕРЕ Б. П. ЕКИМОВА)

Л. И. Демина

г. Краснодар, Россия

Аннотация. Речь идёт о проблемах современного гуманитарного образования, в котором необходимо акцентировать внимание на изучении произведений современной русской литературы с глубоким духовно-нравственным потенциалом. В качестве примера рассматривается творчество Б. П. Екимова; в его произведениях прослеживаются традиции русской классики и нравственная составляющая – категории, особенно значимые в современном школьном и вузовском образовании.

Ключевые слова: современная русская проза, традиции, духовность, нравственность, И. С. Шмелёв, Б. П. Екимов, гуманитарное образование

Для цитирования: Демина Л. И. Духовно-нравственные ориентиры современной русской прозы (на примере Б. П. Екимова) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 177–179.

Одной из актуальных проблем современного образования является изучение русской литературы сквозь призму духовно-нравственного сознания, поскольку в последнее время не только наблюдается снижение интереса к произведениям русской литературы, но и утрачивается духовно-нравственный потенциал современного общества.

В истории преподавания русской литературы и в школе, и в вузе вопросы духовно-нравственного содержания всегда оставались в центре внимания, что вполне оправдано содержательной и идейной направленностью произведений русской литературы.

Однако снижение интереса в обществе к проблеме духовно-нравственного содержания произведений обусловлено комплексом проблем, включая изменение культурной парадигмы общества, где изучение классической литературы в школе и в вузе становится поверхностным и не в полной мере формирует духовный потенциал, а также снижение культуры чтения и интереса к современной русской литературе.

На наш взгляд, в образовательном пространстве наряду с изучением произведений русской классики необходимо расширить изучение современной русской литературы, формирующей ценностные ориентиры общества, такими являются произведения Б. П. Екимова. В них есть и традиции русской классики, и наше сложное настоящее. В них есть мы – современные, с опытом жизни и ошибками юных, которым приходится порой решать сложные жизненные задачи, иногда совершать выбор, как героям В. Распутину или В. Быкову, руководствуясь единственным критерием – совестью.

Писатель в своих произведениях вслед за русскими «деревенщиками», Ф. А. Абрамовым, В. И. Беловым, В. М. Шукшиным и др., рассуждает о главных критериях человеческого сознания, коим является нравственность.

Нравственная составляющая произведений Б. П. Екимова – это главное достоинство и содержание, но есть в них удивительное художественное воплощение жизни и авторского самосознания, в котором исключительную роль играет па-

мать. На наш взгляд, память в произведениях писателя – категория нравственная, потому напрямую связана с традициями.

В одной из своих работ известный критик и литературовед В. Чалмаев совершенно справедливо утверждал: «Искусство... должно держаться на прочной национальной традиции. Эта традиция не есть нечто застывшее, отсталое... исчерпавшее себя. Напротив, традиция есть живой, бесконечно меняющийся организм. Одна лишь сердцевина его цельна. Она подобна цельному ядру, излучающему грандиозную энергию. Это ядро – суть нравственной жизни нации, смысл её существования» [2, с. 20].

Если говорить о традиции русской литературы и категории памяти то следует напомнить, что в эмиграции для многих русских писателей, И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, И. С. Шмелева и др., воспоминания о России стали частью их жизни и художественного мира. Первоначально они воплощались в дневниковых записях и публицистике, которая печаталась на страницах периодических изданий. Например, И. С. Шмелев опубликовал в газете «Возрождение» (1925, 25 июля) очерк «Сидя на берегу. Из записей. Крестный ход».

На наш взгляд, описание крестного хода в этом очерке И. С. Шмелева служит неким контрапунктом к началу повести Б. П. Екимова «Осень в Задонье», где идёт речь о подготовке и праздновании Святой Троицы: «Подступала Троица – праздник великий для всех живых и ушедших, а для здешних краёв ещё и свой, престольный, с давних лет самый чтимый в округе» [1, с. 11].

И далее пишет Б. П. Екимов: «В канун Троицы округа просыпалась в ночи, ближе к рассвету вскипая, словно потревоженный муравейник. Со всех сторон к Явленому кургану тянулись вереницы пеших людей, конных и воловьих повозок, телег, бричек. Окрестные хутора в этот день пустели. Зато в Большом и Малом Басакине и вокруг Явленного кургана приезжие теснились кучно; лесом вздымались в небо дышшины да оглобли. А народ все прибывал, пылили дороги...

Но главное, конечно, служба и общий молебен. Священство, певчие приезжали не только свои, станичные, но и из Калача, Пятиизбянской, Нижне-Чирской, из знаменитого Новодонского монастыря, и, конечно, приходили монахи и старцы-отшельники, которые спасались в пещерах и кельях Явленного кургана, в Церковном провале, на Скитах.

Крестный ход, многолюдный, с иконами да хоругвями, с Явленной Задонской Богородицей, свершался вокруг часовни. Потом была служба, освящение родника, омовение в водах его. А потом – просто людской шумный праздник: свой, престольный и всеобщий – Святая Троица» [1, с. 11].

«Крестный ход» Б. П. Екимова незримо нитями соединяется с воспоминаниями в очерке И. С. Шмелева: «В лесной тишине залива, куда приходишь в положенные сроки, думаю я о прошлом. Закрою глаза – и вижу: сталкиваясь, цепляясь, позванивая мягко, плывут и блещут тяжёлые хоругви, святые знамена церкви. Золото, серебро литое, темный, как вишня, бархат грузным шитьем окочаны. Идет не идет – зыбится океан народа. Под золотыми крестами святого леса знамен церковных – грозды цветов: георгины, пионы, астры – заботливо собраны росистым утром девичьими руками московки светлоглазой... Святое идет в цветах. Святое в Песне» [3, с. 2].

Православие стало неотъемлемой частью художественного мира Б. П. Екимова, прочно соединяющего всё его творчество с русской классической традицией.

Воспоминания в повести «Осень в Задонье» носят концептуальный характер, автор апеллирует к истории, культуре, народу. Именно память «о старине» возвращает людей в день Святой Троицы в родные края, где когда-то был хутор

Большой Басакин, они вспоминали «старину, казачий род, молодость, родные края и родные могилы» [1, с. 13].

«Вспоминали былое: своё и вовсе давнее, слышанное от отцов и внуков» [1, с. 13], но бесконечное родное и милое, запечатленное в пейзаже, в крестах полузабытых могил, в Явленном древнем кургане, который через десятки лет «вздывается над землей». В этих приметах – память прежней жизни, которая уже прошла, но «осталась в душе и порою, даже через долгое время, вспоминалась, теплилась в сердце, а иногда взрывалась горечью, болью» [1, с. 29].

В воспоминаниях героя повести Якова «много хорошего было» – охота, рыбалка, отдых с детьми и женой, заводская жизнь и т.д. – душа согревается от памяти прошлого, и настоящее приобретает другие ценностные ориентиры.

В привычную суету Ивана Басакина часто вторгаются картины жизни на хуторе: «...помнился закат, малиновый разлив его на полнеба, а в стороне западной – багровые облака, словно сказочные утесы, которые понемногу остывают, покрываясь сизым пеплом. В мире тепло и тихо. И теплое тельце сына прижалось: головка у отца на коленях. Тимоша задремывает, но силится продлить долгий счастливый день и потому бормочет: «Мы с тобой... Мы не уедем... Мы будем долго здесь жить... Мы всех сюда привезем... Маму, Васю, бабушку, деда. И Никитку заберём. Здесь много места... Он смолкает, заснув у отца на коленях. Всё это помнилось, не отпуская, понывая в душе глубокой занозой» [1, с. 31].

И для старого Аникея Басакина память прошлого милее настоящего: «И в самом деле, через годы порою таким светлым виделось хуторское детство. Так, наверное, у всех, когда вспоминаешь на старости лет. Но горького в нём было – через край...» [1, с. 38].

Память героев не избирательна на хорошее или плохое, она сохранила и горе, и радость, и беды, и трудности – всё это вместе из разрозненных штрихов выстраивается в единую панораму, которая одновременно является средством раскрытия характера, внутреннего мира и большим историческим комментарием, без которого невозможно осмыслить до самой глубины настоящее.

Герои Б. Екимова всегда находят выход в сложных жизненных ситуациях благодаря своим убеждениям, силе духа, памяти, вере, связи с малой родиной, близкими. Именно это делает произведения писателя особенными с точки зрения нравственности и духовности, поэтому к ним нужно чаще обращаться в рамках гуманитарного образования.

Список литературы

1. Екимов Б. П. Осень в Задонье // Новый мир. 2014. № 9.
2. Чалмаев В. Русская проза 1980–2000-х годов на перекрестке мнений и споров // Литература в школе. 2002. № 4. С. 18–23.
3. Шмелев И. С. Сидя на берегу. Из записей. Крестный ход // Возрождение. 1925. 25 июля.

Информация об авторе: *Демина Людмила Ивановна*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Россия).

КОММУНИКАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СИСТЕМЕ «УЧИТЕЛЬ – УЧЕНИК» В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А. В. Зайцева

г. Луганск

Аннотация. Установлено, что эффективность процесса коммуникативного взаимодействия в педагогическом дискурсе напрямую зависит от выполнения определённых условий, которые позволяют создавать адекватные социально-общественным (профессиональным) ситуациям дискурсивные модели, выстраивать стратегии общения, прогнозировать последствия речевого взаимодействия и предусматривать возможность коммуникативной неудачи.

Ключевые слова: коммуникация, взаимодействие, коммуникативное взаимодействие, педагогический дискурс

Для цитирования: Зайцева А. В. Коммуникативное взаимодействие в системе «учитель – ученик» в педагогическом дискурсе // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 180–183.

В эпоху интеграции человечества в глобальное информационное пространство для каждой из социально-гуманитарных наук, предметом исследования которых является личность человека в различных аспектах её взаимоотношений с миром и социумом, который её окружает, актуальной становится проблема общения как существенного фактора в процессе социализации человека. Благодаря общению проявляется оригинальность каждой личности, неповторимый стиль деятельности человека. Связанные с этим преобразования в сфере образования вносят коренные изменения в структуру и характер педагогического взаимодействия как учителя и учеников, так и всей коммуникативной системы учебно-воспитательных заведений.

Общение учителя и учеников, информационно-коммуникативные процессы, которые имеют место в учебно-воспитательном процессе общеобразовательной школы, играют ведущую роль в повышении качества образования, реализации личностно-ориентированной модели обучения, в формировании личности, способной к критическому мышлению, полной самореализации, отстаиванию собственной позиции, человеческого достоинства, уважения к правам человека. Поэтому проблема коммуникативного взаимодействия в педагогическом дискурсе приобретает особую актуальность, так как она непосредственно связана с гуманистическими тенденциями современного учебно-воспитательного процесса. Бесспорным является и тот факт, что между производительностью педагогической деятельности и эффективностью коммуникативного взаимодействия, которое проявляется в системе «учитель – ученик», существует тесная взаимосвязь.

Цель статьи – исследовать особенности коммуникативного взаимодействия в системе «учитель – ученик» в педагогическом дискурсе.

Учитель и ученики возникают в НПД как дискурсивные личности. Дискурсивная личность является разновидностью языковой. Как языковая личность учитель / ученик обладает набором константных индивидуальных признаков, которые не зависят от обстоятельств коммуникации, но в определенной степени влияют на ход общения. Релевантные для описания коммуникативного поведения и построения текста субъективные признаки коммуникантов не входящих в структуру коммуникативной ситуации и описываются отдельно как факторы ва-

рирования речевого поведения, которые формируют идиостиль коммуниканта. Как коммуникативная личность участники учебно-педагогической ситуации обладают совокупностью индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических и мотивационных предпочтений и проявляют себя как коммуникативные деятели. Дискурсивная личность (учителя и ученики) оказывается в определенной типизированной образовательной ситуации.

Взаимодействие партнёров по общению в учебно-педагогической коммуникации выстраивается в плоскости таких её видов: социально-статусной роли (ученик – учитель), ситуативной роли (тот, кто спрашивает – тот, кто отвечает), вида деятельности (например, «ученик – ученик» в процессе учебного сотрудничества в микрогруппах). Все виды взаимодействия коммуникантов в учебно-педагогической ситуации часто переплетаются и интегрируются при доминировании одного из них. Коммуниканты играют постоянные социальные роли, обусловленные правилами учебно-педагогического общения. Эти роли асимметричны, хотя в последние десятилетия наблюдается тенденция к сокращению дистанции между учителем и учеником. Ученик должен быть способным к выполнению определенных коммуникативных ролей, а для этого как потенциальный (дискурсивный) коммуникант он совмещает несколько таких ролей, которые при соответствующих условиях актуализируются.

В контексте личностно ориентированной парадигмы образования коммуникативное взаимодействие должно иметь индивидуальный характер, проявляющееся в относительно устойчивой индивидуально-своеобразной системе методов, приемов, способов решения педагогических задач, которое сознательно или стихийно привлекает учитель с целью оптимального соответствия собственной индивидуальности реальным целям, условиям и задачам взаимодействия.

Понятие «коммуникативное взаимодействие» в научной литературе трактуется неоднозначно. В наиболее общем смысле под взаимодействием психологи и педагоги (В. В. Афанасьев, А. А. Бодалев, А. М. Леонтьев, Х. Лийметс, Б. Ф. Ломов, Н. Н. Обозов и др.) понимают систему взаимообусловленных действий, где каждое действие одной стороны вызывает соответствующее действие другой. Конечным результатом такого обмена является выработка определённой единой системы общих представлений как основы для совместных действий. В. А. Кан-Калик и Н. Д. Никандров, изучая вопросы взаимодействия, рассматривают его как механизм общения и отождествляют с процессом совместной деятельности, сотворчества.

Коммуникативное взаимодействие участников образовательного процесса должно быть целостной открытой системой с собственной структурой, внешними и внутренними связями, набором определённых функций.

Особенности системы «учитель – ученик» нужно рассматривать с точки зрения их значимости. Связь между элементами этой системы базируется на взаимообусловленности самого существования этой системы и наличия отдельных её элементов. Структура процесса взаимодействия связана с конкретной воспитательной ситуацией, но всегда существуют основные, общие компоненты.

Относительно этапов осуществления, можно выделить такие составные компоненты коммуникативного взаимодействия в педагогическом дискурсе:

- 1) осознание вопроса и цели общения;
- 2) оценка и восприятие партнера по взаимодействию;
- 3) принятие решения;
- 4) акты коммуникативной деятельности и поведения.

В структуре педагогического взаимодействия Я. Л. Коломинский и Н. А. Безрезовин рассматривают стиль отношений (типичное для данного учителя внутреннее эмоциональное отображение детского коллектива) и стиль руководства

(доминантные способы воздействия на коллектив). При этом стиль отношений ориентирован, преимущественно, на внутренний мотивационный аспект взаимодействия с учеником, а стиль руководства характеризует непосредственное общение с детьми.

Исследователи выделяют три основных стиля отношения педагога к детям:

1) устойчивый положительный – характеризуется стабильным эмоционально положительным отношением к детям, помощью при осложнениях, деловой реакцией на недостатки в учебной деятельности и поведении учащихся;

2) пассивно-положительный – характеризуется нечетко выраженной эмоционально положительной установкой в отношении детей, сухостью общения и официальным тоном учителя;

3) неустойчивый – характеризуется ситуативностью отношений при общей эмоционально-позитивной обстановке, зависимостью действий учителя от его настроения [1, 4].

В. А. Кан-Калик в основу типологии стилей коммуникативного взаимодействия положил индивидуально-типологические особенности личности учителя в коммуникативной сфере профессиональной деятельности. При этом под стилем коммуникативного взаимодействия исследователь понимает «индивидуально-типологические особенности социально-психологического взаимодействия педагога и учащихся». Учёный выделяет следующие стили коммуникативного взаимодействия в педагогическом дискурсе:

1) на основе заинтересованности совместной творческой деятельностью;

2) на основе дружеского расположения;

3) взаимодействие-дистанция;

4) взаимодействие-запугивание;

5) взаимодействие-заигрывание [3].

Любое коммуникативное взаимодействие между индивидами начинается с распределения функций – без этого невозможно существование коллектива как единого целого, как системы. Функции взаимодействия определяются тем, что по отдельности достичь общей цели невозможно. Они основываются на взаимном учете возможностей, которые способствуют взаимодействию и взаимному согласию, договоренности в отношении руководства взаимодействием [5, с. 134].

На основе анализа структуры и функционального содержания системы «учитель – ученик» в педагогическом дискурсе мы выделяем три основные функции коммуникативного взаимодействия:

1) конструктивная – активное воздействие на ученика в совместной деятельности;

2) вспомогательная – создание конкретных условий для осуществления воздействия;

3) собственно коммуникативная – передача определенной информации.

По мнению В. С. Грехнёва, коммуникативное взаимодействие в педагогическом дискурсе разворачивается в многоуровневом пространстве таких координат коммуникации:

1) направленность взаимодействия (социально-личностная);

2) выбор коммуникативной дистанции (степень психологической близости);

3) модальность коммуникации (показатель способности сторон к ситуационной перестройке) [2, с. 89].

Личностно ориентированные технологии обучения предусматривают существование индивидуально-равноправных отношений между преподавателем и учеником, а также адекватное привлечение к этому процессу личностного опыта (чувств, переживаний, эмоций, соответствующих им действий и поступков) субъектов коммуникации и опираются на применение системы сотрудничества. При

этом должно соблюдаться определенное условие партнерского взаимодействия: от максимальной помощи педагога учащимся в процессе решения учебных задач к постепенному росту собственной активности учащихся.

Педагогические технологии, используемые в контексте личностно-ориентированной парадигмы образования, предусматривают коренное изменение формы коммуникации в педагогическом дискурсе – с преподавательского монолога (односторонняя коммуникация) до многопозиционного обучения в форме полилога, который характеризуется отсутствием строгой полярности и концентрации на точке зрения преподавателя, позволяет строить систему взаимоотношений, в которой все элементы процесса взаимодействия более мобильны, открыты и активны (многосторонняя коммуникация).

Таким образом, коммуникативное взаимодействие в педагогическом дискурсе – это взаимосогласованные и взаимообусловленные речевые действия с целью обмена информацией и создания благоприятных условий для осуществления успешного и эффективного процесса обучения. Под содержанием коммуникативного взаимодействия в системе «учитель – ученик» понимаем внутренний контакт между учителем и воспитанником, своеобразный подтекст их отношений, характер личных связей, в основе которых лежит понимание учеником мотивов, поступков и требований учителя. Анализ дискурсивных особенностей учебно-педагогической коммуникации – это не только теоретическая, но и практическая проблема, поскольку эффективность коммуникативного взаимодействия в рамках общественных институтов (в том числе и в образовательном процессе любого уровня) во многом зависит от такого важного компонента, как коммуникативная компетентность участников взаимодействия, которая предполагает умение создавать адекватные социально-общественным (профессиональным) ситуациям дискурсивные модели, выстраивать стратегии общения, прогнозировать последствия речевого взаимодействия и предусматривать возможность коммуникативной неудачи. Эффективность процесса коммуникативного взаимодействия будет зависеть от выполнения определенных условий:

- 1) восприятие собеседника как индивидуальности со своими потребностями и интересами;
- 2) выявление заинтересованности в партнере, сопереживание (эмпатия) его успехам или неудачам;
- 3) признание права партнера на несогласие, на собственное мнение, на право выбора поведения и на ответственность за свой выбор.

Список литературы

1. Березовин Н. А., Цирельчук Н. А. Психология педагогического общения : учеб.-метод. пособие для студентов пед. специальностей и педагогов. Минск : МГВРК, 2008. 464 с.
2. Грехнёв В. С. Культура педагогического общения. М. : Просвещение, 1990. 143 с.
3. Кан-Калик В. А. Учителю о педагогическом общении. М. : Просвещение, 1987. 191 с.
4. Коломинский Я. Л. Психология общения. М. : Знание, 1974. 96 с.
5. Обозов Н. Н. Психология малых групп и коллективов // Социальная психология / под ред. Е. С. Кузьмина, В. С. Семенова. Л. : ЛГУ, 1979. С. 120–138.

Информация об авторе: *Зайцева Анна Владимировна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск).

КЫРГЫЗ АДАБИЯТЫН ЭТНОПЕДАГОГИКАЛЫКА НЕГИЗДЕ ОРТО МЕКТЕПТЕ ОКУТУУНУН ЭГЕМЕНДҮҮЛҮКТӨН КИЙИНКИ АБАЛЫ ЖАНА ПРОБЛЕМАЛАРЫ

К. Д. Кенжешев

г. Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Макалада орто мектептерде кыргыз адабиятын этнопедагогикалык негизде окутуунун эгемендүүлүктөн кийинки абалы каралат. Анда өлкөнүн эгемендүүлүгүнөн кийинки проблемалары этнопедагогика улуттук жалпы билим жана тарбия берүүнүн негизин түзө турганы анын өлкөдө жаш муундарды тарбиялоо милдеттерине байланыштырылып чечмеленет. Көркөм чыгармалардын идеялык мазмунунда терең орун алып, баланын өсүп жетилүү үчүн кандай таасир берүүчү этнопедагогиканын мүмкүнчүлүгү соңку билим берүүдө орун алган маселелер менен байланыштуу экени мисалдар аркылуу түшүндүрүлөт.

Түйүндүү сөздөр: адабият сабагы, элдик педагогика, этнопедагогикалык билим берүү, этномаданий түшүнүктөр, жогорку класстын маданий компетенциялары, социалдык-инсандык компетенциялары, мамлекеттик стандарт, предметтик стандарт, окуу планы, ж. б.

Для цитирования: Кенжешев К. Д. Кыргыз адабиятын этнопедагогикалык негизде орто мектепте окутуунун эгемендүүлүктөн ийинки абалы жана проблемалары // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 184–190.

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ КЫРГЫЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ НА ОСНОВЕ ЭТНОПЕДАГОГИКИ В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ

К. Д. Кенжешев

г. Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Исследуется состояние преподавания кыргызской литературы в средней школе на основе этнопедагогики в период независимости. Анализируются проблемы этнопедагогики, её место в образовании и в кыргызской литературе. Определяются этнопедагогические направления кыргызских художественных произведений и возможность использования в обучении и воспитании детей в школах.

Ключевые слова: литература, народная педагогика, этнопедагогическое образование, этнокультурные понятия, культурные компетенции, социально-личностные компетенции, государственный стандарт, предметный стандарт, учебный план

Кыргызстан эгемендүүлүк алып, Ала-Тоого кыргыздар эңсеген эркиндиктин келиши, биринчи кезекте эл-журтыйык туткан идеялар – Ата Мекендин эркиндигин сактоо, баатырдык салттарды улантуу, улуттук дөөлөттөргө ыйык мамиле кылуу, эл-жер үчүн күрөшүү, улууларды сыйлоо, кичүүлөргө урмат көрсөтүү, элдик наасаттар жан дүйнөдө сактап, зарыл шартта жайылтуу, түрдүү ишенимге бир ыңгайдан кароо, диний ишенимге чектөө койбоо, көз караштын көп жактуу болушун колдоо, балага кысым көрсөтпөй билим жана тарбия берүү максатында бир катар талаптарды койсо, ал этнопедагогикага жүктөлдү. Бул айтканга оңой болгону менен маселени чечүүгө келгенде катуу тоскоолдуктарга учурады. Алардын биринчиси мурда калыптанган билим берүү системасын жаңы багытка

буруу оңойго турган жок, ал тургай андан бери өткөн чейрек кылымдан ашкан убакыт ага аздык кылып жатат. Меселени жаңы коомдук түзүлүшкө карап чечүү бардык тармакка тиешелүү болсо да, улуттук идея-дөөлөттөрдү реалдуу турмушка аралаштыруу милдети бир гана кыргыз тили менен кыргыз адабиятында турат. Анткени экинчи бир маселе, өнүккөн өлкөлөрдүн билим берүүсүн үйрөнүүгө багыт алуу – социалдык чөйрөгө тездик менен аралашкан рыноктук мамилелерге ыңгайлашуу, билим берүүнүн бир багытын ушул жакка буруу, кыргыз жаштарын бакубат жашоого үйрөтүү, азыркы инсанга тиешелүү ыйык дөөлөттөрдүн ээси болууга үндөө, жеке кызыкчылыктарын коргой алууга көндүрүү, өзү үчүн кызмат кылууга көндүмдөрдү калыптандыруу, ж. б. татаал маселелерди Кыргызстандын билим берүү тармактарына алып келди. Алар кыргыздын коллективизмге негизделген улуттун билим берүү идеяларына кээ кырдаалдарда туура келсе, айрым багыттар боюнча карма-каршылыкты түзүп, этнопедагогикалык негизде билим берүү саясатына бир катар кыйынчылыктар түзгөнүн белгилей кетишибиз керек. Мындай шартта өлкөдөгү коомдук илимдер, ага таянган социалдык чөйрө толугу менен өнүккөн өлкөлөрдө калыптанган билим берүү багытын колдогондуктан, орто жана жогорку билим берүү мекемелеринде этнопедагогикалык негизде окутуу проблемасы бир гана кыргыз тили менен адабиятынын «объектиси» болуп, элдин көпчүлүгү балдарын четтен окутууга аракет кылып жатканы байкалат. Дор алмашкандан тартып мындай иштер Кыргызстандын булуң-бурчундагы билим берүү мекемелерине бардык жагынан аралашып, педагогикалык жамааттын көпчүлүгү сырттан келген түрдүү долбоорлорго катышып, окуу системасын бардык жагынан инновациялоо аракетин көрө баштаган маалда кыргыз улутун сактоо милдети кыргыз тили менен кыргыз адабиятына жүктөлсө, аны бир гана этнопедагогикалык негизде окутуу аркылуу чечсе боло тургандыгы аныкталып отурат. Ырас, муну кайра артка кетүү катары кабылдаган окумуштуулар болушу мүмкүн, бирок кыргыз калкы ушундай билим жана тарбия берүү ык-усулдары менен канчалаган кылым өзүнүн уул-кыздарына билим жана тарбия берген болсо, ал коомго канчалык деңгээлде пайдасы бар экенин далилдеп, кандай учур болбосун маанисин жоготпой турганын буга чейин эле көрсөтүп таштаган. Анын өрнөгүн, мекенге берилген каармандыкты канына сиңирип, «азаматка алтымыш өнөр аздык кылат» деп, «устаранын мизинде оодарылган замандагы» (Арстанбек) түрдүү кубулуштарга даяр инсандык сапаттарды калыптандыруу, жашоого керек билимди ээрчитип жүрүп үйрөткөн бабалардын билим берүү салтын кайрадан жандандыруу керек болууда.

Этнопедагогика десе эле өткөн кылымдардагы билим берүүнү эңсеп, ошого кайрылууну сунуш кылып жаткандай кабыл алуусу мүмкүн. Эгер андай ой болсо, андан анын өзү таптакыр туура эмес, себеби жаңы замандын кызыкчылыгын окутуунун эски жолдору менен ишке ашырууну эңсөө акылга сыйбаган көрүнүш болот. Бирок ар бир журттун эл катары калыптануусуна маанилүү кызмат кылган билим берүү системасы боло турганын, анын үлгү болчу жактарын пайдаланмайын ал эл өсүп-өнүкпөстүгүн далай калктын «баскан жолу» далилдеп берүүдө. Дүйнөлүк салты бар андай элдерге кытай, япон, корей, араб, индус, фарсы, грек, испан, герман, роман, ж. б. мисал катары келтирүүгө болот. Ал элдер деле коомдун өзгөрүүсүнө карата «инновациялык кубулуштарды» кубулуштарды кабыл алып жатканы менен өздөрүнүн байыртан келаткан салттарын туруктуу сактап, жаңыны кабыл алса, ошол улутту тарбиялоо идеясына канчалык туура келээрин тактап, каршы келбестигине так жооп алганда гана баланын турмушуна керек деп эсептеп, анан жалпыга жайылтканы азыр баарыбызга белгилүү болду го. Алдыга карай жылуу үчүн ата-баба калтыргандын болгон-бүткөнүн тануу акылга сыйбастыгын, тескерисинче, социалдык-маданий генетикага туура келчү

жагын карап, элдин менталитетине доо келтирбей турган жагына басым жасап, балдардын эртеңкиси үчүн терең ойлонуп, журттун кызыкчылыгына байланган элдин билим берүү принциптерин сактап, өлкөбүздү өнүктүрүү үчүн тикесинен тик туруп күрөшүү идеясын улантуу зарылдыгын даана сезе баштадык. Албетте, эгемендүүлүктүн алгачкы жылдары көз карандысыз болгонубузга «жүрөгүбүз элжиреп», кол созсок эле өнүккөн өлкөлөр ыйык санаган билим жана таалим-тарбия берүүнүн пайдубалын Кыргызстанга «ташып келе калчудай» карадык. Бүгүнкү абал биз андан эмне утушка ээ болуп, кандай жоготууларга учураганыбызды толук ачып берди, б. а. алган билим Ата Журттун алдында жоопкерчиликти сезүү – калайык журттун боштондугун көздүн карегиндей сактоо, улуттун эртеңки тагдырына милдеттүү мекенчил болуу, улуттук дөөлөттөргө урмат көрсөткөн улан-кызды тарбиялоо Кыргызстанга аба менен суудай керек болуп турат. Андай идеяны сырттан ташып келүү мүмкүн эместигин бүгүнкү күндө даана сезсек, ал бир эле кыргыз тили менен кыргыз адабиятын этнопедагогикалык негизде окутуу керектигин актуалдуу маселе катары эл алдына көтөрүп тим болбостон, улуттук менталитетти сактоо үчүн өлкөдөгү билим берүү системасын ушул багытка өткөрүү жагын да козгойт. Экинчиден, кыргыз жашоосуна терең аралашкан рыноктук мамилелер адамга билим патриоттук идеяларды чакырык катары сунуш кылган таалим-түшүнүктөрдү жаттап билүү үчүн эмес, күнүмдүк жашоо-тиричиликте кор болбой жашап кетүү философиясын калыптандыруу экенин көзгө сайып даана көргөздү. Өзүнүн тарыхый баскан жолунан алсак кыргыздын этнопедагогикасынын алдына койгон миссиясы ушул болчу.

Айтканда одоно, укканга ыңгайсыз болгону менен аны кыргыз эли «заманың бөрү болсо, бөрү бол, түлкү болсо, түлкү» деген сыяктуу макалдар менен билдирип турган. Муну дагы тереңдетип, кыргыз эли бир макал менен берген идеяны азыркы абалга таянып түшүндүрсөк, калкыбыздын бүгүн азап чеккен жашоосунун маңызы, Мекенин таштап башка жерлерге барып иштеп акча табууга кызыкдар жаштардын күч алышы, элдин ынтымагын, улут биримдигин, кыргыздын даанышмандык көрөңгөсүн танып, кыйын-кезең кырдаалда ата-энесин таштап, жеке тагдырына «кам көрүп», бөлөк элге кетиши кимди болбосун ойго салбай койбойт. Мындай жашоо философиясы кайдан, кантип келгенине баам салсак, андай көз караштын кыргыз турмушуна тездик менен аралашуусуна себеп көп болсо да, алардын бир катары Кыргызстандын билим берүү системасын улуттук кызыкчылыктан ажыратуу, б. а. тыштан келген билим берүүнүн ык-усулдарына таасирленип, аларды жаңычыл форма катары жайылтуу аракетин көрүп, кыргызды кылымдар бою сактап келген элдик педагогиканы «эскирген» деп, бөлүп окуу процессинен четтетип койгондо турат. Чынында этнопедагогикада үлгү болчу сабактар өтө эле көп, аларды балдардын турмушуна аралаштырмайын кыргыз баласы чабал, жеке кызыкчылыгынан башканы ойлобогон, эл-журт, эне-атанын алдындагы жоопкерчилигин сезбеген, кайда барса күнүмдүк турмушу жеңил болушун гана ойлогон, патриоттук сезим болбогон, айылда тиричилик кылганга караганда бөлөк жерде көчө шыпырганды көздөгөн (эмгек акысына карап), акчадан бөлөктү эңсебеген өзүмчүл болоорун турмуш чындыгы ырастады. Мындай көрүнүштөр калайык-калктын улам күчөп баратышы азыр окуу процессин кыймылдатып жаткан билим жана тарбия берүүнүн кем-карчын «бетке чаап» көрсөтүп, кийинки муундун ойлоого аргасыздык түзүп, бүгүн жабыр тарткан ата-эненин алдында жооп берүү керектигин окумуштуулардын алдына маселени ачык эле көтөрүп жатпайбы. Бирок коомдо кетип жаткан андай мүчүлүштөр анын кайдан келип чыкканын ар тараптуу таразалоо, объективдүү жана субъективдүү жактарына реалдуу баа берүү менен маселенин ички өзөгүн таап [1, 43-б], эгер бөлөк

себептери болсо, ага үнүлө карап, башка элден «көчүрүп келген» билим берүү концепциясы менен парадигмалары кыргыз баласына канчалык сапаттуу билим тартуулаганын факты-мисалдар менен далилдеп берүү маселеси да көңүл чордонунда турат.

Кыргызстандагы азыркы абалга реалдуу караганда кыргыз баласына учурдагы жашоо-турмушка керек билим берген өзөктүү парадигма табыла элек. Ырас, бул дегендин баарын кыргыз жергесине практикалап көрдүк, бирок бири дагы өлкөдөгү бардык социумдун кызыкчылыктарын канааттандырып, рыноктук мамилелерде өнүккөн өлкөлөр менен теңтайлаша турган билимди бере алган жок. Бирок чейрек кылымдын ичинде бир нерсени түшүндүк окшойт, ал кийинки урпактарга берилчү билим кабыл ала койчу «маанилүү компания» эмес тура. Ал өлкөнүн түбөлүк жашоосу үчүн кам көргөн, андан бир өзүнө керектүү идеясын алып, социалдык чөйрөдө идеяны колдонуу менен балдарынын аң-сезимин тарбиялоого – улуттук туунун алдында биригип, бир тарыхтан чыкканын түшүнүп, биримдик идеясын туу тутуп, калкынын ийгилигине кубанып, акылман сөздүн таасиринде жашап, кысталыш болсо улут негиздеген накыл сөз менен насаатка токтолуп [2, 78-б], дилиндеги кыйынчылыкка байыркы акыл-эстен жооп таап, жан дүйнөдөгү психологиялык «бороон-чапкындарды» биргелешип чечкен ык-усулдардын керектигин ачыктады. Анткени азыр ар бир баланы инсан катары таануу, анын субъективдүү көз карашын эске алуу менен билим жана тарбия берүүгө аракет кылган окуу процесси адамды коомчулуктан бөлүп, башта бир бөлмөдө (боз үйдө) бирге чоңойгон кыргыздын уул-кыздарынын ортосуна чек коюп (ар бирин өзүнчө субъекти), айтчу пикирин билдиргенде (башкаларды түшүнүүгө эмес) оюн таңуулаганга үйрөтүп, жеке чыгарган көз карашын туура дегидей инсанга багыттап окутуу концепциясы бардык окуу жайларда окутуунун негизги ык-формасы катары орун алды. Дал ушундай кырдаал кыргыз улуттук билим берүү системасында болуп, бири-бири менен чырмалышкан дүйнөлүк алака-катыш күчүнө кирген маалда биздин балдар окуусун улантканы чыкканда өзү өсүп-өнгөн жерине кайра келем деп кырдаалды андаштырбастан, андан ары келбес жагын көздөп, Америка, Европа болбой калды дегенде, Кытай, Түркияны эңсеп, «айылдан алган сапар кайда кеткени билинбей» белгисиз бир жолго багытталган отуз жылдык жашоо кыргыз элин дагы далай жолу акыл калчап, көйгөйдү түз карап, «ийри отуруп» маселени чечүү зарылдыгын күн тартибине коюуда. Алдыда турган мындай проблеманы туура чыйырга салуу аракети кыргызды далай алааматтан аман-эсен сактап келген этнопедагогиканы андаштырып, азыркы кырдаалга карата окутуу принциптерин, ык-жолдорун иштеп чыгып, калкка кайрадан берүү учур талабына туура келет.

XXI кылымда көп элдер жок болуу коркунучунда турат, мындай «имиш-имиштердин» арасында кыргыздар да бар. Бул кеп жөн айтылбаса керек, анын артында далай күүгүм ойлор турса, баары бир булакка келип такалат, б. а. кыргыз баласы жыл өткөн сайын төл сөздөрүнө түшүнбөй, айылдан узаары менен орус тилине муктаждыгы жогорулап, адабий китептер мындай турсун окуу китебиндеги тексттерди түшүнө албай, турмуш чындыгы менен билим-тарбия бирикпей, инсанга багытталган окутуу парадигмасы Батыштын фонунда калып, тил менен адабияттан башка турмушка керек билимдин баары нукура эне тилинде болбой (которулуп) жарандын андан аркы келечеги бүдөмүк боюнча калышы окуу системасына элдик (этно) педагогиканы кайтарып келүү зарыл экенин ачыктап отурат. Маселен, эгемендүүлүктүн алгачкы жылдарында И.Бекбоев элдик педагогикага түшүндүрмө берип келип: «Ал эми элдик педагогиканын жоболору болсо көбүнчө конкреттүү бир элде, конкреттүү аймакта, конкреттүү улутта гана өз жемишин жакшы бере алат» [3, 65-б] дегени бар, бул туура, өнүккөн өлкөлөрдүн бири дагы

билимди этнопедагогикалык негизде берүүгө муктаж эмес. Анткени алардын шартында мындай көйгөй жок болгондуктан, алардын салты, тили, маданияты жана экономикасы өзүнөн-өзү алга жылып баратса, алар эне тилинде окутуу жумштарын мындан бир нече кылым мурда жолго коюп алган болсо, улут катары жок болуп кетүү коркунучу турбаса, анан өткөн ишке көңүл буруп, убакыт кетирбей алга жылуу акыл-эстин иши эмеспи.

Билим берүүдө этнопедагогикага басым жасагандардын баары эртең жок болуп кетүү коркунучун сезген элдерде экени байкалат. Ошондуктан буга биринчилерден болуп киришкен Г.И.Волков аны улуттун сакталышына кам көргөн билим берүү системасы экенин бардык жагынан далилдеп, салттуу педагогикага жакындыгы менен айырмачылыгын түрдүү шарттар менен көрсөтүүгө жетишсе [4, 60-6], калк арасында катылып жаткан нарк-дөөлөтүн кайрадан окуу системасына кечиктирбей кайтарып келүү кыргыз окумуштууларынын милдетине кирет. Этнопедагогикалык негизде тарбия берүү кандай болоорун кыргыз педагогдору ХХ кылымдын 20-жылдарынан тарта түшүнүп, 60-жылдарынан бери карай изилдеп, түрдүү объектиге таянуу аркылуу илимий-теориялык баасын берген окумуштуулар – А. Э. Измайлов, И. Б. Бекбоев, М. Р. Рахимова, Т. В. Панкова, А. Т. Калдыбаева, А. А. Алимбеков, С. К. Рысбаев, А. Ж. Муратов, ж. б. өз эмгектеринде системасын түзгөн болсо, анын негизинде окутуу маселелери эми-эми колго алына баштады десек болот. Улуттук педагогика илими «каркасын» түзүп койду дегенибиз менен аны эл турмушуна аралаштыруу – этнопедагогиканын башталгыч класстардан тартып, жогорку билимге ээ болгонго чейин кайсы дисциплина экендигин үйрөтө турганын тактоо жана баланын жаш курагына жараша предметке жайгаштыруу (1); ар бир сабактан кийин кыргыз жараны кандай көндүмгө ээ болушун аныктоо (2); балага кыргыз кантип билим бергенин билип, алардын кайсы ык-усулдары бүгүнкү күнгө туура келээрин практикалык тажрыйба аркылуу бөлүп көрсөтүү (3); окутуу формасынын кайсыл түрү бардык сабактарга жарап, окуучунун турмушуна кандай жардам көрсөтүүгө карата мүмкүндүгүн тастыктоо (4); ал эми кайсы ык-усул бир гана сабактын чегинде билим жана тарбия берүүсүнө да реалдуу турмуштук чен-өлчөмдөн карап, маанисин аңдаштыруу (5); баланы изилдөөнүн объектиси катары алганда анын инсандык социалдашуусуна кылган кызматын практикада тыкыр текшерүү (6); ж. б. проблемаларды конкреттүү сабактын «казанында кайнап» ачуу – кыргыз адабиятын этнопедагогикалык негизде окутуу ыңгайын башкы планга көтөрөт. Ырас, маселе жеңил эмес, алды менен аткарылчу жумуштун өзүнө токтолсок, жасалчу иш чаралар белгилүү өлчөмдө такталып, максатты кандай койсо натыйжалуу болоору көп элдерде, анын ичинде Кыргызстанда да окумуштуулар тарабынан теориялык мазмунда аныкталып, ал тургай ык-усулдарына чейин системалаштырылып, теориялык мазмунда тигил же бул багыттар боюнча аңдаштырылып, жалпы маселелери жолго коюлуп калганы менен алардын баары практикада өз баасын ала элек. Маселе толук колго алына элек болгону менен окумуштуулар арасында анын актуалдуулугун туура түшүнүп, аяр мамиле кылуу менен практикада колдонуу аракетин көргөн методист-окумуштуу – С. К. Рысбаев, ал эми практик мугалимдер – Б. Батыркулов, А. Сманбаев, Б. Исаковдор болуп эсептелет. Булардын ичинен Б. Исаков өз сабактарын толук бойдон кыргыздын этнопедагогикасына негиздегени менен айырмаланат. Эгер кыргыз балдарынын өз улутуна кызмат кылуусу керектүү маселе болсо, анда Б. Исаковдун сабактарын колдонуу иштерин жүргүзүп, кайсы ык-усулдары азыркы билим берүүнүн талаптарына жооп берет, ал эми кайсылары колдонууга жараксыз экенин тактап чыгуу да зарыл маселелердин бири болууда. Булардан тышкары этнопедагогикалык кыргыз адабиятын окуткандар кездешет, бирок алар педагогикалык коомчулук тарабынан колдоо

таппагандан кийин андан-ары бул жумуштарын улантканы байкалбайт. Өз элинин келечегине кайдыгер карабаган адамдар проблеманы тереңден карап, бардык класстар боюнча бирдиктүү системасын, ал тургай башка предметтерди ушул негизде окутууга жол салып берсе гана калк арасында унутулуп бараткан «турмушка даярдоо мектеби» калк жашоосуна кайрадан кайтып келээри бышык. Биз үчүн улут тагдыры маанилүү, анын эртеңкисин ойлогондо республиканын бүгүнкү билим берүү идеясы этнопедагогикалык негизде окутууга маани берип, аны предметтер ортосундагы ички монолиттүүлүгүн чыңдоонун фактору катары кабыл алганда гана кыргыздын тарбиялоо ишмердиги идеологиялык жактан фундаменталдуу келип, элдин келечегин терең туюнган урпактарды тарбиялай алмакпыс.

Предметтин философиясынын туура коюлушубаланын турмушка керек билимге ээ болушу менен өлчөнө турганын элдин турмуш-тиричилигине толук аралашкан рыноктук мамилелер аныктады. Ал билимдин канчалык сапаттуу экендигин сабактын мазмунуна, предметтин түзүлүшүнө, кандай идеяларды камтыганына карата аныктабастан, андан алган билим баланын жашоосуна канчалык кызмат кылып жатканына ориентир жасап, анын мазмуну канчалык баалуу экенин да социалдык кызыкчылыктарга калтырып, андан чыккан натыйжаны ишбилги (компетенция) аркылуу өлчөп, таалим-тарбиялык касиетин башка жарандарга жасаган активдүү жашоо аракетинен кабылдап, ал эми анын наркын социалдык атаандашуу чече турганын бизге мамилелердин зарылдыгында көрсөттү. Билимдин мазмунуна ушул өңүттөн карасак, бир мезгилде сылык, ийкемдүү, ар бири өз ордун билген, элине күйүмдүү, ишке баш-оту менен берилген, эмне жасаса «майын чыгара» аткарган, айтылчу ойду жарым сүйлөмдөн түшүнгөн, кептин «кусуру урат» деп, «сөзгө сараң, ойго терең» болууга дайыма аракеттенген билимди кыргыз педагогикасына негизги концепция катары алып келүү керек. Бул ойдун учугун чубаган адис өзү эле түшүнүп турат, жогорку класстын окуучулары мектепти аяктагандан кийин турмушка даяр болуш үчүн кыргыз адабияты сабагынан алган билим социалдык керектөөсүн канааттандыруусу зарыл. Эгер проблеманы билим берүүнүн мамлекеттик стандарты менен байланыштырсак, кыргыз адабияты жаштарга жашоо-тиричиликке керек көптөгөн ишбилги (компетенция) калыптандырууга милдеттүү экени байкалат. Анткени кыргыз адабиятын этнопедагогикага негиздеп окутуу менен азыр коомчулукта пайда болгон бир катар проблемаларды чечүүгө болот, б. а. адам баласы үчүн эң керек маселе жарандардын өз пикир алышуусунда бири-бирин «жарым сөздөн түшүнгөн» байыртан келе жаткан кыргыздын кеп түшүнүү маданиятын калыбына келтирүү зарылдыгы турат. Муну кыргыз адабиятын орто мектепте окутуу аркылуу турмушка ашырса боло турганын баарыбыз билебиз, бирок ал жумуштарды кандай аткаруу сапаттуу натыйжа берүүсү мүмкүн экендигине келгенде бир катар талаш ойлор пайда болоору белгилүү. Ошондуктан биз бул боюнча этнопедагогикалык негизде окутуу көйгөйдү туура жолго коюуга жардам берет деген көз карашты жетекчиликке алып, анын айланасында маанилүү иш чараларды түзүү керектигине басым жасасак, алды менен ага байланыштуу кандай иштер болгонуна токтолуу маселеси көтөрүлөт. Албетте, бул иш биз тарабынан биринчи жолу колго алынып жатпагандан кийин буга чейин аны кандай жолдор менен жүзөгө ашырса натыйжалуу болушу мүмкүн экендигине карай бир катар концептуалдуу иштер аткарылганын жогоруда белгилеп кеттик. Ага байкоо салгандар өздөрү эле сезип турса керек, буга чейин этнопедагогикага кайрылгандар окутуу маселесине эмес, тарбиялоо маселесине басым жасашып, кандай кылса кыргыздын жаштары өз улутуна таандык адамдык сапаттарга ээ болушу мүмкүн экендигин тигил же бул проблемага байланыштырып караганын көрөбүз. Бирок көбүнчө тарбиялык иштерге басым жасап, кайсы чыгармалардан эмне тарбия алышы мүмкүндүгүн

далилдөө максатында аткарылган иштер окуучунун турмушуна керек билимдин ордун түзүп берүүгө салым кошконун белгилей кетели. Алар кыргыз адабиятын каражат катары алып, анан андан тарбия берүүнүн куралдарын таап, керек болгон жерде бөлүп көрсөтүп, кандай максатта колдонуу маанилүү болоорун белгилеп, тарыхый маанисин изилдөөлөрүндө көрсөтүшкөнү менен кыргыз адабиятына тиешелүү ошол факты-материалдарды кантип окутса, кандай натыйжа берээрин так көрсөтүп, баланын жаш өзгөчөлүгүнө жараша үйрөтүү жолдорун далилдеп бербегени проблеманын толук иштеле электигин туюндурат. Алардын көбү элдик педагогикага жана фольклорго басым жасап, гуманитардык билимдерде этнопедагогиканын ролун аныктоого кызыгышканы менен анын негизинде окутуу жолдору кандай болушу керектигин ачык көрсөтө алышпаганы, алса да деңгээлинин төмөндүгү маселенин ичине терең сүңгүп кирбегенинен кабар берет. Этнопедагогикалык негизде окутуунун атайын багыттары иштелип чыкпагандыктан, көркөм адабият менен башка дисциплиналар кайсы маселеде байланышып, алардын инсанды калыптандыруу концепциясына элдик адабий мурастар кандай кызмат кылышы мүмкүн экендиги толук такталбай, жаранга жашоосуна керек иш-билгини (компетенцияны) кандай жолдор аркылуу жүзөгө ашыруусу мүмкүн ушул мезгилге чейин аныкталган эмес. Ошондуктан кыргыз адабияты азыркы жаран үчүн кайсы жагынан турмушка «керектигине» өзү да так жооп бере албайт, бирок ага кайрылгандын баары ички туюму боюнча аны окутуу зарыл экенин билет.

Пайдаланылган адабияттар

1. Муратов А. Кыргыз эл педагогикасы: табияты, таралышы жана тарыхы. 1-китеп. Б., 2011. 8-54-беттер.
2. Алимбеков А. Кыргыз этнопедагогикасы. Б., 1997. Кыргыз элинин билим берүү салттары. Б., 2001. 16–34-беттер.
3. Бекбоев И. Элдик педагогика деген эмне // Эне тил. 1992.14-апрель.
4. Волков Г. Н. Этнопедагогика : учеб. для студентов средних и высших педагогических заведений. М. : АСАДЕМА, 2000. 3–12-беттер.

Информация об авторе: *Кенжешев Каныбек Дуйшоналиевич*, кандидат педагогических наук, доцент Бишкекского государственного университета имени К. Карасаева (факультет кыргызской филологии) (г. Бишкек, Кыргызстан).

ВОЗМОЖНОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ РЕЧЕВОМУ ЭТИКЕТУ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ВО ВРЕМЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Т. М. Керестеши

г. Луганск

Аннотация. Исследована роль электронных образовательных технологий при обучении речевому этикету на уроках русского языка. Установлено, что во время дистанционного обучения учителю русского языка важно обращать внимание на общение учащихся в социальных сетях, онлайн-платформах и корректировать его согласно нормам культуры речи и этикетных правил, а также давать задания, способствующие формированию этикетной культуры учеников.

Ключевые слова: речевой этикет, дистанционное обучение, электронные образовательные технологии, онлайн-платформы

Для цитирования: Керестеши Т. М. Возможности электронных образовательных технологий в обучении речевому этикету на уроках русского языка во время дистанционного обучения // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 191–195.

Язык является средством сохранения, выражения и формирования культуры человека, а также её неотъемлемой частью. Важный элемент национальной культуры – это культура общения, которая базируется на нормах речевого этикета: приветливости, вежливости, тактичности, гостеприимства, дружелюбия. Без них культура не может функционировать благоприятно для человека.

Речевой этикет – это принятые в конкретной социальной среде формулы, обеспечивающие включение в речевой контакт и поддержание общения [1, с. 187]. Помимо этого он включает правила речевого поведения (состоящие из речевых запретов и разрешений), а также стилистические ресурсы языка. Основы речевого этикета закладываются в сознании человека ещё в детстве, когда он наблюдает за поведением родителей, но чтобы полностью овладеть всеми его нормами, необходимо настойчивое внедрение в процесс школьного образования, особенно – на уроках русского языка, что свидетельствует об актуальности работы.

Цель статьи – исследовать возможности электронных образовательных технологий в обучении речевому этикету на уроках русского языка во время дистанционного обучения.

Необходимость развития речевого этикета, например, в социальных сетях, которые сейчас так популярны, совершенно очевидна. Огромную часть времени учащиеся и учителя посвящают социальным сетям. Однако находясь в пространстве социальной сети, учащиеся (а в дальнейшем – взрослые пользователи) поддерживают крайне низкий уровень владения языком и речевой культуры. Количество ошибок (орфографических, пунктуационных, грамматических, речевых и т.д.) превышает всякую норму, так как Интернет принято считать средой, где можно избегать соблюдения правил русского языка. Обоснование простое: цель коммуникации – понимание – достигнуто, поэтому норм культуры речи русского языка можно не придерживаться. Во время очного обучения учитель не может контролировать процесс деградации речевой культуры учащихся в социальных

сетях. Вместе с тем, падение грамотности в Интернете – не самая большая проблема, так как исчезают и этикетные нормы при общении.

Однако во время ДО социальные сети могут стать площадкой для общения, которое учитель может помочь сделать грамотным, вежливым, соответствующим всем нормам как речевой, так и общей культуры. Сейчас наблюдается такая тенденция: учителям рекомендуют создавать свои группы в социальных сетях, «беседы», в которых можно распространять различные материалы по теме урока, общаться с родителями, передавать информацию, сообщать оценки, а в переписке с учениками – корректировать их высказывания. В этом смысле прямой диалог (шире – полилог) учителя русского языка с учащимися в социальных сетях эффективен, так как позволяет:

1) *исправлять ошибки и речевые недочёты или указывать на них, причём объяснение учителя сохранится для всех участников беседы;*

2) *объяснять правила и нормы речевого этикета;*

3) *контролировать ход дискуссии, посвящённой теме урока.*

Второй пункт требует пояснения. Существуют негласные правила речевого этикета в социальных сетях. Как учащимся, так и учителям русского языка (речевым эталонам поведения) необходимо знать эти правила. В общих чертах речевой этикет в социальных сетях можно охарактеризовать следующим образом:

1) *Необходимость приветствия.* Вне зависимости от способа коммуникации (в онлайн-конференции, при аудиозвонке, через отpravку сообщения) следует начинать разговор с приветствия.

2) *Важность обращения по имени* – это подчёркивает индивидуальный подход к каждому учащемуся. Стоит также напомнить учащимся, что при обращении к учителю (или к незнакомому / малознакомому человеку в социальной сети) следует писать местоимение «Вы» с прописной буквы. Это задаёт уважительный тон беседе.

3) *Обязательность грамотной речи.* Принято считать, что нас оценивают по внешнему виду, однако в виртуальном общении человек – это то, что он пишет. Поэтому нужно акцентировать внимание учащихся на необходимость изложения мыслей кратко и недвусмысленно.

4) *Отсутствие обценной лексики, жаргонизмов, сленга, предикативного виртуального общения, непонятых сокращений.* Такая лексика, возможно, уместна в общении с друзьями и сверстниками, но не в переписке с учителем, в дискуссиях в группе, при обсуждении материала, выложенного в социальной сети.

5) *Значимость благодарности за полученную информацию.* Стоит не забывать о таких этикетных словах, как «спасибо», «благодарю» и т.д.

6) В дискуссии, которую контролирует учитель, стоит *критиковать не собеседника, а его аргументы и позицию*, а также обосновывать своё мнение, а не переходить на вульгарный обмен оскорблениями.

В условиях ДО многие уроки проходят онлайн. Наиболее популярными платформами для этого стали программы Zoom и Skype, обеспечивающие широкий функционал пользователям: видеообщение, запись трансляций, общение в чате, возможность учителю контролировать звук и изображение учащихся, демонстрация экрана и т.д. Разумеется, на этих платформах нужно контролировать речевое поведение учащихся, которые позволяют себе под прикрытием фальшивых «никнов» употреблять нецензурную лексику, включать видеоролики и аудиозаписи непозволительного содержания. Очевидно, что это – грубое нарушение речевого этикета со стороны учащихся, которое учителю необходимо строго пресекать. Однако такое пресечение не гарант развития уровня культуры учащихся. В связи с этим встаёт вопрос о риторической подкованности учеников, которая

не позволит неподобающее себя вести во время видеоконференции и обеспечит повышение речевых способностей учащихся – в частности, в создании креативных текстов или материалов.

Поэтому большое внимание должно быть уделено риторическим способностям учащихся, которые будут их демонстрировать их в как Zoom, так и на уроках в школе или в реальной жизни. Реализовать это возможно с помощью записи видеороликов, аудиосообщений, которые тоже будут проходить учительскую проверку. Для старших классов можно предложить записать ролик формата самопрезентации при приёме на работу, которая должна будет соответствовать официальным нормам: деловой вид одежды, официально-деловой стиль речи, нормированное общение с потенциальным работодателем. В качестве иллюстративного материала учащиеся могут подготовить презентацию, отражающую достижения и успехи во время учёбы: награды, грамоты, фото и т.д. Возможно и такое задание во время ДО: описать воображаемый диалог с работодателем во время собеседования. Стоит также предлагать построить различные модели разговора с разными людьми: грубыми соседями, начальниками, учителями, родителями и т.д. Описание разговора должно завершиться вариантами выхода из конфликтной ситуации. Несколько моделей беседы с конфликтными людьми можно продемонстрировать в паре на онлайн-уроке, посвящённом развитию речи (например, на темах «Диалог», «Официально-деловой стиль», «Официально-деловые документы»). Перечисленные формы работы эффективны, поскольку они: 1) направлены на развитие устной и письменной речи (что составляет основную тенденцию в образовательном процессе); 2) активизируют парную и групповую работу; 3) задействуют электронные технологии (запись видеороликов и создание презентаций), что особенно значимо во время ДО. Учителям не так часто удаётся на уроках просмотреть презентации и видеоматериалы, выполненные учащимися в качестве домашних заданий или проектов.

При построении онлайн-уроков на платформах Core, ЯКласс или Skysmart можно использовать задания по речевому этикету (описанные нами в предыдущих параграфах) и видеоролики, что должно стать основой для изучения норм речевого этикета. В качестве тем для вопросов с открытым ответом (т.е. таких заданий, ответы на которые учащийся вписывает самостоятельно) можно давать задания, тематически связанные с этикетом:

- 1) конфликтные ситуации и варианты их решения;
- 2) примеры грубого общения в социальных сетях и предложение их скорректировать;
- 3) скриншоты дискуссий, найденных в пабликах социальных сетей, в которых обсуждаются «острые» вопросы, и просьбу – сгладить конфликт, изменить речь участников дискуссии так, чтобы она соответствовала этикетным нормам;
- 4) видеоролики, демонстрирующие отрицательный пример поведения при общении и т.д.

Заданий может быть множество, их качество и креативность зависят от учителя.

Во время ДО можно развивать межпредметные связи в контексте изучения речевого этикета – например, с историей, географией, мировой художественной культурой, этикой (электив). В интернет-пространстве есть множество материалов для знакомства с этикетом других народов, которыми можно делиться, просить скопировать для задания, написать реферат (индивидуальное задание), выполнить проектную работу, посвящённую этикету определённой страны (в виде презентации, ролика, доклада на онлайн-конференции). Особенности речевого этикета в разных странах могут стать основой для компаративного анализа в заданиях в конструкторах уроков.

Любопытная форма проведения уроков – дебаты и дискуссии, которые могут перейти в онлайн-формат. Проводить такую форму работы на уроках русского языка эффективно как во время изучения тем, связанных с речевым этикетом, так и во время освоения лингвистического материала. Онлайн-дебаты и дискуссии могут быть выстроены по определённым этикетным нормам, соответствующим нормам очных дебатов и дискуссий и проведены в Skype или Zoom. Дебаты – это «чётко структурированный и специально организованный публичный обмен мыслями; прения между двумя сторонами по актуальным темам» [3]. Этот публичный спор направлен не на убеждение двух оппонентов в чьей-либо правоте, а на убеждение слушателей. Все вербальные и невербальные средства, используемые оппонентами, ставят целью сформировать у аудитории определённое мнение по обсуждаемому вопросу или поставленной проблеме. Материал уроков русского языка даёт богатый репертуар тем: «*Причастие: часть речи или форма глагола?*», «*Авторские знаки: обогащение или усложнение текста?*», «*Что мы можем считать словосочетанием?*» и проч. Учащиеся готовят короткие доклады, зачитывают их во время трансляции, обмениваются вопросами, а публика (остальной класс и учитель) голосуют, приняв ту или иную точку зрения. Во время дебатов докладчики должны выглядеть презентабельно и убедительно, говорить грамотно, согласуя свою речь со всеми нормами русского языка (иначе возможно негативное восприятие со стороны слушателей из-за обилия ошибок); сама же речь должна быть риторически выверенной, чтобы убедить публику. А второй этап дебатов – дискуссия – следует вести согласно этикетным нормам, чтобы не оскорбить оппонента.

Дискуссия – это обсуждение спорного вопроса, проблемы. Во время дебатов происходит конфликт мнений, связанный с такими вопросами и проблемами. Дискутируют оппоненты после представления докладов, а к обсуждению могут присоединяться слушатели. Важная характеристика дискуссии – *аргументированность* [3]. Любая позиция в спорном вопросе должна быть аргументирована, проиллюстрирована примерами. Дискуссия часто рассматривается как метод, активизирующий процесс обучения, изучения сложной темы, теоретической проблемы [3]. Разумеется, любая дискуссия должна содержать корректные приёмы ведения спора, которые изучаются в речевом этикете.

Ещё можно потратить время ученика с пользой. Большинство учащихся наблюдают за жизнью так называемых «блогеров», т.е. людей, регулярно публикующих текстовый или видео-контент разной тематики. Часто данное времяпрепровождение имеет сомнительную пользу, а иногда наносит вред, ведь не все блогеры соблюдают нормы культуры речи русского языка. Но во время ДО в качестве проекта можно предложить ученикам следующее задание: одновременно с просмотром или чтением составлять речевой портрет блогера (или иного интернет-пользователя, например, политика). Понятие коммуникативного (или речевого) портрета давно известно лингвистике. В середине 60-х годов XX в. М. Пановым была выдвинута идея фонетического портрета, которая нашла своё отражение в ряде портретов политиков, писателей, учёных XVIII–XX вв. Модель фонетического портрета состояла из нескольких социальных и социокультурных аспектов: принадлежность к тому или иному поколению, социальному слою, наличие локальных речевых особенностей и т.д. В дальнейшем эту идею развили в понятие «социально-речевой портрет», которым занимались Т. Николаева, У. Лабов, Л. Крысин, Р. Фэйсолд и др. [2].

В настоящее время интерес к коммуникативным портретам возрос. «Пишутся» портреты как обобщённые социальные характеристики различных профессий или даже слоёв населения, так и известных личностей – в частности, поли-

тиков. Особенно любопытно в этом ключе изучение коммуникативных портретов интересных подросткам медийных личностей. В процессе создания речевого портрета учащийся выясняет его уровень речевой культуры, грамотности, манеры общения с аудиторией, которая тоже должна быть правильной, эмпатийной. Выяснение речевых ошибок влечёт за собой рост грамотности самого ученика, а модели поведения изучаемых медийных персонажей, которые не соответствуют этикетным нормам, должны искореняться в личном поведении.

Таким образом, обучение речевому этикету в условиях ДО – это креативная составляющая процесса изучения русского языка, которая может реализовать себя как на уроках лингвистической направленности, так и на уроках развития речи. Во время ДО учителю русского языка важно обращать внимание на общение учащихся в социальных сетях и корректировать его согласно нормам культуры речи и этикетных правил. Задания на онлайн-платформах разнообразны и всецело зависят от творческого потенциала учителя.

Список литературы

1. Актуальные проблемы культуры речи / под ред. В. Г. Костомарова, Л. И. Скворцова. М. : Наука, 1970. 405 с.

Информация об авторе: *Керестеши Татьяна Михайловна*, студентка Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск).

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ РЕФЕРАТУ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

М. Л. Лаптева

г. Астрахань, Россия

Аннотация. Освещены проблемы обучения иностранных студентов российского вуза научной письменной речи. Особое внимание уделяется необходимости включения в учебный процесс работы по составлению реферата научной статьи, рассматривается система такой работы и модель самого реферата, на которую предлагается ориентироваться на начальных этапах организации работы по развитию навыков научного стиля.

Ключевые слова: научный стиль, научная речь, научная статья, реферат научной статьи, аннотация, русский язык как иностранный, процесс обучения, формирование и развитие

Для цитирования: Лаптева М. Л. Проблемы обучения иностранных студентов реферату научной статьи // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 196–200.

Значимым критерием в рейтинговой позиции современного российского вуза является такой показатель, как увеличивающееся с каждым годом число иностранных студентов, осваивающих инженерно-технические, медицинские, экономические, филологические специальности. При этом будущие дипломированные специалисты неизбежно сталкиваются с проблемой освоения русского языка для удовлетворения повседневных и социокультурных потребностей в целом и овладения языком как инструментом ведения учебной и научной деятельности в частности.

Сегодня в вузовских программах увеличивается количество часов на самостоятельную работу, поэтому иностранным студентам всё более необходимыми становятся развитые навыки письменного реферирования. Так, большую сложность для учащихся представляет написание реферата или курсовой работы, подготовка научной статьи и т.п. Выполнив расчётную и экспериментальную части исследовательской работы, иностранный студент не может их стилистически грамотно описать, представить результаты в соответствии с требованиями к научному тексту. В связи с этим возникает необходимость создания теории поэтапного развития у иностранных студентов навыков научной письменной речи.

В современной методике преподавания иностранных языков данная проблема обучения до сих пор остаётся нерешенной. В настоящее время в практике преподавания русского языка как иностранного наблюдается настоящий «бум» на издание учебно-методических пособий, которые отвечают различным запросам обучающихся. Например, разрабатываются национально ориентированные и профессионально ориентированные методики, совершенствуются методы и технологии краткосрочного обучения русскому языку, вырабатываются новые подходы, создаются учебники для мигрантов и детей мигрантов из поликультурных (многонациональных) школ и т.п.

Существует достаточно много методических разработок для преподавателей русского языка как иностранного, обучающихся граждан зарубежных стран на подготовительных факультетах высших учебных заведений, где, кроме занятий по общему владению языком, будущие студенты осваивают также язык специальности. Однако язык специальности – это подсистема языка, совокупность языковых

средств, которые обслуживают профессионально ограниченную коммуникацию. Такая работа сводится, как правило, к расширению словарного запаса речи иностранных студентов за счёт профессиональной и терминологической лексики. Лингвометодическая база этого направления стала расширяться в 80–90 гг. XX в. Отметим, на наш взгляд, наиболее значимые работы Н. А. Метс [6], О. Д. Митрофановой [7] и Е. И. Мотиной [8]. Современные методики подобного обучения представлены, например, в трудах Г. М. Левиной [5], П. И. Образцовой и О. Ю. Ивановой [9], Г. М. Петровой, Е. В. Ардатовой и В. И. Фокина [1], Т. Б. Вепревой [3], И. А. Пугачева [11], а также в отдельных научных публикациях.

Несмотря на богатый накопленный практический методический опыт, система работы с иностранными студентами в этом направлении требует теоретико-методологического обоснования и создания педагогической технологии обучения языку науки, удовлетворяющей основным положениям ведения научно-исследовательской деятельности студентов.

Компетентностный подход к обучению обязывает преподавателя развивать у иностранного студента способность свободного пользоваться русским языком в сфере профессионального общения, когда учащийся переходит и к освоению основной образовательной программы. Отдельные работы, в которых предлагаются оригинальные авторские разработки по обучению чтению, слушанию лекций, по овладению навыками устной и письменной профессиональной речи, на сегодняшний день имеются. Издание [10], прежде всего, ориентировано на практические вопросы обучения иностранных учащихся научному стилю речи и языку специальности. Рассматриваются также отдельные вопросы обучения письменной форме научного стиля речи – в [4].

В то же время научной базы методики обучения языку науки, обучения иностранных студентов созданию собственных текстов как продуктов учебно-научной деятельности (конспектов, рефератов, курсовых работ, студенческих научных статей, дипломных проектов и магистерских диссертаций), на наш взгляд, до сих пор не создано. У многих иностранных студентов (как неязыковых специальностей, так и филологов) возникают большие сложности на всех этапах обучения: от написания реферата на первых курсах до оформления выпускной квалификационной работы по завершении обучения. Для практикующих педагогов-предметников работа с таким контингентом студентов тоже представляет немалые трудности. Вопрос о том, как научить иностранного студента ведению научно-исследовательской деятельности на русском языке, остаётся открытым.

В рамках настоящей статьи предпринята попытка обосновать необходимость включения в систему по овладению научным стилем речи работы по развитию навыков реферата научной статьи, показать этапы данной работы, которая должна вестись в рамках обязательного, на наш взгляд, спецкурса для иностранных студентов «Научная речь».

Что касается научной тематики и проблематики, в аспекте которой будет проводиться исследование, то, как нам кажется, стоит задать иностранному студенту научный вектор уже на третьем курсе, когда он приступает к написанию курсовой работы по специальности, и поэтапно формировать навыки научной речи именно в выбранной узкоспециализированной области. В таком случае у учащегося будет возможность не просто описать теоретико-методологическую базу работы, но и сформировать её терминологический аппарат, освоить композиционно-смысловую структуру научных текстов по данной теме, овладеть способами изложения конкретного материала, совершенствовать особые функциональные семантико-стилистические параметры письменной научной речи.

Научная статья, по сути, – это минимальный по объёму научный текст, с которым иностранному студенту необходимо ознакомиться с целью получения необходимой информации по вопросам, которые будут освещаться в его будущей курсовой или выпускной квалификационной работе. В связи с этим умение композиционно организовано, обобщенно излагать ее содержание, т.е. умение составлять реферат научной статьи, имеет большое значение в дальнейшем для написания иностранным студентом теоретических глав курсовой и дипломной работ.

Особое внимание следует уделить отбору научных статей, которые предлагаются для реферирования. Возможно, лучшим вариантом стали бы статьи, опубликованных в журналах, рекомендованные ВАК РФ или входящие в наукометрические базы данных Scopus, WoS и т.п. Такой выбор объясняется строго регламентированными требованиями, которые предъявляются к написанию самих научных статей. Как правило, в них чётко выделяются, помимо справочно-библиографического аппарата (заголовка, заглавия статьи, аннотации, ключевых слов, библиографического списка и пр.), такие композиционные части, как Введение, Цель, Методы и материалы, Результаты, Обсуждение, Заключение, что значительно облегчает процесс чтения данного научного произведения и понимания его основной концепции.

На занятиях преподаватель должен (1) познакомить иностранных студентов с особенностями реферата научной статьи и требованиями к его написанию; (2) объяснить отличие реферата от конспекта; (3) предложить учащимся модель реферата научной статьи; (4) дать список клишированных конструкций, которые чаще всего используются в процессе реферирования; (5) поставить перед студентами задачи, характерные для референта.

Вне всякого сомнения, до начала составления реферата научной статьи требуется внимательное прочтение студентами текста, составление словаря незнакомых терминов и терминологических сочетаний, предварительная беседа по содержанию статьи, которая может быть в зависимости от уровня языковой подготовки иностранных студентов приближена к работе по общему аннотированию статьи. Чтобы составить устную аннотацию, студенту нужно ответить на следующие вопросы:

1. В каком журнале размещена статья (когда и где напечатана)?
2. Кто её автор?
3. Как называется научная статья?
4. Какие цели и задачи ставит перед собой автор статьи?
5. Какие основные вопросы рассматривает автор данной научной статьи?
6. Каким методом изложения материала он пользуется?
7. На какие источники ссылается в работе?

Это основные вопросы, которые могут быть заданы иностранным студентам, познакомившимся с научной статьей. Список вопросов может быть расширен и детализирован, что обусловлено и уровнем сложности предъявляемого научного материала, и степенью подготовленности иностранных студентов к работе по составлению и написанию реферата научной статьи.

Считаем целесообразным на начальном этапе работы по реферированию сократить список клише и ограничиться наиболее распространенными конструкциями, чтобы закрепить у студентов первоначальные навыки научной речи. Итак, представляем модель реферата, которая адаптирована нами на основе модели, предложенной Е. Н. Барышниковой, Е. В. Клепач и Н. А. Красс [2].

Модель реферата научной статьи для начального этапа работы по формированию навыков научной речи у иностранных студентов (3 курс)

1. Вводная часть реферата.
Статья называется.....
Её автор –
2. Тема статьи и общая характеристика.
Статья посвящена проблеме ЧЕГО?
Она представляет собой анализ ЧЕГО?
3. Проблема статьи.
В статье «НАЗВАНИЕ СТАТЬИ» поднимается проблема ЧЕГО?
4. Композиция статьи.
В статье выделяются следующие части:.....
5. Описание основного содержания статьи (по одному предложению на каждую композиционную часть).
Во введении статьи говорится О ЧЁМ?
Автор ставит перед собой цель –
В основной части излагаются ЧТО?....., даётся научное описание ЧЕМУ?.....
6. Иллюстрация автором основных положений.
В качестве примеров автор приводит ЧТО?.....
7. Заключение.
Автор приходит к выводу, что.....
8. Выводы и оценки референта.
Основная ценность научной статьи состоит В ЧЕМ?
С теоретической точки зрения было важно ЧТО?
С практической точки зрения можно отметить ЧТО?
В заключение скажем, что работа по данной модели имеет безусловную практическую направленность и должна проводиться систематически на примере тщательно отобранных в соответствии с научными интересами иностранных студентов статьями. Предложенная модель может варьироваться или дополняться иными клише научной речи, совершенствоваться, усложняться по мере «вхождения» студентов в проблематику, по мере обогащения их активного словаря научной терминологией, закрепления знаний правил составления реферата и развития собственно навыков реферирования.

Список литературы

1. Ардатова Е. В., Фокин В. И. Защищаем магистерскую диссертацию : пособие по русскому языку для иностранных студентов. СПб. : Златоуст, 2012. 116 с.
2. Барышникова Е. Н., Клепач Е. В., Красс Н. А. Речевая культура молодого специалиста. М. : Флинта : Наука, 2005. 224 с.
3. Вепрева Т. Б. Обучение профессионально-ориентированной иноязычной лексике студентов неязыковых специальностей на основе интегрированного курса : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2012. 182 с.
4. Грекова О. К., Кузьминова Е. А. Обсуждаем, пишем диссертацию и автореферат. М. : Флинта, 2005. 293 с.
5. Левина Г. М. Обучение иностранцев русскому инженерному дискурсу. М. : Янус-К, 2003. 203 с.
6. Метс Н. А. Особенности синтаксиса научного стиля речи и проблемы обучения иностранных учащихся. М. : Изд-во МГУ, 1979. 54 с.
7. Митрофанова О. Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. М. : Рус. яз., 1985. 128 с.

8. Мотина Е. И. Язык и специальность: лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов. М. : Рус. яз., 1986. 176 с.
9. Образцов П. И., Иванова О. Ю. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов. Орёл : ОГУ, 2005. 114 с.
10. Буре Н. А., Быстрых М. В., Вишнякова С. А. [и др.] Основы научной речи / под ред. В. В. Химики, Л. Б. Волковой. СПб. : Академия, 2003. 272 с.
11. Петрова Г. М. Обучение языку специальности иностранных студентов, магистрантов и аспирантов в МГТУ им. Н. Э. Баумана : метод. рекомендации для преподавателей и студентов. М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2009. 24 с. URL: <https://rucont.ru/efd/287916> (дата обращения: 18.01.2021).
12. Пугачев И. А. Профессионально ориентированное обучение русскому языку как иностранному: теория, практика, технологии. М. : РУДН, 2016. 483 с.

Информация об авторе: *Лаптева Мария Леонидовна*, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой современного русского языка Астраханского государственного университета (г. Астрахань, Россия).

Ф. И. БУСЛАЕВ О МЕТОДЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Л. Д. Мали

г. Пенза, Россия

Аннотация. Анализируются взгляды известного русского ученого Ф. И. Буслаева на особенности метода преподавания отечественного языка в аспекте современного опыта обучения русскому языку в начальной школе.

Ключевые слова: метод, отечественный язык, духовность, речевая среда, живая речь, речевая практика

Для цитирования: Мали Л. Д. Ф. И. Буслаев о методе преподавания языка // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 201–203.

Работа нашего земляка, известного русского учёного, педагога Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка», опубликованная в 1961 году, не перестаёт удивлять читателя своей глубиной, простотой и ясностью изложения, эмоциональностью и современным звучанием основных выводов.

В этой работе он затрагивает разные аспекты преподавания языка, но особое внимание уделяет рассмотрению методов, которую выбирает педагог и от которой зависит результат обучения. Остановимся на этом подробнее.

Характер метода обучения любому предмету, по Ф. И. Буслаеву, определяется двумя обстоятельствами: «естественным развитием духа человеческого, с одной стороны, с другой, сущностью самого предмета преподаваемого» [1, с. 54]. Мысль очень интересная. Выражение «дух человеческий» и близкие ему он употребляет довольно часто в своей работе: познающий дух, чужды духу, духовной собственностью. В толковом словаре В. И. Даля понятие «духовный» толкуется как «бесплотный, из одного духа и души состоящий, всё относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы его, ум и воля» [1, с. 226]. Можно предположить, что Ф. И. Буслаев примерно так же мыслит значение этого сложного понятия. Отсюда следует, что Ф. И. Буслаев считает важным при выборе метода обучения исходить из понимания особенностей личности ребёнка, его духовных и душевных качеств и свойств, ума, воли и чувств. Какие же характеристики метода обучения родному языку становятся первоочередными при таком подходе?

Ребёнок обучается родному языку с самого раннего детства, больше интуитивно, чем сознательно, «инстинктивным подражанием» он выражает свои мысли в устной форме, угадывая нормы языка, формулируя высказывание и подбирая, а подчас и сочиняя слова по аналогии с существующими в языке. Этот естественный путь узнавания языка доставляет ему и его взрослому окружению огромное удовольствие, истинную радость. Этот путь довольно успешен и скор, ребёнок до поступления в школу хорошо овладевает устной речью при условии благоприятной речевой среды. Хотелось бы, чтобы и дальше обучение языку было столь же успешным и желанным для ребёнка. Отсюда Ф. И. Буслаев выводит первое правило обучения: «Приводи дитяти все явления языка таким образом, как поступает сама природа, то есть с помощью изустного выражения непосредственных представлений, с помощью разговора и чтения» [1, с. 54]. То есть главным в обучении языку должна быть живая речь, живое общение учителя и учеников

на русском языке, а также живое чтение хороших литературных текстов. Каждая фраза, каждое слово на родном языке обладает огромным духовным смыслом для ребёнка, обладает вкусом, цветом и запахом, он мыслит красками и образами. Поэтому так важно сохранить это непосредственное восприятие смысла речи при школьном обучении языку, не превратить его (обучение) в сухое зазубривание правил, норм, определений, как это, к сожалению, часто бывает.

В связи с этим, Ф. И. Буслаев считает обязательным рассмотрение всех без исключения языковых явлений не изолированно, не в отдельных словах, а только в предложении, выражающем мысль, – минимальной коммуникативной единице речи: «Первое дело в преподавании отечественного языка состоит в том, чтобы ученик практическим путём узнавал все формы речи, чтобы они являлись ему не одни сами по себе, но постоянно в органической связи с мыслью, ею выраженной, так, чтобы ученику вместе с формой давалось и содержание [1, с. 55]. Рекомендация рассматривать языковые понятия и нормы в речевом контексте высказывается давно и постоянно методистами, однако же не соблюдается. В многочисленных учебниках по русскому языку для начальных классов большая часть упражнений – это упражнения на основе словарного материала, текстовых упражнений гораздо меньше. Следует также отметить, что те синтаксические упражнения, которые представлены в учебниках, довольно однообразны, однотипны. К сожалению, в учебниках совсем не встречаются такие интересные и в речевом отношении продуктивные упражнения, как редактирование предложения, переконструирование предложения, составление предложения по аналогии с данным и другие. Использование синтаксических речевых и грамматических упражнений и рассмотрение именно в предложении особенностей языковых явлений и фактов придавало бы большую коммуникативную направленность уроку русского языка, способствовало бы более осмысленному усвоению учебного материала учащимися.

Следующее правило, которое, по мнению Ф. И. Буслаева, необходимо соблюдать в преподавании отечественного языка, состоит в том, что «формы речи, коими ученик умеет уже пользоваться, доводи до его сознания разбором, следовательно, путём анализа» [1, с. 56]. Далее он поясняет эту мысль, утверждая, что наиболее эффективный путь усвоения языка – это движение от живой речи – к практическим наблюдениям за языковыми понятиями – а далее к выводам, обобщению и усвоению теоретического материала. Это эмпирический путь познания нового, наиболее естественный для ребёнка, соответствующий его возрасту и особенностям мыслительной деятельности. «Но всё-таки наше мнение таково, что упражнение должно предшествовать рассуждению и сознанию явлений. Ученик должен сначала приобрести умение в отечественном языке и потом уже возвысится до сознания о его формах и законах» [1, с. 56]. Кажется, очень простая и понятная любому специалисту мысль. Однако же, именно в последнее время предпринимаются попытки перевернуть всё с ног на голову в обучении языку, ввести уже в начальной школе методы, основанные на теоретическом обобщении. Уже в первом классе вместо наблюдений за живым языком и упражнений в живой речи предлагается изучать закономерности языка, сообщать детям сведения о фонеме, позиционном чередовании фонем, учить их одновременно буквенной и звуковой записи (транскрипции) и так далее. Усвоить всё это маленький ребёнок не в состоянии (и тому мы наблюдаем множество примеров), поэтому вместо интереса к изучению языка возникает оторопь от того, что приходится заучивать, а отсюда потеря естественной мотивации к предмету и в конечном итоге слабые результаты.

Теорию языка ребёнок постигает на основе упражнений в анализе речи, на этой основе формируются вначале практические умения, затем постепенно про-

исходит осознание понятий и закономерностей: «Итак, в преподавании отечественного языка сначала упражнение, потом возведение форм к ясному сознанию, сначала умение, потом знание, сначала упражнение в языке, потом упражнения над языком, сначала практика, потом теория, и к тому же аналитическим путём» [1, с. 56]. И, конечно же, аналитическими упражнениями не должно всё заканчиваться, нужен вторичный синтез, синтез на основе усвоенного теоретического материала. С этим Ф. И. Буслаев связывает третье своё правило: «С разбором соединяй синтез, совокупление отдельного в практических упражнениях» [1, с. 56]. Перестать. Согласно этому правилу, после усвоения языковой теории необходимо вернуться к речевой практике, учить детей использовать приобретённые знания и умения при построении собственных речевых высказываний, включая в урок разнообразные речевые упражнения.

И, наконец, четвёртое правило преподавания языка, выведенное Ф. И. Буслаевым. Оно состоит в том, что в процессе изучения языковых дисциплин необходимо «соединять внешнее и внутреннее, форму с содержанием» [1, с. 57]. Здесь мы наблюдаем возврат к первому тезису и новое его осмысление. Ф. И. Буслаев пишет о том, что «дух» языка важнее его «плоти», что изучение языковых форм не имеет никакого смысла в отрыве от содержания, смысла речи. Поэтому так важно не рассматривать части речи в отрыве от конкретного контекста, высказывания, предложения. Только в том случае преподавание отечественного языка будет значимым для развития и воспитания личности ребёнка, если оно будет опираться на речевую практику ребёнка, отталкиваться от неё и возвращаться к ней как самому главному виду деятельности.

В заключение хотелось бы высказать мысль о том, что правила преподавания отечественного языка, сформулированные Ф. И. Буслаевым в середине 19 в., так и не нашли полноценного и адекватного отражения в многочисленных учебниках по русскому языку для начальной школы. К сожалению, обучение родному языку так и осталось довольно формализованным процессом, не затрагивающим душу ребёнка. Отсюда слабая заинтересованность детей в уроках русского языка, а также довольно слабые результаты его усвоения. Видимо, стоит ещё не раз вернуться к размышлениям Ф. И. Буслаева и с этих позиций пересмотреть содержание и методический аппарат школьных учебников, перестать до бесконечности усложнять в них теоретический материал, а главное внимание в курсе русского языка уделить гармоничному соединению языковой теории и речевой практики ребёнка, превратив этот предмет в действительно жизненно необходимый для маленького человека.

Список литературы

1. Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка : учеб. пособие для студентов пед. институтов по спец. «Рус. яз. и лит». М. : Просвещение, 1992. 511 с.

Информация об авторе: *Мали Любовь Дмитриевна*, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и методика дошкольного и начального образования» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ПОВЕСТЬ И. С. ТУРГЕНЕВА «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ» В ШКОЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ

Л. П. Перепелкина

г. Пенза, Россия

Аннотация. Предлагаются методические подходы к осмыслению учащимися идейно-художественного своеобразия произведения И. С. Тургенева «Первая любовь» на уроках литературы в 9 классе.

Ключевые слова: характеристика героя, беседа, анализ эпизода, проблемная ситуация

Для цитирования: Перепелкина Л. П. Повесть И. С. Тургенева «Первая любовь» в школьном изучении // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 204–206.

«Творчество И. С. Тургенева» – сквозная тема в школьном курсе литературы. На всех этапах литературного образования учащиеся постигают художественное мастерство писателя. В 9 классе некоторые программы (например, программа под редакцией Т. Ф. Курдюмовой) предлагают знакомство школьников с повестью «Первая любовь». Выбор этого произведения обусловлен способностью старших подростков воспринять и осмыслить воспроизведенную писателем историю любви. У девятиклассников появляется возможность через одухотворенную красоту тургеневского произведения прикоснуться к этому высокому чувству.

В ходе изучения повести необходимо раскрыть её автобиографический характер, своеобразие воплощения писателем темы любви, показать мастерство Тургенева в изображении характеров героев.

На знакомство с произведением предлагаем отвести два часа. На первом уроке необходим разговор о прототипах героев повести, биографических реалиях в «Первой любви». На втором уроке организуется работа над анализом произведения.

Первый блок вопросов и заданий направлен на характеристику героя-рассказчика: От чьего лица ведется повествование? Что можете сказать о рассказчике? Тургенев прослеживает первые проявления любви и страсти в юноше, выступая тонким психологом. Какие этапы проходит чувство первой любви героя? «... во всем, что я думал, что я ощущал, томилось... предчувствие чего-то нового, несказанно сладкого, женского... ему было суждено скоро сбыться». Как происходит знакомство героя-рассказчика с Зинаидой? Каково его внутреннее состояние в этот момент? Во время первого посещения дома Засекиных? Какие детали передают это состояние? (Гл. 2–4). На первом этапе зарождения чувства героя намечаются так называемые «сигналы» его драматического финала. Зачитайте их и объясните, что они «символизируют» (гл. 5, 6). Проследите по тексту, что переживает рассказчик во время своего любовного порыва (гл. 7–17). Как вы думаете, с какой целью введено в повествование описание «воробьиной ночи»? В чём особенность композиции произведения? Почему автор выбирает форму воспоминания?

В процессе беседы о Вольдемаре школьники должны прийти к выводу о том, что беспредельное обожание, безграничная покорность любимой, подчиненность ее капризам, переходы от надежд и блаженства к отчаянию, трепетное ожидание ласкового взгляда повелительницы и робкие упреки ей – все это прекрасно передано в чувствах героя.

Автор актуализирует два взгляда на происходящие события – шестнадцатилетнего Володи и сорокалетнего Владимира Петровича.

Первую любовь переживает и героиня. Второй блок вопросов и заданий ориентирует школьников на осмысление этого образа: Каково авторское отношение к героине? Подтвердите текстом (гл. 2). Если образ Вольдемара рисуется Тургеневу путем изображения его переживаний, то образ Зинаиды создается преимущественно в её поступках и в ее отношении к окружающим. Какие поступки совершает героиня? Как в них раскрывается ее характер? Каково её отношение к окружающим? «Я престранная», – говорит Зинаида рассказчику. Докажите справедливость этой самохарактеристики. «...во всем её существе, живучем и красивом, была какая-то особенно обаятельная смесь хитрости и беспечности, искусственности, простоты, тишины и резвости». Что дало основание герою-рассказчику сделать такой вывод о Зинаиде? Прав ли доктор Лушин. Считаю Зинаиду Засекину пустой и легкомысленной кокеткой? Какова, по-вашему, идейная нагрузка образов таких персонажей повести, как Беловзоров, Малевский, Лушин, Майданов? Как их поведение «высвечивает» характер Зинаиды? «Не попадусь никому в лапы, ни-ни!» – уверена Зинаида. Однако, как распоряжается жизнь? В чём трагизм положения героини? Как ведет себя, что чувствует герой, узнав тайну отца и своей «королевы»? Сопротивляется ли Зинаида своему чувству? В чём и как проявляется это ее сопротивление?

Авторское отношение к героине выражено в словах: «В этой девушке было что-то такое очаровательное, ласкающее, насмешливое и милое». Поступки Зинаиды дают представление о её характере. В повести она выступает в своих меняющихся обликах, поражая окружающих поклонников. По отношению к ним княжна то жестока, то ласкова, то холодна, то страстна, то замкнута, то недоверчива. Она вдосталь тешится их мучениями поочередно, то вселяет в них надежды, то разочаровывает. Она любит «стучать людей друг о друга», проверять свою власть над душами влюбленных, а их покорность создает некоторые комические ситуации в произведении. Не прав доктор Лушин, отзываясь о Зинаиде Засекиной как о пустой, легкомысленной кокетке: в ней играют силы жизни, у нее незаурядный характер, она хочет встретить кого-то более сильного, чем она сама. Беловзоров, Малевский, Лушин, Майданов покорно выполняют любой ее каприз. «Нет, я таких любить не могу, на которых мне приходится глядеть сверху вниз. Мне надобно такого, который бы сам бы меня сломил. Да я на такого не наткнушь, бог милостив», – говорит она. Именно такую драматическую ситуацию рисует Тургенев в повести. Страсть, вспыхнувшая в княжне к отцу героя, делает её покорной и безвольной перед ним. Трагизм её положения усугубляется тем, что она полюбила женатого человека и знает, что ничего, кроме позора, её не ждёт впереди. Зинаида сопротивляется своему чувству, но безуспешно. Это сопротивление проявляется в отношении к рассказчику, которого она то ласкает, то отталкивает. Но от отца, мужчины-эгоиста, видевшего всю «утку жизни» в том, чтобы «брать от нее все, что можешь, а самому себе принадлежать», она получает, кроме чувственной страсти, ещё и удар хлыста.

Следующий блок вопросов и заданий поможет школьникам осмыслить идейную нагрузку образа отца героя: Какое место в повести, на ваш взгляд, занимает эпизод встречи отца рассказчика с Зинаидой в городе? Как ведет себя в этой сцене юноша? Каков здесь отец? Как характеризует отца его поведение? Почему на повторный вопрос сына о хлысте отец отвечает: «Я его не уронил. Я его бросил»?

Эпизод встречи отца с Зинаидой в городе является кульминационным. Анализ данного эпизода организуется в ходе фронтальной работы.

Юноша более чем любопытен. Он удивлен, поражен увиденным. Конечно, Володе «необыкновенно больно, потому что "внезапное откровение раздавило" его, но он способен согласиться с открывшимся ему чувством близких и дорогих его сердцу людей. А главное – он видел отца, продолжавшегося оставаться для него идеалом» [1, с. 127].

На данном этапе урока целесообразен просмотр и анализ телеверсии кульминационного эпизода повести (режиссер В. Ордынский).

При осмыслении финала повести (смерть отца и Зинаиды), подводим школьников к выводу о том, что обе смерти «подчеркивают трагический характер такой любви, которая сжигает человека, но не дает ему нравственного удовлетворения» [2, с. 347].

Для выяснения смысла названия повести предлагаем учащимся проблемную ситуацию: К кому из героев относится название произведения: Вольдемару, Зинаиде, отцу героя-рассказчика? Чтобы получить ответ на данный вопрос, организуем работу в группах. Каждая группа подбирает аргументы, убеждающие... Для обобщения результатов работы групп знакомим учащихся с высказыванием Л. А. Капитановой: «...первая любовь способна прийти к человеку не только в юности, но и значительно позже, как, например, к отцу героя. Любит первой любовью и Зинаида. И все три героя, очищенные ее светом, удивительно достойно выходят из драматической жизненной ситуации: Зинаида и отец – высотой своей жертвенности, Володя – осознанием присутствия в жизни идеала. Этим идеалом оказалась любовь отца и Зинаиды, в равной степени способная отбросить быт и обречь себя на самосожжение» [2, с. 127].

На заключительном этапе урока предлагаем школьникам из трех эпиграфов, имеющих непосредственное отношение к изучаемому произведению, выбрать тот, который выражает его главную мысль: 1. «Тургенев остается дорог, как настроение, как воспоминание, как первая любовь» (Ю. Айхенвальд). 2. «Вся моя биография – в моих сочинениях» (И. С. Тургенев). 3. «...только любовь вызывает такой расцвет всего существа, каким не может быть ни что другое» (И. С. Тургенев).

Таким образом, предложенные подходы к анализу повести И. С. Тургенева «Первая любовь» будут способствовать формированию у школьников представления об идейно-художественном своеобразии произведения, подготовке их к восприятию более сложных по проблематике творений писателя.

Список литературы

1. Тургенев в школе: книга для учителя / авт.-сост. Л. А. Капитанова. М. : Дрофа, 2002. 288 с.
2. Петров С. М. И. С. Тургенев. Творческий путь. М. : Худ. лит., 1979. 542 с.

Информация об авторе: *Перепелкина Лариса Петровна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ

И. В. Приорова

г. Москва, Россия; г. Сямынь, Китай

Аннотация. Рассматривается роль языкового образования в Китае на фоне всеобщей престижности изучения иностранных языков, в ряду которых русский язык сегодня не является приоритетным. Опыт проведения Всекитайского конкурса по русскому языку показывает, как поддерживаются и развиваются образовательные инициативы, нацеленные на улучшение качества массового образования в китайских вузах на государственном уровне. Конкурс, являясь самым масштабным и влиятельным в Китае, демонстрирует устойчивую позицию качества преподавания русского языка, а формат его проведения сегодня можно рассматривать как национальный проект, сохраняющий престижность русского языка в Китае.

Ключевые слова: «образование для всех», «образование на всю жизнь», выравнивание возможностей, международное сотрудничество, история конкурса, этапы эксперимента, языковая адаптация, форматы соревнования

Для цитирования: Приорова И. В. Особенности современного языкового образования в Китае // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 207–212.

Престижность образования всегда напрямую зависит от его качества. В современных условиях установилась граница между элитарным и элементарным, т.е. массовым, образованием, которое либо гарантирует, либо, напротив, лишает обладателя не только социальных привилегий, но и обычных социальных гарантий. По этой самой причине китайское общество на современном этапе, в отличие от многих стран, уделяет огромное внимание важности образования – иногда даже чрезмерное. Абитуриенты испытывают колоссальное эмоциональное давление и психологический прессинг, потому что от баллов, полученных на выпускных / вступительных экзаменах, и выбора колледжа или университета, зависит их карьера и социальная успешность в будущем. Китайская система образования – крупнейшая в мире: в стране насчитывают 260 миллионов обучающихся, а это 20 % от всего населения. Кроме того, сейчас в стране около 3000 (2956) высших учебных заведений, в которых обучается уже более 40 млн. студентов. Такое количество студентов неминуемо приводит к высокой конкуренции не только за учебные ресурсы, но и создаёт «очередность» на социальный лифт, за социальным статусом, который сегодня во многом зависит от престижности образования.

В принципе, это остаётся универсальной предпосылкой для обучающихся во всех странах, однако следует учитывать численное превосходство китайцев в современном мире. В связи с этим одной из главных проблем современной китайской системы образования без утайки признавалось неравномерное распределение образовательных ресурсов по всей стране. Если в крупных городах высшее образование относительно доступно, то жителям бедных провинций иногда сложно получить доступ даже к базовым школьным курсам. Не редко на несколько деревень приходится всего одно учебное заведение с двумя-тремя учителями. Поэтому созданная в 2013 году компанией MOOC-CN Education при поддержке китайского Министерства образования платформа MOOK позволяет использовать *массовые открытые онлайн-курсы* без ограничения числа участников в режиме

реального времени, совместив «образование для всех» и «образование на всю жизнь». Став одним из лидеров в области дистанционного обучения с помощью XuetangX, Китай занял ведущую позицию и создал одну из крупнейших в мире платформ дистанционного образования, главным достоинством которой стало выравнивание возможностей тех, кто живёт в крупных городах, и тех, кто живёт в небольших сёлах внутренней провинции, тех, у кого есть возможность платить за базовое образование и многочисленные подготовительные курсы, и тех, кто такой возможности не имеет.

Актуальность нашей статьи определяется тем, что на сегодняшний день языковое образование в Китае усиливает свою позицию, поскольку даёт больше шансов ассимилироваться билингвам за пределами Китая и иметь работу в международных корпорациях. В иерархии языковых предпочтений среди современной китайской молодёжи наблюдается тенденция существенного ослабления интереса к русскому языку относительно прошлого. Ответы на вопрос, почему студент/ка изучает русский язык, имеют геополитический подтекст. Из 100 опрошенных 80 человек называют основной причиной изучения русского языка низкий проходной балл, недостаточный для изучения других иностранных языков: английского, немецкого, итальянского, французского, испанского, японского, корейского. Как видно, в этой шкале лидирующие позиции отводятся английскому и европейским языкам, а у студентов принято говорить в этом случае: «не я выбрал русский язык, а он меня». Сознательный выбор именно русского языка в Китае, к сожалению, сегодня не частое явление.

Однако весь парадокс состоит в том, что на фоне очевидной непрестижности и непопулярности русского языка, в Китае сохраняется особая традиция, которой нет даже в России. Всекитайский конкурс по русскому языку (далее ВКРЯ) является одним из самых авторитетных и влиятельных конкурсов национального значения среди вузов в сфере преподавания русского языка в Китае. «Среди всех специальностей иностранных языков (в Китае) это единственный конкурс, организованный международным отделом Министерства образования, где Государственный комитет по управлению фондом обучения за границей предоставляет победителю возможность обучения за рубежом для углубления своих знаний» [1, с. 59]. На сегодняшний день успешно проведено 12 конкурсов, по итогам которых было отобрано около 500 участников для обучения или получения степени в российских вузах. С момента основания данный конкурс пользуется большой поддержкой со стороны образовательного сообщества Китая и России. Победившие конкурсанты обучаются в России за счёт Китайского правительства, что укрепляет сотрудничество России и Китая в сфере образования. Это своеобразный гуманитарный мост для культурного обмена и коммуникации двух соседних стран в глобальном мире, потому что «<...> у каждого студента, изучающего русский язык, существует своя точка отсчёта, от которой происходит осознание неродного языка своим. С этого момента определяется вектор... накопления знаний о России для полного погружения в русский мир...» [3, с. 583].

Исследования ВКРЯ на сегодняшний день крайне скудны, даже основная научная поисковая система Китая CNKI (China national knowledge internet) и научная электронная библиотека России (elibrari.ru) показывают, что статьи, по ключевым словам, «Всекитайский конкурс по русскому языку» являются в большей степени новостными, а не исследовательскими. Следовательно, данные, связанные с ВКРЯ, до сих пор не были достаточно проанализированы с точки зрения образовательной политики Китая. Вопрос о том, насколько знание русского языка приближает студента к получению элитарного образования, вообще не рассматривается, поскольку «цель элитного образования – готовить первоклассные инно-

вационные таланты», как высказался Чу Чжаошэн в своей статье «Проблемы китайского элитного образования» [5]. Какую роль в этом играет русский язык, можно лишь предположить... Но то, что масштабность конкурса по-прежнему несомненно способствует популяризации русского языка и поддерживает качество обучения, определяет новый взгляд на этот конкурс в нашей статье.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы на примере истории ВКРЯ (от начала проведения конкурса по русскому языку в Китае до сегодняшнего дня) оценить опыт его проведения как попытку сохранить престижность русского языка в образовательном пространстве Китая, удержать современное состояние преподавания русского языка в Китае на самой высокой планке.

1. История проведения конкурсов по русскому языку в китайских вузах началась с 1990-х годов, когда в университетах начали проводить различные конкурсы по русскому языку для самого широкого круга студентов русскоязычных специальностей. За двадцать лет своего развития конкурсы по русскому языку претерпели существенные изменения в плане организаторов, формата конкурса и процедуры награждения. Произошли значительные перемены: организационная часть перешла от университетов к государству, по масштабности мероприятий конкурсы от местного значения дошли до общенационального уровня, а по частоте проведения – от прерывчатого до постоянного. Таким образом, конкурсы по русскому языку прошли три этапа: мелкомасштабный экспериментальный этап, внутривузовский поисковый этап и крупномасштабный этап государственного уровня.

1.1. Мелкомасштабный экспериментальный этап начался 9–12 апреля 1991 года в Пекине, где прошёл первый конкурс под названием «Русский язык для высших учебных заведений». Масштаб данного конкурса был небольшим и имел ярко выраженный экспериментальный характер. Он был организован Пекинским университетом иностранных языков, в котором приняли участие 67 конкурсантов из 39 китайских университетов, разделённые на две группы: А (младшие курсы) и Б (старшие курсы). По итогам конкурса пятерым победителям младших курсов из группы А была предоставлена возможность поехать в СССР и пройти там годичное обучение. Два года спустя, 15–17 апреля 1993 года, в Шанхае прошёл второй «Всеитайский конкурс русского языка среди вузов Восточно-китайского региона», который был организован Шанхайским университетом иностранных языков. После этого конкурс не проводился почти 10 лет, пока в 2002 году ситуация не сдвинулась с мёртвой точки.

1.2. Поисковый внутривузовский этап начался в июне 2002 года в Пекинском университете иностранных языков как «Первый конкурс на знание России и русской культуры». В нём приняли участие более 100 участников из 14 вузов, и это послужило очередным началом конкурса по русскому языку после почти десятилетнего перерыва. Затем, в ноябре, в Шанхайском университете иностранных языков прошёл «Первый конкурс русского языка среди вузов южно-китайского региона», где соревновались 59 участников из 15 вузов. Стремительные перемены были обусловлены созданием Центров русского языка в Китае. В 2001 году они были созданы в Шанхайском, Пекинском университетах иностранных языков и Хэйлунцзянском университете. До сих пор эти Центры играют активную роль в развитии российско-китайского сотрудничества в гуманитарной сфере и подготовке новых русскоязычных кадров, занимая основные позиции в преподавании русского языка в Китае [6, с. 38].

Первый «Конкурс по русскому языку среди вузов южно-китайского региона», который проводился в 2002 году, получил самую высокую оценку русскоязычного сообщества по формату организационной части. Поэтому конкурс был

сохранён как постоянное культурное мероприятие и с 2002 по 2007 год проводился на регулярной основе. Данный конкурс организовывался совместно тремя центрами русского языка по всей стране и проходил обычно под руководством Шанхайского университета иностранных языков, Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли, а также Шаньдунского университета и некоторых других вузов с русскоязычным профилем. В то время конкурс русского языка в Китае проводился в университетах регионального типа, в среднем ежегодно в нём принимали участие около 60 человек и около 25 вузов. Круг его участников и сфера влияния имели определенные ограничения.

1.3. Крупномасштабный этап государственного уровня начал всесторонне развиваться с 2006 года в связи с динамичным сотрудничеством во многих областях между Китаем и Россией. Особенно важную роль сыграло проведение таких важных мероприятий, как «Год России в Китае» (2006), «Год Китая в России» (2007), «Год русского языка в Китае» (2009) и «Год китайского языка в России» (2010). Итогом стал «Всекитайский конкурс по русскому языку – стань победителем» (организованный русскоязычным каналом CCTV). Однако основной базой в организации конкурсов по русскому языку оставались по-прежнему китайские университеты, которые организовывали все новые и новые конкурсы: «Конкурс по русскому языку среди вузов Тяньцзиня, Пекина и Хэбэя» (организованный Хэбэйским педагогическим университетом); конкурс устного перевода «Всекитайский конкурс многоязычного устного перевода: русско-китайский устный перевод», организованный Вторым Пекинским университетом иностранных языков и др. Но самым важным событием стало появление первого конкурса высшего уровня, который был организован Министерством образования КНР. Он открыл совершенно новые возможности проведения конкурсов по русскому языку.

В июле 2006 года Даляньский университет иностранных языков под руководством Министерства образования КНР и Китайской ассоциации преподавателей русского языка впервые организовал «Общенациональный конкурс на знание русского языка и культуры среди вузов, посвященный году России в Китае» [2, с. 1]. Был сделан важный старт: конкурсы по русскому языку поднялись до уровня правительства и стали иметь государственное значение. Таким образом был завершён фундаментальный переход от региональных, мелкомасштабных конкурсов на базе китайских вузов, к крупномасштабным, официальным государственным мероприятиям национального значения.

21 октября 2008 года при поддержке Министерства образования КНР в Шанхайском университете иностранных языков стартовал новый конкурс по русскому языку, который в настоящее время называется «Всекитайский конкурс по русскому языку среди вузов (ВКРЯ)»: в первом конкурсе приняли участие 169 участников из 60 вузов. На сегодняшний день он продолжает развиваться при поддержке государства: по сравнению с предыдущими годами в конкурсе по русскому языку среди вузов южно-китайского региона, число участников региональных конкурсов увеличилось почти на 60 %.

Таким образом, официальный путь развития ВКРЯ, организованный Министерством образования КНР, был поэтапным и начался в Даляньском университете иностранных языков, но по содержанию и формату он остался «Первым конкурсом по русскому языку среди вузов», который в 1991 году организовал Пекинский университет иностранных языков. После многолетних экспериментов в 2008 году в Шанхайском университете иностранных языков наконец-то был успешно проведен первый ВКРЯ, определивший и название конкурса, и официальный формат его проведения.

2. ВКРЯ в образовательной языковой стратегии Китая

В 2020 году ВКРЯ был успешно проведён уже 12 раз, и за эти двенадцать лет система конкурса постоянно пересматривалась оргкомитетом в отношении формата, содержания и награждения с одной целью: расширить доступность и улучшить справедливость. По состоянию на 2019 год в Китае 170 вузов открыли специальность русского языка, где обучаются больше 20000 студентов. В 2020 году количество вузов, участвующих в ВКРЯ, достигло 150, по сравнению с прошлым годом (144), а для участия в конкурсе зарегистрировались – 338 человек, 61 из них получили шанс на победу. Как видно, несмотря на существенный спад популярности русского языка в Китае, престижность ВКРЯ огромна. Большинство вузов, которые открыли специальности по русскому языку, могут участвовать в этом конкурсе, но сложность заданий в соответствии с его высоким уровнем делают этот конкурс «жесточкой ареной» соперничества как для студентов, изучающих русский язык, так и для преподавателей, обучающих их русскому языку.

В конкурсе принимают участие бакалавры и магистранты очной формы обучения по специальности «Русский язык и литература». Надо отметить, что ВКРЯ – это не только площадка для самореализации участников, но и то место, где оценивается в целом уровень преподавания иностранных языков в вузе, который представляют участники конкурса. Если побеждает участник конкретного вуза, то это считается победой университета, достижением всего коллектива преподавателей и студентов. Наибольшее количество первых мест по рейтингу принадлежит Пекинскому университету иностранных языков – 6 первых мест.

В целом, из 10 лучших вузов в Китае только 6 вузов имеют категорию «иностранные языки», а остальные – многопрофильные. Это отражает реальную картину распределения русскоязычных образовательных ресурсов в Китае. Пекинский университет иностранных языков и Хэйлунцзянский университет являются основной силой в преподавании русского языка среди топ-университетов. С точки зрения географического расположения 10-топ университетов равномерно распределены на территории Китая: на севере страны находятся Хэйлунцзянский университет, Цилиньский университет, Пекинский университет иностранных языков, в восточной части находится Шанхайский университет иностранных языков, на юго-западе – Сычуаньский университет иностранных языков, а в южной части Китая – Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли. В целом, преподавание русского языка в Китае территориально вполне сбалансировано.

Выводы говорят в пользу того, что конкурс стимулирует лучших студентов и магистрантов ехать в Россию, чтобы расширить границы своего языкового и культурного знания. Однако по мере развития общества, цель и задача языкового образования в Китае меняется в ногу со временем, что влияет на уровень и значение языкового образования. Семьдесят с лишним лет назад, когда КНР только образовалась, целью языкового образования была подготовка кадров для реформирования преподавания иностранных языков. Спустя тридцать лет была выдвинута политика реформирования и открытости, где языковое образование стало иметь важное значение для политической открытости Китая. Сегодня мир претерпевает беспрецедентные за столетия перемены, но язык, как и прежде, выполняя историческую миссию, способен устранить разобщение, насажденное идеологической и экономической конкуренцией. «В вопросах изучения языка и получения языкового образования мотивация обучающегося тесно связана с возможностями повышения качества жизни в дальнейшем, возможностью получить хорошую работу. Будучи замотивированными, обучающиеся с радостью познают особенности

чужой культуры и языка, помня о перспективах карьерного роста или просто получая удовольствие от процесса познания» [4, с. 12].

Поэтому, *во-первых*, в настоящее время значение языкового образования, по мнению многих экспертов, заключается в том, что оно позволяет китайцам беспрепятственно ассимилироваться в мировом пространстве, а Китаю на международной арене усилить своё воздействие на новые международные порядки и правила.

Во-вторых, образовательная политика Китая нацелена в целом на развитие массового образования [7], но элитарное образование невозможно без знания иностранного языка, поскольку обучение иностранным языкам стимулирует формирование новых образов мышления и вживание в иную картину мира. В процессе обучения иностранным языкам узнавание чужой культуры и образа мышления других народов, осмысление другой ментальности, помогает рассматривать проблемные ситуации разного типа более гибко, т.е. дипломатичнее. Поэтому сегодня в Китае высоко ценится качественное образование со знанием иностранного языка.

В-третьих, в настоящее время в рамках стратегического международного проекта «Один пояс – один путь» не уменьшается спрос на высококвалифицированных специалистов из Китая, знающих русский язык. Поэтому всекитайский конкурс остается важным механизмом отбора лучших кадров со знанием русского языка и мотивирует его выбор для укрепления образовательного сотрудничества наших стран.

Опыт становления и развития конкурса в Китае говорит об устойчивом интересе к русскому языку, несмотря на падение его престижности в последние годы. Сегодня ВКРЯ является не только надёжным стимулом китайско-русского культурно-образовательного обмена, но и доказательством важности языкового образования на пути политико-экономического партнёрства наших стран.

Список литературы

1. Ван Изясинь. Отличная эпоха для русистов – выступление на Церемонии закрытия ВКРЯ 2017 года // Изучение русского языка. 2017. № 6. С. 59.
2. Лю Хон. Документальное сообщение по Общенациональному конкурсу на знание русского языка и культуры среди вузов, посвященному году России в Китае // Преподавание русского языка в Китае. 2006. № 3. С. 1.
3. Приорова И. В., Чжан Цзюньсян. Лингвокультурологический аспект изучения русского языка в Китае: личность в эпохе – эпоха в личности // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян, 21–28 мая 2018 г.). Вып. 8 / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. Благовещенск, 2018. С. 583.
4. Приорова И. В., Лебедева И. В. Мотивация как основа языкового образования // International journal of Professional Science. 2019. № 1. С. 12. URL: http://scipro.ru/2019?post_type=article&mm=1-1&issue=1 (дата обращения: 20.02.2021).
5. Чу Чжаошэн. Проблемы китайского элитного образования. 2020. URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=> (дата обращения: 12.10.2020).
6. Хуан Шуай. Китайский центр Шанхайского университета иностранных языков // Преподавание русского языка в Китае. 2003. № 2. С. 38.
7. Хань Джень. Китай определил задачи социально-экономического развития на 2020 год. 2020. URL: <https://ria.ru/20191213/1562351399.html> (дата обращения: 12.06.2020).

Информация об авторе: Приорова Ирина Валерьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и издательского дела Российского Нового университета (г. Москва, Россия); профессор кафедры русского языка института иностранных языков Сямыньского университета (г. Сямынь, Китай).

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА БАЗЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ ОБНОВЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Д. С. Сагитова

г. Костанай, Казахстан

Аннотация. Исследование посвящено выявлению способов формирования межкультурной компетенции посредством Интернета. В работе приводятся примеры из личной практики обучения второму языку.

Ключевые слова: второй язык, интернет-ресурсы, полиязычие, межкультурная компетенция, коммуникативный подход, информационная грамотность

Для цитирования: Сагитова Д. С. Формирование межкультурной компетенции на базе современных информационно-коммуникативных технологий в условиях обновления содержания образования // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 213–219.

Особенность современных стран мира – полиэтнический состав населения. В связи с этим, перед государством и обществом одной из первостепенных задач является сохранение межэтнической стабильности. Для этого необходимо воспитание такой личности, которая была бы способна жить в условиях поликультурного пространства, готовой принимать конструктивные действия в сложных жизненных условиях.

И. И. Халеева дает наиболее полное понятие межкультурной коммуникации: «Межкультурная коммуникация есть совокупность специфических процессов взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам. Оно происходит между партнерами по взаимодействию, которые не только принадлежат к разным культурам, но при этом и осознают тот факт, что каждый из них является «другим» и каждый воспринимает чужеродность «партнера» [6].

Из данного определения становится очевидным, что межкультурная коммуникация – умение весьма сложное по своей сути и трудоемкое для овладения. Для вступления в межкультурную коммуникацию требуется серьезная подготовка.

Для того чтобы поддерживать межкультурные контакты с представителями других этносов, необходимо не только знание соответствующего языка, но и знание целого комплекса форм поведения, истории, психологии, культуры, механизма самого процесса общения. Только при соблюдении перечисленных условий возможно эффективное взаимодействие, совокупность которых можно определить термином «компетентность».

Основным социальным институтом, осуществляющим воспитание подрастающего поколения, является система образования.

В связи с этим, в центре внимания перед современными образовательными учреждениями стоит проблема формирования межкультурной компетенции уже в школе, что полностью соответствует новым государственным образовательным стандартам, которые сегодня вступают в силу во всех школах страны. Данные направления развития общества требуют от системы образования подготовить учащихся к жизни в новых условиях информационного общества.

Школа призвана приобщать будущее поколение к культуре собственной страны, прививать им общечеловеческие ценности, развивать толерантное отно-

шение к культуре стран других народов и способность к участию в межкультурном диалоге.

Так как межкультурная компетенция является неотъемлемой частью иноязычной коммуникативной компетенции, развитие одной способствует развитию другой. Межкультурная компетенция – это компетенция особой природы, способность осуществлять посредством создания общего для общающихся значения происходящего и достигать в итоге позитивного для обеих сторон результата общения. Она не имеет аналогии с коммуникативной компетенцией носителя языка и может быть присуща только медиатору культур – языковой личности, изучающей второй, неродной язык.

Целью формирования межкультурной компетенции является достижение такого качества языковой личности, которое позволит ей выйти за пределы собственной культуры и приобрести качества медиатора культур, не утрачивая собственной культурной идентичности.

Навыки чтения и письма, культурная или гражданская грамотность, знания в сфере информационно-коммуникационных технологий – всё это позволяет решать только лишь повседневные задачи.

Для решения более сложных задач, помимо классического образования, у детей необходимо развивать критическое, творческое мышление, умение общаться с представителями других культур и прививать навыки работы в команде [2].

Безусловно, необходимо развивать у детей любознательность, инициативность, настойчивость, лидерские качества, социальную и культурную осведомленность.

Д. Н. Кулибаева одной из базовых компетентностей считает интеркультурно-коммуникативную компетенцию. Данная компетенция, по мнению учёного, базируется на лингво-культурологической концепции иноязычного образования.

Её можно представить как междисциплинарный комплекс: «иноязык – инокультура – личность», который должен стать целью и достижимым результатом в национальной средней школе [4, с. 43].

Д. Н. Кулибаева считает, что интеркультурно-коммуникативная компетенция является конечным, качественным результатом овладения вторым языком. Основными компонентами интеркультурно-коммуникативной компетенции, по мнению учёного, являются следующие компоненты: понятийно-когнитивный, информационно-аккумулирующий, прагматико-репрезентирующий, контекстно-коммуникативный» [4, с. 86].

Понятие личности, самосознания, самооценки, а также восприятия окружающего мира, начинает складываться у школьников в старших классах, следовательно, корректные понятия межкультурной коммуникации должны быть заложены именно в это время.

В последние годы в образовательной системе Республики Казахстан происходят качественно новые изменения. Повсеместное внедрение обновлённой учебной программы в общеобразовательных школах является первым шагом на пути к преобразованию института образования в целом.

Обновленное содержание учебной программы введено с целью развития и совершенствования знаний и навыков не только учащихся, но и учителей.

Причиной необходимости внесения изменений явилось то, что в современном информационном мире стало неактуальным знать много фактов и запоминать большое количество информации.

Сегодня общество на этапе своего информационного развития, характеризуется интенсивным взаимодействием различных культур, чему способствуют широкое применение компьютерной техники, развитие средств телекоммуника-

ции, глобализация всех сфер общественной жизни, рост межкультурного и межличностного общения в компьютерно-опосредованной среде. Сегодня новейшие информационные технологии дают возможность в любой момент получить доступ к практически любому источнику информации.

Высокий уровень компьютеризации общества и рост значения Интернет как средства хранения и передачи информации требуют от современного учителя внедрения в свою образовательную практику информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

ИКТ, по определению Е. Белякова, – это «новые информационные технологии с использованием медиасредств. Их использование способствует совершенствованию лингвистической и межкультурной компетенций учащихся, формированию культуры общения в электронной среде, повышению информационной культуры в целом, а также развитию навыков работы на компьютере: поиск, обработка, передача, систематизация информации и презентация результатов научно-исследовательской деятельности учащимися.

В связи с этим время диктует другие требования к человеку, которые могут ему быть востребованным специалистом.

Изменение отношения к информации, повлекло за собой изменения и в подходах к преподаванию второго (неродного) языка. Согласно Государственному общеобязательному стандарту среднего образования (начального, основного среднего, общего среднего образования), изучение русского языка в школах с казахским языком обучения, направлено на формирование коммуникативной компетенции учащихся.

Для достижения поставленной цели обучаемый должен научиться применять языковой и речевой материал, знания, полученные на уроках неродного языка в реалиях современной жизни [2, с. 55].

Современное развитие цивилизации привело к тому, что у детей во всём мире есть возможность почти одновременно с родной культурой, знакомится с мировым культурным наследием.

Психологи утверждают, что мозг ребёнка гораздо легче воспринимает информацию с помощью медиасредств. Медиасредства способствуют не только формированию информационно-коммуникативной компетенции, но и саморегуляции.

В образовательном процессе ИКТ можно применять на уроках русского языка и литературы. Наиболее эффективными являются следующие уроки:

- урок с мультимедийной поддержкой. В классе один компьютер, им пользуется учитель в качестве «электронной доски»;
- урок с компьютерной поддержкой. Несколько компьютеров в кабинете, работа организована в группах;
- самостоятельное изучение материала с помощью специальных образовательных систем.

В учебниках и программах нового поколения для общеобразовательных школ по всемирной истории, по курсу «Человек. Общество. Права», изобразительному искусству, музыке достаточно широко отражены история и особенности культуры народов Казахстана.

В учебнике для 10 класса по «Истории Казахстана» включены темы: «Тюркоязычные народы», «Древние учёные Средней Азии и Казахстана», «Связи народов Казахстана с народами Восточной Европы», «Казахстан в составе Российской империи», «Казахстан – многонациональная страна», «Культурные связи народов» и т.д. В этих материалах достаточно разносторонне освещается история многовековой связи культур народов Казахстана. В первой теме рассказывается, как

появились тюркоязычные народы: казахи, азербайджанцы, каракалпаки, турки, киргизы, узбеки, татары, уйгуры. В последующих темах показана их историческая связь с русским, украинским, белорусским народами.

В учебнике для 11 класса представлен материал о деятельности Ассамблеи народов Казахстана и о работе национально-культурных объединений.

При изучении Конституции Казахстана, начиная с младших классов, акцентируется идея межнационального согласия народов Казахстана.

Из приведенного материала следует, что в школах Казахстана элементы поликультурного образования учащихся вводятся через изучение гуманитарных дисциплин, прежде всего истории, литературы, языка, музыки.

Яркие иллюстрации сопровождаются теоретическим материалом, включены песни, загадки, кроссворды, викторины, произведения живописи, художественные тексты. Учащиеся сами могут выбрать материал для изучения, форму проверки знаний. Задания дифференцированы.

Такая работа способствует формированию информационно-коммуникативной компетенции, повышению компьютерной грамотности, формированию положительной мотивации, что влияет на качество обучения.

Существуют две области, в которых Интернет может вывести обучение второму языку на новый уровень. Это коммуникация и информация. Коммуникация осуществляется с помощью электронной почты и Скайп, публикации блогов, огромные пласты информации заключены во Всемирной сети (World Wide Web). Задача учителя состоит в том, чтобы создать модель реального общения, которая способствует возникновению у учащихся естественного желания и необходимости взаимодействия с другими, уверенности в себе и своих силах для осуществления коммуникации. Коммуникативный подход подразумевает обучение общению и формирование способности к межкультурному взаимодействию, что является основой функционирования Интернета. Вне общения Интернет не имеет смысла – это международное многонациональное, межкультурное общество, чья жизнедеятельность основана на электронном общении миллионов людей во всём мире, говорящих одновременно – самый гигантский по размерам и количеству участников разговор, который когда-либо происходил [3]. Включаясь в него на уроке русского языка мы создаем модель реального общения.

Общаясь в истинной языковой среде, обеспеченной Интернетом, учащиеся оказываются в настоящих жизненных ситуациях. Вовлеченные в решение широкого круга значимых, реалистичных, интересующих и достижимых задач, школьники обучаются спонтанно и адекватно на них реагировать, что стимулирует создание оригинальных высказываний, а не шаблонную манипуляцию языковыми формулами.

Общение со сверстниками из другой страны может происходить путём обмена электронными сообщениями (e-mailing), что даёт ученикам больше времени на анализ письма и продумывание ответа, причём общение может быть как индивидуальным, так и групповым. Обмен электронными сообщениями это великолепное средство способствующее развитию коммуникативных качеств школьников, а также навыков письма.

Также общение в Интернете может происходить посредством публикации блогов. Существует немало образовательных (и не только) интернет ресурсов, где учащиеся могут общаться посредством блогов (англ. blog, от web log - интернет-журнал событий, интернет-дневник).

Одним из самых популярных сервисов для микроблогинга является «Твиттер» – www.twitter.com. Зарегистрировавшись, участники могут публиковать короткие сообщения («twits»), на любую тему. Любой из пользователей может прочитать ваш микроблог и тут же ответить на него или продолжить тему.

Участники должны быть готовы к тому, что представители контактирующей культуры придерживаются другой системы ценностей, знаний и норм, именно поэтому их мнения и суждения могут отличаться от мнений и суждений, существующих в родной культуре [5].

Электронно-почтовая группа является одной из новых интернет-технологий, потенциал которой сразу же привлек внимание многих исследователей. Под электронно-почтовой группой понимается образовательная технология, позволяющая группе обучающихся, находящихся на неограниченном расстоянии друг от друга, обмениваться электронными сообщениями.

Формирование межкультурной компетенции учащихся средствами электронно-почтовой группы способствует:

1) знакомству с феноменом культуры, сведениями о характеристиках и рамках культуры, о типах взаимоотношения между культурами;

2) использованию материалов, которые:

– отражают важные социально значимые темы;

– представляют интерес для обсуждения в конкретной группе обучающихся;

3) использованию в процессе обучения заданиям, направленным на следующее:

– сравнение, сопоставление, анализ и культурную рефлексию;

– выступление обучающихся в качестве представителя родной культуры / страны;

4) формированию у обучающихся позитивного отношения к представителям контактирующей культуры;

5) роль учителя не ограничивается только функцией руководителя образовательного процесса с использованием Интернет-технологий, а расширяется до оказания помощи учащимся в понимании культуры, культурных ценностей и участников межкультурного диалога.

На уроках проверки знаний учащихся, практикумах, уроках подготовки к ЕНТ используются электронные тесты. Работа организуется индивидуальная, групповая.

Применение компьютерных тестов позволяет учителю за короткое время получать объективную картину уровня усвоения изучаемого материала у всех учащихся и своевременно корректировать их деятельность.

На уроках закрепления изученного материала в среднем звене эффективно проходят уроки с использованием сборников упражнений. Авторами таких учебных пособий являются учащиеся старших классов.

Можно сделать вывод, что ИКТ позволяет организовать различные формы работы, что является третьим направлением для развития коммуникативной компетенции.

Именно групповая работа позволяет учащимся большую часть времени работать самостоятельно, планировать свою работу, оценивать её. Учитель выступает в роли фасилитатора.

Групповая работа практикуется на уроках исследования, защиты проекта, семинарах-практикумах, творческих мастерских. Эта форма работы является эффективной при формировании коммуникативной компетенции: развивается устная и письменная речь, ведется диалог внутри группы, звучит монолог спикера, возможна дискуссия. Таким образом, содержание учебного материала, ИКТ, различные формы работы – основные источники развития коммуникативной компетенции.

Интернет-ресурсы – необъятный источник информации, который может быть использован как учителем, так и учащимися. При правильной организации

учебного процесса, помимо коммуникативной компетенции во всем многообразии ее компонентов учащиеся приобретают информационную компетенцию, которая включает в себя овладение новыми информационными технологиями, понимание диапазона их применения, а также критическое отношение к распространяемой информации.

Используя поисковые системы (Google, Yahoo, Yandex, и др.), можно найти огромное количество информации, в том числе и касающейся особенностей культуры страны изучаемого языка. Задача учителя состоит в том, что бы помимо использования предлагаемых школой учебных пособий и аудиовизуальных материалов, активно пользоваться Интернет ресурсами, расширяя свой кругозор и постоянно привнося что-то новое в свои занятия: это могут быть интересные и необычные факты о чужой культуре, аутентичные аудио и видео материалы, интересные фотографии, иллюстрации, планы уроков, рабочие тетради в общем, всё то, что может повысить интерес учащихся к культуре страны изучаемого языка, поможет им по-новому взглянуть на культуру своей страны, а значит повысить их уровень межкультурной компетенции. В старших классах, ученики, заинтересованные в дальнейшем изучении иностранного языка и знакомстве с культурой страны, могут с успехом пользоваться Интернет-ресурсами самостоятельно.

Таким образом, процесс формирования межкультурной компетенции в школе должен включать в себя три необходимых компонента: формирование достаточного запаса фоновых знаний о национальной культуре страны изучаемого языка, формирование адекватного и дружественного восприятия иностранного языка и его реалий и, наконец, практическая тренировка в межкультурной коммуникации.

С появлением информационно-коммуникативных технологий открылось множество возможностей в обучении, освоении знаний, организации учебного процесса. В арсенале учителя появились не только новые организационные формы, но и новый современный инструментарий: интерактивная доска, электронные учебные пособия, цифровые образовательные ресурсы. Весь арсенал средств ИКТ нацелен на то, чтобы помочь учащемуся выстроить систему своего самообразования, помочь в поисковой, творческой, познавательной деятельности учащихся.

Именно использование современных технологий позволяет сделать уроки нацеленными на каждого ученика, разнообразными и насыщенными по формам деятельности, значимыми по результатам.

При изучении страноведческого материала наглядность незаменима, так как, например, знакомство с достопримечательностями страны изучаемого языка должно сопровождаться их изображениями. Привлекает учащихся и такие уроки, как «уроки – путешествия», и на карте города они могут рассмотреть любую достопримечательность. Например, с помощью использования Power Point в 10 классе можно совершить виртуальную экскурсию по России и познакомиться с главными достопримечательностями страны.

В классах, где ИКТ применяется в системе, учащиеся демонстрируют более высокую степень вовлечённости в учебный процесс, мотивации и радости познания. Использование ИКТ способствует повышению эффективности овладения вторым языком. Такая организация работы является средством повышения результативности учебного труда школьников, особенно на среднем и старшем этапах, когда учащиеся утрачивают в какой-то мере интерес к предмету и веру в успех.

Результатом работы с использованием ИКТ можно считать то, что дети перестают смотреть на компьютер как на дорогую игрушку, а видят в нем средство, позволяющее решать собственные конкретные задачи, будь то работа с электрон-

ным учебником, отбор информации в сети Интернет, создание реферата, модели или проекта. А это значит, развивается творческая личность, которая не потеряется в современном информационном мире.

Список литературы

1. Беляков Е. В. Информационно-коммуникационные технологии. М. : Гардарики, 2019. 165 с.
2. Государственный общеобязательный стандарт среднего образования Республики Казахстан. Общее среднее образование. Астана, 2012.
3. Ефременко В. А. Применение информационных технологий на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2007. № 8. С. 18–21.
4. Кулибаева Д. Н. Методологические основы управления образовательной системой школ международного типа. Алматы, 2006. С. 43–44.
5. Мынбаева А. К., Садвакасова З. М. Инновационные методы обучения. Алматы, 2009. 154 с.
6. Халеева И. И. Интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия (из опыта подготовки переводчиков) // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации : сб. науч. тр. Вып. № 444. М., 1999. С. 5–14.

Информация об авторе: *Сагитова Динара Сытсынбаевна*, магистр, учитель Ждановской общеобразовательной школы отдела образования Костанайского района Управления образования акимата Костанайской области (г. Костанай, Казахстан).

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

И. С. Финяк

г. Луганск

Аннотация. Исследованы факторы, способствующие формированию речевой компетентности учащихся на уроках русского языка. Установлено, что в процессе развития речи школьников важно учитывать психологическую модель факторов, влияющих на речевую активность, а, следовательно, и на формирование речевой компетентности.

Ключевые слова: речевая компетентность, коммуникативные умения и навыки, виды речевой деятельности, речевое поведение

Для цитирования: Финяк И. С. Факторы формирования речевой компетентности учащихся на уроках русского языка // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 220–223.

Общение является важнейшей человеческой потребностью, одним из условий развития личности. Только в общении и в отношениях с другими человек может почувствовать и понять себя, социализироваться. Однако в современном мире с развитием информационно-коммуникационных технологий личность все меньше развивает свои навыки общения. Поэтому одна из задач обучения русскому языку в школе заключается в формировании всех видов речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение и письмо), в совершенствовании навыков уместно пользоваться языком в конкретных ситуациях, использовать для этого как языковые, так и внеязыковые (мимика, жесты, движения, интонация) средства выражения речи, что свидетельствует об актуальности работы.

Цель статьи – исследовать факторы формирования речевой компетентности учащихся на уроках русского языка.

Для усовершенствования коммуникативных умений и навыков школьников на уроках русского языка необходимо учитывать определенные закономерности речевой деятельности, поскольку формирование образованной, творческой личности, становление ее физического и нравственного здоровья, обеспечение приоритетного развития человека – это основные задачи, стоящие перед общеобразовательной школой. В связи с этим основная цель учителей-словесников заключается в способствовании речевого развития школьников, которые умели бы содержательно, связно и стилистически грамотно излагать свои мысли.

Обучение как мощный образовательно-культурный фактор должно быть направлено на раскрытие внутренних ресурсов личности ученика, выявление уже заложенных в нем потенциальных возможностей. От того, как организовано обучение в школе, как учителя обучают школьника мыслить, зависит его путь в дальнейшей жизни, потому что, как отмечает Н. В. Маслова: «Не знания как таковые, а творческое отношение к ним формируют культуру ученика» [3, с. 242].

Психология изучает особенности речи как процесса общения людей друг с другом с помощью языка для обмена мнениями и достижения взаимопонимания. Задачей психологии является изучение психологической природы и закономерностей процесса речи. Соответственно, психология предметом своего изучения имеет речь как язык в действии.

Особое значение приобретают мнения психологов о взаимосвязи речи и мышления. Эта связь проявляется в восприятии детьми предметов и явлений окружающего мира. Описывая то, что они видят и слышат, подбирая наиболее точные выражения для обозначения того, что воспринимают, формируя выводы своих наблюдений, учащиеся не только задерживаются на отдельных частях или качествах предметов, но и сознательно относятся к тому, что необходимо описать, что является объектом собственных наблюдений.

Вопросам теории речевой деятельности посвятили свои труды Л. С. Выготский, О. Я. Гойхман, Н. И. Жинкин, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, А. М. Шахнарович и другие. Они обращали внимание на то, что речевая деятельность – сложный процесс, который определяется следующими характеристиками:

- 1) структурной организацией;
- 2) предметным содержанием;
- 3) психологическими механизмами (восприятие, понимание, память);
- 4) единством внутренней и внешней стороны;
- 5) единством содержания и форм ее реализации [1, с. 29].

Такая динамическая система составляет операционный механизм деятельности, определяет скорость, автоматизм ее осуществления, способствует развитию всех видов деятельности и речевой в частности.

В формировании речевой компетенции учащихся язык как средство и речь как способ формирования и формулирования мысли наряду с самой речевой деятельностью в целом выступают как самостоятельные объекты обучения. Ученики обучаются не определенной речевой деятельности как языкового явления, а формируют собственную речевую деятельность на русском языке. Для этого им необходимо овладеть средствами и способами реализации каждого из её видов, общими и частными механизмами ещё в начальной школе, а совершенствовать во время обучения в основной и старшей школе.

К. Д. Ушинский отмечал, что развитие речи учащихся имеет большое значение для всего процесса обучения, усвоения ими знаний, умений и навыков по всем учебным дисциплинам. Состояние ребёнка, который пытается передать содержание изученного, не обладая речью, К. Д. Ушинский назвал болезненным состоянием борьбы с «непривычкой к родному слову». Учёный утверждал, что ребёнок «не может заменить ни единого слова другим, не может свободно связать два слова, и язык его как в сетях тех строк, которые он заучил, ему остается только вызубрить слово в слово, но и здесь язык его путается и ошибается на каждом тяжёлом звуке» [5, с. 291].

Поэтому следует учитывать предпосылки усвоения знаний и формирования коммуникативных умений и навыков, а именно:

- положительное отношение учащихся к процессу обучения (интерес к предмету, на уроке поддерживается постоянное внимание, темп учебной работы не нарушается);

- процессы непосредственного чувственного ознакомления с материалом (словесная и схематичная наглядность, контекст);

- процесс мышления (активизация конкретного и абстрактного, понятийного и художественного мышления, восприятия, осмысления и понимания материала);

- запоминание и сохранение полученной информации, способность её воспроизводить с выявлением индивидуальных речевых способностей) [2].

Одной из особенностей усвоения языка является то, что дети, которые идут в школу, практически владеют им. Учителю необходимо сделать это владение сознательным и на каждом этапе обучения совершенствовать речевые умения

и навыки учащихся. М. С. Рождественский обращал внимание на то, что «развивать речь учащихся – это значит работать над произношением, значением морфем, слов и фразеологизмов, над морфологической формой слов, словосочетаниями, предложениями, связной речью» [4, с. 31].

Большое значение исследователи отводят мотивационной сфере речевой деятельности, поскольку её основу составляют мотивы. Осознанный мотив деятельности помогает учащимся активнее и быстрее овладевать знаниями, приобретать интеллектуальные и речевые умения и навыки. Чтобы помочь ученикам осознать роль и важность нормативной речи, учителю, по нашему мнению, следует создавать мотивы, неразрывно связанные с жизнью и опытом учащихся, показать пути реализации речевой деятельности [1, с. 29].

Среди мотивов учения главными считают:

- общественно-политические (государственность языка, обязанность ученика учиться);
- профессионально-ценностные (профессиональное обучение осуществляется на государственном языке);
- мотив социального престижа;
- коммуникативные мотивы (потребность общаться на русском языке);
- мотивы, связанные с потребностью самосовершенствования;
- мотив уважения к учителю;
- мотив, связанный с потребностью в знаниях языка как средства достижения определенных жизненных выгод;
- мотив тревожности, ответственности [1, с. 54].

А. Н. Леонтьев отмечает, что «речь – это не замкнутый акт деятельности, а лишь совокупность речевых действий. Речевое действие предполагает постановку цели (хотя и подчинено общей цели деятельности), планирование и осуществление плана (внутренней программы), сопоставление цели и результата» [1, с. 29]. Поэтому в обучении любого речевого высказывания необходимо опираться на модель создания речевых высказываний, которые предусматривают следующие этапы:

- 1) этап мотивации высказывания;
- 2) этап замысла;
- 3) этап осуществления замысла;
- 4) сопоставление замысла с его реализацией.

Речь, как утверждают психологи, обычно выражает не отдельные, не связанные друг с другом мысли, а сам процесс мышления, который характеризуется внутренней логической связью. Мышление человека всегда направлено на решение теоретических и практических задач, преодоление трудностей, осмысления нового и неизвестного. Поэтому, развивая речь учащихся, необходимо формировать в них необходимость точного выбора слов, выражение самого хода их мыслей, и только такое вещание может произвести впечатление на тех, кто слушает или читает.

Эффективность формирования речевой компетентности обусловлена соответствием форм, методов и технологий обучения, с одной стороны, целям, содержанию языкового образования, а с другой – возрастным и индивидуально-психологическим особенностям учащихся. Итак, в процессе развития их речи важно учитывать психологическую модель факторов, влияющих на речевую активность, а, следовательно, и на формирование речевой компетентности.

1. Речевые и мыслительные операции:

- 1) индуктивные (синтез, классификация, разделение сегменты, замена языковых средств, дополнение синтаксических конструкций, ассоциации);

2) дедуктивные (анализ, сравнение, обобщение общих и отличительных признаков);

3) аналитико-синтетические.

2. Речевые факторы:

1) языковые и речевые способности;

2) контекст и речевая ситуация;

3) мотивы и цели речи;

4) интенция речи;

5) выбор языковых и невербальных средств;

6) планирование содержания речи;

7) ассоциативный аспект мышления;

8) индивидуально-психологические особенности носителя языка.

3. Закономерности эффективной речевого поведения:

1) взаимосвязь речи со всеми функциональными механизмами человеческой психики (познавательными и эмоциональными);

2) взаимосвязь между семантическим содержанием и синтаксической формой выражения (предложения).

Все факторы формируют речевую активность, которая, в свою очередь, составляет речевую компетентность. Как видно, условно выделены взаимосвязанные блоки факторов, с помощью которых можно комбинировать различные схемы речевой активности в школьном курсе русского языка. Способы практического использования с дидактической целью нужно организовывать на основе современных технологий, в которых реализуются как традиционные, так и инновационные методы обучения. Система методов формирования предметных компетенций на уроках языка должна быть не случайной и однообразной, а отражать творческий стиль методической работы учителя и свидетельствовать о работе с перспективными подходами к обучению.

Итак, мышление человека всегда направлено на решение теоретических и практических задач, преодоление трудностей, осмысление нового и неизвестного. Развивая речь учащихся, следует формировать в них необходимость точного выбора слов, выражение самого хода их мыслей, и только такое вещание может произвести впечатление на тех, кто слушает или читает. Поэтому в процессе развития речи учащихся важно учитывать психологическую модель факторов, влияющих на речевую активность, а, следовательно, и на формирование речевой компетентности.

Список литературы

1. Леонтьев А. А. Речевая деятельность // Хрестоматия по психологии. М., 1977. 367 с.

2. Мамушин В. Е. Психолого-методические основы развития связной речи учащихся. Иваново, 1976. 140 с.

3. Маслова Н. В. Ноосферное образование: Научные основы. Концепция. Методология, технология. М., 2002. 338 с.

4. Рождественский М. С. Свойство правописания как основа методики его преподавания. М., 1960. 133 с.

5. Ушинский К. Д. Избранные педагогические произведения. М., 1969. 558 с.

Информация об авторе: *Финяк Инна Сергеевна*, студентка Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск).

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ВИД ИСКУССТВА И СРЕДСТВО НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

М. Н. Шевченко

г. Мозырь, Беларусь

Аннотация. Рассматривается художественный текст как один из видов искусства, который субъективно выражает духовный мир человека, его ценностно-нормативные позиции. С помощью языка художественной литературы существует возможность показать нравственное совершенствование каждой личности. Художественный текст является средством нравственного воспитания, которое оценивается через призму определенных значений и духовных ценностей повседневной действительности.

Ключевые слова: художественный текст, духовный мир, искусство, нравственность, средства нравственного воспитания, ценности

Для цитирования: Шевченко М. Н. Художественный текст как вид искусства и средство нравственного воспитания личности // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 224–227.

Нравственное воспитание личности изначально практико-ориентировано, определено ценностно-нормативными и эмоционально-чувственными основами повседневной жизнедеятельности и чаще всего имеет форму не столько целенаправленного процесса воздействия извне, сколько бессознательного закрепления опыта, его норм через простое подражание и стереотипизацию мышления. «Суть нравственности, – как считает В. С. Библер, – обнаруживается и сосредоточенно формируется в поэтике той или иной культуры; более того, нравственность всегда есть тождество эстетических и собственно этических определений этой культуры. Соответственно в каждой культуре есть особая форма эстетической, даже резче, художественной деятельности, в которой человек конкретной эпохи осознает свои нравственные интенции, воображает, отстраняет и исправляет их, и именно на основе такого поэтического отстранения доводит эти интенции до полной силы и ума, обращает их на себя, превращает их в феномен самоустремленности» [2, с. 20].

Жизненные ценности играют здесь роль смыслов человеческой жизни и выступают как смысловые универсалии. Они составляют три основных класса, позволяющие сделать жизнь человека осмысленной: ценности творчества, ценности переживания и ценности отношения. Каждая из этих ценностей выступает основной норм морали, которые складываются стихийно.

Нравственность выражается в поэтике культуры, основанной на тождестве аксиологических, этических и эстетических начал, с помощью которых как бы моделируются нравственные возможности человека соответствующей эпохи. Ценности добра, жизненные цели выстраиваются здесь как смысловые универсалии. Прежде всего, – это ценности творчества, ценности переживания и ценности социальных отношений. Искусство позволяет изменить бытие человека, условия его существования за счёт своеобразного удвоения действительности и изменения своего отношения к ней, значительного расширения свободы нравственного выбора в виде моделирования образцов поведения, способов осмысления действительности. Искусство создаёт своеобразный идеальный мир, в виде образов прекрасного, безобразного, доброго и злого. В основе морали всегда лежал тот или иной образец нравственного поведения, т.е. она изначально является практико-

ориентированной, а не созерцательной, умозрительной, логико-рациональной формой общественного сознания. Этот образец мы находим уже в народном эпосе и сказке, других формах мифологического сознания, в передаваемых от поколения к поколению образцах должного и необходимого поведения.

Основным же отличительным признаком гуманитарной науки, по мнению, например, известного российского философа, филолога и педагога М. М. Бахтина является коммуникация или дискурс, диалог различных диспозиций с помощью устного или печатного слова, выраженного в тексте. «Где нет текста, там нет и объекта для исследования мышления... Гуманитарная мысль рождается как мысль о чужих мыслях, волеизъявлениях, манифестациях, выражениях, знаках, за которыми стоят проявляющие себя боги (откровение) или люди (законы властителей, заповеди предков, безыменные изречения и загадки)... В основе первоначально лежит здесь вера, требующая только понимания – истолкования... Специфика гуманитарной мысли направлена на чужие мысли, смыслы, значения, реализованные и данные исследователю только в виде текста. Каковы бы ни были цели исследования, исходным пунктом может быть только текст» [1, с. 297–298].

Несомненно, определяющая роль в нравственном воспитании принадлежит искусству слова. Искусство представляет собой основной способ духовно-практического освоения человеком мира и является одним из важнейших условий преемственности нравственного воспитания: традиционного и научного, религиозного и светского, семейного и школьного. Оно соединяет традиции и общечеловеческое начало с национальным и другими формами повседневного бытия, оценивая его с позиции нравственного идеала, и тем самым, как бы перебрасывая мост от настоящего к будущему, вооружает критериями своего самосовершенствования.

Писатель и поэт при желании в состоянии вызвать у Вас критику всего, что творится вокруг Вас и в Вашей душе. Он может представить критерии и способы, с помощью которых Вы можете научиться проверять свои чувства, мысли и поступки. «Поэт, – как отмечал соратник и друг А. С. Пушкина П. Я. Чаадаев, отличается не суммой усвоенных им сведений, наличием или отсутствием навыков чтения или письма, а подлинной нравственной культурой, воспитывающей сердце и ум и передающейся из поколения в поколение в самых разных формах – через религиозные каноны или народные обычаи, философские традиции или семейные предания?... Во внутреннем мире человека есть много признаков, характеризующих его бытие именно как человеческое: разум, совесть, милосердие.

К числу таких признаков относится и историческая память, без которой трудно вообразить, развитие остальных, собственно человеческих свойств. Чем шире и глубже память, тем полнее и осмысленнее жизнь человека. И, наоборот, при усечённой и сплюсненной памяти, замкнутой сиюминутными нуждами, невозможностями ценностной ориентации в действительности, неизбежен нравственный тупик [5, с. 8].

Традиционализм, считал П. Я. Чаадаев, понимаемый как в интимном, личном, так и в широком социальном плане оказывается одним из решающих качеств, определяющих и сохраняющих человеческое в человеке. «...Именно ясная осознанность лучших традиций, жизненная включенность в них и памяти усвоения уроков прошлого способствует воспитанию духовной зрелости, сохранению нравственного здоровья, развитию способности к подлинному самосовершенствованию, достойному выбору дальнейшего исторического пути» [5, с. 9].

Социокультурное состояние общества и его отражение в художественном тексте в виде типичных для него характеров, нравственных позиций, своеобразной правды жизни – основное условие духовно-нравственного воспитания сред-

ствами художественной литературы. Оно не привязано жёстко к идеологии и политике государства, а ориентировано главным образом на потенциал развития национальной и народной культуры, идею саморазвития. Практика здесь не просто мыследеятельность, а совокупность верований, представлений, чувств, обычаев, настроений, нравственных норм, направляющих деятельность и другие формы активности человека, в том числе восприятие и оценку им действительности. Сама же художественная литература предстает как важнейший инструмент конструирования социокультурной практики в виде своеобразного синтеза реальных и виртуальных форм общения или общения, основанного на непосредственных контактах человека с человеком (с другим индивидом, с группой, обществом) и опосредованное через текст книги взаимоотношение человека со всем многообразием человеческой цивилизации, прошлой и современной ему. Читая «Повесть временных лет» или «Иллиаду», «Легенду о Тристане и Изольде», мы не только воссоздаём в своём воображении образы давно минувшего и неведомого нам времени, но и переживаем информационную и эмоциональную ситуацию общения.

Переживая то, что мы читаем, что воспринимаем с экрана телевизора, словом, наслаждаясь искусством во всем объеме и многообразии, мы в то же время находимся в состоянии живого человеческого общения, но на базе эстетической иллюзии. Оставаясь иллюзорным по форме, такое общение не менее значимо для человеческой культуры, чем общение непосредственное, живое, чем конкретное действие. Оно становится ничем не заменимым в сфере нравственного воспитания, так как постоянно расширяет горизонты нравственного опыта, представляя в наше распоряжение настолько многообразные ситуации нравственного выбора, что пережить их в своем непосредственном опыте просто не хватило бы жизни. При этом с помощью средств художественной текста задаются правила игры, характеризующие процесс социализации как на уровне традиционного механизма усвоения эталонов, норм, установок, характерных для соответствующего народа, нации, конкретного региона, типов поселений, так и на уровне субкультур, межличностных отношений, институциональных форм общения и деятельности, индивидуальной рефлексии и внутреннего диалога.

В качестве же основных средств нравственного воспитания здесь выступают «грамматика согласия», «универсумы веры» и «коллективные представления» как формы проявления социального.

Возможность показать научными категориями, что такое добро и зло слишком низка, а вот с помощью языка художественной литературы это вполне возможно. Она позволяет, исходя из анализа нравственных болезней общества, не только ставить их диагноз, но и лечить, совершенствовать менталитет всего народа через нравственное совершенствование каждой отдельно взятой личности.

«Нужно читать только те книги, – утверждает герой повести М. Горького «Варенька Олесова, – которые учат понимать смысл жизни, желания людей и мотивы их поступков. Нужно знать, как плохо живут люди и как хорошо они могли бы жить, если бы были более умными и уважали права друг друга. А те книги, которые вы читаете – лгут и лгут грубо. Вот они внушили вам дикое представление о героизме... И что же? Теперь Вы будете искать в жизни таких людей, каковы они в этих книжках...» [3, с. 311].

Искусство в связи с этим изначально имеет педагогическую направленность. Однако содержащиеся в нём воспитательные средства в принципе отличаются от классической дидактики, выражающейся в морализирующем подходе к природе и функции художественного творчества. Поэтому распространение на искусство тех же дидактических требований, что и к предметам естествознания,

означает, прежде всего, пренебрежение тем, что отличает искусство от других форм сознания, – его способности познания и воздействия на людей. Видя жизнь односторонне, рассудочно, «дидактика, по мнению В. И. Толстых, – подменяет полноту и сложность жизни «натянутой идеальностью». Приоритет содержания, которое сводится в дидактическом искусстве к теме и сюжетной канве произведения, утверждается как первенство внеэстетических соображений, будь то морально-этическое, политическое или религиозное, и тогда содержание художественного творчества выражается в образной иллюстрации готовых тезисов. Произведение искусства превращается в представленную в «картинках» мораль» [4, с. 393–394].

Высшим объективным выражением и критерием практической значимости искусства является художественная правда, т.е. отражение действительности в свете и с точки зрения передового эстетического идеала. Изображаемый здесь идеал в отрыве от эмоционально-образного эстетического выражения, единства добра и красоты в художественном творчестве ничего не значат. То, что изображается в художественном произведении, в буквальном смысле не существует, а всего лишь заражено действительностью. Изображаемое содержание здесь словно оценивается через призму значений и ценностей своей повседневной культуры. Изображенное в художественном произведении содержание вызывает у читателя критику существующего и вооружает критериями его оценки и способами изменить себя и мир, дает возможность сверить с ними или проверить нравственную подлинность своих чувств и мыслей.

Писателя интересует в изображенном то, что воспринимается само по себе, но как источник других возможных предметов. Факт жизненный может стать фактом художественным, обрести все достоинства типичного образа.

Таким образом, познавая художественный текст, искусство слова, мы имеем дело не только с идейным замыслом писателя, но и его восприятием через призмы значений и смыслов своей повседневной культуры. Определённое значение обретают здесь не сами по себе понятия, теория литературы, а создаваемые литературные образы и вызываемые ими настроения, чувства, субъективный мир соответствующих персонажей, вынужденное переживание читателем описываемых явлений как бы заново, вкладывая в них свой смысл, свое понимание. Изображённое в художественном произведении содержание вызывает у читателя критику существующего и вооружает критериями его оценки и способами изменить себя и мир, даёт возможность сверить с ними или проверить нравственную подлинность своих чувств и мыслей.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, философии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров, Г. С. Бернштейн, С. С. Аверинцев. 2-е изд. М. : Искусство, 1986. 445 с.
2. Библер В. С. Нравственность. Культура. Современность. М. : Знание, 1990. 64 с.
3. Повести о любви : сб. в 2 т. Т. 2. На русском языке. Минск : Мастацкая літаратура, 1975. 480 с.
4. Толстых В. И. Искусство и мораль. О социальной сущности искусств. М. : Полит. лит., 1973. 440 с.
5. Чаадаев П. Я. Цена веков. М. : Молодая гвардия, 1991. 254 с.

Информация об авторе: *Шевченко Михаил Николаевич*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь).

РАБОТА НАД ЛЕКСИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ РЕЧИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 5–6 КЛАССАХ

Е. А. Шестовская

г. Пенза, Россия

Аннотация. Исследованы особенности изучения лексических средств создания образности речи на уроках русского языка в 5–6 классах. Раскрыты такие средства выразительности речи, как экспрессивная лексика, переносное значение слов, фразеологизмы, омонимы, синонимы.

Ключевые слова: выразительность речи, переносное значение слова, синонимы, омонимы, фразеологизмы, экспрессивная речь, образность речи, лексические средства

Для цитирования: Шестовская Е. А. Работа над лексическими средствами создания образности речи на уроках русского языка в 5–6 классах // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 228–231.

В широком смысле образность – это живость, наглядность, красочность изображения как неотъемлемый признак всякого вида искусства, а также форма осознания действительности с позиции какого-либо эстетического идеала. А образность речи – частное её проявление.

В Словаре лингвистических терминов Т. В. Жеребило дано следующее определение образности: «Стилевая черта художественной речи, связанная с употреблением слов в переносном значении метафор, эпитетов, сравнений, гипербол и т.п. Метафоры, эпитеты, сравнения, гиперболы изучаются стилистикой художественной литературы (литературоведческой стилистикой). Слова в переносном значении, сравнительные обороты, предложения с определениями входят в компетенцию стилистики языка» [1, с. 186].

Искусству образной речи нас учат писатели и поэты. Слово писателя живое, эмоциональное, оно не оставляет равнодушным ни читателя, ни слушателя. В чём же особенность использования языковых средств художниками слова? Как же им удаётся достичь такой красочности описания?

Выразительность, красочность и образность создается за счёт использования различных лексических, синтаксических и стилистических средств.

Особую роль в создании образности речи играют именно лексические средства. Языковые средства создания выразительности речи связаны с семантикой слова, с переносом значения с одного объекта на другой. Так, к основным лексическим средствам создания образности относятся:

- переносное значение слова;
- синонимы;
- омонимы;
- фразеологизмы;
- экспрессивная лексика.

Данные лексические средства подробно изучаются в школьном курсе русского языка в 5–6 классах. Рассмотрим особенности каждого из них.

Переносное значение слова возникает как производное на базе прямого значения слова, им обладают многозначные слова. Переносное значение слова

можно определить только в контексте, то есть для понимания, в прямом или переносном значении употреблено то или иное слово, необходимо рассматривать его в контексте. Только по употреблению с другими словами можно определить, что означает данное слово. Слова в переносном значении используют в речи, чтобы сделать ее выразительной. У слова может быть несколько лексических значений, и новое, дополнительное лексическое значение слова называют переносным, оно появляется как оттенок основного значения на основе схожести предметов по внешнему виду, по признаку или по действию. К примеру, в словосочетании *каменное здание*, слово *каменный* обозначает материал, из которого сложено здание и обозначает непосредственный признак предмета, т.е. это слово употреблено в прямом значении, а в словосочетании *каменное лицо* – прилагательное *каменное* можно заменить синонимами *суровое, бесчувственное, недоброжелательное* лицо. В этом примере слово *каменное* обладает переносным значением, образованным на основе прямого значения. Суть переноса значения состоит в том, что оно переходит на другой предмет или явление по общим точкам соприкосновения значения, так возникает многозначность слов. Пример: синее *море* – *море* пшеницы – *море* народу. *Шепчет* бабушка – *шепчет* листва. *Ударил* палкой – *ударил* мороз и пр.

Учёный А. А. Реформатский даёт такое определение **синонимов**: «Слова, одинаковые по номинативной отнесенности, но, как правило, различающиеся стилистически» [2, с. 38]. В действующих учебниках русского языка синонимами называются слова, похожие по значению, но разные по звучанию и написанию слова. Например: *аргумент* – *довод, доказательство*; *красный* – *алый, кровавый, багряный, думать* – *размышлять, предполагать* и т.п. Синонимы могут различаться стилистически. Например, у слова *сказать* есть синонимы, которые употребляются в разговорной речи (*пробормотать, сморозить*) и синонимы, которые встречаются в художественной литературе (*промолвить, изречь*). Есть синонимы, которые можно употреблять независимо от стиля речи, такие слова называют нейтральными синонимами (*сказать, говорить*). Речь, богатая синонимами разнообразная и яркая, синонимы служат для выразительности речи и позволяют избегать однообразия.

Омонимы – слова с одинаковым произношением и написанием, но с разным лексическим значением (*репчатый лук, лук* для стрельбы).

Исследователь М. И. Фомина рассматривает лексические омонимы как два или более разных по значению слова, совпадающие в написании, произношении и грамматическом оформлении [4, с. 159].

Фразеологизм – устойчивое словосочетание, смысл которого не определяется значением слов, входящих в его состав. Например, «заруби себе на носу», «скатертью дорога». Фразеологизмы имеют несколько обязательных признаков: состоят из двух или более слов, всегда имеют переносное значение, неделимы по смыслу, их можно заменить синонимом или схожей фразой. Это устойчивые словосочетания, а значит ни одно из слов в составе нельзя заменить на другое. Пример «Петя долго *водил маму за нос*, говоря, что в школе ничего не задали на лето» фразеологизм – *водить за нос*. Подобные обороты часто называют крылатыми выражениями. Фразеологические обороты обогащают нашу речь, делая её яркой, красочной и выразительной.

Экспрессивная лексика является основным средством передачи эмоциональности речи. Экспрессивность дополняет номинативное значение слова, позволяет более точно выразить мысли и чувства говорящего. Например, вместо слова *плохой* мы, испытывая явно отрицательные эмоции, употребляем слова *ужасный, отвратительный*; вместо *люблю* говорим *обожаю, боготворю* и т.п.

Особенностью экспрессивной лексики является то, что средством её-выражения могут быть лексические синонимы. Например, *лик* (выс.) – *лицо* (нейтр.) – *морда* (сниж.). Часто одно стилистически нейтральное слово насчитывает несколько эмоционально-оценочных синонимов, различающихся разной степенью эмоционального напряжения.

Для успешного формирования выразительности речи учащихся на уроках русского языка необходимо использовать наиболее эффективные методы и приёмы работы над лексическими средствами создания образности. При выборе тех или иных способов изучения лексических средств создания образности следует придерживаться определенных дидактических принципов.

При исследовании проблемы изучения лексических средств образности речи нами были проанализированы методы работы с лексическими образными средствами, а также определены возможности их реализации в процессе формирования и совершенствования выразительности речи учащихся.

При анализе методов работы над лексическими средствами создания образности речи мы пользовались классификацией методов обучения, предложенной Л. П. Федоренко [3, с. 136]:

1. Методы теоретического изучения языка, включающие в себя слово учителя, беседу, самостоятельную работу по учебнику. Данные методы соотносятся с рецептивным методом. Например, метод слово учителя целесообразно использовать при изучении синонимов, фразеологизмов, а самостоятельную работу по учебнику применять при рассмотрении таких тем, как прямое и переносное значение слова, экспрессивная лексика.

2. Методы теоретико-практического изучения языка, а именно: упражнения с использованием лексических средств выразительности, наблюдение над языковым материалом, конструирование, реконструирование предложений и текстов с использованием определенных средств создания образности речи. Пример упражнения с использованием лексических средств выразительности: «Замените повторяющиеся слова в тексте их синонимами: *Нет более робкого животного, чем заяц. Даже при слабом шуме он пугается и бежит. Только поздно вечером или ночью робкий зайчишка выходит из своего убежища, а с рассветом прячется в каком-нибудь укромном уголке. Много у робкого зайчика врагов. За ним охотятся и голодный волк, и хищный ястреб, и охотник.* (Робкий, пугливый, трусливый, боязливый)».

3. Методы практического изучения языка, среди которых выделяют анализ текста, изложение, сочинение. Примером реализации данного метода могут служить задания по выявлению определённых лексических средств выразительности в конкретном тексте или составление собственных текстов с их использованием. Пример задания: «*Составьте текст на новогоднюю тему, используя фразеологизмы*» и т.п.

Названные методы, будучи взаимосвязанными, образуют систему, выступая как звенья единого процесса. Границы между методами условны, но каждый из них сохраняет свою специфику и характеризуется особой деятельностью учителя и учащихся.

Таким образом, работа над лексическими средствами выразительности речи в 5–6 классах должна представлять собой систему, состоящую из наиболее продуктивных взаимосвязанных методов и приёмов, направленных на осмысление и усвоение понятий, умение находить средства выразительности в тексте и правильно использовать их в собственной речи.

Список литературы

1. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2010. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-dictionary/index.htm> (дата обращения: 10.02.2020).
2. Реформатский А. А. Введение в языкознание. М. : Аспект Пресс, 2008. 530 с.
3. Федоренко Л. П. Принципы и методы обучения русскому языку. М. : Просвещение, 1964. 256 с.
4. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. М., 2001. 415 с.

Информация об авторе: *Шестовская Екатерина Александровна*, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ

КЫРГЫЗ ЖАНА КЫТАЙ ТИЛДЕРИНДЕГИ УЗУНДУКТУ ТУЮНДУРГАН ӨЛЧӨМ СӨЗДӨРДҮН ЛЕКСИКА-СЕМАНТИКАЛЫК МААНИЛЕРИ

А. Акыйкатова

г. Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Бул макалада кыргыз жана кытай тилдериндеги узундукту туюндурган өлчөм сөздөрдүн лексика-семантикалык маанилери каралат. Кыргыз жана кытай тилдериндеги узундукту туюндурган өлчөм сөздөр лексикалык жана семантикалык жактан топторго бөлүштүрүлүп, тилдик материалдар менен далилденип берилди. Эки тилдеги узундукту билдирген сөздөрдүн жалпылыктары менен айырмачылыктары көрсөтүлдү.

Ачык сөздөр: узундук, өлчөм сөздөр, кыргыз тили, кытай тили, маани, семантика

Для цитирования: Акыйкатова А. Кыргыз жана кытай тилдериндеги узундукту туюндурган өлчөм сөздөрдүн лексика-семантикалык маанилери // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 232–238.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ МЕРЫ ДЛИНЫ В КЫРГЫЗСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

А. Акыйкатова

г. Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Анализируются лексико-семантические значения слов, обозначающих меры длины в кыргызском и китайском языках. Дана классификация этих слов и выделена семантическая группа по их функциям в языке. Общность и различия слов, обозначающих меры длины в кыргызском и китайском языках, определяются с помощью соответствующих примеров.

Ключевые слова: мера длины, единица измерения, кыргызский язык, китайский язык, значение, семантика

Бир нерсенин жаралышына же пайда болушуна муктаждык себеп болгондой эле, дүйнө элдеринин сан-өлчөм түшүнүктөрүнүн келип чыгышы да турмуш-тиричиликтеги талаптардан улам жаралган.

“Кыргыздардын элдик билимине аралык, узундук, оордук ж.б өлчөмдөр таандык. Кыргыздар аралыкты-узундукту кадимки жакшы көрүү чеги менен аныкташкан. Ушундай жол менен узундукту аныктоодо, күн ачык болгон убакта белгилүү бир нерсе аркылуу аныкташкан. Мисалы: тоого, аскага, адырга, бакка, боз үйгө, дарыяга ж.б. Алысузундукту көз менен аныктоодо алыскы – тоо, таш, дарыяалынса, жакынкы узундук жакында турган боз үй, бак, жайыттагы мал менен белгиленген. Бийик тоолуу аймакта жакшы көзгө көрүнгөн объект узундукту билүү пункту катары тандалып алынса, алыскы узундук – кадимки нерселердин көлөмүн, түсүн, аталышын жана аны курчап турган чөйрөдөн

айырмалап турган башка белгилеринин сүрөттөлүшү менен объектилер тандалган [1, 132–135].

Тарыхка кайрылсак, аталган маселе боюнча совет доорундагы тилчи окумуштуулардын эмгектеринде азбы, көппү маалыматтар камтылган. Алсак, М. Кашгаринин «Түрк сөздөрүнүн жыйнагы» жалпы эле түрк тилдүү калктардын тарыхын жана анын ичинен кыргыздардын материалдык да руханий да маданиятын, жашоо образын изилдөөдө баа жеткис булак. Аталган эмгекте бир канча узундук өлчөм сөздөрү тууралуу бай маалыматтар берилген. Мисалы: *бир октам йер, кулаж, кысак, йаршим ж.б.* узундук өлчөм сөздөрүнө тиешелүү сөздөр бар [2, 223].

К. Юдахиндин кыргызча-орусча сөздүгүндө *кулач, таман, сөөм, укум ж.б.* өлчөм сөздөрүнүн кыргызча маанилери, орусча аталышы тиешелүү мисалдар менен түшүндүрүлгөн [3, 493].

Х. Карасаев “Өздөштүрүлгөн сөздөр” эмгегинде өлчөм сөздөрүнө байланыштуу бир катар баалуу маалыматтарды берген. Мисалы: **Батман:** “1. эки буттан II бутка чейинки өлчөм. 2. он теше көлөмүндөгү өлчөө. 3. иши кылып эле бир нерсенин чоң көлөмү”. Кыргыз элинде *баатыр табат, батмандап жейт* [4, 168].

Мыскал: “мыскал -салмагы 5 граммга жакын оордук өлчөөсү [4, 562].

Жың: “*жың* – кытай тилинен алынган. 560 гр барабар салмак, оордук, цзинь” [4, 311].

Н. Ө. Чечейбаеванын “Кыргыз тилиндеги сан атоочтор” (1978) аттуу эмгегинде кыргыз тилиндеги нумеративтик сөздөрдү лексикалык маанилерине карата топторго бөлүштүрүп, узундук өлчөмүн билдирген нумеративтик сөздөрдү эки топко ажыраткан. Биринчи топко конкреттүү узундук өлчөмүн билдирген: *миллиметр, дециметр, чакырым, саржан, метр, сантиметр* сөздөрдү, экинчи топко, болжолдуу узундук, бийиктик өлчөмүн билдирүүчү сөздөр: *эли, сөөм, карыш, укум, кадам, аттам, кулач, кезуздук* маанисин туюндурган сөздөрдү киргизген.

Э. Нуриев “Кыргыз тилиндеги нумеративтер” (2002) аттуу эмгегинде узундук, аралыктын ченемин билдирүүчү нумеративтерди карап, тиешелүү мисалдар менен берген. Белгилүү болгондой, узундук өлчөм тууралуу тиги же бул окумуштуулардын эмгегинде эле, аздан кездешпесе, атайы изилдөөнүн багыты катары алып изилденген эмгектер өтө сейрек.

Кытай тилиндеги өлчөм сөздөрүнүн тарыхы өтө узак мезгилди кучагына алат, бул сөздөрдү тарыхтан өзүнчө бөлүп кароого болбойт. Кытай иероглифинин эң алгачкы жазмасы болуп эсептелген *цзягувэнь* жазмасын алып караганда эле Инь (1600-1027б.з.ч) династиясындагы жазма булактарда салмак, көлөм өлчөм сөздөрү, акча бирдиктери колдонулган. М: 罈二升 [Chàng èr shēng] бул шараптардын көлөмүн өлчөөчү идиш, ошондой эле шараптарды литр 升 менен дагы өлчөөгө болгон. Ал эми Цинь доорунда (246-207жж.б.з.ч) 匹 [pǐ], 张 [zhāng], 个 [gè] өлчөм сөздөр колдонула баштаган. Миң жылдан ашуун тарыхы бар өлчөм сөздөрү бара-бара убакыттын өтүшү менен кеңири колдонууга ээ болуп, бүгүнкү күндө 600 ашуун өлчөм, нумеративтик сөз бар экендиги, анын ичинен 200 ашууну оозеки тилде кеңири колдонулгандыгын кытай изилдөөчүсү 刘世儒 [Liúshìrú] өзүнүн “魏晋南北朝量词研究” [Wèi jìn nánběicháo liàngcí cí yánjiū] “Вен Цзинь доорундагы түндүк жана түштүк династиясындагы нумеративтик сөздөрдү изилдөө” деген эмгегинде жазып калтырган [5, 8].

Кыргыз тилиндеги “өлчөм” деген сөз – бул бир нерсенин белгилүү бир чеги, чени, салмагы, ченеми, көлөмү. Мисалы: *Белгилүү өлчөмдө акча төлөп, бошонуп кетүүгө да акылуу* (Абдукаримов) [6, 1018].

Кыргыз тилиндеги “ченем” сөзү – өлчөм деген мааниге жакын сөз. Б.а. “ченем” – бул бир нерсенин белгилүү бир чеги (чени), ченеми, көлөмү болуп саналат. Ал эми кытай тилинде өлчөм (量 liáng) – кандайдыр бир нерсени, узундукту өлчөөчү же башка стандартка ээ болгон буюм менен нерсенин узун-кыскасын, чоң-кичинесин, аз-көбүн же нерсенин башка бир өзгөчөлүктөрүн өлчөө. Мисалы: *жер өлчөө, метр менен кездемени өлчөө* ж. б. у. с. [7, 810].

Кыргыз тилинде “узундук” өлчөм маанисинин туюндурулушу.

Узун.

1. Кысканын карама – каршысы, узак, көпкө созулган, алыс, ыраак [8, 537].

4. **Узундук:** Кандайдыр бир сызыктын, тегиздиктин же нерсенин бир багыт боюнча эки жакка созулган четки чектеринин аралыгы. *Узундугу кыйла бар, Эндүүлүгү эчен бар (Тоголок Молдо)* [8, 573].

Кытай тилинде “узундук” өлчөм маанисинин туюндурулушу. 1. 长-узун; узак; алыс. 长发 узун чач, 长假 узак мезгил эс алуу, 长眠 узак уйку; 长袍 узун чапан; 长期 узак мезгил; 长元 узак, алыс [9, 100].

2. 长. 【形容-сын атооч】 两段之间的距离大 (跟短相对) 1. Эки нерсенин ортосундагы аралыктын чоң экендигин көрсөтөт, “кыска” сөзүнүн антоними. А) 指空间-мейкиндик аралыгын билдирет: 这条路很长 – Бул жол абдан узун. В) 指时间-убакыт аралыгын билдирет: 长寿, 长生 узак өмүр сүрүү; 长夜 узун түн; 长久 узак;

3. 【名-зат атооч】 长度-узундук: 波长-толкун узундугу, 地铁桥全长6772米-темир жол метросунун узундугу 6772м.

4. 长处-адамдын же нерсенин жакшы тарабы: 特长-достоинство, (对某事) 做的特别好-бир нерсени жасоого шыктуу: 他长与写作-Ал дилбаян жазууга шыктуу.

5. 【名-зат атооч】 姓-адамдын фамилиясы.

Кыргыз тилинде “узундук” өлчөм маанисинин туюндурган сөздөр. Узундук өлчөмдөрү мыйзам ченемдүү көрүнүш түрдө чоң жана кичине нерселерди өлчөө үчүн колдонулат. Башкача айтканда, турак-жай курулушунда, жолдун алыс-жакындыгы билүүдөө, көчмөнчүлүк турмушта узундук, аралык өлчөм сөздөр керектелет.

Узундуктун өлчөм бирдиктеринде бир нерсени ченөөдө бутту же нерселерди кеңири пайдаланып, ага жараша өлчөө аталыштары дагы бут жана нерсе менен байланыштуу болуп келген.

Арым 1. Басканда, жүгүргөндө алга карай шилтенген кадам, арыш. *Уландар арымдарын кере таптап, алга жөнөп калышты* (Жантөшев). Арым сөзүнө маанилеш келген дагы бир узундук өлчөм сөзү бул арыш.

Арыш 1. Басып же жүгүрүп бараткандагы шилтенген кадам, арым. *Арышты керет Чалкуйрук Аябай кулөт Эр Төштүк* («Эр Төштүк»). Арым жана арыш сөздөрү алынган маалыматтарга караганда синонимдеш болуп саналат.

Эшик төр эшиктен төргө чейинки аралык болжолдуу 4-5метр, же арканды узундугу менен өлчөшкөн же бердан куралынан атылган октун аралыгы менен узундукту өлчөшкөн (100-150м). *Эшик төрдөй калганда Эмилбек баа эте бакырып, тигини көздөй жүткүндү* (Осмоналиев) [8, 787].

Бута атым – бута коюлган жерге чейинки аралык, жаанын огу жетерлик аралык. *Бута атымдый жерге келгенде тааныдык* («Ала-Тоо») дегендей мисалдар кезигет. Ал эми Манас эпосунда төмөнкүндөй саптар кезигет. *Аркасында бута атым, Арыстан Манас калыптыр* (Манас).

Кыргыздар кол менен жасала турган нерселерди өлчөөдө өлчөмдөрдү кол менен салыштырып, колдун манжаларын, колдун керилишин узундук өлчөм бирдиги катары колдонулгандыгын жогоруда айтып кеткенбиз. Бул узундук өлчөм сөздөрүнө *кулач* сөзү кирет.

Кулач – колдун керилген абалындагыдай узундук бирдиги. Бир эле колдун ачылган абалы болсо – **кулач**, эки колдун тең толук керилген абалында болсо – **кере кулач** деп айтылган. Кыргыз элинин ишеним ырым-жырымдарына кайрыла турган болсок, босогону таянып тургандарга карата “*эшикти кулачтаба, жамандык келет*” деп айтылып жүрөт. Түрк сөздөрүнүн жыйындысын түзгөн Махмуд Кашгаринин берген маалыматында *кулаж* - “*кулач*” колду ач “*колуңду ач!*” деген сөздөн келип чыккан, бир кулач баржин “*кулачтын бир бөлүгү*” деп берилет [2, 342]. К. Юдахиндин сөздүгү боюнча кулач – *эки колду кергендеги, жазгандагы өлчөм, чен. АндаҮч кулач кайың укурук. Алтыкулач аркан* деген мисалдар да келтирилген [3, 359].

Төш жары Кулачтын жарымы б. а. жайылган колдун төшкө чейинки аралыгы. *Көкө узундугу төш жары келген эки келтек жасады* (Касымбеков). Төш жары сөзүнөн кийинки узундук өлчөм бирдиги бул **кары**.

Кыргыздар дагы мыйзам ченемдүү көрүнүш катары башка көчмөн элдер сыяктуу чен-өлчөм менен тиричилик кылып келишкен. Башка элдер менен болгон ар кандай байланыштардан, соода сатыктыктан улам өлчөм түшүнүгү кеңейип, башка коңшулаш элдердин өлчөм бирдиктерин өз турмуш тиличилигинде кеңири колдонуп келишкен. Алынган маалыматка таянсак **чи** деп да айтылган жана кытай тилинен кирген өлчөм аталышы болуп эсептелет. Кыргыз тилинин өзгөчөлүгүнө ылайык жана элдин айтымы боюнча **чыг** болуп өзгөрүп кеткен [8, 147]. Бирок азыркы мезгилде эл оозунда айтылбай калган. Ошондой эле болжолу менен 30 смге барабар болгон узундукту билдирген **чий** өлчөмү дагы кыргыздар тарабынан пайдаланылгандыгы маалым. Бул **чи** узундук өлчөм бирдиги байыркы кытай элинде кеңири колдонулуп, бирок азыр колдонулбай калгандыгын көрүүгө болот. Кытай тилинен кабыл алынган 3 смге туура келген узундук өлчөмүн билдирген **сун** деген өлчөм дагы пайдаланылган. Маалыматтык булакта жазылган маанисинде *цунь* бармактын учу, манжанын бириккен бөлүгүнө (урчугуна) чейинки өлчөмдөй, 3 смге жакын узундук бирдиги деп жазылат. *жүзүмдүн данегин тең экиге бир сунга бөлүү* деп мисал келтирилген. Кытай тилиндеги узундук өлчөм сөздөрү жөнүндө сөз кылганыбызда **чий** сөзүнө дагы токтолобуз.

Кыргыз тилиндеги узундук өлчөм сөздөр:*арым, арыш, эшик төр, бута атым, кулач, төш жары.*

Кытай тилинде “узундук” өлчөм маанисин туюндурган сөздөр. Кытай элинде байыркы убакта кеңири колдонулган узундук өлчөм сөзү болуп *ли* сөзү эсептелинет.

(1) 里[lǐ] ли [1里ли= 15引|ийнге= 150丈жаңгабарабар].

1 ли 150 жаңга барабар же 1ли 0,5 кмбарабар.

(2) 引[yǐn] инь [1里ли= 15引|иньге= 150丈жаңга барабар].

10 жаң|ийнге барабар болот, Ал эми 1.5 инь 1 ли ге барабар. 1ли0,5 км барабар. Эгерде бир *чжаң* 3,33 барабар болсо, анда 3,33*10 көбөйткөнүбүздөн чыккан 33,3метр бир *инь* болуп саналат [11, 517].

(3) 丈[zhàng] –чжан

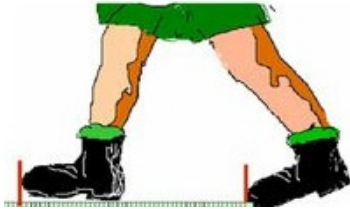
Узундук бирдиги, 1 *чжан* 10 *чи* барабар. Башкача айтканда бугүнкү күндө 3,33 метра барабар.

Бул сүрөттө бир *чжан* болуп саналат. 1чжан колдун чыканагынан билекке чейинки узундук.

(4) 步 [bù] бу

Байыркы убакта колдонулган узундук өлчөм бирдиги, 1 бу 5 чийге барабар. Башкача айтканда 1,6 м. буга барабар.

Бул узундук өлчөм сөзү, кыргыз тилиндеги аттам,арым сөзү менен окшош.

(5) 尺 [chǐ]- чи [1尺чи=10寸цунга барабар]

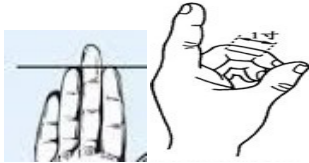
Узундук бирдиги, 10 сун 1 чи болуп саналат. Б.а. 1/3 метрга барабар.

10 сун (манжанын бөлүнгөн бөлүктөрүнүн узундугу) 1 чиге барабар.

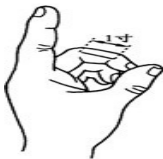
(6) 寸 [cùn] цунь

Кытай тилиндеги узундук өлчөмү квантификат сөзүнүн кыскартылган формасы, байыркы кытайда колдун манжасынын бөлүнгөн бөлүктөрүнүн узундугу менен болжолуу өлчөнгөн. 3,33 см барабар болгон узундук өлчөмү.

(7) 分 [fēn] фэнь [1寸цунь= 10分фэньга барабар]

10 ли 1 фэнь, 1 сун 10 фэнь болуп саналат. Нерсенин 10/1 бөлүгү да фэнь деп аталган.

Башкача айтканда бармактардын бир бүгүлгөн жеринин ондон бир бөлүгү болуп саналат.

(8) 拵 [zhǎ]

Байыркы кытайда колдонулган. Баш бармак менен ортоңдун же болбосо чыпалыктын керилген абалдагы узундугу.

拵 (zhǎ)

(9) 扆 [tuǒ] кулач

Эки колдун эки жакка керилгендеги абалы. Болжолдуу түрдөө 5 *чи* ге барабар.

(10) 厘[lí] ли [1厘ли10豪хаога барабар]

Узундук өлчөөдө, аянт өлчөөдө жана оордук өлчөөдө колдонула. Өлчөм бирдиги 10 *хао* 1 *ли*, 10 *ли* 10 *фынга* барабар. Узундук өлчөөдө 0,32 миллиметрга барабар.

(11) 毫[háo]хао милли

10 *си* 1 *хао*га барабар ,10 *хао* 1 *лиге* барабар. 2. Оордук, салмак өлчөөдө дагы колдонулат. 0,032 мм. 10си 1хаога барабар ,10 *хао* 1*лиге* барабар. Же болбосо 0,37301 мг барабар

(12) 丝[sī] сы милли [1豪хао 10 丝сыге барабар]

10ху 1сыге барабар, 10 *сы* 1хаога барабар. 0.0032 миллиметрга барабар богон узундук бирдиги.

(13) 忽[hū]

10 *ху* 1сыге барабар. 0.00033 миллиметрга барабар. Ошондой эле оордук салмак өлчөөдө колдонулатб.а 0.05 миллиграммага барабар[9, 516].

Кытай тилиндеги узундук өлчөм сөздөр:

里[lǐ] ли , 引[yǐn] инь, 丈[zhàng] –чжан, 步[bù] бую, 尺[chǐ]- чи, 寸[cùn] цунь, 分[fēn] фэнь, 拏[zhǎ], 度[duó] кулач, 厘[lí] ли ,毫[háo]хао милли, 丝[sī] сы милли, 忽[hū]

Кыргыз тилинде узундук мааниден пайда болгон сөздөр:

Узун боюн пас кылуу: улук боюн кичик кылуу.

Узун айылдын учуна, кыска айылдын кыйырына чыгуу: узун элдин учуна, кыска элдин кыйырына чыгуу.

Узун кекиртек: 1. Соргок тамакты көп жеген. 2. Алдым – жутум, шылуун.

Узун өзөк: Узун өзөк неме ушуга ыраазы болор бекен деп өзүнчө башайман болду (Ленинчил жаш).

Узун чылбыр, кең тушоо: Колу – жолу бош, ээн – эркин, кысылган абалда эмес.

Узун сары: Жазгы үзүмчүлүк убак. –

Узун айылдын учуна, кыска айылдын кыйырына. Узун айылдын учуна, кыска айылдын кыйырына угуза жар салчу (Эралиев).

Узун элдин учуна. Калмурзанын ыры ооздон оозго тарап, узун элдин учуна чыгат (Бейшеналиев).

Узун кулак. 1. Көптү билген, көптү көргөн, көп нерседен кабардар. 2. Уганаан, тез уга коймо, ушакчы.

Узун жолду кыскартуу. Жол жүрүп бара жатканда убакытты тез өткөрүү жана жол жүрүү машакатын эсинен чыгаруу максатында кызыктуу кеп салып аңгемелешүү, сүйлөшүү.

Узун чылбыр, кең тушоо. Колу – жолу бош, ээн – эркин,кысылган абалда эмес.

Узун сабак. Көпкө, узакка созулган аңгеме, узун сөздүү баян, ыр ж. б.

Кытай тилинде узундук мааниден пайда болгон сөздөр:

1 长篇大论- узун сөз

2长年累月узак жылдар бою

- 3长绒棉-узун талаалуу пахта
- 4长林丰草- бош токойдо чөптөр көп
- 5长命百岁-узак өмүр сүрүү
- 6长久-узак убакыт
- 7.长眠узак уйку
- 8.长歌当哭 Кошок кошуу (узун ырды ыйга айландыруу)
- 9.长篇史诗тарыхый дастан
- 10.长驱直入-узун жүрүш
- 11长吁短叹- ахылап-үхүлөө

Жыйынтыктап айтканда, кыргыз жана кытай тилдеринде адам мүчөлөрүнө байланыштуу узундук өлчөм сөздөр байыртан бери активдүү колдонулуп келгендиктен мындай узундук өлчөм сөздөр эки тилде тең төл өлчөм сөздөр болуп саналат. Ошондой эле эки тилде тең колдонулган *кулач*, *карыш*, *арым* өңдүү төл узундук өлчөм сөздөрү окшош экендигин көрүүгө болот. Анткени эки элде тең узундук өлчөөдө эң алгачкы курал катарында бут жана кол колдонулгандыгы белгилүү. Бирок алар нерселердин өлчөмүн так көрсөтө албастан болжолдуу гана билдирген. Анткени адамдардын жашына жана жынысына карата кол жана буттун чондугу бирдей болбойт. Ошого карабастан адам мүчөлөрү тарабынан өлчөө коомдук турмушта чоң мааниге ээ болгонун билүүгө болот. Анткени математикалык тактыкты талап кылбаган өлчөө жана ченөөдө мындай кол жана бут адам дене мүчөлөрү менен өлчөө жөнөкөй жана ыңгайлуу болуп саналган.

Колдонулган адабияттар

1. Айтбаев М. Т. Историко-культурные связи киргизского и русского народов. Фрунзе, 1957-ж.
2. Махмуд Кашкари. Түрк Тилдеринин Сөздүгү. Avrasya press-2012-ж. III том.
3. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. Бишкек, 2019-ж.
4. Карасаев К. Камус наама. Бишкек, 1996-ж.
5. 郭先珍. 现代汉语量词手册[M]. 北京: 中国和平出版社出版, 1987.
6. “Кыргыз тилинин сөздүгү” Кыргыз Республикасынын Улуттук илимдер академиясы. AVRASYA. Бишкек. 2010-ж.
7. Саспаев А. Кытайча-кыргызча сөздүк; Кыргыз Республикасынын Улуттук илимдер академиясы, Бишкек.
8. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү. Ч. Айтматов атындагы Тил жана адабият институту. Экинчи бөлүк. Б. : Салам, 2016-ж.
9. 现代汉语词典, 北京: 商务印书馆, 2012年.
10. 郭先珍. 现代汉语量词手册[M]. 北京: 中国和平出版社出版, 1987.

Информация об авторе: *Акыйкатова Айжамал*, преподаватель китайского языка Кыргызско-Турецкого университета «Манас», аспирант Бишкекского государственного университета имени К. Карасаева (г. Бишкек, Кыргызстан).

ТЕНДЕНЦИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ

Е. Л. Бабичева

г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается динамика глагольной аффиксации в сфере компьютерного сленга, анализируется потенциал заимствований в аспекте деривации.

Ключевые слова: словообразование, глаголы, компьютерный сленг, заимствования

Для цитирования: Бабичева Е. Л. Тенденции глагольной деривации // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 239–241.

Изменения, произошедшие в обществе за последний год, нашли отражение в языке, который быстро, точно, ярко, метафорично отреагировал на известные события (пандемию и, как следствие, дистанционное образование школьников и студентов). Каналы коммуникации расширились за счёт использования Интернет-ресурсов, существенно потеснив «живое» общение. В 2008 г. оно занимало 2,5 часа в сутки, а так называемое «экранное» – 8. Введённый в 2020 г. режим самоизоляции существенно подкорректировал эти цифры в пользу удалённой коммуникации и работы онлайн.

Компьютерный сленг из профессиональной сферы начал переходить в речь непрофессиональных пользователей, вынужденных активно осваивать ИТ-технологии. Skype, Zoom, электронная почта, социальные сети превратились в основные образовательные и коммуникативные площадки.

Компьютерные жаргонизмы, пополнившие лексический запас людей разных поколений и профессий, оказались под весьма существенным влиянием английского языка, в котором профессиональная терминология возникла значительно раньше, чем в русском, что связано с развитием технологий за рубежом. Сленг российских программистов экспрессивен, он несёт на себе отпечаток брутальности и даже агрессии. И если раньше язык айтишников был меткой, своеобразным маркером «своих», принадлежащих к одной профессиональной сфере, то теперь границы «свой – чужой» оказались размыты. Работа из офисов переместилась в дома, где главным рабочим инструментом стал компьютер, а освоение сленга сисадминов – залогом успешного освоения новых компьютерных программ. Американизмы и англицизмы хлынули в русский язык в таком объёме, что лингвисты заговорили о диглоссии.

Заимствованными из английского языка, как и из любого другого, оказались прежде всего корневые морфемы, на основе которых образовались новые слова. Англ. *lag* 1. *суц.* отставание, запаздывание 2. *гл.* отставать [3, с. 430] в языке-реципиенте транслитерировалось в *-лаг-* ‘задержка, запаздывание в работе компьютерного приложения, когда оно не вовремя отвечает на ввод пользователя’. Корень, подвергшийся фонетической адаптации (произношение рус. [а] на месте англ. [æ]), стал производящей базой для глаголов и их форм: *лагать* (подвисать, тормозить), *подлагивать*, *подлагнуть*, *подлагивая*. Глагол с русским суффиксом *-а-* образовался по образцу первого продуктивного класса (ср.: лага-ть – лагај-ут, чита-ть – читај-ут), т.е. в соответствии с русским словообразовательным типом. Присоединение префикса уточнило характер действия (проявление его

в слабом виде), не затронув денотативную ситуацию производящего глагола. Продуктивная суффиксальная морфема -ива- традиционно маркирует глаголы несовершенного вида, -ну- – совершенного со значением ‘моментальность, однократность действия’ (ср. гл. 4 продуктивного класса: мигну-ть – мигн-ут, подлагну-ть – подлагн-ут). Интересно отметить, что морфема *лаг* присутствует и в заимствовании *джетлаг* ‘сбой суточных биоритмов организма’, которое образовало новый термин *культурный джетлаг* ‘синдром, заключающийся в трудности социализации’.

Транслитерации подвергся ещё один заимствованный из английского языка глагол – connect 1. соединять, связывать 2. соединяться, связываться. Участники интернет-сообществ используют его в значении ‘установление связи между компьютерами с помощью модема’. Аффикация основы привела к образованию целого ряда новых глаголов: *законnectиться*, *подконnectиться*, *приконnectиться*, *отконnectиться* – и даже причастия *законnectенный*. Семантическая и структурная общность новообразований *сконnectиться*, *приконnectиться*, *законnectиться* позволяет говорить о синонимической аффиксальной редупликации.

Во всех случаях деривация происходит в соответствии со словообразовательными законами русского языка, лексемы встраиваются в его систему и выходят за рамки компьютерного сленга, становясь общеупотребительными. Молодёжь с удовольствием использует слово *конnect*, договариваясь о встрече (реальной или виртуальной, один на один или большой компанией), т.е. лексема наполняется новым содержанием: общение, встреча, налаживание контактов. Вместо множества синонимов, из которых следовало бы выбрать наиболее точный в смысловом отношении, используется общее универсальное *конnect*. Семантический сдвиг наблюдается в этой связи и у глаголов *сконnectиться*, *приконnectиться* ‘договориться о встрече, присоединиться к встрече’. Таким образом, жаргонизмы, находящиеся обычно на языковой периферии, постепенно перемещаются к ядру языка.

По аналогии с парой *конnectиться* – *законnectиться* образовались глаголы *логиниться* – *залогиниться* ‘войти в систему под определенным именем пользователя’. В основе – английское словосочетание *log in* ‘делать отметку в бортовом журнале о времени прихода’. В словообразовательное гнездо с корневым морфемом -лог- вошёл и антоним *разлогиниться* ‘прекратить работу в качестве зарегистрированного пользователя’. Как видим, глагольные дериваты, имеющие в составе заимствованный корень, в качестве аффиксов присоединяют русские приставки и суффиксы в отличие от номинативных образований, использующих заимствованные служебные морфемы (геймер, контент-мейкер). Слова, образованные на базе английских корней, отражают общую тенденцию «уменьшения доли глаголов перемещения и явное увеличение числа глаголов деятельности и поведения» [1, с. 6], что отражает современное состояние общества.

Компьютерный сленг благодаря активной работе в Интернете значительной части людей, оказавшихся в удалённом формате профессиональной деятельности, начал быстро распространяться и становится понятным большему числу пользователей. Язык, принимая «чужаков», адаптирует их грамматически и фонетически, образует новые словообразовательные гнезда на основе имеющихся в русском языке типов и моделей с использованием аутентичных аффиксов. Будет ли увеличиваться поток иноязычной лексики в русском языке или произойдёт их отторжение – покажет время. «Лингвистическая же рефлексия в широком смысле – один из важнейших процессов, который связывает народ и язык и – по крайней мере, отчасти – определяет развитие последнего» [2, с. 105].

Список литературы

1. Дмитриева О. И. Динамическая модель русской внутриглагольной префиксации. Саратов, 2005. 46 с.
2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М. : Знак, 2009. 230 с.
3. Сиротина Т. А. Современный англо-русский русско-английский словарь. М. : БАО-ПРЕСС, 2005. 1216 с.

Информация об авторе: *Бабичева Елена Леонидовна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и методика дошкольного и начального образования» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ТЕКСТА В ЛИНГВИСТИКЕ

Я. Бахышова

г. Баку, Азербайджан

Аннотация. Рассматриваются вопросы развития основных направлений теории текста в лингвистике. Исследования показали, что развитие лингвистики текста тесно связано с развитием гуманитарных наук и является важным достижением лингвистики последних времён.

Ключевые слова: текст, коммуникация, система, целостность, парадигма, лингвистика

Для цитирования: Бахышова Я. Развитие теории текста в лингвистике // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 242–246.

Появление новой научной парадигмы в лингвистике изменило подход к некоторым лингвистическим вопросам, расширило сферу её исследований. Один из этих вопросов был связан с текстом и информацией, а также восприятием информации [4, с. 180–189]. В современном мире общение реализуется передающим информацией (производство речи), принимающим информацию (восприятие информации) и ситуацией речи. Как видно, эти вопросы считаются важными объектами исследования в синтаксисе речи и риторике филологических наук. Формирование теории текста в лингвистике связывают с этими вопросами [6].

Лингвистика и риторика считаются основными источниками создания теории текста. Ещё в Древней Греции риторики обращали особое внимание выразительности речи, условиям произношения, старались изучить риторику продвижения от мысли к выражению в коммуникации. Однако, несмотря на изучение в тот период разных аспектов информации, текст не превращался в отдельный объект исследований; а лингвистическая наука же порой развивалась посредством изучения текстов. Например, развитие лингвистической науки в Древней Индии связано с попытками изучить язык ведов; работа над религиозными текстами сыграла решающую роль в формировании лингвистической науки. Если для риториков речь была связана с ситуацией речи и выражением (произношением) текста, то для лингвистов было интересно его существование и свойства его строения. Значит, аспекты изучения текста разнообразны. Если для риторики на переднем плане было производство речи и убеждение слушателя, то для лингвистики был важен фактор усваивания текста. Таким образом, классическая риторика и филология определили основные контуры современной лингвистики текста.

Такое отношение к тексту продолжалось до середины XIX века и начинается период застоя риторики, который длится до середины XX века. Дифференциация филологической науки как результат этого процесса в значительной мере задержало формирование лингвистики текста как особой области исследования [6]. В этот период появились экспериментальные материалы и теоретические факты, связанные с текстом, если можно сказать, начала формироваться реальная база образования теории текста.

Изучение художественной литературы сыграло важную роль в становлении теории текста. Так как стиль писателя, его свойства выражают наиболее важные аспекты изучения текста. Углубление изучения текста в указанном направлении выявило его новые проблемы.

Ещё одним важным аспектом формирования теории текста явился его вход в сферу интереса гуманитарных наук. Текст изучался в гуманитарных областях науки также с философской и психологической точек зрения. Такое рассмотрение вопроса вывело текст из рамок филологии и риторики и ввело его в более широкую сферу.

Изучение переводных текстов в семиотике и герменевтике и восстановление идей автора на этой основе сыграло важную роль в создании теории текста; религиозные тексты и их условия, изучение религиозных текстов в средние века сыграло особую роль в формировании теоретических основ и знаний о тексте.

Сильное влияние на теорию текста имело и изучение текста в начале XX века в семиотике как последовательности сложных символов. Таким образом, символы, составляющие текст, и их сложная система обусловили будущую модель образования теории этой области.

Мощный толчок развитию теории текста придало появление информатики.

Таким образом, текст пересёк филологические грани и, вступив в сферу гуманитарных и технических наук, ныне изучается с разных сторон, а научно-теоретические идеи о тексте начали приобретать форму целостного учения.

В результате появляются следующие научные направления лингвистики как новая научная парадигма:

Первым проявлением этого процесса, как утверждают лингвисты, является переход от лингвистики языка к лингвистике общения.

1. Расширяются грани лингвистической науки.

2. В 70-е годы XX века начинает возрождаться риторика, а их в свою очередь интересовала коммуникативная модель текста. Они воспринимали текст как активное действие и общение.

3. Укрепляется связь лингвистики с гуманитарными науками [6]. Создание лингвистики текста сопровождалось определенными признаками.

С формированием теоретических основ о тексте, с их укреплением появляются новые понятия этой области лингвистики. К примеру: когезия, когерентность, интертекст и др.

В этом процессе проявляются типология текста, разработка общих принципов его классификации. В конце концов, исследования в этом направлении обусловили «текстовую» терминологию, важные факты учения дискурса.

Объектом теории текста является коммуникативная деятельность людей посредством текстов. На самом деле этот фактор является сутью теории текста. Так как с кем бы мы ни вступали в контакт, это находит свое отражение в тексте. По этому поводу Р. Барт писал, «текст ощущается только в процессе производства, работы. По этой причине он не может находиться без действия [3, с. 415]. При этом условия восприятия речи, ее усваивание, система когезии человека, память и другие важные факторы включают его в круг сферы всех гуманитарных наук.

Открытость текста исходит из его коммуникативной сути; ибо он нагружен какой-то информацией, открыт для тех, кто к нему прибегает.

Р. Якобсон пишет, что в то время, когда мы разговариваем, язык или система используемых знаков является средством коммуникации; при изучении коммуникации нельзя ограничивать средства коммуникации и его участников [6, с. 377].

Хотя по правилам языка, а точнее с точки зрения информации текст закрыт, но он является открытым для тех, кто к нему обращается. Закрытость текста обусловлена его семантическими и структурными свойствами; с лингвистической точки зрения, предложения, составляющие текст [7, с. 13–14]. Это свойство прослеживается и на уровне микротекста; информация, данная в начале микротекста заканчивается, закрывается в конце, этим обеспечивается целостность микротекста.

В формировании теории текста соотношение текста и дискурса, их изучение в определённой степени сыграли значительную роль. Школы, занимающиеся изучением дискурса, неизбежно сталкивались с этим вопросом и высказывали своё мнение на этот счёт. Многие лингвисты рассматривали текст как процесс и в то же время результат этого процесса. Однако Э. Бенвенист рассматривал процесс образования речи как дискурс, а его результат как текст. Это означает, что согласно этому лингвисту текст появляется как результат дискурса.

Принципы установления предмета теории текста связаны с базовыми принципами объекта, случая, объективирования процесса описания. Эти принципы можно систематизировать следующим образом:

1. Системность. Системность является научным принципом и позволяет рассмотреть все стороны предмета. К примеру: рассмотрение микротекста в макротексте и внутренняя система механизма его строения, а также рассмотрение связи между микротекстами как создателя глобальной системы в размере макротекста позволило сформулировать системную природу текста.

2. Коммуникативность текста. Принцип исследования коммуникативности вызван коммуникативной природой текста. Так как в любом случае текст является характерным для общения, а его образование происходит в результате знаков языка и его системы. При создании текста когезия и когерентность проявляют себя как связные системы; с одной стороны, отмечается ситуация, с другой – информация развивается по прямой с увеличивающейся динамикой. Как в микротексте, так и в макротексте принципы подачи информации являются одной из важных задач теории текста.

3. Текст жив и целостен; он обладает динамизмом; динамизм – есть движение, выражение траектории развития событий. Он развивается от микросреды до макросреды. Преобразование событий в текст тесно связано с интеллектуальным уровнем лица. Так как одно и то же событие может преобразоваться в текст историком, филологом, социологом психологом, однако это будут разные тексты. Обращение к одному событию двух писателей не увенчается схожестью текстов. Это будет связано с их манерой изложения, стилем и направлением творчества.

В формировании теории текста важную роль играет и изучение цели коммуникации, лежащей в основе текста. Так как интенция писателя составляет суть общения между адресантом и адресатом. И в основе теории текста стоит текст. Значит эта теория охватывает и прагматику текста. Сюда входят такие важные факторы, как коммуниканты, вербация и усвоение мысли, язык, ситуация цель речи. Значит, при создании текста коммуникативная цель стоит в его основе, и вышеуказанные вопросы помогают его формированию [5]. В процессе речи формирование текста завершается переходом от невербальной к вербальной речи – интегрализацией, как сказал Э. Бенвенист, завершением процесса произношения [2].

Текст является обозначенной информацией, обладает стабильностью, является основной единицей коммуникации, он может быть понят, декодируясь, и является основным источником знаний и информации.

Текст является результатом понимания; результатом вербализации придуманных и увиденных событий. Этот процесс должен рассматриваться как результат психологических, философских, социологических и нейролингвистических исследований. Кодирование может происходить на уровне языка и искусства. Язык и древний язык являются лингвистическим выражением этого кодирования. Музыка, архитектура и скульптура также являются выражением внутренних мыслей человека, однако это кодирование отличается от лингвистического выражения. Текст является сложным символом, обладающим лингвистической природой по причине языковых связей. Сложность этого символа состоит в том, что он су-

существует на основе соприкосновения разных уровней языка, и каждый из них в определённой степени обладает значением в строении текста. Обладание текстом связной и целостной системой является результатом взгляда на него не со стороны, а изнутри [1, с. 183]. Тем не менее описание или анализ текста на уровне понимания обусловлен экстралингвистическими факторами. Это выявляет социальную сторону текстообразования; создает условия для прояснения отношений социума и текста. На самом деле текст живёт в социуме, социум определяет его существование; социальная деятельность и общественные отношения влияют на него. Социальная среда также может состоять из макро- и микросреды; именно они являются средой существования текста. Среда является пространством существования текста. В этом пространстве коммуниканты являются носителями разной веры и мыслей. Они могут по-разному воспринимать и толковать текст, однако у адресанта есть цель, связанная с текстом. Значит, в принципе декодирование текста может сопровождаться разными направлениями и результатами.

Будет уместно высказать своё мнение по ещё одному вопросу. Среди факторов, связанных с текстом, упоминается и термин комикс. Комикс связан с подачей текста вербально, в сопровождении картинок (к примеру пиктограмм). Приближение этих систем регулируется определённой нормой и называется смешанным текстом. При создании текста два этих языковых текста меняют изменение формы и функциональное назначение текста.

Основным фактом в контексте события и текста является субъект. Субъект является автором текста. В этом процессе регулятором связи и взаимопонимания между субъектами является известное общее знание между ними. К примеру: филолог лучше и точнее поймёт текст, связанный с филологией, нежели с физикой или математикой. Так как филологический текст основывается на общем мнении, существующем среди филологов.

Любое художественное произведение является текстом; у него есть создатель, есть стиль, использованный как от имени автора, так и от имени образов.

При выражении какого-либо текста автор художественного текста опирается на этот принцип. Порой стиль автора и язык образов могут отличаться. К примеру: если роман привязывается больше к стилю автора, то драматические произведения формируют язык образов. Несмотря на то, что оба они являются плодом воображения автора, естественно, язык образов индивидуализируется, они превращаются в представителей отдельных общественно-политических сил.

Там, где нет слова, нет речи, а значит, нет и диалогических связей. Любой текст направлен на читателя, значит, с точки зрения коммуникации текст основывается на диалогической речи.

Художественные тексты существуют как система произвольных языковых знаков. Именно в этом случае изучается его строение, динамика развития.

У каждого текста есть автор; он вступает в диалог со своим читателем, даже в случае произнесения монологической речи, она является диалогической, ибо она нацелена на читателя.

Текст не является повторяющимся в лице его создателя, он создается один раз и включает в себя многие свойства этого лица [2, с. 297–325]. За этим текстом стоит система языка.

Любой текст является свободным с точки зрения творчества, он не связан с эмпирической необходимостью раскрытия личности, он является логическим выражением внутренней необходимости, он может выполнять как политико-идеологическую, так и эстетическую функцию.

Фактором, делающим текст необходимым, является существование его второй стороны. Связь создателя текста с противоположной стороной имеет глу-

бокое историческое и социологическое значение в обществе; приводит его в действие, развивает. Общество передаёт свои знания современникам и будущим поколениям в виде текстов; увековечивает его содержание, именно поэтому, начиная от шумерских до современных текстов, они обладают конкретным общественно-политическим, социологическим, художественным, эстетическим содержанием.

Список литературы

1. Abdullayev K. M. Azərbaycan dili sintaksisinin nəzəri problemləri. Bakı : Maarif, 1999. 348 s.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 350 с.
3. Барт Б. Эффект реальности. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1996. 415 с.
4. Ворошилова М. В. Креолизованный текст: Аспекты изучения. Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. 276 с.
5. Николаева Т. М. От звука к тексту. М., 2000. 392 с.
6. Якобсон Р. Язык в отношении к другим системам коммуникации. М., 1985. 248 с.

Информация об авторе: *Бахышова Ягут*, преподаватель Бакинского славянского университета (г. Баку, Азербайджан).

РОЛЬ ПРОСОДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В РЕЧИ

С. Гарагёзова

г. Баку, Азербайджан

Аннотация. Рассматривается роль просодических средств в опознании говорящего и выраженного. В разносистемных языках – таких, как английский и азербайджанский, – просодические средства наравне с лексическими и грамматическими играют решающую роль. В обоих языках просодические средства содействуют определению содержания отправленной информации и её отправителя.

Ключевые слова: просодика, просодема, речевой акт, предложение, интонация

Для цитирования: Гарагёзова С. Роль просодических средств в речи // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 247–250.

Роль слов в формировании предложения, как основной единицы коммуникативного процесса, давно доказана, так как существование предложения без слов невозможно. Несмотря на то, что каждое слово обладает своеобразными семантическим, грамматическим, функциональным и просодическими признаками, они в составе предложения претерпевают определённые изменения. Точнее, любое слово, входя в состав предложения, должно вступать с предыдущим и последующим словами в семантическую, грамматическую и просодическую связи. Другими словами, данное слово, находясь в упорядоченной последовательности с другими словами, проявляет свои дистрибутивные и валентностные черты, которые, в свою очередь, образуют его синтаксические связи.

В данной статье мы попытались выяснить роль просодики, т.е. его компонентов в опознании говорящего и выражаемого. В лингвистике выполнено немало работ, посвящённых значимости слова в коммуникативном акте. Среди авторов подобных исследований можно назвать имена таких учёных, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба, Л. Блумфилд, Н. Хомский, В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, Е. М. Медникова, Т. Веннеманн, А. Джунусбеков, С. Джафаров, Ф. Я. Вейсялли и др. Наряду с этим нельзя сказать об исчерпанности всех проблем по данной теме.

Как другие области науки, лингвистика развивается, и то или иное языковое явление, научные проблемы рассматриваются, исходя из достижений современной науки и техники. К этим проблемам относятся и проблемы просодия слова и её роль в общении. Известно, что коммуникация функционирует в двух – устной и письменной формах. Основная разница между этими формами коммуникации заключается в том, что устной форме общения характерно просодические средства (ударение, тон, интенсивность, время, темп и др.) [3, с. 257–258]. Слова, выступающие как основные компоненты предложения, приобретают настоящий смысл только с участием синтаксических связей и просодических средств.

А. А. Потебня подчёркивал, что слово существует только в произношении. Произношение слова реализуется с участием тона. Значение не выражается без участия тона, только с участием тона слова и его значение проясняется [4, с. 118].

Однако стоит подчеркнуть, что уровень и функции тона не во всех языках одинаковы, так как слоги, внесённые в состав слова, являются носителями различных показателей и взаимосвязаны между собой. В слове один из слогов

в сравнении с другими является доминантой. В английском языке ударный слог отличается по интенсивности, а в немецком языке по высоте тона. В азербайджанском языке словесное ударение характеризуется в основном темпоральными и мелодическими особенностями [1, с. 276].

Н. С. Трубецкой отмечал, что любая языковая единица должна обладать звуковым качеством, выполняющим дистинктивную функцию. Иначе эти языковые единицы не различались бы между собой [5, с. 38]. Неправильное использование просодических единиц в процессе коммуникации приводит к неточному пониманию смысла высказанного. Например: в английском языке "perfect" и "per'fect", в азербайджанском языке "alma" и "al'ма" словах порядок сегментных единиц одинаково, однако они между собой различаются по одному просодическому признаку. Эти единицы различаются между собой по акцентной структуре. В различении этих слов ударение выступает как релевантный признак.

Место ударения в слове позволяет определить просодическую структуру слова. Г. Глисон и другие американские учёные придерживаются мысли, согласно которой в английском языке 4 уровня ударения.

- 1) основное ударение / ' /
- 2) второстепенное ударение / ^ /
- 3) ударение третьей степени / ` /
- 4) слабое ударение / ˇ / [2, с. 68].

Безусловно, акустические показатели – частота основного тона, интенсивность и время звучания разнохарактерного ударения в этих словах не одинаковы. В проведённом экспериментально-фонетическом анализе получены их акустические показатели по трём параметрам. Например, в предложениях /Tom calls Hans/ и /Hans calls Tom/ слова "Hans" и "Tom" употреблены в разных позициях. Также определены изменения, происходящие в просодической структуре этих слов. Несмотря на то, что число лексических единиц в этих предложениях одинаковы, на их произношение потрачены разный временной отрезок. На произношение 1-го предложения израсходовано 1,22 м/с, а во втором предложении временной показатель составляет 1,18 м/с. Значит, по сравнению с первым предложением на произношение второго предложения израсходовано меньше времени.

В предложении /Tom calls Hans/ в односложном слове "Tom", употребленных в начале, гласного /ɔ/ обладает следующими акустическими показателями.

$$/ɔ/1: \quad t = 0,1 \text{ с}; \quad i = 81 \text{ db}; \quad \text{чот} = 211 \text{ гц.}$$

Эти показатели у гласного /ʌ/ в односложном слове «Hans» зарегистрированы в следующих показателях:

$$/ʌ/1: \quad t = 0.12 \text{ м/с}; \quad i = 76.3 \text{ db}; \quad \text{ЧОТ} = 177 \text{ гц.}$$

Во втором немецком предложении /Hans calls Tom/ слова "Hans" и "Tom" менялись позициями, точнее, во втором положении слова "Hans" употреблено в препозиции предложения. В этом положении акустические показатели выражены следующими цифрами:

$$/ʌ/2: \quad t = 0.14 \text{ с}; \quad i = 80 \text{ db}; \quad \text{ЧОТ} = 129 \text{ гц.}$$

$$/ɔ/2: \quad t = 0.12 \text{ с}; \quad i = 81 \text{ db}; \quad \text{ЧОТ} = 225 \text{ гц.}$$

Как видно из акустических показателей, позиция слов предложении влияет на их просодическую структуру. В этих словах изменения по формантным структурам (F1 и F2) тех же гласных выглядят так:

$$/ɔ/1: \quad F_1 = 963 \text{ гц}; \quad F_2 = 1321 \text{ гц}; \quad /ɔ/2: \quad F_1 = 963 \text{ гц}; \quad F_2 = 1245 \text{ гц.}$$

$$/ʌ/1: \quad F_1 = 963 \text{ гц}; \quad F_2 = 1682 \text{ гц}; \quad /ʌ/2: \quad F_1 = 931 \text{ гц}; \quad F_2 = 1432 \text{ гц.}$$

В составе слов формантные показатели частоты F_1 и F_2 в зависимости от индивидов изменчивым, что обусловлено разницей работ произносительных органов и произносительными привычками.

Таким образом, выявлено, что просодические особенности слов, входящих в состав предложения, связаны с интонационной структурой предложения. Понятно, что этот важный фактор для английского языка проявляется только в устных вариантах. Этот фактор наблюдается и в материале азербайджанского языка.

Представляем акустические показатели азербайджанских слов /ʃad/ и /daʃ/, полученных из анализа просодических параметров этих слов.

В произношение слова /ʃad/ 1-й диктор тратил 0,66 м/с, а второй диктор 0,5 м/с.

В слове /daʃ/ также участвуют те же сегментные единицы. Гласная фонема /a/ составляет ядро слова и не меняет свою позицию, согласные же фонемы поменялись местами в структуре слова. На произношение этого слова 1-й диктор израсходовал 0,45 м/с, 2-й же диктор израсходовал 0,4 м/с. При сравнении акустические показатели гласной /a₁/ в слове /ʃad/ с гласной /a₂/ в слове /daʃ/ получим следующую картину:

/a₁/ 1-й д.: t = 0,14 м/с; i = 79 дб; ЧОТ = 241 гц; F₁ = 963 гц; F₂ = 1487 гц.
2-й д.: t = 0,12 м/с; i = 79 дб; ЧОТ = 250 гц; F₁ = 876 гц; F₂ = 1570 гц.

/a₂/ 1-й д.: t = 0,16 м/с; i = 80 дб; ЧОТ = 239 гц; F₁ = 842 гц; F₂ = 1507 гц.
2-й д.: t = 0,2 м/с; i = 77 дб; ЧОТ = 228 гц; F₁ = 862 гц; F₂ = 1447 гц.

В этих словах в зависимости употребления пре и постпозициях звонких и глухих согласных в акустических показателях гласного наблюдается отклонения. Значит, в речевом акте сегментные единицы формализуются не только с помощью грамматических средств. Для говорящего техника речи необходимо не только что произносить, но и для того как произносить. Усвоение интонационной структуры родного и изучаемого языков создаёт благополучные условия для правильного построения и понимания речи.

В результате анализа языкового материала выявлено, что в зависимости от настроения говорящего меняется просодические показатели – тон, интенсивность и время звучания. В зависимости от коммуникативной функции слова в предложении варьируется его просодическая структура.

Наряду с просодической структуры знание других структур языка – морфологической, лексической, синтаксической и семантической и соблюдение этих требований помогает правильному пониманию выраженного.

Из анализа языкового материала стало ясно, что просодическая активность в английском и азербайджанском языках различна. В обоих языках минимальной просодической единицей является слог, который играет решающую роль в организации слова. Значит, просодическая организация слова опирается на просодическую организацию слогов и формируется соответственно произносительным нормам.

Соблюдение произносительных норм для носителей языка является важным требованием. В речевом акте в речи разных носителей языка в отличие от инвариантной структуры слова или предложения реализуется новые просодические варианты, соответствующие требования ситуации и контекста. Возникшая просодическая структура выступает как инвариантная структура в момент речи. В этом варианте просодической структуры представлены черты, которые характерны как для инварианта, так и для самого варианта.

Просодические средства в коммуникативном акте помогают не только восприятию произнесенного, но и позволяют установить личность адресанта. Проведём маленький эксперимент. Прежде чем открывать дверь, ребёнок пытается определить личность постучавшего и с этой целью спрашивает:

– Кто?

– Я!

Ребёнок, не ознакомленный просодическими особенностями этих предложений-реплик, не открывает двери. Чуть позже приходит мать и стучит в дверь, обращаясь тем же вопросом ребёнку. В обоих случаях слова (кто) обладает одной и той же сегментной последовательностью, однако знакомый тембр голоса побуждает ребёнка к действию. В опознании речи просодической системы языка, т.е. их вариантов в речи бесчисленно, чем их инвариантов в системе. Коммуникативные оттенки, приобретённые в акте речи, играют значительную роль в установлении личности говорящего. Каждый носитель языка, употребляя то или иное слово в речи, должен соблюдать произносительную норму, тем самым он и соблюдает индивидуальную просодическую норму. Именно с помощью этих особенностей уточняется личность отправителя сообщения.

Таким образом, исходя из индивидуальных произносительных особенностей, из их соблюдения норм в произношении сегментных и суперсегментных единиц, можно установить личность адресанта.

Список литературы

1. Axundov A. Azərbaycan dilinin fonetikasi. Bakı : Maarif, 1984. 391 s.
2. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М. : Изд.-во иностр. литературы, 1959. 486 с.
3. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М. : Высш. шк., 1979. 312 с.
4. Потебня А. Мысль и язык // Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков. М. : Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. С. 117–123.
5. Trubeskoy N. S. Fonologiyanın əsasları. (Almancadan tərcüməsi, “Son söz” və “Qeydlər” prof. F. Yadigarındır (Veysəlli). Bakı : Təhsil, 2005. 342 с.

Информация об авторе: *Гарагёзова Севиндж*, преподаватель Азербайджанского университета языков (г. Баку, Азербайджан).

ОМОКОМПЛЕКС «КАК МОЖНО» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А. Е. Долженкова

г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются особенности функционирования омокомплекса «как можно» в качестве наречия и категории состояния в предложениях разного типа, а также в качестве аналитической усилительной частицы. Обращается внимание на использование функциональных омонимов в текстах разных стилей. Делается вывод о том, что омокомплекс «как можно», обладая широкими возможностями грамматической реализации, отражает явление переходности в современном русском языке.

Ключевые слова: омокомплекс, наречие, категория состояния, частица, переходность

Для цитирования: Долженкова А. Е. Омокомплекс «как можно» в современном русском языке // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 251–253.

В настоящее время всё более актуальными становятся частные исследования, посвящённые описанию конкретных функциональных единиц русского языка. Ю. Д. Апресян, характеризуя новые тенденции в развитии лингвистики, выделяет, с одной стороны, «прорыв в макромир», или лингвистику предложения, высказывания, текста, с другой – «прорыв в микромир, или лингвистическое портретирование» [1, с. 127].

«Как можно» представляет собой пример полифункционального элемента, явившегося результатом длительного развития русского языка. Сочетание функционирует как звуковой и графический омокомплекс. Под омокомплексом понимается заглавная единица для группы функциональных омонимов, т.е. этимологически родственных слов, совпадающих по звучанию, но относящихся к разным частям речи [2, с. 194, 198].

Переход «как можно» из одной части речи в другую, активно протекающий в современном русском языке, связан с развитием мышления и необходимостью говорящего передавать новые типы связей и отношений между явлениями действительности. Каждое из значений омокомплекса «как можно» обусловлено определёнными потребностями выражения мысли. В результате сложилась богатая картина употребления исследуемого сочетания, что свидетельствует, с одной стороны, о многообразии значений данного омокомплекса, а с другой – о богатстве выразительной системы русского языка в целом.

Состав омокомплекса «как можно» можно представить следующим образом:

1. «Как можно» – наречие + слово категории состояния.

Слово «как» является наречием образа действия (синонимично обороту *каким образом*) при слове категории состояния «можно», которое употребляется со связкой (в том числе в нулевой форме) и вместе с примыкающим инфинитивом входит в состав сказуемого односоставного безличного предложения. Материал показал, что при подобной частеречной квалификации сочетание «как можно» используется:

а) в составе придаточной изъяснительной части сложноподчинённого предложения, выражая косвенный вопрос: *Через два дня после появления Рыже-*

бородого мы уже не могли себе представить, **как можно было жить** в проклятом Замирье без этого человека (К. Паустовский); В практической части работы мы покажем, **как можно реконструировать** фразеологизм предшествующего состояния языка, под которым будем подразумевать балто-славянское языковое единство (Е. Киров); Автор справочника даёт практический совет, **как можно научиться определять подлежащее** (О. Марченко);

б) в составе простого вопросительного предложения: **Как можно выявить степени актуальности метаязыкового знания для говорящего?** (Н. Коновалова). Вопросительно-риторические предложения с наречием «как» и категорией состояния «можно» выражают эмоционально-импульсивную реакцию говорящего, совмещённую с оценкой, которая вызвана усиленным воздействием ситуации на эмоциональную сферу адресата: **Как можно жить** пустые годы, Тебя не зная? **Ирония судьбы, ирония природы, Ирония сквозная** (Д. Самойлов); **Как можно объяснить** это природным явлением? Это явное вмешательство Творца в этот мир! (А. Городницкий);

в) в составе вводного предложения с целью привлечения внимания собеседника к сообщению, для акцентирования, подчёркивания главной мысли текста: **Как можно заметить**, имя Лескова используется критиком как сильный аргумент в суждениях о литературном процессе (Т. Ильинская). Подчеркнём, что позиция вводного предложения свободная: **Как можно предположить**, ему важно было уяснить, какая другая из существующих цивилизаций способна демонстрировать не увядание, а, наоборот, пассионарный энергетизм (Н. Хренов); **Образы природы, как можно убедиться**, играют в данном случае далеко не последнюю роль (А. Маслова); **Интонационно и в отношении значения и пунктуации весьма нередко «обособляется»** сказуемое, **как можно видеть** из таких примеров (В. Чернышёв).

2. «Как можно» – аналитическая усилительная частица, которая не выражает лексического значения, не имеет грамматического вопроса, не выполняет в предложении синтаксическую функцию, а функционирует прежде всего на коммуникативном уровне, т.е. показывает «отношение высказывания и / или его автора к окружающему контексту, выраженному или подразумеваемому» [3, с. 580].

Анализ картотеки примеров, составленной по материалам информационно-справочного портала «Национальный корпус русского языка», позволяет сделать вывод о том, что сочетание «как можно» наиболее частотно именно в функции аналитической усилительной частицы.

Аналитическая усилительная частица «как можно» употребляется со словами разных частей речи:

– с именами прилагательными: **Опровергая представление о том, что театральное искусство интересует только людей высоконравственных, в профессиональной театральной среде акцентируется вопрос о привлечении как можно большего количества зрителей, о расширении социального профиля аудитории** (О. Цапалина);

– с неопределённо-количественными именами числительными **много, мало** в форме сравнительной степени: **Таким образом, перед учителем встаёт проблема: необходимо выделить как можно больше часов на изучение сложного материала, но возможностей не так много...** (Г. Обидина); **Поэтому отдавайте предпочтение майонезу, содержащему как можно меньше добавок (особенно консервантов и подсластителей)** (И. Сокольский);

– с наречиями в форме сравнительной степени: **Акакий Акакиевич с некоторого времени начал чувствовать, что его как-то особенно сильно стало пропекать в спину и плечо, несмотря на то что он старался перебежать как мож-**

но скорее законное пространство (Н. Гоголь); *Это вторая тема, которая звучит в диалоге Альберта с Делесовым, которому хочется как можно больше узнать об этом необыкновенном, непохожем на окружающих человеке, в 5-й главе рассказа* (М. Дубова).

Омокомплекс «как можно», реализуемый в качестве наречия «как» и категории состояния «можно» в составе придаточной изъяснительной части, не имеет закреплённости за определённым стилем. Он активно используется в текстах разных стилей: *Гурову было важно понять, как можно было заставить Гришина пойти на преступление* (Н. Леонов) – художественный стиль; *Вышеизложенные факты, известные в узкоспециальной среде лингвистов, могут послужить примером того, как можно сблизить достижения научной мысли с практикой преподавания русского языка в школе* (Е. Кокорева) – научный стиль.

Наречие «как» и категория состояния «можно» в составе простого вопросительного предложения, а также аналитическая усилительная частица «как можно» используются преимущественно в публицистических и художественных текстах: *Слушай, как можно перевести имя Маврос?* (Д. Рубина); *Но желательно, чтобы в его подчинении было как можно меньше людей* (А. Бовин); *Он должен был настоять на том, чтобы дело обошлось как можно секретнее* (М. Лермонтов).

«Как можно» в составе вводного предложения, как правило, употребляется в научном тексте: *Это новое вводное слово выделяется, как можно видеть, запятыми или тире (варьирование пунктуационного оформления говорит о его неустоявшемся характере)* (Т. Шмелёва). Сочетание «как можно» и инфинитива со значением восприятия или мыслительной деятельности (*заметить, видеть, убедиться* и под.) синонимично вводным словам *заметьте, подчёркиваю, что важно, что ещё существенней* и др.

Таким образом, омокомплекс «как можно», обладает широкими возможностями грамматической реализации, обусловленными необходимостью говорящего передавать новые типы связей и отношений между фактами действительности. Функционирование омокомплекса отражает явление переходности в современном русском языке.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Формальная модель языка и представление лексикографических знаний // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 123–139.
2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М. : Дрофа, 2000. 640 с.
3. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 682 с.

Информация об авторе: *Долженкова Анна Егоровна*, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ АРАБИЗМОВ И ПЕРСИЗМОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

М. Б. Кетенчиев

г. Нальчик, Россия

Аннотация. Исследование посвящено арабским и персидским заимствованиям. Освещаются некоторые проблемы, сопряжённые с их грамматическими характеристиками в языке-реципиенте. Выявлены и описаны функционально-семантические возможности заимствованных слов, связанные со словоизменительными категориями имени и глагола в карачаево-балкарском языке.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, заимствования, арабизмы, персизмы, морфологическое освоение

Для цитирования: Кетенчиев М. Б. Морфологическое освоение арабизмов и персизмов в карачаево-балкарском языке // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 254–258.

Арабо-персидские заимствования представляют значимый пласт лексики карачаево-балкарского языка, в силу чего языковеды обращают внимание на их различные аспекты. Так, например, они рассмотрены в сфере отраслевой лексики [11, 12] и фразеологии [10], выявлены и описаны некоторые их лингвокультурные характеристики [2, 3], определены функциональные возможности в духовной литературе [9]. Однако всё ещё не решены вопросы, связанные с грамматическим освоением ориентализмов в языке, чем и предопределяется обращение к ним.

При морфологическом освоении арабизмы и персизмы включаются в грамматическую систему карачаево-балкарского языка, приобретая при этом ряд словоизменительных характеристик, присущих языку-реципиенту. Многие заимствования в карачаево-балкарском языке меняют свою частеречную принадлежность. Так, например, имеет место переход масдаров в имена существительные, о чем свидетельствуют следующие примеры: *айып* «стыд, срам, позор; перен. вина, провинность, проступок, преступление; перен. изъян, дефект, предосудительный недостаток»; *зулму* «гнёт, притеснение, угнетение; произвол», *ийман* «вера, верование», *илхам* «вдохновение, воодушевление», *инкъыйлап* «революция», *мархамат* «милость, милосердие, сострадание, пощада», *неках* «бракосочетание (по мусульманскому обряду)», *низам* «дисциплина; порядок; режим, государственный строй; точно установленный распорядок жизни; правила (напр. уличного движения, игры в футбол)», *тамсил* «басня», *халкъ* «население; в позиции определения: народный; нация; основная трудовая масса населения; люди, толпа; разг. о группе людей, имеющих что-либо общее, какие-либо общие признаки», *ышара* «жест, знак».

Наблюдается также переход масдаров и в имена прилагательные: *зыраф* «бесполезно, напрасно потерянный, растроченный» и др.

Обнаружен факт перехода масдара в модальное слово, например, *экен*, репрезентирующее значение бытия и изменяющееся по лицам, числам и падежам: *Алада кюн кёп, аз экенин билмейбиз* (Къулийланы Къ.) «Мы не знаем, много или мало у них дней». Данная лексема функционирует в карачаево-балкарском языке и в качестве постпозитивной модальной частицы, выражающей недоумение, со-

мнение, желание: *Ала бери келгенмидиле экен?* (журнал «Минги Тау») «Пришли ли они сюда?».

Рассматриваемое явление получило широкое распространение во многих тюркских языках, поскольку масдары в них отмечены значительным функциональным потенциалом. Как пишет известный башкирский языковед Т. М. Гарипов, «именно масдары составляют львиную долю (до 70 %) всех арабских вхождений в «мусульманские» языки близкого контакта – прежде всего, иранские и тюркские» [7, с. 70].

Многие арабские причастия действительного и страдательного залогов в карачаево-балкарском языке передаются именами существительными: *алим* «учёный (специалист в какой-либо области науки)», *гъашик* «любящий, влюбленный; поклонник», *залим* «угнетатель, тиран; в позиции определения: бесчеловечный, деспотичный, тиранический; перен. очень сильный, мощный, могучий; перен. огромный, громадный; перен. отличный, превосходный, замечательный, очень хороший; перен. очень красивый», *лазим* «нужда, необходимость, потребность, толк», *малгъун* «изувер; в позиции определения: изуверский», *мугъаллим* «учитель, преподаватель», *мурат* «цель, задача; намерение, желание, стремление, замысел; идея, замысел (поэмы, стихотворения и т.д.); мечта, предмет желаний, стремлений», *мухаджир* «мухаджир, эмигрант», *мынафыкъ* «лицемер, двурушник; в позиции определения: лицемерный, двуличный», *мюдюр* «управляющий; заведующий; директор», *мюрюд* «мюрид», *хадис* «слово пророка, его наставления; рассказы, легенды о его жизни», *шайыр* «поэт» и др.

Займствованные причастные залоговые формы употребительны в карачаево-балкарском языке и в качестве имен прилагательных, о чём говорят примеры типа *адыл* «справедливый, беспристрастный», *жахил* «темный, невежественный, отсталый, некультурный», *къабыл* «согласный, выражающий согласие на что; совершившийся, осуществленный», *мазлум* «эксплуатируемый, угнетенный, притесненный», *сабыр* «спокойный (напр. голос, взгляд); малоподвижный, тихий, не бурный; сдержанный, уравновешенный; мирный, тихий», *фасыкъ* «безнравственный, порочный», *халек* «испорченный, плохой (вид); чрезмерный, очень большой; испорченный, плохой (о человеке); перен. сильный», *харип* «бедный, несчастный, горемычный; употребляется для выражения ласки: бедненький, миленький; употребляется при упоминании умершего», *ыразы* «довольный, удовлетворенный» и т.п. Причастные формы переходят и в другие части речи: *дайым* нареч. «постоянно, всегда», *лазим* межд. «ей-богу».

В карачаево-балкарском языке у займствованных лексем нивелируется категория рода (в персидском языке такая категория у имени отсутствует). Но в карачаево-балкарском языке ряд личных арабского происхождения принимает аффикс *-а* (*-я*), когда они обозначают лиц женского пола: *Салима*, *Жамиля*, *Фарида*, *Азиза*, *Алима*, *Камила*, *Залима*, *Фазилья*, *Хафиза*, *Ханифа* и др. Такое явление широко распространено и в других тюркских языках, например, в башкирском языке [4, с. 20].

Имена арабского и персидского происхождения в языке-реципиенте оформляются маркером множественного числа *-ла/-ле* и теряют к тому же значение двойственного числа: *имамла* «имамы», *хадисле* «хадисы», *намазла* «намазы», *файгъамбарла* «пророки», *дергле* «мести» и т.п. При этом следует учесть тот факт, что употребление форм двойственного числа в персидском языке очень ограничено, и суффикс двойственного числа *-эйн* присоединяется к некоторым займствованным словам из арабского языка.

Меняется также характер репрезентации категории принадлежности у займствованных слов в карачаево-балкарском языке. Так, в арабском языке о нали-

чии рассматриваемой категории сигнализируют слитные местоимения, присоединяемые к именам существительным и выполняющие функции притяжательных местоимений. В карачаево-балкарском же языке функционально-семантическое поле посессивности отмечено явно выраженным ядром, представленным различными аффиксами, имеющими местоименное происхождение: 1) маркеры принадлежности 1-го л. ед. и мн. ч. (-м/-ым/-им/-ум/-юм; -быз/-биз/-буз/-бюз; -ыбыз/-ибиз/-убуз/-юбюз), 2) маркеры принадлежности 2-го л. ед. и мн. ч. (-нг/-ынг/-инг/-унг/-юнг; -гъыз/-гиз/-гъуз/-гюз; -ыгъыз/-игиз/-угъуз/-югюз), 3) маркеры принадлежности 3-го л. ед. и мн. ч. (-ы/-у/-ю/-ю; -сы/-си/-су/-сю). Все они репрезентируют как предмет обладания, так и лицо обладателя. Данные маркеры посессивности присоединяются к заимствованным именам: *хатерим* «мое уважение», *хатерибиз* «наше уважение», *хатеринг* «твое уважение», *хатеригиз* «ваше уважение», *хатери* «его уважение», *хатерлери* «их уважение»; *базарым* «мой базар», *базарыбыз* «наш базар», *базарынг* «твой базар», *базарыгъыз* «ваш базар», *базары* «его базар», *базарлары* «их базар» и т.п.

В контексте данного исследования облигаторно обратиться к категории определенности / неопределенности. В арабском языке для репрезентации этой категории используется определённый артикль, а неопределённый артикль отсутствует. В персидском же языке можно говорить о категории выделенности, которая также выражается артиклем. Функцию неопределённого артикля в карачаево-балкарском языке выполняет имя числительное *бир* «один», которое употребляется в препозиции имён, в том числе арабизмов и персизмов: *Менде бир китап барды да, ол сеники боллукъду* (журнал «Минги Тау») «У меня есть одна книга, она будет твоей»; *Сени да болуучу эди бир досунг* (альманах «Шуёхлукъ») «У тебя тоже был один друг».

Рассматриваемая категория в карачаево-балкарском языке передаётся и именами в родительном и винительном падежах. Обращаясь к ней, тюркологи выделяют оппозицию – нулевые формы и противопоставленные им аффиксальные формы [8, с. 41–74]. Речь идёт о морфологическом способе выражения категории определенности / неопределенности, на что указывают и другие лингвисты [1, с. 191]. Имена, употреблённые в неформальном родительном или винительном падежах, репрезентируют неопределённость, а если они оформляются материально выраженными аффиксами – определенность: *инсан борчу* «гражданский долг», *инсанны борчу* «долг гражданина», *душман келтир* «привести врага (вообще)», *душманны келтир* «привести врага (конкретного)» и др.

Заимствованные из арабского и персидского языков имена принимают тип склонения (в арабском языке имеются три падежа, тогда как в персидском языке такая грамматическая категория имени отсутствует), присущий для карачаево-балкарского языка. Для него, как и для других тюркских языков, имеют место «простое» и «притяжательное» склонения, которые обычно называются именная и посессивно-именная падежные парадигмы [5, с. 37]. По справедливому замечанию Н. Э. Гаджихамедова, «противопоставление по наличию или отсутствию перекрещивающихся категорий принадлежности и падежа лежит в основе соотношений посессивно-именной и именной парадигм в каждом конкретном тюркском языке. Именно взаимоотношения этих двух парадигм образуют структурную основу тюркского склонения» [6, с. 49]. В пользу этого свидетельствует и материал карачаево-балкарского языка. Приведём примеры на простое и лично-притяжательное склонение. **Простое склонение:** основной падеж – *мёлек, зиндан*; родительный падеж – *мёлек-ни, зиндан-ны*; дательный-направительный падеж – *мёлек-ге, зиндан-нга*; винительный падеж – *мёлек-ни, зиндан-ны*; местный падеж – *мёлек-де, зиндан-да*; исходный падеж – *мёлек-ден зиндан-дан*. **Лично-притя-**

жательное склонение: основной падеж – *мёлегим, зинданым* (1-е лицо); *мёлегинг, зинданынг* (2-е лицо); *мёлеги, зинданы* (3-е лицо); родительный падеж – *мёлегим-и, зинданым-ы* (1-е лицо); *мёлегинг-и, зинданынг-ы* (2-е лицо); *мёлеги-ни, зинданы-ны* (3-е лицо); дательно-направительный падеж – *мёлегим-е, зинданым-а* (1-е лицо); *мёлегинг-е, зинданынг-а* (2-е лицо); *мёлеги-не, зинданы-на* (3-е лицо); винительный падеж – *мёлегим-и, зинданым-ы* (1-е лицо); *мёлегинг-и, зинданынг-ы* (2-е лицо); *мёлеги-н, зинданы-н* (3-е лицо); местный падеж – *мёлегим-де, зинданым-да* (1-е лицо); *мёлегинг-де, зинданынг-да* (2-е лицо); *мёлеги-н-де, зинданы-н-да* (3-е лицо); исходный падеж – *мёлегим-ден, зинданым-дан* (1-е лицо); *мёлегинг-ден, зинданынг-дан* (2-е лицо); *мёлеги-н-ден, зинданы-н-дан* (3-е лицо).

Целый ряд прилагательных, имеющих характер заимствования, в карачаево-балкарском языке употребляются в основной (словарной, или нулевой, форме): *жахил* «тёмный, невежественный» *фана* «тленный, бренный», *халал* «добрый, добродушный», *харам* «поганый, отвратительный» и др. Но подобного рода адъективы, адвербиализовавшись, могут перейти в разряд наречий, ср.: *халал* «честно, добросовестно».

Арабизмы и персизмы, функционирующие в карачаево-балкарском языке в качестве адъективных и адвербиальных лексем, образуют парадигму степеней сравнения. В языке-реципиенте они употребляются в положительной, сравнительной, превосходной и уменьшительной степенях: *Халал къыйын ашагъанни ким да сюер* (посл.) «Живущего честным трудом всякий любит»; *Ол халалыракъды* (журнал «Минги Тау») «Он добросовестнее»; *Къыз жашдан халалды* (фольк.) «Девушка добрее парня»; *Хасан бек халал адамды* (альманах «Шуёхлукъ»); «Хасан очень добродушный человек»; *Малчыланы бусагъатда халал урунганлары жюрекни къуандырады* (Къудайланы Х.) «То, что животноводы сейчас честно трудятся, радует сердце»; *Ол сенден халал ишлейди* (фольк.) «Он работает честнее тебя» и т.п. В исходящих языках данная парадигма представлена не так полно.

В чистом виде арабские и персидские глаголы, как правило, карачаево-балкарским языком не заимствуются. Однако они способствуют образованию множества синтетических и аналитических глаголов при помощи карачаево-балкарских средств глагольного и именного словообразования. Для таких форм присущ весь репертуар глагольных характеристик: а) аспект отрицания (*айыплама* «не стыди, не кори»); б) аспект возможности/невозможности (*халал эталама – халал эталмайма* «могу позволить – не могу позволить»); в) категория наклонения (*азатлайды* «освобождает» – изъявительное наклонение, *азатла* «освободи» – повелительное наклонение, *азатласа* «если освободит» – условное наклонение, *азатлагъа эди* «освободил бы» – желательное наклонение); г) категория залога (*масхарала* «высмеивать» – основной залог, *масхаралаш* «высмеивать друг друга» – взаимно-совместный залог, *масхаралат* «заставить высмеивать» – понудительный залог, *масхаралан* «быть высмеянным» – страдательный залог); д) категория времени (*намаз этди* «совершил намаз» – прошедшее время, *намаз этеди* «делает намаз» – настоящее время, *намаз этерикди* «будет делать намаз» – будущее время).

Производные личные глаголы имеют также свои неличные формы: а) причастия (*таурухлагъан* «рассказавший», *таурухлаучу* «рассказывающий», *таурухларыкъ* «тот, кто будет рассказывать»); б) деепричастия (*саламлаша* «здороваясь», *саламлашханда* «когда поздоровался», *саламлашханлай* «как только поздоровался», *саламлашхынчы* «пока не поздоровался», *саламлашханлыкъгъа* «хоть и поздоровался»); в) инфинитивы (*хазырланыргъа* «подготовиться», *намаз къылыргъа* «совершать намаз»); г) имена действия (*хайбатлау* «наряжание», *факъыралау* «обеднение») и т.д.

Как видно из представленного выше фактологического материала, рассматриваемый пласт заимствованной лексики подвергается значительным изменениям в карачаево-балкарском языке в плане морфологических характеристик.

Список литературы

1. Абдуллина Г. Р. Категория падежа в башкирском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 1. С. 189–193.
2. Ахматова М. А. Концепт «душа» в карачаево-балкарском языке (на материале нартского эпоса) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2014. № 5 (61). С. 206–210.
3. Ахматова М. А., Кетенчиев М. Б. Репрезентация концепта «ум» в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 2 (30). С. 57–64. doi: 10.29025/2079-6021-2018-2(30)-57-64
4. Бахтиярова А. Н. Арабские заимствования в башкирском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 24 с.
5. Благова Г. Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1982. 304 с.
6. Гаджихамедов Н. Э. Словоизменительные категории имени в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками). Махачкала : ИПЦ ДГУ, 1996. 107 с.
7. Гарипов Т. М. Об одном арабском масдаре в иранских и тюркских языках // Актуальные проблемы современной тюркской филологии : сб. науч. ст. Уфа, 2010. С. 70–72.
8. Киекбаев Дж. Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. Уфа : Китап, 1996. 369 с.
9. Узденова Ф. Т. Духовная литература как фактор сохранения национальной идентичности // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 1 (36). С. 111–113.
10. Хуболов С. М. Карачаево-балкарская фразеология. Нальчик : Каб.-Балк. ун-т, 2018. 120 с.
11. Abdullina G. R., Gadziakhmedov N. E., Ketenchiev M. B., Nasipov I. S. Cosmonyms in turkic languages (linguistic analysis) // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2017. Vol. 7, № 9.1. P. 208–213.
12. Ketenchiev M. B., Dodueva A. T., Uzdenova F. T., Khubolov S. M. Names of months and national linguistic picture of world on material of Karachai-Balkarian folklore and literature // Contemporary Dilemmas: Education, Politics and Values. 2019. Vol. 6, № S7. Article Number: 13.

Информация об авторе: *Кетенчиев Мусса Бахаутдинович*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой карачаево-балкарской филологии Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова (г. Нальчик, Россия).

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ

В. М. Колганова

г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается такой феномен, как прецедентное имя, особенности его семантики и функционирования (на примере текстов произведений В. С. Токаревой). В качестве объекта исследования выступает прецедентное имя собственное. Было установлено, что прецедентные антропонимы отличаются от других языковых единиц структурой: наличием «инвариантного восприятия», состоящего из ядра (дифференциальных признаков, которые заключают в себе характеристики, отличающие предмет от ему подобных) и периферии (атрибутов, элементов, ассоциируемых с прецедентным онимом).

Ключевые слова: прецедентные феномены, прецедентное имя собственное, семантика, дифференцируемые признаки, функционирование

Для цитирования: Колганова В. М. Особенности семантики прецедентных имён собственных // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 259–261.

Современную лингвистику невозможно представить без исследований, которые касаются взаимодействия языка и культуры, поэтому лингвисты уделяют особое внимание изучению языковых единиц, которые способны накапливать информацию, заключать в себе аксиологическую нагрузку, отражать как национальные, так и универсальные особенности: язык «обладает важнейшим свойством передавать в рамках категориально-грамматических отношений мироощущение носителя языка, его видение происходящего» [2, с. 67]. В центре внимания исследователей находится не только язык, но и способы его взаимодействия с мышлением и восприятием, поэтому это необходимо иметь в виду при исследовании таких языковых единиц, как прецедентные феномены, так как именно они ведут к раскрытию и описанию когнитивной базы человека.

Проблема прецедентности является одной из актуальных и достаточно дискуссионных. В русской лингвистике первым об этом заговорил Ю. Н. Караулов. В его исследованиях упоминается термин «прецедентный текст» [3, с. 47]. Теория ученого получила развитие в трудах Д. В. Багаевой, И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова. Прецедентные феномены, по их мнению, являются ядерными элементами когнитивной базы, являющиеся определенной структурой знаний и представлений, которой обладают члены любого лингвокультурного сообщества. Лингвистами были выделены такие прецедентные феномены, как прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание и прецедентное имя, на основе следующих признаков:

- «1) известные всем представителям национально-лингвокультурного;
- 2) актуальные в когнитивном плане;
- 3) обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей любого национально-лингвокультурного сообщества» [4, с. 170].

В данной статье под прецедентным именем мы будем иметь в виду определение В. В. Красных: это «сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется обращение не к собственно обозначаемому предмету, а к набору дифференциальных признаков» [4, с. 210], например, *Плюшкин* (*ску-*

пость), Печорин (эгоизм), Анна Каренина (любовь, ревность), Хлестаков (глупость, легкомыслие), Софи Лорен (красота), Наталья Гончарова (женский идеал) и т.д. Прецедентные имена отличаются от других языковых единиц структурой: наличием «инвариантного восприятия», которое состоит из ядра (дифференциальных признаков (определённые характеристики, отличающие предмет от ему подобных) и периферии (атрибуты, элементы, связанные ассоциируемые прецедентным именем) [3, с. 104].

Рассмотрим особенности семантики и функционирования прецедентного имени собственного на примере антропонимов, встретившихся в произведениях В. С. Токаревой [5]. Например, прецедентное имя **Лермонтов** традиционно ассоциируется с одиночеством, жаждой к свободе: *Ты мой первый и единственный... Мой Мцыри, мой Лермонтов* (В. Токарева «Северный приют»); *«Ей не хотелось быть связанной словом, ожиданием. Душа жаждала свободы и покоя, как у Лермонтова»* (В. Токарева «На черта нам чужие»). Таким образом, можно сказать, что «одиночество» и «жажда к свободе» являются дифференцируемыми признаками данного имени. На периферии будет находиться такой атрибут, как «талант»: *Эля вспомнила стихи Лермонтова, но Мишаткин читал их как свои... вбирал Лермонтова в себя, и получалось, что он и Лермонтов – одно и то же* (В. Токарева «Хэппи энд»), *Слова были жалкие, не то что у Лермонтова* (В. Токарева «Хэппи энд»). Однако признак «талант» для прецедентного имени **Рембрандт** станет главным, дифференцируемым: *Сейчас тоже есть свои Рембрандты. Но все они по частным коллекциям. Их надо собрать* (В. Токарева «Стрелец»). На периферии этого имени окажется признак-атрибут, обозначающий «эпоху»: *Эта девушка оттуда, из времен Рафаэля и Рембрандта, случайно залетела в двадцать первый век и застряла на птицефабрике* (В. Токарева «Свиньячья победа»).

Дифференцируемыми признаками для прецедентного имени **Мэрилин Монро** являются «красота», «внешние данные»: *На пороге стояла молодая блондинка под Мэрилин Монро* (В. Токарева «Хэппи энд»); *На стене висела Танькина фотография в молодости. Танька была похожа на Мэрилин Монро, но лучше. Более строгая, не такая сладкая* (В. Токарева «Мои враги»). Для прецедентного имени **Горбачев**, встречающегося в текстах художественных произведений, характерны такие дифференцирующие признаки, как «красноречивость» и признак-атрибут, символизирующий «прошлое»: *Она любила трепаться... купалась в своем голосовом журчанье. Как бывший президент Горбачев* (В. Токарева «Лавина»); *Месяцев испытывал к бывшему президенту тёплые чувства... понял, что время Горбачева ушло безвозвратно* (В. Токарева «Лавина»).

«В художественном тексте тесно переплетены различные элементы, среди которых есть такие, которые имеют значение организующей доминанты» [1, с. 123]. Прецедентные имена собственные часто выступают в таком значении, являясь единицами неоднозначными и содержащими в себе как прямое, так и переносное значение. Прецедентные имена собственные – это самостоятельные группы языковых единиц, обладающие своими закономерностями употребления и особенностями структуры значения, которое выражается в инварианте восприятия (национально-культурном, минимизированном). На данный момент не представляется возможным определить точное количество дифференциальных признаков у каждого прецедентного антропонима, так как при использовании даже одного имени в разных контекстах количество актуальных дифференциальных признаков и атрибутов на периферии может варьироваться и увеличиваться или уменьшаться.

Список литературы

1. Болотская М. П., Зуенкова А. О. Вербализация концептов «жизнь» и «смерть» в идиостиле И. Л. Муравьевой (на материале текста романа «Барышня») // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (44). С. 122–131.
2. Болотская М. П. Лексико-грамматические средства в создании образа власти в романе В. П. Аксёнова «Московская сага» // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1 (178). С. 62–68.
3. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М. : Изд-во МГУ, 1999. 407 с.
4. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис, 2003. 316 с.
5. Токарева Л. В. Особенности прецедентных собственных имён в русскоязычных текстах // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по материалам XLII Междунар. заочн. научн.-практ. конф. М., 2015. № 11 (38), ч. II. С. 51–54.

Информация об авторе: *Колганова Валерия Михайловна*, учитель русского языка и литературы гимназии № 44; магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

КУЛЬТУРНАЯ КОННОТАЦИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ ЯЗЫКА

Д. А. Олесюк

г. Луганск

Аннотация. Раскрывается коннотативный аспект семантики фразеологических единиц как основание для возникновения культурной коннотации. Рассматривается культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак, связь культуры и языка. Берётся во внимание воздействие традиций и культуры определённого народа на фразеологический состав языка.

Ключевые слова: язык, культура, фразеологические единицы, культурная коннотация

Для цитирования: Олесюк Д. А. Культурная коннотация во фразеологическом фонде языка // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 262–265.

Изучение языка во взаимосвязи с культурой делает актуальной проблему презентации фразеологического материала, несущего культурологическую информацию. Высокая языковая значимость фразеологии привлекает внимание многих исследователей, таких как Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Л. И. Ройзензон и др. Положил начало и сделал большой вклад в изучении фразеологического фонда языка В. В. Виноградов. Он разработал классификацию фразеологических единиц. Фразеологические единицы русского литературного языка В. В. Виноградов делит на четыре смысловые группы:

- фразеологические сращения,
- фразеологические единства,
- фразеологические сочетания,
- фразеологические выражения.

Первые две группы образуют по смыслу неделимые обороты. Они соответствуют по значению одному какому-нибудь слову. Третья и четвёртая группы образуют по смыслу членимые обороты. Значение этих фразеологических оборотов имеет то же значение, что и их компоненты [1, с. 21–24].

Вопрос о взаимоотношении языка и культуры изучается ещё с древнегреческих времен. Например, древнегреческий философ Пифагор говорил, что для познания нравов какого-либо народа необходимо прежде всего изучить его язык. В прошлом веке существовала проблема взаимодействия языка и культуры. Эта проблема была освещена на новом уровне, вместе со становлением антропоцентрической парадигмы в языкознании и оформлением антропологической лингвистики в самостоятельную научную дисциплину. Появились новые научные дисциплины такие как этнолингвистика, лингвострановедение и лингвокультурология.

Лингвокультурология как наука, которая напрямую связана с культурой и языком, возникла на стыке лингвистики и культурологии и исследует проявление культуры народа в языке. Одним из основных предметов изучения лингвокультурологии является фразеологический фонд языка, в котором отражены ценнейшие знания о культуре и менталитете народа. Во фразеологических единицах можно найти отражение быта, природы, мифов, обычаев, традиций нации. Это подтверждает тот факт, что фразеологизмы отображают социальное устрой-

ство и миропонимание разных эпох. В связи с этим прежде всего выделяется коннотативно-культурологическая функция фразеологического значения. В ней содержится отношение между образно-мотивированной формой языковых единиц и значимой культурной ассоциацией [1].

Цель статьи – изучить особенности культурной коннотации во фразеологическом фонде языка.

Впервые макролингвистическая проблематика в рамках языкознания получила развитие в работах В. фон Гумбольдта. Под макролингвистической проблематикой принято считать соотношение таких понятий как «язык и общество», «язык и культура», «язык и личность». Немецкий филолог и исследователь Вильгельм фон Гумбольдт называл язык «дыханием и душой нации». Из этого следует, что язык является своеобразным зеркалом культуры, в котором отражается не только реальный мир, окружающий человека и реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, система ценностей, видение мира.

Исходя из утверждений В. Фон Гумбольдта, национальный характер культуры находит отражение в языке посредством особого видения мира. Язык и культура являются самостоятельными феноменами, однако их связывают значения языковых знаков, которые обеспечивают онтологическое единство языка. Любой язык является системой, которая отражается в сознании его носителей и формирует восприятие окружающего мира [2, с. 10].

Культурная коннотация, являясь отображением компонентов значения фразеологической единицы, проявляется как лингвистическое понятие. Культурная коннотация в узком смысле понимается как «культурная память» слова. В широком смысле принято считать культурную коннотацию как интерпретацию денотативного или образно мотивированного аспекта языкового знака в культуре, предполагающего выявление связи образа, лежащего в основе номинативной единицы языка, с символами, эталонами и другими знаками культуры, освоенной носителем языка.

Культурная коннотация считается инструментом для изучения взаимодействия языка и культуры в определённые периоды жизни народа, оказавшая большее влияние на формирование его ментальности. Такое взаимоотношение наблюдается и в лексическом и во фразеологическом пластах языка [3]. Например, слово «товарищ» в период декабристов было наполнено духовно-дружеским смыслом. Оно указывало на близких по духу людей. В последующем, в связи с революциями, оно стало означать «свой для этого дела». В эпоху социалистической доктрины оно приобрело иное значение, такое как «тот, кто разделяет официальную социалистическую идеологию».

Воплощение культуры во фразеологических единицах прежде всего рассматривается в анализе культурной коннотации фразеологизмов. Культурно-национальная специфика главным образом отображаемая в образном основании, внутренней форме фразеологизмов, образной гештальт-структуре. Изобразить содержание культурной коннотации, скрытой во фразеологическом фонде языка, без пресуппозиции практически невозможно. В структуре культурной коннотации фразеологических единиц главным фактором считается проявление образов фразеологизмов в знаковой культурной среде языкового коллектива.

Проанализируем некоторые компоненты фразеологических единиц, такие как «не лаптем щи хлебать», «в Тулу со своим самоваром не ездят», они содержат указание на этнографические реалии. Фразеологические единицы с системой оценки лица отображают характерные особенности человека. Они могут выражать как позитивные или отрицательные связи, так и психологические, социаль-

ные, эстетические, нравственные отношения. В русском языке фразеологические единицы могут быть соединены с обобщенным содержанием понятий: «добро» – «зло», «красота» – «безобразия», «ум» – «глупость» и т.п.

Дескриптивный или денотативный компонент значения фразеологической единицы передает материал культурно-национального характера. Основными такими компонентами являются эмотивный и оценочный.

Эмотивность – это вторая основная составляющая коммуникативной функции языка. Первая – информативность. Фразеологические единицы, для которых информативность не является основной составляющей, ориентированы на передачу эмоций и чувств человека. Человек не просто наблюдает за окружающим его миром и действиями, происходящими в нем, но и переживает каждое из них. Например, мы можем наблюдать это в таких фразеологизмах как «с царем в голове», «рыцарь без страха и упрека».

Эмоции являются неотъемлемой частью жизни и деятельности человека. С их помощью мы выражаем свою оценку окружающего мира. Эмоция не может быть нейтральной. Н. Л. Щадрин утверждает, что все оценочные фразеологические единицы эмоциональны и почти все эмоциональные фразеологические единицы, кроме междометных, имеют оценочную коннотацию. Основная роль эмоционального компонента коннотации заключается в том, чтобы выражать эмотивно-оценочное отношение субъекта речи к объекту высказывания. Эта функция называется эмотивно-оценочной модальностью. Она является средством побуждения к определенным мыслям, оценкам, стремлениям, действиям [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что культурная коннотация является прежде всего интерпретацией денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры. Относительно к фразеологическому фонду языка, основной чертой которого является научно доказанная образно-ситуативная мотивированность, связанная носителем языка, и её главным компонентом является образное основание.

Фразеологизмы играют особую роль в трансляции культурно-национального самосознания народа и его идентификации как такового, так как в образном содержании фразеологического состава языка воплощено культурно-национальное мировидение народа. При сопоставлении этого образного содержания фразеологизма с категориями, концептами, мифологемами, стереотипами и эталонами национальной культуры и его интерпретации в пространстве материальной, социальной и духовной культуры открывается культурный смысл самого образа. Средством воплощения культурной специфики народа во фразеологизмах является образное основание, а способом указания на эту специфику – интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном аспекте языкового общества. Между фразеологизмом и национальной культурой народа существует прямая связь. В языке закрепляются и преобразуются во фразеологизмы именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами, и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет.

Список литературы

1. Амосова Н. Н. Современное состояние и перспективы фразеологии. М. : ИЯШ, 1981. 103 с.
2. Арсентьева Е. Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2006. 172 с.

3. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
4. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. М. ; Л. : АН СССР, 1983. 126 с.

Информация об авторе: *Олесюк Дарья Александровна*, студентка филологического факультета Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск).

СООТНОШЕНИЕ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ПЛАНОВ ПРЕДИКАТИВНЫХ ЕДИНИЦ РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С СОЮЗОМ *ИЛИ* КАК ОДНА ИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ИХ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

О. А. Починяева (Ананьева)

г. Самара, Россия

Аннотация. Исследуются особенности структурной организации разделительных конструкций с союзом *или*. В системе сложносочинённого предложения данный тип конструкций является одним из самых малоизученных в синтаксисе современного русского языка. Целью статьи стало выявление характера взаимодействия видо-временных планов предикативных частей в структуре рассматриваемой синтаксической единицы. Результаты исследования позволили определить специфику реализации видового и временного значений предикатов, обусловленную семантикой дизъюнктивности и поэтому свойственную только разделительным конструкциям.

Ключевые слова: разделительная конструкция, видо-временной план, предикативная единица, союз *или*, предикат

Для цитирования: Починяева (Ананьева) О. А. Соотношение видо-временных планов предикативных единиц разделительных предложений с союзом *или* как одна из особенностей их структурной организации // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 266–270.

Структура предложения определяется характером глагола [6, с. 250]. Структура сложного предложения с союзом *или* включает как минимум два плана морфологической характеристики предикатов по виду и времени.

Видо-временные формы сказуемых служат формально-грамматическим показателем характера протекания действий во времени в каждой из частей.

В синтаксической науке рассмотрение соотносительности семантики грамматических форм времени предикатов в структуре сложного предложения позволило выявить два типа отношений между ними – одновременность / неодновременность событий, выраженных компонентами сложного предложения [5, с. 107]. А изучение возможных соотношений форм вида в составных частях сложного предложения дало возможность выделить два типа видового контекста: «цепь» и «длительный ряд». «Цепь» – это тип контекста, в котором выступает ряд глагольных форм совершенного вида, передающих значение последовательно сменяющихся друг друга действий. «Длительный ряд» – это тип контекста, представляющий собой сочетание форм несовершенного вида, обозначающих длительные развивающиеся действия [2, с. 180–187].

Видо-временные планы предикативных единиц, соединенных союзом *или*, могут быть как одинаковыми (предикаты имеют одну и ту же форму времени и вида) (I), так и разными (II).

I) 1. Видишь, например, как стоит бутылка, *или идет* дождь, *или едет* мужик на телеге, но для чего эта бутылка, или дождь, или мужик, какой в них смысл, сказать не можешь (А. П. Чехов).

2. Когда-то он (город – О.П.) играл значительную роль в местной истории; не раз его осаждали, как саранча, загоны татар, посылавших через стены

тучи своих стрел, порой пестрые отряды поляков отчаянно лезли на стены **или**, наоборот, казаки бурно кидались на приступ (В. Г. Короленко).

3. Старый доктор схоластики попросил слова *и*, когда ему дали его, заметил, что спор ведется неправильно; ибо одно из двух: **или** вопрос об ископаемых животных принадлежит низшему знанию, чуждому метафизике, **или** же относится к истинному высшему знанию – к диалектике (Д. С. Мережковский).

В предложениях (1-3) предикаты обоих компонентов представлены формами несовершенного вида глаголов настоящего (1, 3) и прошедшего (2) времени. Общеизвестно, что глаголы в форме несовершенного вида используются для выражения одновременности событий («длительный ряд»). Однако данное положение нуждается в уточнении, когда речь идет о разделительных конструкциях: явления, описываемые в компонентах данных конструкций, осуществляются либо поочередно, в разные временные промежутки (1, 2), либо реализация одного из них в действительности исключает, по мнению говорящего, все остальные (3).

В первом предложении параллельное строение предикатов (**или** *идёт*, **или** *едет*) способствует созданию общей словесной картины возможных событий, в основе которых лежат процессуальные признаки с внутренней динамической структурой протекания каждого из них во времени. Предикаты такого типа, по мнению А. В. Бондарко, выражают процессное значение [3, с. 383]. Во втором предложении предикаты (*осаждали*, *лезли* **или** *кидались на приступ*) репрезентируют разновременные, поочередно осуществляемые в прошлом, однако одинаковые по характеру регулярно повторяющиеся действия, также не ограниченные пределом. В третьем предложении глаголы несовершенного вида в обобщенном настоящем времени (**или** *принадлежит*, **или** *относится*) служат средством для выражения научных закономерностей, отражающих действующие связи и отношения. Но эти связи осознаются субъектом речи как взаимоисключающие: если вопрос принадлежит низшему знанию, то не относится к высшему, и наоборот.

Таким образом, предикаты несовершенного вида в разделительных конструкциях с союзом **или** представляют собой элементы «длительного ряда», в одних случаях развивающиеся поочередно (эффект гирлянды с мигающими лампочками, зажигающимися по очереди); в других – абсолютно исключают друг друга в действительности, возникает так называемый перечень потенциально возможных событий, реальным из которых будет какое-то одно (эффект гирлянды, в которой из множества лампочек зажжется только одна).

Предикаты, оформленные как глаголы несовершенного вида настоящего и прошедшего времени, могут быть связаны с изобразительной функцией. Примером этому служит первое предложение, автор которого создает в воображении у читателей три разных картины: *стоит бутылка*, *идет дождь*, *едет мужик*. Во втором и третьем предложениях предикаты выполняют качественно-описательную функцию. Во втором предложении предикаты (*осаждали*, *лезли* **или** *кидались на приступ*) отражают события, происходившие в истории одного и того же города. В третьем предложении предикаты (*принадлежит*, *относится*) в обобщенном настоящем времени со значением ‘быть свойственным, присущим кому/чему-нибудь’ с противопоставленными друг другу дополнениями (*к низшему знанию и к высшему знанию*) представляют альтернативные научные оценки рассматриваемого вопроса.

Предикаты совершенного вида обозначают завершённые действия, ограниченные пределом: 1) *Может, у него жена померла, **или** еще какое горе случилось, а я ржу* (В. П. Астафьев); 2) *Марианна чуть-чуть свихнулась, сдвинулась. Ей казалось, что нянька утопит ребенка в ванне, выронит в окно, нечаянно, конечно. **Или** ребёнок сам захлебнётся во сне* (В. С. Токарева).

Симметрия совершенного вида предикатов в компонентах 1 и 2 предложений указывает на то, что события, характеризующие ситуацию в целом, осознаются говорящим как предположительно совершившиеся факты в прошлом (1), или как возможные в будущем, одинаково неприятные и вызывающие ужас у субъекта речи (2). Вербализуемые процессы носят законченный характер, они представляют ограниченные пределом целостные действия, не членимые на фазы. Различие заключается во времени их осуществления: в первой конструкции вербализуются потенциальные события, произошедшие в прошлом, а во второй – возможные в будущем.

Использование в данных предложениях глаголов-предикатов совершенного вида позволяет описать ситуацию с завершёнными, ограниченными во времени действиями, которые, однако, представляют не «цепь» последовательно осуществимых событий, а ряд возможных, потенциальных явлений, реальным из которых может быть любое.

Функция грамматических категорий глаголов-сказуемых при условии их симметричности (92, 4 % от числа примеров всей выборки) в структуре конструкции заключается в создании равнозначности перечисляемых явлений, осознаваемых альтернативными по отношению к друг к другу. Все названные пропозиции, характеризуя какую-то одну денотативную ситуацию, отображают общее представление говорящего о данной ситуации, расположенной в определенном временном плане и имеющей определенные границы протекания потенциальных действий, соотнесенных, как правило, и по виду, и по времени.

Необходимо отметить, что использование глаголов совершенного / несовершенного вида в компонентах сложных предложений с союзом *или* обусловлено не соотношением действий во времени, а их завершенностью / незавершенностью, что соответствует общим закономерностям употребления видов в русском языке.

II) Случаи «непараллельной» видовой или видо-временной семантики предикатов встречаются намного реже (7,6 % от числа примеров всей выборки).

Несовпадение видо-временной характеристики сказуемых в предикативных единицах объясняется рядом факторов.

1. Причиной «непараллельности» предикатов в видовом плане может стать отсутствие у одного из глаголов формы совершенного вида: *Если я долго не приезжал в город, то, значит, я был болен **или** что-нибудь случилось со мной, и они оба сильно беспокоились* (А. П. Чехов).

2. Выбор «непараллельных» форм может быть связан с «конкуренцией» видовых значений, при которой возможна замена одной видовой формы другой без ущерба для смысла высказывания [3, с. 59]: *Но неумышленно, когда он не делал никаких любовных прелюдий, а просто брал ее за руку, она давала ему руку, брала сама его руку, опиралась ему доверчиво на плечо, позволяла переносить себя через лужи и даже, шая, ерошила ему волосы **или**, напротив, возьмет (ср. брала) гребенку, щетку, близко подойдет (ср. подходила) к нему, сделает (ср. делала) пробор и, пожалуй, напомадит (ср. помадила) голову* (И. А. Гончаров).

Первая часть конструкции (до союза *или*) передает размеренное течение событий; в ней используются глаголы несовершенного вида со значением многократного повторения действий в реальной действительности. Во второй части вводится информация, противоположная предыдущей по смысловой наполненности (ср. *ерошила волосы – возьмёт гребёнку* и т.д.), что поддерживается вводным словом «напротив» и сменой видо-временного плана. Будущее простое время глаголов совершенного вида, представленное в предикатах после разделительного союза, обозначает действия, относимые к прошедшему времени, и указывает на

краткость и завершенность эпизодически повторяющихся действий. Обозначение повторяющихся действий, нетипичное для совершенного вида глаголов, сближает их, делает синонимичными с глаголами прошедшего несовершенного вида [4, с. 34].

Наиболее частотны в разделительных конструкциях синонимические соотношения глаголов в форме совершенного вида будущего простого времени с предикатами несовершенного вида настоящего времени. Взаимозамена предикатов данной морфологической характеристики возможна в связи с тем, что они выражают обычные, регулярно происходящие события в жизни тех или иных людей: *А этот чернозем через год обращался в толстенную бабищу, которая целый день лежит на постели и жуёт пряники или унижает (ср. *унижает*) свои пальцы копейными кольцами, растопырит (ср. *растопыривает*) их и любуется. А то сидит на кухне, пьёт с кучером сладкую наливку и разводит с ним натуральный роман* (А. И. Куприн).

Некоторые исследователи подобную возможность взаимозамены одной видовой формы другой рассматривают как результат нейтрализации видового противопоставления [2, с. 226–234]. Высказывается предположение о том, что «выражение повторяющихся действий... представляет собой... зону нейтрализации видового противопоставления» [1, с. 69].

Таким образом, в предикативных единицах, соединенных союзом *или*, может наблюдаться свойственная русскому языку конкуренция видов между неограниченно-кратным значением несовершенного вида и наглядно-примерным значением совершенного вида глаголов.

3. Причиной несовпадения видовых значений предикатов может быть необходимость передать различия в способе протекания действий в реальном пространственно-временном мире: *Он писал о Даше в Москву, её сестре Екатерине Дмитриевне, но письма не доходили, или с ней приключилось тоже что-нибудь недоброе* (А. Н. Толстой). В этом предложении предикат первого компонента (*писал*) свидетельствует о повторяемости описываемого процесса письма. Соответственно, является естественным оформление предиката следующей части, сообщающей о возможном факте неполучения адресатом всех посылаемых ему писем, в виде глагола несовершенного вида (*не доходили*). Третий предикат (*приключилось*) имеет форму совершенного вида, ее выбор обусловлен представлениями говорящего: предполагаемое «недоброе» осознается им как что-то однократное, уже совершившееся, имеющее предел. Для сравнения можно привести пример, где также перечисляются гипотетические причины молчания адресата, вербализуемые, однако, адресантом с помощью глаголов одного вида: *Ни на одно он ответа не получил. Или товарищ Киров не считает нужным отвечать, или письма до товарища Кирова не доходят* (А. Н. Рыбаков).

Несимметричное строение предикатов в компонентах конструкции может проявляться и во временных значениях: 1) *Ровно в семь я убедился, что она не придет... Может быть, и не пустили, или она больна, или умерла* (Л. Н. Андреев); 2) *Или я сошёл с ума от джина, или поблизости погибает корабль. Как они кричат! Нет, пусто. Это ветер сучает и играет сам собой.* (Л. Н. Андреев).

В первом предложении предикаты «не пустили» и «умерла», являясь глаголами совершенного вида, обозначают действия, завершившиеся в прошлом, однако результат этих действий сохраняется в настоящем (перфектное значение). Предикат «больна» в отличие от указанных предикатов выражает протекающий процесс, имеющий начало и продолжающийся, по мнению говорящего, в момент его мыслительной деятельности. Во втором предложении перфектное значение глагола совершенного вида (*сошёл с ума*), непосредственно связанное с настоящим моментом, «сосуществует» с формой несовершенного вида предиката «поги-

бает», передающего динамичный процесс неопределенной длительности в настоящем.

Таковы факторы, обуславливающие выбор «непараллельных» форм глаголов-сказуемых в разделительных конструкциях с союзом *или*.

Таким образом, анализ видо-временных планов предикативных единиц разделительных конструкций с союзом *или*, в большинстве своем «согласующихся» в структуре предложения (92,4 % всей выборки), отражает закономерности употребления предикатов, определяемые семантикой разделительности и поэтому свойственные только дизъюнктивным конструкциям: 1) предикаты несовершенного вида в компонентах разделительных конструкций в отличие от аналогичных предикатов каких-либо других конструкций обозначают реальные длительные действия, развивающиеся не одновременно, а поочередно (эффект гирлянды с мигающими лампочками, зажигающимися по очереди) или же потенциальные действия, реальным из которых является какое-то одно (эффект гирлянды, в которой из множества лампочек горит только одна); 2) предикаты совершенного вида в компонентах разделительных конструкций в отличие от предикатов совершенного вида каких-либо других конструкций, отражая завершённые, ограниченные во времени действия, обозначают «цепь» не последовательно осуществимых, а потенциальных событий, из которых только какое-то одно является реализованным.

Список литературы

1. Авдеев Ф. Ф. О выражении повторяющихся действий глаголами совершенного вида в историческом настоящем // Ученые зап. Тартуского ун-та. Вып. 434. Вопросы русской аспектологии II. 1977. С. 66–75.

2. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (Значение и употребление) : пособие для студентов. М. : Просвещение, 1971. 239 с.

3. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол : пособие для студентов и учителей / под ред. проф. Ю. С. Маслова. Л. : Просвещение (Ленингр. отд-ние), 1967. 192 с.

4. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Фонетика и морфология : учеб. пособие. Вып. 3. Самара : СамГПУ, 1997. 219 с.

5. Левицкий Ю. А. Сложносочинённое предложение. Пермь : Изд-во Томского ун-та. Пермское отд-е, 1991. 147 с.

6. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М. : Наука, 1988. 270 с.

Информация об авторе: *Починяева (Ананьева) Ольга Анатольевна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Самарского государственного социально-педагогического университета (г. Самара, Россия).

SEMANTIC FEATURES OF WORD COMBINATIONS DEPENDING ON THE CONTEXT

Ch. Shahbazli

Baku, Azerbaijan

Abstract. The article discusses the semantic meanings of phrases and their use in contexts. Here we also analyzed phraseological units with the verb "to go" and showed the semantic connotation of the meaning of each unit and their use in context and give their equivalents. In general, the meanings of the components of phraseological combinations do not change, but they acquire an additional connotation of meaning, which gives them the character of stability. Another characteristic feature of the phraseological unit is that sometimes, depending on the context and situation, the same expression can be used in a completely different shade of semantic coloring. Finally, we can conclude that without context it would be very difficult to understand the real semantic structure of the word, as well as the phraseological unit.

Keywords: word combination, phraseological combinations component, lexic, semantic.

Для цитирования: Shahbazli Ch. Semantic features of word combinations depending on the context // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 217–275.

ЗАВИСИМОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ОТ КОНТЕКСТА

Ч. Шахбазлы

г. Баку, Азербайджан

Аннотация. Рассматриваются особенности использования фразеологизмов в разных контекстах. Проанализированы фразеологизмы с глаголом «to go», показан смысловой оттенок каждой единицы в контексте и приведены эквиваленты. Отмечается, что в целом значения компонентов фразеологических сочетаний не меняются, но они приобретают дополнительный оттенок значения, придающий им устойчивый характер. Другой характерной особенностью фразеологизма является то, что иногда в зависимости от контекста и ситуации одно и то же выражение может иметь разное значение. Делается вывод о том, что без контекста сложно понять реальную семантическую структуру слова и фразеологизма.

Ключевые слова: словосочетание, фразеологические сочетания, компонент, лексика, семантика

It is obvious that the fund of vocabulary of language consists of the system of lexico-semantic group. Systematicity of lexis depends on different extra linguistic factors. First of all, what makes the relation among the things, events, and systematize them is closely connected with the thought and activity of people as there is no any language without human being, or vice – versa. The studying of lexico-semantic system of language is one of the main problems as dividing the fund of vocabulary into lexico-semantic groups.

In general, to understand the real meaning of the even simple word, semantic structure of the word we must pay attention to the relations of words in word combination and in sentence. In order to show the different shade of colour of the word we must research the form of word combinations and their types. For this purpose it will be

studied the word combinations with the component “to go” which are included in one lexico-semantic group but different shade of colour.

In one lexico-semantic group the same word combination depending on context may have quite different shade of colour. We think sometimes the nominative meaning of the component may be kept and in other cases may change and may be used figuratively or simply in different colour.

The phraseological combinations at least may be in connection or relation with words in the sentences syntactically.

The meaning of phraseological combinations depends on text and situations and is closely connected with words with which they are surrounded and becomes more concrete.

The verbal phraseological combinations usually are very strong comparing with noun phraseological combination. It is on the one hand because of that the other components included verbal phraseological combinations basically change, nominative meanings, but on the other hand verbal components changes for their form, shape, time, person, quantity, and perfectiveness and non perfectively and some other morphological types. And this takes great role in actualization of phraseological combinations [1, 7].

In Modern English there are numerous verbal phraseological combinations, in which the main noun as a component within phraseological combination have no their own independent nominative meaning. They only exist in phraseological units [2, p. 303].

In order to improve our idea let's look through the following “to put the accent on something – “что-то отмечать, что-то отличать от других”.

In the context “But you put the accent on power development. That's what we're all arrested in”.

In dictionary explanation we can find the meaning of “accent” as the followings:

1) the characteristic mode of pronunciation of a person or group especially on that betrays social or geographical origin;

2) the relative prominence of a spoken or sung syllabic;

3) any of various marks or symbols conventionally used in writing of certain languages to indicate that the quality of a vowel, or for some other purpose, such as differentiation of homographs;

4) distinctive characteristic of anything such as taste, pattern style etc. We think that there is no any necessity to give more explanation or another example: to bring into accord – привести в согласие.

“It is impossible to bring his views into accord with yours.” to play the advantages over somebody – обмануть кого-то, мошенничество.

“The gamblers in the Mississippi use is very refined phrase for cheating-playing the advantage over him”.

In this context depending on combinability of the component “advantage” with “play” and the whole contexts help to distinguish the meaning of the whole expression and idea meant in the sentence and the whole situation.

One more example; to saw the air –размахиватьруками.

Hamlet. Speak the speech, I pray you as I pronounced it to you, trippingly on the tongue; but if you mouth it as many of your players do, I had as lief the town – crier spoke my lines, Nor do not *saw the air* too much with your hand, thus; but use all gently. (W. Shakespeare).

If we compare the meaning of the word “saw” with its meaning in this context we can easily say that there is no any relation between the actual meaning of the word and contextual meaning of it.

Now we shall try to analyse those word combinations which they are included into one lexico- semantic group.

go bankrupt, go broke

go broke – at first sight we can imagine the meaning of this lexico-semantic group as – “обанкротиться”. But let us look through this in the context and we think we can easily see the different semantic shade of colour of these word combinations separately taken.

Her grandfather had gone bankrupt in the lace-market at a time when so many lace manufactures were ruined in Nottingham [3, p. 22].

Perhaps the company is going to go bankrupt because they can't make the pit pay” she suggested.

He had heard of local staring-price bookmakers “going broke”. He had scornfully put their failure down to the fact that they started with a small bank, 1 but he was finding that there could be other reasons than these for a bookmaker ceasing business and changing his place of a bode [3, p. 24].

There are two more phraseological combinations included to this lexico-semantic group but are formed not with the verb “to go”. We must stress that they also have quite different shade of colour. In previous sentences we could easily observe that in one case the I word combination had the meaning “обанкротиться”, in other case “впадать в состояние кризиса”, in third case “находится на грани исчезновения”.

Let's study another lexico-semantic group:

enter into detail(s) – enter into particulars.

I entered Mr. Braunlow to bear with me “entering into these details”. **Without** them Mr. Braunlow would indeed find it difficult to form the faintest conception of I my heartrending situation. [4, p. 430].

You will excuse... my entering into any further detail at present. The intelligence is of a singular kind, and singularly of tained [4, p. 37].

In our examples we find that the phraseological units out that they are not everyday life speech but from literally stylistic, of course the aim of our investigation I is not stylistic colour but we think it will be better, by the way, to point out this I characteristic peculiarity too.

And we think it would be better to give examples (we mean to use the phraseological unit “to enter into particular” in the context).

As I expect the unspeakable happiness, my ever dear and honoured parents, of enjoying you both, under this roof so soon, 1 will not “enter the particulars” of the last agreeable evening...

Of course here also we can easily notice the style of book, high level of expressiveness. On the other hand we must point out that usually after the verb "to enter" the preposition showing direction is not used but in these phraseological units in both cases preposition “into” is used and we think that it is only because of that It makes the speech vividly and expresses semantic, stylistic shade of colour. And we must stress again that it depends on the author's opinion and context as well.

In some phraseological units the components are limited, but they are also somehow may be included into one LSG and we'll try to deal with some of them, **in** order again to show the shade of colour and dependence of meaning on context.

“It is no use worrying”, Mrs. Lambert's rapid whisper went on.

The first week 1 was here, three died. I thought I'd ao mad. I'd never seen anyone die before... [6, p. 197].

In this sentence the underlined phraseological unit “go mad” is used both in its exact and figurative meaning as “быть сумасшедшим, сойти с ума”

“You awake wop?”, he would say, “just loud enough to keep me awake.”

“You awake? You know you’re going crazy don’t you?”

In this context the phraseological unit “go crazy” is used in the semantic shade of colour as “сойти с ума”.

“She went out of her mind”, he said, “Sat thinking about all the men under the Bailey. We had to put her away.” [3, p. 73].

In this context the used phraseological unit “go out of one’s mind-went out of pier mind” may be interpreted into Russian as “выйти из головы” but the Semantic shade of colour of this phraseological unit comparing with “go mad” is Brery severe, it is at least only because of context.

...the kindest thing is to believe that poor Chancellor “went off his head”. We must remember he had shell - shook in the war.

But in this sentence the underlined phraseological unit “go off one’s head-went off his head” stylistically coincide with the colloquial speech and may be rendered into Russian as “сойти с головы” and of course in any case if it depends on context.

I’ve got to see you how and then, otherwise I shall “go batty”. In this sentence the underlined phraseological unit coincides with the style of colloquial speech and depending on context it is used in the meaning of “сойти с ума”.

Nervous breakdowns had bobbed up. In a word, “...she had gone temporary; off per onion”.

...Alec had made him feel inferior because of his private means and his success in a world which Harold regarded as unreal and a little crazy: no wonder that Alec had “gone off his rocker”.

He’s real genned up and he makes it interesting all about his “going off his nut I and...” [5, p. 82].

In the last three sentences the underlined phraseological units "go off one's onion had gone temporarily off her onion, go off one’s rocker had gone off his rocker, go off, go off one’s nut - going off his nut” depending on contexts are not used in their exact meanings. Even their components taken separately don’t coincide I with their dictionary meaning. We can say that all of them are used figuratively, metaphorically. We think we have to stress one more point. It consists of that in previous examples we used phraseological unit “go mad” which these phraseological units also are included in one lexico-semantic group and they can not be used I instead of “go mad” because of that they were used figuratively and in the meaning of I with the shade of colour as “сойти с ума”.

At last, after the all said above, it can be concluded thatlexico-semantic relation of components of word combinations, the character and feature of this relation plays a great role in defining word combinations. According to these features they are divided into two great groups which have their own features, positions and meaning. Free combinations are real grammatical combinations and main object of the syntactic science about word combinations is that words constituting these combinations never lose their own meanings, keep their lexical independence and become not lexico-semantic, but lexico-grammatical components of the combinations. It is possible to separate them, analyse them, and this analysis don’t damage their general spirit. Bound combinations don’t possess such independence. They are created in the process of historical development of language and become stable. Words constituting them lose their own primary meaning to less or more extent, their meanings are lost on the background on general meaning of the combination, and become indivisible and so, these word change into lexico-semantic component of the combination. Bound word combinations are said to be the object of the phraseology.

References

1. Nassission N. Praseological Units in Speech. Oxford, 1984.
2. Rayevskaya N. M. English Lexicology. Kiev, 1971.
3. Christie A. Crooked house. London : Pan Books LTD, 1985.
4. Dickens C. The Adventures of Oliver Twist. Moscow : Foreign Language Publishing House, 1953.
5. Galsworthy J. The man of Property. Moscow : Progress Publishers, 1951.
6. Maugham W. S. The Painted Veil. London : Penguin Books, 1952.
7. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. 1984.

Информация об авторе: *Шахбазлы Чинара*, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Бакинского университета бизнеса (г. Баку, Азербайджан).

ЯЗЫК И СТИЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

ФОРМИРОВАНИЕ СТИЛЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ПОЭТОВ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

К. К. Бауаев

г. Нальчик, Россия

Аннотация. Исследуется феномен литературных стилей 1920–1930-х гг. в литературе Северного Кавказа. Автор обращается к поэтическим текстам, в которых устойчиво проявлены черты индивидуального стиля авторов, характеризующего концептуальную особенность национальной поэзии. На материале произведений таких авторов, как И. В. Джанаев (Нигер), К. Мечиев, А. Кешоков и других исследованию подвергаются вопросы развития поэтических практик, природы стиля, реализующегося в пространстве становления новых социалистических жанров и стилей, тем самым автор показывает, как вещность национальных поэтических представлений, их сенсорно-чувственные апперцептивные модели постепенно занимали доминирующее положение в иерархии художественных структур идеологической поэтической культуры.

Ключевые слова: национальная поэзия, стиль, семантика, образность, советский, новация, кенотип

Для цитирования: Бауаев К. К. Формирование стиля северокавказских поэтов в пространстве социалистического искусства // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 276–280.

Поэзия народов Северного Кавказа периода 1920–1930-х годов раскрывает множество удивительных трансформаций, обусловленных осознанным выбором стилизованных признаков. В литературоведческой практике «1920–1930-е годы – это время обозначено, как период «формирования индивидуальных стилей многих крупнейших писателей» [10, с. 90]. Советское литературоведение дало объяснение по сути стремительному процессу формирования литературных стилей в 1920–1930-е годы. Литераторы видели не только корни данного явления в политической ангажированности новой литературы вообще: «Опыт советской литературы подтверждает плодотворность тенденциозности не внешней, в форме деклараций и произнесений «прописей», а внутренней, проникающей всю систему и логику образов, убеждающей читателя как закономерный вывод из прочитанного» [10, с. 93], но, как следует из высказывания В. А. Ковалёва, следует четко понимать практики силового, идеологического давления послереволюционного государства и партийных лидеров на литераторов и силу этого воздействия, и его последствия для апперцептивных моделей поэтических систем в литературах Северного Кавказа. Соцреалистическая направленность литературы в некоторых случаях стремилась к захвату даже таких рефлекторных областей творческого процесса как модальность и когнитивная темпоральность раскрываемого. Следует отметить, что эти попытки захвата реализовывались не идеологами и теоретиками соцреализма, мысль которых далее идеологии и концептуалистики литературы не проникала. Пристрастные, идеологизированные мысли на этот счёт высказывались самими авторами, часто вполне состоятельными и даже справедливо признаваемыми гениальными. Например, описание «третьей действительности», под кото-

рой понималось будущее, становится обязательным элементом художественных текстов социалистического реализма. Обращение к картинам будущего признаётся, фактически, парадигмальным признаком «соцреалистического» произведения [14, с. 6–7], что неоднократно декларируется как литераторами, так и лидерами процессов большевистской реформации общества [12, с. 60–62].

Требования политической целесообразности, предъявляемые к поэтическим текстам, распространялись и на их семантику и образность – с лёгкой руки В. И. Ленина предпочтение отдавалось произведениям с ясной установкой и понятным образным наполнением. Много позже этот эталон советского поэтического выражения, строящийся на однозначных представлениях и точной денотативной семантике советских кенотипов, был охарактеризован в литературоведении «развитого социализма»: уже в 80-х годах XX века Л. И. Залесская вводит в научный оборот понятие «бескомпромиссный реализм», определяя его как «строго реалистический, конкретно-аналитический стиль» [8, с. 10].

Поэтому «делема» между поэтическими текстами, в которых устойчиво проявлены черты индивидуального стиля авторов, чьё образное и концептуальное мышление складывалось до 1917 года, и их же произведениями, относящимися к «новым» социалистическим жанрам, очерчена, как правило, очень зримо. Он тем более отчетлив, чем сильнее писатель был подвержен факторам внеэстетического воздействия. Например, осетинский поэт Джанаева И. В. (Нигер), в начале своего творческого пути создававший удивительно точные материализованные картины, в основе которых лежала физическая перцептивность его восприятия, в результате «профессионального» выбора переходит к текстам, сугубо ангажированным и ожидаемо апеллирующим к отвлеченным понятиям, обобщениям и откровенной политической комплиментарности:

Народ, я твой сын, я питомец твой.

Коль ты не отец мне, – кто же другой?

Кто сласти давал мне? – Добрый отец! [2, с. 175] – первоначальное обозначение адресата стихотворного признания «в любви» – «народ» – абсолютно эфемерно, хотя и идеологически выдержанно. Однако целеустановка Нигера при написании стиха вполне прозрачна и однозначна: это не более, чем попытка политической и классовой мимикрии, долженствующая оградить поэта от ревнителей чистоты пролетарского происхождения, которые в 30-х годах прошлого века уже потеряли всякие понятия о границах допустимой классовой селекции общества [4, с. 124]. «Добрый отец» в тексте однозначно перекликается с уже бывшим в ходу определением «отец народов», и Нигеру (Ивану Джанаеву) обращение к этому образу диктовалось простым инстинктом самосохранения, так как он был такого происхождения, что даже советские литературоведы не смогли присвоить ему статус крестьянского сына – поэт в своё время окончил духовную семинарию.

В пространстве социалистического искусства явление «стиль» действительно выстраивалось осознанно и демиургически, в чём некоторые учёные справедливо усматривают влияние авторской социальной самоидентификации: «...можно определить стиль литературного текста как совокупность присущих ему селективных, трансформативных, и конструктивных тенденций, действующих в языковом материале, которые... дополняют основную смысловую информацию, заключённую в высказывании, детерминируют его жанровую принадлежность и характеризуют общественно-историческое положение его автора,.. а иногда и «предполагаемого» адресата» [13, с. 118].

В рамках этого целенаправленно формируемого стиля были созданы огромные массы текстов, единственным критерием эстетической пригодности которых было их соответствие партийным ожиданиям и запросам времени.

Понимание своего профессионального статуса в условиях идеологического давления приобретало форму фактического отказа от национальной архетипики в пользу социалистических кенотипов. Авторы со сложившейся самоидентификацией понимали «что» и «как» им надо писать, дабы не быть проигнорированными Советской властью и новым обществом, а стремление быть адекватными духу времени приводило к изживанию специфических этнических представлений из сублимативных жанровых форм, появившихся после 1917 года.

Естественно, что включение в тексты компонент и элементов прежнего опыта было, фактически, случайным, а стилевые черты горской поэзии если и имели какую-либо выраженность, то проявлялась она лишь на региональном уровне, либо, как мы уже и указывали относительно творчества К. Мечиева, в формальных и технических признаках. Вынося за рамки рассмотрения языковую принадлежность текстов этого типа, мы не можем выявить их национальный стиль в части семантики и онтологии:

...К мерцающей сини

Из тесных долин [2, с. 163].

...Может ли жить по старинке

Юный иль старый земляк?.. [1, с. 164].

...Советов великая мудрость и сила

Сундук золотой дерзновенно раскрыла... [1, с. 148].

С врагом поговорим (разберёмся) мы,

Постараемся не дать ему победить [7, с. 15].

Принцип самоидентификации себя в качестве профессионального автора, находящегося в творческой обособленности от общей народной массы, обуславливал постоянное присутствие в тексте некоего стороннего наблюдателя, бытийная суть которого сводилась к выстраиванию необходимых направлений эстетического отражения. Как пишет Л. И. Тимофеев, анализируя развитые поэтические практики, «В стихотворной речи нет того авторитетного «чужого слова», о котором говорит М. М. Бахтин применительно к прозе: оно входит в поток индивидуального, авторского ритма и тональности стихотворения в целом, в него вливается, им окрашивается... Поэтому в лирике... черты чужой судьбы, чужой жизни не приобретают в речи осязаемой самостоятельности, входят в общий строй стиха...» [16, с. 346].

У балкарцев стихотворная импровизация была обыденным явлением. Переосмысленная, точнее – переоцененная – с приходом Советской власти, эта способность, тем не менее, оставалась в поле инерционных этнических оценок [5, с. 95].

Главным является то, что они оказались в положении относительной свободы – ожидания государства они восполняли в сфере новационных кенотипов, но абсолютно не чуждались и апперцептивных формант балкарского фольклора. Надо сказать, что свойственная народной словесной традиции тяга к конкретике и «вещным» образам, была настолько устойчивым явлением, что вполне отчётливо проявлялась даже в творчестве такого автора-медиатора, как К. Мечиев. Его стихи, конечно, актуализированы в поле арузной традиции и тяготеют к поэтической условности, однако черты этнического типа рефлексии выражены вполне полноценно. В контексте советского искусства это привело к тому, что прямые идеологические декларации и включения социалистической эмблематики у основоположника балкарской литературы чаще всего сопровождаются ссылками на бытийную конкретику, что дало повод определить стиль его поэтического самовыражения как «метод косвенной характеристики» [17, с. 95].

Ночной снег падает в мой очаг,

Чёрная забота (горе) стучится в мою дверь... [15, с. 39].

*В трудностях стоящая крепко,
Жестоким свернувшая шею... [15, с. 51].*

Есть у него и образцы, полностью обращённые к повседневным реалиям горского быта и образам, проистекающим из обыденных жизненных наблюдений:

*Не будешь работать – нет еды,
Не будешь работать – нет хлеба ... [15, с. 55].*

Но частотность, а главное – функциональная нагрузка материализованных и конкретно-бытовых представлений в текстах Мечиева совершенно далека от аналогичных показателей тех балкарских поэтов, чье творчество стало эстетическим фактом уже при Советской власти. Воспринимая этническую традицию в качестве равноправного, наряду с советской кенотипикой, средства художественного решения идеологических задач, они демонстрировали явное тяготение к сенсорике и визуальности образов, используя их физическую семантику как суггестивный аргумент при презентации поэтических денотатов:

*Таракъ-таракъ эрийле
Тихтенгенни бузлары [9, с. 24].
Сотами-сотами плавятся
Льды Тихтенген,
Глядя нам вслед, плачут [Перевод мой].*

Девушки балкарского народа... – здесь очень чётко видно, что описательное и констатирующее представление о «плачущих балкарских девушках» получает мощную эмоциональную подпитку в виде «плавающих сотами льдами Тихтенген». Довольно необычный пример аналогового параллелизма, при обогащении его сенсорным переживанием, образует весьма действенный перцептивный комплекс, задающий дополнительные, не описанные поэтом детали «девушек», причём, детали осязательного плана: иначе понимать адресацию от плавающих как соты льдов к плачу, а, следовательно – к медленным слезам – достаточно трудно.

Эта черта этнических художественных представлений по ходу развития школы балкарской советской поэзии становится всё более и более заметной. В исследованиях отмечалось, что «...доминирующими структурами довоенного периода развития поэзии Северного Кавказа стали... классические образы и тканевые единицы материализованного отражения («пластические»»)» [18, с. 178], но именно у балкарцев эти структуры стали маркерами национального стиля и сам факт их регулярного, системного присутствия в национальных текстах обеспечил кристаллизацию национального советского стиля в сравнительно короткие сроки.

В данном случае мы говорим не об эстетическом, художественном качестве той или иной манеры поэтического выражения. Образная конкретика, образная условность, символичность или материализованность представлений никоим образом не определяют ни совершенства произведений, ни их места на эволюционной шкале. По этому поводу вполне недвусмысленно выразился М. П. Арнаудов – исследователь, пожалуй наиболее далеко ушедший в вопросах поэтической и гносеологической перцепции: «...имеется достаточно длинная лестница, ведущая от лиц с... зримыми образами, выступающими во всей их чувственной свежести, до таких, у которых образные элементы сводятся к самой слабой, туманной картине, без контуров и без единой краски... Найти вполне объективный критерий того, насколько оправдана описательная поэзия и в каких размерах можно воспроизвести рисунок внешне данного, трудно уже потому, что эстетик не исходит из психологических расположений, одинаковых для всех» [3, с. 576].

Единственное, что можно утверждать определённо, благодаря анализу балкарских материальных поэтических представлений и присутствию в стихах ярко

выраженных элементов физического, визуального, сенсорного и тактильного происхождения – в основе национального стиля балкарской советской поэзии в первые десятилетия её существования легли традиционные апперцептивные схемы. Стиль определяет... смысловой ключ, в котором читается слово, выделяя одни его признаки и приглушая другие. Стиль сообщает слову заряд уже готовых ассоциаций» [6, с. 201].

Список литературы

1. Антология кабардинской поэзии. М. : Государственное изд-во художественной литературы, 1957. 300 с.
2. Антология осетинской поэзии. М. : Государственное изд-во художественной литературы, 1960. 642 с.
3. Арнаудов М. П. Психология литературного творчества. М. : Прогресс, 1970. 655 с.
4. Бауаев К. К. Апперцептивная специфика образного мышления К. Ш. Кулиева // Казанская наука. 2016. № 5. С. 48–50.
5. Бауаев К. К. Апперцептивная специфика балкарской поэзии и её истоки. Нальчик : ИПЦ КБГУ, 2016. 177 с.
6. Гинзбург Л. Я. О лирике. М. : Интрада, 1997. 409 с.
7. Гуртуев Б. И. Избранное : в 2 т. Нальчик : Эльбрус, 1993. Т. II. 175 с.
8. Залеская Л. И. Богатство стилей советской литературы. М. : Знание, 1983. 64 с.
9. Знамя нашей жизни : сб. стихов. Фрунзе : Киргизское государственное изд-во, 1956. 116 с.
10. Ковалёв В. А. Многообразие стилей в советской литературе. М. ; Л. : Наука, 1965. 251 с.
11. Луначарский А. В. Свобода книги и революция // Печать и революция. 1921. Ч. I. С. 16.
12. Макаренко А. С. О литературе. М. : Советский писатель, 1956. 284 с.
13. Маркевич Г. Основные проблемы науки о литературе. М. : Прогресс, 1980. 375 с.
14. Маяковский В. В. Интервью газете «Rozprawy Aventura» // Неделя. 1963. № 28.
15. Мечиев К. Б. Стихи и поэмы. Нальчик : Эльбрус, 1987. 79 с.
16. Тимофеев Л. И. Слово в стихе. М. : Советский писатель, 1987. 424 с.
17. Толгуров З. Х. Движение балкарской литературы. Нальчик, 1984. 250 с.
18. Толгуров Т. З. Эволюция тканевых образных структур в новопоэтических поэтических системах Северного Кавказа. Нальчик : Эль-Фа, 2004. 284 с.

Информация об авторе: *Бауаев Казим Калетович*, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова (г. Нальчик, Россия).

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ» В РОМАНЕ И. Л. МУРАВЬЁВОЙ «БАРЫШНЯ»

М. П. Болотская, Я. В. Маликова

г. Пенза, Россия

Аннотация. В настоящее время в языкознании недостаточно исследованы художественные концепты, способы их вербализации. Цель работы – раскрыть и исследовать особенности вербализации концепта «жизнь» в тексте произведения И. Л. Муравьёвой «Барышня». Материалом для исследования послужили репрезентации концепта «жизнь», используемые в тексте романа. В ходе исследования были выявлены, систематизированы и проанализированы способы речевой репрезентации концепта «жизнь».

Ключевые слова: лексема, концепт, репрезентанты, ядро, ближняя периферия

Для цитирования: Болотская М. П., Маликова Я. В. Репрезентация концепта «жизнь» в романе И. Л. Муравьёвой «Барышня» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 281–283.

«Произведение И. Л. Муравьёвой «Барышня» (2010) – необычное явление в современной литературе» [1, с. 123; 3]. Художественный текст произведения представляется прекрасным материалом для рассмотрения концепта «жизнь», так как композиционно-смысловая модель данного произведения позволяет почувствовать своеобразное понимание автором сущности бытия. Мир эмоций, чувств, переживаний у И. Л. Муравьёвой «не отделён от мира вещей, но пронизывает собой историю, всю предметную и социальную реальность. И сами чувства достигают такой пронзительности, что истощают, опустошают, выжигают души тех персонажей, которых автор проводит через это испытание» [8, с. 11, 12].

В ходе работы использовалось определение концепта, представленное в Большой российской энциклопедии, которая ссылается на исследования Д. С. Лихачёва, Ю. С. Степанова, С. Г. Воркачёва, В. И. Карасика, З. Д. Поповой и И. П. Стернина: «Концепт – это структурно-содержательная единица сознания, отражающая совокупность знаний, представлений, мнений об объекте мысли» [2, с. 173].

В современной лингвистике структура концепта представлена в виде круга, в центре которого находится ядро концепта, затем идет приядерная зона, только потом периферия концепта. З. Д. Попова определяет ядро как «прототипический слой с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью». Это наиболее яркий образ, связанный с концептом [4, с. 60]. Приядерная область содержит в себе вспомогательные и добавочные признаки, которые, по мнению З. Д. Поповой, отличаются своей существенностью [4, с. 60]. «Принадлежность к той или зоне содержания определяется прежде всего яркостью признака в сознании носителя соответствующего концепта. Описание осуществляется как перечисление признаков от ядра к периферии по мере уменьшения яркости признака» [5, с. 80].

Ядро концепта «жизнь» представляет прежде всего лексема «жизнь», которая является по своей семантике наиболее приближенной к анализируемому концепту. На основе анализа дефиниций лексемы «жизнь» в «Словаре русского языка» были выделены основные значения, реализующие понятие «жизнь»: «особая форма существования материи»; «физиологическое состояние живого организма

(человека, животного, растения)»; «время, период существования (от рождения до смерти)»; «реальная действительность, бытие; «оживление, возбуждение, движение» [6, с. 661–662].

В ядро рассматриваемого концепта входят и другие лексемы с семой *жи-*: «жить» (глагол) – 48 раз (например, *жить в небе, жил доктор*); «жив» (краткое имя прилагательное) – 16 раз (например, *она жива, остались живы*); «живой» (имя прилагательное) – 7 раз (например, *душою живою*); «прожить» (глагол) – 6 раз (например, *проживу мало*); «живой» (имя существительное) – 6 раз (например, *народиться живому*); «пережить» (глагол) – 3 раза (например, *нужно пережить*); «выжить» (глагол) – 3 раза (например, *помогло выжить генералу*); «жизненные» (имя прилагательное) – 3 раз (например, *в жизненные правила, жизненные процессы*); «дожить» (глагол) – 2 раза (например, *доживу я*); «пожить» (глагол) – 2 раза (например, *хотела немного пожить*); «живущий» (причастие) – 2 раза (например, *медсестра Анохина, ныне живущая на Павелецкой*); «оживать» (глагол) – 1 раз (*снова оживёт*); «житься» (глагол) – 1 раз (*не в горку живётся*); «неживой» (имя прилагательное) – 1 раз (*она неживая*); «наджизненный» (имя прилагательное) – 1 раз (*наджизненной идее*); «нежизнеспособны» (краткое имя прилагательное) – 1 раз (*условия нежизнеспособны*); «житейский» (имя прилагательное) – 1 раз (*житейских истин*); «живший» (причастие) – 1 раз (*жившая на юге*); «незаживающий» (причастие) – 1 раз (*незаживающий рубец*); дожив (деепричастие) – 1 раз (*человек, дожив до почти двадцати лет*); «заживо» (наречие) – 1 раз (*заморозили заживо*). По данным «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова, все названные выше языковые единицы входят в состав словообразовательных гнезд «живой», «жить» [7, с. 348–350].

В ближнюю периферию концепта «жизнь» включено 79 языковых единиц, которые так или иначе связаны с бытием (328 словоупотреблений), которые можно разделить на несколько групп:

1. Появляться на свет, обретать жизнь; развитие жизни: «ребёнок» (32), «появиться» (6), «расти» (6), «родить» (4), «родиться» (4), «дети» (3), «рождение» (2), «народиться» (2), «первый» (2), «малыш» (2), «растить» (1), «подросток» (1), «старик» (1), «рождаться» (1), «рожать» (1);

2. Глаголы и отглагольные существительные со значением а) *физических действий, присущих каждому организму*: «дышать» (13), «проснуться» (5), «сидеть» (5), «петь» (3), «просыпаться» (3), «хохотать» (2), «дыхание» (2), «болтать» (1), «стонать» (1), «пить» (1), «спать» (1), «жевать» (1), «есть» (от еда) (1), «пение» (1); б) *движения*: «бежать» (8), «движение» (3), «прилив» (1), «идти» (1), «ходить» (1), «мчаться» (1), «бегать» (1), «переходить» (1); в) *развития, изменения состояния*: «измениться» (2), «стало меняться» (1), «выкарабкаться» (1), «не даёт остановиться» (1); г) бытия: «быть» (28).

3. Сакральное, индивидуальное: «душа» (12), «судьба» (6);

4. Жизнь с исторической точки зрения: «память» (7), «свет» (6), «история» (4), «мир» (3), «вечность» (1), «существование» (1);

5. Жизнь с точки зрения насыщенности и яркости: «хорошенький» (1), «крепкий» (1), «зелень» (1), «зелёный» (1), «зеленеет» (1);

6. Жизнь с точки зрения времени, периодичности: «время» (8), «сегодня» (4), «год» (4), «лет» (3), «день» (1), «секунда» (1);

7. Жизнь с точки зрения силы проявления: «кровь» (3), «пульс» (2).

Близки по семантике к слову «жизнь» слова «новый» (5), «свежий» (3), которые присутствуют в тексте произведения. Обновление воспринимается в романе как неопровержимый признак жизни, что служит основанием для включения этих слов в ближнюю периферию концепта «жизнь».

Концепт «жизнь» представлен не только «базовыми лексемами» [1, с. 129], но и такими, которые семантически связаны с обозначенным понятием контекстуально, а следовательно, можно рассматривать изменение семантики ключевого слова.

Список литературы

1. Болотская М. П., Зуенкова А. О. Вербализация концептов «жизнь» и «смерть» в идиостиле И. Л. Муравьевой (на материале текста романа «Барышня») // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (44). С. 122–131.
2. Большая российская энциклопедия : в 30 т. / пред. науч. ред. совета Ю. С. Осипов ; отв. ред. С. Л. Кравец. М. : БРЭ, 2010. Т. 15. 768 с.
3. Муравьева И. Барышня : роман. М. : Эксмо, 2010. 352 с.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж : Истоки, 2001. 191 с.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка : монография. Воронеж : Истоки, 2007. 250 с.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / Академия наук СССР, Ин-т языкознания. 1-е изд., стер. М. : Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. Т. 1. А–Й. 964 с.
7. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1985. Т. 1. 854 с.
8. Эпштейн М. Власть души, или Похвала сентиментализму // Мы простимся на мосту : роман / И. Муравьева. М. : Эксмо, 2011. 320 с.

Информация об авторах: *Болотская Маргарита Павловна*, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия); *Маликова Яна Валерьевна*, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В РОМАНЕ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ»

М. П. Болотская, А. С. Смага

г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются вербальные средства создания «комического эффекта». Сущность понятия «комический эффект» выявляется в процессе вербальной коммуникации, что даёт нам возможность представлять его как языковой феномен. Цель работы – выявить языковые средства разных уровней, участвующие в создании комического эффекта (на материале романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»).

Ключевые слова: комическое, комический эффект, языковые средства комизма, уровни языка

Для цитирования: Болотская М. П., Смага А. С. Языковые средства создания комического эффекта в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 284–286.

Каждый крупный художник слова вносит свои открытия в литературу. И. Ильф и Е. Петров создали особый вариант комического дискурса [3], во многом определив тенденции эволюции смехового слова в отечественной прозе XX века.

Категория «комическое» – одна из эстетических категорий, которая затрагивает основные аспекты человеческой жизни. Сущность понятия «комическое» выявляется в процессе вербальной коммуникации, что даёт нам возможность представлять его как языковой феномен.

Попытки познать природу «комического» предпринимались учёными различных направлений (философами, психологами, биологами, литературоведами и др.), и это говорит о том, что «комическое» – сложное и разностороннее явление.

В разные времена под *комическим* и *смешным* понималось: нечто безобразное, искажённое, уродливое, некое негативное явление (Аристотель, Платон, Цицерон); эмоция, чувство, аффект (Р. Декарт, Т. Гоббс); осознание интеллектуального преимущества, превосходства над кем-то (Б. Спиноза, Г. Гегель); обманутое ожидание, несовпадение между известным понятием и реальными объектами (И. Кант, А. Шопенгауэр, В. Я. Пропп); некая противоположность (А. Бергсон, Ю. Б. Борев); культурно-исторический и психофизиологический феномен (М. М. Бахтин, Л. В. Карасев, А. В. Дмитриев); нарушение каких-либо норм (В. В. Раскин, В. З. Санников).

Типичная схема реализации *комического* завершается особой реакцией реципиента – «комическим эффектом», который определяют как «результат сравнения семантической структуры книжного слова, взятого в контексте стереотипной прагматической схемы, и его прагматического содержания в конкретном контексте» [4, с. 142]; «разнообразное выражение эмоций, возникающих у человека вследствие нарушения обычного хода вещей, принятых в обществе и языке стандартов, ни для кого из участников ситуации не опасного и создающего атмосферу несерьёзности» [2, с. 8].

В юмористических произведениях для создания комического эффекта автору необходимо использовать определённые средства. «В большинстве случаев достижение комического эффекта в произведениях зависит от контекста, от ситу-

ации, когда набор средств, создающих комический эффект, может быть безграничен. Лингвистический же подход основывается именно на ограждении стиля от сферы идей» [1, с. 56–57].

Ресурсы языковых уровней используются для создания комического эффекта далеко не в равной степени: чаще других употребляются средства фонетико-графического уровня: звуковая деформация слова (*Кинутся тогда люди искать свои **мебеля**, а где они, **мебеля**?* (с. 124), *Очевидно, я Чемберлена **испужался**, – ответил Степан, почёсывая барсовую шкуру* (с. 350) и др.); графическая необычность слова (*– Ты, Виктор, **не болбочи**, – говорил ему рассудительный Дядьев, – чего ты целыми днями по городу носишься?* (с. 217); *Если Агафья Тихоновна будет ежедневно на них **гукаться**, то они недолго проживут* (с. 352) и др.); столкновение близких по звучанию слов (паронимов) (*– Фу, как ты меня испугал! А еще на **верблюде** приехал! – Ах, ты заметил, несмотря на темноту?! А я хотел преподнести тебе сладкое **вер-блюдо!***)» (с. 351).

Яркими лексическими средствами создания комического эффекта являются авторские окказионализмы, например: *Каким уважением пользуется каждый **матрацевладелец!*** (с. 199) (окказионализм создан с помощью соединения слов «матрас» и «владелец»); *Все это плоды вашего пошлого **кобелирования*** (с. 360) (окказионализм, вероятно, произошёл от одного из значений слова «кобель» («кобель» – разг., неодобр. похотливый мужчина, сластолюбец, «кобелировать» – ухаживать за девушками, распутничать). Кроме того, часто используется трансформация фразеологизмов, например: *Правильно, – приговаривал Остап, – а теперь по шею. Два раза. Так. Ничего не поделаешь. Иногда яйцам приходится учить завравшуюся курицу* (с. 247–248) (видоизменен фразеологизм «яйца курицу не учат»); *За баллотированного двух небаллотированных дают...* (с. 224) (происходит замена компонентов фразеологизма «за битого двух небитых дают» словами другой тематической группы).

Для создания комического эффекта в романе широко употребляются изобразительно-выразительные средства: яркие метафоры, создаваемые на основе общеизвестных прямых значений слов путём сравнения и сопоставления понятий из далёких семантических сфер (*Небо было в мелких **облачных клёцках**...* (с. 132); *Она вывела с собой **табунчик девушек** в сарафанах* (с. 377); перифразы, когда Остап Бендер именуется «сыном турецкого подданного» и «великим комбинатором» (*Сын турецко-подданного за свою жизнь переменил много занятий* (с. 66); *Там, в большом бельевом котле, варилась каша, запах которой **великий комбинатор** учуял еще в вестибюле* (с. 89).

Излюбленным приёмом у И. Ильфа и Е. Петрова является соединение контрастных по своему смысловому содержанию словосочетаний и фраз (семантически далёкие, не связанные явления даются как синтаксически однородные, с интонацией перечисления): *Она была старухой, была грязновата, смотрела на всех подозрительно и любила сладкое* (с. 109); *Если бы этот человек мог бы остановить себя хоть бы на два часа, произошли бы самые неожиданные события. Может быть Изнуренков присел бы к столу и написал прекрасную повесть, а может быть и заявление в кассу взаимопомощи о выдаче безвозвратной ссуды, или новый пункт к закону о пользовании жилплощадью, или книгу «Уменье хорошо одеваться и вести себя в обществе»* (с. 294).

Таким образом, в тексте романа «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова для реализации комического эффекта применяются средства разных уровней языка: лексического (обыгрывание значений полисемантических слов, трансформация фразеологизмов, использование метафор и перифраз), фонетико-графического (звуковая деформация слова, графическая необычность слова, столкновение близ-

ких по звучанию слов (паронимов). Морфологический и синтаксический уровни наименее продуктивны для создания комического эффекта.

Список литературы

1. Артемова А. Ф., Леонович Е. О. Изучение комического в языке // Университетские чтения. Пятигорск, 2013. С. 55–60.

2. Бульина Ю. В. Языковая игра в речи студентов и преподавателей как способ создания смехового пространства в общении : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Саратов, 2011. 23 с.

3. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М. : Эксмо, 2020. 480 с.

4. Карачина О. Е. Актуализация комического эффекта посредством использования книжной лексики и книжного стиля в двуязычной ситуации общения: на материале сравнения русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. М., 1999. 170 с.

Информация об авторах: *Болотская Маргарита Павловна*, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия); *Смага Алёна Сергеевна*, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

КЫРГЫЗ АКЫНДАРЫНЫН ЧЫГАРМАЛАРЫНДАГЫ САТИРА ЖАНА ЮМОР ЭЛЕМЕНТТЕРИ (18-КЫЛЫМДЫН АЯГЫ 20-КЫЛЫМДЫН БАШЫ)

Б. Ж. Борбучалова

г. Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Бул макалада 18-кылымдын аягынан 21-кылымдын башына чейинки мезгилди камтыган кыргыз адабиятындагы сатира жана юмор жанрынын калыптануу жана өнүгүү тарыхы келтирилген. Совет доорунда "Бай-Манап элитанын реакциячыл коргоочулары" деп жарыяланган кыргыздын улуу акындары Калыгулдун мурасы. Андан кийин алардын чыгармаларын жарыялоого тыюу салынган. Бирок алардын ырларынын мазмуну коргонууга эмес, ошол мезгилдеги башкаруучуларга каршы багытталган.

Түйүндүү сөздөр: Советтер Союзу, сатира, юмор, адабият, акын, дидактика

Для цитирования: Борбучалова Б. Ж. Кыргыз акындарынын чыгармаларындагы сатира жана юмор элементтери (18-кылымдын аягы 20-кылымдын башы) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 287–292.

ЭЛЕМЕНТЫ САТИРЫ И ЮМОРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КЫРГЫЗСКИХ АКЫНОВ (КОНЕЦ 18 – НАЧАЛО 20 ВЕКА)

Б. Ж. Борбучалова

г. Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Представлена история становления и развития жанра сатиры и юмора в кыргызской литературе с охватом отрезка времени с конца 18 до начала 20 века – наследие великих кыргызских акынов Калыгула, которых в советские годы объявили как «реакционных защитников бай-манапской верхушки». Публиковать их сочинения тогда было запрещено, содержание их песен направлено было не в защиту, а против правителей того времени.

Ключевые слова: Советский Союз, сатира, юмор, литература, поэт, дидактика

Маданий мурас тигил же бул ыкма менен элдин менчигине айланат, бирок ошол эле учурда тарыхтын белгилүү мезгилдеринде саясий талаптарга жараша аны өлчөө жана түшүнүү мүмкүн. Совет доорунда, бийликтин Коммунисттик партиясы адабият менен искусстводогу улуттун жана партиялуулуктун принциптери түрүндө катуу жана милдеттүү стандарттарды орноткон учурларда ушундай болгон. Жалпысынан, андан кийин советтик маданият үчүн үч критерий белгиленди – мазмуну ар дайым социалисттик, формасы улуттук, ал эми мүнөзү эл аралык болушу керек. Мурунку мурастарды жана азыркы учурдун тажрыйбасын баалоону дал ушул жерден башталган.

Дүйнөлүк маданияттын салттары, албетте, ар дайым чыгармачыл интеллигенциянын көңүл буруучу абдан маанилүү объектиси болуп келген, бирок алар өтө прогрессивдүү болушу керек деген негизги шарт менен, ал эми прогрессивдүүлүк өзү социалисттик реализмдин методологиясынын негизинде аныкталды. Алар Советтер Союзунун Коммунисттик партиясынын идеологиялык көрсөтмөлөрүнө толук дал келгенди өткөндөн ушинтип алышты. Жооп бербегендердин бардыгы дароо эле партияга каршы, демек, элге каршы деп

жарыяланып, ага каршы принципиалдуу күрөш талап кылынган. Мындай принциптерди сактоо көбүнчө абийирсиздикке жана эки жүздүүлүккө айланган.

Сөздүн чеберлери үчүн классикалык мурас баалуулуктун булагы. Бул жагынан алганда, орус классикасынын тажрыйбасы кыргыз адабияты үчүн ушундай баалуу булактардын бири болуп калды, бирок бирден-бир эмес, анткени ал өзүнүн көркөм чыгармачылыгынын тажрыйбасы болгон, ал оозеки түрүндө гана эмес, жазуу жүзүндө да сакталып калган. Бул тажрыйба советтик идеология тарабынан талап кылынган деңгээлде "кысылып", алар 1917-жылдагы төңкөрүштөн кийин гана кыргыздар жазма жана аны менен кошо профессионалдык адабиятты алышкандыгын жарыялашкан. Ошол мезгилге чейин жашаган акындар отоо чөптөрдөн арылып, алардын бир бөлүгүн гана Токтогул Сатылганов жетектеген, бирок буга чейин кыргыздардын көркөм чыгармачылыгы жаатында ири масштабдуу инсандар болгон.

Эми жалган корутундуларды жана айыптоолорду, тарыхый бурмалоолорду жана идеологиялык айла-амалдарды, ошондой эле кыргыз адабиятынын тарыхын изилдөөчү тексттерде кездешкен методикалык каталардын бардыгын жоюу керек. Бул жерде кыргыз авторлорунун орус тилине которулган чыгармаларынын тексттеринде камтылган кээ бир "кемчиликтерди" жоюу керек. Ошондой эле тарыхыбыздын барактарын адилетсиздиктен жана жалганчылыктан бошотуу керек.

Кезинде фольклористтер Калыгулдун, Арстанбектин, ошондой эле сөздүн башка көрүнүктүү чеберлеринин чыгармаларын жаздырууга жетишкен. Бирок алардын мурасы Советтик Сюз кулагандан кийин, улуттук эгемендүүлүктүн алгачкы жылдарында гана жарыяланган. Алардын "каралоо" фактыларына токтолсок, алар Совет мезгилиндеги бардык расмий документтерде, партиянын чечимдеринин стенограммасында, партиянын жана өкмөттүк басма сөздүн беттеринде, брошюраларда, китептерде жана диссертацияларда сакталып келген.

Китептин негизги фактылык материалы биздин кыргыз авторлорубуздун адабияттын өнүгүшүнүн үч тарыхый мезгилинин – Советтер Союзуна чейинки, 18-кылымдын аягынан 20-кылымдын башына чейинки, Советтик мезгилдин, 1920-жылдан 1990-жылдардын башына чейинки эгемендүү мезгилдин контекстинде алынган эмгектери болгон, биринчи кыргыз президентинин башкаруу жылдарындагы жана экинчи кыргыз президентинин башкаруу кулаганга чейинки жылдар.

Бул материал белгиленген жанрдын талаптарына ылайык сатиралык жана юмордук мазмунунун көз карашынан талданат. Автордун методологиялык ыкмалары илимий концепцияларга негизделген, тексттик анализдерде адабияттарды салыштырмалуу изилдөө теориясынын айрым схемалары колдонулган. Илгерки акындар сөздүн чеберчилигин өз доорунун башкаруучуларына каршы кантип жана эмне үчүн колдонушкандыгын, алардын акындар поэзиясындагы мураскорлору эмне үчүн ушундай кылганын, падышалык жазалоочу кулчулуктун эркин ой жүгүртүүсү жана эмне үчүн алар Сталиндик репрессиялардын жылдарында алардан баш тартышпагандыгын түшүнүү маанилүү эле, өзүлөрүн өлүм жазасына тартуу жана акыры, сатириктер бийликтен баш тартпай тургандыгын менен түшүндүрөт.

Биздин адабият илиминде сатира жана юмор боюнча алгачкы изилдөөлөрдүн бири – 1960-жылдардагы кыргыз адабият таануучусу Халил Бапаев. Ал ушул темада эки китеп жазган жана алар социалисттик реализм дооруна мүнөздүү болгон методологиялык мамиленин эң стандарттуу мисалын чагылдырат.

Анын логикасына ылайык, сатиралык чыгармалардын алгачкы үлгүлөрү биздин мамлекетте Аалы Токомбаев менен Кубанычбек Маликовдун алгачкы

чыгармаларында гана пайда болгон, ошондуктан алар анын изилдөө иштеринде негизги орунду ээлешкен, аларды жанрдын классиги деп эсептешкен.

Улуттук сатирабыздын чыныгы классиктеринин чыгармачылык жолу Совет бийлиги тушундагы кыргыз адабият таануучуларынын көңүлүн күчөткөн жок. Ошол мезгилдерде мындай темаларды изилдөө кыйын болчу, анткени сергек идеологдор дароо эле суроолорду беришти, алар эмне үчүн, кандай максатта иштешет дешти. Аларга лирика жана эпикалык проза боюнча чыгарма жазуу жеңилерээк болгон.

Биздин сатирикерибиздин чыгармаларын, ошондой эле өлүм жазасына тартылган авторлордун жана тыюу салынган акындардын чыгармаларын деталдуу изилдөө эгемендик доорунда пайда боло баштады. Булар Мидин Алыбаев менен Байдылда Сарногоевдин, революцияга чейинки акындар Калыгул, Арстанбек, Молдо Кылычтын, ошондой эле мурда илимий колдонуудан толугу менен четтетилген Казыбектин чыгармачылыгы жөнүндө илимий эмгектер.

Мурда кыргыз сөз чеберлеринин чыныгы ролун аныктоо жаатында бурмалоолор болуп келген. Мисалы, Токтогул Сатылганов Совет мезгилинде кыргыздардын элдик акындар поэзиясына көрсөтмө курал катары, алардын революцияга чейинки тарыхы менен күрөшкөн адам катары көрсөтүлгөн. Бирок кеп анын абстракттуу "өткөн" менен эмес, өз доорунун чыныгы башкаруучулары менен күрөшүп жаткандыгында. Токтогул абстракттуу бай-манаптарга каршы эмес, конкреттүү Кетмен –Төбөдөгү, ал жашаган жердеги манаптарга каршы чыккан. Ал аларды мыкаачылыгы үчүн катуу жана жеке шылдыңдаган, ошондой эле алардын алдындагы ырчыларын аёосуз шылдыңдаган. Бул жагынан алганда ал таптык күрөштүн символу эмес, улуттун абийири.

Кыргыздардын Акындардын поэзиясы өз мезгилинин контекстинде жаралып, эскинин жаңы түшүнүктөр менен кагылышуусунан келип чыккан көйгөйлөрдү чагылдырган. Бул өткөн менен азыркы учурдагы түбөлүк кагылышуу. Чыныгы чындыкты акындар көркөм образдарда чагылдырган. Алардан жеке аткарууда автордун чыгармачылыгы башталган. Алгачкы мезгилде алар оозеки түрдө иштешкен, андан кийин тексттерди жазып алуу үчүн араб жазуусун колдонууга мүмкүнчүлүк түзүлүп, акындык поэзиянын жазма түрү пайда болгон. Ушундан улам тарыхчылар акындар адабиятын эки топко – "ырчы-импровизаторлор жана акын-жазуучулар" деп бөлүшкөн. Ошол эле учурда, 18-19-кылымдагы ири кыргыз акындары Калыгул Бай уулу жана Арстанбек Буйлаш уулу жөнүндө "Кыргыз Совет адабиятынын тарыхы" аттуу академиялык китепте алардын дүйнө таанымы "диний жана мистикалык мүнөздө болгон" жана алар "феодалдык аристократиялык элитага колдоо көрсөтүшкөн" деп айтылат [1, 1].

Алардын мурасына берилген баа ушул. Мындан адабиятта бүтүндөй бир доорду жараткан "заман" ("убакыт" же "доор" дегенди билдирет) жанрынын негиздөөчүлөрү жөнүндө айтылат. Алардын каада-салты жолдоочуларына күчтүү таасир эткен, аларды "заман акындар" деп аташкан. Бул акындар келе турган социалдык катаклизмдерди алдын-ала айткандыгы үчүн, аларды мистиктер деп коюшкан.

Социалисттик реалисттердин логикасы боюнча, алар "1917-жылдагы төңкөрүштүн бороон-чапкыны" болуш керек эле, бирок анын ордуна кан жыттанган бороон жөнүндө сүйлөшүштү.

Совет жылдарында кыргыздардын бүткүл тарыхы Кыргызстан Коммунисттик партиясы тарабынан оңдолуп, ал өзүнүн токтомдорунда (1958 жана 1965-жылдары) акын-заманчылардын чыгармачылыгынын кастык касиетин так аныктап берген. Молдо Кылычты Калыгул менен Арстанбектин реакциячыл жолдоочусу деп жарыяланган.

Заманисттер башка акындарга – Токтогул Сатылгановго, Тоголок Молдого, Барпы Алыкуловго жана башкаларга каршы чыгышкан, алардын чыгармачылыгы

толугу менен "эмгекчилердин кызыкчылыктарына жана кыялдарына жооп берет" деп жарыялашкан.

Акындык поэзия өзүнүн тарыхый миссиясын көркөм адабияттын эң негизги максатына умтулуу менен аткарган, анын маңызын адабий сынчы Виктор Шкловский ушундай сөздөр менен билдирген: "Адабият жашоону чагылдырбайт. Же болбосо айтылып жүргөндөй чагылдырылат, бирок, күзгүдөй эмес. Адабият жашоо менен күрөшүүнү чагылдырат" [1, 2].

Акындар бул күрөштү чагылдырып, Совет өкмөтү алардын мурасына каршы күрөшкөн. Ал эми акындарыбыз бул күрөштө жеңишке жетишти, анткени убакыт жана чындык алардын тарабында болчу.

Алардын ишин социалисттик реализм теориясынын стандарттык алкагына кысуу мүмкүн эмес эле, анткени алар ушул реализмдин принциптерине дал келген эмес.

Ушул алкакка "кирген" акындар жөнүндө айта турган болсок, мунун себеби алардын кедей класстардан чыгып, 1917-жылдагы революциянын жеңилишинин күбөсү болушкандыгында, алар калган өмүрлөрүн Совет бийлигинин тушунда өткөрүп келишкен, тигил же бул жагынан дүйнө кубулушун жаңы деп кабыл алышкан. Ушул фактынын негизинде алардын чыгармачылык иши эки мезгилге бөлүнөт – Советтик доорго чейинки жана Советтик мезгил. Бул жерде айырмачылык формасы жана мазмуну боюнча ачык байкалды. Эгерде Совет мезгилинде алардын жеке чыгармачылыгынын пафосу жылуу маанайда кабыл алынган болсо, анда Совет мезгилине чейинки мезгилде ал сатиралык мүнөздө болгон. 1917-жылдагы төңкөрүшкө чейин алар ошол мезгилдеги башкаруучу күчтү түрмөлөргө жана оор жумуштарга жөнөтүшкөн, системанын бузуктуктарын жана ошол мезгилдин жараларын бузушкан. Совет бийлиги орногондон кийин, алар бул бийликтин артыкчылыктарын даңазалашты.

Ушуну эске алып, биз Совет дооруна чейинки мезгилдеги акындар поэзиясындагы сатиралык жана юмордук элементтердин көркөм иштешин көз карашынан алып, чыгармаларды талдоого киришебиз. Мындай учурда акындык поэзия көркөм адабияттын ажырагыс бөлүгү экендигинен баштайбыз. Акындардын чыгармалары адабияттын үч түрүнүн канондоруна дал келбегендиктен, аны фольклор менен адабияттын ортосундагы ажырым деп эсептөөгө эч кандай негиз жок.

Адабият үч бурчтуу догма эмес. Ушул эсеп боюнча академик Н. Конрад "адабият" түшүнүгүнүн өзүм билемдик менен кыскарып кетишинен этият болушубуз керек" деген түпкүлүктүү тыянакка келет: ал ар дайым поэзиядан, баяндоочу прозадан жана драмадан турган деген сунуш. Адабият, атүгүл көркөм адабият таптакыр башка элементтерден турган бүтүндөй доорлор болгон" [1, 3].

Акындар поэзиясы – бул кыргыздардын көчмөн жашоо образынын өзгөчөлүгүнүн натыйжасында көрсөтүлгөн көркөм адабияттын «дагы бир элементи». Так ушул оозеки чыгармачылыктын формасы алар үчүн курчап турган дүйнөнү каймана чагылдырууда эң органикалык болуп чыккан. Бул жагынан алганда, Акындар поэзиясы биздин "чындык адабияты" термининин мазмунуна толугу менен дал келет. Дал ушул себептен ал өзүнүн кылымынын алкагында обочолонуп калбай, М. Бахтиндин сөзү менен айтканда, "чоң убакыт" [1, 5] сынагынан мурун өткөн.

Эски акындардын чыгармалары СССР кулагандан кийин гана толук басылып чыккан. Албетте, алар орус тилине таптакыр которула элек убагы. Советтик мезгилдин изилдөөчүлөрү, алардын сөздөрүндө, болжолдуу түрдө, элге каршы маанисин ачып берүү үчүн, аларга марксистик-лениндик методологиянын позициясынан көңүл бурушкан. Бул ошол кездеги үстөмдүк кылган коммунисттик режимдин мамилеси болчу. Мындай эмгектин авторлору

сыйлыкка жана сыйлыктарга ээ болушту. Бирок өткөн мурастар жөнүндө башкача (чыныгы) көз карашты айтууга батынган башка авторлор (алардын айрымдары гана) болгон. Бул үчүн бийлик аларды катуу жазалады. Бул курмандыктардын арасында кыргыз таланттуу окумуштуулары Тазабек Саманчин (1909–1979), Ташим Байжиев (1909–1952) жана Зияш Бектенов (1911–1994) болгон.

Ушунун негизинде, эми түздөн-түз акындар поэзиясынын жеке аспектилерине кайрылабыз.

Калыгул Бай уулу (1785–1855)

Ал кыргыздын биринчи акыны деп эсептелет. Автордук вариантындагы акындык поэзия концепциясы негизинен андан башталат. Албетте, ага чейин кыргыздарда сөздүн жаратуучулары болгон, бирок алардын бардыгы убакыт, мейкиндик жана чыгармачылык шексиздиги менен аныкталган эмес. Булар легендарлуу Асан кайгы, Санчы сынчы, Жээренче чечен. Белгилей кетүүчү нерсе, Калыгулга чейинки чыныгы "акын" сөзү эч качан эч кимди атаган эмес - "кайгы", "сынчы", "ырчы", "чечен" деген сөздөрдү колдонуп. Биздин белгилүү кыргыз фольклористибиз Ыбырай Абдыракманов бир кездерде Калыгулду "бардык кыргыз акындарынын атасы" [2, 5] деп толук негиздүү жана так айткан.

Калыгул "Сарыбагыш" уруусунан чыккан кедей-манаптын (тектүү адамдын) үй-бүлөсүндө туулган (бул түндүк кыргыздарынын арасындагы ири уруулардын бири). Ал төрөлгөндө, анын оң жаагында чоң белгиси бар, ошол себептен ага ушундай ысым ыйгарылган ("кал – бул менди билдирет.) Анын аталык тууганы" сарыбагыштардын "эң маанилүү жол башчысы Ниязбек батыр (белгилүү жана коркунучтуу Хан Ормондун атасы) болгон. Таасирдүү манап Ниязбек бала кезинен эле анын укмуштуудай жөндөмүн байкап, анын өсүшүнө шарт түзгөн. Калыгул ага, андан кийин анын мураскери Ормонго кеңешчи болгон. Араб тамгасынын алкагында билим алган. Ошол байыркы убакта, бул, адатта, Куранды билүү менен гана чектелип келген. Калыгул эл ичинде эбегейсиз зор кадыр-баркка ээ, бардыгы ага кеңеш сурап кайрылышкан, келип чыккан талаш-тартыштарды чечип, эл аны "калыс бий" деп атап, башкаларга үлгү кылган. Ал 1842-жылы Ормонду кыргыздардын ханы кылып шайлоонун жол-жобосун макулдашылган (бул биздин кыргыз тарыхындагы биринчи жана акыркы хан шайлоолор болгон). Ал "сарыбагыш" жана "бугу" урууларынын ортосундагы кандуу кастыкты болтурбоо үчүн бардык аракетин жумшаган. Ал муну токтото алган жок, согуш тогуз жылга созулду (1854–1863). Ал өз ишинде ачууну чагылдырган. Ал ошол согуш башталгандан бир жыл өткөндөн кийин, Хан.

Ормон өлгөндөн бир жыл өткөндөн кийин (бугулар менен болгон согушта) көз жумган. Ошол коркунучтуу мезгилдеги окуялар боюнча акындын Ысык-Көлдүн чыгыш жээгин башкарган бугулардын жол башчысы Боромбайды күч менен баш ийдирүүгө аракет кылган Хан Ормонго каршы сатирикалык чабуулдары негизделген. Ошол оор мезгилдеги тарыхый кырдаалдын өзгөчөлүктөрүн кийинчерээк карап чыгып, ушул жерден Калыгулдун көркөм мурастарынын аспектилери жөнүндө сөз баштайбыз.

Бир канаттуу сөз анын ысмы менен байланыштуу - "кара кылды как жарган кара жаак Калыгул". Андан кийин туруктуу болуп калган бул фразеологиялык сөз айкашы тилде - "кара жаак" "оратор чечен" деген мааниде калган. Ошондой эле аны "аяр" (сыйкырчы), "олуя" (ыйык), "көзү ачык" (көрөгөч) деп аташкан. Жана мындай таануу социалисттик реалисттер душманы сунуш кылган "эмгекчи элден" келип чыккан. Эгерде ал чындыгында эле алардын кызыкчылыктарын билдирип, ак сөөктөр менен алектенсе, анда ал ак сарай ырчыларын ар дайым жек көргөн кыргыздар арасында ушундай ачык таанылууга ээ болмок беле.

Анын инсандыгын аныктаган дагы бир деталга көңүл буралы. Ал өз сөзүн музыка менен коштогон жок, башкача айтканда, комузда ойногондой, ошол кездеги ырчылардай. Муну жасаганды (комузду колдонгон) кыргыз "ырчы" деп

аташкан. Калыгүл болсо поэзияны обонсуз, жөнөкөй жана так айткан. Бирок ушул жөнөкөйлүктө философиялык тереңдик жана көркөм сулуулук болгон. Бул үчүн алар аны "акын" (башкача айтканда, "сөздүн чебери") деп аташкан.

Ошондой эле, анын манап (тектүү) статусунан улам, ал башкаларга окшоп комуз чертип, тойлордо жана аштарда ойной албайт деп эсептегендигин белгилейбиз. Мындай жерлерде ал ар дайым унчукпаган, шашылыш муктаждык болгондо гана сүйлөгөн. Манап "ырчы" боло албай, бирок "акын" болуп калышы мүмкүн. Ал бул катарда биринчи болуп калды. 70 жыл жашаган. Кара-Ой аймагына, Ысык-Көлдүн жээгине коюлган (Совет доорунда бул жер Долинка айылы деп аталган).

Калыгулдун ырлары дидактикалык мүнөздө. Кыргыздар поэзиянын бул жанрын "каныккан" деп аташат (көрсөтмө, тарбия). Башкача айтканда, бул көркөм түрдө айтылган акылдуу кеңеш. Деталь чыгыш поэзиясына мүнөздүү болгон, бул анын кылымдар бою түптөлгөн негизги өзөгү. Этикалык нормалар жана адеп-ахлак принциптери, дүйнө тааным позициялары – мунун бардыгы Чыгыштын дидактикалык поэзиясында чагылдырылган. Бирок

Калыгул катаал жана кургак моралист катары көрүнбөйт. Анын "санаттары" (рифмалуу сөздөр) эмоционалдык жактан бай жана көркөм. Ага кыргыз адабият таануучусу Шаршенбек Үмөталиев кеңири мүнөздөмө берген. "Калыгулдун поэзиясы – афористтик поэзия, ал кыска жана таасирдүү образдарды колдонуп, нерселердин мазмунун так жана мыкты чагылдырат" [1, 6] Ал жеңилдик менен жөнөкөйлүктү поэзияга киргизген. Анын сөздөрү жагымдуу юмор менен угулат, алар ритм жана рифма менен тез ой жүгүртүшөт.

Калыгул сөз ыргагы мыкты угулган сөз чебери болгон. Буга байланыштуу ал шакирттерине күчтүү таасир эткен. Ал сөз менен иштөөнүн сырларын үйрөттү жана андан дагы үйрөнүшөт. Бул жерде ал биринчи жолу орус тилинде угулуп жатат, анткени буга чейин реакциячыл өткөн доордун "тубаса белгилерин" алып жүрүүчү катары тыюу салынган.

Алар бадалдын уялганынан кызарып, карагай коркконунан узун болуп калганын билдирет. Акындын өзүнүн табиятына дем бергени өтө жөнөкөй. Буга чейин эле, бул саптар көркөм адабият менен алектенип жатканыбызды көрсөтүп турат. Биздин алдыбызда жаратуучу турат. Акын өтө кылдат ирония менен белгилейт, алар эмне үчүн мунун кызыл экендигин, ал эми бул жогору экендигин билбейсиңби дешет. Бул уяттан жана коркуудан чыгат. Ошондой эле бул жөн гана сөздөрдү ойноо эмес, күн астында коңшулардын мушташы деп аталган фактыны мыскылдуу айыптоо.

Пайдаланылган адабиятар

1. История киргизской советской литературы. М. : Наука, 1970. С. 54.
2. Шкловский В. О. Теория прозы. М. : Сов. писатель, 1983. 329 с.
3. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М. : Худ. лит., 1986. 504 с.
4. Рукописный фонд Академии наук Кыргызстана. Инв. № 336, тетрадь № 1. (Труд Ыбырая Абдыракманова «Культура киргизов в эпоху колониализма»).
5. Калыгул. Казыбек. Казалдар. Бишкек, 1992. 39-б.
6. Акылман Калыгул: Ырлар, акыл-насааттар, даректүү баяндар, илимий изилдөөлөр. Бишкек, 2000. 30-б.
7. Улуу кыргыз көчү. Калыгул, Арстанбек... Бишкек : Бийик, 2006. 37-б.

Информация об авторе: Борбучалова Бактыгуль Женишбековна, старший преподаватель Бишкекского государственного университета имени К. Карасаева (факультет кыргызской филологии) (г. Бишкек, Кыргызстан).

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИРИКИ А. КЕШОКОВА

А. Р. Борова

г. Нальчик, Россия

Аннотация. Актуальность и цель исследования обусловлены современным состоянием теории и практики перевода как в России, так и во всём мире, не предполагающими учёт внеконтекстуального этнического контента базовых уровней – от апелляций к национальным рекреативным практикам до культурных архетипов и паттернов. В результате исследования выявлено, что адекватность иноязычных интерпретаций поэтических произведений должна базироваться не только на обстоятельных и детальных подстрочниках, но в первую очередь на глубоком изучении жизненных практик этноса.

Ключевые слова: перевод, северокавказская литература, кабардинская поэзия, аутентичность, этнический, архетип, Алим Кешоков

Для цитирования: Борова А. Р. Проблемы поэтического перевода в контексте национальной идентичности лирики А. Кешокова // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 293–297.

Инокультурная интерпретация произведений поэтов Северного Кавказа, невзирая на целое созвездие ярчайших и высокопрофессиональных переводчиков, чьё творчество было тесно связано с регионом в 60-х – 70-х годах прошлого века, оставляет открытыми многие вопросы. И, естественно, главный из них – семантическая полнота и точность переложений, так как нет сомнений в эстетической, художественной состоятельности текстов Н. Гребнева, С. Липкина, Я. Козловского, других мастеров советской школы перевода.

Практики поэтического перевода в советскую эпоху оставались в границах дореволюционных подходов и несли на себе отпечаток своеобразности русских методик интерпретации, по сути своей заметно отличавшихся от принятых в Европе. Русская литературная мысль была одной из первых, в недрах которой сформировалось осознание того, что художественный текст должен сохранять свою этническую специфику при переводе с языка оригинала. Российские авторы, вплоть до конца первой четверти XIX века ощущавшие себя элементами периферийной культурной системы, не могли оставить в стороне от своего внимания вопросы национальной идентичности и аутентичности произведений. А. С. Пушкин одним из первых не только в России, но и в Европе зафиксировал и приветствовал отход от «исправительного перевода», справедливо полагая, что эстетическая значимость художественного текста во многом зависит от сохранности его «собственного вида» и «народной одежды» [8, с. 137].

Этот вопрос не мог не волновать русских авторов, ибо в их понимании судьбы национальной культуры со времён Петра I и Екатерины II не имели однозначных и ясных перспектив, и это обстоятельство ощущалось вполне актуальным ещё Г. Р. Державиным [3]. Что особенно примечательно, сохранение и развитие русской литературы в её аутентичных формах понималось авторами как скорейшее создание принципиальных механизмов интеграции этнического эстетического пространства в общеевропейское. Иначе говоря, великих классиков начала XIX века интересовал тот же комплекс проблем, который решался новописьменными литературами в 30-х – 50-х годах следующего столетия.

И точно так же, как русские авторы утилитарно и рационально подходили к адаптивным нуждам своей литературы, адыгские поэты – в первую очередь, А. Кешоков – абсолютно осознанно занимались селекцией и строительством адыгского образно-концептуального аппарата. Отбор и формирование единиц литературного языка в условиях значимого влияния иной культуры не были актом вдохновения, например, А. С. Пушкин, чётко понимая недостаточность тех или иных информационных секторов, призывает к их целенаправленному восполнению русскими автологическими лексемами в контексте понятийного аппарата французского языка: «Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас ещё в диком состоянии». Предельно ясно Пушкин выражается по поводу переводов с французского, принимая в качестве желательной нормы положение, когда «исключены галлицизмы слов, так сказать, синтаксические или вещественные» и «допущены галлицизмы понятий, умозрительные, потому что они уже европеизмы» [2, с. 239].

Говоря о «синтаксических» галлицизмах, Пушкин на самом деле имел в виду лексемы, употребляемые в повседневной речи, имевшие семантические адресаты в реальном окружении. В целом же отношение великого русского поэта к понятийным структурам яснее всего выражено не им самим: в первых десятилетиях позапрошлого века актуальные эволюционные потребности национальной речи вынуждали писателей несколько раз менять свои взгляды на вредность-полезность варваризмов. Лишь временная дистанция позволила абстрагироваться от случайных колебаний русской общественной мысли в этом вопросе и выразить более-менее цельное мнение: «...Борьба против механического усвоения своеобразий французской семантики не влекла, как неизбежного следствия, отрицания структурных форм самой французской речи. ...В... стилистической организованности французского литературного языка крылись, по мнению Пушкина, причины его силы и слабости. Сила была в прозрачности и точности выражений, в разработанной системе отвлечённых понятий» [2, с. 239].

Считаем необходимым констатировать: в конечном итоге, уже в границах русской классической литературной традиции была полностью сформирована парадигма многофункционального и поливалентного поэтического выражения, позволявшая адекватную трансляцию художественных текстов на европейские языки, что достаточно неожиданно отразилось в переводческих практиках советской эпохи.

Для новописьменных литератур путь к семантическим соответствиям русскому апперцептивному полю и начинался в 30-х годах прошлого столетия. При этом остаточное влияние ароморфозных процессов сделало предпочтительным сектором трансляции сферу денотативного поэтического представления, если быть точнее – область «общих» символю-поэтических выражений, выстроенную даже не национальными поэтами, а русскими авторами на протяжении XIX–XX веков. Те произведения, образность которых изначально базировалась на эстетических универсалиях подобного типа, в наибольшей степени сохраняют свою семантику в русских и английских вариантах:

Пока живём – на земле (не должна) пропасть честь.
 Тот, чьи стихи доходят до сердца,
 имеет право на свое слово.
 Кто сеет нам хлеб – не (должен быть) лишен
 своей пашни,
 (Он) зерно выбирает и отдает тем, у кого его нет.

Живёт человек в мире словом и хлебом
 И должен от праздного гула вдали
 Поэт обладать независимым небом,
 А пахарь – хоть малым наделом земли.

Коль слово древней остального на свете,
 И хлеб вековечен под жёлтой луной,
 Любой землепашец пред полем в ответе,

У того, кто делает добро, всегда много чести.
Тот, чьей душой овладело лишнее (неправедное),
будет наказан за свою несправедливость.
Если тебе досталась пашня – будь верен
вспаханной тобой земле.
Если поэт имеет право на слово,
на него надеется его земля (родина) [4, с. 397]

Любой стихотворец – пред целой страной.
[6, с. 285]
Перевод Я. Козловского

Если не считать идеологически обусловленных изменений в отдельных смысловых нюансах стихотворения и «изъятия» двух строк второй строфы, Я. Козловский в данном своем переводе практически полностью сохранил семантику и модальность оригинала. Впрочем, учитывая некий религиозно-мистический оттенок указанных отсечённых строк, удаление их также вполне может объясняться давлением внелитературных факторов. Максимально адекватна и английская версия произведения:

Man's world is one of words and bread.
The poet, shunning idle mirth,
Needs boundless heaven overhead.
The ploughman needs a plot of earth.

Мир человека – единство (есть) слова и хлеба.
Поэт, избегающий праздного веселья,
Нуждается в свободном небе над головой.
Пахарь нуждается в участке земли.

Mankind's most ancient skill is speech
And bread is ever in demand.
The ploughman answers to his field,
The poet – to his native land.

Древнейшее искусство человека – это речь
И хлеб всегда в спросе (большом).
Пахарь отвечает за своё поле,
Поэт – за свою родную землю [5, с. 231]

Перевод У. Мэй

Подстрочник

Единственное концептуально значимое расхождение между кабардинским прототипом и переводами заключается в том, что Кешоков не ощущает статусной разницы между землепашцем и поэтом, Я. Козловский же и У. Мэй подчёркивают общественное положение стихотворца, масштаб его ответственности.

В подавляющем большинстве своих произведений А. Кешоков не ограничивался условной поэтической идиоматикой медиаторного типа, и наличие в его текстах этнических архетипов сразу же ставит вопрос о содержательном соответствии переводов оригиналам. Одновременно никаких замечаний подобного рода относительно русскоязычных и англоязычных толкований не наблюдается. Англоязычные переложения Кешокова совершенно адекватны в сравнении со своими русскими прототипами – сами наборы упоминаемых объектов свидетельствуют, что английские варианты стихов кабардинского поэта писались, главным образом, с русских переводов: никак не совпадая с оригиналами, они весьма точны в передаче выразительного строя русских переводов:

The colour of joy has for ages been white,
Like the cherry-tree blossom in spring.
And the crests of Elbrus, and Kazbek's jagged height
Pure light, spotless white, to us bring.
The bell echoes over my dear native glade
To the swallows with flashing white breasts.
At the wedding the bride, all in white arrayed,
Is feasting among merry guests... [5, с. 37]

Перевод У. Мэй

– дословный редублиаж английского варианта показывает его полную идентичность версии Я. Козловского:

Цвет радости во все века (эпохи) был белый,
Как вишнёвый цвет весной.
И гребень Эльбруса, и зубчатая вершина Казбека
Чистый свет, безупречно белый, нам доставляют.
Звуки колокольчика над дорогами родными полянами –

(В) Ласточке с белой сверкающей грудью.
Выходящая замуж невеста, вся в белом одеянии,
Празднует среди весёлых гостей... [7, с. 21]

Подстрочник с англ.

Цвет радости белым считался от века,
Как вещей черешневый цвет,
С вершины Эльбруса и гребня Казбека
Течёт незапятнанный свет.

Звенит колокольчик над отчим
пределом,
У ласточки в белой груди,
На свадьбе невеста пирует вся в белом
Весёлых гостей посреди... [6, с. 224]

перевод Я. Козловского

– и такую же несомненную разницу с первоисточником. Можно без натяжки утверждать, что сходство между кабардинским (первичным) вариантом и английским окончательным достаточно приблизительно – стихотворение с трудом узнаваемо:

Идя навстречу счастливой радости,
Одевают белоснежную бурку.
Вот Эльбрус или Казбек
Одеты в снежные бурки.
Если наступает самая темная ночь,
– Она не лишена белого сияния звезды,
(Белым) оказывают честь всаднику,
Оседлавшему коня.
Если ситец не будет белым.
Сама невеста недовольна,
С наступлением весны ни поля, ни огороды
Не цветут без белого [7, с. 21]

Совершенно неоспоримо, что переводческое мастерство Уолтера Мэя в данном случае пропало втуне. Игра английского поэта на созвучии «теггу» в двух его значениях («черешня» и «весёлые»), быть может, что-то и привнесла в семантику белого цвета, предложенную Кешоковым, но само появление цветущего дерева в тексте – явный художественный произвол Козловского. И уж, конечно, «невеста, пирующая среди гостей» в картине, представленной последним, ни в одном из эмотивных, этических и эстетических сегментов не совпадает и не может совпадать с тем образом, который имел в виду Кешоков. В этом смысле английский перевод даже более приемлем – адыгская невеста в понимании Мэя, по крайней мере, неопределённо «празднует среди гостей», а не «пирует».

Не отрицая значения и роли индивидуальной одарённости пассионариев, мы всё же отметим, что трансляция сквозных национальных архетипов, базирующихся на эпических этно-эстетических доминантах, зависит от парадигмального состояния сферы дуальных в культурном отношении поэтических представлений [1]. А. Кешоков, выступивший в роли главного созидателя этой сферы с кабардинской стороны, на протяжении всей своей творческой деятельности был озабочен вопросами интеграции национального сознания в русское и общемировое цивилизационное пространство на понятийном уровне. Он сформировал полноценную систему эстетической рефлексии в границах этнического мышления – систему, простиравшуюся в своих рефлексорных возможностях от базовых внепространственных и вневременных матриц мифа и эпоса до сенсорно насыщенной конкретики материализованных представлений. Однако с точки зрения межкультурной коммуникации Кешоков, вероятно, выполнял чётко осознаваемую, масштабную, но ограниченную задачу, заключающуюся во встраивании кабардинского поэтического мышления в информационную и идеологическую среду госу-

дарства. Институирующие архетипы этнической культуры и мировоззрения в полном своём объёме для выполнения этих адаптивных задач были необходимы [9]. И вполне закономерным выглядит то, что в иноязычных интерпретациях тексты А. Кешокова осознавались переводчиками именно в тех апперцептивных границах, которые были обозначены самим кабардинским поэтом.

Список литературы

1. Борова А. Р. Эстетические архетипы адыгской поэзии: генезис и межкультурный обмен. Нальчик : Издат. отдел КБИГИ, 2015. 206 с.
2. Виноградов В. В. Язык Пушкина. М. ; Л. : Academia, 1935. 457 с.
3. Державин Г. Р. Сочинения. СПб. : Изд-во Имп. АН, 1872. Т. 7. 659 с.
4. Кешоков А. П. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы (на каб. яз.). Нальчик : Эльбрус, 2004. 511 с.
5. Кешоков А. П. Звёздный час. М. : Прогресс, 1981. 288 с.
6. Кешоков А. П. Собр. соч. : в 4 т. М. : Худ. лит., 1982. 493 с.
7. Кешоков А. П. Тавро (на каб. яз.). Нальчик : Эльбрус, 1969. 182 с.
8. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. 306 с.
9. Хакушева М. А. Литературные архетипы в художественных произведениях адыгских писателей. Нальчик : Изд-во КБНЦ РАН, 2007. 378 с.

Информация об авторе: *Борова Асият Руслановна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова (г. Нальчик, Россия).

ЭПИГРАФ В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА НА ВЬЕТНАМСКИЙ ЯЗЫК

Ву Тхьонг Линь

г. Дананг, Вьетнам

Аннотация. А. С. Пушкин стал самым интернациональным из всех русских поэтов. Имя Пушкина стало родным и близким для многих поколений его почитателей. Его творчество в одинаковой степени волновало и волнует людей независимо от их цвета кожи, языковой, расовой и религиозной принадлежности. Среди шедевров Пушкина его роман «Капитанская дочка» стал самым популярным произведением у зарубежной аудитории. Во Вьетнаме перевод романа «Капитанская дочка» вышел в 1960 г. При сближении пушкинского текста с вьетнамским читателем особый интерес представляет вопрос, как донести до иноязычного читателя суть эпиграфов романа. В целях сохранения образности и смысловой нагрузки эпиграфов переводчик прибегает к помощи разных приёмов: подбора эквивалентов и аналогов, калькирования, передачи общего смысла. Переводчик берёт на себя ответственность за локализацию переведённого им автора, т.е. вводит его в свою культуру.

Ключевые слова: стиль, эпиграф, пословица, песня, адекватность, перевод

Для цитирования: Ву Тхьонг Линь. Эпиграф в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: проблема перевода на вьетнамский язык // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 298–301.

Эпиграф давно привлекает внимание исследователей, и это объясняется целым рядом причин: структурным разнообразием, уникальным положением в тексте, множественностью выполняемых функций. А. С. Пушкин использовал эпиграфы во всех жанрах. Приоткрывая внутренний смысл, подтекст произведения, эпиграфы выявляют и уточняют особенности философских и эстетических взглядов писателя.

Выставляя эпиграф, Пушкин как будто размыкает границы собственного текста, подключает его содержание, смысл, стилистику к сказанному до него на языках разных культур.

В романе «Капитанская дочка», последнем завершённом произведении А. С. Пушкина, эпиграфы в афористически-краткой форме выражают основную коллизию, настроение произведения, а также определяют сюжет глав, способствуют пониманию поступков героев и повествуемых событий. С точки зрения переводческой практики несомненный интерес представляют те эпиграфы, в качестве которых выступают жанры русского народного творчества.

Отметим, что во Вьетнаме в 1960 году вышел перевод романа «Капитанская дочка», выполненный выдающимся филологом Као Суан Хао (1930–2007). Переводчица очаровала идея верности долгу, присяге, безыскусственность изложения в романе Пушкина. Долгое время данный перевод во Вьетнаме считался образцовым. Однако до сего времени существует достаточно проблем в сближении пушкинского текста с вьетнамским читателем. В связи с этим особый интерес представляет вопрос, как донести до иноязычного читателя суть эпиграфов в романе.

Осмысливая стилистические особенности «семейственных записок», необходимо попытаться понять художественную функцию и семантику эпиграфов-пословиц. Пословицы выступают в качестве эпиграфов ко всему роману: «*Береги честь*

смолоду» (ср. у Даля: «Береги платье снову, а честь – смолоду» [1, с. 253]), к главе VIII «Незванный гость»: «Незванный гость хуже татарина» (у Даля также [2, т. 1, с. 386]), и к главе XIV «Суд»: «Мирская молва – Морская волна» (ср. у Даля: «Мирская молва, что морская волна. Молва, что волна» [1, с. 572]). При их переводе оптимальным считается приём воспроизведения русских пословиц посредством вьетнамских эквивалентов. Среди перечисленных пословиц только последняя имеет адекватное вьетнамское соответствие: «Миенг тхэ жан ны лан шонг бэ» (букв. Людские уста, что морская волна), показывающее обширность и непостоянство мнений людей по любому вопросу. В данном случае Као Суан Хао как бы вводит переведённого автора в свою культуру, находит существующую во вьетнамском языке пословицу, соответствующую русской паремии по смыслу и структуре, что выражает сходство в мировоззрении двух народов, отличающихся культурой.

Воспроизводя на вьетнамском языке пословицы, не имеющие соответствующих аналогов, переводчик Као Суан Хао прибегает к помощи калькирования русских пословиц. Этот приём заключается в том, что слова и выражения одного языка переводятся на другой язык путём точного воспроизведения средствами переводящего языка их морфемной и словесной структуры. Так, эпиграф ко всему роману представляет собой лишь часть пословицы «Береги платье снову, а честь – смолоду». Эти содержательные слова выражают основную мысль и настроение «записок Гринёва». Полная форма пословицы звучит в словах Андрея Гринёва, обращённых к сыну перед отправлением на военную службу: «Прощай, Пётр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду» [4, с. 9]. В обоих случаях переводчик использует семантические кальки, то есть воспроизводится образ, положенный в основу русской пословицы. Притчевое начало в данном случае оказалось «приглушённым», однако оригинальная пословица не превращается в буквальный перевод её составных частей, так как сохраняет вид народного представления о поведении человека на чужбине. Следует указать на то, как перевел Као Суан Хао пословицу «Незванный гость хуже татарина», служащую эпиграфом к главе VIII. Переводчик также даёт вариант калькирования русской пословицы, который позволяет воспроизводить основной образ оригинальной паремии. Понятие «незванный гость» нередко встречается в образе мысли вьетнамца, а слово «татарин» оказывается трудно понятным для иноязычного читателя, так как оно связано исключительно с историческим прошлым России. По нашему мнению, лучше было бы дать в комментарии разъяснение русской пословицы, которая не может в силу быть понятной иностранному читателю.

При осмыслении пушкинского романа не менее интересно проследить, как переведены эпиграфы, в качестве которых выступают народные песни, представляющие собой по форме стихотворные тексты. Практика поэтического перевода показывает, что вьетнамские переводчики зачастую не в силах передать всё обаяние, красоту и глубину произведений русских поэтов, в том числе и Пушкина. Одной из причин этого являются непреодолимые трудности при передаче русского стихотворного текста средствами вьетнамского языка и вьетнамского стихосложения. Множество различий между русским и вьетнамским языками как в лексическом составе, грамматическом строе, так и в синтаксисе, приводит к значительной трудности, даже невозможности сохранения в переводе русского стиха и ритмико-интонационного строя. Важно для нас, как переводчик «Капитанской дочки» справился с эпиграфами-песнями, так как они имеют тесную связь с повествуемыми событиями глав. Переводчик стремится воспроизвести на

своём родном языке главное содержание песен. Что касается их художественной формы, сразу подтверждаем, что размер русского стиха не нашёл своё отражение в переводе Као Суан Хао. Невозможность сохранения оригинального размера обусловлена расхождениями русского и вьетнамского стихосложений. Переводческая практика во Вьетнаме показала, что точное повторение метра русского стиха часто лишает оригинальные образы, их лаконичности, приводит к искажению смысла и интонации оригинала. Положительного результата во многих случаях добиваются переводчики, передавая идейное содержание подлинника в специфической, собственно вьетнамской национальной форме. Такой путь выбрал профессор Као Суан Хао, переведив поэтические фрагменты в романе «Капитанская дочка». Для передачи на вьетнамский язык русские народные песни, служащие эпиграфами к главам романа, в целях сохранения стилистической окрашенности оригинального текста Као Суан Хао выбирает размеры, которые в письменную вьетнамскую литературу пришли из фольклора. Так, эпиграфы к II, III, V и XII главам переводятся размером *люкбат* (нечётные строки состоят из шести, а чётные – из восьми слов), а эпиграф к седьмой главе – четырёхсловным размером. С помощью этих размеров были созданы вьетнамские народные песни *казао* – один из популярнейших жанров вьетнамского фольклора. В качестве примера проанализируем эпиграфы пятой главы, повествующей о любви Петра Гринёва к Маше Мироновой. Эти эпиграфы взяты из народных песен о любви и замужестве. Первая песня звучит в переводе таким образом:

Hỏi cô con gái đang thì
Cô đã vội gì tính chuyện chồng con?
Hỏi thầy hỏi mẹ thì hơn,
Hỏi thêm làng xóm bà con đã nào!
Vấn đời hãy góp cho cao
Của hỏi môn nữa, thêm vào... cô ơi! [3, 272]
Представляем наш опыт обратного перевода:
Ах ты, девушка на выданье,
Зачем ты торопишься продумать о браке?
Лучше спроси отца, матери,
Спроси также односельчан, родственников!
Накопи больше жизненного опыта
И приданое дополни, девушка!

Сразу отметим переводческие потери по сравнению с оригиналом. Сочетание «девка красная» в оригинале стало «девушкой на выданье», «ум-разум» стали «жизненным опытом». Такие устаревшие слова, как «девка», «красный», теряют свою стилистическую окрашенность. Несмотря на эти отклонения, главное смысловое содержание русской народной песни передано на вьетнамский язык. Читатель может осознать отношение эпиграфа к повествуемым в пятой главе действиям. Эпиграф переводит размышления о замужестве в традиционную свадебную песню: это раздумье окружающих о судьбе невесты. Слова песни намекают на ту ситуацию, в которой оказываются Маша Миронова и Пётр Гринев: Маша не выйдет замуж за Гринёва, ей необходимо, чтобы брак был освящён благословением будущих свёкра и свекрови. Она заботится не только о себе, но и о Петре, так как понимает, что в будущем он не сможет быть счастливым без родительской любви.

Второй эпиграф пятой главы переведён таким образом:
Mai sau anh có gặp người
Đẹp hơn người cũ, anh thời quên tôi.
Mai sau anh có gặp người,

Không bằng người cũ, anh thời nhớ tôi. [3, 272]

Представляем обратный перевод:

В будущем найдёшь человека,

Лучше меня, меня забудешь.

В будущем найдёшь человека,

Хуже меня, меня вспомнишь.

Нетрудно заметить, что перевод более многословен в сравнении с оригиналом. Это не только потому, что слова вьетнамского языка коротки, но и потому, что грамматические форманты у нас передаются отдельными словами. Чувства героини точно передаются в переводе: Маша понимает, что необходимо разорвать отношения к Гринёвым. Её сердце наполнено болью и страданием.

Что касается формальной специфики перевода двух эпиграфов, следует отметить, что ритмико-интонационные особенности русской народной песни воспроизведены с помощью классического вьетнамского размера *люкбат*. Характерные черты этого размера чётко проявляются в обоих случаях. Само название размера означает количество слогов каждой стихотворной строки, их передний и задний порядок: шестислоговая строка находится впереди, за ней стоит восьмислоговая строка. Ритм создаётся чередованием косых и прямых слогов в строках. При рифмовке тщательно учитывается тон: прямые слоги рифмуются только с прямыми, косые с косыми. Так, в переводе первого эпиграфа пятой главы прямые слоги **сон** – **hон** – **сон**, **нао** – **сао** – **вао** имеют общую рифму. Именно строгий порядок чередования прямых и косых слогов в строках определяет музыкальность, ритмичность и мелодичность перевода.

Итак, эпиграфы в романе «Капитанская дочка» играют важную роль в идейной структуре произведения. Анализ способов передачи эпиграфов в пушкинском тексте на вьетнамский язык показал, что переводчик стремится воссоздать особенности писательского стиля, используя все возможные средства своего языка.

Список литературы

1. Даль В. И. Пословицы русского народа. М. : Рус. яз. : Медиа, 2007. 814 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1981–1989.
3. Пушкин А. С. Избранное. Проза. На вьетнамском языке. М. : Радуга, 1985. 368 с.
4. Пушкин А. С. Капитанская дочка. Л., 1985. 320 с. (Литературные памятники).

Информация об авторе: *Ву Тхьонг Линь*, кандидат филологических наук, преподаватель филологического факультета педагогического института при Данангском университете (г. Дананг, Вьетнам).

ГУМАНИЗАЦИЯ МЫШЛЕНИЯ: МИФОЛОГИЗАЦИЯ И МИСТИФИКАЦИЯ В «КОЛЛЕКЦИОНЕРЕ» ДЖ. ФАУЛЗА

С. Дж. Гасымова

г. Баку, Азербайджан

Аннотация. Объектом исследования явился роман Дж. Фаулза «Коллекционер», его основные мифологические и мистические свойства и принципы сюжетостроения. В частности, было выяснено, что важнейшим принципом воплощения мифологических и мистических свойств в романе явилась опора на мифологию. Но это отнюдь не препятствует тому, чтобы направлять убеждения глубокой и сплошь мифологизированной реальностью в русло современности.

Ключевые слова: гуманизация мышления, мифологизация, Фаулз, европейская литература, магический реализм, роман

Для цитирования: Гасымова С. Дж. Гуманизация мышления: мифологизация и мистификация в «Коллекционере» Дж. Фаулза // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 302–306.

Современная филологическая наука уже давно перешагнула рубеж XX столетия, и этот факт подталкивает нас к суждениям широкого обобщающего характера. Надо признать, что этот этапный и переломный хронологический период органически совпал с наиболее крупными идеологическими, социально-общественными, философскими и нравственно-этическими переменами в жизни современного общества. Глобальные перемены продолжают оказывать реально ощутимое воздействие на все сферы нашей жизни, в том числе и на современную европейскую литературу.

Известно, что формы общности в литературе разных народов (русских, азербайджанских или западноевропейских) обуславливаются литературно-историческими, типологическими, генетическими и некоторыми другими факторами. Поэтому эта проблема многоаспектна и охватывает такие вопросы, как творческие влияния писателей разных стран на инациональную литературу; типологическая близость идейно-художественных особенностей, определяемая сходством общественных и исторических условий развития народов; общность поэтики, обусловленная генетическим совпадением миропонимания художников слова. Такому положению отвечают некоторые современные научные статьи, монографии, учебные пособия, в которых с помощью трансформации мифологических сюжетов словно сближаются между собой древность и современность [1].

Поэтому мы можем с уверенностью констатировать, что сегодня назрела большая и настоятельная необходимость в принципиально новом критическом, гуманистическом и антидогматическом мышлении при оценке произведений как русских, азербайджанских, так и европейских писателей. Новый и непредвзятый критический взгляд на литературу ныне открывает возможности полноценного и всестороннего постижения литературных вершин современной европейской (в нашем случае – английской) литературы. Сегодня мы можем наблюдать, как постепенно публикуются ранее запрещённые к печати тексты выдающихся поэтов, писателей и драматургов. Их творчество к тому же вовсе не отменяет необходимость пристальнее следить за ситуацией нынешних дней в целом. Речь идёт

прежде всего о существенной переоценке эстетических ценностей, т.е. о принципиальной переакцентировке критического внимания, потребности в конструктивных подходах, в обновлении и обогащении методологического аппарата в целом. В наступившем третьем тысячелетии надлежит иметь также и смелость отказаться от консервативных сложившихся штампов и стереотипов. В этом исследователям, в частности, активно помогают такие произведения, в которых переосмысляются темы и мотивы, ранее подвергавшиеся откровенной обструкции. Речь идёт о таких явлениях в европейской литературе XX века, как пристрастие к тайнам, мифологии, мистике, колдовству, магии, различного рода оккультным ритуалам и т.п. В ряду выдающихся писателей-реформаторов, которые как бы заново открывают завесу над ранее запрещёнными темами, безусловно, относится Джон Фаулз. Второй (по хронологии, после «Волхва») роман «Коллекционер» отвечает вышеуказанным признакам. Отмеченное, на наш взгляд, чрезвычайно актуально и заставляет нас новаторски взглянуть на опыт английской и – шире – всей мировой литературы вообще, включая трансформацию мифологических или мистических образов и сюжетов.

Роман «Коллекционер» долгое время был под запретом в бывшей советской цензуре. Он был очернён, представлен как «диковинная смесь» магии, цинизма, мистики, колдовства и чародейства с небольшим использованием элементов реалистического искусства. О знаковых формах, насколько удалось выяснить, речь в критической литературе вообще не шла. Между тем текст этого примечательного романа есть средоточие тех многочисленных проблем, которые волновали уже признанного английского беллетриста, философа и психолога на протяжении всей его творческой деятельности.

При создании своего романа «Коллекционер» Фаулз, бесспорно, руководствовался постулированием одной из центральных идей Достоевского о решительной и категорической недопустимости оправдательной формулировки «всё дозволено». Словно вслед за величайшим русским классиком Фаулз также утверждает, к каким серьёзным и пагубным последствиям может привести вседозволенность. Ещё опаснее в сугубо социальном смысле слова, если по этой изначально ложной формуле живёт человек с низким уровне IQ, каким собственно говоря, и являлся «узурпатор людей» Фредерик Клегг. Английский писатель последовательно показывает, как вседозволенность постепенно приводит к всевластию над душами человеческими, а в конечном итоге ведёт и к деградации личности. В «Коллекционере» автором отчасти использованы мотивы теории Раскольникова перед убийством старухи, а также некоторых отрицательных героев из его романа «Братья Карамазовы». Заметно, что и сам Клегг от своего преступления не находит морального удовлетворения и тем самым фактически девушку губит. Необходимо ещё добавить, что и сама тема «погубленной красоты», гениально воплощённой в «Братья Карамазовых», у Фаулза также нашла своё ясное подтверждение.

В итоге приходим к выводу, что с помощью некоторых приёмов мифологизации и мистификации Фаулз представляет читателям конфликт идей подлинной красоты и гуманности (почти по Ф. М. Достоевскому), с одной стороны, и уродства, косности, всего темного и архаичного, что только может таиться в примитивном человеке – с другой. Перечитывая его творения, убеждаешься в том, что противостояние получается ярким и колоритным, насыщенным реалиями наших дней.

Но в отличие от Достоевского, английский писатель мистифицирует и мифологизирует данную тематику. А именно, реалистически разработанную Достоевским тему Фаулз плавно переводит в план обычных будничных интриг. Мифологизация и мистификация реальной действительности – это стойкий и практикой проверенный приём писателя. Коллекционирование бабочек – типичная мифоло-

гическая маскировка будущего преступления. Герой произведения Клефт лишает воли и жизни людей с тем же хладнокровием, с которым он прикалывает булавами пойманных бабочек. Миранда обращается к нему: «Сколько же вы бабочек убили? Представьте только себе эту живую и трепетную красоту, вашими же руками и погубленную?» [3, с. 79].

Здесь существо дела заключается, конечно же, не только в «реинкарнации» известной темы Достоевского. В данном случае речь идёт о мифологической интерпретации античного понятия красоты. Во-первых, Фаулз рассматривает красоту, как соразмерный гармоничный прекрасный мир, построенный по геометрическим законам мифологии. Всё, что имеется внутри этого мира космического, по мнению Фаулза, есть реальное приближение к вечной правильности небесных движений, а через них – к так называемому «царству чистых идей». Фаулз убеждён в том, что человек, порождая и создавая всё прекрасное на земле, неизменно стремится к этому царству вечной красоты. Это особый мир, и он недоступен пониманию Клефта, который поступает вопреки классическим законам и канонам мифологического представления о красоте, а заодно и нравственности.

Но не только это свидетельствует о мифологизации красоты. В ответ на цинизм и косноязычие Клефта («– Кто я такая? – Вы – моя гостья»), Миранда справедливо замечает: «..но эту самую «гостью» вы словно заперли на замок, и не отпираете его, видимо по той причине, чтобы наружу не вылетели все огрехи или радости» [3, с. 79–80].

Это уже прямая отсылка к известному древнегреческому мифу о «Ящике Пандоры». Согласно преданию, опасно было открывать «Ящик Пандоры», в котором были спрятаны человеческие грехи. Выпустив их на волю, можно было ожидать от людей самых низменных поступков. Миранда намекает на то, что подвал поместья, в котором Клефт держал пленницу, напоминает именно это замкнутое мифологическое пространство.

Небезынтересно, что на Западе некоторые ведущие критики сопоставляли мистический мир этого романа с героями Достоевского. Ведь если обзорно охватить всю мировую литературу, то, пожалуй, не встретишь, кроме Федора Михайловича, такого писателя, кто бы так проникновенно не был устремлён на выяснение причин неустроенности личности своего времени. Писателя – как типа всемирного «боления» за людей, в которых гармония внутреннего мира разъята, но среди хаоса болезненной реакции человека мы тем не менее ощущаем удивительную цельность всех авторских выводов и обобщений.

Тесная связь с мировоззрением Достоевского на уровне мистификации и мифологизации просматривается ещё и в мотивах подготовки преступления. Вспомним, что перед убийством старухи-процентщицы Раскольников долго и мучительно вынашивает «идею наполеонизма». Герой Фаулза совершенно лишён высоких моральных и умственных качеств или достоинств. Ему, ясно, очень далеко до знаменитых «подвигов Наполеона». Между тем и у него в голове зарождаются примитивные мистические идеи. Первое время Клефт даже страшился задуманного. («Это может поначалу показаться даже весьма и весьма странным, но в уме я много раз себе повторял, что такого никогда не сделаю, а только лишь воображаю») [3, с. 41].

Исходя из того факта, что роман «Коллекционер» переведён на русский язык, экранизирован, ставился на подмостках ведущих театров, сюжет его уже в наши дни русскоязычному читателю достаточно хорошо известен. Но при всём вышеотмеченном многие западноевропейские критики полагают, что Фаулз на современном витке истории – это холодный аналитик, который по мере своих возможностей и таланта вглядывается в картины социального бытия с магиче-

ских, мифологических или мистических позиций, чтобы лучше понять, почему образ божьего мира сегодня выглядит столь искаженным. Ведь не по «божьему велению» совершает стол тяжкий грех Фр. Клегг над беззащитной Мирандой. Многие европейские и русские критики-литературоведы убеждены, что первым, и в некотором роде блестящим, опытом такого психологического анализа души человеческой как раз и явился «Коллекционер». В этом, втором по хронологии после «Мага» романе, весьма необычным образом (для уже намётанного читательского глаза) соединились чувство искренней любви к прекрасному с ненавистью ко всему косному и паразитическому. Читая этот роман и некоторые последующие его произведения, порою ловишь себя на мысли, будто бы упомянутое искажение, «кривозеркальность» нашего мира глубоко прошли по нему самому, затронули собственный внутренний мир Дж. Фаулза.

Отсюда, на наш взгляд, вытекает и глубокая субъективность «Мага», «Коллекционера», «Подруги французского лейтенанта» и других, а вместе с тем и их эмоциональная приподнятость, страстность. Фаулз в «Коллекционере» как будто зовёт нас разделить с ним его интересы. Его голос призывно доходит до нас словно издали, а когда мы к нему приближаемся, то видим одинокое существо, и оно говорит нам о нестерпимых мучениях человеческой природы, о невозможности переносить их в современном цивилизованном обществе, а значит и о необходимости отыскать какие-либо пути спасения. Вот почему в «Коллекционере» мы явственно ощущаем такой мифологический, мистический и болезненный тон повествования, дисгармонию в отношениях людей, между прочим, выливающиеся в собственные авторские страдания. Чувствуется, что Фаулз переживает мучительную смерть главной героини Миранды. Скажем больше того, трагический пафос романа заключается не только в её гибели и в поиске Клеггом-убийцей своей новой жертвы. Во всяком случае, не только в этом. Гораздо страшнее разбалансированность потока сознания, когда всё на земле становится зыбким и неопределённым. И тогда прогрессивно мыслящие литературные герои и реальные исторические личности, даже откровенно противостоящие по своей психологии и мировидению Фредерику Клеггу, невольно задаются вопросом, а возможно ли предотвратить аналогичные преступления?

Одним из важных принципов художественной манеры повествования в романе становится следующий философский постулат: доступен ли человек разумному пониманию со стороны? Если, как считает Фаулз, он по природе своей существо иррациональное, то вряд ли это возможно. Во всяком случае, писатель как в «Коллекционере», так и некоторых других своих произведениях доподлинно пытается это доказать. Автору «Коллекционера» с потрясающей силой удалось показать, как при отсутствии новизны острых ощущений в главном отрицательном персонаже – Клегге – просыпаются самые низменные, животные инстинкты [6]. В такие мгновения человеку с неустойчивой психикой хочется ощутить страдания другого, почувствовать запах крови, разрушений, возможно, вообще всего того, на что его ранее обрекали хрестоматийные формулы «нравственности».

Прозу Джона Фаулза, и прежде всего роман «Коллекционер» хотя и с известными оговорками, но всё же можно считать порождением современного мифологического сознания, потому что целый ряд названных произведений тяготеет именно к мифологической вневременности [5]. Через мифологию он пытается обнаружить и художественно подтвердить фундаментальные основы социального бытия, обстоятельно выявить в окружающей жизни её сущностные, коренные и устойчивые черты. Но это отнюдь не препятствует направлять убеждения глубокой и сплошь мифологизированной реальности в русло современности.

В связи с этим хотим сделать одно небольшое дополнение. Некоторые западноевропейские писатели XX столетия с весьма несложных, невзыскательных позиций писали, скажем, о том, как с высоты реальной действительности правильно оценивать результаты истории. Что ж, задача вполне естественная и обструкции не подлежит. Но Джон Фаулз, особенно в последний период своего творчества, интуитивно почувствовал, что такой непритязательный подход легковесен для большого художника слова, прост и удобен для критиков, так привыкших к речевым штампам. Он избирает более трудоёмкий и тернистый путь. А именно пишет об обратном воздействии истории, точнее, её младенческого периода, непосредственно выраженного именно через мифологию, на современность.

Так, установка на мифологическую универсальность не мешает прозе Фаулза и роману «Коллекционер», в частности, оставаться поразительно современной [4]. Соответствующая трактовка и трансформация авторского мифологического, мистического мышления на текущие события не навязывают воспроизводимой в них действительности слишком жёстких схем. В то же время переосмысление мифов опираются у него на опыт, идеологический анализ, вбирают в себя реальность, культуру, историю и т.п. Европейская и российская критика на рубеже XX–XXI столетий, разумеется, проводит свой собственный литературно-критический разбор, но, мы считаем, что фактически при любой монографической раскладке основополагающие идеи Фаулза всегда вырастали из треволений и трагедий нашего времени [2, 7]. Такую реакцию, объективно говоря, вызывает и «Коллекционер», где даже образ коллекционной бабочки первоначально становится знаковым, а затем и мифологизированным в трактовке автора.

Зададимся вопросом: возможно ли и в этом романе услышать знаменитый мифолого-мистический мотив? Видимо, да. Говоря языком Джона Фаулза, это правдоподобно только в том кардинальном случае, если человек выбирает путь канатоходца – трудное восхождение на пике жизненности, красоты и смерти. Что это означает? Стать канатоходцем, по мысли Джона Фаулза, это постоянно и непременно отыскивать относительную точку равновесия в мире, где любой свободный шаг человека опасен прежде всего тем, что он может нарушить привычную гармонию жизни, видоизменить ложные стереотипы и тогда приходится заново искать сместившийся центр тяжести. Но это отнюдь не пессимизм английского писателя. Напротив, становится канатоходцем и разыскивать такую точку опоры – есть для него одно из важнейших правил здорового состояния человечества.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 257 с.
2. Жлуктенко Н. Ю. Английский психологический роман XX века. Киев : Вища школа, 1988. 160 с.
3. Фаулз Дж. Коллекционер : роман / пер. с англ. И. Бессмертной. М. : Махаон, 2004. 314 с.
4. Новикова Л. Джон Фаулз // Коммерсантъ. 2001. № 57. С. 13–15.
5. Парамонов Б. По поводу Фаулза // Звезда. 1999. № 2. С. 217.
6. Гальцева Р. А. Западноевропейская культурфилософия между мифом и игрой // Самосознание европейской культуры XX века : сб. ст. М., 1991. С. 94–113.
7. Храпова В. В. Композиционный лабиринт романа Джона Фаулза «Коллекционер» // Наука. Университет : материалы Третьей науч. конф. Новосибирск, 2002. С. 141–144.

Информация об авторе: *Гасымова Салима Джабраил гызы*, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и мировой литературы Бакинского славянского университета (г. Баку, Азербайджан).

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНТИТЕЗЫ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЁМА ВЫРАЖЕНИЯ КОНТРАСТНОСТИ В ПОЭЗИИ Н. ГУМИЛЁВА

И. С. Гришина

г. Пенза, Россия

Аннотация. Анализируются особенности функционирования антитезы как стилистического приёма контраста в ранней поэзии Н. Гумилёва. Антитеза чаще всего используется как средство: 1) интерпретации хронотопа; 2) противопоставления лирических героев; 3) отражения двойственности мироздания. Реже антитезы выполняют функцию портретной и психологической характеристики героя. Особое значение приобретает цветовой контраст красного и белого тонов, символизирующих противоположные качества двух объектов изображения.

Ключевые слова: антитеза, контраст, стилистический приём, функция

Для цитирования: Гришина И. С. Особенности функционирования антитезы как стилистического приёма выражения контрастности в поэзии Н. Гумилёва // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 307–310.

Контраст как категория поэтического текста является неотъемлемой составляющей творческого метода Н. Гумилёва. С точки зрения поэтов Серебряного века, огонь творчества «высекается» при столкновении контрастов: «дневного» и «ночного» ликов бытия, «дневного» и «ночного» начала в человеке [4, с. 200]. Н. Гумилёв в своих произведениях не просто воссоздаёт окружающий его мир в художественных образах, он воспринимает его в контрастах. Дуализм поэтического мышления поэта находит отражение в антитезе. Антитеза – это «стилистический приём противопоставления контрастных по своему характеру словесных образов, раскрывающих противоречивую сущность обозначаемого, несовместимость различных сторон предмета, явления или самих предметов и явлений» [2, с. 260].

На основе классификации, представленной С. А. Станиславской [3, с. 146], в раннем творчестве Н. Гумилёва можно выделить следующие типы антитезы, определяемые по её функции в поэтическом тексте: 1) антитезы, выступающие как средство интерпретации хронотопа; 2) антитезы, передающие противопоставленность лирических героев; 3) антитезы, выполняющие функцию психологической и портретной характеристики героя; 4) антитезы, отражающие двойственность мироздания; 5) антитезы, рисующие природу творчества, искусства.

1. Антитеза, выполняющая функцию раскрытия хронотопа, являясь основной в ранних произведениях Николая Гумилева, была выявлена в таких произведениях, как «Я верил, я думал...» (1911), «Сказка о королях» (1905), «Дон-Жуан» (1910) и др. Поэт создаёт новую реальность, которая опирается на прошлое и получает воплощение в будущем. Настоящее представляется как определённый этап созидания грядущего бытия:

*Солнце сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее.
(«Молитва», 1907)*

Временная антитеза используется поэтом для передачи динамики отношений героев: *Как всегда, от меня ты теперь отреклась. / Завтра, знаю, вернешься покорной.* («Это было не раз, это будет не раз...», 1910)

В основе подобных антитез лежат оппозиции *настоящее – будущее, прошедшее – настоящее*, которые выражаются наречиями и часто располагаются параллельно (*сегодня – завтра, прежде – теперь*): *Я знаю измену. / Сегодня я Пана ликующий брат, / А завтра одену / Из снежных цветов прихотливый наряд.* («Осень», 1903–1905)

Противопоставление двух временных пластов нередко входит в сложную антитезу, основу которой составляет оппозиция *движение – статика, пассивность, безжизненность*: *Я пробрался вглубь неизвестных стран. / Восемьдесят дней шёл мой караван. <...> Мы рубили лес, мы копали рвы, / Вечерами к нам подходили львы. <...> Древний я открыл храм из-под песка. / Именем моим названа река. <...> Но теперь я слаб, как во власти сна, / И больна душа, тягостно больна; / Я узнал, узнал, что такое страх. / Погребенный здесь в четырёх стенах.* («У камина», 1910)

Контрастность этой размытой антитезы осуществляется за счёт противопоставления двух словесных блоков: «движение» (*пробрался – шёл – рубили – копали*) и «статика» (*слаб – сна – больна – страх – погребенный*). Таким образом, в данном контексте динамика в прошлом, являющаяся свидетельством жизни, бытия, противопоставляется статике в настоящем, символизирующей пустоту, отсутствие бытия, смерть. Противопоставление движения покою стало лейтмотивом в раннем творчестве Н. Гумилёва, оно встречается, например, в стихотворениях «Пощади, не довольно ли жалящей боли...» (1909), «Ты помнишь дворец великанов...» (1910).

2. В поэтическом языке Н. Гумилёва нередко встречается антитеза, передающая противопоставленность героев. В любовной лирике («Дева Солнца» (1903–1905), «Маскарад» (1907) и др.) подобные антитезы могут служить для раскрытия предельного различия двух героев и выражаются при помощи контраста цветовых символов и грамматических оппозиций *я / все, мы / они, я / он*. Тема «враждующих» влюблённых раскрывается в стихотворении «Поединок» (1909):

*В твоём гербе – невинность лилий,
В моём – багряные цветы,
И близок бой, рога завыли,
Сверкнули золотом щиты.*

Багряный цвет в лирике акмеиста включается исследователем С. В. Дроздовой [1, с. 138] в семантическое поле «война» и выступает как символ ратных подвигов, кровавых битв, отваги. В данном контексте он противопоставляется белому цвету, сему которого содержит в себе лексема *лилии*, ассоциирующаяся с чистотой, высшей красотой, гармонией. Антитеза дополняется контрастом *восторг – стон, дрожь*:

*Я пал, и молнии победной
Сверкнул и в тело впился нож.
Тебе восторг – мой стон последний.
Моя прерывистая дрожь.*

Цветовая антитеза представлена в стихотворении «Осенняя песня» (1903–1905), где лирические герои – жених и невеста – противопоставлены: лексема *красный*, ассоциируемая с чувственной страстью, мужским началом, гордостью, используется при описании жениха, а прилагательное *белый*, сопровождаемое лексемой *стыдливо* и традиционно для Гумилева символизирующее женственность, описывает невесту.

Нередко в своём творчестве Гумилёв поднимает проблемы добра и зла, космического и земного, обыденного и героического. Противопоставление героев раскрывает эти мировые противостояния: *Смутную душу мою тяготит / Странный и страшный вопрос: / Можно ли жить, если умер Атрид, / Умер на ложе из роз? <...> Что я? Обломок старинных обид. / Дротик, упавший в траву, / Умер водитель народов, Атрид, – / Я же, ничтожный, живу* («Воин Агамемнона», 1909).

В основе антитезы здесь лежат антонимичные пары *умереть – жить, водитель народов – ничтожный*.

3. Антитеза в ранней лирике Н. Гумилёва связана с характеристикой внешности или внутреннего мира героя, например:

Вот Ева – блудница, лепечет бессвязно.

Вот Ева – святая с печалью очей,

То лунная дева, то дева земная.

Но вечно и всюду чужая, чужая.

(«Сон Адама», 1909)

Узуальные антонимы *блудница – святая, лунная (дева) – земная (дева)* являются средством создания явной многокомпонентной антитезы.

Важную роль в подобных антитезах также играет цветовой контраст. Основная для творчества Н. Гумилёва оппозиция красного и белого тона (*пурпуровый – бледный*) содержится в образном контексте: *Его уста – пурпуровая рана / От лезвия, пропитанного ядом: / Печальные, сомкнувшиеся рано, / Они зовут к непознанным уладам. / И руки – бледный мрамор полнолуний, / В них ужасы неснятого проклятья, / Они ласкали девушек колдуний / И ведали кровавые распятья.* («Портрет мужчины», 1910)

У прилагательного *пурпурный* возникают в контексте ассоциации с болью, страданием, несчастьем (данные ассоциации поддерживаются словесным рядом: *рана, лезвие, яд, печальные*). Прилагательное *бледный* также получает ассоциативные «приращения» в образном контексте и символизирует грех.

4. Н. Гумилёв применяет антитезу для того, чтобы подчеркнуть контрастную природу всего сущего («Семирамида» (1909), «Две розы» (1911), «Об Адонисе с лунной красотой...» (1915) и др.). Свет и тень, цветовая яркость, интенсивность и полутона – эти противопоставления становятся основой антитезы: *Горит янтарная смола. / Лесной дворец светло пылает, / И голубая полумгла / Вокруг, как бабочка, порхает.* («Осенняя песня», 1905)

Природные явления в поэзии Н. Гумилёва даны в романтическом освещении; концентрация контрастных признаков подчёркивает разделение всего сущего на два противоположных начала: *О, пусть ужасен голос бурь, / И страшны лики темных впадин, / Но горный воздух так прохладен / И так пленительна лазурь.* («Рассказ девушки», 1905)

5. Единичным примером в поэтическом языке Н. Гумилёва является антитеза, призванная подчеркнуть противопоставленность искусства как высшей гармонии и обыденности, косности жизни:

Всё прах. – Одно, ликуя.

Искусство не умрёт.

Статуя

Переживёт народ.

(«Искусство», 1911)

Творчество у поэта связано с понятием стихии, определяющей мировой ритм, с вечным движением, не подчиняющимся воле человека.

Итак, антитеза становится одной из основных стилистических фигур в поэтическом языке Н. Гумилёва, что связано с особенностями с его метода, с романтической направленностью творчества. Вечные мировые противостояния добра и зла, любви и ненависти, рационального и иррационального, движения и статики легли в основу его антитез, которые носят, как правило, философский, отвлечённый характер.

В структурном плане преобладает сложная размытая антитеза, реализующаяся в пределах всего поэтического контекста. Основные для авторского мировосприятия семантические оппозиции поддерживаются целым комплексом противопоставлений, организующих два контрастных словесных блока. Особое значение в подобных антитезах приобретает цветовой контраст, в основном, красного и белого тонов, символизирующих противоположные качества двух объектов изображения.

Список литературы

1. Дроздова С. В. Семантика цвета в поэзии Н. С. Гумилева // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. № 5–1. С. 134–139.
2. Корнилова Л. А. Структурно-функциональная классификация антитезы в англоязычной литературе и фольклоре // Учёные записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150, кн. 6. С. 260–265.
3. Станиславская С. А. Контраст как принцип организации поэтического текста (на материале ранней поэзии А. Ахматовой и Н. Гумилёва) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Саратов, 2001. 195 с.
4. Чупринин С. И. Из твёрдого камня. Судьба и стихи Николая Гумилёва // Октябрь. 1989. № 3. С. 196–203.

Информация об авторе: *Гришина Ирина Сергеевна*, учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 77; магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА О ЛЮБИМОМ БАКУ

А. И. Гусейнова

г. Баку, Азербайджан

Аннотация. Показано отражение истории города Баку в произведениях азербайджанских и русских поэтов и писателей. Отмечается, с какой любовью и уважением они относятся к городу и его жителям. Особое внимание уделяется описанию героического прошлого Баку и красоты его природы.

Ключевые слова: древний, источники, эксцентрический, этимология, сакральный, Баку

Для цитирования: Гусейнова А. И. Поэтическая мозаика о любимом Баку // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 311–314.

О Баку написаны стихи на разных языках, в том числе и на русском. В этих стихах, таких разных по содержанию, чувствуется присутствие бакинской атмосферы в передаче бакинских пейзажей поэтами и ностальгических ноток. Баку – эксцентрический город, расположенный на берегу Каспийского моря. На протяжении большого исторического времени у Каспийского моря сохранилось около пятидесяти названий на разных языках. Азербайджанцы называют его Хазаром. О Баку сложено много легенд. По вырывающимся огненным извержениям и нефти в окрестностях город Баку считался священным. Позднее в Сураханах был построен храм огнепоклонников, где горел огонь из выходящего на поверхность земли природного газа. В Янардаге и по сей день горят огни, вырывающиеся из-под земли газа. Вот с горящим огнём каким-то образом и связана этимология названия Баку, которая теряется в глубокой старине. Так, Ахмед Кесреви Тебризи древнее название Атеши-Багуан отождествлял с названием города Баку, объясняя как “город Бога” или “место Бога”. Римский историк Клавдий Элиан (к. II – н. III вв.) приводит данные о животном мире и других особенностях в стране каспиев [1, с. 17]. Сведения о Баку и пылающем полуострове имеются в «Книге мёртвых» древних египтян. Источники повествуют, что до XIX века названия Девичья башня (Гыз галасы) и Хунсар галасы употреблялись параллельно, однако уже в XX веке об этом стали забывать. Истинным названием этой башни является Хунсар галасы, то есть место бога Асара – Солнца, так как она служила для наблюдения за солнцем, являлась солнечной обсерваторией или же пригоризонтной обсерваторией. Стоунхендж, Мачу-Пикчу, Аркаим тоже относятся к мегалитическим постройкам [9]. Каспийское море то поднималось, затапливая города, то мелело. На дне Седого Каспия лежит затопленный город Сабаиль. Город-крепость в Баку называется Ичери-шахер. Там находятся старинные сооружения: Девичья башня, Караван сарай, Дворец Ширваншахов, мечети и старинные бани. Баку – город-мост, соединяющий древние эпохи и древние религии огнепоклонников, христианство с сохранившейся старой церковью в Ичери-шахер, мечети, откуда доносятся голоса муэдзинов, поющих азан и зовущих мусульман к молитве, узкие улочки ведут нас, и память, и воображение рисуют древние картины времён господства огнепоклонников, когда были гонения на христиан. По преданию, язычники казнили апостола Святого Варфоломея в городе-крепости у Девичьей Башни. А затем на этом месте, окропленном кровью святого апостола, построили базилику, около которой росло дерево смоковницы. Много раз приходилось Баку отражать вражеские нашествия.

Баку видел множество полчищ завоевателей. Купцы торговали солью, клеем, нефтью и шёлком, об этом написано в древних рукописях на арамейском, латинском, арабском, персидском, древнееврейском языках. Виноград, инжир, оливковые и тутовые деревья, шафран, пасущиеся стада овец, коз – всё было у человека, чтобы жить счастливо на Апшеронском полуострове. Для охоты были стада джейранов, косуль. Приняв ислам, Баку становится мусульманским городом, где был внутренний город Ичери-шахер, в каждом квартале Ичери-шахера была своя мечеть, были построены несколько карвансараев, была большая базарная площадь. Баку являлся крупнейшим портом на Каспийском море. За крепостными воротами лежал Баир-шахер, то есть наружный город в отличие от Ичери-шахер, внутреннего города, окружённого крепостными стенами. В XVIII веке через Баку шла торговля шелками, что нашло отражение в одном из стихотворений Г. Р. Державина. Русские купцы привозили из Баку шёлк и в Петербург. Г. Р. Державин в стихотворении «Ко второму соседу» в 1791 году отмечает «шелк Баки», сохраняя звучание Баки на азербайджанском языке (Ваки):

«Не кость резная Колмогор,
Не мрамор Тифды и Рифея,
Не невски зеркала, фарфор,
Не шелк Баки, ни глазумея
Благоуханные пары
Вельможей делают известность...» [3, с. 176].

Сохранилась древняя легенда о деве Рейхан. Рейхан – это женское имя, так называют душистый базилик. В суре 56 «Аль-Вакиа» аят 89 Корана написано на арабском языке: «Фа-Раухуу-уа Райха-нуу-уа Жаннату-Наим». В русском переводе имама Валерии Пороховой: «То для него – покой, и все щедроты, И сад услады (где ему навечно пребывать) [4].

Рейхан

«Давным – давно это было. На берегу Каспия жили свободные и красивые люди в мире и согласии. Всё у них было. Город Баку окружали крепостные стены. На базаре можно было купить всё, что душа пожелает: шёлк, украшения, оружие, восточные сладости и много чего. В Девичьей башне жили жрицы и было сорок пречистых дев. Девы были гордостью страны. На шумной базарной площади можно было услышать много интересных и причудливых историй о необыкновенных странах и их жителях. И вот однажды купцы принесли страшную весть о полчищах свирепых завоевателей, горожане стали готовиться к осаде. И вот в одну из ночей раздались крики, топот воинов. Враги приближались к городу со стороны Волчьих ворот. Войско спешило навстречу врагам, горожане знали, что страшное впереди... И вот гонец прискакал с нехорошей вестью. Воины были перебиты... И в этот страшный для Родины час верховная жрица отдала приказ девам готовиться к бою. Вот сорок дев, одетых во всё красное, выехали из крепостных ворот. Они устремились на полчища врагов... Завязалась страшная схватка. У волшебных дев выросли крылья, много было перебито врагов... Однако одна из дев была смертельно ранена, кровь струилась из раны, и там, куда падали капли чистой священной девичьей крови, вырастала красная пахучая трава базилик, аромат которой ветер разносил далеко... Это был настоящий дурман-трава... Враги, одурманенные этой травой, исчезали как призраки в степи... Вот и девы победительницы с умирающей подругой появились у крепостных стен. Народ ждал и встретил их с радостными криками. Деву звали Рейхан, как и душистый базилик».

О Баку написан роман «Старый Баку» актёром Гусейнгулу Сарабским. В этой книге очень много интересного этнографического материала о прошлом города и жителях Баку [5, с. 144].

В стихотворении «Бакинские эскизы» А. И. Гусейновой запечатлена древняя символика нашего города: «Баку и Ичери-шахер. О сколько чуда в этих древних звуках... Баку и Ичери-шахер!!!

И старины далёкой память оживает в нас! Чудесных теней очертания спешат навстречу к нам! О город чудных тайн!

И узки переулки твои как горлышко старинных кувшинов!

И редкий сураханский храм огня! И каменное изваяние Ахурамазды, дошедшее до наших дней, что хочешь нам сказать,

И тень апостола святого Варфоломея, безвинно убиенного язычником!

О чём расскажешь нам, Ичери-шахер?!

О городе в морском просторе Сабаиль,

О гордой Гыз Галасы-Девичьей Башне, источнике вдохновения поэтов, таящей в себе тысячелетий тайну!

Мечети! Ширван-шахлар сарай, Карван-сарай!

И каменные сардаба и баш дашы с арабской вязью! И вечно юный сакральнейший город, хранящий тайну времени... Слияние мировых религий – учения пророков Зороастра, Иисуса, Мухаммеда, мир памяти его...

И древний герб Баку – бык и охраняющие крепость львы...

И тайна цифры «28» в твоих кварталах древних скрыта...

Я слышу голоса и пение мугама Шикасте в волнах Седого Каспия!

Мулла поёт азан, и все спешат в мечеть молиться! О Аллах!

Ты вечность и единство! Надежда человечества...

Душа моя полна любви к тебе!

О Боже! Храни мой город и услышь молитву горожан!.. [2, с. 179].

В 1925 году Сергей Есенин написал прекрасное стихотворение о Баку «Прощай, Баку». Русский поэт с большой любовью пишет о Баку, выделяя «синь тюркскую» в Баку:

«Прощай, Баку! Тебя я не увижу.

Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.

И сердце под рукой теперь больней и ближе,

И чувствую сильней простое слово: друг.

Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!

Хладеет кровь, ослабевают силы.

Но донесу, как счастье, до могилы

И волны Каспия, и балаханский май» [8].

Анна Ахматова в стихотворении «Ты, Азия, родина родин» вслед за Сергеем Есениным повторяет как эпитет слово «синь»: «воздух Азии огнен и синь». Поэтесса, хорошо знавшая цветовую восточную символику, употребляет в описании воздуха синий цвет. Что имел в виду Сергей Есенин, употребляя сочетание «синь тюркскую»? Синеву Каспийского моря, синеву Бакинского неба, или небесный цвет бирюзовый. Ведь камень бирюза на европейских языках называется тюркским камнем. Каждый народ воспринимал себя в цветовой гамме. «Излюбленным цветом древних тюрков был синий цвет, отмеченный многими тюркологами. Л. Н. Гумилёв отмечает, что сами себя тюрки, основатели западно-тюркского каганата, называли гёктюрк... Первобытная религия – почитание Тенгри-Голубого Неба – общая для степной Евразии (с. 197)» [7, с. 48]. На трёхцветном государственном флаге Республики Азербайджан верхняя полоса голубого цвета символизирует тюркское происхождение азербайджанского народа.

Гениальные поэты Сергей Есенин и Анна Ахматова не случайно отмечают синий цвет в описании тюркского мира, поэты воспринимают тюркский мир через синеву неба и моря.

Азербайджанский народный поэт Самед Вургун, горячо любящий свою Родину, писал о могуществе Баку, веря в историческую миссию азербайджанской столицы:

«Баку, Баку! Отчизна дорогая,
Ты нашей славой вековечно будь...
Зарёй светись от края и до края,
Всему Востоку озаряя путь.
И дивное могущество таится
В тебе, азербайджанская столица» [8].

Павел Антокольский отмечает схожесть города с подковой:

«Город по ночам лежал подковой,
Весь в огнях – зелёных, жёлтых, красных...
Нам в лицо дышала нефть и горечь
Крупного весеннего прибоя» [8].

А ведь подкова – символ счастливого города. Пролетарский поэт Владимир Маяковский красочно описывает братскую бакинскую нефть, которая помогала строить экономически независимое будущее Советского Союза:

«По тебе машинами вздыхают
миллиарды поршней и колёс...
Если в будущее крепко верится –
это оттого, что до краёв
изливается столицам в сердце
чёрная бакинская густая кровь» [8].

Хочу закончить статью аятами 24, 25, 26 суры «Ибрахим» из Корана: «Раз-
ве ты не видишь, как Аллах приводит притчи? Прекрасное слово подобно пре-
красному дереву, корни которого прочны, а ветви восходят к небу. Оно плодоно-
сит каждый миг с дозволения своего Господа, Аллах приводит людям притчи, –
быть может, они помянут назидание. А скверное слово подобно скверному дере-
ву, которое можно вырвать с поверхности земли, ибо нет у него прочности» [6].

Список литературы

1. Алиев К. Г. Античная Кавказская Албания. Баку : Азернашр, 1992. 238 с.
2. Иманова С. И., Гусейнова А. И., Касумов В. Х. Мои стихи – моя душа запечат-
лелась в вас, бакинские эскизы // Литературные силуэты Азербайджана. Баку : Мутар-
джим, 2020. 192 с.
3. Державин Г. Р. Стихотворения. Л. : Советский писатель, 1957. 469 с.
4. Коран : пер. смыслов и коммент. И. В. Пороховой / под ред. Аль-Раид Мухам-
мада Саида. М. : Рипол-Классик, 2016.
5. Sarabski Hüseyinqulu. Köhnə Bakı. Bakı : Şərq-Qərb, 2006. 144 s.
6. Коран : смысл. пер. и коммент. Э. Р. Кулиева. М. : Умма, 2003.
7. Гусейнова А. И. Древнетюркские теонимы и цветовая символика как выраже-
ние западного и тюркского мироощущения // Восток и запад: Типология и диалог культур :
сб. ст. науч. конф. (15–18 ноября 1999 г.). Баку, 2001. 132 с.
8. URL: <http://www.window2baku.com/poems.htm> (дата обращения: 20.06.2020).
9. Эксклюзивное интервью AZE.az с историком, исследователем Искендером Та-
гиевым. URL: http://aze.az/news_taqiev_nyneshnyaya_devichya_59455 (дата обращения:
22.06.2020).

Информация об авторе: *Гусейнова Арзу Идрис гызы*, доктор философии по фи-
лологии, научный сотрудник Института Языкознания имени Насими НАН Азербайджана
(г. Баку, Азербайджан).

Ш. ДУЙШЕЕВДИН ЧЫГАРМАЧЫЛЫГЫНДАГЫ САТИРАЛЫК ЛИРИКАНЫН КӨРКӨМ-ЭСТЕТИКАЛЫК ТАБИЯТЫ

Э. Жумаканова

г. Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Бул макалада кыргыз эл акыны Ш. Дуйшеевдин чыгармачылыгындагы сатиралык лириканын көркөм эстетикалык табияты каралат. Сатира жанрынын улуттук адабияттагы орду белгиленет. Акындын сатиралык чыгармаларына анализ берилип, анын буга чейинки кыргыздын сатиралык ырларынан бир топ айырмаланып турары аныкталат.

Негизги сөздөр: сатира, лирика, эстетика, идея, жанр, адабият, мазмун, көркөм эстетика

Для цитирования: Жумаканова Э. Ш. Дуйшеевдин чыгармачылыгындагы сатиралык лириканын көркөм-эстетикалык табияты // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 315–320.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА САТИРИЧЕСКОЙ ЛИРИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ш. ДУЙШЕЕВА

Э. Жумаканова

г. Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Рассматривается художественно-эстетическая природа сатирической лирики в творчестве кыргызского поэта Ш. Дуйшеева. Определяются роль и место жанра сатиры в отечественной литературе. Анализируются сатирические произведения поэта, указываются их особенности и отличия от предыдущей кыргызской сатиры.

Ключевые слова: сатира, лирика, эстетика, идея, жанр, литература, содержание, художественная эстетика

Сатира көптөгөн улуттук адабиятта өзүнчө орду бар жанрлардын бирине кирет. Ал көркөм андаштыруунун өзүнчө түрү катары көпчүлүк адабияттарда өз ордун таап, бир нече жанрдын өзөгүн түзүп, маани-маңызы боюнча эл арасындагы күйүттү күлкүгө алып, терс көрүнүштүн очогуна таасир берүүчү сарказмдын классикалык үлгүлөрүн жаратканы бар. Алардын арасынан элге жеткирчү ойду жумшак жылмаюунун коштоосунда чагылдырып, күлкүнү көркөм-эстетикалык каражат катарында колдонгон түрлөрүн да кыргыз адабиятында кездештиребиз. Бирок коомдун күрөө тамырында турган түрдүү көйгөйлөрдү акынга мүнөздүү дүйнө кабылдоо аркылуу сынга алып, кыябы келген шартта жеке чыгармачылыгына таандык көркөм-эстетикөлүктү лирикалык чыгармаларда жараткандар саналуу эле. Ал эми айрым акындар сатирага терең сүнгүп кетпей, кези келген жерде ыгына жараша пайдалана коюп, улуттук адабий дөөлөткө өз салымын кошконун да адабий процесс ырастайт. Мунун өзү бул жанрдагы лирикалык чыгармалар коомдун талабын ылайык кези келген жерде алдыңкы сапка бөлүнүп чыгып, кээ бир маселени коомчулук ойлоно турган деңгээлге жеткирип, бүт элдин жан дүйнөсүн ойготууга жетишкен учур буга чейин кандай болуп келсе, мындан кийин деле боло берээрине кепилдик берет. Анткени

лирикалык чыгармалар адамдын жан дүйнөсүн ойготуу менен бирге кыжырга тийген окуянын маңызын чыгара күлкүгө алганы кыргыз адабиятында салтка айланган.

Коомдук турмуштун өзгөрүүсү адам жашоосуна жаңы критерийлерди алып келе турганы анык, бирок жаңылануу дайыма эле ордунан чыга бербейт. Мындай шартта андан жапа чекчү адамдык сапаттар да кездешет. Ш. Дүйшеев эгемендикке ээ болгон жылдардын башындагы андай жаңыланууга туруштук бере албаган коомдук аң сезимге байкоо салып, эл башына түшкөн кыйынчылыкка өз алдынча жооп табууга аракеттенет. Биринчи көзгө илингени бийликке ишенип, жогору жакты карай берип, тездик менен коомчулукка аралашкан түрдүү кубулуштарга жооп таба албай, ырыскысын бөлөктөргө тарттыра баштаган карапайым калк болсо, кыжырды келтиргени андай көрүнүшкө кайдыгер караган кызмат адамына акын элдин “үнүн” жеткирүүгө киришти. Мурда-кийин сатира менен алектенип көрбөгөн ал элдин азап-түйшүгүн публицистикалык поэзиянын нугунда чагылдырып, эмне үчүн ушундай кырдаал түзүлгөнүн табуу аракетинде болуп, өз карашы боюнча ушул абалга элдин өзүнүн кайдыгерлиги алып келди деп эсептейт. Башкы маселе калктын жан дүйнөсүн ойготуу болгондуктан, карапайым кишинин тарткан кыйынчылыгын белгилүү бир типтүү турмуштук көрүнүштөргө айкалыштырып, анын себебин адам мүнөзүнөн издейт [1, 27].

Ал XX кылымдын акыркы он жылдыгында жер үстүнө жыргалчылык курабыз деген компартиянын тилеги ишке ашпай, ага ишенген карапайым калктын ара жолдо калышына нааразы болгон акын айтчу сөзүн күчтүү эмоция менен чыгарып:

“Компартия,
Жүрөгү тазаларды талкалаган,
Жүзүкара адамдарды
Белет менен калкалаган
Жалган беле?
Сен неге унчукпайсың?
Кечээ эле катарында чебеленип,
Камгактай тегеренип,
Жөтөлсөң жөлөгөндөр,
Тайысаң таягандар,
Так үчүн,
Бийлик үчүн

Таманыңды өпкүлөп жалагандар” [2, 45] – деген саптар аркылуу нукура чындыкты окурмандын өзүнө түшүнүрүүгө аракеттенди. Элди күч менен бийлеп, каяша айткандарды камап, кыңк дедирбей башкаруунун эсебинен ушул абалга жеткирген, б. а. каардуу бийликтин жаңылыштыгынан кеткен коомдук аң сезимдин өзгөрүшү себепкер болуп, алган багытынан “адашкан” идеологиянын кетирген мүчүлүштүгүн көрсөтүү аракети ырдын мазмунуна гана өз таасирин тийгизбестен, анын жанрдык формасына да жаңычыл мүнөз бере алган.

Бир караганда публицистикалык лирика катары көрүнгөнү менен ырдын мазмунунда сатиралык ой жүгүртүүнүн бардык элементтери сакталып, бул топтомго кирген чыгармаларды ушул өңүттөн кароого да мүмкүнчүлүк түзөт. Өз окурманын тапкысы келген акын катары Ш.Дүйшеев улутка мүнөздүү көйгөйдүн өзөктүү жактарын сапка тизип, элдин көңүлүндөгү проблемаларды чеччү кубулуштун жолун жарандык коомчулук менен бирге бийлик адамдарына түшүндүрүүгө аракеттенет. Аны кыргыз адабиятында мурда колдонулуп келген салттуу жанрлардын бири арноо ырлары аркылуу чагылдырууну көздөйт. Мындай ойлор акындын чыгармачылыгына жаңы түс берүү менен бирге

социалдык чөйрөдө көп жылдап түптөлгөн коомдук аң сезимдин жаңылыштыгын ачыкка чыгарган. Тактап айтканда ушундай кыйынчылыкка жеткирген саясий багыттын жаңылыштыгы – калкты будуң-чаңга салган кысталыш турмуш, жокчулук, эмгек акы жетишпеген күнүмдүк тиричилик, ага себеп болгон жагдайлар, ж. б. ушул сыяктуу бир кезде байкала бербеген кемчилдиктер Ш. Дүйшеевдин публицистикалык ой жүгүртүүсүнө сатира менен лириканы айкалыштырууга аргасыздык жаратты.

Кыргыздын көңүлүнө катуу тийген мындай турмуштук көйгөйдү тийиштүү жерге жеткирүү үчүн акын проблемага жакын кишини таап, ойдун кимге тиешелүү экенине карай арноо ырынын мазмунун конкреттештирип, “саламын” кат түрүндө жолдойт. Профессионал адабиятта кат жанры коомдук зарылдыктын белгилүү бир муктаждыгын аткарып, элге жооп берчү кызматкерге калктын проблемасын камтыган идеяны жеткирип жайылтууга жөндөмдүү экенин билебиз. Ш. Дүйшеев улуттук поэзияда “салам кат” аркылуу сатиралык ойду өнүктүрүп, комге болсо да жолдонуучу ой-туюмдун маанисин тереңдетип, козголгон маселе ошол учурда кайсы кызматкерге тиешелүү болсо, ойдун нугун ошол жакка туруп, анын намысына тийүүчү куйкум сөз каражаттары менен ыр саптарын шөкөттөп чымчып кеткени ырга жаңычыл мүнөз берип турат. Лирикага мүнөздүү үч жанрдын тогошкон формасында жаралган акындын “салам каттары” ар ким ар кандай түшүнгөн көйгөйдү чечүүчү кызматкердин өзүнө жеткирип, анын мазмунун ырга айландырууда оной менен түшүндүрүүгө болбогон шартты жеңилдетип, кыябын келтирүү жагын сатиралык сынчыл көз карашка жүктөйт. Баары тең классикалык болуп кетпесе да, мындай мазмундагы публицистикалык ырлары эл турмушун сатиралык мотивде чагылдырууга жетишти. Ал жалпысынан “Кайдыгерлик” деген аталыш менен окурман журтка белгилүү болуп, өткөн коомдук түзүлүштүн бийлик жүргүзүү саясатынан пайда болгон типтүү кемчилдиктерден сатиралык эмоция аркылуу бир бүтүн көркөм-философиялык көз карашты жарата алды.

Ш. Дүйшеевдин мындай лирикаларында ураан-чакырыктар менен куралданып көнгөн калктын ички сезимдерине таасир берчү стилди тандайт. Андай чакырыктардын ичинде элдин руханий баалуулуктары – тили, жери, эгемен жашоосу, демократиялык дүйнө кабылдоосу, бакубат тиричиликке жетүү, ж. б. маселелерге байланышкан ойлору камтылып, улуттук дөөлөттөрдү сактоого окурмандын көңүлүн бурат. Окурманга түшүнүктүү болуш үчүн журт башынан өткөрүп жаткан кыйынчылыкка басым жасалат да, аны ирети менен жазып жеткирүүдө эл арасында айтылган сын пикирди колдонот. Өзгөчө ушундай кыйналган абалга алып келген коомдук түзүлүштү, ага каяша айта албай чоңойгон муунду, анын кесепетинен баарына кайдыгер пенденин коомдук турмушка келишин, андай мажирөө инсандардын бийликке жагынышынан эл тарткан зыян публицистикалык ой толгоо менен тизмектелет да, ачуу чындыкка таянган сын акындын лирикаларына жаңы түс берет. Бийликтин дайыма кысымында турган улуттук дөөлөттөр акырындап өзүнүн руханий баалуулугун жоготуп бара жатканын ар бир кыргыз жан дүйнөсүндө сезип, андай жоготууга ичинен сызып, ал ойлорун ачыкка чыгара албай турган маалда жаралган Ш. Дүйшеевдин мындай лирикалары окурман тарабынан колдоо таап, калктын калың катмарына жайылып кетти [3, 87].

Эркин ыр формасында жазылып, ар бир сапка көп жылда топтолгон эмоцияны камтыгандыктан, андай форма акындын публицистикалык ой толгоосун элдин көңүлүндө турган маселеге айкалыштырып, адабий процеске өзүнчө стилди алып келди. Андай лирикаларында акын баарын бийлик чечет деп өз тагдырын анын колуна салып берген элдин ишенимин актабаган, ошол эле

мезгилде ойдон чыгарылган идея менен алдап, болгонун тартып алып, өзүн жакырчылыкта кармаган компартиянын тез кулап калышы ар кимдин оюн бүлүккө салса да, андан бошонуу жолун издебеген кыргызга кадимки жаран катары капа болот. Эл турмушунун күн өткөн сайын оорлошу, андан арылууга коомдук аң сезимдин алсыздык кылышы, башкаларга салыштырмалуу кыргыз элинин мындай абалдан жол таппай кыйналуусу акындын ырларында публицистикалык ой жорумду сынчыл көз караш менен синтездештирип, лирикалык каармандын кайрылуусунда алып чыгат. Билинбей басып калган жашоо-турмуштун оорчулугуна жооп таба албаган кырдаалдын себептерин өз алдынча аныктоого аракеттенген акын мындай көрүнүшкө биринчи кезекте совет бийлигин күнөөсө (“Партия менен сүйлөшүү”), андай ойлорун акырындап өркүндөтүп, ошол жылдары бийликтин түрдүү тепкичинде туруп, бирок үрөйү дүргүп турган эли үчүн эч бир чечкиндүү кадам көрсөтө албагандарды сындап (“Компартиянын соңку тарыхынан”), алардын кетирген катачылыктарын акындар поэзиясында орун алган кадимки санат ырларынын мотивде айтып өттү.

Ырчылык өнөргө таандык мындай формада ойду берүү кыргызга абдан жеткиликтүү болгондуктан, санат түрүндө берилген лирикалык каармандын билдирүүсү кашкайган чындыкты чагылдыруу менен бирге кыйналган шарттан жол таба албагандарды сындаган түшүнүктү тереңдетип, шылдың үлгүсүндөгү сатираны жараткан. Жетишсиз жашоого жетирген доордун кесепетине акын бир эле бийлик башындагыларды күнөөлүү деп эсептебестен, жаңы мазмунга өткөн заманды туура эмес түшүнгөндөрдү ушундай санат формасындагы ырлары менен сынга алат. Жашоо-турмуштун өзгөрүүсүнө баам салбай, ашыкча кетип дардаландарды (“Дардаң мырза”), иштин көзүн таппай, бирок коомду жаңылагысы келген топтун мүчөлөрүн (“Жаңы тарых”) эч нерсе менен иши жок замандын кай тарапка бара жатканы да башын оорутпаган кыргыздын типтүү образын Эштек байкеси (“Эгемендүү Эштек”) [4, 76] аркылуу берет. Бул ырларда чагылдырылган идеянын өзү тикелей сынга алууну көздөбөсө да, журтту мүшкүлгө салган проблемаларга так жооп таба албай, адамдын ички дүйнөсүн бүлүккө салган мамилени акын баарына көңүл кош сапат – кайдыгерликтен көрүп (“Кайдыгерлик”) элдин көйгөйүн окурманга жеткирүүдө сатиралык ой жүгүртүүнүн бардык мүмкүнчүлүгүн пайдаланууга аракеттенет. Ошондуктан табияты боюнча публицистикалык лирика катары көрүнгөнү менен мындай ырлар акындын чыгармачылыгында өзүнчө ой түрмөгүн түзүп, жалпы кыйынчылыкты түптөгөн проблеманы жеңе албаган муунду сындаган сатирага өтөт.

Коомдогу терс көрүнүш, окуяларды чагылдыруу жагынан Ш. Дүйшеевдин сатиралары буга чейинки кыргыздын сатиралык ырларынан бир топ айырмаланып турат. Ал өзүнүн сатиралык поэзиясында саясий-социалдык чөйрө менен эл турмушу тогошкон жерди алып, андан окурманга таасир берчү турмуштук окуяларды бөлүп, аларды өз ара салыштырып, кеткен катачылыкты туура жолго бура турган багытты издеп, аны оң жолго салууга жолтоо болгон кырдаалды турушунда көркөм баяндоо аркылуу эмне себептен терс экенин окурман өзү таап түшүнгүдөй деңгээлде сүрөттөйт. Мында да кыргыздын элдик поэзиясына мүнөздүү терип ырдоо ыкмасы колдонулуп, терс көрүнүштөр саясатта бийликтин “таманын жалагандар” менен башталып, жай турмушта көртирликтин курмандыгы болгон пенденин арсыз жашоосунда кездеше калчу окуялардан куралган бирдиктүү сюжет чыгат да, ал андай жаңылыштыктын күч алышына маанилүү орунду ээлеген проблеманы элге түшүндүрүүнү көздөйт. Ал бирде табияттын бузулушуна күнөөлүү болгон кылган кырдаалдын (“Ысык-Көлдү сакта дейсиң”) башын ачууга басым коюп, улутту жармач кылган кошоматчыларды, билип-билбей башкаларды ээрчий берген “Кыргызгүл” жана “Кыргызбайларды”

сынга алса, экинчи тарабынан компартияга мүчө болуп эне тилин унуткан Муратты (“Мурикти”) мисалга келтирүү аркылуу өзөктү өрттөгөн чындыкты сүрөттөп берет.

Ш. Дүйшеевдин мындай лирикалары менен улуттук поэзияда буга чейин кездеше бербеген бир жаңылык байкалат, б. а. мурда сатира бийлик жүргүзгөн саясий багытты колдоп, анын ишке ашуусуна “жолтоо болгон” көрүнүштөрдү сынга алуу менен түзүлгөн болсо, ал сатиралык туюмдун маңызын өзгөртүп, жаңы замандын келиши элдин турмушун, улуттук дүйнө кабылдоону белгисиз туңгуюкка кептеген доорго мүнөздүү саясий философияны сынга алат. Бир учурда чыныгы акыйкат катары көрүнгөн чындык өзүнүн таасирин жоготуп, кезегин жаңы заманга өткөрүп берген маалда анын мүчүлүштүгү эмнеден экени көрүнүп, ал бир доордун катачылыгы катары улуттун нарк-насилине доо келтирген абалды акын “Күт эми Эштек байке, күткүн да жата бергин” ырында камтылган турмуштук окуялар ынанымдуу көрсөтөт. Автор бул ырында өткөн заманда кеткен кемчилдиктерди ирети менен тизип, ага өзүнүн субъективдүү байкоолорун кошуп, сезимге таасир берчү салыштыруулар аркылуу коомдо кеткен кемчилдиктерге өздүк баасын берет. Акындын көз карашы субъективдүү болгону менен көп жылдар айтылбай келе жаткан улуттук көйгөйлөрдү толугу менен ыр аркылуу калкка жеткирүүгө умтулганы автордук дүйнө кабылдоону сынга өткөрүп, анын негизинде мурда айтылбай келген көйгөйлүү маселелерди элдин атынан көтөрүп чыгууга шарт түздү. Ал шарттуу түрдө алынган Эштектин образы менен эл арасында билинбей тирлик кылган, ошол эле мезгилде коомдун кыймылдаткыч күчү болгон карапайым, эмгекчил элеттик кыргыздын жаңы доор келгенден кийинки турмушу чагылдырылып, кайда баратканынан кабарсыз пенденин бейнесин [4, 98] түзөт. Аны бийликке ишенген элдин типтүү образы катары караса болот. Анткени аталган топтомдогу ырлардын мазмуну бийлик кулагандан кийинки жашоо сынга алынып, бир учурда партиянын «тарбиясын алып» аны өзү үчүн “орундуу пайдаланган” бийликтин түрдүү бутагындагылардын социалдык кызыкчылыгын, өзгөчө жеке жашоосунан башканы ойлобогон адамдык касиетин Эштекке салыштыруу аркылуу ачат. Акын колдонгон сын реалдуу турмуш чындыгын сүрөттөө аркылуу элдин эң төмөнкү катмары үчүн түзүлгөн кыйынчылыктын себептерин ачып берет да, өткөн бийликтин кыргызга эмне калтырганын күнүмдүгү менен убакыт өткөргөн пенденин турмушунан мисал келтирүү менен ынанымдуу далилдейт.

Кокусунан болгон замандын алмашуусу ага даяр эмес кыргыздын турмушунда катылып жаткан далай мүшкүлдүү иштин болуп келгенин көрсөтсө, акын аны публицистика менен сатира тогошкон лирикалык жанрда чагылдырып, окурманга таасирдүү көркөм каражаттын жардамы менен бийликтин кысымында калган адамдын дүйнө кабылдоосу кандай абалга жеткенин (Кыянаттык”) калайыкка түшүндүрүүгө ашыгат. Бул топтомго кирген андай ырлар демократиялык түзүлүшкө багыт алган, бирок доордун жаңылануусуна даяр эмес элдин башына түшкөн мүшкүл чыгармачыл акында жаңычыл ойдун бар экенин көргөздү. Ал коомчулукка жаралган проблемаларды жоюу үчүн коомдун ушундай болушуна жол берген жарандын алсыздыгына токтолуп, биринчи кезекте “өрүгүн, суусун, сүтүн сатып” эл ичинде өлбөстүн күнүн көрүп “жалгыз жан сактап жүргөн кемпир” сыяктууларды сактоо керектигин (“Ысык-Көлдү сакта дейсиң”) көтөрүп чыгат. Учурда айтылбай келген чындыктын бети ачылып, социалдык жашоодон көрүнгөн, кыйынчылыкка тушуккан кырдаалдын себеби ар-намыстын жетишсиздиги - коомду алга жылдырчу инсандык сезимдердин жоктугу, өзүнүн жеке кызыкчылыгын жеңе албагандык, дүнүйөкорлуктун күч алышы, элди алдоо иштеринин көнүмүшкө айланышы сыяктуу маселелер акындын сатираларында

ачык баяндалат. Акын катары Ш.Дүйшеев андай кырдаалдан чыгуу жолун мекенчилдиктен издейт, б. а. далай жылдап түзүлгөн доордун проблемаларын коомчулуктун алдына чыгарууда элдин мүдөөсүнө көңүл бурбаган “үйү, дачасы, айлыгы, басып койгон байлыгы чоң” кыргыздын чыккан уландарына кайрылып, мезгилдин күрөө тамырында турган маселени чече албаган (“Кыргызбай менен Кыргызгүл баяны”) мажирөөлүгүн сындайт.

Өзгөчө эмоция менен жазылган мындай сатиралык ырлары акын тарабынан публицистикалык ой толгоодо вариацияланып, бир нече лирикада орун алуу менен бирге ойдун өзүнчө топтомун бергенге жетишип, эки жанрды айкалыштырган поэтикалык туундуларды жаратты. Ошондуктан анын поэзиясында публицистикалык ырлар катары көрүнгөнү менен бул топтомго кирген лирикалардын дээрлик көпчүлүгү калк арасындагы терс көрүнүштөрдү сындап, элдин бугун жеткире сүрөттөй алды.

Пайдаланылган адабияттар

1. Бапаев Х. Кыргыз сатирасынын табияты. Фрунзе : Кыргызстан, 1971. 144 с.
2. Дүйшеев Ш. Арабадагы ыр. Б. : Шам, 1999. 130–131-беттер.
3. Жумабаев И. Дүйшеев Шайлообек. Китепте : Азыркы ыргыз адабияты. 1-том. Б., 2005. 409–421-беттер.
4. Усубалиев Б. Жок дегенде Эштегиң калаар... Китепте : Шайлообек. Арабадагы ыр. 2. Б. : 2001. 4-бет.

Информация об авторе: *Жумаканова Эльвира*, старший преподаватель Бишкекского государственного университета имени К. Карасаева (факультет кыргызской филологии) (г. Бишкек, Кыргызстан).

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВЛЕНИИ КОНЦЕПТА «РОДИНА» В ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА И В. МАЯКОВСКОГО

А. М. Зайцева

г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассмотрены особенности вербализации концепта «родина» в поэзии Сергея Есенина и Владимира Маяковского соотносительно с их мировоззрением. При анализе особое внимание уделяется лексическим средствам, представляющим семантические поля; выразительным средствам языка, позволяющим глубже раскрыть концептуальную составляющую творчества поэтов.

Ключевые слова: концепт, поэзия С. Есенина, поэзия В. Маяковского, Родина, вербализация концепта

Для цитирования: Зайцева А. М. К вопросу о сопоставлении концепта «родина» в поэзии С. Есенина и В. Маяковского // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 321–323.

Поэтическое наследие Сергея Есенина и Владимира Маяковского богато и разнообразно. Исследованием их произведений активно занимались такие ученые, как Л. Л. Бельская, С. П. Кошечкин, Н. М. Любимов, Н. И. Харджиев, В. В. Тренин и др. Следует отметить, что многие работы носят литературоведческий характер, а языковая картина мира поэтов остаётся недостаточно изученной.

Целью настоящего исследования является определение места концепта «родина» в языковой картине мира С. Есенина и В. Маяковского; выявление сходств и различий в репрезентации концепта «родина».

Концепт – один из наиболее популярных и наименее однозначно дефинируемых терминов современной лингвистики. Он связан, прежде всего, с антропоцентрической парадигмой языкознания и когнитивно-прагматической методологией и используется наряду с такими ключевыми понятиями, как «дискурс», «картина мира», и др., с целью репрезентации разноплановых взглядов личности, отраженных в её творениях-текстах.

Термин «концепт» стал достоянием лингвистики в середине XX в., впервые употреблён в 1928 г. в статье С. А. Аскольдова «Концепт и слово». Автор определял концепт как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [1, с. 21].

Сергей Есенин и Владимир Маяковский – два крупнейших советских поэта. Они жили в одну эпоху, были свидетелями одних и тех же событий, творили в одно и то же время. Их имена нередко звучали вместе, но чаще всего на почве контрастов и противопоставлений. Пастернак называл Есенина соперником Маяковского «на арене народной революции и в сердцах людей. <...> По сравнению с Есениным дар Маяковского тяжелее и грубее, но зато, может быть, глубже и обширнее» [2, с. 640].

Концепт «родина» является одним из базовых русских национальных концептов. Наряду с концептами «любовь», «добро», «тоска», «жизнь», «милосердие» он составляет русскую языковую картину мира.

Концепт «родина» – один из важнейших в творчестве С. Есенина. Об этом можно судить, например, по названиям его стихотворений: «Гой ты, Русь, моя родная...», «Руси», «О родина!», «Русь» и т.п.

Есенин видел цель творчества в том, чтобы поэтизировать Россию, показать всю её красоту в стихах. Есенин осознаёт себя поэтом уходящей России, например, в стихотворении «Я последний поэт деревни» (1920) присутствует тема неизбежной гибели России и поэта – «И луны часы деревянные прохрипят мой двенадцатый час».

Для В. Маяковского концепт «родина» также является одним из ведущих в творчестве. Об этом могут говорить названия таких стихотворений, как «России», «По городам Союза» и др. Однако он, в отличие от Есенина, осознает себя поэтом настоящего. В его стихах практически нет прошедшего времени. Он верит в будущее, отвергая прошлое. Верой в светлое будущее страны проникнуты строки «Я знаю – город будет, я знаю – саду цвести, когда такие люди в стране в Советской есть!» – и эти: «Отечество славлю, которое есть, но трижды – которое будет!»

Говоря о родине, поэты используют следующие лексемы:

С. Есенин

Русь, Россия, Руссия, родина, земля, страна, страна, сторонка, отчизна, край, кров, место, очаг, дом и др.,
Например: «Не в моего ты бога верила, // *Россия, родина моя!*», «Гибни, край мой! // *Гибни, Русь моя...* » и др.

В. Маяковский

Родина, Россия страна Советов, отечество, Советский Союз, город и др.
Например:
«*Читайте, завидуйте*
Я – гражданин Советского Союза, «Россия – всё: и коммуна, и волки, ...» и др.

Анализируя языковой материал, мы можем обнаружить основное отличие в восприятии концепта «родина» в творчестве поэтов. Как известно, С. Есенин был поэтом деревни, он не принял революцию и поэтому в его произведениях сохраняется деревенский оттенок, чему способствуют выбираемые им наименования. Наиболее частая лексема, которую использует Есенин, – *Русь*.

В. Маяковский в свою очередь принадлежал к кружку поэтов-футуристов, призывающих «сбросить Пушкина и Достоевского с парохода современности». Это нашло отражение и в репрезентации концепта. На смену Есенинской *Руси* Маяковский выбирает *Советский Союз и страну Советов*. Этим подчеркивается принятие поэтом революции, её воспевание.

В произведениях С. Есенина и В. Маяковского очень много русских имён собственных: названия городов (Москва, Челябинск, Тамбов, Казань, Питер и др.), улиц (Тверской бульвар и др.), рек и морей (Нева, Дон, Каспий и др.), губерний (Рязанская, Тверская и др.), целых регионов (Сибирь, Урал и др.), что способствует концептуализации понятия «родина».

Концепт «родина» включает в себя такие семантические поля, как 'природа', 'пространство', 'народ', 'история', 'культура', 'религия' и др. Особый интерес при сопоставлении концепта у Есенина и Маяковского вызывает семантическое поле «народ». У Есенина оно наполняется следующими лексемами: *россияне, гражданин, родимый, родной, люд, россы, житель, мужик* и др.

Маяковский расширяет это семантическое поле. Сюда входят люди разных профессий: *строители* и др., классовые подразделения: *интеллигенция, бюрократы, мещане* и др.

Интерес вызывает также семантическое поле «пространство», а именно входящая в него лексема *земля*. Для Есенина *земля* – это деревенское поле, родные просторы. Маяковский, напротив, проявляет себя «космополитом» по широте взглядов на нации и народы. Россию он органично вписывает в мировое сообщество. Для него *земля* – это весь мир:

*Нам,
Поселянам Земли,
каждый Земли
Поселянин родной.
Мы все
на земле
солдаты одной,
жизнь созидающей рати.*
(«Революция (Поэтохроника)», 1917).

Лирический герой С. Есенина часто признаётся в любви к родине, почитает и уважает её. Передать это отношение позволяют такие глаголы, как *верить*, *молиться*, *любить*, *думать* (*О Русь, покойный уголок, // Тебя люблю, тебе и верую* и др.). Маяковский же трансформирует «я» в «мы», «размножая» лирического героя (*Мы – Эдисоны // невиданных // взлётов, // энергий // и светов*).

Сопоставляя средства вербализации концепта «родина», мы можем обнаружить, что сходство обоих поэтов состоит в том, что Есенин и Маяковский являлись патриотами своей Родины, горячо любящие её, страдающие, переживающие все её беды. Оба своим талантом служили своей Родине. Однако различия состоят в том, что поэты наполняют одни и те же семантические поля разными лексемами. Это подчёркивает различия мировоззрений поэтов, а также показывает многоплановую репрезентацию концепта «родина» в языковой картине мира каждого поэта.

Таким образом, можно сделать вывод, что концепт «родина» в поэзии С. Есенина и В. Маяковского занимает важное место. Предварительный анализ творческого наследия поэтов показал, что исследуемый концепт вербализуется разнообразными лексемами и тесно связан с другими важными концептами, которые позволяют более полно отразить языковую картину мира поэтов.

Список литературы

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность : Антология / под ред. В. П. Нерознака. М. : Academia, 1997. С. 21–41.
2. Пастернак Б. Л. Люди и положения. Повести. Статьи. Драматические произведения. М. : Эксмо, 2008. 640 с.

Информация об авторе: *Зайцева Алина Михайловна*, воспитатель Академической гимназии СПбГУ имени Д. К. Фаддеева (г. Санкт-Петербург, Россия); магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ЯЗЫК А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА: ФУНКЦИИ ВТОРИЧНЫХ НОМИНАЦИЙ В РОМАНЕ «В КРУГЕ ПЕРВОМ»

А. А. Злобин

г. Киров, Россия

Аннотация. Рассматривается специфика употребления лексических единиц, являющихся вторичными номинациями. Используя их экспрессивный потенциал, А. И. Солженицын показывает внутреннюю жизнь тюремного научно-исследовательского института. Вторичные номинации в романе «В круге первом» являются элементом языковой игры и сознательно включены писателем в конструкции с явным ироническим подтекстом, что позволяет говорить об отношении писателя к рассматриваемым явлениям и событиям в жизни современного ему советского общества. Благодаря целенаправленному использованию вторичных номинаций А. И. Солженицын, основоположник лагерной прозы в русской литературе XX в., актуализирует важные вопросы, связанные с тоталитарным режимом, с общественно-политической ситуацией, сложившейся в СССР в 30-е – 50-е гг. прошлого столетия.

Ключевые слова: вторичные номинации, экспрессивность, авторская ирония, языковая игра, А. И. Солженицын

Для цитирования: Злобин А. А. Язык А. И. Солженицына: функции вторичных номинаций в романе «В круге первом» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 324–327.

Действие романа «В круге первом» происходит в Марфинском научно-исследовательском институте, где используется труд заключённых – высококлассных учёных: физиков, математиков, конструкторов, инженеров, филологов. Любая сфера деятельности нуждается в специальном языке, который упорядочивает её понятийную сферу. А. И. Солженицын, изображая закрытое конструкторское бюро, в котором работают над решением военных и промышленных проблем, часто использует лексические единицы, являющиеся *вторичными номинациями*.

Вторичная номинация представляет собой «использование старого слова (его внешней оболочки) для нужд новой номинации» [2, с. 3]. Она осуществляется при помощи производных лексико-семантических единиц. Вторичная номинация может быть словообразовательной (производные слова) или семантической (новые значения уже имеющихся слов) [1, с. 61].

Чаще всего в романе (более 120 примеров) автор использует лексему *шарашика*, которая является вторичной номинацией, называющей тюремный НИИ: *Шарашика названа была Марфинской по деревне Марфино, когда-то здесь бывшей, но давно уже включённой в городскую черту. Основание шарашки произошло около трёх лет назад, июльским вечером. В старое здание подмосковной семинарии, обнесённое колючей проволокой, привезли полтора десятка эков, вызванных из лагерей. Те времена, называемые теперь на шарашке крыловскими, воспринимались ныне как пасторальный век* [4, с. 33–34]; *С тех пор траву давно скосили, двери на прогулку открывали только по звонку, шарашку передали из ведомства Берии в ведомство Абакумова и заставили заниматься секретной телефонией* [4, с. 34].

На первых страницах романа автор с иронией раскрывает сущность явления, переданного при помощи данной вторичной номинации: *Все эти шарашки повелись с девятьсот тридцатого года, как стали инженеров косяками гнать. Первая была на Фуркасовском, проект Беломора составляли. Потом – Рамзинская. Опыт понравился. На воле невозможно собрать в одной конструкторской группе двух больших инженеров или двух больших учёных: начинают бороться за имя, за славу, за сталинскую премию, обязательно один другого выживет. Поэтому все конструкторские бюро на воле – это бледный кружок вокруг одной яркой головы. А на шарашке? Ни слава, ни деньги никому не грозят. Николаю Николаичу полстакана сметаны и Петру Петровичу полстакана сметаны. Дюжина медведей мирно живёт в одной берлоге, потому что деться некуда. Поиграют в шахматки, покурят – скучно. Может, изобретём что-нибудь? Давайте! Так создано многое в нашей науке! И в этом – основная идея шарашек* [4, с. 81].

А. И. Солженицын подчёркивает, что *шарашка* – это лучший круг ГУЛАГа: *<...> Нет, уважаемый, вы по-прежнему в аду, но поднялись в его лучший высший круг – в первый. Вы спрашиваете, что такое шарашка? Шарашку придумал, если хотите, Данте. Он разрывался – куда ему поместить античных мудрецов? Долг христианина повелевал кинуть этих язычников в ад. Но совесть возрожденца не могла примириться. Чтобы светломных мужей смешать с прочими грешниками и обречь телесным пыткам. И Данте придумал для них в аду особое место <...>* [4, с. 21–22]. Важным представляется также суждение Глеба Нержина, отправляющегося назад в лагерь: *Нет, Илья Терентьич, это не ад. Это – не ад! В ад мы возвращаемся. А шарашка – высший, лучший первый круг ада. Это – почти рай* [4, с. 758].

Люди, пребывающие на шарашке, противопоставлены тем, кто находится на воле. В качестве вторичной номинации последних в романе используются две лексические единицы: *вольные* (27 примеров) и *вольняшки* (21 пример). Сравним соответственно: *Он отбыл свои положенные десять лет, после чего во внимание к длинному списку научных заслуг послан был в Марфино к вольным и проработал здесь три года* [4, с. 170]; *Но несмотря на тщательное оповещение о лекции, несмотря на всю притягательность её, марфинские вольняшки тянулись на неё как-то лениво и под разными предлогами старались задержаться в лабораториях* [4, с. 659].

Вольняшки, вольные у А. И. Солженицына – это те, кто не понимают истинных ценностей: *Вольняшки не знают цены вещам! Для зэка, кому не всегда доступно дешёвенькое зеркальце меньше ладони, посмотреть на себя в большое зеркало – праздник* [4, с. 101].

Люди, живущие на воле, по мнению писателя, не могут обрести подлинной свободы и быть по-настоящему свободными: *У вольняшек не было бессмертной души, добываемой зэками в их бесконечных сроках, вольняшки жадно и неумело пользовались отпущенной им свободой, они погрязли в маленьких замыслах, суетных поступках* [4, с. 647–648].

Интересен тот факт, что в романе «В круге первом» лексема *воля* в значении ‘свободное состояние, не в тюрьме, не взаперти’ [3, с. 95] и вторичные номинации – *вольные* и *вольняшки* – употребляются исключительно заключёнными марфинской шарашки: *Я – здесь, а Иван Иванович отпросился штопать носки. Но мне, встречно, хотелось бы узнать, где шестнадцать вольных – то есть, товарищей, значительно более ответственных, чем мы?* [4, с. 236]; *Впрочем, профессор Челнов утверждал, что выражение это – «вложить душу», должно употребляться с осторожностью, что только зэк имеет бессмертную душу, а вольняшке бывает за суетою отказано в ней* [4, с. 227].

Сталин и созданная им общественно-политическая система в представлении заключённых марфинской шарашки – олицетворение насилия над людьми, тотальной несвободы, страдания, тирании.

Находясь на шарашке, заключённые мечтают о скорейшем освобождении. Ситуация выхода на свободу рассматривается как очень желаемая. Она, как правило, включает двух обязательных участников: объекта освобождения (того, кто стремится на свободу) и субъекта освобождения (того, кто способен дать свободу).

Объекты освобождения – заключённые Марфинской шарашки: *Сологдин, Нержин, Рубин, Бобынин, Спиридон Егоров, Руська Доронин, Хоробров, Герасимович, Потапов* и др. Это главные герои романа «В круге первом». Автор не использует вторичных номинаций, рассказывая об их судьбах, взглядах, о формировании мировоззрения. Ср.: *Рубин на шарашку попал случайно. Перебывался тут переводами* [4, с. 71]; *Руська был на шарашке с лета* [4, с. 86]; *Герасимович был на шарашке Марфино лишь несколько месяцев, и Нержин не успел близко познакомиться с ним* [4, с. 259].

Изображая субъектов освобождения – тюремных надзирателей – автор употребляет вторичные номинации и использует приёмы языковой игры:

- майор Шикин, майор Мышин: *Рубин вовсе не хотел потешать людей, в большинстве ненавидевших или попиравших всё ему дорогое; и он знал, что новая хохма неизбежно значила с понедельника трёпку нервов, допросы у «Шишкина – Мышкина»* [4, с. 397].

- младший лейтенант Наделашин: *Луноподобный младший лейтенант Наделашин ещё недавно был старшиной. После производства в офицеры ээки шарашки, тепло к нему относясь, перекрестили в **младшину*** [4, с. 193].

Достаточно часто в анализируемом произведении в качестве субъекта освобождения выступает Сталин. В романе единичны случаи, когда он назван по фамилии. Ср.: *Сталин не терпел открытого невыполнения. Однако чересчур удачное выполнение он ненавидел: он усматривал в этом подкоп под свою единственность* [4, с. 146]; *Как царь Мидас своим прикосновением обращал всё в золото, так Сталин своим прикосновением обращал всё в посредственность* [4, с. 146].

В подавляющем большинстве случаев автор с особой экспрессией использует вторичные номинации: *Инженер-полковник Яконов находился уже на той высоте положения и ещё не в той близости к **Вождю Народов**, при которых мог разрешить себе роскошь не скрывать ума и не воздерживаться от своеобразных суждений* [4, с. 56]; *Всё руководство Госбезопасностью изо дня в день шло через Берю, оттуда Абакумов получал большую часть указаний. Но раз в месяц **Единодержец** сам хотел как живую личность оцутить того, кому доверял охрану передового в мире порядка* [4, с. 140].

Как бы «мотивируя» частое употребление вторичных номинаций, А. И. Солженицын пишет: *«Имя этого человека склоняли газеты земного шара. Бормотали тысячи дикторов на сотнях языков, выкрикивали докладчики в началах и окончаниях речей. Выпевали тонкие пионерские голоса. Провозглашали во здравие архиереи. Имя этого человека запекалось на облимающих губах военнопленных, на опухших дёснах арестантов. По этому имени во множестве были переименованы города и площади, улицы и проспекты, дворцы, университеты, школы, санатории, горные хребты, морские каналы, заводы, шахты, совхозы, колхозы, линкоры, ледоколы, рыболовные баркасы, сапожные артели, детские ясли – и группа московских журналистов предлагала переименовать Волгу и Луну»* [4, с. 108].

Приведём общий перечень вторичных номинаций, за которыми в романе угадывается Сталин: *Хозяин, Вождь народов, Отец восточных и западных наро-*

дов, *Вождь Всего Прогрессивного Человечества*, *Мудрый Вождь*, *Пахан*, *Сам*, *Лучший Друг контрразведчиков*, *Друг всех народов*, *Корифей наук*, *Железная маска*, *Коба*, *Единодержец*, *Батька*, *Самый Родной и Любимый*, *Властитель*, *Величайший из всех Великих*, *Вождь мирового пролетариата*, *Собиратель славянства*, *Богоизбранный вождь*, *Мудрейший из Мудрейших*, *Отец*, *Всесильный*, *Корифей Языкознания*, *Отец и Друг*, *Лучший Ученик и Друг Ленина*, *Великий Кормчий*.

Интересен тот факт, что А. И. Солженицын в подобных случаях использует прописные буквы: Однажды **Вождь Всего Прогрессивного Человечества** разговаривал китайской провинцией Янь-Нань и остался недоволен хрипами и помехами в трубке [4, с. 64]; **Самый Родной и Любимый** стоял над ним лишь немного дальше, чем мог бы Абакумов достать протянутым кулаком и следил за каждой чёрточкой министра, как он поймёт эту шутку [4, с. 152–153].

Вторичные номинации, под которыми угадывается Сталин, автор употребляет в ироническом контексте: В этом январе **Отцу восточных и западных народов** кто-то подсказал идею создать особую секретную телефонию – такую, чтоб никто никогда не мог бы понять, даже перехватив, его телефонный разговор [4, с. 61–62]; Ну, ладно. Понастроить себе памятников – ещё побольше, ещё повыше (техника разовьётся). Поставить на Казбеке памятник, и на Эльбрусе памятник – и чтобы голова была всегда выше облаков. И тогда, ладно, можно умереть – **Величайшим из всех Великих**, нет ему равных, нет сравнимых в истории Земли [4, с. 155].

Таким образом, вторичные номинации в романе А. И. Солженицына «В круге первом» играют важную роль в понимании идейного замысла и проблематики знакового произведения русской литературы второй половины XX века. При помощи их автор показывает внутреннюю жизнь тюремного научно-исследовательского института. Используя экспрессивный потенциал вторичных номинаций, А. И. Солженицын выражает своё однозначное отношение к тоталитарному режиму, к общественно-политической обстановке в СССР в 30-е – 50-е годы XX века.

Список литературы

1. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М. ; Л., 1965.
2. Макарова О. С. Вторичная номинация в философском дискурсе (на материале текстов Ф. Ницше) // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж : ВГУ, 2009.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений. М. : Азъ Ltd, 1992.
4. Солженицын А. И. В круге первом. М. : Худ. лит., 1990.

Информация об авторе: Злобин Андрей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Кировского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Киров, Россия).

ФУНКЦИИ ЗАГЛАВИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Т. Н. Козина

г. Пенза, Россия

Аннотация. Предметом исследования становятся функции заглавий прозаических произведений, публиковавшихся в литературно-художественных журналах в 2000-е гг., а также выходивших отдельными изданиями. Анализируются те значения, которые получает художественный текст. Связанное с отдельной ситуацией или конкретным героем название в ходе развёртывания сюжета приобретает обобщающий характер. Указывается на то, что заглавие может способствовать появлению взаимодействия этого произведения с другими в общем межтекстовом пространстве культуры.

Ключевые слова: современная проза, заглавие, авторская позиция, герой

Для цитирования: Козина Т. Н. Функции заглавий в современных прозаических произведениях // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 328–330.

Заглавие художественного произведения является его важным компонентом и находится в сильной позиции. С него начинается чтение, активизируется внимание читателя для дальнейшего восприятия изложения. В компрессированном виде вход в текст указывает на его доминирующую тему или основной конфликт (А. А. Иванов «Общага-на-Крови», Н. Л. Ключарева «Россия – общий вагон», О. Л. Рожнёва «Лальские тайны», Т. В. Шипошина «Наследство инфанта»).

В некоторых произведениях встречаются цитатные заглавия, что является отсылкой к другим текстам и способствует возникновению межтекстовых связей (Пр. А. Лисняк «Через речку быструю», В. А. Шаров «Будьте как дети», Р. А. Ратич «Трава по пояс»).

Взаимодействие с другими произведениями через использование цитаты в заглавии привносит в текст дополнительные значения, включает его в интертекстуальное пространство [2]. Роман В. О. Пелевина «Шлем ужаса» (2005) рассказывает об интересах, занятиях, взаимоотношениях современных молодых людей [4]. Заглавие произведения является прямым выражением авторской позиции. Это неточная цитата из послания апостола Павла христианам из города Эфеса.

Желая уберечь их от неверных поступков, святой прямо предупреждает о необходимости выступить «против духов злобы поднебесных» [Еф. 6, 12]. Победить в этой борьбе возможно только «облекшись в броню праведности». Апостол Павел даёт главный совет: «...и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» [Еф. 6, 14, 17].

Уподобляя увязших в интернет-сетях современников евангельским ефесянам, писатель обращается к ним с предостережением.

Заглавие может указывать на имя главного героя произведения (Б. П. Екимов «Фетисыч», Т. Н. Толстая «Соня»). Оно может вмещать в себя время и место действия событий (Н. А. Горлова «Пасха», А. В. Громов «Сретение», В. Н. Крупин «Зимние ступени»). Таким образом, заглавие участвует в создании хронотопа произведения.

Время действия рассказа «Мальчик Новый год» (2008) Л. С. Петрушевой – канун новогоднего праздника. Автор не даёт главному персонажу имени, но указаны имена тех героев, которые принимают активное участие в спасении

матери ребёнка. Рассказ показывает добросердечие и милосердие небогато живущих героев. Чувства любви и сострадания пронизывают весь интонационный строй произведения.

После ознакомления с содержанием рассказа читатель понимает, что волшебный праздник изменяет жизнь маленького героя, оказавшегося в тяжёлой ситуации. Заглавие подготавливает к восприятию чудесных событий.

Включение в название текста имени персонажа другого произведения, как правило широко известного, делает возможным диалог с ним (Б. А. Алмазов «Святой Илья из Мурома», Ю. П. Вяземский «Детство Понтия Пилата. Трудный вторник», Е. Есаулова «Бацилла блуда и Мария Египетская», В. О. Пелевин «Чапаев и Пустота», Т. В. Шипошина «Стена с ангелами, или Царевна-Лебедь», С. П. Пылёв «Ленин в храме»).

Заглавие может содержать авторскую оценку изображаемых событий и, тем самым, устанавливать контакт с читателем, вызывая эмоциональный отклик (Ю. Н. Арабов «Чудо», Д. Е. Галковский «Бесконечный тупик», Б. П. Екимов «Пасхальный рассказ со взрывом», Э. С. Кочергин «Крещенные крестами», И. Л. Мамаева «С дебильным лицом»).

В центре рассказа «Капустное чудо» (2003) Л. Е. Улицкой – поход двух девочек за капустой для засолки. События происходят в ноябре 1946 года. Дети – сироты, по воле случая оказавшиеся у дальней родственницы, теряют деньги. Понимая, что возмущённая потерей хозяйка может их выгнать из дома, девочки, плача, пытаются отыскать деньги на заснеженной дороге, по которой шли в магазин.

Сюжет получает чудесную развязку, о которой предупреждает заглавие. К ногам сестёр с проезжающей мимо машины падают два кочана капусты. Сиротки получают возможность вернуться в обретенный дом.

Писательница усиливает проявление чуда. Приютившая их Игнатъева в то время, когда девочки безрезультатно ищут деньги, плачет в доме своей подруги, скорбя о их исчезновении:

– ...Как же они без меня? А я-то, я-то как без них? [5, с. 17].

Заглавие произведения, как правило, связано с жизненными ситуациями героя. В этом его конкретность. По мере развития сюжета оно получает обобщающий характер, а в отдельных случаях может приобрести признак типичности.

Повесть, посвящённую своему поколению 1970–1976 годов рождения, С. Ю. Минаев озаглавливает «Dухless» (2006). Представленный здесь общеславянский корень – дух – имеет несколько значений. Прозаик использует характеристику нравственного состояния человека: сила души, доблесть, крепость и самостоятельность, отважность, решимость, бодрость [1].

Суффикс – less является формантом прилагательного в английском языке и характеризуется отрицательным значением как словообразовательного элемента, так и прилагательного. Английский суффикс соответствует русским приставкам без- / бес- и выражает отсутствие. Синонимы заглавия повести Минаева – «бездушный», «недуховный».

Название книги становится типической характеристикой «персонажей гламурных журналов, героев и героинь танцпола, фэй подиума и ресторанных рыцарей ножа и тарелки» [3, с. 131].

Подзаголовок «Повесть о ненастоящем человеке» обращает к названию хрестоматийной книги «Повесть о настоящем человеке» Б. Н. Полевого и способствует возникновению межтекстовых связей. В повести советского писателя запечатлены бесстрашие, несгибаемость, жертвенность людей, прошедших Великую Отечественную войну. Таким образом, внешняя композиция книги, её заглавие,

находящееся в сильной позиции текста и влияющее на все структуры повествования, обращают читателя к сопоставлению и сравнению.

Заглавие произведения, являясь своеобразным входом в текст, открывает его. Более полное понимание смысла названия приходит после прочтения всего повествования. По отношению ко всему тексту заглавие выполняет различные функции. Оно может выражать основную тему книги, активизировать внимание читателя, определять хронотоп текста, выделять план персонажа, быть авторской интерпретацией произведения. Важнейшая функция заглавий современных прозаических произведений – включение их в интертекстуальные связи.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1989. 699 с.
2. Козина Т. Н. Модификации рождественского архетипа : монография. Тамбов : Консалтинговая компания Юком, 2020. 100 с.
3. Минаев С. Ю. Духless: повесть о настоящем человеке. М. : АСТ : АСТ М. : Хранитель, 2006. 346 с.
4. Пелевин В. О. Шлем ужаса. М. : Открытый Мир, 2005. 224 с.
5. Улицкая Л. Е. Детство сорок девять : рассказы. М. : ЭКСМО, 2003. 96 с.

Информация об авторе: *Козина Татьяна Николаевна*, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой «Изобразительное искусство и культурология» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАВЕСТИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ТЕКСТАХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАРОДИЙ

В. В. Кузьмич

г. Мозырь, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются особенности мужского и женского речевого поведения с психолингвистических позиций. Особое внимание в нашем исследовании уделяется ассоциативным значениям основных гендерных концептов «мужчина и женщина», которые встречаются в языковом пространстве текстов пародий. Специфической чертой рассматриваемых гендерных концептов является их стереотипность. Гендерные отношения репрезентируются в текстах пародий в виде социокультурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на поведение личности, в том числе и речевое.

В качестве объекта исследования выбраны несколько травестийных текстов, где анализируются способы трансформации гендерных стереотипов в оппозиции «мужское – женское». Трансформации подвергается не только бытовое восприятие гендерных стереотипов, но и каноны такого литературного жанра, как рыцарский роман.

Ключевые слова: пародия, травестируемый текст, гендер, гендерные стереотипы, коммуникативная номинация, коммуникативная подноминация, рыцарский роман

Для цитирования: Кузьмич В. В. Языковые особенности травестирувания гендерных стереотипов в текстах литературных пародий // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 331–334.

В словаре литературных терминов под редакцией Л. Тимофеева и С. Тураева [5] о пародии говорится следующее: «Пародия может быть направлена против определённых особенностей литературных произведений – тематики, идейного содержания, особенностей сюжета, образов героев, композиции языка. Основные её средства – ироническое подражание осмеиваемому образцу, передача в гиперболизированном, шаржированном виде свойственных ему характерных черт, доведение их до абсурда, нелепости, чем и достигается сатирико-комический эффект». Из этого определения следует, что объектом пародии служит некое литературное произведение, художественный (или не совсем художественный текст), а пародийный эффект достигается в первую очередь намеренно утрированным представлением в тексте пародии характерных особенностей композиции и сюжета, а также критической переработкой языка и стиля произведения. Таким образом, это определение не охватывает ещё один пласт текстов, которые с полным правом могут быть отнесены к травестийным. Это тексты, автор которых, находясь в им самим же созданной реальности, как бы играет языком и стилем пародируемого текста, подвергая их намеренному снижению, травестированию, облачает их в форму не соответствующую содержанию. Причём игра с прецедентным текстом или идиостилем может иметь различную степень градации: от получения удовольствия при погружении и растворении в текстовой текстуре пародируемого автора или стиля, до конструирования новой семиотической реальности, перекликающейся со своим объектом. Говорить здесь о стилизации мы не имеем права по той причине, что, применяемая в этой игре намеренно упрощённая внешняя форма-болванка, вступает в противоречие с содержанием и порождает особый комический эффект.

Подобной трансформации помимо собственно языкового материала могут подвергаться и явления экстралингвистического характера, когда внешняя форма организации текста, так же и собственно язык, стиль, в изначально подчиненном положении. Они являются лишь необходимым компонентом для адекватного выполнения замысла автора, ставящего своей целью травестрирование неких элементов семиотического уровня.

Примером того, что пародия может быть направлена на переосмысление в комическом ключе ментальных структур сознания человека, служат стихотворные тексты А. Скибы, в частности его стихотворение «*O tempora, o mores*».

Это стихотворение, развитие сюжета которого, происходит в соответствии с канонами рыцарских романов (похищение, заточение в темницу, жестокие мучения и пытки, битвы на мечах, и, наконец, чудесное спасение и неперемный рыцарь на белом коне), никоим образом не может быть назван пародией на этот род литературы. Здесь пародийному переосмыслению подвергаются гендерные стереотипы, ожидание от поло-ролевых отношений. Следует отметить, что гендерная проблематика, популярная в настоящее время, находит в тексте данного стихотворения неожиданное решение. Конечно, этот текст не претендует на звание научного исследования по проблемам взаимоотношений полов, но позволяет достаточно однозначно проследить гендерные концепты. Несмотря на сходство в развитии сюжета с классическими образцами, «*O tempora, o mores*» является, скорее зеркальным отображением рыцарского романа или баллады. Здесь роль, которая в классическом романе играли мужчины, отданы женщинам и наоборот. Так коварный похититель Прекрасной Дамы превращается в Черную Графиню, рыцарь на белом коне – в отважную воительницу, вступившую за честь своего возлюбленного, а роль юной девы, заточенной в мрачный каземат, отдана главному герою с приписыванием соответствующих качеств. Выбор прототипического образца, внешней формы для подобной травести не случаен. Именно в классическом рыцарском романе зафиксированы концептуальные понятия «мужественного» и «женственного», сконструированные обществом и имеющие культурно-символические (гендерные) различия. Например, с понятием «мужественный» ассоциируются такие характеристики, как: агрессивность, жестокость, мощь, волевой компонент, брутальность, сила, грубость, отвага, кодекс чести и т.д. Тогда как женственность подразумевает красоту, слабость, уступчивость, обаяние, покорность, пассивность и т.д.

В данном же тексте единственному мужскому персонажу приписываются такие характеристики как:

- красота (*«Я был похищен черной графиней, пленившейся моею красотой...»*);
- слабость (*«...а я бессилён был воздать ей тем же, поскольку силы были не равны...»*);
- пассивность (*«...а я со страхом ожидал итога, и горячо молился за тебя...»*).

Кроме этого он является обладателем таких «неотъемлемых женских свойств» как боязнь мышей (*«...и я во власти этой грубой самки, в темнице среди ужасных злых мышей, теперь томился в неприступном замке, тоскуя о возлюбленной моей...»*) и склонности к слезам (*« – Пусть я умру, но вашим я не буду! – в слезах кричал я гневно всякий раз ...»*).

Женским же персонажам, в соответствии с их ролями злой или доброй героини свойственны такие маскулинные черты как:

- грубость (*«И я во власти этой грубой самки...»*);

– жестокость («...головорезок, преданных ей, стая опустошала села без причин, дома сжигая, женщин убивая, и молодых насилуя мужчин;... мне была в грудь с гримасой сатаны...»);

– склонность к сквернословию («обильем злобных богохульных фраз»), характеризующие Чёрную Графиню,

и такие положительные мужские качества, присущие Спасительнице как:

– сила («...могучею рукой сжимая эфес почти пудового мяча...; тяжёлым сокрушительным ударом злодейку разрубило пополам»);

– забота о более слабом («...и на руки меня ты подхватила и помогла мне, подбежав к коню, залезть в седло»);

– отвага («ты вновь за своего мужчину сердца, отдать свою была готова жизнь»);

– напористость («и наконец-то, замок неприступный взяв штурмом через несколько недель и перебив всю стражу в стычке крупной...») и т.д.

Такое приписывание мужчине женственных черт и наоборот, несомненно, является травестийным и воспринимается человеком, воспитанным в условиях «патриархатного» общества (патриархат – строй, характеризующийся отцовским родом, и в котором мужчина занимает господствующее положение), как одинаково унижительное для обеих сторон. Пародирование, осуществляемое на семиотическом уровне, подкрепляется травестированием лингвистических единиц. Показательны в этом отношении авторские новообразования:

– **головорезка** – о женщинах, находящихся в подчинении у Чёрной Графини;

– **наложник** – типичнее «наложница»;

– **мужчина сердца** – по аналогии с **дамой сердца** и других в зеркальном отражении.

Комический эффект создаётся также употреблением слов и выражений, ассоциирующихся в сознании человека с поведением, присущим мужчине или женщине:

*...Я самым ценным, что есть у мужчины,
От всей души тебя вознаградил...*

*...И в страшных клятвах бородою Зевса
Ко мне взывала мысленно «Держись!»...*

*...И на руки меня ты подхватила,
И помогла мне, подбежать к коню
Залезть в седло, сама на круп вскочила*

*...Головорезок, преданных ей, стая
Опустошала сёла без причин,
Дома сжигая, женщин убивая
И молодых насилуя мужчин...*

Ещё одним примером травестирования гендерных стереотипов, бытующих в сознании человека, может служить стихотворение «Не за круглым столом». Это тоже зеркальное отображение рыцарского сюжета, о чём говорит даже его название (аллюзия с сагами о Рыцарях Круглого стола), но кривое зеркало здесь работает в ином аспекте. В тексте нет прямого противопоставления «мужественное / женственное», но намеренное снижение маскулинных качеств осуществляется путём приписывания главному герою черт несовместимых с образом «рыцаря на белом коне». Рыцарь без страха и упрека подменён трусливым субъектом, превыше всего ставящем собственные интересы:

*Конечно, дело не в награде
Я мыслил, слушая ваш визг,
Но дамских прелестей лишь ради
Оправдан ли подобный риск?*

Прагматик побеждает рыцаря, и Прекрасная Дама оставлена на съедение дракону:

*«Могла бы быть и прекрасней», –
Решил я вдруг и ускакал.*

Таким образом, коммуникативная номинация данных травестированных текстов укладывается в рамки переиначивания гендерных стереотипов, а в качестве коммуникативных подноминаций выступают конкретные гендерные концепты, закрепившиеся в общественном восприятии.

Список литературы

1. Горошко Е. И. Словарь гендерных терминов. М. : Информация – XXI век, 2002. 256 с.
2. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелёва. М. : Наука, 1993.
3. Карлова М. А., Кузьмич В. В. Литературная пародия как интертекст // Вестник УО «МГПУ». 2003. № 4.
4. Коваль В. И. Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики. Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2007. 167 с.
5. Тимофеев Л. И., Тураев С. В. Словарь литературоведческих терминов. М. : Просвещение, 1974. 509 с.
6. Трофимова Е. И. Вопросы терминологии в гендерных исследованиях // Гендер и проблемы коммуникативного поведения : сб. материалов Первой Междунар. науч. конф. (28–29 ноября 2002 г.). Новополоцк, 2002. С. 3–10.

Информация об авторе: *Кузьмич Владимир Васильевич*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь).

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА *БАБА-ЯГА* В ПОЭТИЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ РАБОТАХ К. Д. БАЛЬМОНТА

А. С. Наден

г. Горловка

Аннотация. Рассматривается функционирование концепта *Баба-Яга* в поэтических и литературно-критических работах К. Д. Бальмонта. Цель исследования – изучение особенностей концепта *Баб-Яга* в произведениях автора. В результате было выявлено, что ядро концепта представлено достаточно полно. Итогом же авторского переосмысления является наличие ассоциативно-образных и эмоционально-оценочных коннотаций, которые вносят в модель концепта добавочные значения.

Ключевые слова: Баба-Яга, Достоевский, концепт, символ

Для цитирования: Наден А. С. Функционирование концепта *Баба-Яга* в поэтических и литературно-критических работах К. Д. Бальмонта // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 335–338.

Изучение концептов, функционирующих в художественном тексте, занимает важное место в современных лингвистических исследованиях. Материалом для исследователей служат литературные произведения писателей, творчество которых наиболее достоверно демонстрирует значимые этнокультурные понятия. Раскрытие индивидуально-авторского понимания концепта способствует выявлению универсальных особенностей национальных концептов.

В данной статье мы рассмотрим функционирование концепта *Баба-Яга* в работах одного из интереснейших творцов Серебряного века – поэта-символиста К. Д. Бальмонта. Материалом для исследования послужили как поэтические произведения автора, представленные в сборниках «Горящие здания», «Будем как солнце», «Только любовь», «Злые чары», так и литературно-критические работы «О Достоевском», «Гении охраняющие», «Флейта из человеческих костей» и др.

Цель исследования – изучение особенностей концепта *Баба-Яга* в литературном наследии К. Д. Бальмонта, выявление его ядра, а также рассмотрение авторских ассоциативно-образных и эмоционально-оценочных когнитивных моделей.

Вопрос о том, что же такое Бальмонт, поставленный Валерием Брюсовым ещё в 1921 году в неоконченной статье, до сих пор звучит актуально. Наследие автора включает не только сборники стихотворений, но и обширный пласт литературно-критических статей, биографической прозы, писем. К. Д. Бальмонта вдохновляло и интересовало многое: индийские и славянские сказания, грузинские песни, «новая драма», труды классиков и современников, офорты Гойя, симфонии Скрябина – список можно продолжать очень долго. Символистско-импрессионистское мышление писателя вызвало к жизни уникальную систему образов, которые репрезентуют концепты.

В работе Ю. С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» концепт *Баба-Яга* получил всестороннее рассмотрение. Автор обращает внимание на злую и добрую ипостаси лесной колдуньи, исследует этимологию имени, выявляет сходства с мифологическими героями других народов. «*Баба-Яга* – один из главных персонажей русских народных сказок, уродливая, злая и коварная старуха, обладающая большой колдовской силой» [5, с. 855]. Злая ипостась включает

в себя колдунью, похитительницу детей и воительницу. Добрая – советчицу, дарительницу и целительницу. Этимология имени уходит корнями в индоевропейский язык и также может рассматриваться двояко: «и.-е. *anǵh – узкий, тесный», «лит. *éngti* – душить, мучить»; «и.-е. *æj – обладающий жизненной силой, вечный», «греч. *íasis* – лечение» [5, с. 857]. Двойственность концепта определяется не только противоположностью характеристик персонажа, но и его предполагаемой парностью.

Опираясь на индийские, древнегреческие, древнеримские, германские мифы и сказания, Ю. С. Степанов допускает наличие у русской *Бабы-Яги* двойника мужского пола, утерянного брата-близнеца. Именно этим объясняется уточнение «баба», то есть Яга женского пола. Сближает нашу *Бабу-Ягу* с фольклорными героями других стран и ряд других черт. Прежде всего, это известная всем костяная (железная) нога. Индийский бог Яма был наказан за непослушание, его нога усохла, превратившись в костяную. Германские колдуньи Холле и Берта также являются обладательницами уродливых ног. «Вещный» атрибут – избушка *Бабы-Яги* – имеет два входа и является переходом из мира живых в мир мёртвых. Двудликий бог Янус – хранитель ворот, которые распахиваются во время войны, а Яма – повелитель мира мертвых. Деятельность пары Януса – Карды – сходна с любимым занятием *Бабы-Яги*: она пугает и похищает детей. Интересным является соотнесение внешнего атрибута *Бабы-Яги* – ступы, с «внутренним» значением имени немецкой колдуньи Штампы. В русский язык это слово пришло из индоевропейского «*stemp – толочь, мять». В тоже время, имя Штампа (третье обличье вышеупомянутых Холли и Берты) производно от др.-в.-нем. глагола «stampfōn – тяжело ступать», в основе которого лежит «*stemp» [5, с. 863].

Всё это составляет ядро концепта *Баба-Яга*. Перейдём к рассмотрению авторских моделей. В стихотворениях К. Д. Бальмонта *Баба-Яга* выступает в двух своих классических ипостасях. «Зловещий лик Яги» возникает то тут, то там («Химеры», «Ведьмы», «У болота»), но наиболее полно он раскрывается в стихотворении «Я с ужасом теперь читаю сказки». Психическое равновесие лирического героя нарушено, он страдает от кошмарных снов и кровавых ведений наяву: «Я с ужасом теперь читаю сказки – / Не те, что все мы знаем с детских лет. / О, нет: живую боль – в ее огласке / Через страшный шорох утренних газет» [3, с. 336]. Следует обратить внимание на тот факт, что стихотворение было написано в декабре 1905 года, как раз в то время, когда по стране прокатилась волна вооружённых восстаний. Для поэта-символиста это не просто событие социально-политического характера, это «сам дьявол на охоте» [3, с. 337]. Дьявол приводит героя в избушку *Бабы Яги*: «Постой. Где я? Избушка. Чьи-то ноги. / Кость человечья. Это – для Яги? / И кровь. Идут дороги всё, дороги. / А! Вот она. Кто слышит? Помогите!» [3, с. 337]. Очевидно, *Баба-Яга* здесь воплощение первородного ужаса: злая ведьма, питающаяся человеческим мясом. Именно такой мы видим её в ряде русских народных сказок.

Совершенно другое настроение создаётся в стихотворении «У чудищ», вошедшем в книгу «Фейные сказки». Книга посвящена Нинике – Нине Константиновне Бальмонт – дочери поэта. Она состоит из лёгких, напевных детских песенок, написанных со свойственным Бальмонту изяществом. Герои книги: Фея, *Баба-яга*, Кощей, Змей, ведьма, чудища, жучки, светлячки, стрекозы, муравьи, улитки, ромашки, лилии. Воспользовавшись шапкой-невидимкой, лирический герой проникает в избушку лесной колдуньи: «Я был в избушке на курьих ножках. / Там все как прежде. Сидит Яга. / Пищали мыши, и рылись в крошках. / Старуха злая была строга» [3, с. 300]. *Баба-Яга* здесь не злая, кровожадная ведьма, а знакомый с детства персонаж народных сказок. Вся её «злоба» ограничивается стро-

гостью к мышам. Герою стихотворения настолько комфортно в её избушке, что он даже решается на шалость: «Стянул у Старой две нитки бус» [3, с. 300].

Авторские коннотации возникают в стихотворениях «Тринадцать сестёр», «Подменыш», включённых, помимо сборника «Злые чары», в статью «Флейта из человеческих костей. Славянская душа текущего мгновенья» [1, с. 177]. Именно статья позволяет соотнести образы ведьм с *Бабой-Ягой*, в ней К. Д. Бальмонт обращается к ведущим мотивам славянского фольклора. Текст построен как череда лирических размышлений, воспоминаний и впечатлений, навеянных народными сказаниями, вперемежку с поэтическими текстами автора. В уникальной системе символов, созданной Бальмонтом, флейта – символ человеческой души, стремящейся к беспредельному, к хаосу, к первоначалу. Звучание флейты воскрешает в памяти автора как языческих божеств (Перун, Мара, Лада, Заря и др.), так и персонажей народных сказок (*Баба-Яга*, Кощей, Змей / Дракон, упырь, леший, домовый, Лихо и др.).

«Тринадцать сестёр» – это стихотворение-пляска. Из потустороннего мира в мир человеческий вырываются тринадцать ведьм – прислужниц *Бабы-Яги*, чтобы мучить людей. Трясея отправляет человека в тюрьму, Огня пытается огнем, Ледея – холодом, Гнетя ложится камнем на грудь, Грудя усиливает гнёт сестры, Глухая оглушает, Ломя ломит кости, Пухня насылает голод, Желтя – желтуху, Корчя – судороги, Глядя лишает сна, Сухя иссушает, Невя уносит в могилу. Здесь *Баба-Яга*, через своих служанок, ассоциируется как с различными несчастьями, так и с самой смертью. Таким образом, К. Д. Бальмонт расширяет содержание концепта.

В стихотворении «Подменыш» поэт рассказывает историю несчастной женщины, чьих детей похитила и убила ведьма. История вплетается в видение лирического героя, который вдруг оказывается в глухом лесу и у болота встречает убитую горем мать. *Баба-Яга* выступает здесь в своей злой ипостаси, традиционной для неё.

Неожиданные коннотации приобретает концепт в критических статьях «О Достоевском» и «Гении охраняющие». Автор пишет: «В русских народных сказках часто повторяется образ страшной волшебницы, которая называется *Баба-Яга*. Обладающая тонким обонянием и способностью угадывать события на расстоянии, Колдунья *Яга* может носиться как ветер «...» Она летает в железной ступе, в сосуде, в котором раздробляют, измалывают вещество крушащим пестом. Она живет в избушке «...» А так как *Яга* и подчиненные ей ведьмы питаются душами людей, она и служащие ей делаются легкими, как души. Если брать именно эти черты жуткой Волшебницы «...» я не могу не вспомнить один из ликов бесконечно сложной, многогранной личности того гениального художника, чье имя – *Достоевский*» [2, с. 15]. Качества Достоевского-художника соотносятся с магическими качествами лесной колдуньи. Он обладает тонким чутьём, которое верно ведёт по творческому пути, открывая души людей. У него есть «магическое зеркало» для разгадывания людских тайн. Любое душевное «вещество» он перемалывает, словно в ступе, в радужную магическую пыль, с помощью которой творит таинство – произведение. Его жилище подобно избушке, которая поворачивается в любую сторону, чтобы узнать «ночную тайну» и «дневную тайну». Он питается душами, вбирая в себя их сущность, поскольку сам познал великую боль и великие соблазны. Как и *Баба-Яга*, Достоевский хранит ключ от бездны. Его романы – «жуткая, колдовская и пророческая летопись», способная сделать человека немым [2, с. 17]. Статья проникнута истинным восхищением «гением охраняющим», одним из тех, кого К. Д. Бальмонт считал «горной вершиной» русской культуры [2, с. 24].

Подводя итог, отметим, что концепт *Баба-Яга* является многоуровневым базовым культурным концептом. Ядро составляют культурно-исторические знания, существующие в сознании языковой личности: лесная колдунья, выступающая в двойной роли «добро – зло» и обладающая определённым набором магических умений и атрибутов. Ядро концепта достаточно полно представлено в произведениях К. Д. Бальмонта. Результатом же авторского переосмысления является наличие ассоциативно-образных и эмоционально-оценочных коннотаций, которые вносят в модель концепта добавочные значения: символ творческого пути, воплощение несчастий и смерти.

Список литературы

1. Бальмонт К. Д. Белые зарницы. Мысли и впечатления. СПб. : Изд. М. В. Пирожкова, 1908. 217 с.
2. Бальмонт К. Д. Где мой дом? М., 1991. 46 с. (Библиотека «Огонек». № 9).
3. Бальмонт К. Д. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи / сост., вступ. ст. и коммент. Г. Макогоненко; ил. и оф. Н. Е. Бочаровой. М. : Правда, 1991. 608 с.
4. Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. «Поэт с утренней душой»: Жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта. М. : Индрик, 2003. 464 с.
5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Наука, 1997. 456 с.

Информация об авторе: *Наден Анна Станиславовна*, преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков Горловского института иностранных языков (г. Горловка).

ЯЗЫКОВЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ПРОЗЕ ЧЕХОВА И ЗОРЬЯНА

Л. М. Овакимян

г. Ереван, Армения

Аннотация. Исследуются художественные параллели, которые наблюдаются в стиле и языковой образности прозы великого русского писателя А. П. Чехова и классика армянской литературы XX в. Ст. Зорьяна. Целью написания данной статьи является попытка расширить уже имеющийся исследовательский пласт работ, посвящённых этой теме, при помощи более пристального и подробного анализа конкретных произведений. Подобный метод исследования, оставаясь одним из необходимых способов изучения и осмысления творчества писателей, может способствовать актуализации традиций взаимодействия и обогащения разных национальных литератур и культур.

Ключевые слова: творчество, стиль, язык, образность, рассказ, влияние, проблема

Для цитирования: Овакимян Л. М. Языковые и стилистические параллели в прозе Чехова и Зорьяна // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 339–343.

Писательское творчество предполагает свободу от тирании готовых идей, общепризнанных художественных форм и литературных штампов. Однако во все времена были писатели, творчество которых служило своеобразным художественным ориентиром. Таким ориентиром для многих писателей XX века не только в России, но и за её пределами стало творчество А. П. Чехова.

Русская литература ещё до Чехова дала подробный анализ трагических противоречий жизни, создала героев, одержимых великими идеями и страстями. Но все эти герои в восприятии читателей являлись исключительно литературными, книжными персонажами. Рассказы Чехова, повествующие о мелочах повседневной обывательской жизни, в которых отсутствует трагическое, сложное развитие сюжета, выглядят удивительно просто на фоне великих романов XIX века. Но в этой простоте и скрыто величие чеховского таланта.

Влияние Чехова на литературу XX века сегодня факт неоспоримый и всесторонне изученный. «В духовную атмосферу армянской жизни Чехов вошёл как писатель с пронзительно-обнаженным нравственным чувством, как художник со своей концепцией прекрасного, страстной силой отрицания пошлой обыденщины, затхлой гнетущей действительности во имя праздника человечности и мечты. Гуманизм, народность и оптимизм Чехова, его борьба с собственническим миром сытости и мещанства, его защита человеческого в человеке – таковы основные «проблемные» точки соприкосновения чеховского творчества с ведущим пафосом армянской реалистической литературы конца XIX – начала XX вв. Если добавить к этому очевидную победу реализма как направления в армянской литературе 80–90-х годов, углубившуюся тенденцию к анализу жизни личности и обстоятельств действительности, очевидное стремление раздвинуть рамки былой ограниченности и выйти к общечеловеческим проблемам мировой литературы, – станет ясно, насколько естественно могли возникнуть типологические схождения армянской системы реализма этого периода с чеховской и попытки (всегда самобытные) освоения чеховского художественного опыта» [1, с. 301]. Эти схождения были особенно ощутимы в творчестве тех писателей, которые работали в жанре малой прозы.

Славу одного из тончайших новеллистов, мастера реалистического рассказа снискал себе выдающийся армянский писатель Степан Зорьян. Будучи представителем того поколения писателей, которое пришло в литературу сразу после Чехова, Зорьян, как и многие другие его собратья по перу, не мог не попасть под благотворное влияние чеховской прозы, новаторских изменений в стиле, образности языка и средств выразительности, особенной чеховской интонации. Этому не помешала принадлежность Зорьяна иной языковой культуре. И наоборот, этому в большой степени способствовали общность этических и нравственных проблем, которыми болело общество и в России, и в Армении на рубеже XIX–XX вв., и которые волновали обоих писателей, попытка найти решения больших, жизненных вопросов при помощи силы художественного слова. Оба писателя ставили в центр своего повествования «маленького человека» с его вечными вопросами бытия, поиски смысла жизни, счастья и гармонии.

Известность Зорьяну принёс уже первый сборник его рассказов, вышедший в свет в 1918 году. Сборник вобрал в себя восемнадцать рассказов, написанных в разное время, с 1914 по 1916 годы, и объединённых общим названием «Грустные люди». Это название с синонимичной точностью повторяет заглавие сборника чеховских рассказов «Хмурые люди» и, невольно, отсылает нас на поиски художественных параллелей в творчестве этих писателей.

Словно стремясь сохранить стилистическую связь в названиях, Зорьян каждому из рассказов, вошедших в свой первый сборник, дал скупые, лаконичные заглавия. Исследователи творчества Чехова отмечают что «заглавия, которыми он стал именовать свои вещи к концу восьмидесятых годов, когда из Чехонте он стал Чеховым, коротки, неприметны и скромны. Какой бы сложностью, каким бы богатством оттенков ни отличались сюжеты обозначаемых ими рассказов, сами они удивительно просты и так лаконичны... Ровный, матовый голос, никакой мимики, никаких интонаций и полное отсутствие жестов» [4, с. 200]. Все эти определения в полной мере применимы и к названиям зорьяновских рассказов. «Друзья», «Зимний вечер», «Сахарница», «Говорите тише», «Обед», «Надзиратель», «Попечитель», «Шутка», – Зорьян как бы следует чеховскому строгому вкусу, исключаяющему всякую вычурность, пафосность, вульгарность в названиях. Этого стиля Зорьян будет придерживаться и в дальнейшем своём творчестве.

Но не только на этом внешнем уровне определяется связь между писателями. Есть нечто другое, скрытое в самом повествовательном строе, в структуре рассказов, в сюжетах, в интонациях, которые у Зорьяна типично чеховские. Зорьян по-чеховски густо населил свои первые рассказы представителями различных социальных слоев, разных профессий, от мелких служащих до людей, оказавшихся на самом дне жизни, дав тем самым подробный социальный срез городского общества начала XX века. При этом сущность «грустных» людей определяет не столько их социальное положение, сколько то бедственное состояние жизни, производными которой они являются, лишённые всяких стремлений, активности, заключённые в узкие рамки футлярного существования.

В ранней прозе Зорьян обратился к одной из главных чеховских тем о невозможности счастья в этой жизни. Вопрос существования человека в мире, оставаясь проблемой социальной, в творчестве Чехова в большей степени лежит в сфере вечных неразрешимых вопросов бытия. К началу 90-х годов, когда вышел в свет сборник «Хмурые люди», Чехов окончательно сформировался как зрелый писатель, автор рассказов, повествующих об обыденной жизни, лишённой событий, неожиданных поворотов судьбы. В этом сборнике Чехов впервые акцентировал трагическую силу мелочей, которыми заполнен пошлый материальный быт, которые разрушают жизнь, а зачастую и губят её. Вслед за Чеховым, повествуя

о жизни своих «грустных людей», Зорьян особое значение придаёт гнетущим человека «мелочам» жизни, под бременем которых мельчает и беднеет сама жизнь. Так, в рассказе Зорьяна «Шутка» повествуется о том, как пошлый, необдуманно поступок стал причиной самоубийства, которое произошло на фоне тихой размеренной жизни дачников. Скуки ради они решили «пошутить». Шутка обернулась трагедией. Сюжет рассказа коррелирует с событиями, описанными в чеховском рассказе «Припадок», где студенты, от нечего делать едут развлекаться в публичный дом. Развлечение для одного из студентов заканчивается страшным душевным срывом.

Многие герои рассказов Зорьяна живут футлярной жизнью чеховского Беликова: школьный повар Карапет из рассказа «Градусник», странный герой рассказа «Пропос», господин Келекян из рассказа «Надзиратель». Все они одержимы страхом «как бы чего не вышло». Жизнь «печенега» живёт отец Симон из одноименной новеллы Зорьяна. Он, как и Иван Абрамыч Жмухин (рассказ Чехова «Печенег»), ограниченное, дикое существо. Если один мнит себя великим знахарем, то другой метит в великие философы и гуманисты. Оба рассказа близки по своей композиции, образным решениям и финалом. От назойливой заботы отца Симона, как и от «человеколюбия» Жмухина тошно, нечем дышать и хочется бежать, крикнув «громко и сердито: – Вы мне надоели!», – как это делает герой чеховского рассказа. Так, через повседневность, через пошлые будни оба писателя говорят о трагическом существовании человека в этом мире.

Особенной чеховской интонацией пронизан рассказ Зорьяна «Барышня Мариам». Здесь Зорьян сумел удивительно точно передать эмоциональное состояние своей героини, девицы Мариам, описав нюансы чувств, переходы от сомнения к надежде, от веры в счастье до полного разочарования. Почти так, как Чехов в рассказе «После театра» тонко передал всю палитру чувств юной гимназистки Нади Зелениной. Счастье поманило и скрылось, оставив тоску по несбывшимся мечтам, замешательство и стыд. Праздник не случился в жизни одинокой Мариам. В рассказах Чехова часто описываются несбывшиеся ожидания и мечты, ибо среди серых, однообразных будней нет места празднику. Событие в рассказах Зорьяна, даже если оно и происходит, не только не приносит ожидаемых решений, но оборачивается для героя ещё большей драмой, подчёркивая его ущербность, неприспособленность к этой жизни. Так, герой рассказа «Сахарница» – арестант, только вышедший из тюрьмы, идёт к приятелю своего отца, лавочнику Абелью. Но, не сумев преодолеть свой стыд, двойственность положения, вместо того чтобы попросить в долг жизненно необходимых ему денег, сам отдал свои последние гроши за ненужную, даже неуместную в его ситуации, сахарницу. А герой рассказа «Решительный человек» не только не смог взять оплату за уроки у задолжавшего ему купца Тевоса, но и сам дал ему займы свои последние деньги, показав «цену» своей решительности, продемонстрировав всю карикатурность названия рассказа.

Следует отметить, что сатира Зорьяна лишена чеховской заострённости, ему чужда словесная эксцентрика. Ситуация, которая у Чехова вырастает в острый анекдот, в искромётную юмореску, у Зорьяна остаётся лирическим этюдом с налётом полуулыбки, полуиронии. Комические положения, смешные ситуации лишь повод для лёгкой насмешки над своими персонажами. Убедительным примером этому служит рассказ Зорьяна «Говорите тише», который и на уровне заглавия, и сюжетно рифмуется с рассказом Чехова «Тсс!». Оба писателя обличают деспотизм ничтожной личности, одинаково ненавидят, но каждый по-своему высмеивает подобное проявление человеческой низости.

Чехов, стоящий у истоков новой формы малой прозы, изменивший традиционную композицию рассказа (завязка, кульминация, развязка), заменив её особой пластикой, интонацией, сумел с помощью лаконичных образов, динамичности повествования, подтекста придать даже самой короткой новелле ощущение большой повести со сложным сюжетом. Зорьян, подобно Чехову, изнутри расширяет, увеличивает короткий рассказ, превращая частный случай в историю судьбы человека. Он рассказывает истории своих «грустных» людей, как бы извлекая их из потока повседневной жизни. Поэтому начало повествования зачастую кажется случайным, а конец остаётся открытым, даже в том случае, когда рассказ завершается смертью героя.

При всем многообразии художественных параллелей, в рассказах Зорьяна нет чеховской глубины, чеховской значимости. «Грустные» люди Зорьяна отличаются от «хмурых» людей Чехова тем, что характеры героев Зорьяна лишены внутреннего, душевного противоречия, особенной чеховской диалектики, которая состоит в сложной психологии героя, в борьбе между двумя возможными ответами на один и тот же вопрос. Впрочем, было бы несправедливо требовать от начинающего присателя чеховской творческой зрелости, философской глубины, ведь и сам Чехов пришёл к этому не вдруг и не сразу. При этом, уже в первых своих рассказах Зорьян заявил о себе как о мастере, умеющем образно и тонко живописать героя, способного при помощи детали, штриха передать и характер, и настроение. Как метко передано недовольство, нетерпение оторванного от обеда человека посредством описания оттопыренных пальцев жирных рук хозяина лавки Абеда в рассказе «Сахарница». Или, чтобы окончательно не распался и послужил ещё хоть какое-то время, перевязанный бечевкой ботинок студента Аршамы. Эта деталь, которая несколько раз обыгрывается Зорьяном по ходу рассказа «Решительный человек», усиливает трагичность ситуации, в которой оказывается герой. Во всём этом чувствуется чеховское точное письмо, отмечающее малейшие подробности быта каждодневной жизни. Зорьян и не скрывает свой статус ученика, подмастерья в художественной мастерской Чехова. Так, начало рассказа «Друзья» поэтично, тонко перекликается с описанием зимнего вечера, которым начинается рассказ Чехова «Тоска». Вот начало повествования у Зорьяна.

«Снег идёт...

Белые снежинки, как яблоневые лепестки, боязливо трепеща, падают на крыши, на головы прохожих, на их плечи, на спины лошадей; они опушили ветки и телеграфные провода и, точно ночные мотыльки, порхают вокруг мигающих фонарей» [2, с. 58]. Как похожа эта неспешность, плавность, ритмичность отрывка с чеховским описанием:

«Вечерние сумерки. Крупный, мокрый снег лениво кружится около только что зажжённых фонарей и тонким мягким пластом ложится на крыши, лошадиные спины, плечи, шапки» [3, с. 80].

И в том и в другом случае описание природы несёт одинаковую смысловую нагрузку. Торжественное спокойствие плавно падающих снежинок резко контрастирует с той щемящей ноткой тоски, одиночества, которой пронизаны оба рассказа. Безусловно, история старого, одинокого Погоса отлична от трагической судьбы чеховского Ионы. Но как для одного, так и для другого героя единственными слушателями их трагической исповеди становятся лишь бессловесные твари. Зорьян учится у Чехова умению создавать особое настроение, скрытое за зрительным образом, за словами, которое углубляет картину действительности, делает её контрастнее и трагичнее.

Правдивости и простоте Чехова нельзя подражать, но ей можно и нужно следовать. В статье «Мастер», посвящённой творчеству Чехова, Зорьян пишет

о том, что своим особым искусством, своеобразным стилем Чехов создал целую школу, которой не имел ни один из русских прозаиков. Понимание и приятие этого Зорьяном уже в самом начале своего творческого пути, помогло формированию его самобытного писательского дара и позволило стать классиком армянской литературы.

Список литературы

1. Алексанян Е. А. Новелла Чехова и Нар-Доса (традиции и типология) // Чехов и литература народов Советского Союза. Ереван, 1982. 451 с.
2. Зорьян Ст. Собрание сочинений : в 5 т. М. : Худ. лит., 1973. Т. 1. 461 с.
3. Чехов А. П. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Правда, 1985. Т. 4. 447 с.
4. Чуковский К. И. О Чехове // Человек и мастер. М., 1971. 207 с.

Информация об авторе: *Овакимян Лилиан Михайловна*, старший преподаватель Ереванского государственного института театра и кино (г. Ереван, Армения).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭПИТЕТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ А. И. КУПРИНА «ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ»

Д. В. Пичугина

г. Пенза, Россия

Аннотация. Анализируется использование эпитетов в произведении А. И. Куприна «Гранатовый браслет». В результате лингвистического анализа выявлены основные особенности использования А. И. Куприным эпитетов в произведении: установлено преобладание эпитетов с переносным значением, сложных и индивидуальных эпитетов.

Ключевые слова: тропы, эпитет, типологическая классификация, лингвистический анализ

Для цитирования: Пичугина Д. В. Использование эпитетов в произведении А. И. Куприна «Гранатовый браслет» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 344–346.

Употребление тропов и одно из наиболее ярких средств создания выразительного языка автора художественного произведения. Тропы раскрывают основную идею произведения, а также определяют жанровые рамки. В авторском прозаическом тексте они преимущественно выполняют модально-экспрессивную функцию.

Троп – выражение или высказывание в переносном значении. Среди риторических фигур к тропам причисляют эпитет, метафору, метонимию, синекдоху, аллегорию, гиперболу, литоту и др.

Остановимся подробнее на таком средстве выразительности, как эпитет.

Термин «эпитет» неоднозначен. Существует широкое и узкое определение данного термина. При широком толковании данного понятия (Б. В. Томашевский, И. Б. Голуб, Г. Н. Пospelов и др.) утверждается, что эпитеты свойственны как поэтической, так и прозаической речи. Исходя из этого в категорию эпитетов, помимо прилагательных, попадают имена существительные, наречия, деепричастия и др.

В узком понимании термин «эпитет» (А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский, К. С. Горбачевич, В. П. Москвин и др.) – слово, возникающее на основе переносного значения слова, красочное, образное определение, выраженное прилагательным.

Таким образом, различие между узким и широким пониманием эпитета связано, прежде всего, с его выражением различными частями речи и стилистической принадлежностью.

В данной статье мы рассмотрим использование эпитета в узком понимании на основе типологической классификации В. П. Москвина.

В. П. Москвин синтезирует различные классификационные признаки эпитета [1, с. 8]. В качестве иллюстративного материала нами приведены эпитеты из произведения А. И. Куприна «Гранатовый браслет» [2].

По характеру номинации различаются эпитеты: 1) с прямым значением: *То по целым суткам тяжело лежал над землей и морем густой туман, и тогда огромная сирена на маяке ревела днем и ночью, точно бешеный бык.* Употребление эпитета *бешеный* усиливает сравнительный оборот. Данный эпитет употреблен в прямом значении; 2) с переносным значением. Эпитеты с переносным значением В. П. Москвин подразделяет на метафорические и метонимические.

Пример, использования эпитета с метафорическим значением:

Прекрасная Блондина, ты, которая... бурное море пламени, клокочущее в моей груди. Твой взгляд, как ядовитый змей, впился в мою истерзанную душу. Использование эпитета *истерзанной* в сочетании со словом *душа* приобретает метафорическое значение боли и страдания человека.

Использование эпитетов с метонимическим, или смещенным значением, создает экспрессивность: *А я, – увы! – я знаю хладный и лицемерный свет.* Отметим, что большинство эпитетов, используемых А. И. Куприным в произведении «Гранатовый браслет», употреблены в переносном значении.

Следующий классификационный признак по В. П. Москвину *семантический параметр*. Он выделяет: 1) цветовые эпитеты: *Даша положила на стол небольшой квадратный предмет, завернутый аккуратно в белую бумагу и тщательно перевязанный розовой ленточкой.* Использование цветовых эпитетов свойственно любому произведению, так как они сообщают не только характеристику цвета, но и определенным образом воздействуют на чувства читателя: *Погасла последняя багровая, узенькая, как щель, полоска, рдевшая на самом краю горизонта, между сизой тучей и землей.* Употребление в одном предложении двух эпитетов тёмных тонов, создает напряжённую тревожную атмосферу; 2) оценочные: *Мы хотим приютить этих несчастливых детей с душами, полными наследственных пороков и дурных примеров, хотим обогреть их, обласкать... ; И глаза всегда лживые-лживые...; 3) эпитеты, дающие психологическую, поведенческую, портретную характеристику: *А это вот — критическое положение: разгневанный отец догоняет беглецов.* Активное применение оценочных эпитетов с отрицательным значением в середине произведения мы объясняем высокой психологической напряжённостью его сюжета.*

С точки зрения структуры: 1) простые: *Теперь он стал весь виден: очень бледный, с нежным девичьим лицом, с голубыми глазами и упрямым детским подбородком с ямочкой посередине;* 2) сложные: *Вода была ласково-спокойна и весело-синя, светлея лишь косыми гладкими полосами в местах течения и перехода в густо-синий глубокий цвет на горизонте.* Наиболее употребительны в произведении простые эпитеты. Сложные эпитеты используются А. И. Куприным чаще для описания сложного оттенка цвета (*тускло-золотой филигранный узор, ярко-красного цвета*).

По степени освоенности языком: 1) общеизвестные: *То по целым суткам тяжело лежал над землею и морем густой туман;* 2) индивидуальные: *Звездчатые цветы белого табака в палисаднике запахи острее из темноты и прохлады; Голосок у него был маленький, но приятного тембра, послушный и верный.* Индивидуальные эпитеты – это не только эпитеты, созданные автором, но и эпитеты, употребленные в нетрадиционном сочетании слов. У А. И. Куприна использование индивидуальных эпитетов преобладает над общеизвестными. В этом заключается особенность и мастерство языка А. И. Куприна.

Несмотря на то, что эпитеты принадлежат книжной речи, они часто встречаются и в других стилях [3, с. 76]: 1) разговорные: *Я давно настаивал, чтобы прекратить эти дурацкие письма;* 2) поэтические: *Как странно», – сказала Вера с задумчивой улыбкой;* 3) народно-поэтические: *Только над головой большие звезды дрожали своими ресницами среди черной ночи...;* 4) фольклорные (стоят за пределами литературного языка). Количественная характеристика отражает анализ цепочек эпитетов: их длина варьируется от двух – «вилка»: *И кожа на щеках нежная, шейка белая такая, невинная, и руки мякотькие, тепленькие*, трех – «тройчатка»: *...голубой луч от маяка подымался прямо вверх тонким столбом и точно расплескивался там о небесный купол жидким, туманным, светлым кру-*

гом, до четырех – «приём нанизывания» единиц: Сразу наступили тихие безоблачные дни, такие ясные, солнечные и теплые, каких не было даже в июле. При описании образов героев А. И. Куприн активно использует «прием нанизывания».

Выбор типологии В. П. Москвина в качестве основы исследования произведения А. И. Куприна «Гранатовый браслет» обусловлен несколькими причинами. Во-первых, данная классификация является наиболее полной и системной, характеризует эпитет с самых разных сторон. Во-вторых, что наиболее важно, настоящая классификация максимально полно отражает собственно лингвистические, языковые аспекты понятия «эпитет»: семантику, прямое и переносное, свободное и связанное значения лексем; степень освоенности языком; средства выражения, грамматический аспект.

Таким образом, анализ эпитетов, используемых в тексте А. И. Куприна, отражает типологическое разнообразие и максимальную востребованность данного вида тропа не только в поэзии, но и в прозаических произведениях. Анализ различных типов эпитетов позволяет сделать вывод о богатстве и яркой образности авторского языка А. И. Куприна.

Список литературы

1. Москвин В. П. Тропы и фигуры: параметры общей и частных классификаций. Волгоград : Учитель, 2000. 37 с.
2. Куприн А. И. Гранатовый браслет. М. : АСТ, 2016. 57 с.
3. Граф Т. А. Типы эпитетов в рассказах А. И. Куприна // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2020. С. 72–77.

Информация об авторе: Пичугина Дарья Владимировна, учитель МОУ СОШ № 9 г. Сердобска Пензенской области, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

«ВЛАСТЬ» В СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Г. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»)

С. В. Плотникова

г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются особенности вербализации концепта «власть» в семейных отношениях (на примере романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»). В качестве объекта исследования выступает концепт «власть». Было установлено, что концепт «власть» в произведении выражается лексическими единицами с отрицательной коннотацией, а также императивными формами.

Ключевые слова: концепт, лексема, «власть», императив, семантика

Для цитирования: Плотникова С. В. «Власть» в семейных отношениях (на материале романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза») // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 347–349.

В русском сознании лексема «власть» носит, как правило, отрицательную коннотацию. Это связано с тем, что концепт «власть» построен на объектно-субъектных отношениях: человек, который осуществляет власть, и человек, ей подчиняющийся. Центральным значением лексемы «власть» является следующее значение: «право и возможность распоряжаться кем-чем-нибудь, подчинять своей воле» [3, с. 86].

«Понятие власти многогранно и многоаспектно. Философский смысл его заключается в представлении данного явления в качестве специфического инструмента управления, созданного для достижения поставленных целей» [2, с. 62]. «Поле власти» может быть представлено как большими сферами, например, сфера государственной власти, международных отношений, так и малыми – личность самого человека, семья [4, с. 64]. По мнению исследователей, «в результате влияния языковой личности писателя происходит изменение содержания художественных концептов...» [1, с. 129].

Сферу семейных отношений в данном аспекте интересно освещает роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» [5]. Сама лексема «власть» не встречается в тексте произведения, поэтому сложно сказать о наличии ядра. Концепт «власть» реализуется через характеристику двух персонажей (мужа главной героини и злой, сварливой свекрови), через изображение их отношения к Зулейхе, настоящей хранительнице домашнего очага, которая должна безропотно выполнять любую работу, терпеть унижения, оскорбления, даже побои, не получая ни капли любви или хотя бы понимания.

В романе свекровь по отношению к Зулейхе изображена тираном, и, соответственно, это характеризуется рядом негативных лексем: «старая ведьма», «бьёт», «кричит», «суровый взгляд слепых глазниц», «костлявая нога», «вонзает», «столетнее тело», «вредная старуха», «командует».

Упыриха в романе представлена владычицей дома: Зулейха должна немедленно и беспрекословно выполнять все приказы. Г. Яхина использует лексему «восседает», чтобы подчеркнуть превосходство и власть свекрови над Зулейхой: *В почётном углу ... на могучей железной кровати ... восседает старуха* (с. 29).

Таким образом, проводится параллель между властью свекрови над Зулейхой и властью правителя над народом.

В книге невестка за глаза называет её Упырихой, что значит кровожадная демоническая старуха, ведьма. Справедливость, точность, неслучайность данной характеристики автор подчёркивает описанием внешности (выше Зулейхи на целую голову) и речевого поведения свекрови.

Упыриха обычно разговаривает грубо, надменно. Её речь по отношению к невестке характеризуется употреблением лексемы «мокрая курица» и использованием императивных конструкций. Доминирует здесь императивная форма 2-го лица единственного числа. Объясняется это тем, что данная форма является специализированной императивной конструкцией, выражающей волеизъявление в русском языке. Приведём примеры таких конструкций: *Давай же, давай, мокрая курица! Разогрей мои старые кости!.. Злее работай, бездельница! Разгоняй свою жидкую кровь... Парь лучше...* (с. 34). К глаголу в форме повелительного наклонения для смягчения требования может присоединяться частица *-ка*: *Поддай-ка ещё пару – и принимайся за мою спину, – командует Упыриха спокойно и деловито* (с. 34). Но здесь же Г. Яхина использует лексему «командует», которая ещё и подчёркивает рабское существование Зулейхи в доме мужа.

Концепт «власть» раскрывается также в отношении мужа к Зулейхе. Удивительно, но главная героиня считает, что с супругом ей повезло. Однако речевой портрет Муртазы, созданный Г. Яхиной, показывает обратное. Речь характеризуется наличием глаголов в повелительном наклонении. Утро Зулейхи только началось, но она уже слышит приказ от своего рассерженного мужа, который даже не смотрит в её сторону: *Есть давай. А расчистишь двор – собирайся. За дровами поедем* (с. 16). Семантика приказа также отражена в следующих примерах: *Просыпайся, женщина, приехали* (с. 17); *Лежи смирно, женщина* (с. 39). Подобные конструкции отражают пренебрежительное отношение Муртазы к жене: он редко обращает на неё внимание, не считает нужным говорить с ней, что-то объяснять, ведь она должна понимать его и без слов: *...бросает топор, отряхивает с плеч сучки и веточки, кивает Зулейхе: помогай* (с. 19).

Таким образом, проведённый анализ позволяет судить о бесправном положении женщины-мусульманки в семье. Зулейха работает до изнеможения, слышит постоянные упрёки и оскорбления от домочадцев. Здесь её не считают человеком: слабая, ни на что не способная, «гнилой корень», который скоро погибнет. В романе наблюдается негативное отношение к героям, которые становятся источниками тирании и подчинения. Это выражается лексическими единицами с соответствующей коннотацией, а также преимущественным употреблением в их речи императивных форм. Названные средства составляют основу вербализации концепта «власть».

Список литературы

1. Болотская М. П., Зуенкова А. О. Вербализация концептов «жизнь» и «смерть» в идиостиле И. Л. Муравьёвой (на материале текста романа «Барышня») // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (44). С. 122–131.
2. Болотская М. П. Лексико-грамматические средства в создании образа власти в романе В. П. Аксенова «Московская сага» // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1 (178). С. 62–68.
3. Большой толковый словарь русского языка: А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. ; сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с.

4. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства. СПб. : Алетейя, 2007. С. 64–86.

5. Яхина Г. Ш. Зулехха открывает глаза. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. 508 с.

Информация об авторе: *Плотникова Светлана Владиславовна*, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ОДИНОЧЕСТВО» В ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО

Т. А. Пономарёва

г. Луганск

Аннотация. Рассматриваются особенности метафорических репрезентаций концепта «Одиночество» в творчестве Иосифа Бродского. Насыщенная метафоричность поэзии И. Бродского делает подход к анализу концепта через его метафорические репрезентации целесообразным и обоснованным.

Цель статьи – в выявлении основных содержательных и структурных характеристик концепта «Одиночество» в творчестве И. Бродского, которые описываются через основные метафорические репрезентации этого концепта.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, концепт «Одиночество»

Для цитирования: Пономарёва Т. А. Метафорические репрезентации концепта «Одиночество» в поэзии И. Бродского // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 350–353.

Исследователи творчества И. Бродского неоднократно отмечали, что лейтмотивом его поэзии является мотив одиночества (работы, например, М. Крепса, В. Куллэ, С. Лурье, В. Полухиной и др.). Одиночество всю жизнь было спутником И. Бродского. И не только сложная судьба, но и сам род его занятий обязывал к этому. «Дело в том, что поэт всегда в той или иной степени обречён на одиночество. ... Я думаю, что, чем лучше поэт, тем страшнее его одиночество», – признался Бродский в одном из интервью [2, с. 190].

В современной науке активно изучается феномен одиночества с точки зрения, прежде всего, психологии и философии; исследуется место и роль концепта «Одиночество» в русской языковой картине мира, его коммуникативно-дискурсивные признаки. Но лингвистических работ, посвящённых описанию концепта «Одиночество» и его метафорическому моделированию в художественной картине мира И. Бродского, нет. Этим обусловлена актуальность данного исследования.

Идея анализа метафорического моделирования принадлежит, как известно, Д. Лакоффу и М. Джонсону. По мнению учёных, метафорическое моделирование представляет собой важный способ познания мира, осуществляемый путем переноса понятия из одной сферы в другую, обычно более абстрактную. Метафора помогает понимать абстрактные сущности при помощи более конкретных. Эта идея получила название «тезиса об однонаправленности метафорической проекции» [5]. Таким образом через метафору в художественном тексте отражается картина мира автора.

Насыщенная метафоричность поэзии И. Бродского делает такой подход целесообразным и обоснованным.

Цель статьи – выявить основные содержательные и структурные характеристики концепта «Одиночество» в творчестве И. Бродского, описав основные метафорические репрезентации этого концепта.

Метафора является основным инструментом мышления, следовательно, современными учёными трактуется «не тропом, призванным украсить речь и сделать образ более понятным, а формой мышления» [8, с. 10].

При характеристике метафорической модели, её составляющих, при использовании методики её описания воспользуемся определением, предложенным А. П. Чудиновым. По мнению учёного, «метафорическая модель – это существующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой «X – это Y» [8, с. 131].

Для описания метафорической модели обратимся к характеристике её следующих признаков: исходная понятийная область; новая понятийная область; относящиеся к данной модели фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира; составляющие каждый фрейм типовые слоты, т.е. элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации; семантический компонент, который связывает первичные (в сфере-источнике) и метафорические (в сфере-магните) смыслы охватываемых данной моделью единиц.

Рассмотрим следующую метафорическую модель художественной картины мира И. Бродского, которая определена нами как доминантная: «Одиночество – отчуждение».

Ментальной сферой-источником является состояние одиночества и соответствующая лексема, сферой-мишенью – состояние отчуждения. По нашему мнению, состояние отчуждения можно считать фреймом, т.е. фрагментом наивной языковой картины мира, который структурирует соответствующую понятийную область (семантическую сферу).

Семантическим компонентом, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью слов, является, на наш взгляд, семы «отдаление», «обособленность» (ср. толкование лексемы *отчуждение* в «Большом толковом словаре русского языка»: «1. Прекращение или отсутствие близости между кем-либо; отдаление, обособленность» [1, с. 766]). Это даёт основания для метафорического сближения соответствующих слов в художественной картине мира И. Бродского.

Охарактеризуем составляющие этот фрейм – фрейм «Отчуждение» – типовые слоты, то есть элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации.

Когда Бродский обращается к другому (любимой, другу, Богу), видит он обычно лишь тень, а слышит только свой голос. Назовём этот слот *непривязанность*:

Не жилец этих мест,
не мертвец, а какой-то посредник,
совершенно один,
ты кричишь о себе напоследок:
никого не узнал,
обознался, забыл, обманулся,
слава Богу, зима. Значит, **я никуда не вернулся.**
Слава Богу, **чужой.**
<...>
Как легко мне теперь,
оттого, что ни с кем не расстался.
Слава Богу, что я на земле без отчизны остался.

(«От окраины к центру»)

В ранних стихах Бродского часто совершается выход за пределы данной, исходной действительности. Результат такого преодоления рубежей физического

бытия – состояние отрешённости, отчуждения от зависимостей и привязанностей; отказ от частных ради прямого контакта с чем-то неизмеримо более важным.

Ещё один слот – слот *темнота* – реализован с помощью антропоморфной хроматической метафоры «Одиночество – темнота»:

Неужели не я,
освещённый тремя фонарями,
столько лет в темноте
по осколкам бежал пустырями,
и сиянье небес
у подъёмного крана клубилось?
Неужели не я? Что-то здесь навсегда изменилось.

(«От окраины к центру»)

Кроме этой метафоры, и другие языковые приёмы реализуют концепт «Одиночество»: синтаксические конструкции, осложнённые причастным оборотом и однородными членами предложения; риторические вопросы; особая семантика повторяющегося *неужели* – всё это обостряет ощущение отчуждённости. Обрамление – тождественность начальных и конечных элементов сегмента текста – способствует интенсификации выражаемого Бродским чувства полного одиночества и отрешённости.

У И. Бродского очень част при слове «одиночество» возникает слово «пустота». Выделим это в отдельный слот (*пустота*). Постоянное присутствие пустоты формирует образ лирического героя, определяющей чертой которого стало состояние отчуждения – от социума, от людей, от истории, от природы [6, с. 199].

У позднего Бродского даже есть «своего рода философский автопортрет, ставящий знак равенства между «Я» и пустотой» [6, с. 199]:

Навсегда расстаемся с тобой, дружок.

Нарисуй на бумаге простой кружок.

Это буду я: ничего внутри.

Посмотри на него – и потом сотри.

(«То не Муза воды набирает в рот...», 1980 г.)

Для молодого Бродского отчуждение – единственно доступный и осуществимый вариант свободы: «отчуждение для Бродского есть форма *свободы*, предполагающей максимальную степень личной ответственности – в том числе за трагизм мироустройства» [6, с. 200] (слот *свобода*). Поэтому разлука – с жизнью, с женщиной, с городом или страной – так часто является темой его ранних стихов.

«Чем дальше, тем прозрачнее становится воздух стихов Бродского, тени удлиняются, оказываясь куда длиннее человеческих фигур, которые к тому же, всё чаще оборачиваются мраморными изваяниями, не приспособленными для диалога», – пишет В. Ерофеев [3, с. 230]. Подобная «бестелефонность», безответность диалога с другом, возлюбленной или высшим существом, невозможность ответа в диалоге с миром – у Бродского это наивысшее выражение мотива одиночества:

Я говорю с тобой, и не моя вина,
если не слышно.

(«Послесловие»)

Этот слот – слот *безответность* – реализуется с помощью артефактной метафоры «Одиночество – безадресность, бестелефонность».

Драма безнадёжности и безответности лежит в основе любовной лирики И. Бродского. Обратимся к лирическому сюжету стихотворения «Письмо к А. Д.», который построен на уверенности в неизбежности своего одиночества (Б. Ахмадулина сказала однажды, что «каждый человек – это совершенное одиночество» [7, с. 80]):

Всё равно ты не слышишь, всё равно не услышишь

ни слова,

всё равно я пишу, но как странно писать тебе снова,
но как странно опять совершать повторенье прощанья,
добрый вечер. Как странно вторгаться в молчанье.

Анафоры, множественные повторы; сложные синтаксические конструкции с разными типами связи и несколькими однородными предложениями; глагольные формы, вносящие разную временную семантику, – таковы языковые способы реализации концепта «одиночество» в данном лирическом сюжете.

Осознавая и принимая абсолютное метафизическое одиночество, И. Бродский видит единственный выход: ещё полнее и ближе слиться с языком, заботясь в первую очередь о нём.

Итак, в художественной картине мира Иосифа Бродского концепт «Одиночество» является одним из доминантных концептов.

Важнейшим способом индивидуально-авторской вербализации концепта «Одиночество» в поэзии И. Бродского служит метафора – «гибкий номинативный инструмент означивания действительности» [4, с. 73].

Анализ произведений И. Бродского позволяет утверждать, что продуктивными для художественного изображения концепта «Одиночество» оказались антропоморфная, артефактная, пространственная и зооморфная метафоры.

Фрейм «Отчуждение» представлен следующими слотами: *непривязанность, темнота, пустота, свобода, безответность*. Эти слоты находятся в тесной взаимосвязи, переплетаются друг с другом.

Концептом, противопоставленным концепту «Одиночество», является концепт «Слово» («Язык»). У И. Бродского видим особое отношение к языку и поэзии, при котором язык называется единственным божеством, а поэт – средством существования языка. Спасение от небытия, смерти (и духовной, и физической) И. Бродский видит только в языке.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
2. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М. : Эксмо, 2003. 448 с.
3. Ерофеев В. «Поэта далеко заводит речь...». Иосиф Бродский: свобода и одиночество // Иностранная литература. 1988. № 9. С. 226–231.
4. Красавский Н. А. Эмоциональный концепт «одиночество» в аксиологическом измерении. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-kontsept-odinochestvo-v-aksiologicheskom-izmerenii> (дата обращения: 10.02.2021).
5. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
6. Лейдерман Н. Л. Постреализм: теоретический очерк. Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т ; Ин-т филол. исследований и образовательный стратегий УрО РАО «Словесник», 2005. 244 с. (Литературоведение XXI века: методология и теория).
7. Полухина В. Бродский глазами современников : сб. интервью. СПб. : Журнал «Звезда», 1997. 336 с.
8. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2006. 256 с.

Информация об авторе: Пономарёва Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск).

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ ЗАИМСТВОВАНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Э. БЁРДЖЕССА «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН»

И. В. Решетарова, Ю. Э. Коваленко

г. Горловка

Аннотация. Предпринята попытка анализа способов передачи заимствований при переводе романа Э. Бёрджесса «Заводной апельсин». Материалом исследования послужили 3674 заимствования, отобранные из романа, и их соответствия в переводах. Исследование показало, что в переводе художественного произведения переводчики обращались к таким методам перевода заимствований, как транскрипция, калькирование и использование латиницы.

Ключевые слова: заимствования, методы перевода, транскрипция, калькирование, использование латиницы

Для цитирования: Решетарова И. В., Коваленко Ю. Э. Проблемы передачи заимствований при переводе романа Э. Бёрджесса «Заводной апельсин» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 354–357.

Актуальность исследования обусловлена притоком большого количества заимствований в языки, вследствие чего изучение способов их перевода на родной язык приобретает объективную необходимость для будущих переводчиков.

Одним из важнейших факторов развития языков является заимствование, которое находится в самой основе языковой деятельности. Часть заимствованных компонентов в языках довольно большая, хотя точно определить их численность невозможно, как и из-за безостановочного увеличения количества заимствованных элементов, которые попадают в язык, так и по причине ассимиляции, из-за которой не представляется возможным определить происхождение слова.

Изучением заимствований занимались такие учёные, как О. С. Ахманова [1], Л. М. Баш [2], С. В. Гринев [6], А. В. Калинин [7], Л. П. Крысин [8, 9], В. Н. Немченко [10] и другие.

При передаче иноязычных слов можно использовать все способы, но не все они одинаково подходят в разных случаях. Различие в их использовании можно объяснить неравной степенью необходимой точности и экспрессивности передачи в различных сферах. Например, при передаче заимствованных терминов основной задачей принято считать обеспечение максимальной точности, при переводе заимствованных слов в художественной литературе необходима передача коннотативных смыслов лексических единиц, при передаче неологизмов часто требуется расшифровка и объяснение значения слова. В каждой определённой ситуации переводчик как автор произведения должен сам определить, какой метод перевода максимально точно передаёт смысл изречения и намерения автора; нужно брать во внимание степень подготовленности читателя в той или иной сфере, а также стилистическую адекватность, что достаточно важно при переводе художественных произведений.

Роман Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин» [11] является одним из самых известных произведений этого писателя, которое, к тому же, содержит большое количество заимствований. Кроме того, Э. Бёрджесс создал специальный язык для этого произведения – Надсат/Nadsat. Слово *надсат* – это транслитерация русского суффикса порядковых числительных от 11 до 19 *-надцать*, произнесенного на английский манер.

Мы проанализировали 3674 заимствования из романа Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин». Эти заимствования касаются разных сфер употребления. Стоит отметить, что сами эти заимствованные из русского языка в английский слова подвергались различным способам перевода. Среди заимствований данного романа методу транскрипции подверглись 2032 лексические единицы, методу транслитерации – 755 единиц, а методу описательного перевода – 887.

Метод транскрипции оказался наиболее предпочтительным для Э. Бёрджесса – ему подверглись 2032 (55,3 %) заимствованных слов. *Droogs, rassoodock, scorry, veshches, peet, horrorshow, peeting, deng, crasting, tolchock, ptitsa, vidy, kartoffel, devotchkas, malchiks, gulliver, kupetting, glazzies, chelloveck, goloss, starry, nochy, malenky, viddied, creech, zoobies, shooms, goobers, platties, babooshkas, minoota, gloopy* – эти и другие слова при их заимствовании подверглись методу транскрипции.

Метод описательного перевода был применен автором в меньшем количестве примеров. При помощи этого метода были переданы 887 (24,2 %) заимствованных единиц. Переводу с пояснительным оборотом подверглись такие слова, как *Korova Milkbar, rooker (a hand, that is), litso (a face, that is), pletchoes (shoulders, that is), Bog or God, ooho or earhole, pyahnitsa or drunkie, oozy or chain, glazzies or eyes, shaikas or groups, nagoy (bare, that is)* и другие.

С помощью метода транслитерации автор передал на английский язык 755 (20,5 %) лексических единиц. При помощи этого метода были переведены такие слова, как *korova, mesto, moloko, Bog, mozg, rot, slovos, razrez, carmans* и другие.

Анализ данных лексических единиц привёл нас к мысли, что перевод данного романа является достаточно трудной задачей, ввиду того, что довольно трудно перевести данные заимствования на русский язык, из которого они и были взяты в оригинале, при этом не потеряв стилистику романа и авторский стиль.

Процесс перевода анализируемого произведения на русский язык считается достаточно сложным, так как дословный перевод заимствований из русского языка – слов, которые знакомы русскоязычному реципиенту – не сможет передать соответствующую атмосферу необузданной жизни подростков, представленную в «Заводном апельсине», а их искажение при переводе может привести к искажению восприятия всего произведения. Исследователи считают, что автор знал и хотел, чтобы читатель столкнулся с определенными трудностями при чтении, что значительно усложняет задачу переводчика – сохранить в переводе необходимую стилистику.

Основная задача для переводчика передать текст произведения на русский язык так, чтобы эти заимствования для русскоязычного читателя выглядели столь же непривычно, как и для англоязычного.

В ходе исследования нами были рассмотрены два перевода романа на русский язык: переводчиками Владимиром Бошняком и Евгением Синельщиковым, которые максимально попытались передать стилистику данного произведения.

Далее проанализируем перевод данных заимствований на русский язык на примере перевода романа Владимиром Бошняком [5].

Значительное количество заимствований были переданы на русский язык с помощью калькирования – 1567 (43,3 %) заимствований (*underveshches – belljo, in Staja – в гостюрье, rassoodock – mozgoi, litso – morder, deng – babok, crasting – obtriasti, old veck – hanyga*).

Часть заимствований, 1127 единиц (30,5 %), Владимир Бошняк передаёт латиницей, оставляя исходную форму неизменной, но добавляя характерные для русского языка окончания (*with litso – с litsom, ptitsa – ptitsy, rot – rta, glazzies – glazziev*), или, наоборот, не добавляя, то есть он воспроизводит графическую фор-

му лексической единицы без каких-либо изменений оригинального написания: (*korova – korova, mozg – mozg*).

Не оставляет без внимания переводчик и метод транскрипции, передавая фонетическую форму оригинальных лексических единиц, только немного измененную в соответствии с фонетическими правилами языка, в который слово заимствуется. С помощью этого метода были переведены 980 (26,5 %) заимствований: *peet – pitt, rooker – ruker, malchik – malltchik*.

Однако, нами было замечено, что большинство слов, независимо от способа их перевода, были написаны латиницей. В. Бошняк предпочитал такую графическую форму ввиду того, что он хотел показать их непосредственную перенесённость из оригинального текста, заставить читателя немного поломать над ними голову, а также, чтобы продемонстрировать отличие этих, так называемых, «жаргонных» слов от других слов, встречающихся в обычной, не жаргонной речи. Такие слова лексически полностью отграничить невозможно, так как в основном персонажи в качестве жаргонных пользуются обычными русскими общеупотребимыми словами типа *мальчик, лицо, чай* и т.д. Это явление совершенно закономерно, так как англоязычным подросткам нет смысла выбирать из всего русского языка какие-либо специфические единицы – для жаргона подойдёт любое иностранное слово, и в первую очередь как раз простое и самое употребляемое [3, с. 222].

Данный вариант перевода полностью выполняет все требования адекватности и эквивалентности. Оригинальный стиль выдержан достаточно точно. Однако, несмотря на тот факт, что переводчик пытался выделить слова *надсата* и с этой целью воспроизвёл их латиницей, они, к сожалению, теряются среди других жаргонных слов. Это послужило причиной того, что *надсат* в переводе Бошняка воспринимается как странный, ни на что не похожий, сленг только лишь зрительно. При этом читатель обращает внимание на эти слова совсем недолго, так как он с ними хорошо знаком. А тот факт, что среди слов *надсата* можно натолкнуться и на обычные жаргонные слова (*prikinut, rvatt kogti, hanyga, obtriasi, babki, kodla, plevatt*) ещё больше сбивает зрителя с толку.

Всё вышесказанное приводит нас к выводу, что запись русских лексических единиц при помощи латиницы, заимствование переводчиком некоторых слов *надсата* из оригинального текста, а также, использование жаргонной лексики, записанной при помощи латиницы, в качестве приёма компенсации может считаться адекватным вариантом перевода слов *надсата*. Тем не менее, это не помогает в воссоздании текстовой ситуации оригинала.

Далее проанализируем перевод отобранных заимствований на русский язык на примере перевода романа Евгением Синельщиковым [3, 4].

Синельщиков отдаёт предпочтение методу калькирования, то есть он переводит заимствования из русского языка, коими они являются в оригинальном тексте, заимствованиями из английского языка, иногда с добавлением русских окончаний. При помощи данного метода переводчиком были переданы 2864 (78,0 %) заимствований (*droogs – фрэнды, viddied – лукс эт, peet – дринкинг, mesto – плейс, deng – мани, devotchkas – герлы, litso – фейс, stari kashka – олд мэп*).

В некоторых случаях Е. Синельщиков прибегает к методу транскрипции (*litso – лицо, voloss – волос*). Этому методу подверглись 810 (22,0 %) заимствованных единиц.

Что касается данного варианта перевода, то здесь Е. Синельщиков заменил русские лексические единицы на жаргонные американизмы (*фрэнды, плейс, покеты, мани, файтинг, блад, сливзы, пэй визит, серв*), но недостатком такого варианта перевода является то, что английские лексические единицы слишком хорошо

знакомы многим русскоязычным читателям и активно ими употребляются в русском сленге. Кроме того, активное употребление грубого вокабуляра (*дурик, вискарь-водяра, кодьяк, сучий потрох, папик, ублюдок*) привело к искажению смысла текста. Синельщиков также разрешил себе внести некоторые добавления, например: «...синтетическое молоко, насыщенное незаметным белым порошком, который менты и разные там умники из контрольно-инспекционных комиссий никогда не распознают как *дурик*, если только сами не попробуют. Но они предпочитают *вискарь-водяру* под одеялом».

Также необходимо упомянуть, что кроме появления в этом варианте перевода новых оттенков смысла, речь главного героя, из-за использования грубой лексики, перестала напоминать речь подростка и стала походить на речь взрослого мужчины.

Таким образом, сравнительный анализ двух версий перевода произведения демонстрирует, что переводчики выбрали разные подходы к работе. Владимир Бошняк предпочёл передавать заимствования латиницей, с добавлением характерных для русского языка окончаний, что позволило сохранить стилистический эффект, содержащийся в оригинале. Евгений Синельщиков переводит русскоязычные заимствования оригинала с помощью англоязычных заимствований, что также позволяет передать стилистическую нагрузку, так как читатель перевода будет сталкиваться с определёнными трудностями, как и в оригинальной версии романа.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
2. Баш Л. М., Бахтин Л. М. Дифференциация термина «заимствование»: хронологический и этимологический аспекты // Филологические науки. 1984. № 2. С. 22–34.
3. Бёрджесс Э. Заводной апельсин / пер. Е. Синельщикова // Юность. 1991. № 3. С. 14–27.
4. Бёрджесс Э. Заводной апельсин / пер. Е. Синельщикова // Юность. 1991. № 4. С. 60–83.
5. Бёрджесс Э. Заводной апельсин / пер. В. Бошняка. М. : Астрель, 2011. 222 с.
6. Гринев С. В. Терминологические заимствования (краткий обзор современного состояния вопроса) // Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. М. : Наука, 1982. С. 108–135.
7. Калинин А. В. Лексика русского языка. М. : ФЛИНТА, 2013. 320 с.
8. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М. : Наука, 1968. 208 с.
9. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 32–33.
10. Немченко В. Н. Основные понятия лексикологии в терминах : учеб. словарь-справочник. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1995. 251 с.
11. Burgess A. A Clockwork Orange. Penguin Books Ltd, 2001. 176 p.

Информация об авторах: *Решетарова Ирина Владимировна*, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежной филологии, теории и практики перевода Горловского института иностранных языков (г. Горловка); *Коваленко Юлия Эдуардовна*, магистрант кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода Горловского института иностранных языков (г. Горловка).

КӨРКӨМ ТЕКСТТЕГИ ЭПИТЕТТЕРДИН ЛЕКСИКА-СЕМАНТИКАЛЫК ӨЗГӨЧӨЛҮГҮ

Г. Э. Садыралиева

г. Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Бул макалада эпитеттин көркөм чыгармалардагы орду, лексика-стилистикалык өзгөчөлүгү талдоого алынат. Тил илиминде жана адабияттагы көркөм сөз каражаттарынын изилденишине сереп салынат. Эпитеттин көркөм чыгармада аткарган функциясына, маанисине карай ажыратылышы аныкталат. Ч.Айтматовдун «Кылым карытар бир күн» повестинен алынган мисалдар аркылуу эпитеттер лексика-семантикалык топторго бөлүштүрүлөт.

Негизги сөздөр: көркөм текст, көркөм сөз каражаттары, эпитет, метафора, функция, топтор, семантика

Для цитирования: Садыралиева Г. Э. Көркөм тексттеги эпитеттердин лексика-семантикалык өзгөчөлүгү // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 358–360.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ ЭПИТЕТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Г. Э. Садыралиева

г. Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Рассматривается лексико-семантическая особенность эпитетов в художественном тексте. Анализируются исследования изобразительно-выразительных средств в лингвистике и литературе. Определены классификация и функции эпитетов в художественных произведениях. Дается лексико-семантическая группа эпитетов в произведении Ч. Айтматова «И дольше века длится день».

Ключевые слова: художественный текст, изобразительно-выразительные средства, эпитет, метафора, функция, группа, семантика

Дүйнө тилдеринде жеке сөздөр өзүнүн баштапкы мааниси образдуу мааниге да ээ болуп, кептеги, көркөм тексттеги негизги ойлор, түшүнүктөр ар тараптуу аныкталат. Сөздөргө образдуу түшүнүк берүү тексттин авторунун стилдик чеберчилигине, дүйнө таанымына көз каранды болот.

Кептеги сөздөр көркөм сөз каражаттары аркылуу образдуулук маанисин алып, аткарган функциясына, маанисине карай топторго бөлүнөт. Илимде мындай сөздөр троп деп аталып, салттуу түрдө алардын катарына метафора, метонимия, эпитет, гипербола, ирония, салыштыруу, литота кирет. Ал эми бул макалада өзгөчө семантикага ээ болгон эпитеттин көркөм чыгармалардагы орду, лексика-стилистикалык өзгөчөлүгү талдоого алынат.

Эпитеттин пайда болушу, кептеги орду тууралуу маалыматтар байыркы философиялык эмгектерден башталып (Аристотель, Квинтилиан, Деметрий ж.б.) азыркы мезгилге чейинки изилдөөлөрдө орун алган [6, 18].

Эпитеттин тилдик табияты жөнүндө Н. Веселовский, В. М. Жирмунский, Б. В. Томашевский, И. Р. Гальперин ж. б. илимий эмгектеринде кеңири берилген.

Бирок ушундай масштабдуу изилдөөлөрдүн болгондугуна карабастан эпитеттин жалпы алынган теориясы калыптана элек. Алсак, кээ бир изилдөөчүлөр эпитетти троптор системасы киргизсе, В. М. Жирмунский сыяктуу изилдөөчүлөр эпитетти метафоранын бир түрү катары эсептешет [5, 27].

Н. Веселовский эпитетти сөздүн метафораланышынан улам пайда болгон көрүнүш катары карап *эпитет-метафора* деген терминди колдонгон. Мисалы: *кара курсак, ак шумкар, алтын убакыт* [3, 67].

Салыштыруу жана эпитет метафорадан мурун пайда болгон образдуулуктун байыркы элементи катары да каралат [2, 37].

Эпитет – өзгөчө көркөмдүк мүнөзгө ээ болгон, автордун сүрөттөлүп жаткан предметке болгон көз карашын туюндурган, нерсе жөнүндө образдуу түшүнүк жараткан, кубулуштардын же предметтердин жеке белгилерин көрсөткөн сөздү аныктаган көркөм сөз каражаты.

Кыргыз тилинде эпитеттин милдетин сын атооч (*ак шумкар*), тактооч (тез тамактануу), зат атооч (хром өтүк), атоочтук (Жараткан Эгем) аткарат.

Белгилүү текст изилдөөчү И. Р. Гальперин эпитетти сапаттын бөлүнүп көрсөтүлүшүнө, сыпатталып жаткан кубулуштун белгисине негизделген көркөм каражат жана атрибутивдик сөз же сөз айкашы катары мүнөздөйт. Эпитет дайыма субъективдүү келип, эмоциялык боёкту камтып, предметтик-логикалык маани да коштоп жүрөт [4, 47].

Белгилүү болгондой, аныкталгыч сөзү жок эле колдонулган эпитет стилистикада *антономасия* деп аталат. Бул тилдик кубулуштун негизги шарты боюнча эпитет менен аныкталгыч сөздүн ортосунда ассоциациялык тыгыз байланыш болот. Мисалы, кыргыз тилинде *Алымкан (көп ооруган адам), Асанкайгы (болор-болбос нерсенин баарына эле убайым тарта берген адам)* ж. б. [7, 73].

Риторика илиминде эпитеттин *поэтикалык* жана *зарыл эпитеттер* деген түрлөрү белгиленет. Поэтикалык эпитетте нерсенин бир белгиси бөлүнүп көрсөтүлсө, зарыл эпитетте жалпы белгилердин ичинен бири тандалып алынат. Мисалы, *сары гүл (кызыл эмес)*.

Эпитеттин көркөм чыгармалардагы ордуна, лексика-стилистикалык жактан аткарган функциясына карап төмөнкүдөй топторго бөлүштүрүүгө болот.

1. Аныкталгыч сөз менен туруктуу байланышкан аныктаманы мүнөздөгөн **жалпы тилдик эпитеттер**. Мындай эпитет катышкан сөз айкаштары адабий тилде кайра кайталануу, кеңири таралуу мүмкүнчүлүгүнө ээ болот. Алар эркин (*сары кар, кара алтын,*) жана багыныңкы (*ачуу чындык, кычыраган кыш*) мааниде байланышкан сын атоочтор аркылуу түзүлөт.

Жалпы тилдик эпитеттердин ичинде түз маанидеги (*кара таш, ачуу алма*), өтмө маанидеги (*кулак-мурун кескендей тынчтык, кара тизме*), стилистикалык жактан нейтралдуу (*ызгаардуу шамал*) жана күчөтмө маанидеги (*ит өлгөн жерде*) сөздөр да бар.

2. **Элдик-поэтикалык эпитеттер**. Бул топко *көк деңиз, ак шумкар, карандай калп, ак жамгыр, кызыл кырман, айкөл адам, кара жер* ж. б. сыяктуу эпитеттер кирет.

3. **Индивидуалдык-автордук эпитеттер**. Бул топтогу сөздөрдүн негизин кайталангыс маңыздык ассоциациядагы эпитеттер түзүп турат. Мындай образдуу аныктамалардын колдонулушу окказионалдык мүнөзгө ээ. Мисалы, *жапырылган шамал, Борондуу Каранар, Борондуу Эдигей* (Ч. Айтматов).

Номинациялык мүнөзү боюнча **түз** (*алтын шакек*) жана **өтмө маанидеги эпитеттер** (*алтын баш*) болуп бөлүнөт. Өтмө маанисине карай метафоралык (күндүн *алтын нуру*) жана метонимиялык (*Айтматов* таануу) эпитеттерге ажырайт.

Көркөм тексттерде өтмө маанидеги эпитеттер нерсенин белгисин күчөтүү (суук мамиле); нерсенин касиетин, формасын, көлөмүн, өңү-түсүн, жашын ж. б. тактоо; контраст берүү (оксюморондук маани), функцияларын аткарат.

Көркөм чыгармаларда (Ч.Айтматовдун «Кылым карытар бир күн» повестинде) колдонулган түз жана өтмө маанидеги эпитеттерди төмөнкүдөй топторго бөлүштүрүүгө болот:

1) Өң-түстүк эпитеттер: *Ал анан кара нөшөр жинденгендей, албууттанып төгүп жатты. Кыз-күйөөгө эки акын ынтымак, ырыс, ак сүйүү кудайдан тилеп ырдады. Түнөргөн кара булут болуп, эрге өбөктөй Абдилхан чаап кетип баратат. Алоолонгон кызыл жалын, кара-буурул көк түтүн буркурап атырылып, асман быркырап, адам баштаган макулуктун башына кулап түштү* [1, 62].

2) Материал, буюм: *Хром өтүкчөн экөө Абуталипти эки жактан коштоп алган, колдорунда үйдөн ала чыккан кагаздар.*

3) Нерсенин өлчөмү, формасы (физикалык касиети): *Кайдагы бир бакшылар келип, улуу от жагып, тегерене калч-калч этип бийлешет. Шыптын асты калың токойдун гүлдөгөн жаңырыгындай болуп турду.*

4) Баалоочулук эпитеттер: *Сары-Өзөктүн чексиз мейкиндигинде мемиреген тынчтык уюп турду. Ителги көз Тансыкбаев анын жообун кулагынын сыртынан кетирди. Мындай толкунду Аралдыктар ийрек толкун деп коюшат* [1, 127].

5) Кинестетикалык эпитеттер: *Жумшак жел кулак учунда шыбырап эркелейт.*

Көркөм текстте бири-бирин толуктаган жана объектке ар тараптуу мүнөздөмө берген бир канча образдуу аныктама берген эпитеттердин чынжырчасы да болот. Мындай чынжырчанын курамына экиден ашык эпитет катышат. Мисалы: *Мен ботосу өлгөн боз иңген.*, Бирок маңкурт уулунун бир тал сезими зырп этпей койду [1,101].

Жыйынтыктап айтканда, көркөм чыгармада негизги ойду, идеяны көркөм сөз каражаттары эпитет, метафора, метонимия ж. б. аркылуу окурманга таасир берүү максаты ишке ашат. Аталган кубулуштардын аткарган функциясы, лексика-семантикалык мааниси жагынан айырмачылыктар менене жалпылыктар да байкалат. Ар бири өзүнчө когнитивдик лингвистиканын чегинде изилдөөнү талап кылат. Анткени бул көркөм сөз каражаттарынын ар бири дүйнөнүн улуттук тилдик сүрөтүнүн өзөгүн түзүп турат.

Колдонулган адабияттар

1. Айтматов Ч. Кылым карытар бир күн. Ф., 1980.
2. Баевский В. С. Эпитет // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 512–513.
3. Веселовский А. Н. Из истории эпитета // Историческая поэтика. М., 1989.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
5. Жирмунский В. М. К вопросу об // Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
6. Кочинева О. К. О языковых средствах выражения метафор, сравнений, эпитетов // Русский язык в школе. 1972. № 4. С. 85–88.
7. Кыргыз тилинин стилистикасы боюнча сөздүк-справочник. түз. А. Т. Карымшакова, Г. Э. Садыралиева. Б., 2018. 160 б.

Информация об авторе: *Садыралиева Гулиан Эркинтуровна*, кандидат филологических наук, преподаватель Бишкекского государственного университета имени К. Карасаева (факультет кыргызской филологии) (г. Бишкек, Кыргызстан).

РЕЧЬ ПЕРСОНАЖЕЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОГО МАСТЕРСТВА АВТОРА (ПО ЛИРИКЕ В. С. ВЫСОЦКОГО)

М. В. Сомова, Ю. А. Южакова

г. Рязань, Россия

Аннотация. В зависимости от ракурса восприятия и изображения действующих лиц окружающей действительности автор текста предстаёт как создатель литературных персонажей. Объектом нашего исследования является поэтическое творчество В. С. Высоцкого, недостаточно изученное с точки зрения идиостиля, что определяет новизну работы. Цель нашей работы – анализ роли изобразительно-выразительных средств в идиостиле В. С. Высоцкого при создании речевой характеристики персонажей, так как способность в малом лирическом жанре дать речевую характеристику персонажа есть показатель мастерства писателя.

Ключевые слова: речевая характеристика персонажа, идиостиль, изобразительно-выразительные средства языка, В. С. Высоцкий

Для цитирования: Сомова М. В., Южакова Ю. А. Речь персонажей как отражение стилистического мастерства автора (по лирике В. С. Высоцкого) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 361–365.

В классических текстах русской художественной литературы одним из ведущих способов характеристики персонажа является речевая характеристика, или речь героя. Обезличенные, лишённые индивидуальности монологи действующих лиц вызывают у читателей скуку, разрушают целостность восприятия персонажа, лишают сам текст художественной выразительности. И напротив, яркие, образные, отличающиеся интонацией и индивидуальными особенностями построения синтаксических конструкций, богатством и разнообразием лексики реплики, монологи и диалоги героев вызывают читательский интерес и восхищение мастерством писателя.

Цель нашей статьи – анализ изобразительно-выразительных средств в идиостиле В. С. Высоцкого при создании речевой характеристики персонажей.

В современной науке о языке существует понятие не только «языка художественного произведения», но и «авторского стиля». По определению А. В. Чичерина, «индивидуальный стиль – это поэтическая мысль в её действии, её ритм, её цепкость, вооружённость, её способность к познанию мира и передаче сконцентрированной энергии духа» [5]. В. С. Высоцкому – поэту [2] – в высшей степени свойственен определённый А. В. Чичериным идиостиль, чему ярким свидетельством является именно речевая характеристика персонажей его лирики. Поэтическое наследие поэта требовало и требует отдельного обстоятельного разговора. Наша статья – эскиз к такому исследованию.

Стихи Высоцкого остаются в памяти легко, для их запоминания не надо усилий, ведь они о нас, о нашей жизни, которую поэт очищает от тоски и скверны «при свете, нагло, в две руки». Не зря этого человека при жизни считали «своим парнем» представители разных профессий и возрастов. По его стихам можно не только изучать географию и историю огромной страны, но и исследовать русские характеры. Ощущение от его творчества такое, будто прожил он сотни жизней. Военная лирика – «Расстрел горного эха», «Звёзды», «Песня о госпитале», «Сы-

новья уходят в бой», «Песня о конце войны» и другие – это произведения, словно бы созданные очевидцем или даже участником Великой Отечественной. «Баллада о детстве» – летопись самого мрачного двадцатилетия (30–50 гг.) прошлого века. «Спортивный» и «исторический» циклы не теряют своей актуальности до сих пор. Герои поэзии В. С. Высоцкого, которого не стало тридцать лет назад, – наши современники, живые люди, которые любят и ненавидят, идут на смерть за Родину и становятся предателями, трусят и совершают подвиги. Кажется, поэт был и лётчиком, и геологом, и сапёром, и спортсменом-олимпийцем, и моряком, и дальнобойщиком, и даже космонавтом.

Всё творчество поэта – о той стране, где он жил и творил, без которой не мыслил свою жизнь, во имя которой «по нервам, нам по нервам шёл под барабанную дробь».

Однако мы хотели бы говорить не о тематике стихотворений В. С. Высоцкого, о чём уже много сказано, а о языке его лирики. Здесь представляется уместным принять точку зрения Е. А. Гончаровой [3], считающей вслед за М. П. Брандес, В. В. Виноградовым, А. М. Левидовым и другими, что ключом к идиостилю писателя является категория «образа автора», которая проявляется в процессе взаимодействия «автор-персонаж» [4]. Персонажи у В. С. Высоцкого всегда активны, находятся в динамике, часто в экстремальной ситуации. Он говорил, что статичные персонажи ему просто неинтересны. Часто свои стихотворения поэт называет «балладами», подразумевая не только лиро-эпический сюжет, но и особого героя – личность с устоявшимися взглядами, вступающая в конфликт с окружающим миром. Повествование в таких произведениях часто идет от «лица» неодушевлённых предметов, как, например, в балладе «ЯК-истребитель» или «Балладе о брошенном корабле». Этот жанр хорошо известен в литературе, но у В. С. Высоцкого он словно приобретает свежее звучание: главный герой его баллады – живой, сильный, борющийся и страдающий, зачастую попавший в беду – сам повествует о себе, и его монолог всегда отличается особой образностью и выразительностью. И одушевлённые, и «неодушевлённые» герои баллад «говорят» на особом, только им присущем языке. Это чувствуется уже в глаголах, вводящих собственно прямую речь: горное эхо «*подхватывает крик, отзывается*» на него, микрофон лишь «*усиливает*» то, что в него поют, стабилизатор гибнущего истребителя «*поет: «Мир вашему дому!»*».

Речь персонажа характеризует его как представителя определённой исторической эпохи, в результате чего «вместо искусственной романтической декламации современного писателя звучит живой голос человека другой эпохи» [1, с. 312]. Речевая характеристика персонажа позволяет определить возраст, образование, социальное происхождение, круг общения, интересы и т.д. героя баллады.

В живой речи присутствуют неполные предложения, междометия и риторические восклицания:

Жил я с матерью и батей на Арбате – здесь бы так!

А теперь я в медсанбате – на кровати, весь в бинтах... – речь раненого паренька из госпиталя.

Или речь бойцов в перерыве между боями:

Шумит окопная братва: – Студент, а сколько дважды два?

– Эй, холостой, а правда, графом был Толстой?

... – А что в Москве неужто вправду есть дома в пять этажей?! – фрагмент, достойный «Василия Теркина» А. Т. Твардовского.

Или отрывистая речь опытного разведчика, оценивающего тех, кто пойдет с ним в разведку:

– Кто со мною? С кем идти?

Так, Борисов... Так, Леонов...

И ещё этот тип из второго батальона!

Разговорная лексика и просторечия передают особенности речи простых и малообразованных людей, работяг и забулдыг:

Я пил из горлышка с устатку и не евши,

Но как стекло был – остекленевший...

Уж когда коляска (мотоцикл с коляской – милиция) подкатила,

Тогда в нас было семьсот (граммов) на рыло...

В речи профессионалов звучат профессионализмы:

Я – «Первый», Я – «Первый», они под тобою, я вышел им наперерез...

Сбей пламя, уйди в облака, я прикрою!.. В бою не бывает чудес.

– Нет, поздно. И мне вышел «мессер» навстречу...

Прощай! Я приму его в лоб!

Геолога, вопреки всему нашедшему нефть:

«Дела идут, всё боле-мене, прочь сомнения,

Есть месторождение, больше «более» у нас и меньше «менее»!»

Шахтеров, работающих под землей:

– Сколото, уложено золото – чёрное надежное золото!

Морские профессионализмы: отдать концы, ослаблены шпринги, руль полрумба налево, не штормы, а шторма' и другие.

Или профессиональная лексика спортсменов: *судья не зафиксировал ничьей, наклон на вираже – бетон у щек, нужен спурт – иначе крышка и хана, обошел меня на круг, руку поднял рефери и т.д.*

Используются для создания образа персонажа жаргонизмы: *нужен спурт – иначе крышка и хана; краплёная колода; целый месяц я бичую; с нею вышла не-задача, но я и это залечу; она ж наводчица, все срока' уже закончены* и т.п.

Совсем по-другому звучит речь самого автора:

Да нет! Живу не возле «Сокола»...

В Париж пока что не проник...

Да что вы всё вокруг да около – да спрашивайте напрямик!

или в знаменитой «Колее»:

И склоняю, как школьник плохой: колея, в колее, с колеей! – это русский язык интеллигентного человека, отвечающего на вопросы с лёгкой иронией.

Хотелось бы особенно подчеркнуть, что баллады В. С. Высоцкого – это малый жанр, небольшое по объёму лирическое стихотворение, но речь героев выписана великолепно, дает представление о характере и эмоциональном состоянии персонажа. Здесь проявляется исключительное мастерство В. С. Высоцкого – мастера речевой характеристики, ставящее его на одну ступень с метрами художественного слова XIX века.

Нередко использует поэт такой приём, как аллюзия. Например: *«я щас взорвусь, как сотня тонн тротила, во мне заряд нетворческого зла: меня сегодня муза посетила, немного посидела и ушла», «как ныне собирается вещей Олег щита прибывать на ворота...», «Вача – это речка злая во глубине сибирских руд...», «Черномор Кота продаёт в мешке». Как видно из примеров, В. С. Высоцкий обращается к строкам А. С. Пушкина, самого любимого своего поэта.*

Нередко В. С. Высоцкий использует сравнения и противопоставления, чтобы представить свой персонаж более ярко и выразительно: *«она – на двор, он – со двора», «назад 500 – вперёд 500», «Мишке там сказали нет, ну а мне – пожалуйста», «он крылом – а я колом! Он псалом – а я кайлом!», «не ждёт меня мой идеал, ведь он – король, а я – вассал...», «Мы сыграли с Талем десять партий –*

в преферанс, в очко и на бильярде». С помощью этого приёма достигаются чёткость ритма и лаконичность при описании действия, и речи персонажа.

Не последнюю роль в формировании идиостиля В. С. Высоцкого играет «звуковая память» слова, под которой понимается его способность притягивать к себе близкие по звучанию слова, образуя звуковые парадигмы, в которых одна звуковая формула вызывает в памяти другую:

*Тагарга-матагарга, удалая ярмарка,
С плясунами резвыми, большей частью – трезвыми.*

Или: «Увёртливы поводья, словно угри».

Или вечное:

Спасите наши души! Мы бредим от удушья.

И ужас режет души напополам...

Так происходит взаимная проекция сходства и смежности из звукового в семантический план и из семантического в звуковой.

Как у всякого большого художника, у В. С. Высоцкого «стиль эпохи воплощался в экспрессивных красках повествования, в иерархии предметов, в связи лексико-фразеологических звеньев речи, словом, в семантическом колорите изображения» [1, с. 316]. Это особенно заметно в «сказочных» циклах. Известно, что поэт для театра хотел написать сказку и «тренировался в фольклоре», по его собственным словам. В результате появился цикл поэтических произведений, героями которого стали сказочные персонажи, характеризующие сами себя: Баба-Яга – «*вот и вся недолга*», «*старый больной озорной Водяной*» и Леший, которого «*Лешачиха со зла, лишив лешевелюры, из дупла на мороз прогнала: у ней с водяным шуры-муры*» – речевая самохарактеристика героев имеет иронический оттенок.

Русские народные песни по преимуществу либо частушки, либо плачи. У В. С. Высоцкого есть стилизация и под частушки – монолог скомороха:

Подходи, народ, смелее –

Слушай, переспрашивай!

Мы споём про Евстигнея, государя нашего.

Вы себе представьте сцену,

Как папаша Евстигней

Дочь-царевну Аграфену хочет сплавить поскорей.

Но не получается – царевна не сплавляется.

И под плач – жалоба невесты рекрута:

Тропочку глубокую протопчу по полю

И веночек свой свадебный впрок совью,

Дивну косу девичью – до полу, до полу –

Сберегу для милого с проседью.

Здесь имеются все фольклорные атрибуты: инверсия (*тропочку глубокую, веночек свой свадебный*), ударения на предлоге – проклитики (*по полю, до полу*), краткие прилагательные – постоянные эпитеты (*дивну косу*), традиционное обращение (*милой*) и трогательная верность любимому (*косу сберегу для милого с проседью*).

Много уже написано о фразеологизмах в творчестве В. С. Высоцкого, о тех приёмах, которые он применял, употребляя их. Но несколько слов следует сказать. Безусловно, В. С. Высоцкий хорошо владел этим изобразительно-выразительным средством языка, знал фразеологизмы во множестве и активно использовал их при речевой характеристике персонажа. Например, наложение переносного значения фразеологизма на прямое значение свободного словосочетания: «*Я шагнул в полутёмные сени, за чужое за что-то запнулся в сенях, дверь рванула – подкосились колени*». Наряду с традиционным употреблением идиомы:

Вот кто-то решив: «После нас – хоть потоп», как в пропасть шагнул из окопа – тут же трансформация его смысла на противоположный: А я для того свой покинул окоп, чтоб не было вовсе потопи. Этот приём поэт использовал чаще всего: «слепая пуля-дура прозрела, поумнела вдруг», «ноша не тяжёлая, корабли свои».

И конечно, творчество самого В. С. Высоцкого метафорично. Его знаменитые строки стали фразеологизмами: «в мире нет таких вершин, что взять нельзя», «лучшие гор могут быть только горы», «если друг оказался вдруг и не друг и не враг, а – так...», «кто в океане видит только воду, тот на земле не замечает гор». В его исполнении, употреблении даже общеизвестные фразы обретают новое звучание. Например, всем известное «Спасите наши души» в контексте звучит как призыв о помощи в стране, где Поэту не хватает Свободы...

В рамках малого объема статьи мы попытались обозначить приёмы создания речевой характеристики персонажей в лирических текстах В. С. Высоцкого. Его идиостиль требует всестороннего изучения, ведь «только детальное обследование стиля всех основных произведений писателя во всей сложности и своеобразии их структуры...может дать материал для описания индивидуального стиля писателя и для выяснения условий и закономерностей его формирования и развития» [1, с. 318].

Список литературы

1. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М. : Учпедгиз, 1959. 655 с.
2. Высоцкий В. Четыре четверти пути. М. : Современник, 1988. 168 с.
3. Гончарова Е. А. Интерпретация художественного текста. М., 1983. 365 с.
4. Иванова Д. С., Сомова М. В. Дары небес в русской языковой картине мира: рациональное и эмоциональное изображение дождя, снега, града в художественных текстах // Лекантовские чтения : материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, 20 ноября 2020 г.) / отв. ред. Н. А. Герасименко. М., 2020. 322 с.
5. Чичерин А. В. Очерки истории русского литературного стиля. Повествовательная проза и лирика. М. : Худ. лит., 1977. 445 с.

Информация об авторах: *Сомова Марина Викторовна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (г. Рязань, Россия); *Южакова Юлия Александровна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (г. Рязань, Россия).

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА РОМАНА Г. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»

Е. В. Сузько

г. Мозырь, Беларусь

Аннотация. Устанавливается специфика художественного языка романа татарской писательницы Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза». Проанализированы его возможности в плане отражения духовной и материальной культуры татарского народа, духовно-нравственного облика репрессированной интеллигенции, советских руководителей разных рангов. Раскрыты особенности наименования новых советских поселений в Сибири.

Ключевые слова: литература, художественный язык, Гузель Яхина, татаризмы, галлицизмы, жаргон, нецензурная лексика, топонимы

Для цитирования: Сузько Е. В. Особенности языка романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 366–370.

Самобытным явлением в русской и мировой литературе является творчество татарской писательницы Гузель Яхиной, живущей в Москве и пишущей на русском языке. Уже её дебютное произведение – роман «Зулейха открывает глаза» – сразу после публикации в 2015 году получило престижные национальные премии «Большая книга», «Ясная поляна», удостоилось премии «Звёздный билет» на ежегодном музыкально-литературном фестивале «Аксенов-фест», проводимом в Казани, родине писательницы, вошло в шорт-лист «Русского Букера», стало лауреатом ежегодной литературной премии «НОС» (Новая словесность), учрежденной фондом бизнесмена Михаила Прохорова. На сегодняшний день это произведение переведено на 31 язык мира. Но, необходимо отметить, что ни одно из произведений современной русской литературы и ни один сериал, снятый по мотивам этого произведения, не вызвали столько споров, нареканий, недовольства профессиональной критики и общества и восхищения читателей, как это произведение. В романе на примере драматической жизни татарской крестьянки Зулейхи Валиевой показана судьба раскулаченного и высланного в Сибирь для освоения новых земель крестьянства.

Уникальным делает произведение и художественный язык, объединяющий в себе самые разнообразные лексические пласты: разговорную речь татарской деревни, слова, выражения из татарского языка; язык ленинградской интеллигенции, с представителями которой Зулейхе предстояло пройти через все круги сибирского ада; отдельные слова и выражения из французского языка, языка культуры, воплощённой в образах интеллигенции; воровской жаргон, язык асоциальных типов и др., что свидетельствует о полифонизме художественного стиля Г. Яхиной, о её стремлении раскрыть масштаб всенародной трагедии. П. Басинский заметил, что «манера письма Гузель Яхиной жесткая, ребристая. Короткие фразы, минимум деталей, ничего, как говорится лишнего» [1].

Поскольку главным героем романа является народ, простые крестьяне, то чаще всего Гузель Яхина обращается к живой, разговорной стихии языка. Правда, иногда создается впечатление, что язык персонажей Гузель Яхиной, несмотря на то, что репрезентирует крестьянство, его жизнь или отражает духовно-нравственный, социальный облик представителей советской власти, слишком литера-

турный, книжный. Безусловно, это можно объяснить тем, что писательница сама родилась в городе и ей была чужда стихия народной жизни, т.е. не произошло полного «погружения» в неё, произведение создано на основании рассказов бабушки писательницы, чья семья пережила раскулачивание и ссылку в Сибирь, и изучения многочисленных документов советского времени.

Для создания национального колорита, национального татарского характера и передачи неповторимой стихии национальной жизни, особенно в первых главах романа «Мокрая курица», «Куда?», Гузель Яхина как писатель-билингв, несмотря на свою национальность, пишущий на русском языке, активно использует слова и выражения из татарского языка. Чаще всего это слова, обозначающие единицы ландшафта (*урман*), предметы быта, крестьянского инвентаря (*казылык* – конская колбаса, *камча* – кнут, плётка, *каплау* – покрывало, *кашага* – подзор по краю матицы в избе, *киштэ* – полка под потолком для складирования постельных принадлежностей, *лэгэн* – таз, *лэукэ* – полка в бане и т.д.), детали одежды (*ката* – короткие домашние валенки, *кульмэк* – платье, рубаха, *чыба* – верхняя демисезонная одежда, суконный чекмень и др.), наименования людей по их социальному статусу (*абыстай* – супруга духовного лица, *ага* – почтительное обращение к старшему мужчине, *ошкеруче* – родовые жрецы, знахари, целители, *улым* – сын мой, сыночек, *эни* – мама и др.), названия национальных праздников, обычаев (*калым* – выкуп за невесту, *кереш* – татарская национальная борьба, *Курбан* – мусульманский праздник жертвоприношения, *кыз-куу* – конная игра, *туй* – праздник, свадьба, *Ураза* – мусульманский праздник в честь окончания поста Ураза и др.) и т.д.

Важную роль в художественном стиле Г. Яхиной играют тюркизмы, имеющие символично-аллегорическую семантику в контексте романа «Зулейха открывает глаза», например, *урман*. Слово это имеет устаревшую коннотацию и зафиксировано в Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля: «УРМАН м. в тоб. произнос. урман, татр, лес, особенно хвойный; дремучие, обширные леса по болоту; в зпд-сиб. урман, что в вост. тайга, дикие, необитаемые леса, на огромном просторе: ель, сосна, пихта, кедр и пр. Урманый, к лесу относящ. || Тоб. медведь. Урма ж. костр. зверок белка, векша» [2, с. 508].

В контексте романа образ урмана становится аллегорией прежней жизни Зулейхи, её боязни переступить через запретное, через страх, преодолеть саму себя, выйти за грань привычного, стереотипного. Вспомним, что образ урмана возникает в романе дважды: в начале произведения, когда Зулейха и Мустафа едут в лес за дровами, и при описании сибирской тайги: «Лес заканчивался – начинался дремучий урман, буреломная чащоба, обиталище диких зверей, лесных духов и всякой дурной нечисти. Вековые черные ели с похожими на копыя острыми вершинами росли в урмане так часто, что коню не пройти. А светлых деревьев – рыжих сосен, крапчатых берез, серых дубов – там не было вовсе» [4, с. 18]; «Ходила в урман одна и надолго. То, что это был настоящий урман – мрачный, глухой, буреломный, – поняла в первый же день, когда, животом холодея от страха, побежала по еле приметной тропе на повал, кормить лесорубов... Осталась жива – урман не тронул её... Когда нашла у старого, поросшего лохматым мхом пня несколько ягод черники, успокоилась: урман принял её» [4, с. 335–336]. Если в первом случае урман символизирует беспросветность, унылость жизни замужней Зулейхи под контролем властной свекрови и жестокого мужа, то образ урмана во втором случае демонстрирует пробуждение в душе Зулейхи тяги к свободе, к ощущению жизни и ее возможностей.

Татаризмы (точнее тюркизмы) помогают создать самобытную атмосферу национальной татарской культуры, помогают лучше понимать своеобразие этой

мусульманской культуры и подчеркивают многообразие языковой личности автора произведения, стремление писательницы создать живое, полноценное произведение о судьбе человека в контексте истории, жестокого времени.

Значительное место в романе уделяется и отражению духовно-интеллектуального мира ленинградской интеллигенции, сосланной за инакомыслие в Сибирь вместе с раскулаченными крестьянами. Определяющее место в создании её образа принадлежит языку как способу отражения мировоззрения, внутреннего мира интеллигенции, ее сознания. Посредством отвлечённых рассуждений о жизни, о непонятных для других обитателей вагона-теплушки и ссыльного поселка духовных материях, об искусстве Гузель Яхина утверждает общечеловеческие культурные ценности; используя приём антитезы, показывает чуждость двух миров и при этом констатирует общность судьбы разных членов общества в условиях несвободы и культа личности. Вот, в вагоне-теплушке после побега крестьян интеллигенция размышляет: «Свобода подобна счастью, – мурчит себе под нос профессор Лейбе, – для одних вредна, для других полезна. – Гёте? – на соседних нарах оживляется Константин Арнольдович. – Новалис, – вступает Иконников. – Нет, позвольте, всё-таки Гёте! – Не позволяю. Определенно – Новалис» [4, с. 184].

Именно представители интеллигенции осознают весь ужас своего положения и стремятся не упасть ниже человеческого достоинства, сохранить уважение к самим себе, то, что делает человека человеком. Неслучайно сын Зулейхи, крестьянин по происхождению, впечатленный миром искусства, живописи, обнаруживает в себе талант художника и этим пытается утвердиться в жизни.

Именно с образами Изабеллы, Иконникова, Сумлинского связана и стихия французского языка, полноценно, на одинаковом уровне с другими языковыми пластами, вошедшая в контекст романа и сделавшая его стиль интеллектуальным, книжно-культурным. Именно Изабелла учит французскому языку Юзуфа, родившегося и выросшего в Сибири и не знающего ничего о мире. Введение в контекст книги галлицизмов подчинено утверждению общечеловеческих ценностей, важности культуры для полноценного и всестороннего развития личности.

Ключевую роль в художественном отражении образа времени, жестокого и антигуманного, занимает образ Горелова, деклассированного элемента, опасного и угрожающего. Суть образа Горелова отражает его язык, состоящий из уголовного жаргона, нецензурной лексики. Так, Гузель Яхина показывает разрушающую, деструктивную природу этого образа: «... Я – калач тертый. Две ходки имею, зема. На Сахалине чалился, в Соловках мочалился» [4, с. 166]; «Береги портрет, падла, – шипит в безучастное лицо, вытирая кончики пальцев о профессорский мундир, как о салфетку. – И скажи спасибо, что я сам – смотрящий. Не то налупил бы тебе звонарей...» [4, с. 167]; «– Я же говорил – косишь, – Горелов заботливо расправляет газету, смявшуюся под костлявым засекиным профилем. – Чапай отседова, филон» [4, с. 479]. Таким образом, обилие выражений из воровского жаргона, нецензурная лексика в сочетании с громкими, выражающими гнев и злость, интонациями свидетельствуют об опасности и зловещем смысле образа-типа приспособленца, созданного Гузель Яхиной.

Поскольку значительное место в произведении занимают образы советских руководителей разного ранга, то их язык становится важным индикатором духовного, нравственного, социального содержания этих художественных образов. Чаще всего их речь богата канцеляризмами, бюрократизмами, поскольку говорят они языком газет и документов советского времени, используют бранные интонации, ненормативную лексику. Яркой иллюстрацией сказанного является образ Зиновия Кузнеца. Вот, Кузнец через полгода после того, как бросил 30 полуживых человек на произвол судьбы в тайге, возвращается в поселок: «– Как ты тут,

голуба? Ханурики твои где? Выжили? Во дают, черти, а?! А у нас тогда такое началось... Кулачье повалило эшелонами... Не до тебя было, уж прости» [4, с. 320]. Вот Кузнец ставит перед Игнатовым задачу обеспечивать продуктами не только свой поселок, но и соседние поселения, чувствуя свою неограниченную власть и осознавая власть страха над человеческим сознанием: «А мы уж с тобой, Игнатов, в грязь лицом не ударим, развернемся. Научим эксплуататоров пролетарскому труду и покажем, что такое настоящая советская жизнь» [4, с. 323–324]; «А ты постарайся!.. Ты думаешь, для чего мы колхоз создаем, голуба, – чтобы ты тут в одну харю репу свою трескал? У тебя – четыреста пар рук! Изволь – потрудись и поделись с государством!» [4, с. 369]. Как видим, речь Кузнеця характеризуется сочетанием языка советских сводок, газетных статей, разговорной и ненормативной лексики, что определенным образом характеризует советских функционеров, необразованных, но подкованных идеологически, заставляющих людей делать то, что нужно власти, путем угроз и шантажа. Язык Зиновия Кузнеця является типичным, характерным для целого разряда советских руководителей разных рангов, умеющих манипулировать человеческим сознанием. Это чаще всего либо сухой официально-деловой язык документов, схематичный, формализованный, либо ругань, использование нецензурной лексики и угрожающих интонаций, что является показателем уровня представителей власти, проводящих коллективизацию, раскулачивание, строящих новую жизнь.

Раскрывает Гузель Яхина и тактику создания и именованя новых поселений в Сибири, входящих в систему ГУЛАГа. Традиционно их называли, исходя из идеологических требований советского времени, в честь известных политических или общественных деятелей или по номеру поселения. Так, и Зиновий Кузнец предлагает казенно-холодное, административное название для нового поселка – «Ангара 12». В таком названии содержится страшный и отражающий глубину и масштаб народной трагедии смысл: сколько же поселков подобного типа было создано на берегах только одной Ангары.

Но гуманистический потенциал произведения Гузель Яхиной заключается в том, что оно является гимном русскому крестьянству, его подвигу, его умению, несмотря на тяжелые условия жизни, созидать ее, создавать своими руками новые поселки и города. Поэтому писательница показывает целую дискуссию по поводу выбора названия поселка. Первоначально Сумлинский и жители поселка предложили назвать его *Вила*, наименованием-акронимом, образованным от начальных букв имен основателей поселка: Вольф, Иван, Лука, Авдей. Так жители поселка решили отдать дань уважения людям, которые, благодаря своему труду и талантам, спасли в первую холодную и голодную зиму их сибирской жизни от смерти всех поселенцев. Но само звучание слова *Вила* показалось Игнатову буржуазно-контрреволюционным. И посёлок было решено назвать *Семь рук*, потому что на четверых основателей посёлка было только семь рук: Авдей был однорукий. Как видим, семантика этого названия очевидна и прозрачна: посёлок, построенный руками, потом и кровью первых его поселенцев, бывших людей, как называли их представители Советской власти.

Гузель Яхина показывает, как командно-административная система, её безразличие к судьбе отдельного человека и целого поселка воздействуют на традиции именованя новых поселений. Невнимательная секретарша пропустила в слове мягкий знак, и получилось слово *Семрук*, но и это искажённое название много говорило жителям поселка. Профессор Шур В. В. подчёркивал, что «даже обычный оним (имя, фамилия, прозвище, топоним), попадая по замыслу писателя в художественный текст и становясь там поэтонимом – элементом творческого воплощения и компонентом ономастического пространства произведения, на

фоне широкого контекста активизирует свои семантико-стилистические, ассоциативные, коммуникативные, коннотационные, кумулятивные качества и функции. Если же писатель ещё и «подправляет» оним, изменяет его с учётом художественной идеи, тогда такой трансформированный поэтоним часто становится определяющим, доминирующим элементом художественного произведения» [3, с. 13].

Как признавалась сама писательница, название *Семрук* – плод авторской фантазии. Такого посёлка на карте Сибири не существовало. А городок, основанный раскулаченными крестьянами, среди которых была и бабушка писательницы, именовался Пит-городок. Таким образом, топонимы играют в контексте романа Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» важную стилистическую, смыслообразующую и композиционную роль.

Таким образом, язык романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» имеет полифоническую природу: выявляет стихию национальной татарской жизни, подчёркивает значение общекультурных ценностей для духовного здоровья общества, отражает культурный уровень функционеров, является воплощением процессов, происходящих в советской топонимике.

Список литературы

1. Басинский П. Невероятное. Очевидное // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2015/05/25/basinsky.html> (дата обращения: 19.05.2020).
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 4. 684 с.
3. Шур В. В. Уласнае імя ў соцыуме і мастацкім тэксце: манаграфія. Мінск : Інстытут радэялогіі, 2015. 300 с.
4. Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза : роман. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. 508 с.

Информация об авторе: *Сузько Елена Владимировна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь).

«СЫНГАН КЫЛЫЧ» РОМАНЫНДАГЫ КИЙИМ-КЕЧЕК АТАЛЫШТАРЫНА ЛЕКСИКА-СЕМАНТИКАЛЫК ТАЛДОО

Ток Нефзат

г. Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Бул макалада Т. Касымбековдун «Сынган кылыч» романындагы кийим-кечек аталыштарына лексика-семантикалык талдоо жүргүзүлөт. Чыгармадагы кийим аталыштары лексикалык топторго бөлүштүрүлүп, этимологиялык мааниси берилип, тиешелүү мисалдар менен белгиленет. Жазуучунун конкреттүү доордогу элдин жашоо-тиричилигин сүрөттөө үчүн кылдаттык менен тандап алынган кийим-кечек аталыштарын пайдалангандыгы аныкталат.

Өзөктүү сөздөр: аталыш, лексика-семантикалык топ, маани, этимология, тарых, коом, кийим, лексика

Для цитирования: Ток Нефзат. «Сынган кылыч» романындагы кийим-кечек аталыштарына лексика-семантикалык талдоо // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 371–376.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ ОДЕЖДЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Т. КАСЫМБЕКОВА «СЛОМАННЫЙ МЕЧ»

Ток Нефзат

г. Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Проводится лексико-семантический анализ названий одежды в произведении Т. Касымбекова «Сломанный меч». Выделяется лексическая группа названий одежды, определяется этимология слов, встречающихся в историческом произведении. Автор анализирует умение писателя использовать исторические названия кыргызской одежды для описания конкретного события.

Ключевые слова: название, лексико-семантическая группа, значение, этимология, история, общество, одежда

Кыргыз элинин сөз байлыгы бир шилтем макалдардан тартып улуу эпос “Манаска” чейинки материалдарда катылып жатат. Аларды изилдөө иштери бүгүнкү күндө өтө актуалдуу жана кечиктирилгис милдеттерден болуп сакталат.

Кыргыз элинин улуулугун, жөнөкөйлүгүн, байыркылыгын, кулк-мүнөзүн, үрп-адатын, салт-санаасын, турмуш-тиричилигин, маданиятын, ой жүгүртүүсүн, жаратылышка болгон мамилесин сөз сыйкыры менен даңазалап келген. Ч. Айтматов, Т. Сыдыкбеков, М. Элебаев, К. Жантөшев, К. Баялинов, сыяктуу жана башка улуу жазуучулардын катарында Т. Касымбеков турат. Анын “Сынган кылыч” романы-атпай кыргыз журтунун сыймыгы. Анткени, анда сөз сыйкыры бар. Бүгүнкү күндүн, же келечек кылымдын адамдары “Сынган кылычты” окуса, ошол мезгилге түшүп, ошол мезгил менен жашаарында шек жок.

XIX кылымдагы кыргыз элинин жана алар менен аралаш, канатташ жашаган башка элдердин турмушун чагылдырууда автор лексикалык бай материалдарды кылдаттык менен көркөм чеберчиликте колдоно билген. Алардын

бир үзүмү катары турмуш-тиричиликке байланыштуу лексикасын, анын ичинде кийим-кечек аталыштарын алсак болот. Кийим-кечек аталыштары элдин турмушун объективдүү түрдө, реалдуу чындыкта берүүдө негизги тилдик каражат катары пайдалангандыгын көрөбүз.

Романдагы кийим-кечек лексикасы ошол доордогу элдердин жашоосундагы эң зарыл нерселерди туюндурган жана тилдин системасында туруктуу жашаган сөздөр катары милдет өтөйт. Адам турмушу кийимден сырткары калбайт.

Т. Касымбеков конкреттүү доордогу элдин жашоо-тиричилигин сүрөттөө, үчүн кылдаттык менен тандап алынган кийим-кечек аталыштарын пайдаланат.

Кийим-кечектин жана алар тигилген кездемелердин аттарынан **манат, быязы, быязы чепкен, бенарес, паттайи кепич кундуз бөрк, кымкап, макмал топу, желбегей, булгаары кепич, камзол, ботокур** ж. б. колдонгон. Мисалы, “Кызыл манат тышталган төбөсү бийик кундуз бөрк кийген.”, “Унчукпай тоолуктардын кымбат саналган ак төөнүн жүнүнөн жасалган **быязы чепкенин** апкелдирип казыйдын ийинине салдырды.”, “Нүзүп беренестин **кызыл кымкабын** кийген.”, “**Макмал топучан, узун этек жука кымбат желбегей, апкыты жапыс кызыл булгаары кепич паттайи**”. Ушулар менен бирге романда сырт кийимдин аты катары **камзол** деген сөз көп ирет колдонулат: “...Тик жака кызыл манат **камзол** кийип, белине чымкый көк **ботокур** оронгон.”, “Даяр коюп койгон ак **быязы камзолду** Бекназарды ийинине жапты” ж.б.

Элдин аза күтүү үрп-адатына байланышкан **көк көйнөк, кара жоолук, кара** сыяктуу этнографиялык мүнөздөгү лексемаларды да турмуштук лексикага киргизебиз. Например: 1. “Куу таалайынан, **кара такыя, көк көйнөк таалайынан качып, ... чымырканып качып баратты**”. 2. Башына **кара** чүмкө п, терс каратып, чачын кардай жайып отурган кайненесинин катарына алып келишти.

Мындагы **кара такыя, көк көйнөк** аталыштары кайгынын, **кара** лексемасы аза күтүү белгисин билдирди. Жогорудагы мисалдардан көрүнгөндөй, өткөн замандын оор турмушун чоң чеберчилик менен элестүү сүрөттөй алган Т.Касымбековдун бул романында азыркы окурмандарга таптакыр түшүнүксүз сөздөр дээрлик жок. Анткени автор өткөн турмушту сүрөттөө үчүн сөздөрдү өтө кылдаттык менен иргеп алган, **тарыхый экзотиканын** артынан кууган эмес. “Тарыхый экзотиканын, башкача айтканда, эмне болсо да азыркыга окшобогондордун артынан кууган жазуучулар тарыхый окуялардын маанисин түшүнүүнү кыйындатып, өткөн менен азыркынын ортосуна өзү үчүн капыстан эле жолтоо түзүп алат”

Турмуш-тиричиликке байланыштуу сөздөрдү анчалык көп эмес санда тандап алууну жөн гана кокустук катары эсептөөгө болбойт. Бул жерде бардыгы чыгарманын идеялык максатына багындырылган. “Сынган кылыч” романынын негизги идеясы – Кокон хандыгынын мезгилиндеги кыргыз элинин социалдык-экономикалык абалын көркөм сүрөттөп берүү аркылуу Түштүк Кыргызстандын Россиянын составына киришинин тарыхый себептерин, шарттарын ачып көрсөтүү. Ошондуктан автор тарыхый экзотиканын артынан куубастан, колдонуудан чыгып калган нерселерди атаган сөздөр менен чыгарманын тилин оордопостон, сүрөттөлүп жаткан доордогу коомдун социалдык-экономикалык структурасы менен байланыштуу сөздөрдү кеңири пайдаланууга мүмкүнчүлүк түзгөн [2, 56].

Ошондой болсо да профессор Ж.Мамытов “Сынган кылыч” романындагы **камзол** кийим аталышынын колдонулушуна карата мындай адилеттүү оюн билдирет: “Ушулар менен бирге романда сырт кийимдин аты катары **камзол**

деген сөз көп ирет колдонулат”: “Тик жака кызыл манат **комзол** кийип, белине ботокур оронгон...”, “Даяр коюп койгон ак быязы **камзолду** Бекназардын ийинине жапты” ж.б. Бул сөз **кемсел**, **кемсал** түрүндө бүгүнкү күндө да кыргыз тилинде учурайт. Бирок биздин пикирибизче, бул сөздүн романда колдонулушу орунсуз. Анткени, **камзол** кыргыз тилине орус тилинен кирген. Орус тили бул сөздү 18-кылымдын башында немец тилинен кабыл алган. Ал өз кезегинде италия тилинен алынып, түпкү чыгышы боюнча латын тили менен байланыштуу экендигин орус тилинин этимологиялык сөздүгү ырастайт. Демек, чыгармада сүрөттөлүп жаткан түштүк кыргыздардын али Россиянын составына кошула элек кезинде жергиликтүү элдин арасында Европалык (же орусча) формада тигилген кийимдин жана аны атаган сөздүн ушунчалык кеңири тарашы күмөн туудурат. Ошондуктан бул сөздүн “Сынган кылычта” колдонулушун өз мезгилине ылайыксыз пайдаланылган анахронизм катары баалайбыз [2, 30].

Бирок биздин пикирибизче, романда **камзол** түрүндө эмес, кемсел формасында колдонулганда чындыкка жакын болмок. Себеби, кыргыздар орустар менен XIX кылымда алакалаша баштаган учурунда эле, орус тилинен бир **катар кровать, бутылка, хомут, самовар** сыяктуу сөздөр кыргыз тилине **керебет, бөтөлкө, каамыт, самоор** болуп тилдик өзгөчөлүккө ылайыкташып, өздөштүрүлүп кабыл алынгандыгы белгилүү. Ошол сыңары **камзол** камзол формасында эмес, **кемсел** түрүндө колдонулушу толук мүмкүн.

Ошону менен бирге эле жазуучу тарыхый көркөм чыгармада элдин эсинен эчак чыгып калган кийим-кечек аталыштарын да колдонгон. “Сынган кылыч” романында мындай сөздөр бир топ учурайт. Өткөн турмуштун элесин берүү үчүн азыркы тилибизде жолукпаган бул сыяктуу сөздөрдү өзүнүн чыгармасына киргизүү менен, автор алардын маанилери окурмандардын кеңири массасына түшүнүктүү болушу жөнүндө кам көрөт.

Романда бир-эки жерде эски согуш кийимдерин атаган маселен, **зоот, туулга** деген аталыштагы историзмдер колдонулат. “*Куралканасына киргенде, тизилип турган мылтыктарды, сабы күмүштөлгөн кылычтарды, зоотторду бир сыйра кыдырышты*”, “*Ясаулбашы тагдырына сыйынды: көк чалма менен башын ороп, кара темиртуулгакийип, бир кубарып, бир шерденип карап турду*”. Мындан башка согуш кийимдери жөнүндө чыгармада сөз болбойт. Бирок ушунчалык көп согуштук көрүнүштөр сүрөттөлгөн тарыхый көркөм чыгармада мындай учурдун реалдуу элеси зыян тартпайт. Айрым учурда муну деталдаштырып отурбастан, **жоо кийимчен** деген жалпылаштыруу менен гана чектелет. Мисалы, “*Кудаярхан бурулуп карап, алдында таазим кылып турган экинчи уулун көрдү. Жаши жигит шыңга бойлуу, келбеттүү. Жоо кийимчен*”.

Т. Касымбеков сүрөттөлгөн мезгилге жараша даражаларга байланыштуу историзмдерди тандоодо да автордук мыкты чеберчиликти көрсөткөн. Мисалы, бий, датка, казый деген сөздөрдү өз орду менен колдонулган. Алар – элдик оозеки чыгармалар жана башка адабий көркөм чыгармалар аркылуу жалпы эле кыргыз окурмандарына түшүнүктүү сөздөр. Ал эми **кара чапан** деген сөздүн мааниси кийим аталышын билдиргени менен, романда элдин аталышы түшүнүгүн да алып жүрөт. Муну төмөнкү сүйлөмдөрдүн маанисинен ачык баамдоого болот: “... *А сарт атыгып кеткен, отурукташкан жааты көбүнчө кара чапан кийинишкен.*” же “... *Кара чапан эле дейсиң, кара чапанды ал элге сен кийгизгенсиң, Мусулманкул. Кара чапан деп сен атыктыргансың, Мусулманкул... Тили, кейпи, кайгысы, кубанычы бир элбиз*” (Алмамбеттин кебинде) деген сыяктуу автордук баяндоо же каармандын кеби аркылуу чебердик менен чечилген, чыгарманын өзөгү менен эриш-аркак болуп бириккен контексттик түшүндүрүүлөр турганда, дагы кошумча түрдөгү шилтеме артык баштык кылат,

ал окурмандардын чыгарманы органикалык түрдө бирдиктүү кабыл алуусуна кедерги болот.

Т. Касымбековдун «Сынган кылыч» романынын материалдарында колдонулган кийим-кечек аталыштарына лексика-семантикалык анализ жүргүзүүдө, анда колдонулган кийим-кечек аталыштарынын ичинде бир нерсеге окшоштуруп, кейиптештирип атаган (**метафора**) сөздөр учураганын белгилейбиз. Мисалы, **бел+бак** («бел» – дененин жамбашка жакын ичкерээк тартып кеткен арка жак бөлүгү), **кырг. алт. кур; каз. белбаг, өзб. белбаг. Көк** – малдын чылгый ийленилген териси – (көк бото кур).

«Сынган кылыч» чыгармасынын материалында калькалоо жолу менен алынган кийим-кечек аталыштары да учурайт. Мисалы, **аскердик мундир камзол, кепич ж. б.** Түрк тилдери генеологиялык турпаты жагынан тектеш болгондуктан, айрым сөздөр берген маанилери боюнча **параллель** колдонулат. Мисалы: **кыр., алт. тебетей «жылуу баш кийим; каз. бөрүк; кыр., алт. мээлей, каз. өзб. колгап – «мээлей»; кырг. жоолук, каз. оромол – «жоолук»; каз. көрпе, өзб. көрпө ж.б.** Бир нерсенин каймана маанисиндеги аталган (**метонимия**) аталыштары да кездешет. Мисалы, **көрпө тебетей көрпө – майда үй жаныбарынын терисинен жасалган баш кийим. Булгаары өтүк – булгаары теринин калың түрү.**

“Сынган кылыч” романындагы **малакай, топу, көк манат топу, тебетей, чоң тебетей, көрпө тебетей, калпак, ак калпак, селде, көк селде, чалма, бөрк, суусар бөрк, кементай** жана башка кийим аталыштары; **чапан, сары чапан, кара чапан, ала чапан, кымкап, сары кымкап, кызыл кымкап, кара кымкап, сарпайы, тон, кара тон, ичик, киш ичик, чепкен, быязы чепкен** жана башка сырт кийимдери; **чоко, көк чокой, чуштуйган чокой, өтүк, көн өтүк, көк өтүк, чарык, көн чарык, маасы ж.б.** бут кийим аталыштары каармандардын сырткы көрүнүштөрүн, кебете-кешпирлерин сүрөттөп берүү милдетин гана аткарбастан, кейипкерлердин кулк-мүнөздөрүн, жашоо-турмуш абалдарын, ошол мезгилдин өзүн сөөлөттүүлүк, даражалуулук, кембагалдык турмушту да кошо чагылдырат. Ар бир аталган кийим лексика-семантикалык өзгөчөлүккө ээ болуп турат; б. а. **көк чокой** менен **көн чокойдун, чарык** менен **чокойдун, тебетей** менен **көрпө тебетейдин, топу** менен **малакайдын** жана башка лексика-семантикалык кескин айырмачылыктары бар, аткарган кызматтары да ар башка. Ал айырмачылыктар адамдарды классификациялап, жашоо-тиричиликтен, социалдык абалдарынан конкреттүү маалыматтары алууга болот.

Ар түрдүү улуттардын ортосунда болгон экономикалык, маданий жактан болгон байланыштар аларды бири-бири менен болгон тилге да зор таасирин тийгизет. Ошондуктан тилдик лексикалык составында өзүбүздүн төл сөздөр менен бирдикте, башка тилдер менен болгон карым-катыштын натыйжасында белгилүү бир өлчөмдө түрк тилдеринде параллель сөздөр, араб, иран ж.б. тилдерден өздөштүрүлгөн сөздөр пайда болот.

Кыргыз эли узак кылымдарга созулган тарыхында көптөгөн башка элдер менен карым-катышта болуп келген. Андай байланыштар жалаң гана элдин турмуш-тиричилигине, жашоо ыңгайына, психикасына, үрп-адаттарына, рухий көз караштарына таасир тийгизбестен, анын тилине да из калтырганын көрөбүз. Ал эң алды менен негизинен тилдин ийкемдүү жана дайыма толукталып, өзгөрүп турма бөлүгүндө – лексикасында сакталып калган. Андай сөздөрдүн ичинде жакын жана алыс тектеш тилдерден кабыл алынгандары да, тектеш эмес тилдерден өздөштүрүлгөндөрү да бар. Алардын жалпы көлөмү да бирдей эмес. Кыргыз тилине лексикалык жактан таасир тийгизген тектеш тилдер – алтай, хакас, тува, казак, өзбек жана уйгур, ошондой эле алыс тектеш тилдерден монгол

тилдери болсо, тектеш эместеринен араб, иран (тажик) жана орус тилдерин көрсөтүүгө болот. Ошону менен бирге аларга кыргыз тилинин белгилүү өлчөмдө таасир тийгизиши да талашсыз. Башка тилдерден кабыл алынган өздөштүрүүлөрдүн сан жагынан эне тилдин өздүк менчиги – төл сөздөргө караганда алда-канча аз болорун баса көрсөтүүгө туура келет.

Тилдеги сөздөрдүн бардыгы биригип, тилдин лексикалык бөлүгүн түзөрү белгилүү. Демек, башка тилдер менен болгон карым-катыштын негизинде тилдин лексикасы жаңы сөздөр, терминдер менен, башка тилдерден кабыл алынган сөздөр менен тынымсыз байып, жаңы сөздөр менен такталып, толукталып турат. Мисалы, «Сынган кылыч» романынын материалдарында кийим-кече аталыштары башка тилдерден кабыл алынган учурлар да кездешет. Мисалы, **монгол тилинен өздөштүрүлгөн кийим-кече аталыштар: ак олпок** – көрпө, бурятча *олбок* – мамык олбок, монголчо *олбог* – мамык; **өнүр** – кийимдин алдыңкы эки жагы (черик уруусунда – *бөйрөмчө*), монг., якутча *өңөр* (жогорку мааниде); **тулуп** – малдын туюк союлган терисинен жасалган буюм, бурят, монг. *тулам*, түрк тилинде *тулум* (туюк союлуп, ийленген тери, тулку бой деген сөздүн уңгусу да болот); **торко** – жибек кездеменин бир түрү. бурят, монг. *торго*, *торгон* – жибек кездеме, якут., *торго*, *торгу* – кездеме ж. б. [1].

Араб тилинин өздөштүрүлгөн кийим-кечек аталыштары: маасы / махси – жука булгаарыдан тигилген бут кийим – кыргыз тилинин тыбыштык законуна баш ийдирилип, фонетикалык өзгөрүүгө учураган. Мындай өздөштүрүүлөр, төл сөздөрдөгүдөй эле, жаңы маанидеги туунду сөздөрдүн жасалышына база боло алышат. Мисалы, **маасычан**;

Иран тилинен өздөштүрүлгөн кийим-кечек аталыштары: алар маани жагынан ар кандай түшүнүктү билдирет. Мисалы, **башайы** – *жибек – кездеменин бир түрү, даки* – жука – ак кездеме, **дасмал** – *дасторкон – кол жоолук, кепиш* – *галош* сымал булгаары бут кийим ж. б.

Орус тилинен өздөштүрүлгөн кийим-кечек аталыштары: Мисалы, *көлөч / галош, желетке / жилет, тырайке / трико, саржа / саржа, бостон / бостон, бархат / бархат* ж. б.

Лексика – тилдин эң активдүү, коомдук жашоонун бардык чөйрөсүн бирдей тейлеген жана курчап турган чөйрөнү бирдей чагылдырган тил системасынын бөлүгү. Түрк тилдериндеги орток лексиканын сакталышы, колдонулушу, семантикалык жактан өзгөрүү процесстери тилдин тарыхый мүнөзүн аныктоодо маанилүү илимий жыйынтыктарды берет. Мисалы, кийим-кечек аталыштары: **атлас, билерик, тон, бөрк, этек ж. б.** [2, 76].

Кыргыз жана түрк тилдеринде эски уңгу катары сакталган **бөрк** уңгусу мааниси аз өзгөргөн түрдө жашап келет. Кыргыз тилинде бул аталыштын түз мааниси жана анын негизинде метафоралык кубулуш катары “мыктын баш жагындагы бөлүгү” мааниси да пайда болгон. Түрк тилиндеги уңгунун бир гана негизги мааниси бар, болгондо да “жаныбарлардын терисинен иштетилген баш кийим” түшүнүгү берилет: **бөрк**. 1. Тебетей, баш кийим. *Көк сүлөөсүн бөрк кийген. börkis. Genellikle hayvan postundan yapılan başlık: “Alınna bir şaplak atıp börkünü geri itmişti”.* –M.N.Sepetçioğlu. Кыргыз тилинде да, түрк тилинде да кийимдердин бөлүктөрүн туюндурган аталыштар да сакталат. **Конч**сөзү буга далил боло алат. **Конч**. Зат. Бут кийимдин апкытынан өйдөгү бөлүгү. **Konç is** Ayağa giyilen şeylerde ayak bileğinden baldıra doğru olan bölüm: *Çorap koncu. Çizme koncu. Кончбутка салынган байпак.*

Семантикалык жактан эки сөздүн маанилери бирдей сакталган. Эки тилде тең эскирген сөздөр катары эсептелген аталыш – **кебенек** болуп саналат. Кыргыз тилинде бул кийимдин аталышы **кеменек, кебенек, кементай, гивенек** сыяктуу

диалектилик түрлөргө ээ. Ал эми түрк тилинде эки формасы сакталуу: **Кебенек. Кементай** менен бирдей. Кийизден жасалган, малчылар кийүүчү кийим. **Kebenek I kerenek is.** Çobanların omuzlarına aldıkları dikişsiz, kolsuz, keçeden üstlük, aba.

Колдонулган адабияттар

1. Кыргыз тилинин сөздүгү. Бишкек, 2016. 1460 б.
2. Мамытов Ж. Көркөм чыгарманын тилинин кээ бир маселелери. Каракол, 2007. 63 б.

Информация об авторе: *Ток Нефзат*, преподаватель турецкого языка Кыргызско-турецкого лицея «Сапат» имени Ж. Баласагына, аспирант (г. Бишкек, Кыргызстан).

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНТРАСТА В ЛИРИКЕ В. Д. АГАПОВА

Т. С. Щеголихина

г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются стилистические особенности контраста в лирике известного пензенского поэта В. Д. Агапова (антитеза, акротеза, амфитеза, антанагога, оксюморон). Анализируется специфика их выражения, связь с тематическим и идейным содержанием лирических произведений. Показана связь способов выражения контраста и мировосприятия поэта.

Ключевые слова: контраст, лирика, идиостиль, противопоставление, антонимизация, оксюморон, антитеза, амфитеза, акротеза, антанагога

Для цитирования: Щеголихина Т. С. Стилистические особенности контраста в лирике В. Д. Агапова // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 377–381.

Художественный текст, как и любая иная система, строится на принципах близости и противопоставленности. Оппозиция – один из важнейших принципов художественного освоения мира. По мнению Л. С. Выготского, в тексте художественного произведения всегда заложено противоречие, «внутреннее напряжение между формой и содержанием» [8, с. 13]. Это противоречие, внутреннее напряжение выражается в системе изобразительно-выразительных средств и реализуется, по мнению Н. А. Купиной, Э. С. Азнауровой, В. П. Одинцова и др., на основе принципа контраста. Этот принцип является эффективным способом выражения эмоций и размышлений в творчестве известного пензенского поэта Виктора Даниловича Агапова.

Контрастные отношения лексических единиц, выявляемые в поэзии В. Д. Агапова, не получили достаточного освещения в лингвистической литературе, как и его творчество в целом. В этом заключается актуальность исследования, целью которого является анализ языковых особенностей выражения контраста в творчестве известного пензенского поэта. Объект исследования – поэтические тексты Виктора Даниловича Агапова, предмет – способы выражения контраста в его творчестве.

Материалом для исследования послужили стихотворения, представленные в сборнике поэта «Надежда» (1992 год). Проанализировано 125 стихотворений, в 78 из которых методом сплошной выборки обнаружен прием контраста.

Можно без всякого преувеличения сказать, что противоположность как понятие является одним из характерных проявлений природной склонности человеческого ума и лежит в основе различных представлений в обыденной жизни, научном познании, философских построениях, этике, эстетике, религии [4, с. 7]. Термин «контраст» используется очень широко, однако, несмотря на это, не получил строгого определения. Он трактуется исследователями как:

- 1) резко выраженная противоположность в каком-либо отношении [1, с. 11];
- 2) как взаимное противопоставление синтагматически соположенных единиц [2, с. 207];
- 3) как фигура речи, состоящая в антонимировании лексико-фразеологических, фонетических и грамматических единиц [2].

Отметим, что контраст, выдвигая на первый план черты несходства, противоположности, обеспечивает цельность и связность всего текста. Многие языковеды, затрагивающие в своих исследованиях проблему контраста, сходятся в том, что он представляет собой «стилистический принцип развертывания речи, заключающийся в динамическом противопоставлении двух содержательно-логических, а также структурно-стилистических планов изложения» [6, с. 115]. То есть контраст имеет двучленную структуру. Она является обязательным условием существования контраста, который находит свое выражение в системе разноуровневых оппозиций (лексических, стилистических, синтаксических) и функционирует как один из видов семантико-стилистической организации текста.

Последнее определение прямо связывает понятие контраста с антонимией – основным способом его выражения. Антонимия играет важную роль, передавая в художественном тексте авторские идеи, позволяет рельефно изобразить действительность, раскрыть диалектику души лирических героев. Языковая сущность антонимии заключается в «выражении функции противоположности, поляризации слов в тождественных позициях» [5, с. 326-327]. Таким образом, антонимы представляют собой слова, максимально приспособленные для выражения этой функции, поскольку «они противопоставлены по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку» и находятся на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы [8, с. 15].

Кроме антонимов, являющихся языковым явлением, лингвистической базой контраста выступают антонимированная лексика разных частей речи, межчастеречные антонимы, контекстно противопоставляемые слова, подвергающиеся процессу антонимизации в условиях данной речевой ситуации [8, с. 18].

В современной лингвистике нет общепринятой точки зрения на классификацию, природу и терминологическое определение контрастивных фигур. В данной статье будет рассмотрено четыре стилистических фигуры: 1) антитеза; 2) акротеза; 3) оксюморон; 4) антанагога; 5) амфитеза. Подробное описание этих фигур находим в работах Л. А. Введенской, Л. А. Матвиевской, В. П. Москвина и др.

Антитеза – достаточно часто встречающаяся в творчестве В. Д. Агапова стилистическая фигура, построенная на контрасте. М. М. Халиков полагает, что антитезу можно рассматривать как первичную, основную и наиболее естественную семантико-стилистическую функцию антонимов [3, с. 55].

Под антитезой понимается «стилистическая фигура контраста, заключающаяся в резком противопоставлении понятий, положений, образов, мыслей для усиления выразительности в художественной речи» (Квятковский); «фигура речи, состоящая в антонимировании сочетаемых слов» (Ахманова); как «одна из фигур речи, а именно стилистический прием усиления выразительности за счет резкого противопоставления, контраста понятий или образов» (Матвеева) [3, с. 59]. Главное, что подчеркивается всеми исследователями, – это противопоставление проявлений одной и той же сущности (свойства, качества, состояния, процесса, отношения) и уточнение их различия, которое становится семантическим центром текстовой конструкции [3, с. 55]. Эта стилистическая фигура опирается на языковую и окказиональную (контекстуальную) антонимию и выражается у В. Д. Агапова одиночными словами, словосочетаниями, крайне редко целыми предложениями.

В творчестве В. Д. Агапова нередко наблюдается оксюморон – сочетание противоположных по значению лексических единиц, в результате которого возникает новое смысловое понятие. В отличие от антитезы смысловой контраст сочетающихся элементов характеризуется определенными структурными ограничениями: они находятся в зависимых друг от друга отношениях (предикативных, определительных или обстоятельственных). Оксюморон раскрывает противоре-

чивые стороны явления или двойственность состояния, настроения говорящего. Один из компонентов оксюморона выявляет объективно существующую особенность или качество референта, другой – служит для его субъективной характеристики. Семантическая несовместимость, сопровождаемая низкой степенью предсказуемости, порождает не только неожиданные сочетания слов, нарушающие привычные нормы сочетаемости, но и выявляет новые свойства референта. Непременным условием существования оксюморона является логическая несовместимость компонентов и, следовательно, отношения контраста между ними. В одном из компонентов обязательно прослеживаются метафорические отношения как установление в сообщении смысловой связи по сходству, отсылка и к прямому, и к переносному значению слова [4, с. 12–13]. Объединяют же два несовместимых компонента в оксюморон метонимические отношения, т.е. связь между явлениями устанавливается по смежности, свойства предмета переносятся на сам предмет, при помощи которого эти свойства обнаруживаются. Таким образом, оксюморон – это гибридная фигура по своей природе, система риторических отношений.

Рассказывает звездам тишина

Забытые народные преданья.

«Ну что ты все неправду говоришь?»

И кругами рая проходили

Тени бюрократов и вождей...

*** (О. Савину)

Среди проанализированных поэтических текстов достаточно часто встречается акротеза (9 стихотворений). Под акротезой понимают «подчёркнутое утверждение одного из признаков или явлений реальной действительности за счет отрицания противоположного» [7, с. 177]. Модель акротезы имеет два варианта:

1) А, а не А1 (высокий, а не низкий);

2) Не А, а А1 (не высокий, а низкий) [7, с. 178].

Ты видел древнюю страну?

Она молчит. Не шелохнется.

И слушает не тишину,

А вздох звезды и выдох солнца.

«Страну терзали на виду...»

Не ругали бы прошлую эру,

А работали все на износ.

Иванушке-дурачку

Желанного случайно повстречай

Не осенью, а раннею весною.

«Ты никогда ко мне не приходи...»

Говорить о любви не неволь,

Но послушать сегодня позволь,

Как стекается музыка к сердцу.

*Я, конечно, **трепач**. **Не скрипач**.*

Но ты больше, родная, не плач,

Закрывая цепочкою дверцу.

«Говорить о любви не неволь...»

Часто акротеза в анализируемых стихотворениях строится с опорой на окказиональные антонимы (*не осени звуки – лебединая песня души; трепач – не скрипач* и пр.) и призвана усилить эмоциональное восприятие стихотворения, правдиво отразить действительность. Особенностью идиостилия В. Д. Агапова

можно считать то, что, создавая контрастные образы, поэт нередко прибегает к приему асиндетона (отсутствие сочинительного противительного союза «а»):

Я не боюсь небесной высоты.
Души непредсказуемая доля...
Но я страшусь порою черноты
Распахнутого утреннего поля,
Что поселились на его груди
Не жаворонки, вороны распада,
Что ждут нас огорченья впереди
Заброшенного сельского уклада.

«Я не боюсь небесной высоты...»

Поднимаю за листьями руки,
Ты со мною полет соверши...
Словно это *не осени звуки, -*
Лебединая песня души.

«Поднимаю за листьями руки...»

Можно сделать вывод, что все эти стилистические приемы служат усилению восприятия поэтического образа, позволяют акцентировать внимание на наиболее важных, с точки зрения идейного содержания произведения, словах и фразах лирического героя.

Амфитеза встречается в проанализированных произведениях 29 раз и представляет собой прием, когда утверждается не один, как в акротезе, а оба противоположных явления или оба признака и тем самым явление или признак охватывается полностью, включая и среднее, промежуточное звено, если оно имеется. Довольно часто представляет собой устойчивое сочетание, состоящее из антонимов, соединенных сочинительным союзом и, который может повторяться [4, с. 12]:

Идет война умов и дураков,
А вместе с ней процесс уничтоженья.

*** (Г. Горланову)

Родительское теплое крыльцо
Мне говорит о *радости и боли.*

«Я бегал славить...»

И что сюда нас нынче повлекло?
Бегут за нами *радости и сплетни...*

*** (В. Зайцеву)

Амфитеза показывает многогранность поэтического образа, его диалектику, подчеркивает философский контекст произведения.

Этой же цели служит антаногога (47 стихотворений). Этот вид антитезы представляет собой уравнивание какого-либо утверждения противоположным аргументом:

Не убежать от снегопада,
На лыжах медленно ползу.
Но мне сегодня встретить надо
Твои *улыбки и слезу.*

«Снегопад»

Пусть злое время
Предъявляет счет.
Звезда любви
В просторах отгулявших.
Но жизнь не одинокая течет
Среди детей,
Из дома не сбежавших.

«Хоть были дни заполнены бедой...»

Использование такого контрастивного приема позволяет не столько противопоставить явления и факты действительности, сколько сопоставить их, подчеркнуть невозможность существования одного без другого. Так выражается диалектика мировосприятия.

Итак, в ходе исследования было выявлено, что самую большую группу составляет антаногога как языковое средство выражения контраста (47 стихотворений). В таких стихах Виктора Даниловича Агапова основная оппозиция представлена парами «пурга – тепло», «злое время – жизнь течёт», «хорошо – тревожит и гнетет» и др. Поэт стремился ярко и в то же время правдиво, зримо изобразить действительность. Иногда его стихи прямолинейны. Этому способствует также использованием антитезы, задача которой уточнить принципиальное различие предметов и образов.

Таким образом, стилистические средства выражения контраста в творчестве В. Д. Агапова достаточно разнообразны. Наиболее часто поэт использует собственно акротезу, антаногогу, амфитезу, антитезу, оксюморон. Все они воссоздают художественный мир стихотворных произведений поэта, передают его мировосприятие.

Список литературы

1. Андреева Г. В. Актуализация категории противоположности в художественном тексте // Актуальные проблемы стилистики декодирования, теория интертекстуальности в семантике слова и высказывания. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. С. 10–17.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
3. Кашицына Е. Г. Фигуры, построенные на основе контраста, в прозе М. И. Цветаевой // Вестник Пермского университета. 2014. № 2 (26). С. 52–62.
4. Кузнецова А. В. Фигуры контраста и их функции в творчестве М. Ю. Лермонтова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Ростов н/Д., 1998. 27 с.
5. Новиков Л. А. Противопоставление как прием // Филологический сборник. М. : ИРЯ, 1995. С. 326–335.
6. Одинцов В. В. Стилистика текста. М. : Наука, 1980. 263 с.
7. Сазонова В. А. Акротеза как стилистическая фигура (на материале прозы А. П. Чехова) // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2011. № 1. С. 177–179.
8. Станиславская С. А. Контраст как принцип организации поэтического текста (на материале ранней лирики А. Ахматовой и Н. Гумилева) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Саратов, 2001. 195 с.

Информация об авторе: *Щеголихина Татьяна Сергеевна*, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

ГЛАГОЛЬНЫЕ ДЕРИВАТЫ СЛОВА *КАЯТЬСЯ* В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Д. Б. Балаш

г. Гомель, Беларусь

Аннотация. Рассматривается своеобразие морфосемантики глагольных дериватов лексемы *каяться* в творчестве Ф. М. Достоевского. Исследование показывает, что автор демонстрирует многогранность понятия «покаяние». Лексемы однозначны или являются полисемантами. Оригинальным является значение «молиться». Результаты исследования могут использоваться при изучении идиостиля писателя.

Ключевые слова: Достоевский, каяться, покаяться, раскаяться, закаяться, покаяться, раскаяние

Для цитирования: Балаш Д. Б. Глагольные дериваты слова *каяться* в творчестве Ф. М. Достоевского // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 382–386.

В 2021 г. исполняется 200 лет со дня рождения и 140 лет со дня смерти Ф. М. Достоевского. Читая произведения Ф. М. Достоевского, мнения о его жизни и творчестве, наш современник погружается в мир идей блестящего русского художника слова. О чем бы он ни писал, повсюду скрыт ключ к тайне: что значит быть человеком? Н. А. Бердяев заметил, что «в романах Достоевского нет ничего, кроме человека и человеческих отношений. Это должно быть ясно для всякого, кто вчитывался в эти захватывающие дух антропологические трактаты. <...> Там раскрывает Достоевский человеческую бесконечность, бездонность человеческой природы. Но и в самой глубине, на самом дне, в бездне остается человек, не исчезает его образ и лик» [3]. Преподобный Иустин (Попович) уточнил, что у Ф. М. Достоевского речь идет о человеке, который решает «вечные проблемы»: существует ли Бог и бессмертна ли душа. Решение «вечных проблем» – главная мука, которой, вольно или невольно, мучаются и положительные, и отрицательные герои произведений. В свете этих проблем они подходят ко всем остальным вопросам. Без решения этих проблем нельзя представить и самого автора: «Существование Бога – главный вопрос, которым я всю свою жизнь мучился, сознательно и неосознанно» [5]. Эти размышления видны читателям, независимо от времени их жизни и национальности, возраста и пола, культуры и вероисповедания.

М. В. Сабашникова пишет в своих воспоминаниях, что Р. Штейнер о Ф. М. Достоевском сказал однажды: «В покаянной рубахе он стоит перед Христом за все человечество» [9]. И не потому, что писатель за всех калялся, нет. Он пытался понять человека. Хотел помочь читателю увидеть возможность отказаться от греха. Для этого он был рядом со своими героями. Г. С. Померанц замечает: «Каждый роман Достоевского – исповедь. Он не обличает Раскольникова, Рогожина, Ставрогина; он вместе с ними проделывает мучительный путь от помысла к преступлению – и вместе с ними ищет дорогу к покаянию» [7, с. 13]. Этот путь Г. С. Померанц называет *credo*, которое красной нитью проходит в большинстве тек-

стов Ф. М. Достоевского. И на этом *credo* основано мировое значение Ф. М. Достоевского [7].

Преосвященный Антоний, митрополит Киевский и Галицкий, в 1921 году писал в «Словаре к творениям Достоевского»: «Достоевский был по преимуществу, проповедником христианства, а потому доступен и понятен для просвещенных читателей всякого народа» [8, с. 76]. Жизнь и творчество писателя не раз являлись предметом библиографических и биографических пособий, созданных на протяжении всего XX века и продолжающих выходить в свет до сих пор. В рамках данной статьи будет проанализировано одно из важнейших христианских понятий – «покаяние», которому в творчестве Ф. М. Достоевского отведено не последнее место.

На синхронном срезе лексема *покаяние* входит в словообразовательное гнездо с вершиной *каяться* и является его смысловым ядром. Авторы современных толковых словарей доминантным для лексем данного гнезда указывают значение ‘осознав, что поступил неправильно, испытывать *сожаление* об этом’ [10]. Интересен тот факт, что лексикографы толкуют значение слов данного гнезда через дериваты: *каяться* – ‘приносить покаяние’, ‘раскаиваться’; *покаяние* – ‘раскаяние’; *раскаиваться* – ‘каяться, приносить покаяние’ и под. [10]. Модификационное значение префиксов обуславливает семантику производных глаголов: *покаяться* – ‘полное или частичное завершение действия’, совершаемое однократно и «вдруг»; *раскаяться* (*раскаиваться*) – ‘разнонаправленное действие’, повторяющееся или протяжённое во времени. Возможно, в семантике таким образом фиксируется рефлексия субъекта: в покаянии – решение изменить жизнь; в раскаянии – разносторонний анализ своего поведения [2].

Исторически и этимологически первой была форма *каять* – ‘мстить, порицать, осуждать, искажать, причинять беспокойство, бранить, проклинать’. С приходом христианства появляется духовный смысл, действие перенаправляется, семантика меняется: *каяться* – ‘сожалеть, горевать’, ‘дивиться, смягчаться’, ‘приносить покаяние, сознаваться с сожалением’; ‘виниться’; ‘ныть, просить о чём-либо, канючить’ [1].

Возможность к покаянию имеет свои пределы. Человек кается однажды, как однажды принес Себя в жертву Христос (Евр 7:27; 9:12; 10:10) (здесь и далее ссылки даются по [4]). Наряду с покаянием, как поступком, совершаемым лишь однажды на пути обращения к Богу, существует повседневное раскаяние, каждый раз заново подтверждающее уже совершённое однажды «умерли со Христом» (Рим 6:8). Решение изменить свою жизнь не принимается каждый раз заново, но постоянно подтверждается и укрепляется. Если раскаяние не переходит в покаяние и не сопровождается верой и надеждой на прощение, то оно может привести к отчаянию или ко вседозволенности («в рай мне все равно не попасть»). Сознательное совершение тяжкого греха может сделать покаяние невозможным.

Поскольку основная часть населения Руси, принимая Крещение, не получила просвещения, то отсутствие стремления серьёзно менять жизнь привело к элементарному признанию вины, словесному выражению сожаления (от покаяния к извинению), а иногда и просто употреблению слова *каюсь* в качестве междометия или вводного слова.

Рассмотрим, семантику дериватов глагола *каяться* в текстах Ф. М. Достоевского. Начнём с вершины словообразовательного гнезда. По данным Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), в произведениях Ф. М. Достоевского лексема *каяться* представлена в 31 контексте. Чаще всего встречается значение ‘признаваться в чём-либо’. Это может быть просто признание – констатация факта; но может быть и откровенное признание в чём-то тайном; исповедь:

Всё это было ужасно низко, и я каюсь в этом (Дядюшкин сон); Иди же и не бойся. На людей не огорчайся, за обиды не сердись. Покойнику в сердце все прости, чем тебя оскорбил, примиришь с ним воистину. Коли каешься, так и любишь. А будешь любить, то ты уже и божея... Любовью все покупается, все спасается. Уже коли я, такой же, как и ты, человек грешный, над тобой умилелся и пожалел тебя, кольми паче Бог (Братья Карамазовы) [6].

Автор использует и другие значения:

– ‘осознание поступка, признание своей ошибки, просьба о прощении, желание исправиться’: *Сделай одолжение, прости меня; я сделала глупо и первая каюсь, потому что во всем люблю справедливость (Бесы 1872);*

– ‘сожаление о сделанном’: *Приступая к каждому рассказу, он уверял положительно, что кается и внутренне «полон слез», а между тем рассказывал так, как будто гордился поступком, и в то же время до того иногда смешно, что он и князь хохотали, наконец, как сумасшедшие (Идиот);*

– ‘молитва’: *Я со слезами на глазах вчера каялся перед Господом Богом, чтобы прости мне Господь все грехи мои в это грустное время: ропот, либеральные мысли, дебош и азарт (Бедные люди) [6].*

Писатель употребляет и причастие: *А об кающемся больше радости в небе, чем о десяти праведных, сказано давно (Братья Карамазовы) [6].*

Лексема *каяться* может выполнять функцию вводного слова: *Г-н Авсеенко давно пишет критики, несколько лет уже, и я, каюсь в том, всё еще возлагал на него некоторые надежды: «выпишется, думал я, и что-нибудь скажет»; но я мало знал его (Дневник писателя. 1876 год) [6].*

Рассмотрим глагольные дериваты первой ступени словообразования. Лексема *покаяться*, по данным НКРЯ, представлена в 15 контекстах. Среди них встречаются значения: ‘подумать, осознать и признать ошибочность своих поступков’, ‘признать вину и сознаться’, ‘честно рассказать’, ‘сожалеть о сделанном, испытывать чувство вины, просить прощения’, ‘помолиться’; *покаявшийся человек – тот, кто осознал своё поведение и исправился: Если же хотите, то, для ясности, покаюсь вполне: мне, в продолжение всей моей литературной деятельности, всего более нравилось в ней то, что и мне удалось ввести совсем новое словечко в русскую речь, и когда я встречал это словцо в печати, то всегда ощущал самое приятное впечатление... (Дневник писателя. Сентябрь – ноябрь 1877 года); Мимо –ской церкви прошел, перекрестился, во всех грехах покался да вспомнил, что недостойно мне с Господом Богом уговариваться (Бедные люди); Да я, может, в том ни разу с тех пор и не покался, а ты уже свое братское прощение мне прислал (Идиот) [6].*

Лексема *раскаяться* в произведениях Ф. М. Достоевского представлена в 23 контекстах в следующих значениях: ‘передумать, изменить мнение’, ‘осознать ошибочность взглядов и принять решение исправиться’, ‘сожалеть о сделанном’. Обратим внимание на контексты, где *раскаяние* неполное: *...ну предположите, что сама Юлия Михайловна впоследствии, и уже не в торжестве, а почти раскаиваясь, – ибо женщина никогда вполне не раскается – сообщила мне частичку этой истории... (Бесы); Тоцкий <...> откровенно сказал, что не может раскаяться в первоначальном поступке с нею, потому что он сластолюбец закоренелый и в себе не властен, но что теперь он хочет жениться, и что вся судьба этого в высшей степени приличного и светского брака в ее руках; одним словом, что он ждет всего от ее благородного сердца (Идиот) [6].*

В первом случае говорится о том, что человек вполне может сожалеть о чём-то, но даже сожалея о сделанном, находит что-то, что не хочет менять.

Во втором контексте – обратная ситуация: человек совершенно не сожалеет о совершённом поступке, но готов исправить ситуацию.

Обозначим также контекст, раскрывающий «тайники русской души»: *Ты, очевидно, раскаялся, а так как раскаяться значит у нас немедленно на кого-нибудь опять накинуться, то вот ты и не хочешь в другой раз на мне промахнуться* (Подросток) [6].

А твёрдая решимость исправиться выражается в лексеме *закаяться*. Префикс *за-* означает ‘находиться за чем-то’, например, за чертой. За гранью дозволенного (заврался): когда человек кается, но вины не чувствует, исправляться не собирается *закалялся пить от воскресенья до поднесенья* [10]. Но за чертой находится и тот, кто твёрдо решил исправлять свою жизнь, дал зарок, обещал впредь не делать что-либо. Именно это значение встречается в двух контекстах Ф. М. Достоевского: *Но тем и кончились раз и навсегда побои и не повторялись более ни разу во всю жизнь, да и Марфа Игнатьевна закалялась с тех пор танцевать* (Братья Карамазовы); *Только я с тех пор закалялся врать и не вру* (Село Степанчиково и его обитатели) [6].

От глагола *раскаяться* образуется *раскаиваться*. Данная лексема, по данным НКРЯ, представлена в творчестве Ф. М. Достоевского в 60 контекстах, в которых сохраняется сожаление, чувство вины, просьба о прощении, желание исправить(ся). В сочетании с частицей *не* лексема выступает не только в значении ‘не сожалеть’, ‘не чувствовать или не признавать вину’, но и ‘быть довольным, безразличным (сделал и забыл)’: *Знаю, слишком знаю, что слова мои могут показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что их высказал* (Дневник писателя. 1880 год).

Герои произведений могут раскаиваться вполне, отчасти или в шутку; раскаиваться и проклинать судьбу; признавать ошибку, но оправдаться, а то и гордиться собой: *Иностраннный преступник, говорят, редко раскаивается, ибо самые даже современные учения утверждают его в мысли, что преступление его не есть преступление, а лишь восстание против несправедливо угнетающей силы* (Братья Карамазовы); *О, он склонен к раскаянью, он всю жизнь непрерывно клянет себя и раскаивается, но зато никогда и не исправляется, впрочем, это тоже, может быть, как я* (Подросток) [6].

Подведём итог. Значения глагольных дериватов лексемы *каяться* в произведениях Ф. М. Достоевского совпадают со значениями, используемыми в быденной речи: ‘осознание’, ‘сожаление’, ‘признание’, ‘просьба о прощении’ иногда с желанием исправиться. Лексемы употребляются либо в одном значении, либо совмещают несколько: признаться – констатировать факт; рассказать сокровенное; сожалеть о сделанном; сожалеть и исправляться; признавать ошибку и просить прощения; сожалеть, но не хотеть исправить и т.д. Лексемы могут употребляться с частицей *не* и выступать в значении: не менять своё мнение; не сожалеть; не сожалеть, но предлагать возможность исправить обстоятельства и др. Твёрдая решимость исправления выражается у писателя лексемой *закаяться*. Оригинальным для лексем *покаяться* и *раскаяться* является значение ‘молиться’. Писатель иногда использует лексему *каяться* в функции вводного слова.

Человековед Ф. М. Достоевский акцентирует различные аспекты понятия «покаяние». Он может подшутить над нашей непостоянностью, но может и уверить в надёжности выбранного пути: *...генеральша Епанчина получила от старухи княгини Белоконской <...> письмо, и письмо это произвело на нее видимое действие. <...> В день получения письма она всех приласкала, даже поцеловала Аглаю и Аделаиду, в чем-то собственно пред ними покаялась, но в чем именно, они не могли разобрать. Даже к Ивану Федоровичу, которого целый месяц про-*

держала в опале, стала вдруг снисходительна. Разумеется, на другой же день она ужасно рассердилась на свою вчерашнюю чувствительность и еще до обеда успела со всеми перессориться, но к вечеру опять горизонт прояснился. Вообще целую неделю она продолжала находиться в довольно ясном настроении духа, чего давно уже не было (Идиот); Да и греха такого нет и не может быть на всей земле, какого бы не простил Господь воистину кающемуся (Братья Карамазовы) [6].

Покаяние в Православной Церкви именуется «вторым крещением», это примирение с Богом и совестью. С покаяния начинается возрождение. Умереть в безверии или сомнении и воскреснуть в вере – так можно кратко описать значение понятия «покаяния» для Ф. М. Достоевского. Он вместе с героями своих произведений ищет возможность избыть отчаяние, которое коренится в душе под воздействием сомнений и неверия и уверяет читателей в духовном воскресении, которое возможно через веру в Бога: «...Верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Ин. 11:25).

Список литературы

1. Балаш Д. Б. Обоснование семантической близости лексем покаяние и цена // XIII Машеровские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных. Витебск, 2019. С. 174–175.
2. Балаш Д. Б. Семантика глагольных дериватов лексемы каяться // Студенческие чтения : материалы студенческого симпозиума. Яссы, 2019. С. 277–281.
3. Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // Библиотека «Вехи». 2001. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/otkrov.html> (дата обращения: 06.02.2021).
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М. : Российское Библейское общество, 2006. 1337 с.
5. Дунаев М. М. Православие и русская литература : в 6 ч. // Официальный сайт М. М. Дунаева, 2013–2021. Ч. III. URL: <https://mdunaev.ru/knigi> (дата обращения: 04.02.2021).
6. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.02.2021).
7. Померанц Г. С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М. : Советский писатель, 1990. 384 с.
8. Преосвященный Антоній, митрополитъ Кіевскій и Галицкій. Словарь къ творениямъ Достоевскаго // Россійско-Болгарское книгоиздательство Софія. Париж : Издательство LEV, 1921. 189 с.
9. Сабашникова М. В. Зеленая Змея. История одной жизни // Библиотека духовной науки. Книжное собрание. 2009. URL: <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Books&go=page&pid=5702> (дата обращения: 18.02.2021).
10. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 05.02.2021).

Информация об авторе: Балаш Дарья Борисовна, магистрант кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (г. Гомель, Беларусь).

КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ Н. СЛАДКОВА)

С. А. Кабанова

г. Саранск, Россия

Аннотация. Рассматривается состав колоративной лексики и её функционирование в текстах писателя-натуралиста Н. Сладкова. Цель исследования – проанализировать цветовую гамму неживой природы с точки зрения семантико-синтаксических особенностей, частеречной принадлежности и её функционального употребления как изобразительного средства.

Ключевые слова: цветовая лексика, колоратив, имя прилагательное, имя существительное, безлично-предикативное слово, антитеза, градация, оттенок цвета

Для цитирования: Кабанова С. А. Колоративная лексика неживой природы в художественном тексте (на материале прозы Н. Сладкова) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 387–391.

Колоративная лексика представляет собой одну из наиболее интересных для рассмотрения тематических групп в языках мира. Цветовая семантика пронизывает все сферы человеческой жизни: любой природный объект или творение человеческих рук обладают цветовой характеристикой, всё богатство видимого мира человек воспринимает с точки зрения цвета – яркого или тусклого, успокаивающего или раздражающего, тревожного или умиротворяющего. Палитра цветов художественного текста представляет собой отражение картины мира того или иного автора; плавные или более резкие переходы одного цвета в другой, оттенки и тончайшие цветовые нюансы позволяют писателю или художнику донести своё мировосприятие до читателя или зрителя, при этом индивидуально-авторское словоупотребление может отличаться от общеязыкового – поэтому исследование употребления колоративов в творчестве того или иного писателя может представлять несомненный интерес для лингвиста. Цель данной статьи – анализ функционирования колоративной лексики в прозе Н. Сладкова – писателя, одинаково ярко изображавшего природу средней полосы России и природу других уголков земного шара. Колоративная лексика, наряду с терминами родства, представляет собой системноорганизованную лексическую группу [10, с. 18] – лексико-семантическое поле цвета, включающее лексемы со значением цвета как интегральным признаком. Отдельные микрополя, выделяемые в лексико-семантическом поле, представляют собой смысловые группы, объединённые значением конкретного цвета – доминантой поля. Лексико-семантическому полю свойственна взаимоопределяемость и потенциальная взаимозаменяемость элементов: любая лексема языка входит в то или иное лексико-семантическое поле, а будучи многозначной, способна входить в разные поля. Лингвистические подходы к исследованию цветообозначений представлены шестью основными направлениями изучения: историческое, лексико-семантическое, грамматическое, когнитивное, сопоставительное и функциональное.

При историческом подходе предполагается исследование отдельных слов и групп слов-колоративов, изучение процесса формирования групп колоративной лексики и её состава на том или ином этапе языкового развития; при этом выясня-

ется, что одни слова активно развивают синонимические ряды, образуют семантические связи, объединяются в группы, другие же находятся в своеобразной изоляции [1, с. 6]. Активно исследуется этимология цветообозначений, см., например, работы С. В. Кезиной, использовавшей диахронический подход к семантическому полю цветообозначений и метод составления словообразовательных гнезд [3, с. 91].

В тесной связи с семантическим находится когнитивный подход, выводящий исследователя в сферу проблем ментального осмысления цвета, поскольку цвет выступает источником «эмоциональных переживаний. В основе эмоциональных реакций на цвет находятся, прежде всего, ассоциации, обусловленные прототипами цвета – его типичными носителями. На основе ассоциаций формируются психосемиотические представления о цвете», осложняемые принятой в соответствующей культуре символикой [2, с. 289]. Считая язык психическим феноменом говорящих индивидов, а смысл и отношения между семантическими языковыми структурами существующими во внутреннем мире носителей языка, Р. М. Фрумкина изучает семантические отношения внутри группы слов и словосочетаний, призванных выразить наши цветоощущения. Психолингвистический эксперимент позволил построить структуру взаимосвязей для группы колоративов: «...для каждого имени цвета мы можем определить его место в структуре семантических взаимосвязей данной группы» [10, с. 70].

Сопоставительный подход позволяет получить информацию о языковом спектре генетически родственных и неродственных языков, о национально-специфических особенностях цветообозначений и моделях видения мира и его интерпретации в отдельных языках: так, Н. Р. Лопатина отмечает, что русская наивная картина мира включает семь цветов радуги, а также розовый, коричневый, чёрный, белый и серый как «основные» [4, с. 181].

Мы попытаемся рассмотреть колоративную лексику, используемую Н. Сладковым, с точки зрения функционального подхода, поскольку колоративы являются неотъемлемой принадлежностью художественного текста, будучи выразителями определённого смысла и оценки, а также активным средством воздействия на читателя, вызывающим яркое эмоциональное переживание. Так, в прозе писателя-натуралиста колоративы служат, прежде всего, средством изображения живых и неживых объектов природы, а также творений рук человека, или артефактов, и разнородных физиологических характеристик человека. Каждое время года обладает собственным цветом, приобретающим тем самым некоторые свойства изображаемого предмета: основной цвет зимы – **белый**, причём хроматических оттенков не предполагается: *Как зимой, нет ярких красок: белый снег, серые камни* [6, с. 210]. В группе летних цветов преобладает **зелёный**, а в группе осенних – **золотой**, обладающий такими свойствами, как насыщенность и пышность: *Всё лето листья подставляли солнцу свои ладошки и щёчки, спинки и животики. И до того налились и пропитались солнцем, что к осени сами стали как солнышки – багряными и золотыми* [8, с. 93]. Интересно, что автор сопоставляет в одном контексте два времени года по цветовой гамме с построением антитезы, включающей не только имена прилагательные, но и слова других частей речи (существительные и безлично-предикативные слова), формирующие яркое эмоциональное восприятие времени года, выливающееся в тихую грусть и размышление: *Странный в сентябре лес – в нём рядом осень и весна.*

***Жёлтый** лист и **зелёная** травинка.*

Увядание и расцвет.

Тишина и песни.

И грустно, и радостно [8, с. 101].

Неживая природа в сравнении с живой динамична, поскольку взаимовлияние и взаимообусловленность происходящих процессов приводят к изменениям природных объектов: так, если основным признаком неба является его незамутнённый **синий / голубой** цвет в состоянии отсутствия туч, то в зависимости от времени суток оно может изменять цвет, что в тексте передаётся глагольными и адъективными формами, ср.: *Рассветало. Небо справа пожелтело, и все лужи на болоте справа от нас стали жёлтыми. Слева небо было зелёное. Луна висела на еловой лапе, как зелёный фонарь* [8, с. 76]. – *Зато ярче и ярче разгораются свечи вершин, и жёлтое пламя летучих снегов колышется уже не на дневном голубом небе, а на вечернем – глубоком и синем, как океан* [6, с. 191].

Облака, как правило, **белые**, иногда с оттенком серого: *Чёрные безымянные силуэты и белые облака* [8, с. 64]. – ср.: *Медленные косяки тянут вдоль сизого бока белого облака* (о лебедях. – С. К.) [6, с. 46] (прилагательное *сизый* ассоциировано с окраской голубинового оперения, а в данном случае налицо соотношение с неравномерным переходом серого тона).

Тучи, как правило, **чёрные** или **лиловые** в зависимости от перемены погоды или времени суток: *Тучи, чёрные, дымные, залили ущелье доверху и сердито клубятся в них и ворочаются, тяжело накатываясь на склоны* [6, с. 195]. – ср.: *Лиловые тучи приподнялись над горизонтом и открыли оранжевую полосу зари* [6, с. 27]. Обычно конструкции с обособленным определением используются автором для создания сильного эмоционального воздействия на читателя, позволяющего представить картину предстоящей грозы.

Солнце в изображении Н. Сладкова – **золотое** (это характеризующее определение), причём часто оно сравнивается с золоточешуей рыбой; воспринимаемый нами цвет солнца различен в зависимости от времени суток или погоды, при этом в одном контексте сочетаются формы с градационным значением уменьшения признака: *Багровое солнце – золотая летучая рыба – медленно падает в облачную пелену, окунается в неё с головой, и белое море пенистых облаков вдруг становится красным* [6, с. 191].

Цветовая гамма луны – **жёлто-зелёная**: *Глухая зимняя ночь. Над просекой зелёная луна-светофор* [8, с. 110]. – ср.: *Жёлтая луна показалась за корявыми изогнутыми стволами. Ночь* [8, с. 134].

Вода в прозе Н. Сладкова – **синяя, голубая, золотая**: *То потянет теплом и водорослевой прелью, то пахнет пронзительной свежестью синей воды* [6, с. 46]. *За околицей лужа, но она такая же голубая, как море* [8, с. 13]. Изменение цвета воды связано с действием природных факторов, например, наличием тех или иных химических соединений (железа и др.) или определённого уровня освещённости, что позволяет нам по-разному воспринимать оттенок цвета: *Вода на болоте золотая от солнца* [8, с. 106].

В рассматриваемых текстах широко употребительны характеризующие определения, не представляющие собой эпитеты; обычно это качественные имена прилагательные, нередко имеющие семантику неполноты цветового признака, выражаемую суффиксом -оват-: *В начале ночи лунный фонарь подсвечивал дорогу жёлтым, а в полночь – зеленоватым* [7, с. 58]. В ином случае сочетание в контексте прилагательного с выраженным оттеночным значением и значением положительного цветового признака, не рассматриваемого с точки зрения изменения, приводит к возникновению градационных отношений в близкой цветовой гамме: *А теперь налилось цветом: зелёным – трава и деревья, красноватым и рыжим – горы* [6, с. 205].

Обычно сочетание в контексте качественных прилагательных, исходно не находящихся в антонимических отношениях и только в контексте включаемых

в антонимический ряд для создания противопоставления «тёмный – яркий»: *Омут чёрный, дна не видно, берег круто спускается в глубину. <...> И тоже тёмный. И только в одном месте цепочка ярко-жёлтых пятен – как освещённые иллюминаторы на борту парохода. <...> Жёлтые пятна – это кучки песка* [8, с. 126]. Семантика интенсивности признака может быть выражена прилагательным-комполитом с первой частью *pronзительно-* или же редулицированной адъективной предикативной формой: *Одним концом радуга оперлась на чёрные скалы, и скалы вдруг стали белыми. А другим концом уткнулась в травяной склон, и склон стал пронзительно-изумрудным* [6, с. 190]. – ср.: *Полыхает между скал фирновый снег. Смотреть на него больно, тени от скал синие-синие* [6, с. 198]. Единичны трёхосновные композитные формы со значением совмещения признаков: *Вот и стала вода в луже чёрно-кирпично-коричневой* [6, с. 39]. Подобное смешанное колоративное значение возникает в результате наложения цветов, когда третий (*коричневый*) возникает как переходный от чёрного к красному.

Единичны несогласованные определения-распространённые синтаксически несвободные сочетания, вступающие в контексте в синонимические отношения с обычными согласованными атрибутивными формами прилагательных, при этом определение конкретного цвета объекта является затруднительным в силу наличия дополнительных семантических оттенков прилагательного *призрачный*: *На горячие барханы опустилась прохладная ночь. Чёрная земля и небо цвета призрачной глубины океана* [8, с. 138]. Несомненно, что значение цветовой характеристики является базовым, о чём свидетельствует структурный компонент определения – слово *цвет*, семантика сравнения выражена в сопоставлении в контексте *океана* и *ночи*, колористическая насыщенность – словом *глубина*, а вот семантика *призрачной глубины* может быть рассмотрена, на наш взгляд, как ‘неясная, изменчивая, зыбкая’ [9, т. 3, с. 411].

Немногочисленны субстантивные формы со значением воспринимаемого глазом опредмеченного цветового признака (*синь, чернота, голубизна*): *И верно, вокруг синь!* [6, с. 31]. То же касается безлично-предикативных слов со значением цветового восприятия окружающего мира: у Н. Сладкова частотны безличные предикативы *серо* и редулицированные безлично-предикативные формы со значением интенсивно проявляемого признака (*белым-бело, черным-черно*): *Внизу ещё сумрачно, серо и холодно* [6, с. 212]. – ср.: *Пролетел буран – кругом белым-бело* [6, с. 214].

Префиксально-суффиксальные наречные формы указывают на высокую степень проявляемого признака (*добела, докрасна*): *Огненная рыба накалила облака докрасна!* [6, с. 191].

Колоративные глагольные формы указывают на:

а) семантику начала изменения цветового признака: *Лишь только зарозовеет заря, – он [сыч] уже торопится на дежурство* [6, с. 131];

б) результативное значение изменения цвета: *Вычернило их [стены] солнце, отполировали жестокие ветры* [8, с. 159];

в) значение воспринимаемого глазом цветового признака: *Белеют берёзки, багровеет сосновая грива, раскалённая закатным солнцем* [5, с. 50].

Колоративные глагольно-причастные формы со значением характеризующего результативного признака выступают в атрибутивной функции: *Он сидел на груди почерневших от пустынного загара камней* [8, с. 139]. – ср.: *Медь – это щепень, побуревший от солнца* [8, с. 153].

Таким образом, автор показывает природу во всём её цветовом многообразии, причём базовым цветовым обозначением является имя прилагательное или глагол, реже – существительные и безлично-предикативные слова, выступающие

в изобразительной функции и часто используемые для создания антитезы и указания на изменение цветового признака.

Список литературы

1. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке / отв. ред. Ф. П. Филин. М. : Наука, 1975. 288 с.
2. Григорук С. Ассоциативная связь цветовых и эмоциональных концептов (на материале русской лирики начала XX века) // Славянские языки в свете культуры : сб. науч. ст. М., 2006. С. 289–293.
3. Кезина С. В. Семасиологические закономерности, действующие в семантическом поле цветообозначений // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты : материалы Всерос. науч. конф. М. ; Пенза, 2001. С. 90–96.
4. Лопатина Н. Р. Некоторые лингвокультурологические аспекты перевода цветообозначений // Язык. Этнос. Сознание : материалы Междунар. науч. конф. (24–25 апреля 2003 г.). Майкоп, 2003. Т. 2. 232 с.
5. Сладков Н. И. Белые тигры : Рассказы. Л. : Дет. лит., 1981. 111 с.
6. Сладков Н. И. Капли солнца. Рассказы. Л. : Лениздат, 1978. 440 с.
7. Сладков Н. И. Осинный невидимка. Лесная быль. Л. : Дет. лит., 1979. 373 с.
8. Сладков Н. И. Под шапкой-невидимкой: Рассказы. Л. : Дет. лит., 1982. 170 с.
9. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1981–1984. Т. 3. П–Р. 1984. 752 с.
10. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа. М. : Наука, 1984. 176 с.

Информация об авторе: *Кабанова Светлана Александровна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (г. Саранск, Россия).

БРАННАЯ ЛЕКСИКА В ПЬЕСЕ Н. В. ГОГОЛЯ «ЖЕНИТЬБА»

В. Л. Карякина

г. Самара, Россия

Аннотация. Исследование посвящено лингвостилистическому анализу языка комедии Н. В. Гоголя «Женитьба». Целью работы является изучение тематических групп и художественных функций бранной лексики в рассматриваемом произведении, а также её значения как средства индивидуализации речевых характеристик персонажей пьесы. Результаты исследования помогают раскрыть значение бранной лексики в реализации авторского замысла рассматриваемого драматургического произведения.

Ключевые слова: Гоголь, бранная лексика, речевая характеристика, комедия, персонаж, художественная функция, языковые средства, индивидуализация

Для цитирования: Карякина В. Л. Бранная лексика в пьесе Н. В. Гоголя «Женитьба» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 392–395.

Современные словари и справочники зачастую поясняют термин «бранная лексика» как пласт языка, относящийся к нецензурной лексике. Нередко проводится параллель или даже полная синонимизация понятий «бранная лексика» и «обсценная» (ср. определения, представленные в «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило: «бранная лексика – это лексические средства, чуждые литературному языку и требованиям нравственности» [3, с. 51], «обсценная лексика – матерные слова и выражения, которые недопустимы во всех функциональных разновидностях литературной речи, находящихся в сфере действия нормативных рекомендаций и запретов» [3, с. 172]).

Однако, на наш взгляд, сближение данных понятий не совсем точно: не всё бранное обсценно. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой [1] под бранным словом понимается «слово, которое употребляется для выражения недовольства в грубой форме». Обсценная лексика более табуизирована и «часто вынуждает говорящего создавать аппозиции (пропуски)» [7, с. 65].

Бранная лексика имеет тематическую классификацию и специфические функции, которые реализуются не только в повседневной жизни, но и в произведениях художественной литературы в соответствии с замыслом писателя.

В нашей работе мы рассмотрим особенности употребления бранной лексики в комедии Н. В. Гоголя «Женитьба» [2], поскольку названная группа слов является одной из ключевых в данной пьесе.

Как показал проведённый нами анализ текста, в речи персонажей «Женитьбы» наиболее частотна бранная лексика, представляющая собой наименования лиц с подчеркнуто отрицательными характеристиками типа:

а) глупый, непонятливый человек (*дурак, глупый человек, глупая животина, олух*);

б) подлый, низкий человек (*подлец, мерзавец, свинья, противное создание* и т.п.).

Степень её актуализации варьируется в зависимости от психологических особенностей и социального статуса действующих лиц комедии. По нашим наблюдениям, наиболее активно бранная лексика используется в речевых партитурах Кочкарева и Яичницы, поскольку этих героев отличает особая напористость и бесцеремонность.

Чаще всего бранную лексику использует Кочкарев – персонаж, отличающийся импульсивностью, фамильярностью в обращении с собеседниками, неуёмной жадой деятельности. Подколесин так отзывается о нём: *«Такой, право, странный человек! С ним никак нельзя водиться: выберит вдруг ни за что ни про что. Не понимает никакого обращения»*.

Наиболее употребительна в речи Кочкарева бранная лексика, содержащая сему «глупый, непонятливый человек» («дурак», «олух», «деревянный чурбан») или выражающая негативную оценку человека без указания на его конкретную деятельность или позицию: («подлец, мерзавец», «дрянь»). Данная особенность обусловлена тем, что на протяжении всей пьесы Кочкареву приходится преодолевать пассивность Подколесина, и брань служит своеобразным психологическим средством, с помощью которого Кочкарев пытается побудить своего нерешительного приятеля к энергичным действиям:

Кочкарев (Подколесину). *Ну есть ли в тебе капля ума? Ну не олух ли ты? Собрался совершенно, и вдруг: не нужно! Ну скажи, пожалуйста, не свинья ли ты, не подлец ли ты после этого?*

Подколесин. *Ну что ж ты braniшься? с какой стати? что я тебе сделал?*

Кочкарев. *Дурак, дурак набитый, это тебе всякий скажет. Глуп, вот просто глуп, хоть и экспедитор. <...> Лежит, проклятый холостяк! Ну, ну, дрянь, колтак, сказал бы такое слово... да неприлично только.*

Кроме слов со значением «глупый, непонятливый человек», Кочкарев употребляет зоосемантические метафоры («свинья», «осёл», «крыса»), отсылающие к названиям животных и подчеркивающие неблагодарность, упрямство или адресата.

Следует отметить, что бранная лексика используется Кочкаревым в диалогах не только с Подколесиным, но и с другими собеседниками. Так, во время разговора с Агафьей Тихоновной Кочкарев советует невесте выразить её отказ женихам в грубой вербальной форме:

Кочкарев. *Ну, так если вы хотите всё кончить за одним разом, скажите просто: «Пошли вон, дураки!»*

Отставного моряка Жевакина Кочкарев также характеризует весьма не лестно: «набитый дурак» и «отъявленный мерзавец» – так он отзывается о Балтазаре Балтазаровиче.

Не церемонится он и со свахой Фёклой Ивановной: *«Ах ты, крыса старая!»*

В ряде случаев Кочкарев, раздосадованный своими неудачами, употребляет бранные слова даже по отношению к себе:

Кочкарев. *<...> Да если уж пошло на правду, то и я хорош. <...> Ну не олух ли я, не глуп ли я? <...> Из какого же дьявола, из чего, из чего я хлопочу о нем, не даю себе покою, нелегкая прибрала бы его совсем? А просто черт знает из чего! <...>*

Во «внутренней» речи эмоционально-оценочная языковая информация предстает не только как средство психической разрядки, но и как средство саморегуляции говорящего.

Другим персонажем «Женитьбы», активно использующим «крепкие» слова и выражения, является один из женихов – экзекутор Иван Павлович Яичница.

В отличие от Кочкарева, который практически не дифференцирует свою речь в зависимости от социального статуса собеседника, Яичница прибегает к брани в разговорах с лицами, занимающими более низкое социальное положение.

ние (в частности, в диалогах с Фёклой), а также во «внутренней» речи (репликах с ремарками «один», «в сторону»).

Уже при первом описании Ивана Павловича Фёкла отмечает эту его особенность:

Фёкла (Агафье Тихоновне) <...> *А Иван-то Павлович, что служит езекухтором, такой важный, что и приступу нет. Такой видный из себя, толстый; как закричит на меня: «Ты мне не толкуй пустяков, что невеста такая и эдакая! ты скажи напрямик, сколько за ней движимого и недвижимого?» - «Столько-то и столько-то, отец мой!» - «Ты врешь, собачья дочь!» Да еще, мать моя, вклеил такое слово, что и неприлично тебе сказать.*

Бранная лексика Яичницы весьма разнообразна, но преобладают в ней слова, содержащие негативную оценку человека без отношения к указанию на его конкретную деятельность или позицию: «дрянь», «бестия», «старая подошва», «подлец» и т.п.

Особенно ярко проявляется грубость Яичницы, когда Кочкарев убеждает эзекутора в том, что сваха обманула его насчет приданого невесты. Возмущенный коварством Феклы Ивановны, Яичница выражает свое негодование весьма экспрессивно:

Яичница. <...> *Ах ты, бестия эдакая, ведьма! <...> Ах ты, подошва старая! Попадись только ты мне... <...> Черти б тебя съели, ведьма ты проклятая!*

Особую, комическую, окраску приобретает в реплике Яичницы слово «подлец», поскольку он применяет его по отношению лицу женского пола:

Яичница. <...> *А невесте скажи, что она подлец! Слышишь, непременно скажи.*

Актуализация бранной лексики в речи Яичницы обусловлена как конкретной сценической ситуацией, так и социально-психологическими причинами: его достаточно высоким социальным статусом и внутренней грубостью этого персонажа, его пренебрежением к нижестоящим.

В речевых партитурах остальных действующих лиц пьесы бранная лексика используется значительно реже. В речи Подколесина это в основном фразеологизированные конструкции со словом «черт» («черт побери», «черт возьми»), что, очевидно, связано с пассивностью его натуры.

Анучкин с помощью бранной лексики характеризует только своего отца, который не смог обучить его французскому языку: «*Вы думаете, я говорю по-французски? Нет, я не имел счастья воспользоваться таким воспитанием. Мой отец был мерзавец, скотина. Он и не думал меня выучить французскому языку.*»

Малочастотность бранной лексики в речи женских персонажей комедии можно объяснить социально-психологическими, а также гендерными причинами: как отмечают многие психолингвисты (А. В. Кирилина [4], Дж. Коатс [6] и др.), женщины стараются избегать открытого проявления агрессии в речи. Действительно, речь женских персонажей «Женитьбы» характеризуется низкой частотностью бранной лексики.

Так, в речевой партитуре Фёклы Ивановны нами отмечено лишь несколько слов с негативной коннотацией: «бесстыдник», «безбожник», «дрянь», «подлец».

Причём последнюю лексему Фёкла «заимствует» из реплики Яичницы, отвергая его несправедливые обвинения:

Фёкла (Яичнице). *Смотри ты какой! Расходился как! Что толст, так думает ему и равного никого нет. А я скажу, что ты сам подлец, вот что!*

Слова «бесстыдник», «безбожник» относятся к группе лексики, обозначающей социально осуждаемую деятельность или позицию характеризуемого, и бо-

лее мягко выражают негативную оценку, чем лексема «подлец». В речи Феклы брань имеет особую прагматическую установку: с её помощью женщина пытается обезопасить себя от попыток Кочкарева выступить в роли свахи:

Фёкла (Кочкареву). *Ах, бесстыдник какой! Да ведь это не мужское дело. Отступись, батюшка, право! <...> У людей только чтобы хлеб отымать, безбожник такой! В такую дрянь вмешался. <...>*

Таким образом, несмотря на количественные различия, использование бранной лексики имеет немаловажное значение в создании ярких, колоритных характеров персонажей гоголевской комедии.

Наше исследование показало, что наиболее употребительными в «Женитьбе» являются слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности без указания на конкретную деятельность или позицию («подлец», «негодяй», «мерзавец» и т.п.); слова, объединённые семей «глупый, непонятливый человек» («дурак», «олух», «деревянный чурбан» и др.), а также зоосемантические метафоры («осёл», «свинья», «крыса»).

Подтвердилось наблюдение И. Мандельштама, что брань гоголевских персонажей разнообразится в соответствии с ведущей чертой характера героя [5, с. 159].

Бранная лексика в комедии Н. В. Гоголя «Женитьба» полифункциональна: она выполняет характерологическую, волюнтаривную, эмоционально-экспрессивную функции в зависимости не только от социально-психологических особенностей того или иного персонажа, но и от характера сценической ситуации.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Гоголь Н. В. Женитьба // Собр. соч. : в 6 т. / Н. В. Гоголь. М. : Худ. лит., 1952. Т. 4. С. 101–159.
3. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань : Пилигрим, 2010.
4. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации : учеб. пособие. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. 252 с.
5. Мандельштам И. О характере гоголевского стиля. Гельсингфорс, 1902. 267 с.
6. Coates J., Cameron D. Gossip revisited language in all-female // Women in Their Speech Communities. USA : Longman Inc., 1988. P. 94–123.
7. Encyklopedia jazykovedy. Spracoval Jozef Mistril s kolektivom autorov. Bratislava, 1993. 513 с.

Информация об авторе: *Карякина Валентина Леонидовна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Самарского государственного социально-педагогического университета (г. Самара, Россия).

ФУНКЦИИ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТЕ РОМАНА М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА»

Л. А. Коновалова

г. Пенза, Россия

Аннотация. Содержатся сведения об устаревшей лексике русского языка, даны разъяснения о её разновидностях и функциях в художественном тексте. В исследовании представлена характеристика функций использования устаревших языковых единиц в тексте романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города».

Ключевые слова: устаревшая лексика, историзм, архаизм, художественный текст, «История одного города», М. Е. Салтыков-Щедрин

Для цитирования: Коновалова Л. А. Функции устаревшей лексики в тексте романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 396–398.

При изучении классической литературы сложными для понимания бывают как особенности описываемой эпохи, её предметы и законы, так и отдельные слова и понятия, исчезнувшие из обихода или изменившие свой смысл. Именно устаревшая лексика вызывает затруднения в понимании текста. Это объясняется, прежде всего, тем, что в языке произведений русской художественной литературы XIX – начала XX вв. отражено много устаревших явлений действительности, затрудняющих понимание содержания художественных произведений.

Обратимся к определению устаревшей лексики в русском языке.

Устаревшие слова – это слова современного русского языка, вышедшие из активного употребления, но сохранившиеся в пассивном словаре и в большинстве своём понятные носителям языка [3, с. 360].

В зависимости от причин архаизации устаревшие слова делятся на два ряда: *историзмы* и *архаизмы*.

Историзмы – это устаревшие слова, которые вышли из активного словаря, так как из жизни общества ушли те предметы и явления, которые они обозначали [2, с. 206].

Архаизмы – это устаревшие слова, которые вышли из активного словаря, не выдержав конкуренции с более употребительными словами, обозначающими те же предметы, действия, признаки [2, с. 207].

Основные функции устаревшей лексики в тексте художественного произведения определяются как:

- отражение языковых реалий изображаемой эпохи;
- создание торжественности и поэтичности речи;
- стилизация – воссоздание языка эпохи;
- понижение стилистической оценки (ирон., шутил., насмешл., презр.);
- создание размера в лирическом произведении.

В данном исследовании проанализировала устаревшая лексика, использованная в тексте романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». Семантика слов определялась с помощью «Словаря устаревшей лексики к произведениям русской классики» Н. В. Баско, И. В. Андреевой [1].

В ходе анализа было выявлено 53 устаревших языковых единиц, которые относятся к различным частям речи: именам существительным, глаголам, именам прилагательным.

Самую многочисленную группу составляют имена существительные (33 единицы). В данной группе можно выделить несколько подгрупп, разделенных по принципу семантической отнесённости слов:

1) наименования предметов быта того времени, а также названия сооружений, зданий (*телеграф, каланча* и т.д.);

2) наименование предметов одежды (*поддѣвка, вицмундир, казакин* и т.д.);

3) наименования должностей /лиц по их профессиям (*письмоводитель, будочник, целовальник* и т.д.). Данную подгруппу составляют только историзмы;

4) наименования каких-либо процессов или явлений, происходящих в деятельности людей (*жнитво, крамола*).

Большинство имён существительных употреблены как прямые наименования реалий эпохи, отражённой в произведении. В основном данную подгруппу составляют наименования лиц по их должностям и наименования предметов быта изображаемой эпохи. Некоторые из них использованы с целью придания тексту оттенка книжности, торжественности (часто для этой цели автор использует старославянскую лексику: *древо, млеко* и т.д.) или, наоборот, в целях понижения стилистической оценки, придавая тексту иронический и сатирический оттенок.

В группе глаголов выделено 14 устаревших слов. Их использование чаще всего встречается в речи персонажей романа. Такая лексика приближает их речь к живой, она содержит просторечия и диалектизмы. Например: «*И хоть бы делом сказывал, по скольку с души ему надо! – беседовали между собой смущённые обыватели, – а то цыркает, да и на-поди!*».

В группе имён прилагательных выделено наименьшее количество устаревших лексем (7). Использование их в тексте объясняется различными целями. Например, в предложении «– *А на что мне тебя... гунявого? – отвечала Алёнка, с наглостью смотря ему в глаза, – у меня свой муж хорош!*» слово «гунявый» одновременно придаёт разговорный характер речи говорящего, а также выполняет функцию понижения стилистической оценки.

Нами выделены основные функции использования устаревшей лексики в тексте романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города».

1. Устаревшие лексемы являются наименованиями реалий эпохи, отражённой в произведении (*фалды, деничик, пушкарь* и т.д.).

2. Устаревшие лексемы употреблены с целью придания тексту оттенка книжности, торжественности повествования (в том числе старославянская устаревшая лексика: *град, глава, юродивый* и т.д.). Здесь необходимо отметить, что книжность нужна автору для того, чтобы ярче показать ироническую, сатирическую сторону произведения: «*Если туняе́дство существует, то предполагается само собою, что рядом с ним существует и трудолюбие – на этом зиждется вся наука политической экономии*».

3. Некоторые устаревшие единицы употреблены в качестве сравнительной лексемы: «*...а перед ним, на кипе недоимочных реестров, лежала в виде щегольского пресс-папье, совершенно пустая градоначальника голова...*».

4. Устаревшие слова используются автором романа в целях стилизации – воссоздания языка эпохи, в том числе воссоздание разговорной речи: «–*За что он нас раскастил? – говорили одни, – мы к нему всей душой, а он послал нас искать князя глупого!*».

5. Устаревшие единицы употреблены в целях понижения стилистической оценки (*гунявый, понурый*).

6. Немногочисленная группа устаревших языковых единиц используется в тексте в переносном значении. Эту группу составляют семантические архаизмы. Подобные слова существуют в современном русском языке, но называют другое

явление или предмет. Например, слово «завёл» употреблено в тексте в значении «надел»:

«...он расчесал себе волосы, *завёл* бархатную поддёвку, душился...».

Таким образом, использование автором в тексте романа устаревшей лексики объясняется языковыми особенностями времени, в которое жил писатель. М. Е. Салтыков-Щедрин вводит в текст историзмы и архаизмы, которые являются наименованиями реалий той эпохи. Данные лексические единицы вышли из активного словарного запаса в наши дни, но во времена автора они активно использовались носителями языка и устаревшими не считались.

Список литературы

1. Баско Н. В., Андреева И. В. Словарь устаревшей лексики к произведениям русской классики. М. : АСТ-Пресс, 2019. 448 с.
2. Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Современный русский язык : словарь-справочник. М. : Просвещение, 2010. 303 с.
3. Филин Ф. П. Русский язык : Энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1979. 431 с.

Информация об авторе: *Коновалова Лада Алексеевна*, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

А. А. Кочелаев

г. Пенза, Россия

Аннотация. Анализируются тематические группы архаичной лексики из «Слова о полку Игореве»: состав лексико-тематических групп, их количественные и сравнительные характеристики. Устаревшая лексика древнерусского произведения представлена разнообразными лексико-тематическими группами; преобладают группы, связанные с названиями народов, людей по социальному положению и военным делом, что отвечает теме произведения.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», лексико-тематические группы, историзмы, архаизмы

Для цитирования: Кочелаев А. А. Лексико-тематические группы в «Слове о полку Игореве» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 399–401.

Лексика «Слова о полку Игореве» непрерывно и разноаспектно исследуется. Среди трудов, посвящённых лексике древнерусского произведения, отметим работы С. Л. Николаева «Лексическая стратификация "Слова о полку Игореве"» [5], М. Г. Булахова «Лексика военного дела в "Слове о полку Игореве"» [1], Н. В. Дубининой «Особенности прилагательных цветообозначения в древнерусском языке (по тексту "Слова о полку Игореве")» [3], Е. А. Бурдиной «Лексико-семантический аспект образа времени в "Слове о полку Игореве" как отражение фрагмента картины мира древнерусского носителя языка» [2], В. А. Козырева «"Слово о полку Игореве" и его изучение в герценовской школе русской диалектологии» [4] и другие.

Для научного анализа отобрано 60 историзмов и архаизмов из «Слова о полку Игореве». Архаичная лексика представлена в древнерусском тексте десятью лексико-тематическими группами (далее в тексте – ЛТГ). Проанализируем их состав, количественные характеристики и семантику непонятных слов. При анализе мы опирались на классификацию М. Г. Булахова [1].

1. «Названия людей по социальному положению»: князь, бояринъ, коганъ, господинъ, владыка, кощей, чага, лада (всего – 8). Приведём иллюстрации из текста: «Боянь же, братие, не 10 соколов на стадо лебедѣи пуцаще, нъ своя вѣщца прѣсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу роко-таху» / «Рекъ Боянь и Ходына Святъславля, песнотворца стараго времени Ярославля: «Ольгова коганя хоти!..» [Здесь и далее примеры приведены по источнику: 9].

Рассмотрим семантику слов, которые могут вызвать затруднения при анализе данной ЛТГ:

Каган – «Титул главы государства у тюркских народов в средние века, а также лицо, носившее этот титул» [7, с. 12].

Кощей – «Пленник, раб, слуга» [8, с. 205].

Чага – «Девушка-пленница» [8, с. 170].

2. «Наименования, связанные с военным делом», в свою очередь можно разбить на отдельные лексико-тематические подгруппы:

- «**Названия военных снаряжений, атрибутики и орудий**»: *древко, хоругвь, колчанъ, копиеѹ, лукъ, мечь, сабля, стрела, стягъ, стремя, щитъ, шеломя* (всего – 12): «*Съ зараня до вечера, съ вечера до света летятъ стрелы каленыя, гримлють сабли о шеломя, трещат копиа харалужныя въ поле незнаеме среди земли половецкыи*».

Древко – «Деревянный шест, на который насаживается острие копья, багор и т.п., к которому прикрепляется знамя, флаг и т.п.» [7, с. 445].

Хоругвь – «Устар. Боевое знамя войска»; «Полотнище с изображением Христа, святых и т.п., укрепленное на длинном древке, которое носят при крестных ходах, церковных шествиях в христианской церкви» [7, с. 621].

В древнерусском произведении данная лексическая единица используется в первом значении.

- «**Названия воинских объединений**»: *плькъ, дружина, рать* (всего – 3): «*То было въ ты рати, и въ ты плькы, а сицей рати не слышано!*» / «*И рече Игорь къ дружине своей*».

- «**Названия военных понятий**»: *брань* («*Олговичи, храбрыи князи, доспели на брань*»), *полечи* («*... полегоша за землю русскую*»), *раздоръ, усобица* («*... помняшет бо, рече, пьрвыхъ времянь усобице*») (всего – 4).

3. «**Названия одежды**»: *кожухъ, ортьма, япончица* (всего – 3): «*Ортьмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ местомъ*».

Ортьма – «Покрывало» [7, с. 641].

Епанча – «Старинная верхняя одежда в виде широкого плаща» [7, с. 466].

Кожухъ – «Тулуп из овчины» [7, с. 68].

4. «**Названия построек в Древней Руси**»: *градъ, вежа, гридница, забрало, теремъ* (всего – 5): «*Ступаетъ въ златъ стремянь въ граде Тьмуторокане*».

Гридница – «В древней Руси: помещение при княжеском дворе для пребывания гриди или для приема гостей» [7, с. 347].

Гридь – «Младшая княжеская дружина в древней Руси» [7, с. 347].

Вежа – «Крытая повозка, кибитка, шатёр, палатка», «Дворовая хозяйственная постройка», «Башня» [6, с. 377–378].

5. «**Названия народов и племён**»: *касоги, половцы, русичи, куряни* (куряне), *моравы, могуты, ольберы, ревугы, татраны, топчакы, шельбиры* (всего – 11): «*Ту пиръ докончаша храбрии русичи...*».

6. «**Слова, обозначающие песенно-поэтические жанры**»: *былина, повесть, припевка, песнь* (всего – 4): «*Начати же ся тьи песни по былинамъ сего времени*».

7. «**Слова, обозначающие цвет**»: *чрьленыи, красныи, злаченыи*, в составе *златоверхии* (всего – 4): «*Помчаша красныя девкы половецкыя...*».

Златоверхий – «Трад.-поэт. и высок. С позолоченным верхом, главами» [7, с. 611].

8. «**Слова, обозначающие звуки**»: *говоръ, граяти, рокотати, рыкати, изронити* (всего – 5): «*... Они же сами княземъ славу рокотаху*».

9. «**Наименования животных**»: *чьрнядь* («*чьрнядьми на вѣрахъ*»), *полозие* («*полозие ползоша только*») (всего – 2).

Чьрнядь – «Птица, черная утка» [7, с. 668];

Полозь – «Вид змеи» [6, с. 217].

10. «**Наименования денежных единиц**»: *ногата, резана, бела* (всего – 3): «*Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ*». «*Дань по бѣлѣ отъ двора*».

Ногата – «Денежная единица древней Руси» [6, с. 171].

Резана – «Мелкая денежная монета в Древней Руси» [6, с. 17].

Итак, в тексте «Слова о полку Игореве» архаичная лексика группируется в 10 ЛТГ, которые представляют важные для человека денотативные области и среди которых преобладают следующие группы: «Названия народов и племён» (11); 2) «Названия военных снаряжений, атрибуты и орудий» (12); 3) «Названия людей по социальному положению» (8). Преобладание данных ЛТГ связано с историей Руси и военной темой древнерусского произведения.

Список литературы

1. Булахов М. Г. Лексика военного дела в «Слове о полку Игореве» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. С. 451–452. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksika-voennogo-dela-v-slove-o-polku-igoreve/viewer> (дата обращения: 07.02.2021).

2. Бурдина Е. А. Лексико-семантический аспект образа времени в «Слове о полку Игореве» как отражение фрагмента картины мира древнерусского носителя языка // Вестник Брянского государственного университета. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskij-aspekt-obraza-vremeni-v-slove-o-polku-igore-ve-kak-otrazhenie-fragmenta-kartiny-mira-drevnerusskogo-nositelya> (дата обращения: 15.09.2020).

3. Дубинина Н. В. Особенности прилагательных цветообозначения в древнерусском языке (по тексту «Слова о полку Игореве») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 212–217. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prilagatelnyh-tsvetoboznacheniya-v-drevnerusskom-yazyke-po-tekstu-slovo-o-polku-igoreve> (дата обращения: 10.10.2020).

4. Козырев В. А. «Слово о полку Игореве» и его изучение в герценовской школе русской диалектологии // Universum: Вестник Герценовского университета. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-o-polku-igoreve-i-ego-izuchenie-v-gertsenovskoy-shkole-russkoy-dialektologii> (дата обращения: 11.11.2020).

5. Николаев С. Л. Лексическая стратификация «Слова о полку Игореве» // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2014. С. 8–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskaya-stratifikatsiya-slova-o-polku-igoreve> (дата обращения: 15.12.2020).

6. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. М. : Рус. яз., 1988–2002. Т. I.

7. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. I–IV.

8. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» : в 6 вып. / под ред. В. Л. Виноградова. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1965–1984. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/regiment-of-igor/index.htm> (дата обращения: 14.02.2021).

9. Слово о полку Игореве. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/slovo-o-polku-igoreve/slovo-o-polku-igoreve-original.htm> (дата обращения: 07.02.2021).

Информация об авторе: *Кочелаев Андрей Александрович*, студент историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТЕКСТЕ РОМАНА Д. РУБИНОЙ «НА ВЕРХНЕЙ МАСЛОВКЕ»

Е. П. Лифиренко

г. Пенза, Россия

Аннотация. Цель работы – рассмотреть особенности функционирования определительных конструкций в тексте романа Д. Рубиной «На Верхней Масловке». В ходе работы были выявлены, классифицированы и описаны определительные конструкции, была определена их роль в тексте.

Ключевые слова: определение, определительные конструкции, определительные отношения

Для цитирования: Лифиренко Е. П. Особенности функционирования определительных конструкций в тексте романа Д. Рубиной «На Верхней Масловке» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 402–404.

Д. Рубина пишет красиво и легко, эмоционально и ярко. Великолепный стиль, чистый, правильный язык вкупе с пронзительным психологизмом делают роман произведением о многогранности человеческой жизни, души и характера. Художественный текст произведения «На Верхней Масловке» является интересным материалом для рассмотрения функционирования определительных конструкций и их особенностей.

В ходе работы было использовано определение атрибутивных (определятельных) отношений, которое представлено в «Словаре лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя: определительные отношения – это «отношения между предметом и его признаком, которые находят своё выражение в словосочетании между его компонентами, или отношения между определяемым словом и определением, которые находят своё выражение в предложении между его членами» [2, с. 99]. Одной из целей определительных конструкций является произведение эмоционального воздействия [1, с. 91].

Определятельные отношения – это отношения между категориями субстанции и признака. Это значение отношения является денотатом языкового определятельного значения. Значения предмета и признака тесно взаимосвязаны. Как предмет определяется через определения, так и свойства, определения детерминируются через указание на их носителя, то есть на предмет [3, с. 82].

Определятельные отношения чаще всего выражаются в конструкциях с небособленными согласованными определениями, где наблюдаются следующие компоненты:

1) имя существительное с именем прилагательным: «*вельветовые брюки*», «*в присутственных местах*», «*нежнейшая душа*», «*титаническая работа*», «*по величественной лестнице*», «*из телевизионного шедевра*», «*забавный субъект*», «*тошнотворный Сева*», «*из таинственного хитросплетения*», «*ластиковые крошки*», «*допотопный уют*», «*очередную гадость*», «*последние месяцы*», «*с высшим образованием*», «*милая привычка*», «*старый плац*», «*злейший враг*», «*хронический бездельник*», «*авторских кишок*» и т.д.;

2) местоимение с именем существительным: «своего колодца», «её смерти», «мой ребёнок», «такое горе», «с той разницей», «всю жизнь», «в иных мирах» и т.д.;

3) имя существительное с порядковым числительным: «первый десяток», «четвёртая конфета» и т.д.;

4) имя существительное с полной формой причастий: «обтянутые брюками», «привинченной табличкой», «разомлевшего пса», «за обшарпанной дверью», «использованные тряпки», «покосившуюся ступень», «распоясавшуюся воровку», «испорченные продукты» и т.д.

Определительные отношения в таких словосочетаниях, прежде всего, опираются на общее лексическое значение существительного – на его предметность (предмету естественно иметь определяющие его признаки) и на общее лексическое значение сочетающихся с ним частей речи, способных обозначать признаки. На этой основе и строится согласованность компонентов словосочетания.

Определительные отношения возникают также при сочетании существительных и с другими существительными предложной или беспредложной формы: «профессор ВХУТЕМАСа», «жены художника», «живопись Руо», «жены Матвея», «кусочек булочки», «половицы антресолей», «вентиль крана», «вкус к живописи», «ком глины» и т.д.

Также в тексте романа встречаются приложения: «табличкой «От себя», «на тему “В моё время”», «пугало Петька», «нахлебник Петька», «альбом “Руо”», «мы, художники и скульпторы из России», «Витя, журналист», «в журнале «Иностранная литература» и т.д.

Немалочисленна группа согласованных обособленных определений:

1) выраженных причастным оборотом: «...улыбкой, выработанной его лицевыми мышцами в течение этих месяцев...», «...эскалатора, медленно ползущего вверх...», «...в пальто, сидевшем на ней как тулуп на ящичке...», «...тунеядец, сидящий на шее у старухи!», «...стеллажей, установленных скульптурами» и т.д.

б) выраженных сочетанием имени существительного и имени прилагательного: «враг, притом злейший, остался...», «И, взвинченный, бодрый, злой, он бежал играть...» и т.д.

В тексте произведения встречаем атрибутивные придаточные: «...а мокасины не мозолят глаза секретаршам, от которых, увы, так часто зависит зависит многое»; «...в этой области искусства, какую вы, драгоценный Пётр Авдеич, выбрали для приложения своего таланта, в существовании которого, кстати, так странно, так незыблемо уверены...»; «... и драмкружок, которым без малого три столетия ты руководишь...»; «...Шарик, которого здесь изредка и скудно подкармливали...» и т.д.

Самую немногочисленную группу представляют сочетания имён существительных с инфинитивом: «в удовольствии покуражиться», «нежелание осмыслить» и т.д.

Таким образом, определительные конструкции широко используются для всесторонней характеристики живых существ, предметов, явлений и обстоятельств описываемых событий в тексте художественного произведения, они помогают не только ярко представить окружающую действительность, но и выразить авторскую оценку изображаемого.

Список литературы

1. Прохорова Т. Г. Функционирование слова в современной прозе: Проблемы межкультурной коммуникации. Липецк, 2007. 378 с.

2. Розенталь Д. Э., Теленков М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1976. 543 с.

3. Ханаху Д. Р. Атрибутивные словосочетания в русском и английском языках: сопоставительно-типологический анализ : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Майкоп, 2007. 166 с.

Информация об авторе: *Лифиренко Елизавета Павловна*, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ИЗУЧЕНИЕ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Е. Д. Мадей

г. Братислава, Словакия

Аннотация. Проанализирована роль межкультурной информации в формировании профессиональной компетенции студентов-филологов, изучающих русский язык как иностранный (РКИ). Знание крылатых выражений, происходящих из произведений русской литературы, а также умение их использовать рассмотрены в качестве одного из компонентов межкультурной компетенции иностранных студентов.

Ключевые слова: РКИ, межкультурная компетенция, межкультурная информация, крылатые выражения, прецедентные выражения

Для цитирования: Мадей Е. Д. Изучение крылатых выражений из произведений русской литературы как способ формирования межкультурной компетенции иностранных студентов // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 405–410.

Основные постулаты лингвокультурологического подхода к обучению русскому языку как иностранному, рассматривающего человека как языковую личность, а язык как воплощение культурных ценностей [2, с. 56], предполагают, что учебный процесс не может быть ограничен обучением студентов лексико-грамматическому материалу. Одной из основных целей обучения языку является формирование коммуникативной компетенции, дефиниция и структура которой могут отличаться в зависимости от профиля студентов. Под коммуникативной компетенцией студентов-филологов, для которых русский язык является иностранным и о которых пойдет речь в настоящей статье, следует понимать «совокупность языковой, речевой, межкультурной, дискурсивной, прагматической, социокультурной, предметной, исследовательской, лингвометодической и (частично) педагогической компетенций» [5, с. 111]. Мы же остановимся на понятии и возможностях формирования межкультурной компетенции у иностранных студентов, изучающих русский язык в рамках получения высшего филологического образования.

Примарной целью статьи является посредством анализа отдельных лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на успешность межкультурной коммуникации, подчеркнуть значимость владения крылатыми выражениями, происходящими из произведений русской литературы. Секундарная цель статьи заключается в представлении некоторых методов обучения крылатым выражениям на семинарах по РКИ. Актуальность статьи мы видим, прежде всего, в важности введения межкультурной информации в планы занятий, а значит, и в необходимости распространения методов работы с настоящей информацией среди методистов и педагогов.

Формирование межкультурной компетенции у студентов филологических специальностей, чья профессия после получения образования чаще всего связана с педагогикой, переводоведением, а также культурологией и областью культуры, является неотъемлемой частью профессиональной подготовки. Под межкультур-

ной компетенцией в данном случае подразумевается совокупность знаний о целевой культуре и следующая из этого способность осознавать «свою» культуру в контексте или сопоставлении с «чужой» культурой. Межкультурная компетенция помимо прочего формируется за счет полноценного овладения межкультурной информацией, т.е. умения не только распознавать и понимать все виды такой информации, но и находить им уместное применение. К межкультурной информации мы относим всякую информацию страноведческого характера (в т. ч. исторические, географические, культурные, литературные, общественно-политические сведения и факты, логоэпистемы и др.). Следует отметить, что введение межкультурной информации на семинарах РКИ осуществляется за счет ее наложения на уже сформировавшиеся в сознании учащегося концепты, стереотипы и представления о собственной культуре. Следовательно, родная культура служит своего рода базой и компарируемым объектом, способствующим более эффективному усвоению знаний о «чужой» культурной среде. Обратимся к одной из категорий межкультурной информации, отражающей особенности «чужой» культуры и «чужой» языковой картины мира, – к крылатым выражениям из произведений русской литературы.

Овладение крылатыми выражениями и свободное их использование в речи играет значимую роль в профессии филологов по нескольким причинам:

а) Наряду с семантикой и источником происхождения афористической единицы учащиеся знакомятся с новым культурным опытом, посредством которого их дальнейшая коммуникация с носителями этого опыта может рассчитывать на успех, ведь внеязыковая действительность наиболее ярко отражается в национально-культурно маркированных единицах, к числу которых относятся и упоминаемые выше афоризмы и устойчивые выражения.

б) Человек, с рождения находящийся в определенной культурной среде, не только изучает язык и культуру этой среды, но и постепенно формирует в своем сознании ассоциации, связанные с той или иной культуремой. Совокупность таких ассоциаций, потенций, или концептов, еще академик Д. Лихачев назвал концептосферой. Он также утверждал, что чем меньше культурный опыт человека, тем беднее не только его язык, но и концептосфера его словарного запаса – как активного, так и пассивного. Следовательно, имеет значение не только широкая осведомленность и богатство эмоционального опыта, но и способность быстро извлекать ассоциации из запаса этого опыта и осведомленности [3, с. 283]. Знание большого количества крылатых выражений, их авторов или источников происхождения позволит иностранным учащимся не только восполнить некоторые культурные пробелы, но и в связи с той или иной реалией сформировать в своем сознании концепты, подобные тем, которыми пользуются носители этой («чужой») культуры.

в) Поскольку «встреча двух культур не проходит бесследно – ни для наблюдающих за поведением иностранца, ни для самого иностранца, в сознании носителя культуры А проходит сравнение своей культуры, своего привычного «образа жизни» с повседневным поведением, свойственным культуре Б» [1, с. 117]. Нередко такое сравнение и последующая оценка новой культуры оказываются положительными, однако зачастую иностранцы «сталкиваются с отличным от своего набором поведенческих моделей и с новой совокупностью ценностей» [7, с. 264], в результате чего у них возникает шоковая реакция, в культурологии называемая культурным шоком. Межкультурные различия, вызывающие культурный шок, могут стать причиной затруднительной адаптации иностранцев в новой для них среде. Именно поэтому, готовясь стать наблюдателем либо участником новой культуры, человек должен осознать, что перед ним

стоит задача не протестовать против непривычной манеры говорить или вести себя, а усвоить ее согласно принципу «в Риме веди себя как римлянин» и «в чужой монастырь со своим уставом не ходят». Так, максимальное количество хорошо усвоенной студентами-филологами межкультурной информации позволит не только избежать культурного шока, но и научиться разумно сопоставлять (а не противопоставлять) реалии двух культур.

г) Для студентов-переводчиков, для которых русский язык станет основным рабочим инструментом, свободное владение единицами национально-культурно маркированного фонда является не просто желательным, а необходимым. Во избежание недопонимания, следствием которого может быть выпускание из перевода части текста либо его неадекватная интерпретация, переводчик обязан быть хорошо осведомлен о наборе часто цитируемых устойчивых и крылатых выражений. В особенности это касается устных переводчиков, не имеющих возможности найти значение незнакомого выражения в момент перевода или подумать над переводческой стратегией.

Важность владения крылатыми выражениями помимо вышесказанного заключается и в том, что «речь русскоязычных носителей в повышенной степени содержит информацию этнокультурного характера с коннотационными значениями, свойственными именно данной этнокультурной среде» [9, с. 7]. Речь многих носителей русского языка является интертекстуальной с превалирующим количеством прецедентных феноменов литературного происхождения. По мнению основателя словацкой прешовской лингвокультурологической школы, Й. Сипко, в интертекстуальности русскоязычного дискурса явно доминируют литературные реминисценции, что является одним из ключевых этнопсихолингвистических признаков русской культуры, подчеркивающих ее литературоцентричный характер [8, по: 6, с. 159]. Следовательно, в целях достижения успешной межкультурной коммуникации студенты, изучающие русскую филологию, должны осознавать различия, существующие в способах построения речи и написания текстов русскоязычными носителями и носителями их собственной культуры, а также уметь распознавать интертекстуальные элементы и верно их толковать. Существует немало культур, для носителей которых интертекстуальность отражается в дискурсе в намного меньшей мере, чем в русской культуре. Ввиду вышесказанного педагог обязан обращать должное внимание студентов на особенности речи русскоязычных носителей и вводить на семинарах РКИ соответствующий межкультурный материал [4, с. 43–44].

Поскольку характер настоящей статьи не является методологическим, вопрос о способах введения межкультурной информации – крылатых выражений – в планы занятий по русскому языку как иностранному будет рассмотрен в качестве секундарного. Ниже будут представлены только те виды обучающей деятельности, которые оказались наиболее успешными в словацкой аудитории.

В первую очередь необходимо подчеркнуть, что крылатые выражения как разновидность межкультурной информации может включаться в планы занятий для студентов всех языковых уровней, однако, по нашему мнению и исходя из нашего опыта, наибольший эффект имеет введение афористических единиц в группах студентов, чьи языковые знания достигли как минимум порогового уровня (B1). Внесение в занятия межкультурного компонента можно разделить на несколько этапов. На первом этапе учащиеся должны лучше осознать изучаемый элемент культуры: преподаватель может рассказать студентам о вышеупомянутой литературоцентричности русскоязычного дискурса, а также посредством диалога попытаться сопоставить «чужую» культуру с родной культурой учащихся (поговорить о причинах возникновения или отсутствия литературоцентричности в том

или ином национальном дискурсе, сравнить частотность употребления в русской и родной речи учащих крылатых выражений и пр.). На втором этапе происходит непосредственное знакомство с крылатыми выражениями. Рассмотрим некоторые способы такого знакомства.

Изучение крылатых выражений через работу с художественным текстом. Работая с художественным текстом, насыщенным известными в русскоязычной среде крылатыми выражениями, педагог достигает ряд языковых (изучение грамматических категорий, синтаксических конструкций, новой лексики) и внеязыковых (связанных с внеязыковой действительностью и культурой) целей. По ходу прочтения текста преподаватель помимо лексико-грамматического материала останавливается на материале межкультурного характера – афоризмах – и обращает внимание студентов на значение и контекст их употребления. Обращаясь к творческому потенциалу учащихся, преподаватель также может прибегнуть к брейнстормингу, т.е. мозговому штурму. В таком случае, опираясь на контекст художественного текста, студенты должны самостоятельно понять и объяснить семантику крылатого выражения, а также сказать, в каких ситуациях его удобно применять. Так, взяв за основу текст А. С. Грибоедова «Горе от ума», преподаватель может представить студентам следующие афористические единицы: «Счастливые часов не наблюдают», «Герой не моего романа», «Служить бы рад, прислуживаться тошно», «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь», «И кто влюблён – на всё готов», «Все врут календари», «Не надобно другого образца, когда в глазах пример отца», «Где ж лучше? – Где нас нет», «Свежо предание, а верится с трудом», «А судьи кто?», «Злые языки страшнее пистолета» и др. Опыт работы со словацкими студентами показывает, что коллективное обсуждение и декодирование значений крылатых выражений развивает критическое мышление студентов, а также заставляет их включаться в дискуссию на русском языке, что значительным образом способствует формированию их коммуникативной компетенции.

Изучение крылатых выражений через работу с публицистическим текстом. Как известно, русскоязычный медиадискурс насыщен прецедентными выражениями, многие из которых основаны на литературных реминисценциях. Так, анализируя со студентами какую-либо публицистическую статью, в том числе рекламную, в которой встречается афористическая единица, преподаватель может обратить внимание на ее семантику и происхождение. А, обсуждая происхождение, имеет возможность представить студентам большое количество межкультурного материала. Приведем несколько примеров анализируемых со студентами публицистических статей (и их заголовков) и рекламных лозунгов, содержащих прецедентные выражения из произведений литературы, и укажем, какой тип информации был представлен студентам:

Крылатое либо прецедентное выражение	Источник	Происхождение	Вид представляемой межкультурной информации
А ларчик (то бишь ящик) просто открывался...	rozneronline.ru, колонка В. Познера от 01.07.1999	«Ларчик», И. А. Крылов («А ларчик просто открывался»)	Личность автора, прочие крылатые фразы из произведений Крылова, общественно-политическая жизнь России нач. XIX в. через призму сатиры

Крылатое либо прецедентное выражение	Источник	Происхождение	Вид представляемой межкультурной информации
Великий и могучий: язык, на котором юзают, френдят и гуглят	ria.ru, статья от 17.11.2009	«Русский язык», И. С. Тургенев («Великий, могучий, правдивый и сво- бодный русский язык»)	Личность автора, дворянство, стихо- творения в прозе, русский роман, «но- вый человек»
Умом Россию не понять: в Улан-Удэ в ноябре высадили саженцы	newbur.ru, статья от 27.11.2020	«Умом Россию не понять», Ф. И. Тютчев	Личность автора, славянофильство и западничество
Любви вся техника покорна!	М.видео – сеть ма- газинов бытовой техники и электро- ники, рекламная га- зета «М.видео. По- волжье» 2010, №4	«Евгений Онегин», А. С. Пушкин («Любви все возрас- ты покорны»)	Личность автора, роман «Евгений Онегин» как энцик- лопедия русской жизни, золотой век русской литературы
«Расти, денежка, большая и маленькая! Начинайте копить. Понемногу. Уже сейчас»	Вклады Форус Бан- ка. Рекламный пла- кат.	Русская народная сказка про лису и волка («Ловись, рыбка, большая и малень- кая»)	Русские народные сказки vs. русские авторские сказки; персонажи русских сказок, фольклор

Окончив непосредственное обсуждение крылатых выражений, а также взаимосвязанной межкультурной информации, преподаватель может перейти к третьему этапу, целью которого является закрепление материала. Закрепление изученного может проходить в игровой, дискуссионной, тестовой либо опросной форме. Выбор вводимого материала всегда зависит от преподавателя, аудитории и целей конкретного занятия. Формы введения могут включать различного рода сопроводительные материалы (раздаточные, иллюстративные, аудио- и видеоматериалы и пр.). Независимо от формы и содержания вводимой информации ключевой остается цель ее введения – расширить знания учащихся о культурной среде изучаемого языка, а значит и внести вклад в формирование их профессиональной межкультурной компетенции.

В настоящее время в обучении русскому языку как иностранному широко известным является тот факт, что преподавание и изучение русского языка не может быть ограничено обучением фонетике, лексике и грамматике языка, т.е. только формированию языковым навыкам, но также предполагает развитие речевых умений. По этой причине использование на занятиях по русскому языку межкультурной информации считается одной из важных целей обучения языку и формирования речевой и социокультурной компетенции.

Список литературы

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М. : Изд. Моск. ун-та, 1973. 235 с.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология. М. : Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
3. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста : антология. М. : Ин-т народов России, 1997. С. 280–287.
4. Посохин И. А. Преподавание русской и белорусской литературы в рамках регионоведческой специальности «Российские и восточноевропейские исследования» //

Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста : сб. ст. Брест, 2019. С. 42–47.

5. Программа по русскому языку для иностранных студентов-филологов: практический курс / сост.: А. В. Величко, Л. В. Красильникова, В. А. Маркова [и др.] ; под ред. В. А. Маркова. М. : МАКС Пресс, 2011. 160 с.

6. Dulebová I. Precedentné fenomény súčasného ruského jazyka // Cudzíe jazyky v premenách času 5. Bratislava : Ekonóm, 2015. S. 157–161.

7. Rivers W. M. Teaching Foreign-Language Skills. Chicago : University of Chicago Press, 1968. 576 p.

8. Šipko J. Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokultúrológie. Prešov : FF PU v Prešove, 2011. 320 s.

9. Šipko J. Texty so zvýšenou etnokultúrnou konotáciou. Prešov : FF PU v Prešove, 2002. 258 s.

Информация об авторе: *Мадей Елизавета Дмитриевна*, магистр, аспирант кафедры русистики и восточноевропейских исследований философского факультета Университета имени Я. А. Коменского в Братиславе (г. Братислава, Словакия).

ЗВАРОТАК У ВЕРШАВАНЫХ ТЭКСТАХ Н. С. ГІЛЕВІЧА

Л. М. Мазуркевіч

г. Мазыр, Беларусь

Анотацыя. Актыўнае выкарыстанне звароткаў – адметная асаблівасць сінтаксісу вершаваных тэкстаў беларускага паэта Н. С. Гілевiча. У артыкуле разглядаюцца граматычныя і структурна-семантычныя тыпы названых сінтаксічных адзінак. Падкрэсліваецца, што зваротак – не толькі неад’емны кампанент сказа, які развівае структуру і ўзбагачае змест яго, але і дастаткова важны элемент эмацыянальна-ацэначнай характарыстыкі адрасата.

Ключавыя словы: зваротак, сінтаксічныя канструкцыі, стылістычная функцыя, вершаваныя тэксты, структурна-семантычныя асаблівасці.

Для цитирования: Мазуркевіч Л. М. Зваротак у вершаваных тэкстах Н. С. Гілевiча // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 411–414.

ОБРАЩЕНИЕ В СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТАХ Н. С. ГИЛЕВИЧА

Л. Н. Мазуркевич

г. Мозырь, Беларусь

Аннотация. Активное использование обращений – отличительная особенность синтаксиса стихотворных текстов белорусского поэта Н. С. Гилевича. Рассматриваются грамматические особенности и структурно-семантические типы названных синтаксических единиц. Подчеркивается, что обращение – не только неотъемлемый компонент предложения, развивающий структуру и обогащающий содержание его, но и достаточно важный элемент эмоционально-оценочной характеристики адресата.

Ключевые слова: обращение, синтаксические конструкции, стилистическая функция, стихотворные тексты, структурно-семантические особенности

У маўленні зваротак традыцыйна выконвае некалькі функцый, асноўнымі з якіх з’яўляюцца наступныя: намінатыўная, камунікатыўная, эмацыянальна-ацэначная. Гэта абумоўлена тым, што зваротак не толькі абазначае асобу ці прадмет, да якіх непасрэдна звернута выказванне, але і характарызуе іх, змяшчае ацэнку, прыцягвае ўвагу да зместу выказвання і г.д.

І ў айчынным, і ў рускім мовазнаўстве па-рознаму вызначаецца сінтаксічны статус зваротка, што працяўляецца ў існаванні некалькіх падыходаў да вывучэння граматычнай прыроды яго [7]. Нягледзячы на гэта, безумоўным з’яўляецца той факт, што зваротак у сказе выконвае важную канструктыўную, а не службовую ролю. Накіраванасць (зварот) змешчанага ў сказе паведамлення да канкрэтнай асобы ці прадмета або з’явы з’яўляецца асноўнай, найбольш істотнай адзнакай зваротка як члена сказа, прызначанага для ўскладнення яго структуры [1, с. 29].

Прызнанне за звароткам не толькі сэнсавай, але і сінтаксічнай сувязі раскрывае сутнасць і спецыфіку гэтай канструкцыі. Безумоўна, зваротак істотна адрозніваецца ад галоўных і даданых членаў сказа не толькі характарам сінтаксічнай сувязі, але і семантычнымі, структурнымі асаблівасцямі. Адметна, што сінтаксічная сувязь, якой уводзіцца зваротак у сказ, з’яўляецца суадноснай або

інтрадуктыўнай. Гэта сувязь існуе на ўзроўні сказа, а не на ўзроўні словазлучэння, як дапасаванне, кіраванне ці прымыканне: яна больш свабодная, аслабленая, часцей за ўсё неабавязковая. І гэта заканамерна, бо яна рэалізуецца паводле сэнсу і граматычнай суадноснасці зваротка з іншымі членамі ў сказе [1, с. 29].

Адметнай адзнакай сінтаксісу паэтычных твораў беларускага мастака слова Н. С. Гілевіча стала актыўнае выкарыстанне зваротка. Адрасатам паведамлення ў мове вершаваных тэкстаў яго часцей за ўсё выступае асоба чалавека, радзей – жывая істота, неадушаўлёны прадмет ці з’ява. Як правіла, зварот да неадушаўлёных прадметаў, абстрактных паняццяў і геаграфічных назваў адбываецца пры персаніфікацыі іх: *Тваю трагедыю, Лагойшчына, / Што будзе помніца да скону, / Ён не пакіне неадпомічанай / І не даруе нікому!* [2, с. 71]; *Што я наважыў одумам сваім – / Я паўтару табе як клятву нанач. / А покуль што стаю ў цішы хваін / І слухаю тваё дыханне, Нарач* [2, с. 58]; *Браток, – пусціў слязу калега, – / Дзеля малых прашу дзяцей, / Каб ты замест мяне паехаў: / Ты ж халасцяк! Табе прасцей!* [6, с. 92]; *І так штодзень, і так штодзень: / “Жывей, жывей, мой Кузя!..” / Кузьма асунуўся, схудзеў, / Сцялося сэрца ў вузел* [6, с. 78]; *Сядайце, – кажэ мне, – ў карэце, / І папрашу, грамадзянін: / Як будзем ехаць – не дурэйце: / Я – мнагадзетны сем’янін* [6, с. 84].

Пераважна ў ролі звароткаў выкарыстоўваюцца назоўнікі, якія абазначаюць асоб паводле роднасці і сваяцкіх адносін, роду заняткаў, займаемай пасады, сацыяльнай прыналежнасці, узросту і імені, якой-небудзь знешняй ці ўнутранай прыкметы, уласцівасці характару і г. д.

У разгледжаных сінтаксічных канструкцыях даволі часта ў якасці зваротка ўжываюцца словы з так званай нязменнай функцыяй, у выніку актыўнага выкарыстання асобных з іх страцілі сваё лексічнае значэнні і традыцыйна называюць любую асобу, да якой звяртаюцца: *Толькі тырскі ўбакі. / Як сонца жывыя асколкі. / Наперад, вяспане! Смялей за буйкі! / Ні страху, ні стомы – нікольні!*; *Э-э, братка-братачка, каб мог я / Заразу гэтую глытаць – / Я б за здароўе бабы Зохвы – / Быў рад і ў бутлі дна дастаць!*; *Братка мой! / Братка мой! / Братачка родны! / Адкажы – сам сабе адкажы: / Чым зрабіўся табе непрыгодны / Скарб бяспэчэнны тваёй жа душы?* і г. д.

Звычайна звароткі прэзентуюцца словамі ці словазлучэннямі, якія структурна арганізаваныя, граматычна незалежныя, інтанацыйна вычлененыя ў асобную канструкцыю ў межах простага ці складанага сказаў (па-за межамі сказа яны сустракаюцца рэдка, што абумоўлена зместам, будовай, рытмікай і мелодыкай саміх твораў). Паводле свайго сэнсу звароткі заўсёды звязаны са сказам і без яго самастойна не ўжываюцца: яны ўключаюцца ў сказ або знаходзяцца пры сказе для адпаведнай характарыстыкі яго зместу і служаць адным з дзейных сродкаў вобразнага адлюстравання рэчаіснасці [1, с. 28]: *Што ты пішаш, баламутнік, / Аб гісторыі далёкай! – / Закрываў у злосці лютай / Пані Догмы верны лёкай* [6, с. 31].

Паэтычны матэрыял дазваляе адзначыць, што зваротак не мае пастаяннага месца ў сказе: ён можа размяшчацца ў пачатку сказа, у сярэдзіне ці ў канцы яго. Традыцыйна месца зваротка ў сказе абумоўлена яго актуальнасцю, лагічным і інтанацыйным выдзяленнем: пры большай актуалізацыі ён звычайна размяшчаецца ў пачатку, пры меншай – у сярэдзіне ці ў канцы сказа. Адначасова адзінкавыя выпадкі ўжывання зваротка па-за межамі сказа, што адбываецца пры ўмове асаблівай актуалізацыі яго, прычым зваротак, знаходзячыся па-за межамі сказа, не губляе з ім сэнсавай сувязі: *Дзівак! Нясмелы дурань! / Ці ж можна з гэткам паляцець?.. / Успамінай цяпер і думай – / Пра заўтра думай, цяляпень!* [2, с. 25].

Паводле структуры вылучаных звароткі бываюць неразвітымі або развітымі. Неразвітыя выражаюцца звычайна назоўнікамі ў форме назоўнага ці былога клічнага склону. У такім выпадку яны абазначаюць асоб, жывых істот, прадметы і з’явы: *Цудоўна, дружа! / Перспектыўна дужа. / Калі мы здзейсім – а мы здзейсім! – план, / Прадбачу нават, як падскочыць тут жа / Каэфіцыент душэўнага цяпла* [3, с. 38]; *Яна нямела, абмірала / І, як у трызненні, у сне, / Адно бясконца паўтарала: / “Забіў ты, **Сцёпачка**, мяне!..”* [3, с. 52]; *За ўзмахам узмах – / Толькі пырскі ўбакі. / Як сонца жывыя асколкі. / Наперад, **васпане!** Смялей за буйкі! / Ні страху, ні стомы – нікольні! [2, с. 32]; Углядайся, **сыне**, пільней углядайся, / У святыя абрысы бацькоўскай зямлі. / На чужыя спакусы душой не паддайся, / Каб нашчадкі мяне за свой лёс не клялі* [2, с. 34].

Развітыя звароткі ў структуры сказаў прадстаўлены спалучэннямі назоўнікаў у форме назоўнага (былога клічнага) склону або субстантываваных прыметнікаў і залежных ад іх слоў іншых часцін мовы. Такія звароткі вызначаюцца большай семантычнай напоўненасцю, у выніку чаго дасягаецца разгорнутая характарыстыка абазначаных імі адушаўлёных ці неадушаўлёных прадметаў і з’яў. Пры назоўніку ў якасці залежнага кампанента могуць знаходзіцца або якасныя прыметнікі: *І зноў стары заплюскаў нечакана / І пацягнуўся да вачэй хусцінкай. / А мы стаім, працятыя пытаннем: / “Чаго ж ты плачаш, **добры чалавек?**”* [3, с. 48]; *О **мілыя трывогі!** / Дарма тужу, дарма! / Назад да вас дарогі / Ад гэтых гурб – няма* [2, с. 21]; *Ах, **сонечныя гурбы!** / Калі вас намяло? / Пасіверылі губы, / Пасеклася чало* [2, с. 20], або прыналежныя займеннікі: ***Братка мой!** / **Братка мой!** / Братачка родны! / Адкажы – сам сабе адкажы: / Чым зрабіўся табе непрыгодны / Скарб бяспэчны тваёй жа душы?* [2, с. 51]; *Ты дзівішся, **суседачка мая**, / Чаго так раптам наблажэла я?* [4, с. 143]; *Яна, **мой браце**, з тых кароў, / Што век не запускаяецца* [6, с. 19]; ***Брат мой!** / Кроў Леўскага ў жылах пульсуе маіх! / Кроў Каліноўскага ў сэрцы стукоча тваім!* [2, с. 15]. Адзначаюцца таксама і выпадкі паралельнага ўжывання адзначаных спалучэнняў: *“Бывай, **мая мамачка!**”, “**Матанька родная!**”* [2, с. 26].

Радзей ў паэтычных радках фіксуецца звароткі, створаныя па мадэлі “прыналежны займеннік + прыметнік(і) + назоўнік”: ***Мой сіні бор, мой родны бор зялёны!** / Ён ёсць у кожнага – свій бор, што вабіць, / Свой мілы кут, свае бярозы і клёны, / І ёсць свая лясная тайна, мабыць...* [2, с. 10]; *Як ты грэмела, як бабахала, / **Мая рабінавая ноч!** / Стокрылы вецер дол аблахаваў / І вобзем кінуўся наўзбоч* [2, с. 8]; *Не пакідай мяне, **мой светлы сум**, / З табой мне хораша на адвячорку / Хадзіць і слухаць лесу ціхі шум...* [2, с. 9], што дазваляе пісьменніку дасягнуць большай вобразнасці і эмацыянальнай выразнасці. З акрэсленай мэтай ужываюцца і паўторныя назоўнікі: *Зрываць красу – пабойся бога! / Пялёсткам сум не залячыць! / Ах, павядзі мяне, **дарога-дарожка**, / Ад гэтай казкі ўдалячынь!* [3, 28]; *Э-э, **братка-братачка**, каб мог я / Заразу гэтую глытаць – / Я б за зда-роўе бабы Зохвы – / Быў рад і ў бутлі дна дастаць!* [2, с. 212].

І неразвітыя, і развітыя звароткі могуць быць аднароднымі: *Даруйце, **родныя бары і пушчы**, / Зямлі бацькоўскай неацэнны скарб, / Што – не глухі і не сляпы – відушчы – / Не чуў, не бачыў вашых слёзных скарб* [2, с. 36] і неаднароднымі, калі характарызуюць прадмет ці паняцце па рознай прыкмеце, выконваючы ўдакладняльную функцыю: *Прыпазніўся з хлопцамі / На дзядзінец бацька. / “Дзе ты, **маё золата**, / **Каснічок чырвоны?**..”* [2, с. 69].

Паводле спосабу ўжывання развітыя звароткі бываюць адзіночныя, паўторныя і групавыя. Адзіночны зваротак традыцыйна адрасаваны адной асобе або прадмету і ўжыты ў сказе адзін раз: – ***Сцяпан Якубавіч**, хачу я / Табе бяду сваю адкрыць. / Няхай душа твая пачуе, / Як мне нялёгка гаварыць* [2, с. 38]; –

Сцяпан, – зірнуў Тамаш на брата, – / Ты так гаворыш, як бы тут / Сабралі тых, хто вінаваты, / І ты выносіш ім прысуд [2, с. 178]; Крыху няёмка стала Лёдзі – / Аж злосць мільгнула на губе: / – Ну, муж, калі б не пры народзе – / Ой благавухнула б табе!.. [2, с. 256]; Сцяпан на момант прыпыніўся, / Абвёў паглядам шыр – прастор. / “Эгей, мой кут, як ты змяніўся! / Стаў роўны й гладкі – нібы стол...” [2, с. 164]; ...І не знаеш, як гарача, як апантана шапчу я: / “ Сні, мая лугавая, мая залатая мядуначка!” [2, с. 37]; Удава – уголас: / Дочанька мая! / Сцерпі гэту ганьбу – / Што табе зашкодзіць?!.. [2, с. 67]; – Казачэнька мой міленькі, / Чым мы будзем умывацца? / – Ой, я расою, а ты слязою, / Мілая, любая мая! [2, с. 90].

Паўторны зваротак ужываецца ў сказе некалькі разоў з мэтай узмацнення і дасягнення асаблівай эмацыянальнай выразнасці: *Пераступіць бы тую плётку, / Разумна разам абмінуць... / Ах, Аля, Аля! Як жа лёгка / Далі сябе мы абмануць!..* [2, с. 265]; – *Мар’яна!* – клікнула – *Мар’яна!* – / І зразумела, што дарма: / Пасцель была не расцілана. / Дачкі няма! Яе няма! [2, с. 234]; *Вярблюд, вярблюд, паслухай, / Гарбаты дурань мілы: / Ты ж колісь вельмі здорава / Плявацца ўмеў, вярблюд?* [6, с. 18]; *О, дзеці, дзеці! Дзе мне вочы дзець? / Каб вам у вашы вочы не глядзець?* [2, с. 49]; – *Моська, Моська, на – на – на!* [5, с. 27].

Групавыя звароткі адрасаваны розным асобам ці прадметам, і ў сваім аб’яднанні яны ўтвараюць аднародны злучнікавы або бяззлучнікавы рад: *Ды ні гуку над Гайнай – пад цёмным шатром. / Толькі зоркі – як вочкі Купаліны. / Дзе ж вы, хлопцы, дзяўчаты? Чаму за сялом / Над ракою, агні не запалены?* [2, с. 31]; *Тады і даў каманду хтосьці: / – Дзяўчаты! Бабы! Песні дзе? / Ці нас пазвала свята ў госці – / Ці мы сабраліся ў бядзе?* [2, с. 218]; – *Цішэйце, бабы! Волька! Зіна!* / *Ішлі б кудахтаць за парог!..* [2, с. 218].

Такім чынам, звароткі, засведчаныя ў мове вершаваных тэкстаў Н. С. Гілевіча, з’яўляюцца важнымі структурнымі кампанентамі, якія развіваюць структуру сказа, узбагачаюць яго змест і выступаюць асноўным сродкам эмацыянальна-ацэначнай характарыстыкі адрасата. Акрамя таго, звароткі не толькі называюць тых адушаўлёных і неадушаўлёных персанажаў, якім адрасуецца паведамленне, але і пэўным чынам настройваюць чытача на ўспрыняцце зместу і ўключэнне ў атмасферу выказвання.

Бібліяграфічны спіс

1. Бурак Л. І. Зваротак у беларускіх жніўных песнях // *Веснік БДУ*. Сер. 4. 1994. № 3. С. 28–33.
2. Гілевіч Н. Вечны матыў. Мінск : Юнацтва, 1994.
3. Гілевіч Н. Выбраныя творы ў двух тамах. Т. 1: Вершы, паэмы, п’есы. Мінск : Маст. літ., 1991. 478 с.
4. Гілевіч Н. Ёсьць зямля... Менск : Белфранс, 1997.
5. Гілевіч Н. Збор твораў. Т. 2: Вершы і паэмы 1977–1992 ; Родныя дзеці: раман у вершах. Мінск : Маст. літ., 1999. 355 с.
6. Гілевіч Н. Кантора: сатыра і гумар. Мінск : Маст. літ., 1987. 110 с.
7. Капцюг І. У. Сінтаксічныя ўласцівасці зваротка: гістарыяграфічны аспект // *Весці БДПУ*. Сер. 1. 2005. № 2. С. 65–68.

Інфармацыя аб аўторе: *Мазуркевич Людмила Николаевна*, кандидат філалагічных наук, доцент, доцент кафедры беларускай і рускай філалагіі Мозырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна (г. Мозырь, Беларусь).

УРБАНОНИМЫ В ДИЛОГИИ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ» И «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЁНОК» КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КАРТИНЫ ЭПОХИ

Н. Д. Малышева

г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается урбанонимическое пространство в дилогии И. Ильфа и Е. Петрова. Показано значение культурно-исторической функции урбанонимов на примере вымышленных лексем, функционирующих в романах «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок».

Ключевые слова: ономастика, оним, урбаноним, астионим, агороним, годоним, эргоним, И. Ильф, Е. Петров, «Двенадцать стульев», «Золотой телёнок»

Для цитирования: Малышева Н. Д. Урбанонимы в дилогии И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» как средство создания картины эпохи // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 415–418.

Особое место в ономастике занимает одна из её ветвей – урбанонимия, идентифицирующая городские объекты. Отечественные лингвисты начали проводить специальные ономастические исследования урбанонимов сравнительно недавно, поэтому интерес к этому направлению не угасает и по сей день. В секторе «урбанонимия» можно выделить астионимы (названия городов), агоронимы (названия площадей и рынков), годонимы (названия улиц, переулков, проездов, проспектов, бульваров), эргонимы (названия делового объединения людей: союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения) и др.

В отличие от других видов онимов (теонимов, мифонимов), урбанонимы не обладают достаточной устойчивостью, т.е. представляют собой систему с периодически изменяющимися элементами. Изменения в урбанонимической системе могут быть напрямую связаны с историческими процессами, социальными и политическими преобразованиями, сменой культурных парадигм – моделей образа жизни и способа мировосприятия данной культурной эпохи [2, с. 45].

Дилогию И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» называют «сатирической энциклопедией советской эпохи» [3]. Одним из способов создания картины периода 20-х годов XX века является ономастическое пространство обоих романов, в том числе урбанонимы. В данной работе мы рассмотрим вымышленные, т.е. авторские урбанонимы, которые выступают важной составной частью индивидуальной манеры отображения действительности.

Уездный город N, название которого фигурирует в первой строчке романа «Двенадцать стульев» – это отправная точка большого путешествия героев («В уездном городе N было так много парикмахерских заведений и бюро похоронных процессий, что, казалось, жители города рождаются лишь затем, чтобы побриться, остричься, освежить голову вежсателем и сразу же умереть»). «Уездный город N» в русском сознании – это некий символ провинциального, захолустного городка, чего-то банального [1, с. 31]. Словосочетания «уездный город N», «губернский город N» или просто «город N» встречались нам в «Ревизоре» Н. В. Гоголя, рассказе А. П. Чехова «В суде», повести И. С. Тургенева «Ася». И. Ильф и Е. Петров, продолжая традицию номинации, переосмысляет её: захолу-

стве стало советским, черты «нового быта» комически соседствовали здесь с прежними, постепенно вытесняемыми. Так, с помощью интертекста авторы уже в начале диалогии подводят нас к основной его мысли: несмотря на то, что в стране произошли глобальные изменения, некоторые явления «старого мира», в том числе обычаи и нравы провинциальных городов, не исчезли. Авторы романа усиливают воздействие на читателя, используя определение «уездный», которому вскоре надлежало исчезнуть, поскольку с 1921 года советским правительством планировалось новое административно-территориальное деление – введение краев, областей и районов вместо прежних российских губерний, уездов и волостей. Районирование должно было знаменовать полное обновление страны, разрыв последних связей с имперской историей. В 1927 году, когда разворачивается действие романа, вне районирования оставалось менее четверти территории СССР, где хотя бы в названиях учреждений еще сохранялось специфическое сочетание «имперского» и «советского». В это число входит и уездный город N. Именно поэтому комичной является попытка изменить урбанонимическую систему города.

Улица Губернаторская – типичное наименование улицы множества провинциальных городов в дореволюционную эпоху: Пензы (сейчас улица Советская), Пскова (сейчас улица Некрасова), Саратова (сейчас улица Степана Разина). Авторы диалогии высмеивают переименование улиц, связанное с изменением политического строя, называя главную улицу "Им. тов. Губернского". Во-первых, здесь объектом сатиры становится злоупотребление аббревиатурами, характерное для того времени (Губисполком, Осоавиахим). Во-вторых, в очередной раз показывают что многие вещи старой эпохи лишь изменили своё название, а их суть осталась прежней.

«Бюро похоронных процессий», о которых говорится на первой странице романа, также носят необычные имена. Так, неуместными кажутся нам названия похоронных бюро «Нимфа» (в древнегреческой мифологии божество природы в виде девушки, олицетворяющей живительные и плодоносные силы Земли) и «Милости просим». Данные эргонимы представляют собой онимы-оксюмороны, заключающие в себе образное сочетание противоречащих друг другу понятий.

Далее авторы переносят нас в Старгород, название которого также является вымышленным, однако прообразами города могли быть города Старобельск или Воронеж. Судя по рукописи, авторы намеревались назвать город, где ранее жили Ипполит Матвеевич и Клавдия Ивановна, Барановым или Барановском. Однако позже Ильф и Петров отказались от этих юмористических вариантов, напоминая о знаменитых Глупове, Скотопригоньевске и т.д. Новое название, сохранившееся во всех публикациях, связано, вероятно, с местом действия романа Н. С. Лескова «Соборяне», но в то же время указывает и на хрестоматийный Миргород.

С Остапом Бендером, «великим комбинатором», в Старгороде происходит интересный случай, связанный с переименованием улиц в советскую эпоху:

«Освободившись от хитрого инструмента, веселый молодой человек пообедал в столовой «Уголок вкуса» и пошел осматривать город. Он прошел Советскую улицу, вышел на Красноармейскую (бывшая Большая Пушкинская), пересек Кооперативную и снова очутился на Советской. Но это была уже не та Советская, которую он прошел, – в городе было две Советских улицы. Немало подивившись этому обстоятельству, молодой человек очутился на улице Ленских событий (бывшей Денисовской)».

Обстоятельство, которое так удивило Остапа Бендера, не являлось художественным вымыслом: 6 октября 1923 года в Петрограде (с 1924 года – Ленинград) появились десять Советских улиц. С 1798 по 1923 год эти улицы именовались

Рождественскими, и их также было десять, что могло запутать жителей города и стало объектом сатиры советских писателей.

В романе с этой «путаницей» связан ещё один эпизод – коренной житель Старгорода, извозчик, не может найти улицу, так как знает только «прежние» названия:

...Ну, тогда валяй на улицу Плеханова. Знаешь?..

– А раньше как эта улица называлась?

– Не знаю.

– Куда ж ехать? И я не знаю...

...Часа полтора проколесили они по пустому ночному городу... Один милиционер долго пыжился и наконец сообщил, что Плеханова не иначе как бывшая Губернаторская.

– Ну, Губернаторская! Губернаторскую я хорошо знаю. Двадцать пять лет возу на Губернаторскую.

– Ну и езжай на Губернаторскую.

Приехали на Губернаторскую, но она оказалась не Плеханова, а Карла Маркса.

Озлобленный Остап возобновил поиски затерянной улицы имени Плеханова. И вот всю ночь безумец бедный, куда б стопы не обращал, – не мог найти улицы имени Плеханова...

– Вези в «Сорбонну»! – крикнул он. – Тоже, извозчик! Плеханова не знаешь!..

Многие урбанонимы Старгорода связаны с историческими событиями и лицами: улица Ленских событий (имеется в виду забастовка рабочих золотых приисков на реке Лене весной 1912 года), Кооперативная улица, площадь Парижской комунны, бульвар Пролетарских плотников, Перелешинский Переулочок (поэт-авангардист Б. Н. Перелешин, близкий друг И. Ильфа), улица Плеханова.

В поисках своей цели концессионеры преодолевают множество препятствий. Одной из таких преград на их пути станет небольшой городок Васюки, где ненадолго решили задержаться компаньоны:

На правом высоком берегу город Васюки. Отсюда отправляются лесные материалы, смола, лыко, рогожи, а сюда привозятся предметы широкого потребления для края, отстоящего на 50 километров от железной дороги. В городе 8000 жителей, государственная картонная фабрика с 320 рабочими, маленький чугунолитейный, пивоваренный и кожевенный заводы. Из учебных заведений, кроме общеобразовательных, лесной техникум.

Васюки – авторский урбаноним, описание города заимствовано из указанного путеводителя, где оно относится к городу Ветлуга, что расположен в верхнем течении одноименного притока Волги. Жителям населённого пункта авантюрист Бендер обещает изменение облика города вместе с изменением названия, но, по понятным причинам, этого не происходит:

Васюки переименовываются в Нью-Москву, Москва – в Старые Васюки. Ленинградцы и харьковчане скрежещут зубами, но ничего не могут поделать. Нью-Москва становится элегантнейшим центром Европы, а скоро и всего мира.

– Всего мира!!! – застонали оглушенные васюкинцы.

Именно в этой речи Остап преподносит им образ новых Васюков, называя его видимо по аналогии с Нью-Йорком, «Нью-Москвой». После выхода романа появился фразеологизм, представляющий собой астионим «Нью-Васюки» (ироническое обозначение неосуществимых, фантастических планов).

Одним из городов в романе «Золотой теленок» является город Арбатов. Описание Арбатова в романе – почти точная копия Саратова середины 20-х годов

прошлого века. На главной улице города «*один за другим, расположились подряд три магазина духовых инструментов, мандолин и басовых балалаек*». В Саратове в начале улицы Республики располагались: в доме № 1 – магазин К. Н. Унгара «Ноты, инструменты и принадлежности», в доме № 2 – магазин В. Ф. Караваева «Музыка. Ноты, гитары, мандолины, балалайки, домры, струны», в доме № 5 – отдел магазина губпросторга «Музыка, ноты, гитары, мандолины».

На той же улице Республики располагались и магазин учебных пособий, «*где над глобусами, черепами и картонной, весело раскрашенной печенью пъяницы дружески обнимались два скелета*», и гравировальная артель – «*в бедном окне мастерской штемпелей и печатей наибольшее место занимали эмалированные дощечки...*». Тут же была и столовая «Общества друзей беспризорного ребёнка», которая в романе стала называться «Бывший друг желудка». Так, с помощью эргонима писатели показали сатиру на низкое качество еды в общественных столовых провинциальных городов.

Ещё одной остановкой героев «Золотого телёнка» стал город Черноморск, прообразом которого является Одесса. Одна из улиц города, на которой живет инженер Корейко, – Малая Касательная. Примечательно, что эта улица уже упоминалась на страницах первого романа дилогии, но в «Двенадцати стульях» герой использует её настоящее название – Малая Арнаутская. Так, одна и та же улица имеет два годонима в дилогии.

В городе Черноморске не только годонимы и агоронимы, но и эргонимы претерпели изменения. Так, «прославленное кафе «Флорида» становится неказистой «Столовой № 6». Кафе «Флорида» и гостиница «Карлсбад» носят имена прибрежных курортных городов США. Данные эргонимы наводят нас на мысль, что в Черноморске пытаются создать атмосферу известных городов Америки, однако описание самого Черноморска доказывает, что это не так, ожидание расходится с реальностью.

Таким образом, урбанонимическое пространство в дилогии И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» представляет собой своеобразный культурный код. Авторы не говорят напрямую о некоторых не совсем приятных особенностях советской эпохи, предлагая читателям самим угадать реалии того времени.

Список литературы

1. Авдеева Г. А. Ономастическая игра как реализация аллюзивного принципа языковой игры в художественном тексте: на примере «Уездного города N» М. Науменко // Уральский филологический вестник. Сер.: Психолингвистика в образовании. 2014. № 2. С. 30–37.
2. Казакова С. Л. Система урбанонимов и их прагматический аспект // Университетские чтения. Пенза, 2009. Ч. VI. С. 45–51.
3. Молчанова М. Советская Россия в «12 стульях» Ильфа и Петрова // История создания романа «12 стульев». URL: [https://www.liveinternet.ru/users/sergey_tashebsky/post408825093](https://www.liveinternet.ru/users/sergey_tashebsky/post/HYPERLINK\) (дата обращения: 09.02.2021).

Информация об авторе: *Малышева Наталья Дмитриевна*, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

АНТРОПОНИМЫ В РАННИХ РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА

Н. И. Мартирян

г. Ереван, Армения

Аннотация. В ранний период творчества (1880–1887) А. П. Чехов активно использует говорящие фамилии, наделяя своих персонажей соответствующими нравственными и психологическими качествами. Как правило, они служат для достижения комического эффекта, на котором базируется художественный мир писателя, а также раскрывают его личное отношение к персонажу.

Ключевые слова: антропоним, имплицитность, интертекстуальность, персонаж, художественный текст, эксплицитность

Для цитирования: Мартирян Н. И. Антропонимы в ранних рассказах А. П. Чехова // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 419–423.

Художественный текст является особой сферой функционирования собственных имён. В нем слова соотношены как с реальной, так и с изображаемой действительностью, а также с современным литературным языком и языком художественного произведения. Всё это служит воссозданию ассоциативных связей слова, а также пониманию авторского замысла произведения, так как текст обозначает одновременно объективную действительность и созданный писателем мир.

В литературном произведении имя собственное играет очень важную роль, так как именно с него начинается знакомство с персонажами произведения. Благодаря имени в художественном тексте можно многое понять о времени, социуме и т.д. «Любое реалистическое произведение содержит имена, типовые для данной социальной группы в данную эпоху. Юмористическое произведение намеренно сгущает краски, привлекает “говорящие” имена и фамилии, не делая, однако, серьёзных отступлений от норм, традиционно закреплённых за определённым словесием. В сатирических произведениях имена шаржируются. Романтические произведения используют имена, принципиально не похожие на имена окружающих, чем “заявляют” о некоторой пространственно-временной отдалённости действия от современности» [2, с. 30].

В художественном тексте имя собственное выступает в качестве стилистического приёма, основанного на эффектах обманутого или вознаграждённого ожидания, причём наиболее интересно это явление проявляется там, где перед нами предстаёт комическое во всех его проявлениях: от юмора до сатиры. Считаем необходимым отметить, что основанный на неожиданности стилистический приём окказиональной антономасии имеет весьма различную степень неожиданности в том случае, если автор имеет дело с кличками и прозвищами, и в том случае, если автор использует фамилии и имена. Каким образом бы автор ни обыгрывал предметно-логическое значение клички, оно в любом случае лежит на поверхности. Предметно-логическое же значение имён и фамилий спрятано достаточно глубоко, а может, на первый взгляд, совсем не проявляться.

В этом плане также весьма примечательно высказывание Ю. Тынянова: «В художественном произведении нет неговорящих имен... Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые

только оно способно. Оно с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни» [3, с. 27].

Двунаправленный характер взаимовлияния художественного текста и имени собственного давно не вызывает сомнений: с одной стороны, имя собственное выполняет роль текстовой скрепы и наделено текстообразующей функцией, с другой – имя собственное, по мере своего продвижения в тексте, приобретает собственную семантическую структуру.

Для А. П. Чехова фамилии, имена и прозвища персонажей всегда были предметом пристального внимания. Он интересовался семейными именами и прозвищами современников, записывал звучные, характерные имена в своих записных тетрадах, прикидывая, кому из будущих героев произведения может подойти то или другое имя. Да и себя он в письмах друзьям регулярно называл придуманными именами: граф Черномордик, Аркадий Тарантулов, Шиллер Шекспирович Гете, – «подарив» их позже своим литературным героям. А ранние произведения подписывал различными псевдонимами: Г. Балдастов, Лаэрт, дон Антонио Чехонте, Рувер и, наконец, знаменитый Антоша Чехонте.

А. П. Чехов в период Антоши Чехонте настолько сильно увлекался придумыванием фамилий, что, например, в рассказе «Лошадиная фамилия» отвёл им центральное место, оттеснив на второй план и сюжет, и действующих лиц. В рассказе на две фамилии действующих лиц – Булдеев и Овсов – придумано сорок, прямо или косвенно связанных с лошадьми (за исключением фамилии Кобелев).

Об этом писал и П. П. Бажов: «Меня больше всего поражило чеховское умение сгустить типическое до одной клички. Протоиерей Змиежалов, дьячок Воньмигласов, акцизный Почечуев, корреспондент Оптимахов (Оптимов) – всё это для людей нашего времени уже портреты. Фамилии Змиежалов и Воньмигласов откровенно шаржированы, но когда ты знаешь «о жале змия» в соответствующем контексте и когда ты услышал уныло ленивую голосанку «вон-ми гласу моления моего», тебе кажется это шаржирование тем сгустком обобщения, дальше которого идти невозможно» [1, с. 48].

Мы провели следующую классификацию антропонимов в ранних рассказах А. П. Чехова с точки зрения структуры: одночленные, двучленные и трёхчленные конструкции.

Одночленные конструкции, преобладающие при номинации персонажа в чеховских рассказах, включают в себя личные имена, фамилии, отчества и прозвища. Имена и фамилии используются часто, отчества и прозвища – достаточно редко. Наиболее часто писатель использует полную форму личных имен: Николай, Любим, Матвей, Пелагея; деминутивы как без суффиксов – Лиза, Гриша, Саша, так и с ними – Егорушка, Анюта, Агаша не менее распространены. Зато достаточно редки случаи экспрессивных и разговорно-нейтральных форм личных имен: Николашка, Стёпка, Варька. Фамилия персонажа (Лаптев, Ершаков, Галкин, Самойленко, Луганович, Кукин) как одночленная антропонимическая модель также частый приём номинации героя на страницах рассказов А. П. Чехова. Отчества (Егорыч, Петрович) и прозвища (Герострат, Эфиальт) встречаются редко.

Второй вид антропонимических конструкций включает двучленные модели, представленные следующими конкретными разновидностями: 1) сочетание личного имени и фамилии; 2) сочетание имени и отчества персонажа. В конструкции «Имя +Фамилия» отмечен ряд вариантов, связанных с употреблением той или иной формы личного имени. Наиболее часто встречаются сочетания имени в полной форме с фамилией – Савелий Гыкин, Яков Смирнов, Степан Ключков, хотя присутствуют и варианты сочетания деминутивов с фамилией – Митя Кулдаров, Саша Смирнов, Машенька Павлецкая. В конструкции «Имя +Отчество»

обращает на себя внимание употребление отчеств: наряду с небольшим количеством полных литературных форм – Николай Степанович, Петр Игнатьевич – применялись разговорные формы (произносительная норма) отчеств – Иван Андреич, Михаил Аверьяныч, а также отчества на -ов, -ев – Иван Васильев, Иона Потапов, имеющие с одной стороны официальный, приказной тон, а с другой – указывающие на низкое (недворянское) происхождение персонажа.

Третий вид антропонимической конструкции описывается трёхчленной моделью «Имя+Отчество+Фамилия» или «Фамилия+Имя+Отчество»: Ефим Захарыч Фендриков, Моисей Ильич Шахкес, Цыбукин Григорий Петров, Ярцев Иван Гаврилыч. Такое официальное представление героя позволяет автору, во-первых, беспристрастно познакомить с ним читателя, а во-вторых, даёт возможность в дальнейшем именовать данного героя любым из антропонимов. Считаем нужным отметить, что этот вид антропонимической модели является самым редким в раннем творчестве А. П. Чехова.

Семантический анализ фамилий в ранних рассказах А. П. Чехова свидетельствует о том, что их эстетическая окраска выражается как имплицитно, так и эксплицитно – с помощью окружающего микроконтекста. Часть чеховских фамилий стилистически нейтральны, образованы от обычных имен: Ефим Степанов, Иван Захаров, Иона Потапов, Григорий Петров, Денис Григорьев, Ванька Жуков и многие другие.

По меткому наблюдению Хазагерова Т. Г.: «В любом художественном произведении литературный персонаж утверждается в сознании читателя своим внешним видом, чертами характера, поступками, мыслями, своеобразной речью. Если тот или иной характер удался писателю, то в представлении читателей все его черты будут связаны с одним словом – его именем. Каждое новое имя, если оно появляется на страницах произведения, созданного рукой подлинного художника, и если это произведение читает тот, кто владеет искусством читать (а умение читать есть подлинное искусство), привлекает внимание, настораживает, вызывает определённые ассоциации, создаёт определённый настрой [4].

Использование нейтральных онимов ещё более усиливает эффект в тех случаях, когда автор употребляет стилистически окрашенные фамилии.

Эстетическая маркированность фамилий в творчестве раннего А. П. Чехова тесно связана с характером мотивирующего: о семантической сниженности фамилий говорит тот факт, что основная масса фамилий мотивирована бытовой, часто сниженной лексикой. Об этом свидетельствует и высокая частотность таких фамилий в рассказе. Наиболее частотны единицы следующих лексико-семантических групп: «части тела» (Желваков, Челюстин, Грязноруков), «пища» (Соусов, Пивомедов, Лимонадов), «животные» (Клещев, Гускин, Курятин, Гнилырыбенков) и др. Вот фамилии чиновников из рассказа «Винт»: (Пересолин, Звиздулин, Писухин, Недоехов, Кулакович, Ерлаков, Кофейкин, Крышкин, Поганкин). Таким образом, здесь эстетически снижены не только отдельные единицы, а вся антропонимика рассказа.

Характерологической экспрессией обладают полные / неполные и уменьшительные формы имён персонажей, предстающие одновременно с их социальной иерархией: председатель земской управы Егор Федорыч Шмахин. Елена Егоровна Стрелкова (Стрельчиха – в речи дворовых), крестьянин Микешка, слуга Гурий и др.); имена, которые содержат «информацию» об этническом и социальном статусе персонажа (поляк управляющий Держинский, жена грузинского князька – княгиня Микшадзе, журналист-француз Андре д'Омарен). Такие имена, внешне ничем не отличающиеся от узуальных, в ранних рассказах А. П. Чехова создаются и искусственно, не только подчеркивая колорит эпохи, достоверность

изображаемых событий, но выполняя функцию игровой стилизации, а именно – имитации [5].

В сатирической ономастической энциклопедии А. П. Чехова канцелярист назван Карявовым, корреспондент носит фамилию Молчанов, присяжный поверенный – Мошенников, почётная гражданка зовётся Канавкина, штатный смотритель уездных училищ – Хамов, инспектор духовного училища – Двоеточиев, врач – Кошельков, ревизор контрольной палаты – Мзда, воинский начальник – Ребротёсов, майор Портупеев, унтер-офицер – Пришибеев, урядники и полицейские – это Людоедов-Хватов, Дробискулов, Жратва или Очумелов, помощник исправника – Пружина-Пружинский, чиновники – Перхоткин, Прорехин, Окурков, Пеплов, Ярлыков, Деревяшкин, Клюшкин, Слюнкин, Пустяков, Трухин, Семечкин, Клочкив, Червяков, помещики – Гадюкины, Глябов, Отцов, Шилохвостовы, Болдыревы и Гауптвахтовы, купцы – Синерылов, Ошейников, Плевков, Грешкин, Пятирылова, Размахалов, Кашалотов, Кричалов, Лубцоватский, артисты – Светловидов, Виоланский, Семирамидина, Милославский, Прилипчина, Балабайкин, Размахайкин, Свирипеева и т.п., наконец, даже вице-губернаторы – Лягаев-Грызлов или Лопнев, а граф – Дерзай-Чертовщиновы, графиня – Дырины и т.д., и т.п.

Эстетическая выразительность фамилий усиливается, когда они появляются в соответствующем микроконтексте, непосредственно окружающем антропоним. Иногда он равен лексеме, указывающей на профессию, чин. Вместе с фамилией они составляют единое целое как два компонента в наименовании – родовой и видовой. А. П. Чехов мастерски использует выразительные возможности этого единства: музыкант Смычков, оскудевший помещик Замухришин и т.д.

В рассказах А. П. Чехова довольно часто встречаются сочетания разностилевых единиц, причём, как правило, первый компонент выражен единицей нейтральной или возвышенного стиля, а второй – сниженного, просторечного. Это сочетание эстетичного с неэстетичным порождает эффект особой выразительности, эффект столкновения или провала: супруги Адам и Ева Рубец-Откачаловы, Олимпиада и Досифей Хлыкины, Савватий Паникадилович Пищик-Заблудовский и т.д.

Особо надо отметить тот факт, что Чехов придавал стилистическую выразительность не только русским фамилиям, но и иностранным. Фамилия Швейн у домовладельца, у которого двор грязен, Луиза фон Ваценбах, жена Порфирия, учитель французского языка зовётся Трамблян, фамилия «длинного и сухого» преподавателя физики Манже, фамилия начальницы частного пансиона Жевузем, мисс Тфайс. «На предметно-логическое значение всех этих фамилий намекают: нем. Schwein (свинья), Wanzenbach (клопный ручей, источник), фр. tremblent (трепещущий), manger (есть, проедать), je vous-aime (я вас люблю), twice (дважды)» [4].

Проведённый анализ показал, что собственные имена в творчестве А. П. Чехова разнообразны и являются важнейшими компонентами в системе средств художественной выразительности. Подавляющее большинство антропонимов, используемых А. П. Чеховым, являются искусственными, «...смоделированными автором с установкой на какую-либо общезыковую тенденцию или определенную культурно-историческую традицию, а также на основе собственных идейно-эстетических задач» [5]. В процессах употребления имени его коннотации намеренно актуализированы. Антропонимы в рассказах А. П. Чехова полифункциональны, любое имя представляет собой «сгусток» художественных функций, каковыми являются идентификация, обеспечение единства восприятия, характе-

ризация персонажа, формирование его образа, формирование композиционной организации произведения, реализация интертекстуальных связей.

Список литературы

1. Бажов П. П. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Правда, 1986. Т. 3. 352 с.
2. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973. 366 с.
3. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. 574 с.
4. Хазагеров Т. Г. Стилистические функции антономасии и трудности её выявления в рассказах А. П. Чехова // Языковое мастерство А. П. Чехова. Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 1988. URL: [http:// apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st002.shtml](http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st002.shtml) (дата обращения: 20.02.2021).
5. Шебалов Р. Ю. Ономастическая игра в художественном тексте: на материале ранних рассказов А. П. Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. URL: <http://www.dissercat.com/content/onomasticheskaya-igra-vkhudozhestvennom-tekste-na-materiale-rannikh-rasskazov-ap-chekhova#ixzz3yраHsFyJ> (дата обращения: 12.02.2021).

Информация об авторе: *Мартирян Наира Игнатиосовна*, кандидат филологических наук (PhD), доцент, доцент кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения).

СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ МЕРЫ В МАЛОЙ ПРОЗЕ К. Г. ПАУСТОВСКОГО

И. Г. Родионова

г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются особенности сложноподчинённых предложений со значением меры, их отличие от сложноподчинённых предложений со значением степени. Обращается внимание на особенности выражения меры признака, состояния, предмета в рассказах, очерках, сказках К. Г. Паустовского. Делается вывод о том, что использование сложноподчинённых предложений со значением меры мотивировано идейно-тематическим содержанием произведений писателя, представленным триадой *природа – человек – творчество*.

Ключевые слова: сложноподчинённое предложение, мера, признак, состояние, предмет, К. Г. Паустовский

Для цитирования: Родионова И. Г. Сложноподчинённые предложения со значением меры в малой прозе К. Г. Паустовского // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 424–426.

Мастер малой прозы, талантливый писатель, тонко чувствующий родной язык, К. Г. Паустовский в своих произведениях максимально полно использовал его многогранный потенциал: стилистический, лексико-семантический, словообразовательный, грамматический. Выбор писателем тех или иных языковых средств обусловлен прежде всего его стремлением передать идейный замысел произведения, его лирическую тональность. «В формировании тональности текста важную роль играет ритмико-синтаксическая организация текста», – справедливо отмечает И. М. Вознесенская [1, с. 118].

В рассказах, очерках, сказках писателя активно используются синтаксические образования разных видов, среди которых особое место занимают сложноподчинённые предложения с придаточным меры и степени.

Оставив за рамками настоящей статьи вопрос о терминологических вариантах, характеризующих придаточные предложения данного типа (обстоятельные меры и степени, местоименно-соотнесительные, местоименно-союзные), будем использовать термин «придаточные предложения меры и степени», наиболее устоявшийся в практике преподавания синтаксиса. Сложноподчинённые предложения с такими придаточными содержат в главной части указательное слово (*так, такой, столько, настолько*), которое в сочетании со знаменательным словом (реже без него) поясняется придаточным предложением. Основными средствами связи при этом выступают подчинительные союзы и союзные слова. Соотнесённость указательного слова (в главной части) и подчинительного союза / союзного слова (в придаточной части) создаёт синкретичное значение сложноподчинённого предложения, благодаря чему оно способно максимально точно передать замысел говорящего, выразить всю глубину его мысли, дополнив её необходимыми смысловыми оттенками.

В школьной (а зачастую и в вузовской) практике значения меры и степени, как правило, не дифференцируются, и при характеристике придаточных предложений данного типа называются оба значения. Считаем необходимым их разграничить. **Мера** – это «предел, в котором осуществляется, проявляется что-нибудь»

[4, с. 317]. «Мера – это количественная определённая, зафиксированная в средствах языка при помощи специфических более или менее стандартизованных единиц (числовых, метрических и т.д.)» [5, с. 12]. **Степень** – это изменение интенсивности проявления признака (в том числе опредмеченного), состояния, действия.

В предложениях рассматриваемого типа значение меры репрезентируется указательными словами *столько / настолько*, а значение степени – указательными словами *так / такой*.

Настоящая статья посвящена анализу сложноподчинённых предложений со значением меры в малой прозе К. Г. Паустовского. В произведениях писателя реализуется значение **меры** признака (атрибутивного, предикативного и адвербиального), меры состояния и меры предмета.

Мера атрибутивного признака выражается корреляцией находящегося в главной части сочетания указательного слова *насколько* с качественным прилагательным, семантика которого предполагает и допускает количественное изменение называемого признака, и содержащегося в придаточной части союза. При этом качественное прилагательное выполняет функцию определения: *Куприн не извлекал свои рассказы из мира вымысла и поэзии. Наоборот, он открывал в реальности поэтические пласты настолько глубокие и чистые, что они производили впечатление свободного вымысла* («Поток жизни»).

Мера предикативного признака выражается сочетанием указательного слова *насколько* с качественным прилагательным (со связкой) в полной форме в функции именной части составного именного сказуемого и союзом в придаточной части: *Вечер был настолько светлый, что фонари, горевшие в листве лип, были зажжены, очевидно, только для того, чтобы придать нарядность концерту* («Корзина с еловыми шишками»).

Мера адвербиального признака представлена сочетанием указательного слова *насколько* с наречием и союзом в придаточной части: *Он сушил водоросли для своей козы и жил настолько скудно, что завидовал рыбакам, зарабатывавшим двадцать су в день* («Сардинки из Одерна»).

Мера состояния выражается сочетанием указательного слова *насколько* со словом категории состояния (предикативом в безличной форме – по П. А. Леканту [2, с. 47–54]) и союзом в придаточной части: *Каюту освещала одинокая лампочка, но было настолько темно, что я различал за окнами чёрные волны и мглистую полосу рассвета* («Гост»).

Мера предмета связана с изменением количества предметов и выражается корреляцией находящегося в главной части сочетания указательного слова *столько* с именем существительным и союза в придаточной части. Ю. О. Сальникова называет такие предложения измерительно-предметными и отмечает, что «количественное значение в них передаётся путём косвенной номинации. Данный механизм исчисления предполагает использование не стандартных единиц измерения или подсчёта, а использование соотносительных слов» [5, с. 13]. Как правило, в предложениях данного типа выражается мера предметов, названных конкретным, вещественным или собирательным существительным: *Каждый день за обедом и ужином он выслушивал столько всяких историй, – то смешных, то печальных, то фантастических, столько остроумия и анекдотов и вдруг разгоравшихся, как лесной пожар, интересных и яростных споров, – что к вечеру у него разбалчивалась голова* («Секвойя»); *Там столько песка, что хватит копать на тысячу лет* («Равнина под снегом»); *На полянах ветер намёл столько гнилой листвы, что мужички проваливались в неё с головой – идти было почти невозможно* («Артельные мужички»).

Повышенной экспрессивностью обладают предложения, в которых указательное слово *столько* употребляется с отвлечённым существительным, имеющим не собственно предметное, а предметно-качественное значение. При этом указательное слово акцентирует внимание на количественном изменении определённого признака, качества, свойства: *Настя, встречаясь с Дубовым, всегда улыбалась, и в её открытой улыбке было столько чистой прелести девичества, свежести и ещё не осознанного счастья, что Дубов всегда улыбался в ответ («Секвойя»); Несмотря на потёртый костюм и шершавые, загрубелые руки, в моём соседе было столько изящества, что он, пожалуй, превосходил им тех мягких в движениях и учтивых музыкантов, что собрались послушать симфонию («Утренник»).*

Значение меры признака, состояния, предмета, выраженное в сложноподчинённом предложении, дополняется оттенком следствия, показателем которого является союз *что* в придаточной части: *Что касается меня, то любая страница из «Писем из Рима» Стендаля вызывает желание писать, причём я пишу вещи, настолько далёкие от прозы Стендаля, что это удивляет даже меня самого («Как будто пустяки»).*

Использование сложноподчинённых предложений со значением меры мотивировано идейно-тематическим содержанием произведений К. П. Паустовского, представленным триадой: *природа – человек – творчество*. «Эта триада художественного мира произведения служит выражению авторской концепции, исходящей из воззрения К. Г. Паустовского на природу как основу бытия, на человека как её ученика и творчество как феномен личностный и природный» [3, с. 5]. Каждый компонент триады *природа – человек – творчество* репрезентируется лексикой со значением признака, предмета, состояния, которые способны проявляться в большей или меньшей мере, отражая тончайшие оттенки их бытия. Эти оттенки в произведениях К. Г. Паустовского передаются в форме соответствующих сложноподчинённых предложений.

Список литературы

1. Вознесенская И. М. Лирическая тональность как стимулирующая черта поздних рассказов К. Паустовского // Мир русского слова. 2017. № 4. С. 113–119.
2. Лекант П. А. Часть речи *предикатив* // Грамматические категории слова и предложения. М. : Изд-во МГОУ, 2007. С. 47–54.
3. Летохо Е. В. Художественный мир малой прозы К. Г. Паустовского 1940–1960-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 19 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 10-е изд., стер. М. : Сов. энциклопедия, 1973. 846 с.
5. Сальникова Ю. О. Сложноподчинённые предложения с придаточным качества, меры и степени признака : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 23 с.

Информация об авторе: *Родионова Инесса Геннадьевна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

К ПРОБЛЕМЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ РИТОРИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА)

О. В. Сергушкова

г. Мозырь, Беларусь

Аннотация. В исследовании риторические, делиберативные и медитативные вопросы рассматриваются как разновидности вопросительных риторических высказываний. Указывается коммуникативно-прагматическая специфика данных конструкций. Особое внимание уделяется явлениям синкретизма. На материале речи в художественных произведениях И. С. Тургенева доказывается, что они играют важнейшую роль в акцентуации эмотивности и важнейших смыслов текста художественного произведения, а также в структурировании его интертекстуальных связей.

Ключевые слова: вопросительное риторическое высказывание, риторический вопрос, делиберативный вопрос, медитативный вопрос, синкретизм, контекст, эмотивность, интертекстуальные связи

Для цитирования: Сергушкова О. В. К проблеме вопросительных риторических высказываний (на материале текстов художественных произведений И. С. Тургенева) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 427–431.

К эмоционально-экспрессивным вопросительным высказываниям относятся прежде всего риторические вопросы (РВ). Однако нередко встречаются похожие на них конструкции, которые обладают своей ярко выраженной спецификой, в силу чего должны иметь и своё собственное имя. Они особенно часты в текстах И. С. Тургенева, в идиостиле которого не только ретардация, но и вопросительные высказывания служат средством акцентуации свойственной текстам писателя повышенной эмотивности, а также поводом для того, чтобы «отстраниться» на время от сюжета, уйти в параллельный мир духовной жизни – своей или своих героев. Не совсем определённый языковой статус многих таких конструкций очевиден. Например, в [6, с. 592] РВ названы риторическими фигурами, а не менее экспрессивные делиберативные вопросы (ДВ) не отнесены к риторическим фигурам или приёмам, хотя их специфика как «вопросов, адресуемых риторически к самому себе» [4, с. 151] выявлена и описана. То же самое касается медитативных вопросов (МВ), причисленных в [5, с. 317] к собственно вопросительным предложениям, хотя они имеют свои коммуникативно-семантические особенности. Между тем есть очень существенное свойство, которое не только сближает, но и объединяет делиберативные и медитативные вопросы с РВ: все данные конструкции являются экспрессивно-эмоциональными и не содержат в себе посылов к ответам на заключённые в них вопросы. Однако последнее утверждение не означает того факта, что рассматриваемые нами высказывания не участвуют в коммуникативном процессе. Они облигаторные компоненты особой, литературной коммуникации, которая имеет свою специфику, заключающуюся в растянутом во времени диалоге автора и читателя. **Диалогичность** – константное свойство любой речи, особенно в художественном произведении. Именно в ней проявляется сознание личности, которое, по М. М. Бахтину, и есть диалог, то есть «составной частью речи любого субъекта является присутствие Другого» [1]. Этим другим является адресат, которому предназначен вопрос, задаваемый его автором – адресантом

(в нашем случае – писателем). Без указания адресата как одного из главных компонентов (понятий) коммуникации, в том числе осуществляемой вопросительными высказываниями, вряд ли удастся избежать неточностей и противоречий между теоретическим подходом к РВ, ДВ, МВ и их реальным коммуникативным содержанием и назначением.

В данной работе предпринят традиционный подход к РВ, под которыми понимаются эмоционально окрашенные диалогические высказывания, обращённые к конкретным собеседникам, но не заключающие в себе посылка к ответной речевой реакции, так как в них уже содержится утвердительный или отрицательный ответ на поставленный вопрос. Противоречие между вопросительной формой, а также соответствующей ей интонацией и повествовательным характером содержащихся в РВ позитивных и негативных суждений позволяет считать эти построения не прямыми, а косвенными речевыми актами. Например, в микротексте, в котором акцентуируется несовместимость социально-нравственных позиций двух героинь романа «Новь» – «народницы» Марианны и женщины из «высшего света» Валентины Александровны Сипягиной, (1) (1а) *Марианна не могла совладать с собою. //...все знают о моём поведении! И все приходят в ужас и негодование...* (1б) *Но... <...> разве я могу дорожить их мнением?* (1в) *Разве этот ваш хлеб не горек?* [9, с. 389] выражение в (1а) «не могла совладать с собою» эксплицирует высокий уровень психического напряжения героини, который проявляется в эмоциональной окраске выделенных РВ, имплицитно содержащих отрицательное суждение «но я не могу дорожить их мнением» в (1б), и положительное – «этот ваш хлеб горек» в (1в). Они структурируются по предложенной в [2] модели с партикулярным компонентом «разве», в которой выражается модально-оценочное значение невозможности, недопустимости с разными эмоциональными оттенками, в данном случае – с оттенком возмущения. Таким образом, вопросы к конкретным собеседникам, имеющие значение эмоционально окрашенных утверждений или отрицаний, а также модели, в которых в качестве показателей риторичности константами выступают модифицированные местоимения или частицы [2] являются дифференциальными признаками РВ. Это позволяет рассматривать его как самостоятельную стилистическую фигуру.

Такое понимание данных единиц обладает достаточной чёткостью и определённой. За пределами их круга оказываются также не имеющие посылка к ответной реплике вопросительные по форме высказывания, которые не являются РВ, так как не содержат в себе значения согласия/несогласия или оно, будучи периферийным, сопутствующим, значительно ослабляется, уступая место размышлениям, каузирующим широчайшую семантику таких высказываний. Разновидностями вопросов-размышлений выступают ДВ и МВ. Отличие данных конструкций друг от друга и от РВ исходит из разницы в их адресованности. ДВ адресуются самому говорящему. Например: (2) *Гамлет, Гамлет, датский принц, как выйти из твоей тени?* [9, с. 346] – спрашивает себя Нежданов, герой романа «Новь», раздражённый своей похожестью на шекспировского героя и собственным восприятием реальности, далёким от жизни и не свойственным человеку из народа, каким он хотел бы стать. МВ адресованы неопределённому лицу (а также – персонализированному объекту), чаще множеству таких лиц: (3) *А вы... милье, знакомые, погибшие лица... отчего вы так глубоко и грустно безмолвны? Из какой бездны возникли вы? Как мне понять ваши загадочные взоры?* [7].

Есть и другой подход к проблеме РВ. Так, в [2] все приведённые выше конструкции называются «риторическими высказываниями». Автор считает, что «сообщение (коммуникация) является не единственной и даже не главной функцией риторического высказывания. Для говорящего это субъективно-экспрес-

сивная форма воздействия на адресата» [2]. Хотя объединяющий рассматриваемые явления термин показался нам несколько неопределённым, так как его можно применить по отношению к риторическим восклицаниям, риторическим обращениям, аверсии и др. единицам, считаем утверждения в [2] убедительными. При такой трактовке удаётся, во-первых, расширить круг вопросительных риторических высказываний, во-вторых, избежать иногда встречающихся противоречий при иллюстрации этих единиц. Например, выделенное предложение в микротексте *Стихи эти показались Тихону Ильичу лживыми. Но – где правда?* (И. Бунин) приводится в [3, с. 294] в качестве примера РВ, хотя оно не содержит в себе ни согласия, ни несогласия героя с ситуацией (из более широкого контекста понятно, что стихи он прочитал на памятнике); это результат его размышлений, каузированный незнанием, где правда – в стихах или в отражённой ими жизни. Именно такой смысл мотивирует акцентуацию в наречии «где» его пространственной, а не оценочно-аксиологической семантики. В [4] ДВ характеризуются как конструкции, не содержащие ни утверждений, ни отрицаний. Но в первой, третьей и четвёртой строчках приведённого примера 1) *Не знаю я, коснётся ль благодать / 2) Моей души болезненно-греховной, / 3) Удастся ль ей воскреснуть и востать, / 4) Пройдёт ли обморок духовный?* (Ф. Тютчев) содержатся два возможных ответа – положительный и отрицательный. Это свойственно и РВ: (4) *Валентина Михайловна пожала плечами. /// < ... > Неужели вы полагаете, что ваши поступки могли остаться тайной для меня... для всего дома наконец?* [9, с. 87]; (5) *Неужели она [Вера Николаевна. – О. С.] точно видела Ельцову? – думал я...* [8, с. 30], где в (4) риторический и в (5) делиберативный вопросы, структурированы по одной и той же партикулярной риторической модели с модальной частицей «неужели» [2] и содержат отрицательные суждения. Такая же картина наблюдается и при функционировании МВ: (6) *...Плакать о прошедшем – да ведь оно у меня всё выжжено! < ... > (6а) Впрочем, кто знает? Я, может быть, был бы более огорчён, если б я получил это известие двумя неделями раньше...* [8, с. 192], где выделенное высказывание, содержащее негацию, употреблено в разговоре с собеседником, то есть это РВ. Ср.: (7) *Поклонник Баха и Генделя, знаток своего дела... Лемм со временем – (7а) кто знает? – стал бы в ряду великих композиторов своей родины...* [8, с. 148], где (7а) является адресованным неопределённому лицу МВ, который, как и (6а), содержит отрицательное суждение, являющееся результатом размышлений.

Считая, что значения утверждения или отрицания могут совмещаться с номинациями разных адресатов, предлагаем для рассматриваемых конструкций «компромиссные» термины – делиберативно-риторические и медитативно-риторические вопросы. Они содержат в качестве терминологических корневые алломорфы, которые указывают на конкретные признаки языковых единиц, имеющих черты сходства и различия с похожими фактами. Заметим также, что предлагаемые термины учитывают пересеканность языковых единиц в живой речи, их синкретизм и взаимодействие. Так, в микротексте (8) *Лаврецкий... испытывал ощущения, едва ли когда-нибудь им испытанные. (8а) Давно ли находился он в состоянии «мирного оцепенения»? (8б) давно ли чувствовал себя, как он выразился, на самом дне реки? (8в) Что же изменило его положение? (8г) что вынесло его наружу, на поверхность?* [8, с. 194] вопросы обращены героем к самому себе, но (8а) и (8б) содержат отрицание (вероятный ответ: нет, недавно), т.е. они имеют один из главных коммуникативно-семантических признаков РВ, отличаясь от них, однако, характером адресованности, но этого достаточно, чтобы отнести (8а), (8б) к синкретичным конструкциям – делиберативно-риторическим вопросам. А в (8в) и (8г) значение утверждения хотя и присутствует в возможном

варианте ответа, констатирующем реальность события, но смыслом размышлений героя, выраженных в (8в) и (8г), является поиск движущих сил события: да, что-то же изменило положение, что-то вынесло его наружу, на поверхность, но ЧТО?

Наше понимание языковой природы вопросительных риторических высказываний и их таксономия отражаются в следующей табл. 1.

Таблица 1

Признаки и типы вопросительных риторических высказываний

Вопросительные риторические высказывания		
не предполагают ответа структурируются по определённым моделям представлены тремя типами, имеющими коммуникативно-семантические дифференциальные признаки		
1) риторические вопросы а) адресованы конкретным собеседникам	2) делиберативные вопросы а) адресованы самому себе	3) медитативные вопросы а) адресованы неопределённому лицу
выражают		
б) эмоциональное утверждение или отрицание	б) эмоциональные размышления	
включают синкретичные конструкции: а) делиберативно-риторические вопросы б) медитативно-риторические вопросы в) медитативно-делиберативные вопросы		

Вопросительные риторические высказывания – коммуникативное явление. Это подтверждается их контекстуально обусловленным смыслом и интонацией: (9) *Вера Николаевна взглянула в угол – большой пёстрый паук тихо всползал по стене. /// (9а) **Чего же тут бояться?** – сказала она, – он не кусается... /// < ... > ...а я бы его в руки не взяла. /// (9б) **Его нечего бояться,** – повторила Вера Николаевна [8, с. 16], где в РВ (9а) содержится отрицательное суждение, для понимания смысла которого достаточно данного микротекста, тем более что отрицательность эксплицирована в общеотрицательном предложении-высказывании (9б); (10) *...Ельцова, перед свадьбой своей дочери, рассказала ей всю свою жизнь... На Веру особенно подействовало то, что она услышала о дедке, об этом таинственном Ладанове. (10а) **Не от этого ли она верит в привидения?** (10б) **Странно!** (10в) **сама она такая чистая и светлая, а боится всего мрачного, подземного и верит в него...** [8, с. 25–26], где утвердительное суждение в (10а), и тревожное недоумение как эмоциональная окраска (10а), (10б) и (10в) мотивированы не только текстовыми событиями, но и интертекстуальными связями произведения в дискурсе, в который включена эта трагическая повесть уже одним своим названием – «Фауст», структурирующим аллюзию как предостережение от легкомысленного отношения к вечным человеческим ценностям и вечным человеческим порокам.**

Особо выразительны те вопросительные риторические высказывания, которые акцентируют смысловые центры высказываний. Наиболее отчётливо эта роль проявляется в ДВ и МВ. Например: (11) ***Отчего эта усталость, это нежелание даже говорить?... < ... > Какой внутренний голос желает он заглушить в себе этим криком? < ... > ...отчего же это неопределённое, смутное, ноющее чувство? К чему, зачем эта грусть?** [9, с. 346], где делиберативные и дели-*

беративно-риторические вопросы, на которые Нежданов не находит ответов, подводят читателя к пониманию причин трагической судьбы героя, который, несомненно, сочувствует угнетённым, но в дело борьбы за освобождение народа не верит. У И. С. Тургенева часто встречаются также цепочки медитативных и медитативно-риторических вопросов, проливающих свет на философские взгляды писателя, его суждения о человеческой жизни и её завершении, особенно отчётливо выраженные в произведениях последнего периода творчества писателя, в которых одним из главных мотивов его поэтики становится мотив смерти: (12) *О, жизнь, жизнь, куда, как ушла ты так бесследно? Как выскользнула ты из крепко стиснутых рук? Ты ли меня обманула, я ли не умел воспользоваться твоими дарами?* [7].

Таким образом, вопросительные риторические высказывания представлены риторическими, делиберативными и медитативными вопросами, имеющими свои коммуникативно-семантические дифференциальные признаки. Эти признаки могут совмещаться в одной конструкции, мотивируя ее синкретичность. В тургеньевских текстах вопросительные риторические высказывания отличаются высокой степенью экспрессии, выполняют одну из главных ролей в усилении эмоциональности текста, наиболее выразительные из них акцентируют важнейшие смыслы художественных произведений писателя, а также их интертекстуальные связи.

Список литературы

1. Арутюнова А. Ю. Диалогичность текста и категория связности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Ставрополь, 2007. 22 с. URL: <http://cheloveknauka.com/dialogichnost-teksta-i-kategoriya-svyaznosti> (дата обращения: 06.02.2021).
2. Канафьева А. В. Риторическое высказывание: формы, семантика, функции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. М., 2011. 50 с. URL: <http://cheloveknauka.com/ritoricheskoe-vyskazyvanie-formy-semantika-funktsii> (дата обращения: 26.09.2020).
3. Матвеева Т. В. Учебный словарь: Русский язык. Культура речи. Стилистика. Риторика. М. : Флинта : Наука, 2003. 431 с.
4. Сковородников А. П. Делиберативный вопрос // Культура русской речи : энцикл. слов.-справ. М. : Флинта : Наука, 2003. С. 151.
5. Сковородников А. П. Медитативный вопрос // Культура русской речи : энцикл. слов.-справ. М. : Флинта : Наука, 2003. С. 317–319.
6. Сковородников А. П. Риторический вопрос // Культура русской речи : энцикл. слов.-справ. М. : Флинта : Наука, 2003. С. 592–596.
7. Тургенев И. С. Поездка в Полесье. URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=96980&pg=1> (дата обращения: 21.10.2020).
8. Тургенев И. С. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Повести и романы 1856–1862. М. : Худ. лит., 1980. 446 с.
9. Тургенев И. С. Сочинения : в 2 т. Т. 2. Повести и романы. 1869–1876. М. : Худ. лит., 1980. 448 с.

Информация об авторе: *Сергушкова Ольга Владимировна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь).

МОДЕЛИ СОСТАВНОГО ИМЕННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

И. Д. Сыромятникова

г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются модели составного именного определения в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», содержащие связку в форме причастия или инфинитива и присвязочную часть в форме творительного падежа. Выделяются незнаменательные и полужнаменательные связки. Обращается внимание на способы выражения присвязочного компонента.

Ключевые слова: составное именное определение, причастие, глагол-связка, присвязочная часть

Для цитирования: Сыромятникова И. Д. Модели составного именного определения в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 432–433.

Члены предложения, включающие связку, выражающую грамматическое значение, и именную (присвязочную) часть, выражающую основное лексическое значение, в современном русском языке объединены термином «составные именные». Система данных членов предложения до сих пор является предметом дискуссий лингвистов, предлагающих их различное наименование и подходы к их изучению. Данные члены предложения нетипичны по способу выражения, вторичны по соотношению части речи и члена предложения, синкретичны по синтаксической семантике (имеют дополнительные оттенки значения) [2, с. 39].

Традиционно в системе составных именных членов предложения выделяются только сказуемые, характеризующиеся «раздельным выражением вещественного и грамматического значений» [1, с. 82]: ...*Надо верить в возможность счастья, чтобы **быть счастливым***; ...*Глаза, в которых прежде казался **потушенным** огонь жизни; Наполеон велик, потому что он **стал выше** революции*. Однако, помимо составных именных сказуемых, в русском языке функционируют составные именные второстепенные члены, которые классифицируются на основе семантики члена предложения. Они были выделены и описаны Л. А. Черновой.

Один из составных именных второстепенных членов – составное именное определение. Это «второстепенный зависимый член предложения, выраженный сочетанием причастия глагола-связки и именного присвязочного слова или сочетанием инфинитива глагола-связки и именного присвязочного слова, обозначающий признак предмета и отвечающий на вопрос “какой?”» [2, с. 41]: *Ваш сын, – писал он, – надежду подаёт **быть офицером*** (Л. Толстой); *Действительно, всё, что только было в зале, с улыбкою радости смотрело на весёлого старичка, который рядом со своею сановитой дамой, Марьей Дмитриевной, **бывшею выше его ростом**, округлял руки...* (Л. Толстой).

Дефиниция понятия «составное именное определение», предложенная Л. А. Черновой, позволяет сделать вывод о том, что данный член предложения в современном русском языке представлен двумя разновидностями (моделями): определение, выраженное инфинитивом глагола-связки и именным присвязочным словом, и определение, представляющее собой сочетание причастия глагола-

связки и именного присвяточного слова. Весь языковой материал, содержащийся в данной статье, взят из романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир».

Первая модель составного именного определения, выраженного сочетанием инфинитива глагола-связки и именного присвяточного компонента, содержит следующие виды связок:

1) незначаменательную связку *быть*: *Ежели он когда-нибудь думал об Элен, то думал именно о её красоте и о том необыкновенном её спокойном умении **быть молчаливо-достойною** в свете; – Потому и не начинаю, государь, – сказал звучным голосом Кутузов, как бы предупреждая возможность **не быть расслышанным**...*;

2) полузначаменательные связки: *Мысль **остаться в дураках** и даром потерять весь этот месяц тяжёлой меланхолической службы ... оскорбляла Бориса; Анатолий весьма скоро бросил свою жену и за деньги ... выговорил себе право **слыть за холостого человека**; И лицо его было страшно и жалко, особенно по бессильному желанию **казаться спокойным**.*

Вторая модель составного именного определения, выраженная сочетанием причастия глагола-связки и именного присвяточного компонента, содержит те же виды связок, но в форме причастий:

1) незначаменательные: *Господа, бывавшие у Билибина, ... составляли и в Вене и здесь отдельный кружок, который Билибин, **бывший главой этого кружка**, называл наши...; Даже люди, **прежде бывшие злыми и очевидно враждебными**, делали с ним нежными и любящими;*

2) полузначаменательные: *Он то закрывал глаза, то взглядывал на огонь, **казавшийся ему горячо-красным**...*

Присвяточный компонент составного именного определения выражен «регулярной адъективной или субстантивной формой творительного падежа» [3, с. 12]:

а) имени существительного: *Скрытая мечта и надежда княжны Марьи **оставить семью и заботы о мирских делах и сделаться странницей**;*

б) имени прилагательного: – *Отбили!* – *оживлённо сказал Борис, **сделавшийся болтливым**;*

в) причастия: *Забыв опасность **быть узанным**, Ростов подвинулся с несколькими любопытными из жителей к самому крыльцу...*

Таким образом, в числе составных именных членов предложения в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» функционируют составные именные определения, включающие незначаменательную или полузначаменательную связку в форме причастия или инфинитива, а также присвяточную часть, выраженную формой творительного падежа существительного, прилагательного, причастия.

Список литературы

1. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке : учеб. пособие. М. : ИИУ МГОУ, 2017. 132 с.
2. Чернова Л. А. Разновидности составных именных членов предложения // Русская словесность. 2003. № 8. С. 39–43.
3. Чернова Л. А. Система составных именных членов предложения в современном русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2004. 44 с.

Информация об авторе: Сыромятникова Ирина Дмитриевна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

РОЛЬ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»)

Т. И. Татарина

г. Мозырь, Беларусь

Аннотация. Анализируются временные формы глагола в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». С применением сравнительно-исторического, описательного, объяснительного методов, а также методов аналитического анализа, аналогии, сравнения, классификации, обобщения и на материале работ классиков отечественной лингвистики и современной русистики выявлен и описан ряд значений временных форм глаголов в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Ключевые слова: А. С. Пушкин, глагол, категория времени, момент речи, временные формы глагола, текстообразующая роль

Для цитирования: Татарина Т. И. Роль временных форм глагола в реализации авторского замысла (на материале повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка») // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 434–440.

Введение

«В языке Пушкина вся предшествующая культура художественного слова не только достигла своего высшего расцвета, но и подверглась решительному преобразованию. Язык Пушкина, отразив прямо или косвенно всю историю русского литературного языка, начиная с XVII века до конца 30-х годов XIX века, вместе с тем определил во многих направлениях пути последующего развития русской литературной речи и продолжает служить живым источником и непревзойдённым образцом художественного слова для современного читателя» [5, с. 202].

Важной чертой художественного стиля Пушкина является взаимодействие разностилевых единиц (слов и оборотов речи), которые, включаясь в состав выразительных средств, образно моделируют действительность и помогают реализовать основную – эстетическую – функцию художественного стиля.

Замечательной стороной «Капитанской дочки» [3] является язык, которым она написана. А. С. Пушкин наделяет каждое действующее лицо повести особой языковой манерой, создавая необыкновенно выпуклые и живые человеческие образы, в которых в обобщенном виде представлены характерные стороны русской жизни того времени.

Тема данной статьи предполагает обращение к категории времени глагола.

Глагол занимает особое, привилегированное место в морфологической системе языка. Профессор А. А. Потебня подчёркивал важнейшую роль глаголов в системе частей речи, рассматривая «эволюцию предложения и частей речи в направлении от имени к глаголу как проявление общей эволюции человеческого мышления в направлении от категории субстанции к категории процесса, «от идеи материи к идее процесса» [2, с. 13].

Цели и задачи

Актуальность темы нашего исследования определяется местом глагола в системе частей речи и его ролью в реализации авторского замысла в конкретном художественном произведении.

Цель статьи – выявление и описание текстообразующих функций временных форм глаголов в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Этой целью определялась необходимость последовательного решения следующих конкретных **задач**:

- 1) рассмотреть понятие категории времени глагола;
- 2) определить количество глаголов, используемых в повести;
- 3) выявить и проанализировать значения и функции глаголов настоящего, прошедшего и будущего времен в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Методы и материал исследования

Объектом исследования послужили временные формы глаголов.

Предмет исследования – особенности значений и форм глаголов, употреблённых в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

В ходе исследования были использованы такие **методы**, как описательный, сравнительно-исторический, а также методы анализа, аналогии, сравнения, классификации, обобщения.

Материалом для исследования послужил текст повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Результаты и их обсуждение

Время, как одна из основных форм существования бесконечно развивающейся материи, выражается в языке глаголом.

Время осуществления действия определяется по отношению к той или иной точке отсчета. Такой точкой отсчета является либо момент речи (*Он придёт вовремя*), либо другой момент, в частности время другого действия (*Он думал, что придёт вовремя*). В морфологической системе форм времени эти различия не отражены. Категориальные значения форм времени ориентируются на единую исходную точку – точку отсчёта. Это абстрактное грамматическое понятие может быть отражено в обобщённом виде как момент речи или любой другой момент, по отношению к которому определяется время действия в речи [2, с. 14].

Система форм времени строится на противопоставлении значений **одновременности** (формы настоящего времени), **предшествования** (формы прошедшего времени) или **следования** (формы будущего времени) по отношению к грамматической точке отсчета. Каждая форма времени заключает в своём грамматическом значении определённое отношение к этому ориентиру [4, с. 37].

Так, форма будущего сложного является носителем значения следования по отношению к указанной точке отсчета. Это значение принадлежит языковой грамматической системе форм времени. В данной системе оно определяется вне контекста, безотносительно к конкретному говорящему и моменту его речи. В акте речи при функционировании форм времени отношение к точке отсчёта, заключённое в данной форме, связывается либо с внеязыковым моментом речи (абсолютное употребление форм времени), либо с иным моментом (относительное употребление). Например, в предложении: *Я буду писать* выражается следование (будущее) с точки зрения момента речи говорящего; в предложении же: *Я обещал, что буду писать* – выражается следование с точки зрения того момента прошлого, к которому относится действие глагола *обещал*.

Каждый из противопоставленных друг другу рядов форм времени обладает категориальным временным значением. Это значение объединяет все формы, относящиеся к данному ряду, и противопоставляет его другим формам времени.

Формы настоящего времени обладают категориальным значением одновременности по отношению к моменту речи: *Сегодня идёт дождь*. Формы прошедшего времени имеют категориальное значение предшествования: *Как хорошо, что я успела все прочитать!*

Указанные категориальные значения форм времени в целом сводятся к общему направлению временной ориентации. Но отношения одновременности в конкретных употреблениях могут получать особый, более широкий смысл. Он заключается в отсутствии направления предшествования и следования. В связи с этим формы настоящего времени могут указывать не только на одновременность действия по отношению к моменту речи, но и на более широкое значение обычной, типичной или постоянной ситуации: *Обстоятельства связывают иногда людей совершенно разнородных характеров* [Ф. М. Достоевский]; *О, как убийственно мы любим, Как в буйной слепоте страстей. – Мы то всего вернее губим, Что сердцу нашему милей!* [Ф. И. Тютчев].

Прошедшее время глаголов несовершенного и совершенного вида выражается одной и той же формой. Однако формы прошедшего времени глаголов совершенного вида, выступая в перфектном значении, тесно связывают план прошедшего времени с планом настоящего. Напротив, формы прошедшего времени глаголов несовершенного вида, как правило, обозначают действие, полностью отнесенное к прошлому и не имеющее связи с настоящим. Сравним значения форм прошедшего времени глаголов несовершенного и совершенного вида: *Попробуй только послушаться, немедленно Клавдию Петровичу расскажу, кто портрет спрятал... Я видел вчера, как ты его прятал* [А. Н. Толстой]. Лишь в строго ограниченных условиях формы прошедшего времени глаголов несовершенного вида способны выступать в перфектном употреблении: *Она... умеет мыслить... Не любила ни разу в жизни. Ленива, любит философствовать, читает книги лежа* [А. П. Чехов].

Таким образом, прошедшее время глаголов совершенного вида отличается от прошедшего времени глаголов несовершенного вида способностью выражать действие, совершённое в прошлом, тесно связанное по своему результату с планом настоящего времени, что для прошедшего времени глаголов несовершенного вида возможно лишь в некоторых случаях.

В повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» используются формы глаголов всех трёх времен. **Основное значение настоящего времени** используется с целью **указать на действие, которое совпадает с моментом речи**. В этом значении нами выявлено **43** глагола. Например: *Обращаюсь к своему рассказу...* [с. 112]; *Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачева...* [с. 125]; *Батюшка наш тебя милует...* [с. 126]. **Это настоящее конкретное время.**

Настоящее конкретное время может быть реализовано как:

- **настоящее конкретное расширенное** обозначает действия, процессы, которые начались раньше момента речи, совпадают с ним и будут продолжаться какое-то время после него – **26** глаголов. Например: *А ты, мой батюшка, – продолжала она, обращаясь ко мне, – не печалься, что тебя упекли в наше захолустье. Не ты первый, не ты последний...* [с. 94].

- **настоящее конкретное повторяющееся** указывает на действия, периодически повторяющиеся в данном временном отрезке – **17** глаголов: *Родные ваши не хотят меня в свою семью. Буди во всём воля господня! Бог лучше нашего знает, что нам надобно...* [с. 110].

Кроме настоящего конкретного, формы настоящего времени могут обозначать действия и **безотносительно к моменту речи** – **23** глагола: *Только слава, что солдат учишь: ни им служба не дается, ни ты в ней толку не ведаешь...* [с. 96]. Это **настоящее абстрактное время**, которое также может реализоваться по-разному, в зависимости от видового значения глагола:

– **как абстрактное постоянное** – **17** глаголов, например: *Бог знает, – отвечал он, – посмотрим. Важного покамест еще ничего не вижу. Если же...* [с. 114];

– как абстрактное повторяющееся – 12 глаголов, например: *Пётр Андреевич! Алексей Иванович! подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте...* [с. 117].

Формы будущего простого времени употребляются:

– для описания отдельных, единичных действий в будущем – 37 глаголов: *В походе, например, придешь в местечко — чем прикажешь заняться? Ведь не все же бить жидов. Поневоле пойдешь в трактир и станешь играть на бильярде; а для того надобно уметь играть!* [с. 81];

– для указания на ситуацию, возможную вообще (обобщенное значение) и типичную не только для будущего, но и для настоящего, – 21 глагол: *Кушанье давным-давно подано, а тебя не дозовешься* [с. 96]; *Как ты думаешь, чем это кончится?* [с. 113] и др.;

– при описании сменяющих друг друга действий – 32 глагола: *Ребята! сымите-ка с него дурацкий полосатый халат да выстрочите ему спину...* [с. 116] и др.;

– при описании действий, связанных друг с другом причинно-следственными или временными связями – 24 глагола: *Ну, Маша, будь счастлива. Молись богу: он тебя не оставит. Коли найдется добрый человек, дай бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же её поскорей...* [с. 123] и др.

Описательная форма будущего времени употребляется для описания действий в плане будущего, отрешенного от настоящего – 16 глаголов: *Вы своею кровью будете отвечать мне за вашу дерзость; но за нами, вероятно, станут присматривать. Несколько дней нам должно будет притворяться. До свидания!; Вы, молодые ребята, послушайте, что мы, старые старики, будем сказывать* [с. 111].

В повести чаще всего глаголы используются для описания событий, которые имели место в прошлом. Всего в тексте 363 глагола данного значения, например: *Пугачёв сидел в креслах на крыльце комендантского дома... На площади ставили наскоро виселицу* [с. 122].

С помощью глаголов с *перфектным значением* в повести создаётся *временная двуплановость*. Всего в тексте глаголов с данным значением употреблено 273, например: *Я долго была больна, а когда выздоровела, Алексей Иванович, который командует у нас на месте покойного батюшки, принудил отца Герасима выдать меня ему, застравав Пугачёвым* [с. 170]; *Петруша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Гарасимовна...* [с. 79].

С помощью глаголов со значением *прерванного действия* описываются действия, которые, начавшись, по каким-либо причинам были прерваны другими действиями, их нами отмечено 84. Например: *Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах...* [с. 95]; *Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачеву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина...* [с. 124].

Прошедшее время несовершенного вида выражает действие как *факт прошлого и используется при описании*, в повести насчитывается 163 глагола с данным значением, например: *Зурин пил много и потчевал и меня, говоря, что надобно привыкать ко службе; он рассказывал мне армейские анекдоты, от которых я со смеху чуть не валялся, и мы встали из-за стола совершенными приятелями...* [с. 81]; *Он держал в руке веревку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузьмича, вздернутого на воздух...* [с. 124].

Прошедшее время совершенного вида имеет несколько значений:

– **последовательность завершённых действий**, смена одного такого действия другим – **372** глагола, например: *Я старался по почерку угадать расположение духа, в котором писано было письмо; наконец решился распечатать, и с первых строк увидел, что всё дело пошло к чёрту* [с. 102], *Урядник возвратился через два дня и объявил, что в степи верст за шестьдесят от крепости видел он множество огней и слышал от башкирцев, что идет неведомая сила...* [с. 115]; *Тут она зарыдала. Я обнял ее...* [с. 120];

– **завершённость действия в прошлом** – **114** глаголов: *Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы...* [с. 86]; *Я стал на колени и устремил глаза мои на больного...* [с. 87]; *Я позвал вожатого, благодарил за оказанную помощь и велел Савельичу дать ему полтину на водку...* [с. 89];

– **сохранение в настоящем результата завершённости действия** – **83** глагола, например: *Тут Иван Игнатъич заметил, что проговорился, и закусил язык...* [с. 115]; *Наездники, рассеясь, тотчас ускакали из виду, и степь опустела...* [с. 121]; *Пугачев дал знак, и меня тотчас развязали и оставили...* [с. 125].

– Глаголы совершенного и несовершенного вида в форме прошедшего времени могут также быть использованы:

– **для описания состояния героя** – **65** глаголов: *Я погрузился в размышления, большею частью печальные...* [с. 92]; *Тоска взяла меня; я отошёл от окошка и лёг спать без ужина, несмотря на увещания Савельича...* [с. 94];

– **для описания активных действий**, совершаемых героями – **185** глаголов, например: *Но вскоре судьба нас разлучила, и вот по какому случаю: прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька как-то согласились в одно время кинуться матушке в ноги, винясь в преступной слабости и с плачем жалуясь на мусье, обольстившего их неопытность. Матушка шутить этим не любила и пожаловалась батюшке. У него расправа была коротка. Он тотчас потребовал каналью француза. Доложили, что мусье давал мне свой урок. Батюшка пошел в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом...* [77 с.];

– **для описания местоположения героев** – **83** глагола: *Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло несколько избышек; по улице бродило несколько куриц. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелюбным хрюканьем...* [с. 94];

– **для описания отношений между героями** – **63** глагола: *Василиса Егоровна увидела коварство своего мужа; но, зная, что ничего от него не добьется, прекратила свои вопросы и завела речь о соленых огурцах, которые Акулина Памфиловна приготовляла совершенно особенным образом...* [с. 115];

– **для описания ситуаций, происходивших с героями**, – **142** глагола: *Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жилья или дороги... Вдруг увидел я что-то чёрное. «Эй, ямщик! – закричал я, – смотри: что там такое чернеется?»* [с. 86];

– **для описания состояния природы** – **37** глаголов: *Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла, и постепенно облегла небо. Пошёл мелкий снег – и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение тёмное небо смешалось с снежным морем. Всё исчезло... Ветер выл... Снег засыпал... Лошади шли шагом – и скоро стали* [с. 78];

– **для описания внешности героев** – **43** глагола: *Я увидел мужчину росту высокого, но уже сгорбленного старостью. Длинные волосы его были совсем белы. Старый полинялый мундир напоминал война времен Анны Иоанновны, а в его речи сильно отзывался немецкий выговор...* [с. 90].

В значении форм прошедшего времени могут использоваться и **другие формы глаголов**, их в тексте – 37, например: *...но ещё и собираюсь до тебя добраться, да за проказы твои проучить тебя путём, как мальчишку, не смотря на твой офицерский чин...* [с. 107]. Формы глаголов совершенного вида будущего времени *собираюсь добраться, проучить* указывают на действия, которые должны произойти в будущем, но действие в повести совершено в прошлом. Формы глаголов прошедшего времени также могут использоваться в значении другого временного плана. Например: *Немедленно буду писать к Андрею Карловичу, прося его перевести тебя из Белогорской крепости куда-нибудь подальше, где бы дурь у тебя прошла* [с. 103]. Форма глагола совершенного вида прошедшего времени *прошла* используется в значении будущего времени. Или: *Матушка твоя, узнав о твоём поединке и о том, что ты ранен, с горести занемогла и теперь лежит* [с. 105]. В данном примере форма глагола совершенного вида прошедшего времени *занемогла* использована в значении настоящего времени.

Выводы

По мнению лингвистов, глаголы в русском языке являются самой сложной и одновременно самой емкой и выразительной частью речи. С помощью глаголов можно описывать жизнь и окружающую действительность в движении.

В одном и том же тексте можно использовать глаголы прошедшего времени, повествуя **о прошлом** [*Я взглянул на полати, и увидел чёрную бороду и два сверкающих глаза* [с. 87], **о настоящем** [*Как ты это находишь?* [с. 79] – указывая на факты, не связанные с временной протяженностью, и **о будущем** – с целью назвать предстоящие действия [*Конечно, – отвечал Швабрин; – вы своєю кровью будете отвечать мне за вашу дерзость; но за нами, вероятно, станут просматривать. Несколько дней нам должно будет притворяться* [с. 102].

Часто мир образов, созданных писателем, воплощается в художественном времени, часто не отображающем реальное время. Все зависит от контекста. Часто настоящее время используют для изображения событий прошлого. Например: *Ты лжёшь, мерзавец!* [с. 127]. И тогда они становятся более приближёнными к читателю.

В повести автором в основном использованы глаголы **прошедшего времени**, с помощью которых **раскрываются образы героев** [*Швабрин был очень не глуп. Разговор его был остёр и занимателен. Он с большой веселостью описал мне семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба* [с. 134], **описываются состояния природы** [*Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи* [с. 98]. Также эти глаголы используются для построения диалогов: – *А с кем это, мой батюшка, ты ссорился?* – *Мы было поспорили довольно крупно с Петром Андреичем* [с. 78].

Также А. С. Пушкиным реализованы **три основных значения глаголов прошедшего времени**, а именно:

– **аористическое значение**: *Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружили её и почтительно пропустили Марью Ивановну* [с. 165];

– **перфектное значение**: *Марья Ивановна благополучно прибыла в Софию и, узнав, что Двор находится в то время в Царском Селе, решила тут остановиться* [с. 172];

– **-значение прерванного действия**: *Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мёртвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах...* [с. 114].

Автор, кроме глаголов прошедшего времени, использует и глаголы **настоящего времени**, например: *Родные ваши **не хотят** меня в свою семью. Будь во всём воля господня! Бог лучше нашего **знает**, что нам надобно... и будущего: **Пойдём, кинемся** в ноги к твоим родителям: они люди простые, не жестокосердые гордецы... Они нас **благословят**; мы **обвенчаемся**... а там, со временем, я уверен, мы **умолим** отца моего; матушка **будет** за нас; он меня **простит**.*

Поскольку повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» имеет форму записок о давно прошедших временах, о бурной юности Петра Гринёва, то преобладание в ней форм глаголов прошедшего времени в различных значениях позволило нам раскрыть тему исследования.

Таким образом, можно сделать вывод, что 73 % глаголов в повести употреблены в форме прошедшего времени, 15 % – в форме настоящего времени, 12 % – в форме будущего времени. Преобладание форм прошедшего времени объясняется тем, что автор повествует об исторических событиях, происходивших ранее.

Список литературы

1. Азарова Н. М. Жанровое своеобразие «Капитанской дочки» // Пособие по русской литературе XIX века. М. : Прометей, 2000. Ч. 1. С. 236–240.
2. Гуревич В. В. О взаимодействии видового и лексического значения глагола // Русский язык в национальной школе. 1982. № 4. С. 12–15.
3. Пушкин А. С. Дубровский. Капитанская дочка. Повести. Минск, 1971. 176 с.
4. Хайрутдинова Г. А. Употребление видо-временных форм глагола // Русский язык в национальной школе. 1982. № 4. С. 36–40.
5. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М. : РСФСР, 1957. С. 188–204.

Информация об авторе: *Татарина Татьяна Ивановна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь).

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ АФОРИЗМОВ В ТРИЛОГИИ Л. Н. ТОЛСТОГО «ДЕТСТВО. ОТРОЧЕСТВО. ЮНОСТЬ»

Л. А. Хантаева

г. Пенза, Россия

Аннотация. Даётся общее понятие об афоризме. На примере трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» раскрывается тематическое разнообразие кратких изречений. Исследование позволило узнать, какие темы чаще всего волнуют автора и его героев, а также какая тематическая группа афоризмов наиболее обширна и почему.

Ключевые слова: афоризм, афористический текст, изречение, тематическая группа

Для цитирования: Хантаева Л. А. Тематические группы афоризмов в трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 441–443.

Тематика и проблематика афористических текстов глобальна, поэтому они привлекают исследователей различных областей наук (языкознание, литературоведение, философия, история, искусствоведение).

Интерес учёных к афористике не ослабевает, что доказывается существованием более двух десятков определений понятия «афоризм».

В настоящее время нет одной чёткой дефиниции афоризма. Самым информативным, наиболее сложным и полным научным трудом в области афористики является монография «Афористика» Н. Т. Федоренко и Л. И. Сокольской. Эти исследователи понимают под афоризмом «краткие, глубокие по содержанию и законченные в смысловом отношении суждения, принадлежащие определённому автору и заключённые в образную, легко запоминающуюся форму» [2, с. 3].

Афоризмы могут создаваться в качестве самостоятельного продукта творчества автора, а также могут быть рождены в контексте какого-либо произведения, как научного, философского, так и художественного.

Творческое наследие Л. Н. Толстого отличает широта тематического круга изречений, которые включены в его произведения. Наше внимание обращено на изучение трилогии «Детство. Отрочество. Юность» [1].

Все афористические тексты, содержащиеся в трилогии, можно распределить по следующим тематическим группам:

1. О человеке и смысле жизни

Ключевые понятия: человек, жизнь, характер.

В эту группу входят изречения о человеке, его желаниях и стремлениях, о смысле жизни. Афоризмы затрагивают философские и духовные проблемы, имеющие отношение к человеку и его мировоззрению:

Род человеческий можно разделять на множество отделов – на богатых и бедных, на добрых и злых, на военных и статских, на умных и глупых и т.д., и т.д., но у каждого человека есть непременно своё любимое главное подразделение, под которое он бессознательно подводит каждое новое лицо;

Одно из двух: или действительно в каждом человеке больше дурного, чем хорошего, или человек больше восприимчив к дурному, чем к хорошему.

2. Воспоминания, размышления о детстве

Ключевые понятия: детство, счастье, воспоминание.

Для трилогии Л. Н. Толстого характерны рассуждения о детстве, о счастливых воспоминаниях беззаботного времени жизни человека. Несмотря на то, что детство пролетает быстро, оно становится незабываемым периодом:

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений;

Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели – невинная веселость и беспредельная потребность любви – были единственными побуждениями в жизни?

3. Нравственные понятия

Ключевые слова: мораль, ум, добро, достоинство, гордость, тщеславие.

В данную тематическую группу входят афоризмы как о положительных, так и об отрицательных нравственных понятиях человеческой жизни. Герои трилогии и сам автор дают свою оценку и трактовку различным сторонам нравственных отношений:

Назначение человека есть стремление к нравственному усовершенствованию и усовершенствование это легко, возможно и вечно;

Тщеславие в горести выражается желанием казаться или огорчённым, или несчастным, или твёрдым, и эти низкие желания, в которых мы не признаемся, но которые почти никогда – даже в самой сильной печали – не оставляют нас, лишают её силы, достоинства и искренности;

Один страх хуже всякого наказания.

4. О любви и отношениях мужчины и женщины

Ключевые понятия группы: любовь, отношения.

В произведении присутствуют размышления о сути любви, о связи морального облика человека и его способности любить:

В одно и то же время разлюбить и полюбить – значит полюбить вдвое сильнее, чем прежде;

Только люди, способные сильно любить, могут испытывать и сильные огорчения, но та же потребность любить служит для них противодействием горести и исцеляет их...

5. Отношения между людьми

Ключевые понятия: люди, отношения, дружба.

Сюда входят афоризмы, которые посвящены особенностям человеческого общения. Изречения дают ответ на вопросы о том, как могут складываться отношения между людьми, что является главным в общении:

Сколько недосказанных желаний, мыслей и страха – быть понятым – выражается в одном случайном взгляде, когда робко и нерешительно встречаются ваши глаза!;

Страдание людей застенчивых происходит от неизвестности о мнении, которое о них составили; как только мнение это ясно выражено – какое бы оно ни было, – страдание прекращается.

Писательский стиль Л. Н. Толстого уникален, и его мудрость олицетворяется в применении афоризмов в тексте произведений, в частности в трилогии «Детство. Отрочество. Юность». Как можно видеть из примеров высказываний, афоризмы в произведении разноплановы по тематике. Начальное исследование материала показало, что преобладают афоризмы на тему становления характера человека в определённые периоды жизни.

Список литературы

1. Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность. М. : Худ. лит., 1986. 319 с.
2. Федоренко Н. Т., Сокольская Л. И. Афористика и афоризмы: понятие, сущность, определения и значение. М. : Наука, 1990. URL: <http://www.greatmind.info/articles.php?aid=1> (дата обращения: 17.01.2021).

Информация об авторе: *Хантаева Лидия Адамовна*, преподаватель Пензенского социально-педагогического колледжа; магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ЯЗЫК БРАЧНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ: СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ САЙТОВ ЗНАКОМСТВ)

Ю. Ш. Абуталипова

г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются синтаксические особенности брачных объявлений. Актуальность исследования определяется необходимостью уточнения функционирования данного речевого жанра в классической и современной коммуникации. В качестве объекта исследования выступают тексты брачных объявлений в сети Интернет. Предметом же являются их языковые особенности, а именно синтаксический аспект.

Ключевые слова: брачное объявление, синтаксис, типы предложений, метатекст, сайт знакомств, Интернет

Для цитирования: Абуталипова Ю. Ш. Язык брачных объявлений: синтаксический аспект (на материале сайтов знакомств) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 444–447.

Брачные объявления в последнее время заняли прочное место в системе массовой коммуникации как важное средство гендерного взаимодействия между реальным адресантом и воображаемым адресатом и находятся в поле зрения лингвистов, психологов и социологов. Изучение текстов такого рода выдвигает ряд насущных вопросов в области лингвистики текста, теории речевых актов и когнитивной лингвистики, связанных с языковой и социокультурной спецификой интерпретации концептов «мужчина» и «женщина» в разных лингвокультурных пространствах.

Научное исследование брачных объявлений берет свое начало за рубежом еще в XIX в. Российские лингвисты к брачным объявлениям обратились относительно недавно. Исследовались лингвотекстовые особенности объявлений о знакомстве, их культурно-языковые характеристики, функционирующие в брачном объявлении гендерные стереотипы, концептуальное пространство, жанровые характеристики.

Следует отметить, что с социокультурной точки зрения, брачное объявление воплощает фрагменты гендерной картины мира носителей языка и отражает гендерные стереотипы, существующие в обществе [2, с. 29].

О. С. Рогалева рассматривает брачное объявление как текст, для которого характерно развертывание строго определенного состава тематических макроструктур, в границах которых задаются более частные темы (микротемы). Макроструктура соотносится с понятием субтекста. Под субтекстом понимается «типичная структурно-смысловая единица текста» [1, с. 82].

Н. В. Царикевич рассматривает брачное объявление как особую разновидность жанра «рекламное объявление», которая характеризуется четкой композицией текста и ограниченным набором используемых языковых средств [4, с. 4].

Брачные объявления формально представляют собой мини-тексты, функционально – разновидность межличностной рекламы. «Они должны быть кратки-

ми по объёму, но при этом содержательными и с позитивной самооценкой. Текст брачного объявления должен обладать целым рядом коммуникативно-значимых объективных факторов. Ведущим является функционально-целевой фактор. Функция текста задает его формально-структурный и содержательный объем» [3, с. 105].

Текст брачного объявления представляет собой интересный объект для лингвистического анализа по нескольким причинам.

На синтаксическом уровне брачных объявлений главным аспектом является соотношение простых и сложных предложений.

Синтаксический анализ текстов брачных объявлений позволяет выделить ряд особенностей самого жанра:

1) специфика жанра брачного объявления заключается в том, чтобы привлечь внимание противоположного пола и получить как можно больше откликов на запрос;

2) информация, заложенная в сообщении, свидетельствует о положительной установке индивида – заключение брака или длительные, серьезные отношения с целью создания семьи;

3) для синтаксиса брачного объявления снимается привычное противопоставление текста и предложения: одна и та же смысловая предикативная основа может быть развернута в текст (или скорее в незначительный фрагмент текста) и в отдельное предложение.

Брачное объявление представляет собой текст, включающий в себя от одного до максимум восьми предложений. Основу текста составляет именно простое предложение.

Как видно из примеров, люди при составлении своих сообщений оперируют в основном полными и в большинстве случаев нераспространёнными простыми предложениями. При этом «лидируют» односоставные предложения с главным членом сказуемым. Среди них чаще всего встречаются односоставные определённо-личные: *Хочу счастья и мужа. Возраст и вес в идеальном состоянии. Звоните, пишите; Жду принца и не меньше. Хозяйственная и неприхотливая девушка. Вредных привычек нет.*

Имеют место быть и двусоставные предложения, в которых женщина или мужчина чаще всего говорят о себе в 3-м лице: *Молодая барышня желает познакомиться с мужчиной. Не разочарую; Одинокая девушка ищет состоятельного спонсора. Образованна и начитана; Юная леди ищет кандидата в мужья! Строгий отбор.*

Тем не менее встречаются и сложные предложения, чаще всего с бессоюзной связью: *40/158/76, разведена, воспитываю двоих детей десяти и четырнадцати лет, временно не работаю, ищу умного, обеспеченного, обаятельного мужчину не старше 45 лет, готового стать отцом моим детям; Познакомлюсь с мужчиной до 35 лет, материально обеспеченным, симпатичным, веселым, без вредных привычек. О себе: полненькая, 22 года, высшее образование, с маленьким ребёнком.*

Небольшой процент составляют сложносочинённые предложения: *185-80, телосложение спортивное, не пью, не курю, разведён, но имеются двое детей от предыдущего брака; Постоянно нахожусь одна, а хочу крепкую семью с надёжным мужчиной.*

Самая малочисленная группа – сложноподчинённые предложения: *Сижу и жду, когда же объявится мой принц на белом коне; Алина. Приятная внешность и хорошее телосложение. Ищу состоятельного мужчину, потому что хочется серьёзных отношений.*

Если обратиться к типологическим исследованиям в области синтаксиса, то можно найти объяснение вышеизложенным наблюдениям. В русском языке существуют свои (как универсальные, так и специфические) синтаксические средства замены сложных предложений. Если сложное предложение выражает связь двух процессов, двух предикатов, то в простом предложении оборот или обособленный член выражает дополнительную предикацию, которая уточняет и дополняет действие, описываемое сказуемым. Из средств дополнительной предикации в русском языке относительно шире используются деепричастные обороты: *Ищу родственную душу, родившуюся в год Быка 12 марта, 23 мая или 4 июня; Нахожусь в поисках мужчины, желающего скрасить свою жизнь; Возраст мыслей 50, а думать начала рано. Доброжелательная реалистка, не лишенная ума, сердца, воли и ч/ю. Напрочь отсутствуют злоба и зависть, а как в зеркало смотрюсь, так сама себя боюсь. Бывает же такое; Прекрасная дама, 43/160/50, с кучей детей, проблем и в/пр, желает познакомиться со свободным от вр. привычек, проблем и семьи мужчиной, состоявшимся в жизни и мечтающим подставить слабой женщине свое крепкое мужское плечо.*

В предпочтении простых предложений сложным, есть и психологический момент. Абоненты брачных объявлений для того, чтобы «приукрасить» свою речь и привлечь внимание реципиента, сложным синтаксическим конструкциям предпочитают другие средства (например, лексико-стилистические).

Однако объём объявлений определяется не количеством предложений, а количеством слов в тексте. Объём текста является одним из важных критериев структуры и информативности текста объявления, а также показателем эффективности объявлений. Считается, что в неэффективных объявлениях, т.е. получающих мало откликов, имеется либо недостаточная информация, либо избыточная, в то время как в эффективных – достаточная для того, чтобы иметь общее представление об абоненте и его запросе.

В брачных объявлениях встречаются все синтаксические типы предложений: повествовательные, побудительные и вопросительные: *Вы в поиске второй половинки? Вам надоело одиночество? Хотите начать новую жизнь? Пишите и мы найдем общий язык! Татьяна.*

В то же время, если побудительные предложения выражают подлинное побуждение (т.е. абонент ожидает реакцию/отклик на свое сообщение), то вопросительные предложения на самом деле выступают в роли метатекстовых сообщений, содержащих какую-либо информацию для реципиента. И те, и другие по прагматическому типу являются вокативами с одинаково задуманным эффектом: *Если ты одинок – отзовись! Если ищешь меня – отзовись! Я жду лишь тебя – отзовись!..*

Таким образом, брачное объявление характеризуется особым синтаксисом: в нём преобладают простые конструкции над сложными, часто вместо последних используются лексико-стилистические средства; встречаются все типы предложений по цели высказывания – повествовательные, вопросительные и побудительные. Эмоциональность передается с помощью восклицательных конструкций. Создатели брачных объявлений, используя простые по конструкции предложения, стараются обогатить их лексически.

Список литературы

1. Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь, 2001. 269 с.

2. Базылев В. Н. Брачное объявление: опыт интроспективного анализа // Гендер как интрига познания : сб. ст. М., 2000. С. 10–136.

3. Малых Д. С. Особенности женских объявлений в России и Великобритании // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 17 (232). С. 105–108.

4. Царикович Н. В. Социопрагматика текста брачного рекламного (сравнительно-сопоставительный анализ русских и немецких текстов БРО). Пятигорск, 2007. 218 с.

Информация об авторе: *Абуталипова Юлия Шамилевна*, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ

Н. Бабаева

г. Баку, Азербайджан

Аннотация. Рассматриваются метафоры в газетных заголовках и функции таких заголовков. Материалом исследования послужили статьи из популярных азербайджанских газет. Показана роль газетных заголовков как средства связи между читателем и автором. Отмечается, что заголовки формируют первую реакцию читателя на событие.

Ключевые слова: статья, заголовок, метафора, автор, влияние, реакция

Для цитирования: Бабаева Н. Роль метафоры в газетных заголовках // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 448–453.

Газетные заголовки, будучи частью письменных текстов, имеют своеобразные особенности. Они передают первый сигнал, направленный на содержание печатной статьи. Первое знакомство читателя с газетным материалом начинается с заголовка: в этот момент формируется первая реакция. Значит, газетный заголовок имеет определённую информационную ценность, в нём выражается эмоция автора, отношение его к событию. Газетные заголовки имеют некоторые лингвистические особенности. С одной стороны, они стоят над текстом, находятся перед ним, а с другой – являются компонентом текста и связаны с его содержанием. Поэтому первое знакомство читателя с текстом начинается с газетных заголовков: первая реакция, предположения читателя о содержании формируется благодаря заголовкам статей. Результат данной реакции может сопровождаться поощрением или пренебрежением.

Заголовки формируются в виде словосочетаний или предложений. В обоих случаях данные структуры служат парадигме текста. Например:

1. Milli şura niyə kölgəyə çəkilib? (предложение); (Gündəm. 5 iyun 2014) (букв. Почему Национальный совет укрывается в тени?).

2. Н. Əliyevin çörəyinin duzu (словосочетание); (Ədalət. 5 iyun 2014) (букв. Соль хлеба Г. Алиева).

Махир Габил оглу употреблял выражение «Н. Əliyevin «çörəyinin duzu», опираясь на структуру «əlimin duzu», «çörəyinin duzu», которая относится к народному языку. Этим метафорическим сочетанием выражаются упреки и недовольство теми, кто не ценит заслуги других, но автор статьи под этим подразумевает истинную сущность явлений, поэтому это словосочетание приобрело оригинальность и новые оттенки значения.

«Мой отец – народный поэт Габил был один из десяти людей, кто получил эту стипендию (имеется в виду президентская стипендия). Это – официальная информация, но у меня есть свои воспоминания об этой специальной стипендии президента. Эти воспоминания были связаны и с Моим отцом, и с другими людьми. Я решил написать об этом. Эти воспоминания относятся к 1997–2003 годам. Не ради этики, но ради того, чтобы не обижать детей умерших людей, я не буду называть кого-то. И ещё, целью является не называть кого-то, а показать, какую пользу имеет президентская стипендия. Показать, как эти деньги помогли творческим, известным людям, которые задыхались в тисках финансового кризиса».

В этом заголовке привлекает внимание две особенности. С одной стороны выражение «*çöğəyin duzu*» употребляется в положительном контексте, выражает уважение и благодарность, а с другой стороны – выбор заголовка «Н. Əliyevin çöğəyinin duzu» точно представляет авторский замысел и парадигму текста. Данный заголовок волей-неволей привлекает к себе читателя, говорит ему о чём-то.

Заголовок «*Milli Şura niyə kölgəyə çəkilib?*» тоже метафорический. Статья, к которой относится этот заголовок, имеет небольшой объём, но она построена в форме ответов на вопросы. В заголовке метафорически отражается тот факт, что Национальный совет, который не смог победить на президентских выборах, тем же самым не смог оправдывать надежды Запада и поэтому лишился мощи.

Метафоры имеют оценочный характер; с их помощью передаются чувства как признание, протест, поощрение и т.д. [1, с. 8; 5, с. 99–110; 7; 8. с. 21].

Автор, употребляя предложение «*Milli Şura niyə kölgəyə çəkilib?*», хочет показать, что он относится к этому вопросу с иронией, насмешкой и предусматривает основные предметы семантики текста в контексте парадигмы текста. Такие заголовки имеют переносный характер. Специалисты, которые занимаются теорией метафоры в связи с политическим дискурсом отмечают, что если в обществе увеличивается напряжение, усиливается борьба между партиями, то увеличивается вероятность их метафорического отражения в печати; такие метафоры они даже называют барометром, показывающим состояние общества. Это происходит в результате точного оценивания понятий метафорами. И в вышеуказанном заголовке «Почему Национальный совет укрывается в тени?» автор намекает на их поражение; а это своеобразный метод выражения авторской позиции, и он тесно связан с семантикой данного текста.

Выше мы отметили, что заголовок – это текст перед текстом, а также компонент этого текста; он является текстом потому, что представляет содержание текста, выражает его. Но, с другой стороны, заголовок является компонентом текста, его структурной частью, ибо название и текст составляют единство. Без заголовка трудно сделать вступление к тексту, парадигматическая функция текста становится неясной; и в результате читатель не обращает на него внимания. Значит, заголовок – это паспорт текста.

В заголовках статей метафоры создают сильный стилистический эффект. Например: «*Yağraqlar altında gizlənən şeir*» (Kaspi. 12 aprel 2014) (букв. Стихотворение, которое скрывается под листьями). Стихотворение здесь сравнивается с фруктами, которые прячутся под листьями, и метафора, созданная в контексте стихотворения, намекает на эстетическую ценность книги стихов, на умение писателя использовать язык, на стилистический эффект. Этот заголовок метафорическим образом представляет ауру книги стихов. Естественно, что и это проявляется в художественных отрывках как идея автора. Заголовок – это творчество. А метафорическое творчество – это творчество, которое зависит от интеллектуального уровня автора и основывается на более сложных ассоциациях. Объединение обоих качеств в одном заголовке с помощью стилистических средств служит формированию его прагматического назначения.

Другой пример. «*Etibar Pirverdiyevin qələmi qırıldı* (Gündəm. 12 aprel 2014)» (букв. Сломана ручка Этибара Пирвердиева). В этом заголовке, который построен на основе сильной метафоры, выражение «*qələmi qırıldı*» указывает на то, что у Этибара Пирвердиева были отобраны «Парк технологий в Сумгайыте» и открытое акционерное общество «Азерэнерджи». Метафора, построенная на юморе, имеет сильный прогностический признак; «настраивается на нотах» ухода с должности, утраты полномочий; и так метафора даёт прогноз о содержании статьи. Дело в том, что данная метафора создаёт такой стилистический эффект, что ясно чув-

ствуется авторская оценка. Под авторской оценкой мы понимаем идейное направление текста [2, с. 80; 4, с. 57; 6; 8, с. 286]. В некоторых случаях в заголовках используются пословицы, поговорки и крылатые слова. Метафоры в их составе несут основную стилистическую нагрузку; то есть текст даётся в данном контексте, между ними существует ассоциативная связь. Эта особенность наблюдается также в художественных текстах. Например, такие выражения: «Yağışdan çıxdıq, yağmura düşdük» (букв. Сбежали от дождя, попали под град, или из огня да в полымя), «Daldan atılan daş toruğa dəyərg» (букв. Брошенный сзади камень попадёт в лодыжку) из произведения Н. Везирова, «Yeyərsən qaz ətinə, görərsən ləzzətini» (букв. Съешь гусиное мясо, узнаешь его вкус) из произведения А. Ахвердиева и т.д. превращаются в определителя содержания текста, то есть предполагаемая семантика текста вводится в данный контекст. На самом деле, совпадает указанный контекст и событие, их стилистический эффект сильно влияет на парадигму текста.

Предпочтение таким заголовкам в статьях, использование стилистических эффектов метафор связано с авторским замыслом [9, с. 125–129]. Например, афоризм «Zəlzələdən, ya vəlvələdən» (букв. Или от землетрясения, или от суматохи) в качестве заголовка выражает отрицательную эмоцию. Это связано с паникой после прогноза землетрясения или с его следствиями. Значит, это что-то опасное. Главный мотив – опасность. В этом случае понятия «землетрясение» и «смятение» отождествляются и соответствуют понятию «опасность». В целом заголовок имеет переносное значение: если он, с одной стороны, связан с землетрясением, то с другой – в абстрактной форме выражает более широкое понятие. В таких заголовках расстояние между читателем и текстом сокращается, то есть читатель быстро проникает в суть событий. Указанный заголовок имеет переносное значение, в нём ясно чувствуется метафоричность, потому что само выражение имеет обобщающую семантику, указывает на множества событий. Метафоричность проявляется в таком аспекте. С другой стороны, его стилистичность тесно связана с его подтекстными значениями – иронией, насмешкой. Это определяет стилистическую функцию метафор.

Фразеологизмы в газетных заголовках, как название текста, в некоторых случаях подвергаются трансформации. Трансформация значения связана с переоцениванием уже существующей словоформы. Такое переоценивание требует особого внимания, а в некоторых случаях абстрагируется в контекстуальной среде. Такие функционально мотивированные выражения в новом контексте приобретают новые иронические или юмористические оттенки значения и превращаются в газетные заголовки.

I. Газетные заголовки – это показатель портативного, эмоционального отношения к данным событиям; это способ подхода к этим событиям. Рассмотрим в качестве примера следующие заголовки:

1. «Beynəlxalq informasiya məkanı formalaşdıran kompüterlər Azərbaycanında» (букв. Компьютеры, способствующие формированию международного информационного пространства в Азербайджане).

2. «Sülhün vaxtı yetişməyibsə?» (букв. Если время для мира не пришло?).

3. «Gənclər uğur zirvəsində» (букв. Молодые на вершине удачи).

4. «Mədəniyyət hər bir xalqın vizit kartıdır» (букв. Культура – визитная карточка каждого народа).

5. «Müğənnilərdən pul qorartmaq jurnalistika deyil» (Выманивать деньги у певцов – это не журналистика).

Мы будем анализировать выражение «Mədəniyyət hər bir xalqın vizit kartıdır». Как видно, отношение автора к культуре отражается следующим образом.

1. Культура – это нравственное достижение каждого народа.

2. Культура – это средство оценивания каждого народа.
3. Культура – это визитная карточка каждого народа и т.д.

«Культура – визитная карточка» – это метафора; указанное предложение является метафорическим предложением; это авторская метафора. Автор придаёт большое значение культуре, и это является сигналом о том, о чём в статье будет идти речь. Стилистичность указанного заголовка кроется в положительном отношении автора к культуре, как и к другим национальным ценностям. Это отношение передаётся с помощью метафоры, и этим автор хочет привлечь внимание читателя; с другой стороны, писатель демонстрирует свой стиль, свой «почерк». Значит, читателю таким эмоциональным, эффективным языком предлагается текст; его приглашают познакомиться с какими-то интересными фактами культуры.

Л. М. Грановская пишет, что в заголовках текстов наблюдаются два противоположных признака; с одной стороны – сжатость, а с другой – тенденция к расширению; в передаче информации стилистическая функция этих заголовков играет важную роль [3, с. 36].

В указанном заголовке сильным стилистическим средством выражается преимущественное положение культуры.

II. Метафорические заголовки с ироническим оттенком: в таких заголовках с первого прочтения чувствуется ироническое настроение:

1. Siyasət dəllalarının «ana müxalifət sevdası» (İki sahil, 5 fevral 2014) (букв. Любовь политических посредников к матери «оппозиция»).

2. «Müğənnilərdən pul qorartmaq jurnalistika deyil» (Kaspi, 5 fevral 2014) (букв. Выманивать деньги у певцов – это не журналистика).

В заголовке «ana müxalifət sevdası» (букв. Любовь к матери «оппозиция») иронически отражается объединение и борьба политических посредников в виде представителей оппозиции против власти, которое характерно для азербайджанской реальности. Употребление такого заголовка в газете, которая находится на стороне власти, считается естественным. В этом заголовке, непосредственно связанном с идеей статьи, даётся идейное направление текста. Метафора «политические посредники» по особенностям употребления выходит за пределы публицистики. Оригинальность указанной метафоры в том, что она связана с понятием «политический рынок»; связывая друг с другом политику и рынок, явление приобретает ироничность, ассоциируются друг с другом совсем не связанные понятия. При такой умственной операции в стилистическом контексте семантика слова «dəllal» (посредник) приобретает новый оттенок. Или в заголовке «Müğənnilərdən pul qorartmaq jurnalistika deyil» выражение «pul qorartmaq» является метафорой; обозначает «выманивать деньги». В семантике глагола «qorartmaq» отражается такой оттенок, как «заставить силой». Но в указанном заголовке целью является иронически показать поведение, нрав, не характерный для журналиста. Читатель интуитивно представляет содержание статьи.

III. Метафорические заголовки, выражающие радость. В таких заголовках основными содержательными линиями являются такие понятия, как радость, гордость, достижение. Например: «Gənclər uğur zirvəsində» (İki sahil, 5 fevral 2014). Метафора «uğur zirvəsi» отражает достижения молодёжной политики в нашей стране. Журналист преподнесёт эти достижения как общенародную радость.

IV. Юмористические метафорические заголовки. Рассмотрим некоторые из них:

1. «Əlini mənə bəstərəsik» (Səs, 28 mart 2014) (букв. Дай мне руку, бэстэрэджик) (Бестереджик – это форма обращения в народной сказке «Тык-тык ханым»).

2. «Nayla gələn vayla gedər» (Səs, 7 mart 2014) (Что легко приходит, легко и уходит).

Рассмотрим некоторые важные моменты, связанные с указанными заголовками. Обратим внимание на комментарии автора к выражению «Əlini mənə bəstərəsik»: «Заявление Рустама Ибрагимова о том, что Эльдар Намазов не звонит мне, напомнил мне о мультфильме «Тык-тык ханым». Та «Тык-тык ханым», бродя по улицам, искала себе друга. Но каждый раз она ошибалась при выборе. Одни смотрели на бедную Тык-тык ханым взглядом блудника, другие видели в ней добычу, а остальные хотели ею овладеть. Итак, «Тык-тык ханым» дружит с мышью, но она тоже становится негодной. Но в конце становится ясно, что она сама тоже ни к чему не годится. Сейчас председатель форума писателей Рустам Ибрагимбеков ведёт себя как «Тык-тык ханым» и объявил о том, что рассердился на Э. Намазова» (Səs, 28 mart 2014). Этот авторский комментарий является многогранным объяснением данного метафорического заголовка.

Здесь ассоциация «Рустам Ибрагимбеков – «Tik-tik xanım» лежит в основе метафорического заголовка. Автор статьи, связывая случившееся с «Tik-tik xanım» происшествие с Рустамом Ибрагимбековым, представляя его в юмористической среде «Tik-tik xanım», создаёт очень удачный метафорический заголовок. В этом заголовке явно чувствуется ироническое, юмористическое отношение автора к этим событиям; это заставляет читателя улыбнуться, его эмоционально-экспрессивная сила кроется в его сильном воздействии на читателя, в реакции читателя перед чтением текста. Или заголовок «Bulanıq suda balıq tutmaq» (Yeni Azərbaycan, 6 mart 2014) (Ловить рыбу в мутной воде). В начале статьи автор даёт такой комментарий: «Фронтвики и председатель Джамиль Гасанов, который присоединился к их хору, хотят воспользоваться тем случаем, что в здании, в котором находится штаб ПНФА, произошла авария. Это они используют в своих грязных политических целях. Али Керимли хочет ловить рыбу в мутной воде». В метафорическом предложении «Əli Kərimli bulanıq suda balıq tutmaq istəyir» (букв. Али Керимли хочет ловить рыбу в мутной воде) для выявления политических целей создаётся ассоциация между понятиями «bulanıq su», «qəza», «balıq tutmaq». Выражаясь юмористически, автор статьи заставляет читателя задуматься над содержанием статьи и показать первичную реакцию на событие. По своему характеру в основе таких метафор лежат сложные ассоциации. Значит, в указанном заголовке, созданном на основе народного высказывания, связанного с содержанием отношений между мутной водой и рыбой, выражается не только юмор, но и ирония. Общее содержание статьи также направлено на раскрытие сущности иронии. Метафоры, содержащие обвинение, часто встречаются в речи представителей партий, придерживающихся разных взглядов.

V. Метафорические заголовки, выражающие признание. Такие заголовки имеют классическую структурную модель.

1. «Universiteti: ömrümüz, həyatımız» (525-ci qəzet, 5 mart 2014) (букв. Университет: наша жизнь).

2. «Tarixin daş yaddaşı İçərişəhər» (Xalq qəzeti, 5 mart 2014) (букв. Каменная память истории – Ичеришехер).

Такие метафоры можно выражать и с помощью такой структуры:

1. «Universitet ömrümüz, həyatımızdır».

2. «İçərişəhər tarixin daş yaddasıdır».

Эти метафорические предложения имеют предикативность без употребления суффикса -dır. В семантической структуре первого предложения вместе с признанием чувствуется любовь, оценивание, поэтические чувства; а во втором – признание и оценивание, но лиризм в первом предложении заменяется фактологическим содержанием во втором. Оценочный характер в обоих метафориче-

ских предложениях вытекает из отношения автора к теме, и этим он хочет привлечь читателя к этой среде.

VI. Метафорические заголовки, выражающие обвинение. В таких заголовках образность и обвинение находятся в тесной связи. Например: «Fikir mübadiləsi, uoxsa mövqə sərgiləmə təşəbbüsü» (İki sahil, 21 dekabr 2012) (Обмен мыслями или проявить инициативу для демонстрации позиций); здесь метафора связана со второй сопоставляемой стороной (демонстрация позиций). Метафорически выраженная сторона имеет ироническое содержание и подвергается обвинениям.

VII. Метафорические заголовки в политическом дискурсе имеют разъясняющий и оценивающий характер. Например:

1. «Biz Azərbaycanda açıq və şəffaf seçkilərin keçirilməsi üçün lazımı şərait yaratdıq» (Мы создали необходимые условия для проведения открытых и прозрачных выборов).

2. «Dünya birliyi Azərbaycanda demokratik idarəçiliyin nəticəsini ədalətli və şəffaf seçkilərdə görür» (Xalq qəzeti, 25 sentyabr 2013) (Мировое сообщество видит результат демократического управления в справедливых и прозрачных выборах).

Наблюдения над газетами, выходящими в разные годы в нашей республике, показали, что с точки зрения семантики можно сгруппировать заголовки в газетах и вышечеречисленные группы являются лишь их малой частью.

Список литературы

1. Ярошук И. А. Когнитивно-метафорическая палитра текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2013. 19 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 367 с.
3. Грановская Л. М. Структура и семантика текста. Баку : Мутарджим, 2005. 139 с.
4. Кайда Л. Г. Позиция автора в публицистике // Стилистическая концепция. Второй язык современной публицистики. М. : Флинта : Наука, 2007. С. 28–48.
5. Маслова А. Ю. Введение в прагмалингвистику : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2007. С. 99–110.
6. Публицистический текст: сущность, специфика, функции. URL: [psibook.com> sociology/publisticeskiy text](http://psibook.com/sociology/publisticeskiy_text) (дата обращения: 20.02.2021).
7. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. № 3. С. 25–38.
8. Щелкунова Е. С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации: специфика и функционирование. Воронеж : Родная речь, 2014. 208 с.
9. Sadıqova S. Mətbuatın ədəbi dilin inkişafında rolu // Nəsimi adına Dilçilik İnstitutunun əsərləri. 2012. S. 125–129.

Информация об авторе: *Бабаева Нурлана*, преподаватель Азербайджанского университета языков (г. Баку, Азербайджан).

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА РЕЧИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦСЕТЕЙ)

Т. А. Борзова, В. Д. Беланова, У. Д. Лоцилина

г. Владивосток, Россия

Аннотация. В исследовательской работе представлены результаты анализа языковой личности на материале блогов популярных социальных сетей «ВКонтакте», «Инстаграм». Целью работы является анализ речи пользователей Интернета с точки зрения формирования языковой личности на примере общения в социальных сетях и обозначение специфических черт данной коммуникации.

Ключевые слова: языковая личность, речь, речевой жанр, коммуникация, речевая деятельность, блог, сетевое общение, виртуальный дискурс

Для цитирования: Борзова Т. А., Беланова В. Д., Лоцилина У. Д. Особенности формирования языковой личности в интернет-пространстве (на основе анализа речи пользователей соцсетей) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 454–456.

Реалии современного общества неразрывно связаны с повышенным спросом на информатизацию и коммуникацию посредством Интернета. Неоспоримым на сегодняшний день является тот факт, что общение практически во всех сферах жизни перешло на дистанционный формат, что, несомненно, отражается на качестве межкультурных и межличностных контактов. Особое место в этой нового формата социальной коммуникации занимает всемирная сеть Интернет, которая на сегодняшний день является не только основным средством общения между людьми, но и производит в реальность особый вид социального, психологического и культурного факта развития новой языковой личности. Основным видом общения между людьми на сегодняшний день – виртуальную реальность.

Интернет в современном мире предоставляет каждому члену общества свои индивидуальные возможности для самовыражения и самореализации. Характер внешней коммуникации изменился не только формально, т.е. каналом общения стал сейчас не межличностного непосредственное общение, а практически полностью ушёл в сеть. Данный факт оказал больше влияние на традиционные речевые жанры, которые под действием перехода из реальности в виртуальную плоскость изменились и претерпели особую трансформацию.

Во всемирной сети Интернет речевые жанры реальной коммуникации развиваются и приобретают некоторые специфические особенности. В социальных сетях, наиболее популярными среди молодежи являются «ВКонтакте» и «Инстаграм», где наглядно можно проанализировать развитие новых речевых жанров современного представителя молодёжи.

Одним из наиболее популярных жанров во всемирной сети является жанр блога. Блог является новой реализацией классической формы личного дневника, в котором происходит трансформация и объединение в одно целое нескольких речевых жанров – исповеди, автобиографии, заметок, эссе и т.д. В соответствии с теорией речевых жанров М. М. Бахтина [1, с. 146], можно говорить о том, что в виртуальной реальности традиционные речевые жанры трансформируются и объединяются в нечто целое, чётко не определяющееся и носящее в себе черты не-

скольких составляющих, которые подчиняются и отвечают новым потребностям и правилам межличностной коммуникации современного социума.

В Интернете появился особый вид письменного общения – точная фиксация устной разговорной речи. Можно говорить о появлении нового типа дискурса – устно-письменная речь.

Блог как основной вид получения информации и коммуникации имеет свой уникальный язык, в котором происходит полное смешение элементов литературного и нелитературного языка. В целом, повествование в блогах носит тенденцию к упрощению сложных фраз и выражений, использование символов и смайликов для обозначения эмоционального состояния, что, в целом, отражает игровую направленность всего общения.

Проанализировав около 50 блогов в социальных сетях «ВКонтакте» и «Инстаграм», авторы статьи пришли к выводу о том, что в основном пользователями являются носители языка. Это значит, что они способны и готовы к общению с другими пользователями и активно могут вступать в коммуникацию с другими пользователями Интернета.

Вслед за Ю. М. Карауловым [2, с. 28], авторы статьи предлагают называть пользователей социальных сетей («ВКонтакте» и «Инстаграм») языковыми личностями. Полагаем, что языковую личность в этом случае характеризует произведённый ею текст в социальной сети с позиции собственного мироощущения и понимания окружающей действительности для донесения своей точки зрения (т.е. цели сообщения) до других коммуникантов посредством сетевого общения. Интернет имеет практически неограниченные возможности к доступу и сбору информации, обмена сообщениями, и это даёт любой языковой личности большие перспективы к самовыражению и самореализации. Можно говорить о возникновении новой формы языковой личности – виртуальной. В виртуальном поле коммуникации в основном реализуется познавательный и побудительный уровень виртуальной языковой личности.

Познавательный уровень в социальных сетях проявляется в самоидентификации пользователя, в названии блогов (выбор ника и темы самого блога). Побудительная – в возможности вступать в переписку с незнакомыми людьми, находить единомышленников и друзей, поддерживать контакты с друзьями, популяризировать не только предмет описания (своего творчества), но и собственную личность. Для многих блогеров Интернет стал той платформой общения, которая рассматривается ими как средство создания новой, доступной среды для общения, которую можно саморегулировать и определять свои правила. С точки зрения психологического фактора общения в Интернете – анонимность, креативность, свобода поведения, обратная связь убирает коммуникативные барьеры языкового взаимодействия и добавляет маневренность в поведении, которые существуют в реальном общении.

В Интернете отмечается гораздо большее количество жанров речевого общения по сравнению с реальным миром. Блог (сетевой дневник) – наиболее часто используемый жанр сетевого (речевого) общения в виртуальной реальности. Блог предоставляет актуальную информацию любого пользователя сети. Этот жанр речевого общения строго структурирован и хронологичен. Блог – это собственное виртуальное пространство пользователя, который носит актуальный для него, в первую очередь, характер и выкладывается на всеобщий просмотр. Блог состоит из профиля автора (чаще сего – главная страница), где изложена его личная информация; статьи или заметки; страница для личных комментариев автора блога; страница с комментариями других пользователей. Тематика блогов разнообразна: 1) презентация интересов, досуга; 2) творчества; 3) сетевая журналистика; 4) душевная и эмоциональная «обнажёнка»; 5) профессиональные блоги информации и пр.

Выделяемые нами блоги вполне могут соотнесены с известными литературными жанрами. Так, блоги, где выставляются переживания, эмоции, можно соотнести с жанром автобиографии, мемуаров. Блог, где тема посвящена развитию и продвижению творчества, соотносим с автовымыслом, фантасмагорией. Сетевая журналистика, которая погружена обсуждению экономических и политических проблем, напоминает общественно-политическое обозрение и т.д.

Можно говорить о том, что общение в виртуальной реальности происходит в некоем формате смешения письменной речи с использованием набора символов (графика, анимация, эмодзи и т.п.) с использованием элементов устной разговорной речи, зачастую со всеми её речевыми ошибками. Это связано с тем, что письменная речь в блогах зачастую перенимает особенности устной речи, т.е. спонтанность, необдуманность, неподготовленность, моментальность. И эта особенность становится отличительной чертой сетевого общения.

У нас появилась возможность определить тип речи, которая распространена в социальных сетях, в интернет коммуникации. Мы можем определить его как сочетание нормированного литературного языка с кодифицированной разговорной речью. Нормы литературного языка здесь редко соблюдаются, и это ведёт к расшатыванию общепринятых языковых норм. Мы подчёркиваем, что новый тип языковой личности в виртуальном пространстве самоосвобождён от навязанных ей норм в реальном мире путём формирования нового образа своей личности – виртуальной (сетевой).

Мы поддерживаем мнение других исследователей данного вопроса о том, что «по мере углубления в Интернет-пространство в отношениях между людьми будет происходить замена личностей их образами. Человек существует в Интернете именно в языковой форме. Конструирование виртуального образа может быть связано с желанием пользователя Интернета решить проблему неудовлетворённости реальной идентичностью. Одним из способов решения этой проблемы интернет-пользователем выступает его язык как средство коммуникации и самовыражения» [3, с. 24].

Таким образом, можно сделать следующий вывод: языковая личность в виртуальном пространстве отличается от языковой личности в реальном мире. Новые возможности виртуального общения приводят к изменению речевого поведения индивида, что ведёт к языковой, культурной, социальной и психологической адаптации и, как следствие, к трансформации. Это даёт нам возможность говорить о перспективности исследования в области виртуального дискурса и развития нового типа виртуальной языковой личности.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Т. 5 : Работы 1940–1960 гг. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.
3. Косякова Я. С., Ткачева В. Р. Языковая личность в Интернете // Молодой учёный. 2017. № 22.1 (156.1). С. 19–23. URL: <https://moluch.ru/archive/156/44303/> (дата обращения: 17.02.2021).

Информация об авторах: *Борзова Татьяна Александровна*, кандидат культурологии, доцент кафедры русского языка Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток, Россия); *Беланова Виктория Дмитриевна*, студентка Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток, Россия); *Лоцилина Ульяна Дмитриевна*, студентка Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток, Россия).

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ФУНКЦИИ ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ «МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ»)

Ю. С. Долотова

г. Пенза, Россия

Аннотация. Представлен анализ односоставных предложений в функции газетных заголовков. Важнейшей функцией газетных заголовков является привлечение внимания читателя. Выбор заголовка со стороны автора связан с характером развития содержания статьи.

Ключевые слова: газетный заголовок, функции газетного заголовка, односоставные предложения

Для цитирования: Долотова Ю. С. Односоставные предложения в функции газетного заголовка (на материале региональной газеты «Молодой ленинец») // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 457–459.

Максим Горький, рассказывая о труде писателя, подчёркивал: «Крайне трудно найти точные слова и поставить их так, чтобы немногим было сказано много, чтобы словам было тесно, мыслям просторно» [2, с. 115].

Экономное, точное выражение мысли – одно из важнейших требований стилистики. Особенно важны яркость и точность для заголовка, потому что заголовок – это первое, с чем сталкивается читатель газеты, первое, чему он уделяет внимание при просмотре газетной полосы, так как по заголовкам он ориентируется в содержании газеты.

«Заголовок является первым сигналом, побуждающим нас читать газету или отложить её в сторону. Предваряя текст, заголовок несёт определённую информацию о содержании публицистического произведения. В то же время заглавие газетной полосы, газетного номера имеют эмоциональную окраску, возбуждающую читательский интерес, привлекающую внимание» [1, с. 235]. Психологические исследования показали, что около 80 % читателей уделяют внимание лишь заголовкам. Поэтому журналисту так важно выбрать заголовок для своей статьи. В нескольких словах или одним предложением нужно не только передать главную мысль публикации, её содержание, но и привлечь, заинтересовать читателя.

Любой, в том числе и газетный, заголовок называет текст, а следовательно, выполняет назывную функцию, которая также даёт возможность читателям выбрать определённый текст из остальной массы. Для отделения одного текста от другого в газете используется и графически-выделительная функция заглавия, которая реализуется неязыковыми средствами: с помощью шрифтовых выделений, использования цвета, графических средств (рисунков), приёмов вёрстки (размещения материалов на газетной странице).

Обычно, заглавию присуща также и информативная функция, так как в нём тем или иным образом отражается содержание материала.

В качестве броских заголовков газет, которые обращают на себя читательское внимание, широко используются фразеологические обороты. Объясняется это тем, что большая часть фразеологического фонда имеет какую-либо экспрес-

сивно-стилистическую окраску. В роли заголовков активно употребляются фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые слова, афоризмы, широко известные фрагменты литературных произведений, песен и т.п., так как они общеизвестны.

С желанием сделать заголовок более ярким, привлекательным связано употребление в них трансформированных фразеологических оборотов.

Изменения фразеологизмов позволяют журналистам избегать штампов, так как в этих случаях фразеологизм получает, помимо свойств, заложенных в нем самом (а иногда и вопреки им), новые экспрессивные свойства.

Существует большое количество классификаций, которые относят заголовки к тем или иным видам. В своей работе мы рассмотрим заголовки, в основе которых лежат односоставные предложения.

В грамматическом построении заголовков газет используются все известные типы предложения.

Для заголовков газеты «Молодой ленинец» типичны почти все виды односоставных предложений: определённо-личные, неопределённо-личные, обобщённо-личные, безличные, назывные предложения.

Среди глагольных односоставных предложений преобладают определённо-личные. В таких предложениях отсутствует деятель и с помощью формы 1-го лица единственного и множественного числа глагола-главного члена актуализируется действие: *Скоро будем платить больше* (№ 4 от 22.01.2019); *Учимся готовить по-славянски* (№ 19 от 08.05.2017).

Среди заголовков, в функции которых выступают определённо-личные предложения, преобладают предложения с главным членом в форме повелительного наклонения со значением призыва, побуждения, совета или наказа. Призыв к действию: *Знай свои права потребителя!* (№ 11 от 12.03.2019).

Неопределённо-личные предложения, выступившие в качестве заголовков, выражают независимое действие, представляя деятеля как неопределённого: *Ваши права нарушили?* (№ 14 от 03.04.2018 г.); *В Пензе установят памятник Загоскину* (№ 13 от 27.03.2018); *В Пензе возрождают красоту □□ века* (№ 12 от 20.03.2018); *В Каменке школьников учат кузнечному делу* (№ 4 от 23.01.2018).

Обобщённо-личные предложения широко представлены в народных пословицах. На страницах периодических изданий пословицы и поговорки встречаются постоянно. Чаще всего журналист изменяет пословицу, внося в неё новый смысл: *Думай о старости смолodu!* (№ 40 от 04.10.2016).

Основное назначение обобщённо-личных предложений – образное выражение общих суждений, широких обобщений, поэтому данные предложения можно встретить не только в пословицах и поговорках: *Не оформил землю? Можешь остаться без неё!* (№ 43 от 24.10.2017).

Безличные предложения, использованные в качестве заголовков, немногочисленны. Основная их функция – акцент на действии и его результате, деятель при этом не столь важен: *Не хватило одного балла* (№ 24 от 11.06.2018); *В Пензе пляжей не будет!* (№ 24 от 11.06.2018).

Основное назначение вопросительных инфинитивных предложений – это выражение вопроса или утверждения в форме вопроса: *Какой быть Фонтанной площади?* (№ 7 от 12.02.2019); *Покупать или продавать?* (№ 9 от 26.02.2019); *Подарить или завещать: вот в чём вопрос!* (№ 39 от 26.09.2017).

Побудительные инфинитивные предложения выражают волю говорящего: *Успеть до 1 марта!* (№ 6 от 05.02.2019).

Именные односоставные предложения представлены только одной разновидностью – назывным предложением. В таких предложениях употребляется не-

зависимый именительный падеж существительного: *Привет от друзей из космоса* (№ 16 от 15.04.2019).

Встречаются распространённые и нераспространённые номинативные предложения: *Нелёгкие судьбы обитателей старой усадьбы* (№ 38 от 18.09.2018); *Тихое наше счастье* (№ 35 от 28.08.2018); *Легендарный дядя Гриша* (№ 22 от 29.05.2018).

В назывных побудительных предложениях передаются разные значения: удивление, восхищение, призыв и др.: *Больше добрых дел!* (№ 16 от 17.04.2018).

В современном мире множество печатной продукции, и каждая борется за своего читателя. Средств этой борьбы много: разнообразные фотографии, яркие иллюстрации, необычный шрифт, но, на наш взгляд, самое главное средство – это содержание. Можно предположить, что все статьи интересные, но одни статьи вызывают интерес сразу, а другие даже не читаются. Что же влияет на выбор читателя? Многие факторы – во-первых, иллюстрации и фотографии, во-вторых, помогают зафиксировать наше внимание издательские приёмы – яркий шрифт, необычное расположение текста и т.д., но при этом самым важным элементом текста является заголовок. «С заголовка, с названия начинается знакомство с текстом, поэтому его главная задача – задержать наше внимание» [3, с. 152]. Преследуя эту цель, журналисты, как мы видим, используют все типы односоставных предложений. В бесконечном многообразии форм и типов заголовков непреходящим является одно: заголовок должен быть точным, кратким, выразительным, конкретным.

Итак, односоставные предложения в функции газетных заголовков представлены всеми видами глагольных и номинативными именными конструкциями. Употребление определённо-личных предложений в функции заголовка позволяет сделать его более динамичным, энергичным и лаконичным. Очень выразительны в семантико-стилистическом отношении такие неопределённо-личные предложения, в которых деятель намеренно представлен как лицо неопределённое, чтобы привлечь к нему внимание читателя, обратить его внимание на материал. Среди обобщённо-личных предложений наиболее интересны такие, которые представляют собой преобразованные пословицы, поговорки и афоризмы. Между всех односоставных предложений-заголовков особо выделяются номинативные как самая многочисленная группа предложений. Главная функция этих предложений – назвать предмет материала, обозначить его существование.

Таким образом, можно говорить о разнообразии, многофункциональности односоставных предложений в роли газетных заголовков как самостоятельного языкового явления.

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М. : Высш. шк., 1999. 235 с.
2. Горький М. Собр. соч. : в 30 т. М., 1949–1956. Т. 24. 115 с.
3. Шевелева Л. В. Заголовок современного газетного текста. Курс лекций. М., 1993. 152 с.

Информация об авторе: *Долотова Юлия Сергеевна*, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 30 г. Пензы; магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ЭНЕМИФИКАЦИЯ МИГРАНТОВ В МЕДИАДИСКУРСЕ СЛОВАЦКИХ ПРАВЫХ ЭКСТРЕМИСТОВ

И. Дулебова, Н. Цингерова

г. Братислава, Словакия

Аннотация. В исследовании рассматриваются особенности языка секьюритизации в медиадискурсе словацких правых экстремистов, избравших главным референтным объектом (явлением, подвергаемым мнимой угрозе) культурную и религиозную идентичность словаков, которая, по их мнению, находится в опасности в связи с миграционной политикой ЕС. Приходим к заключению, что конструирование образа мигрантов как образа врага (энемификация) происходит не посредством весомых аргументов, но посредством оскорбительных речевых актов, эмоционально окрашенной лексики и вульгаризмов.

Ключевые слова: речевая агрессия, секьюритизация, Словакия, язык экстремизма, медиадискурс, мигранты

Для цитирования: Дулебова И., Цингерова Н. Энемификация мигрантов в медиадискурсе словацких правых экстремистов // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 460–465

Многие исследователи в области политической и медиальной лингвистики сегодня совершенно справедливо подчёркивают тот факт, что политологическая теория секьюритизации всё чаще становится релевантной теоретической основой и для лингвистических исследований. Термин секьюритизация (*securitisation theory*) сегодня употребляется преимущественно в значении, которое было сформулировано в трудах представителей Копенгагенской школы Б. Бузана, О. Уивера и Я. Де Вилда (Barry Buzana, Ole Waever, Jaap de Wilde), предложивших сосредоточить внимание не на конкретных реальных военных или политических угрозах, а на «секьюритизации» – придании любой международной или внутренней проблеме статуса «особой», относящейся к «чрезвычайной» категории безопасности, с целью легитимизации применения для её решения специальных мер, выходящих за рамки обычного политического процесса, причем особо подчеркивается, что «для секьюритизации совсем не обязательно, чтобы угроза экзистенциального характера существовала на самом деле, достаточно и того, чтобы то или иное явление представлялось в качестве таковой» [6, с. 24]. Ключевая роль в данном процессе отводилась речевым актам секьюритизирующих акторов, придающих проблеме статус угрозы безопасности референтного объекта (которым могла являться, например, международная система, национальное государство, этническая группа, отдельная личность, какое-либо социальное явление и т.п.) посредством «акта секьюритизации» – убеждения релевантной аудитории [1, с. 38].

Лингвисты относят данный процесс к актам речевой агрессии, и сосредотачиваются на вопросе, к каким языковым средствам при этом прибегают акторы секьюритизации. Роль лингвистических исследований в данном процессе невозможно умалить, поскольку, несмотря на то, что сами основатели теории секьюритизации частично производят анализ на основании теории речевого акта (Д. Остина), и пытаются доказать, что именно успешно построенный речевой акт может привести к конечному успеху конкретного акта секьюритизации, они одновременно, не являясь лингвистами, «в качестве политологов слишком сложных лингвистических техник и анализов избегают» [5, с. 205].

На примерах из медиадискурса словацких правых экстремистов далее анализируем выбор языковых средств и специфику построения речевых актов для наполнения дискурсивных стратегий секьюритизации культурной и религиозной идентичности словаков как референтных объектов, находящихся под угрозой со стороны мигрантов (преимущественно беженцев, трудовых мигрантов, мигрантов вероисповедующих ислам).

На этом месте необходимо особо подчеркнуть, что особо парадоксально воспринимается данная стратегия организации образа мигранта-мусульманина как врага (энемификации) именно в словацком общественно-политическом пространстве, в котором с точки зрения фактов и здравого смысла не должно быть места ни малейшим проявлениям исламофобии, ведь на сегодняшний день в Словацкой республике проживает всего около 5000 мусульман (при общем количестве населения более 5 млн), что является одним из наименьших показателей во всем Евросоюзе. Словакия также является и единственным в ЕС государством, в котором нет ни одной действующей мечети [7, с. 179]. Но для успешного процесса секьюритизации «не важно быть, но важно слыть», не важно иметь реальную угрозу, важно уметь ее представить таковой.

Актуальность исследований медиадискурса экстремистов в Словакии сегодня возрастает в связи с тем, что праворадикальная партия Народная партия – наша Словакия (Ľudová strana – Naše Slovensko, ĽSNS), часто называемая и по имени её лидера Мариана Котлебы (Marián Kotleba), не только пользуется популярностью в определённых кругах словаков, но и является с 2016 года парламентской партией (получив на выборах в 2016 и в 2020 году по 8 % голосов). Декларируемыми целями партии являются защита христианских ценностей, борьба с цыганским меньшинством и мигрантами («Словакия для словаков»), противостояние «диктату Брюсселя» и выход Словакии из НАТО. Логично, что подобные идеи обуславливают минимальное присутствие ĽSNS в серьёзных словацких СМИ, что делает их еще более активными в социальных сетях и в т. н. альтернативных медиа, которые они сами называют «истинно независимыми» [2, с. 76].

Необходимо отметить, что декларируемую угрозу со стороны мигрантов культурной и религиозной идентичности словаков (а также и посягательство на их социальное и материальное положение) правые экстремисты выражают преимущественно эксплицитно, лексемами и выражениями с ярко окрашенной негативной коннотацией, не прибегая к сложным для декодирования языковым играм и интертекстуальным аллюзиям, поскольку данные речевые акты адресованы их электорату (в большинстве своем мало образованному и отчасти социально маргинализированному). Оценка ими любой ситуации почти всегда прямолинейна и однозначна, и сложным аргументациям в ней нет места, вероятно, не в последнюю очередь потому, что и среди акторов анализируемого процесса секьюритизации очень мало людей с высшим образованием. В данном вопросе наши наблюдения полностью совпадают с выводами словацкого лингвиста П. Штубни, который также констатирует тот факт, что «дефицит образования в речевых актах политиков проявляется чаще всего в одностороннем видении проблематики, апелляции исключительно к эмоциям и чувствам адресанта, эксплицитном вульгарном оскорблении противника, множестве гипербола, тотальном осмеянии как форме вербальной агрессии, незаконченности предложений, использовании как примитивных, так и малопонятных формулировок, частой и немотивированной смене тем» [8, с. 401].

Ярлыки, навешиваемые правыми экстремистами на мигрантов, имеют выразительно негативный денотат, в языке процесса секьюритизации у экстремистов почти нет сложных метафор и сравнений, все окрашено в черные и белые тона

(здесь и далее перевод примеров со словацкого на русский язык И. Дулебовой): *опасность антисловацкого и антихристианского поползновения миграционной политики Брюсселя / угроза исламского террора / каждый нормальный европеец должен иметь страх перед сатанинско-педофильным творением дьявола, то есть исламом / нам не хватало цыганской проблемы! Так теперь ещё на нас наступают полчища мусульманских мигрантов / Словакия словакам! За чистую и белую Словакию! / Ислам это больше чем религия. Это отвратительная, бесчеловечная и антигуманная система / Через оголенные границы валят толпы нелегальных мигрантов, многие из которых едут к нам чтобы бесплатно наслаждаться жизнью, воровать, грабить, насиловать, убивать / Агрессивные африканцы, турки и азиаты полностью захватили многие города Европы и десятки белых женщин подвергаются насилию каждый день / Криминальность выросла до небес и банды мигрантов меж собой в городах решают споры оружием. Запад и север Европы уже потеряны, так не позволим им, чтобы мы потеряли и Словакию / Не позволим мигрантам захватить Словакию / Нашу землю и наших женщин им не отдадим. Защитим нашу Родину! / Все силы на защиту родной земли от чужеземных паразитов! / Исконный народ, создавший государство и платящий налоги перебивается с хлеба на воду, а государство планирует дать миллионы евро на заботу о мигрантах, которые палец о палец для него не ударили / Мы хотим чтобы в наших городах и селах и далее разносились из костелов прекрасные звуки колоколов, а не дикие крики из мечетей.*

Примечательно, что в процессе секьюритизации его акторы начинают часто подменять понятия, и вместо слова *словацких* использовать слово *славянских*, что вполне соотносится с их постоянными призывами к общеславянскому единению и славянскому братству: *Пусть все исламисты видят, что здесь они никому не нужны, что мы будем защищать наших славянских женщин и дочерей и что наша славянская земля не про их честь / Евродепутаты нас предали, затопили всю Европу миллионами мигрантов, приходящих к нам чтобы забрать у нас нашу землю, женщин и богатство, созданное нашими славянскими предками.*

Особо правые экстремисты любят подчёркивать т. н. *опасность мультикультурализма: страны Западной Европы уже имеют горький опыт неуспешного мультикультурализма. Полностью разрушившего их устоявшиеся этические нормы и религиозные традиции / мульти-культи это несъедобное варево из несовместимых ингредиентов / мульти-культи это перемешивание груш с яблоками и этот компот нам не по вкусу.*

В процессе создания образа внешнего врага и призывов к консолидации населения для борьбы с ним особо востребованными становятся конфликтогенные, агрессивно воздействующие метафоры криминальные (*отжать землю, украсть дочерей, крышевать мигрантский сброд*), зооморфные (*пороссячи манеры, повадки гиены, с искренностью лисы*), бестиальные (*поборники сатаны, слуги дьявола, ученики антихриста, сатанисты всех мастей*) и особенно милитарные (*на переднем фронте борьбы, исламисты идут на штурм, атакуют на всех фронтах, защитники истинных ценностей*).

Налицо, как видим, полный отказ от принципов политкорректности, которая, как считают словацкие правые, характерна лишь для *слабаков и либерастов, выкормышей Сороса и примитивных пиндосов*.

Почти все выше приведенные (и переведенные на русский язык) примеры взяты нами из социальных сетей и медиальных заявлений представителей партии ĽSNS, и они наглядно демонстрируют, посредством каких речевых актов происходит заявление о возникновении угрозы существованию референтного объекта, причём в наблюдаемом нами случае не привлекаются ни доказательные аргумен-

ты, ни конкретные факты, зато используются речевые агрессивные стратегии (оскорбления, вулгаризмы, эмоционально негативно окрашенные выражения, лексемы с ярко выраженным негативным денотатом и т.п.).

Как видим налицо речевая агрессия, называемая и языком ненависти (*hate speech*), а в случае правых экстремистов она сегодня особо распространена именно в социальных сетях. Словацкие политологи приводят примеры исследований в отдельных государствах Западной Европы, свидетельствующие о том, что сегодня приблизительно 42 процента молодых людей в возрасте от 15 до 30 лет соприкасаются с языком ненависти в социальных сетях Facebook, Twitter, и на страницах Youtube [7, с. 154]. К чему это приводит?

Теория секьюритизации считает завершение процесса секьюритизации успешным, если актору удалось убедить аудиторию в заявленном. К сожалению, результаты парламентских выборов 2016 и 2020 года неоспоримо свидетельствуют о том, что правым экстремистам удаётся успешно радикализовать весомую часть словацкого электората. И что ещё более печально, это относительно молодой возраст их последователей. И обратная сторона медали (анализируемого нами языка ненависти) это благостные призывы к патриотизму, *защите родной земли от нашествия чужеземцев*, осознанию и сохранению своей культурной неповторимости и религиозной традиции.

Патриотические призывы к словацким согражданам и сопутствующие им оскорбления в адрес мигрантов это однонаправленный вектор дискурсивной стратегии противопоставления на оси *свой-чужой*. И в этом вопросе невозможно не согласиться с российскими коллегами в том, что в «националистическом экстремистском дискурсе вербальные и невербальные маркеры концепта *патриотизм*, с одной стороны, используется для создания эффекта любви и преданности родине и народу, демонстрации этой любви через определённую установку на деятельность – уничтожить «чужих» для сохранения чистоты крови «своей» нации, отстаивании интересов «своей» родины – посредством «образов-защитников», «образов-пограничников». С другой стороны, они выполняют ряд функций таких, как придание собственной символике или тексту сообщения положительных коннотаций, которыми характеризуется маркер патриотизма; формирование условий для некритического восприятия других образов и транслируемой информации за счёт создания иллюзии единения, преемственности. Всё это приводит к тому, что представители молодого поколения не всегда распознают пропаганду и трансляцию идей национального экстремизма и считают её как пропаганду патриотизма» [4, с. 213].

«Характер деполитизации, основанной на переводе общественных проблем в область национальной безопасности, подразумевает постоянный контроль над общественным сознанием. Эта стратегия переопределяет границы политики с помощью радикальной энемификации общественно-политического дискурса – крайнего способа легитимации, исключаящего консенсус, издержки которого – состояние мобилизованности, соответствующее открытому гражданскому противостоянию» [3, с. 23].

Главной целью подобных речевых секьюритизирующих практик является достижение определённой степени эмоционального накала, подводящего политическое воображение электората к ситуации экзистенциального противостояния с имажинарным врагом и полностью отвлекающего от формирования позитивной социальной повестки.

Исследование выполнено при поддержке гранта VEGA 1/0344/20 *Jazyk pravicového extrémizmu. Politolingvistická perspektíva* и гранта VEGA 1/0452/21 *Jazyk sekuritizácie v súčasnom slovenskom verejnom diskurze*.

Список литературы

1. Бартенев В. И. Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса // Вестник международных организаций. 2011. № 3 (34). С. 37–50.
2. Дулебова И., Штефанчик Р. Культурно-историческая память в медиадискурсе словацких правых экстремистов // Медиалингвистика. Вып. 7. Язык в координатах масс-медиа, этики и права / под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб., 2020. С. 75–80.
3. Кузнецова О., Михайлов Д. Милитаризация образа врага в современном российском общественно-политическом дискурсе // Вестник Пермского университета. Политология. 2019. Т. 13, № 2. С. 17–26.
4. Лату М. Н., Тагильцев Ю. Р. Маркеры патриотизма в контексте националистического экстремистского дискурса: проблемы восприятия // Лингвистика XXI века: традиции и инновации. Сер. Концептуальный и лингвальный миры. СПб. : СПбГУ, 2019. С. 201–214.
5. Buzan B., Wæver O., Wilde J. Bezpečnosť: Nový rámec pro analýzu. Praha : Centrum strategických štúdií, 2005.
6. Buzan B., Wæver O., Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. L. : Lynne-Rienner Publishers, 1998.
7. Štefančík R., Hvasta M. Jazyk pravicového extrémizmu. Bratislava : Ekonom, 2019. 269 с.
8. Štubňa P. Tlmočenie talianskych politických rečníkov // Jazyk a politika : na pomedzí lingvistiky a politológie : Roč. 3. ed. R. Štefančík. Bratislava : EKONÓM, 2018. S. 397–404.

Информация об авторах: *Дулебова Ирина*, габилитированный доцент, доцент кафедры русистики и восточноевропейских исследований философского факультета Университета имени Я. А. Коменского в Братиславе (г. Братислава, Словакия); *Цингерова Нина*, габилитированный доцент, доцент кафедры русистики и восточноевропейских исследований философского факультета, заведующая кафедрой Университета имени Я. А. Коменского в Братиславе (г. Братислава, Словакия).

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ЖАРГОНИЗМОВ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

Н. И. Ершова

г. Саранск, Россия

Аннотация. Охарактеризованы основные способы реализации экспрессивно-стилистических функций жаргонизмами, представленными в текстах региональных газет. Основное внимание уделяется выявлению экспрессивных возможностей жаргонных лексем, образованных с помощью определённых морфем и участвующих в создании тропов и языковой игры.

Ключевые слова: жаргон, жаргонизм, экспрессивность, язык СМИ, газетный текст, экспрессивно-стилистические функции, языковая игра

Для цитирования: Ершова Н. И. Способы повышения экспрессивности жаргонизмов в газетном тексте // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 465–467.

Жаргонизмы для речи региональных СМИ, в частности газет «Вечерний Саранск» и «Столица С», как правило, встречаются лишь в текстах определенных жанров (интервью, криминальная хроника). В основном журналисты прибегают к использованию жаргонизмов, функционирующих в уголовном, молодёжном и компьютерном жаргонах, а также жаргонным единицам, не закреплённым за определённой сферой бытования, значения многих из которых разъясняются самими же авторами или интервьюируемыми с целью избегания неправильного понимания смысла высказывания. По своей частеречной принадлежности большинство жаргонизмов является именами существительными, реже встречаются имена прилагательные и глаголы, в основной своей массе образованные морфологическим суффиксальным или лексико-семантическим способами, обнаруживающие высокий экспрессивный потенциал рассматриваемых единиц [2, с. 294].

Экспрессивно-стилистические функции жаргонизмов в газетной речи реализуются, как правило, тремя способами:

1. С помощью специальных словообразовательных формантов, обладающих эмоционально-экспрессивными коннотациями. Так, например, суффикс *-як-*, участвующий в образовании имен существительных, как правило, мужского рода со значением предмета, характеризующегося признаком или действием, а также отношением к предмету, явлению или материалу, которые являются именами существительными, именами прилагательными, числительными и глаголами, от которых соответствующие имена существительные образованы, придает слову разговорно-просторечный оттенок: «В отличие от Коли, эксперименты Маршала меня удручают. Никогда не любил *блатняк* и всё, что теперь называют шансоном» (Рукастый П. «А. Белов: "Америка мне помогла по-новому открыть Россию"» // Столица С. – от 24.04.2011. – С. 10).

Или суффикс *-ух-* (*-юх-*), образующий имена существительные – названия лиц женского пола, характеризующихся признаком или действием, которые названы мотивирующими словами. Образованные посредством данного форманта имена существительные отличаются оценочной семантикой, благодаря чему выступают в роли эмотивов в предложении. Это, например, жаргонизмы *заказуха* («заказное преступление»), *чернуха* («о чем-либо, что не представляет собой культурной ценности»), из семантики которых становится очевидным отрицательный

модус оценки, которую они выражают по отношению к окружающей действительности: «Психически здоровый человек не может поверить, что руководители нефтяной компании сами у себя украли сотни миллионов тонн нефти и при этом заплатили с нее налоги. Совершенно очевидно, что этот процесс – политическая *заказуха*» (Осинов С. «Б. Немцов: "Если серьезно заняться Лужковым, то придется поковыряться и в Кремле"» // Столица С. – от 01.11.2010. – С. 6).

Суффикс *-уш-* участвует в образовании имен существительных общего рода со значением лица, которое характеризуется признаком или действием, названным мотивирующим словом, с пренебрежительно-ироническим оттенком (*кликуша*, *дорогуша* и др.). В газетной речи нам встретился жаргонизм *чинуша*, пренебрежительно-иронические коннотации в значении которого усиливаются за счет соответствующего окружения: «– Во-первых, несмотря на долгое пребывание во власти, я остался приличным человеком. Извините за нескромность. Абсолютно не зазвездился и не превратился в *чинушу*» (Осинов С. «Б. Немцов: "Если серьезно заняться Лужковым, то придется поковыряться и в Кремле"» // Столица С. – от 01.11.2010. – С. 6).

2. Другой способ выполнения жаргонизмами экспрессивно-стилистических функций в газетной речи – лексико-семантический: многим жаргонизмам свойственны яркие, необычные оценочные значения, сразу выделяющиеся в тексте на фоне нейтральной лексики. Это, как правило, жаргонизмы, образованные лексико-семантическим способом от литературных слов посредством метафорического переноса. К ним относятся, например: глаголы *грохнуть* («убить»), *кинуть* в значении «не оправдать доверия, обмануть», *раскрутить* («сделать известным в музыкальной среде, мире искусства в целом»), *пришить* (*шить*) («необоснованно обвинить человека в чем-либо»); имена существительные *глухарь* («нераскрытое преступление»), *дурь* («общее название наркотиков, наиболее доступных и распространенных среди населения (анаши, марихуаны, гашиша)»), *мусор* («сотрудник правоохранительных органов»), *отстой* («нечто, не заслуживающее внимания; ерунда, чепуха, что-то плохое»), *трубка* («мобильный телефон») и др.

Приведём примеры использования указанных глаголов в газетной речи: «"История с этим злополучным строительством началась еще аж в 2006 году, – кипятится Любовь Антошкина. А все привело к тому, что нас не только без денег оставили, но и *грохнуть* обещались. Мы были просто ошарашены такой наглостью и жестокостью» (Анютин Э. «Остались без дома и без денег» // Вечерний Саранск. – от 22.12.15. – С. 6); «Ежу понятно, человек, осмелившийся шантажировать сверхдержавы, обречен, но ведь руки-то чешутся. И то, что *«шьют»* ему сейчас именно изнасилование, думается, не случайно» (Елистратов А. «По воле блага» // Вечерний Саранск. – от 14.01.15. – С. 7). В последнем примере особенно ощущается разговорный характер жаргонизма, усиливающийся благодаря другим элементам данной стилистической маркированности: *ежу понятно, руки чешутся*, что представляет собой достаточно распространённое явление для газетной речи. Как видим, в большей мере негативные оценочные коннотации свойственны элементам уголовного жаргона.

3. Ещё один способ повышения речевой экспрессии – участие жаргонизмов в создании тропов и языковой игры. Так, например, с помощью жаргонизма *первопроход* («гражданин, отбывающий наказание в местах лишения свободы в первый раз») образуется контрастное сопоставление (антитеза) в следующем предложении: «Как изменится после реформы система исполнения наказаний? Когда в республике появятся тюрьмы европейского уровня? Для чего *рецидивистов* отделяют от *«первоходов»*?» (Ярцев В. «Новички не получают тюремного образования» // Столица С. – от 24.02.2011. – С. 5).

Часто жаргонизмы способствуют созданию игры слов. Языковая игра возникает тогда, когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острога, и каламбур. Пример каламбура можно обнаружить с следующим заголовке газетной статьи, в котором задействован и жаргонизм, относящийся к сфере компьютерного жаргона, *блог* («публичный дневник с комментариями»): «По воле блога» (ср. *по воле бога, рока*) (Елистратов А. // Вечерний Саранск. – от 14.01.15. – С. 7). Т. А. Щорс подчёркивает, что «именно заголовок является одним из самых ярких и читаемых элементов газеты, который выполняет такие функции: а) привлечь внимание читателя, б) выразить тему статьи в понятной форме» [3, с. 228]. Мы имеем дело с квазицитацией, т.е. трансформированием цитаты с целью создания языковой игры и, следовательно, привлечения внимания читателей к этому материалу. Вследствие этого газетному заголовку придаётся больше экспрессивности, а значит, привлекательности.

Итак, жаргонизмы являются неотъемлемой частью газетно-публицистической речи, способствуя выполнению воздействующей функции – одной из основных для данной разновидности языка. Однако использование жаргонной лексики в газетной публицистике в каждом случае должно быть оправданным и целесообразным, направленным на максимальную реализацию её экспрессивных возможностей. Лишь в таком случае жаргонизмы воспринимаются как весьма действенное стилистическое средство, обращение к которому актуально и адекватно восприятию адресата [1, с. 166]. Жаргонизмы в газетной речи отличаются повышенной образностью и экспрессивностью, чему способствует смысловая нагрузка ряда словообразовательных формантов; оценочная семантика, возникающая на базе нейтральных значений литературных слов с помощью метафорического переноса; создание тропов (антитезы) и языковой игры, в результате чего можно говорить о собственно стилистической (закрывающейся в придании изложению разговорного характера) и эмоционально-экспрессивной (наделение повествования негативными коннотациями вследствие использования, главным образом, лексики уголовного жаргона) функциях.

Список литературы

1. Ершова Н. И. Причины появления жаргонной лексики в современном языке СМИ // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства : сб. материалов Всерос. очно-заочной науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию образования Республики Башкортостан и 110-летию создания Башкирского государственного университета. Уфа, 2019. С. 158–166.

2. Фролова Ю. Р. Особенности функционирования жаргонизмов в текстах региональных газет // Русский язык в контексте национальной культуры : материалы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. И. Солженицына. Саранск, 2019. С. 286–294.

3. Щорс Т. А. Заголовочный комплекс газетной литературной рецензии в аспекте интеграции текста // Грамматика и смысловые категории текста : сб. ст. М., 1982. С. 225–256.

Информация об авторе: *Ершова Наталья Игоревна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (г. Саранск, Россия).

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ В ЗАГОЛОВКАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ г. ПЕНЗЫ)

М. Г. Луннова, Ю. А. Можяева

г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматривается феномен прецедентности в заголовочных конструкциях газетных статей региональной прессы. Прецедентные единицы, используемые в системе современных СМИ, передают конкретные исторические, литературные, региональные и другие коды и выступают в качестве носителей информации; создают особый тип экспрессии, делают материалы местной прессы привлекательными в глазах читателей, а также служат лучшему пониманию заложенного в тексты смысла.

Ключевые слова: региональная пресса, прецедентные единицы, СМИ, заголовок

Для цитирования: Луннова М. Г., Можяева Ю. А. Прецедентные единицы в заголовках региональной прессы (на материале печатных СМИ г. Пензы) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 468–470.

Анализируя и интерпретируя суть происходящих в окружающей действительности событий, социально ориентируя и адаптируя широкие слои населения к инновациям, СМИ сегодня продолжают выполнять информационно-просветительскую функцию и выступать связующим звеном между внешним миром и аудиторией. СМИ способны выполнять такую посредническую роль через журналистские тексты. Степень осведомлённости читателя напрямую зависит от их адекватности, доступности, информационной насыщенности. Поэтому в область особой ответственности и профессионального мастерства журналиста входит умение подготовить содержательные, качественные тексты, способные привлечь и удержать внимание потребителя.

Первое, с чем сталкивается читатель при взаимодействии с текстом, – это заголовок, метко названный «лицом» журналистской работы многими исследователями. Е. С. Задровская считает заголовок «квинтэссенцией газетной статьи» [1, с. 139]. Именно заголовок играет своего рода фильтрующую роль, поскольку уже на этапе знакомства со статьей по названию читатель понимает, стоит ли читать или нет.

Сегодня существует много разных типов заголовков, которые даже для поддержания интереса читателя следует использовать и комбинировать как можно более эффективно, тщательно и разумно.

Заголовок, содержащий как информативные, так и увлекательные начинания, играет важную роль в определении успеха журналистского материала и его эффективного воздействия на читателя. Поэтому на страницах печатных периодических изданий иногда идет серьёзная борьба за внимание читателей, и, по мнению исследователя А. О. Курмыгиной, «в этой борьбе заголовок газеты можно рассматривать как главное оружие» [3, с. 152].

Одним из таких приёмов является введение в журналистский материал прецедентных имен.

Теория прецедентности впервые была предложена Ю. Н. Карауловым, разработана В. В. Красных, Д. Б. Гудковым, Е. А. Нахимовой и рядом других учёных.

В. В. Красных считает, что прецедентное имя – это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к

собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени. Оно может состоять из одного или более элементов, обозначая при этом одно понятие [2, с. 279].

Из рассуждений Е. А. Нахимовой вытекает, что прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака – символа определённых качеств, событий, судеб [4, с. 203].

Учитывая черты, общие и специфические для всех прецедентных феноменов, можно дать определение прецедентной единицы, под которой мы понимаем индивидуальное имя (а в широком понимании – текст, высказывание, ситуация), имеющее связь с прецедентным феноменом, значимое в познавательном и эмоциональном отношении, известное широкой аудитории.

В сфере культуры, языка, массовой коммуникации прецедентная единица (имя, текст, высказывание, ситуация) рассматривается как эталонный, опорный первичный конструкт, языковое клише, на основании сопоставления с которым создается вторичный «продукт», обладающий схожими семантическими свойствами.

Источниками прецедентных текстов могут стать [5]:

- лозунги советской эпохи;
- литературные цитаты;
- художественные фильмы, песни, (названия или цитаты из них);
- латинские выражения;
- фольклор, крылатые выражения и др.

Материалами для исследования стали заголовки газет «Пензенская правда», «АиФ Пенза», «Улица Московская» и др. (2016–2021 гг.).

В соответствии с приведённой выше классификацией можно выделить следующие источники прецедентных текстов, используемых в качестве заголовков:

- художественные фильмы, песни (названия, цитаты из них): «*Улицы погасших фонарей. Сколько стоит выйти из сумрака*» – «АиФ Пенза» № 49, 2020 г., в котором содержится сразу две прецедентные единицы – название известного сериала про сотрудников полиции «Улицы разбитых фонарей», а также трансформированная, но узнаваемая фраза из фильма «Ночной дозор», которая доподлинно звучит: «Всем выйти из сумрака»; «*Откуда дровишки?*» – «Пензенская правда» № 2, 2021 г. (фраза из известного стихотворения Н. А. Некрасова «Мужичок с ноготок»); «*Эх, яблочко, откуда катишься? Поможет ли новый урожай расправиться с ценами*» – «Аргументы и факты» № 7, 2020г. (слова из русской народной песни);

- фольклорные произведения (чаще встречаются пословицы и поговорки): «*Лучше на год раньше, чем на минуту позже*» – «Улица Московская» № 3, 2018 г.; «*Мелочь, а приятно*» – «АиФ Пенза» № 9, 2016 г.; «*Доверяй, но проверяй. Как не попасться на рекламный крюк*» – «АиФ Пенза» № 7, 2020 г.; «*Красиво жить не запретишь. Сколько кредитов у жителей Пензенской области*» – «АиФ Пенза» № 6, 2020 г.;

- лозунги советской эпохи: «*Без хлеба и зрелищ. Страдают ли артисты от безденежья в пандемию*» – «АиФ Пенза» №5, 2020 г. (Хлеба и зрелищ!);

- исторические события: «*Дворцовый переворот*» – «АиФ Пенза» № 10, 2016 г.; «*Ледовое побоище. Почему зимой тонут люди*» – «АиФ Пенза» № 49, 2020 г.; «*Холодная война. Как не поддаться простуде*» – «АиФ Пенза» № 46, 2020 г.; «*Мамайское побоище*» – «Пензенская правда» № 3, 2021 г.;

– телевизионные передачи: «Остаться в живых. Атомная ли бомба спасла зареченский завод» – «АиФ Пенза» № 9, 2020 г.

Таким образом, можно сделать вывод, что прецедентные единицы далеко не всегда употребляются в первоначальном виде и в том смысловом значении, которое заложено в сознание большинства. Связано это с тем, что непреобразованные прецедентные единицы на фоне трансформированных перестают выглядеть ярко и необычно, а значит, прекращают выполнять в системе СМИ функцию привлечения внимания читательской аудитории и побуждения её к прочтению текстов. Тогда как трансформированные прецедентные единицы, напротив, способствуют интеллектуализации журналистского материала, стимулируют читателя к активному участию в интерпретации заложенного в заголовки смысла.

Итак, прецедентные имена не только выступают как художественное средство, но и помогают ярче выразить тему, о которой пишут современные СМИ. Используемые региональными журналистами в заголовках прецедентные имена создают особый тип экспрессии, делают материалы местной прессы привлекательными в глазах аудитории, а также служат лучшему пониманию заложенного в текст смысла. Апеллируя к фоновым знаниям читателя, прецедентные заголовки воспроизводят в его памяти уже знакомые фигуры (нередко только регионального значения) и соответственно их характеристики, тем самым формируют у него особый настрой на материал. От серьёзных и сложных наименований публикаций местный читатель переключается на более образные, доступные и понятные, что способствует повышению эффективности коммуникации.

Список литературы

1. Задровская Е. С. К проблеме языка заголовков современных СМИ // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6-2. С. 143–144.
2. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 282 с.
3. Курмыгина А. О. Роль заголовка в современных франкоязычных СМИ // Научные исследования и разработки молодых ученых : сб. материалов VII Междунар. Молодёжн. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск, 2016. № 7. С. 152–158.
4. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург : УрГПУ, 2007. 207 с.
5. Соколова О. И. Использование прецедентных текстов в газетных заголовках // INTER-CULTUR@L-NET. 2005. Вып. № 4. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/111/> (дата обращения: 27.01.2021).

Информация об авторах: *Луннова Марина Геннадьевна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия); *Можяева Юлия Анатольевна*, учитель начальных классов классической гимназии № 1 имени В. Г. Белинского г. Пензы; магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ПОНЯТИЯ НРАВСТВЕННОГО ПОРЯДКА КАК КОММЕРЧЕСКИЙ ПРОДУКТ

Е. В. Маринова

г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. Рассматриваются особенности современного дискурса (язык рекламы, эргонимы), выявляющие изменения в аксиологической сфере российского общества. Коммерциализация сознания за последние десятилетия привела к тому, что в качестве коммерческого имени, наименования продукта или услуги используются слова, обозначающие понятия нравственного порядка, ключевые слова русской культуры и другой ценностной лексики.

Ключевые слова: реклама, эргонимы, лингвистическая аксиология, понятия нравственного порядка, коммерческое имя

Для цитирования: Маринова Е. В. Понятия нравственного порядка как коммерческий продукт // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 471–475.

Изучение связи языковых инноваций с изменениями в духовной сфере социума становится в XXI в. всё более актуальным. К настоящему времени накоплены и обобщены важные наблюдения, касающиеся этого вопроса, в работах Е. Л. Березович, И. Т. Вепревой, А. А. Зализняк, М. А. Кронгауза, И. Л. Левонтиной, Т. Б. Радбиля, Е. В. Сенько и др. По выражению А. Д. Шмелёва, языковые инновации, свидетельствующие об изменениях в духовной сфере социума, и есть подлинные изменения языка [8, с. 73]. Напомним некоторые из них.

На рубеже XX–XXI вв. происходит изменение коннотации (с отрицательной на положительную) слов *карьер*, *амбиции*, *коммерсант* и их производных, что отражает характерную для поколений, выросших в постсоветскую эпоху, установку прежде всего на материальное (а не духовное, нравственное) благополучие (см. об этом, например: [1, 3, 7–9]). Для акцентирования значимости деловых качеств «новоязу» нулевых годов понадобился новый арсенал оценочных средств, положительно характеризующих носителей этих качеств; в результате изменилась сочетаемость некоторых прилагательных (*успешный предприниматель*, *эффективный менеджер*), ранее употреблявшихся преимущественно (или только) с неодушевлёнными существительными (ср. *успешный дебют*, *эффективный метод в производстве*). В это же время начинает парадигматически разрастаться ряд слов, выражающих высокую оценку обязательных атрибутов «успешного» человека (*элитная бытовая техника*, *эксклюзивный тур*, *кутюрные украшения*, *vip-сауна*; *премиумный*, *представительский*, *люксовый*, *тюнингованный* и др. *автомобиль* и т.п.).

В «обновлённой» шкале ценностей уже не одному поколению молодых людей деньги представляются абсолютным приоритетом; многое теперь измеряется ими (материальные ценности, деньги – мерило «успешного», счастливого, благополучного человека). Ср. в рекламе одного из банков: «*Время ДЕНЕГ*». В этой связи уместно привести результаты специального исследования концепта «деньги», которое проводилось в 90-х гг. XX в. Ренате Ратмайр на основе интервью с жителями Санкт-Петербурга. Исследование Ратмайр показало, что если у представителей старшего поколения сохранялось «относительно отрицательное отношение к богатству», то, напротив, у молодых наблюдалась высокая оценка значи-

мости денег, что соответствовало, как пишет Ратмайр, новой, «рыночной идеологии» в России [6, с. 138–139]. Сходные выводы (на материале опроса жителей других городов) ранее были освещены в [11].

Новые приоритеты сформировали заметную, особенно в рекламном дискурсе, потребность в словах, имеющих сему «престижности», высокого (с точки зрения материальной обеспеченности) качества жизни (см. *статусный человек, пафосный костюм Деда мороза, амбициозное помещение, резонансное пати, магазин «Русский вин»* и др.). В сфере бизнеса гипертрофированно и пошло подчёркивается значимость предлагаемого товара на рынке вещей с помощью «глобальных» метафор; см. эргонимы *«Империя йогуртов», «Империя печати», «Планета секунд-хенд», «Планета суши»* и под.

Коммерциализация массового сознания (ценным представляется только то, что выгодно), идеология общества потребления поставили под удар традиционные ценности (см. неприемлемые для традиционного русского слуха сочетания *икона стиля, икона бизнеса, икона хард-рока, гей-икона, секс-икона, библия стервы; заповеди правильной эгоистки; образовательные услуги* и под.).

Новые веяния, противоречащие традиции, проникают и в сферу межличностных отношений (слово *друг* получает значение ‘любовник, бойфренд’ (см. об этом в [2, с. 416–417]), семейных связей (*суррогатная мать, сурмама, биологическая мать, биологические родители* – ср. традиционное противопоставление *родные мать и отец – приёмные родители*). Искажаются представления об истинной мужественности и женственности (*гламурный подонок; бородатая девушка, бородатая женщина; женщина вамп; стерва* – с положительной коннотацией). См. название книг *«Хочу стать стервой. Пособие для настоящих женщин»; «Школа стервы. Стратегия успеха в мире мужчин»* и первую «заповедь» книги: «Не люби никого, и ты будешь нравиться всем»; и под. Начавшаяся ещё в 90-е гг. XX в. криминализация общества, бизнеса, политики, власти привела к тому, что в массовом сознании постоянно поддерживается, подогревается культ агрессивности, животных начал в человеке, цинизм, индивидуализм; на периферию уходят, устаревают (?) понятия *интеллигенция, интеллигент*. Ряд исследователей, противопоставляя новые «ценности» общепринятым ценностям и нормам жизни, используют понятие *антиценности*, отмечая в качестве новых «ценностей», или антиценностей, наряду с агрессией и индивидуализмом, ксенофобию и примитивизм [4, с. 277]. Интернет-пространство переполнено всевозможными пособиями, справочниками, инструкциями и т.п., в которых не известные никому специалисты дают советы и рекомендации по воспитанию в человеке агрессивности, эгоизма, наглости, цинизма и т.п. См., например, название форума «Наглеем правильно» (pickupforum.com), а также: *Отсутствие цинизма у юриста – признак непрофессионализма. Цинизм, ум, подлость, хлоднокровие, уверенность себе, разумное высокомерие, красота, мгновенная реакция – основные критерии настоящего юриста* (laremucl.ru) (орфография и стилистика источника сохранены. – Е. М.).

К изменениям в языковой аксиологии можно отнести и нетрадиционное использование некоторых «ценностных» (выражение М. М. Бахтина) эпитетов при характеристике нравственных качеств человека. В частности, наблюдается нарушение привычной сочетаемости слов *разумный, полезный, правильный, здоровый, здравый* и их отрицательных коррелятов (*неразумный, неправильный, нездоровый* и под.), например: *разумная месть, разумная жестокость, полезный эгоизм, правильный снобизм, правильная агрессия, здоровый цинизм, здоровая наглость, здравая зависть, нездоровая доброта* и т.д., что демонстрируют смену

полярных точек зрения на духовные ценности, смешение этических оценок (с минуса на плюс и наоборот), релятивизм в отношении к основным нравственным категориям [5].

Всё чаще понятия нравственного порядка цинично «присваиваются» рынком товаров и услуг, а наименования этих понятий становятся всего лишь коммерческими именами наряду с «вискас», «сименс», «тайд» и под. Так, например, на яркой фирменной упаковке набора сети «Додо Пицца», содержащего салфетку, зубочистку и стикер, красуется во всю ширину надпись: *У МЕНЯ БОГАТЫЙ ВНУТРЕННИЙ МИР*. Ёмкое русское слово *мир*, с богатой семантикой, включающей в том числе значение, связанное с духовной, психической жизнью человека, ещё на заре рыночной экономики зазвучало в непривычных контекстах и жанрах. См. ставшие трафаретными вывески магазинов: «*Мир окон*», «*Мир еды*», «*Мир бетона*», «*Мир кальянов*», «*Мир унитазов*» и под. В таком словесном окружении (ср. более привычные: *мир красок*, *мир звуков*, *мир океанических глубин*, *мир русской деревни* и под.) у слова выхолащивается его высокий, космический смысл, соотносимый с такими понятиями, как *бытие*, *существование*, и заданный происхождением слова, а именно родством с *милый* [10]. Выражение *богатый внутренний мир* по отношению к одноразовому бытовому набору нам представляется продолжением всё той же прагматической «эксплуатации» слова в рекламном дискурсе.

Примером «понижения в ранге» (Л. П. Крысин) ценностных понятий может служить и текст радиорекламы:

Вечные ценности:

Любовь...

Истина...

Татуировка!

Сделай татуировку частью себя (реклама салона тату, «Наше Радио», нижегородское вещание, 2019).

Объединение в один ряд нерядоположных понятий (*любовь*, *истина*¹ – *татуировка*), придание статуса «вечных ценностей» косметической процедуре, да и в целом её осмысление в контексте духовной сферы личности («часть себя»), воспринимается своеобразной атакой узкого, прагматического мира на мир нематериальных и действительно вечных ценностей.

На наш взгляд, подобные употребления (даже если их авторы интерпретируют это как игру) ставят под сомнение ценность значимых, устоявшихся в культуре понятий и приводят к их девальвации – во всяком случае, в сознании молодых. В свою очередь на место обесценивающихся рекламой понятий как будто бы претендуют более современные – см. популярные в современном дискурсе слова *комфорт*, *выгода*, *польза*. (Заметим, что выражение *зона комфорта*, по нашим наблюдениям, одно из частотных в речи молодых при разговоре о качестве жизни).

Ещё один пример. *Красота России – в силе твоих волос. В России все мы разные. Наши волосы тоже*. Здесь в телевизионной рекламе шампуня известного бренда коммерческую функцию выполняет уже слово *Россия*, а понятие «красота России» сужается от русского мира до конкретного гигиенического действия (мытья волос). См. также аналогичное «приземление» слов *симфония*, *наука* в слога-

¹ Ср. также выбор названия для электронной базы научных сотрудников (МГУ им. М. В. Ломоносова) – «Истина» (расшифровывается как «Интеллектуальная Система Тематического Исследования НАукометрических данных»). Считаем, что никакие, пусть даже в высшей степени объективные, данные об учёных не могут претендовать на такое высокое понятие, как истина.

нах: *Симфония здоровых попок* (реклама подгузников); *Специальное драже «Мерц»: Наука – это красиво!* (Прецедентом, по всей видимости, можно считать название существовавшего в конце XX в. эстрадного кабаре-дуэта «Академия»).

Нечто подобное наблюдается и в том случае, когда ключевые слова русской культуры и другая ценностная лексика используются в качестве эргонима, коммерческого имени, наименования продукта или услуги. Вот несколько иллюстраций.

Правда. См. название ночного клуба в г. Севастополе – «*Pravda*» (зафиксировано в 2019 г.). Здесь не только латиница кажется неуместной и вызывающей, но и выбор значимого для русской культуры слова для названия увеселительного заведения.

Совесть. См. название банковской карты – «*Совесть*» и слоган рекламной кампании «*Рассрочка по карте “Совесть”. “КИВИ банк”*».

Свобода. См. название карты рассрочки банка «Хоум Кредит» – «*Свобода*».

Родина. См. название магазина отечественных товаров – «*Родина*» (г. Нижний Новгород).

Этот ряд можно продолжить коммерческими названиями: «*Достоевский*» (гостиница в С.-Петербурге), «*Онегин*» (ресторан в Нижнем Новгороде), «*Доктор Живаго*» (ресторан в Москве), «*ЧайКофский*» (название сахара) и т.п. Такой выбор коммерческого имени, когда оним, являющийся знаком ценного культурного феномена в масштабах не только страны, но и мира (*Достоевский*, *Чайковский*), используется в сфере торговли и услуг как этикетка, представляется абсолютно неприемлемым.

В целом создаётся впечатление, что реклама и сфера нейминга исчерпали свои экспрессивные ресурсы и в погоне за новой выразительностью и броскостью специалисты этих областей используют ценностную лексику как привлекательный товар, не задумываясь об этической составляющей такого узкого, чисто прагматического использования языка – важнейшей части духовной культуры.

Список литературы

1. Березович Е. Л. «Отцы и дети» в лексической семантике (О «поколенческих» различиях в значениях слов аксиологической сферы в языке современного города) // *Язык современного города : тез. докл. Междунар. конф. Восьмые Шмелёвские чтения*. М., 2008. С. 25–28.
2. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы её представления. М. : Языки славянских культур, 2006. 672 с.
3. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Эволюция ключевых концептов русского языка в XX веке: аспекты изучения // *Вестник РГНФ*. 2008. № 1. С. 120–127.
4. Киклевич А. Социальные ценности в системе современной культуры // *Przedład Wschodnioeuropejski*. 2013. № 4. С. 273–294.
5. Маринова Е. В. *Здоровые и нездоровые* в современном дискурсе // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2014. Вып. 1, № 2. С. 344–351.
6. Ратмайр Р. *Русская речь и рынок*. М. : Языки славянской культуры, 2013. 456 с.
7. Сенько Е. В. Эволюция русской языковой картины мира // *Лексикография (русско-славянский цикл)*. *Русская диалектология : тез. Междунар. филол. конф.* СПб., 2010. С. 61.
8. Шмелёв А. Д. Падение речевой культуры или изменение нормы? // *Вопросы культуры речи*. XI. М. : Языки славянской культуры, 2012. С. 72–73.
9. Шмелёва Е. Я. Изменения в оценке и самооценке человека в русском языке XXI века (*яркие индивидуалисты, позитивные эгоисты и успешные карьеристы*) // *Вопросы культуры речи*. М. : АСТ-Пресс книга, 2011. С. 95–101.

10. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Г. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М. : Просвещение, 1971. 542 с.

11. Fleischer M. Das System der Russischen Kollektivsymbole. München : Internationaler Verlag Der Wissenschaften, 1997. 165 p.

Информация об авторе: *Маринова Елена Вячеславовна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры страноведения России и славистики Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова (г. Нижний Новгород, Россия).

РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Э. А. Салихова

г. Уфа, Россия

Аннотация. В рамках предлагаемого вниманию материала автор касается проблемы, порождающей билингвистическую форму и бикультурное содержание русскоязычного публицистического текста в СМИ Башкирии, определяет некоторые коммуникативные стратегии современного журналиста, направленные на формирование межкультурного толерантного взаимодействия, выявляет речевые практики толерантности, используемые в отдельных публицистических жанрах. Отмечается, что востребованность билингвистической стилистики зависит от выбора тематики при освещении текущей политической, социально-культурной жизни республики.

Ключевые слова: внутрикультурный / межкультурный диалог, билингвизм, когнитивная эрудиция, локализм, национальная идентичность, региолект, фоновая информация

Для цитирования: Салихова Э. А. Речевые практики коммуникативной толерантности // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 476–481.

В публикациях [2, 4, 5], посвящённых региональным формам существования русского языка в Республике Башкортостан, в фокус изучения социолектов стала попадать именно городская речь с её лексическим своеобразием. Такой интерес активизировал лексикографическую практику [1, 9], поскольку не менее важным представляется обращение к региональной лексике, востребованной во многих социолингвистических и лингвокультурологических работах. Регионализмы – «слова, функционирующие на определённой территории, не зафиксированные в толковых словарях литературного языка или получающие в них пометы *обл., местн., прост., разг.*, являются частью региональной культуры» [7, с. 181]. В данном контексте целесообразно разграничить и локализмы – «разговорные или просторечные единицы, наиболее часто используемые в отдельных регионах» [3, с. 9–10], или «местные слова», «провинциализмы» и др. синонимы регионализма. Термин «регионализм» является гипонимом по отношению к термину «локализм». Обращение к таким лексемам позволяет выявить культурное и языковое своеобразие региона.

Сбор, лексикографическое описание и социо-, психо-, лингвистический анализ регионализмов, в т. ч. локализмов, дают возможность исследовать русский язык не только в аспекте регионального существования, но и функционирования в речевой практике жителей полиязычных регионов РФ. В данной работе мы исходим из представления о русском языке как неоднородной сущности, единая языковая норма которого существует условно. Это положение актуально и для функционирования региолектов в отдельных публицистических жанрах (очерках, заметках, этюдах и пр.) современных русскоязычных печатных и медиаресурсов СМИ республики (представленный ниже иллюстративный материал носит демонстрационный характер и извлекается из газет «Республика Башкортостан», «Вечерняя Уфа», «Уфимские Ведомости», «Молодёжная газета», журналов «Уфа», «Бельские просторы» за 2015–2020 гг.).

Освещающий бикультурную проблематику журналист опирается на образные (в том числе лексические) средства русского языка, тем самым пытаясь адекватно воспроизвести национальный культурный сценарий, отражающий историю, психологию, культуру многоязычного социума. Обращение к таким темам вынуждает обратиться к лексическому и фразеологическому пластам национальной лексики. С этой точки зрения вполне естественно авторское желание приблизиться к вопросу о национальной идентичности. Он обычно анализируется в разных плоскостях с опорой на аксиологические составляющие, которые тесно связаны с осмыслением личной и групповой идентичности. Обращение к жизни и к эпохе исторических или политических деятелей, лиц, связанных с культурной, образовательной деятельностью, помогает читателю, осмысляя прошлое и происходящие события, осознать корни национальной самобытности.

Журналист обращается к этнокультурной специфике жизни людей, совместно проживающих на одной территории в течение длительного времени. Это расширяет когнитивную эрудицию читателя. Журналисты-публицисты активно используют «тактику прямооценочной характеристики» [8, с. 6], тем самым повышая культурно-фонovou компетенцию читательской аудитории. С этой целью в текст вводятся национально маркированные лексические единицы (региолекты, прецеденты), функциональное назначение которых в рассматриваемых жанрах эссе, этюдов, очерков или заметок связано с выделением особо структурированного культурного пространства, осваиваемого читателем.

Вопрос о национальной идентичности связан с вниманием к специфике родственных отношений в башкортостанском обществе. В башкирском и татарском языках обозначения родственных отношений отличаются от подобных в русском языке. В публицистических текстах встречаются такие наименования лиц по родственным отношениям: *баба*, *бабай*, *ата*, *атай*, *абый* (для обозначения старшего кровного родственника по мужской линии), *ана* / *анай* (для обозначения матери, старшей сестры, тети, дочери старшего брата, которая старше говорящего), *эне*, *энекай* (наименования матери), *бала* (ребёнка), *өләсәй*, *картәсәй*, *картинәй*, *картнәнәй*, *зурәсәй*, *нәнәй*, *әбә*, *зурәңкәй*, *инәкәй*, *дәүинәй* (бабушки), *агай*, *ага* (старшего брата или старшего по возрасту мужчину). Парадигматический ряд русских номинаций лиц по родственным отношениям (*сыновья*, *отец*, *братья*, *мать*) включает лингвоспецифическое слово *ата*, эксплицирующее специфику родственных отношений в башкирском обществе. В приводимом контексте публицист использует формулу «башкирское + русское» как опорную речевую практику толерантности. Эта формула охватывает сочетания морфем и слов: «*Его атайка работал вместе с моим на стерлитамакском заводе по производству соды. Правда, потом его направили в Салават возглавлять какой-то отдел на химическом заводе...*» («Вечерняя Уфа»). Региональное *атайка* от башкирского корня *атай* с помощью русского суффикса субъективной оценки образует не новое слово, а его форму, отличную от производящего слова только эмоционально-экспрессивной окраской, передаёт доброжелательное отношение к отцу друга детства, актуализируя атрибутивный смысл «его отец такой же, как и мой». Маркер бикультуры – прецедентное имя (*Салават* – город, один из крупнейших промышленных центров РБ, назван в честь национального героя, башкирского поэта Салавата Юлаева в 1948 г.). Пространственный индикатор – г. *Стерлитамак*, *Салават* – указывает на совместность существования народов. Гармонично сопряжены парадигматические и линейные практики толерантности.

Общетюркская лексика разделяется на два пласта (подробнее: [8]): 1) общеупотребительные тюркизмы, имеющиеся во всех тюркских языках; 2) укор-

нившиеся в том или ином языке тюркизмы. С учётом положений концепции фоновых значений и национально-культурной специфики семантики можно условно обозначить следующие уровни проявления социокультурных сведений в лексике билингвистического текста.

1. На уровне тюркизмов. В случаях, когда в русскоязычной речевой среде отсутствует референт, имеющийся в башкирской (шире – тюркской) культуре, и, соответственно, в лексической системе русского языка отсутствует слово, значение которого эквивалентно значению башкирской лексемы, журналист использует безэквивалентные единицы-тюркизмы: *тамга, аркан, комган, хике, камчы, тюбетейка, чекмень, палас*. Например, лингвоспецифичное слово *комган / кумган* имеет зафиксированное значение в разных башкирских толковых словарях: «Кумгáн (куман) – сосуд с узким горлышком / кувшин для воды с носиком, ручкой и крышкой, применявшийся азиатскими народами для умывания и мытья рук, исходя из традиции отправления естественных потребностей на исламском Востоке».

2. На уровне семемы национального слова, освоенного русским языком: например, *аксакал, малай, джигит*. Лексема *малай* первоначально из русского «мáлый / малóй» в толковых словарях башкирского и татарского языков имеет значение: «1. Мальчик // мальчиковый, мальчишеский. 2. Сын / сыновий, сыновний. 3. Ученик, подмастерье». В билингвистическом тексте значение данного слова трансформируется, передаёт специфическую фоновую информацию. Семема «мальчик» с помощью русского суффикса положительной субъективной оценки -к актуализируется в контексте: *Пока суть да дело, маме все же удавалось постелить взрослым на диване, а нас с пацаном устраивали на полу – мы по бокам, Флюрик в середине. Малайка впервые за свои пять лет приехал в город и теперь преисполнен гордости из-за права лежать между двумя старшими братьями* («Вечерняя Уфа»). В иных случаях реализуется отсутствующая в русском языке семема «бран. Сопляк, молокосос» с помощью о суффикса отрицательной оценки -к: *Кто ты для меня такой? Малайка: невысокий, худощавый, даже усы с бородой нормально не растут!* («Уфа»).

3. На уровне семного состава лексического значения слова из башкирского языка, а именно – национально специфической доли значения в названиях национальных блюд, национальной одежды, обрядов – *сабантуй, вак беляш, кумыс, катык, курай, намаз, ураза, губадия, куллама* и др., а также мифологем типа *Акбузат, гифрит*. Так, *Акбузат* – легендарный крылатый конь, от «акбуз ат» – серая лошадь. По сведениям арабского путешественника Ибн-Фадлана, башкиры поклонялись тринадцати богам, в том числе «особому богу лошадей». Факты такого поклонения находят отражение в башкирском героическом эпосе «Урал батыр», где крылатые кони Акбузат и Сарат возведены в ранг богов-небожителей. Акбузат – конь Хумай-дочери небесного царя Самрау, рожденной от его жены Кояш (Солнце), а Сарат – дочери Самрау-Айхылу, рожденной от жены Ай (Луны). В сказаниях «Урал батыр» и «Акбузат» богатырский конь Акбузат выступает в роли покровителя героя и родоначальника земных лошадей. По легенде, божественный конь Акбузат после гибели батыра, по велению Хумай, спускается с неба на землю и пригоняет на Урал небесных коней, впоследствии прирученных башкирами.

4. На национальных пресуппозициях в форме прецедентных выражений, оживающих в образной канве текста. Эпитет *Уфа – жемчужина Урала* пополнил группу культурем за счёт переносного значения компонента «жемчужина», который подчёркивает чьи-либо достоинства, являющиеся украшением кого- / чего-либо. Сравнение столицы Башкирии «с уникальным минералом благородной красоты» перешло в разряд устойчивого выражения, несмотря на то, что «жемчужи-

ной Урала называют также и озеро Тургойк в Ильменском южно-уральском заповеднике». Аксиологизация урбопространства создает «идеализированный образ города, который в коммуникативном секторе задается наддискурсивным культурологическим феноменом. Оформившись несколько десятков лет назад культурема *жемчужина Урала*, обрела свой экстенционал и закрепила в билингвистическом дискурсе за счёт регулятивного потенциала» [6, с. 267]. Восприятие билингвистического текста осложнено тем, что читатели по-разному опознают прецедентные тексты. Воспринимая вербальные культурно-ценностные прецеденты, публицистический текст разрабатывает алгоритмы их внедрения в сознание читателя и создаёт предпосылки для формирования межкультурного диалога. Региолектная лексика как часть национальной лексики транслирует социокультурные сведения, поддерживая категориальное своеобразие текста.

Хотелось бы остановиться на проблеме религиозной идентичности как важной составляющей национальной идентичности, так как она приобретает особую актуальность в современном публицистическом тексте в связи со свободой выбора вероисповедания в исторически сложившихся и динамично развивающихся условиях поликонфессионального и полиязычного общества. Интерес к религиозной тематике вполне объясним изменениями в религиозно-культурной среде, воплощаемыми в языке. В Башкирии возрождение мусульманства лишено какого-либо фанатизма. Публицисты обращаются к истории формирования ислама на территории РБ, к истокам религиозности башкирских мусульман: *«За последние несколько веков **Ислам** стал неотъемлемой частью повседневной и духовной жизни башкир. Сегодня он играет значительную роль в жизни республики, хотя её не стоит и переоценивать. Как известно, древние башкиры были язычниками-кочевниками и исповедовали древнюю религию тюркских народов **тенгрианство**. **Ислам** же начал проникать в Башкирию из Булгарии ещё в X веке. Этот процесс приостановился, когда в первой половине XIII века территория современного Башкортостана была завоёвана ордями хана Батыея и впоследствии вошла в состав Золотой Орды. После её распада в XV веке на несколько отдельных татарских государств территорию Башкирии разделили между собой Ногайское, Казанское и Сибирское ханства»* («Молодёжная газета»). В тексте присутствуют прямые темпоральные сигналы (*в X веке, в XV веке*), способствующие погружению читателя в ретроспекцию. Активно используется национальная лексика, относящаяся к контактным когнитивным субсферам (*ислам, тенгрианство*, а также *имам, мулла, муфтий, сура, аят, намаз, мечеть, шариат, коран, медресе* – к субсфере религиозного; *язычники-кочевники* – к субсфере номинаций лиц по социальной принадлежности).

На страницах прессы обсуждается вопрос о принадлежности башкир к различным конфессиям. В ней отчётливо формируется актуальный вариант оппозиции *свой-чужой*, определяющий отношение человека к религии. Прямооценочные высказывания выражают точку зрения представителей профессиональных групп, исповедующих разные или даже разновидности одной религии: *«Однако причислять его и, тем более, Зайнуллу-ишана, к приверженцам **джадидизма** было бы неверно. Оба – отец и сын – до конца жизни оставались **традиционалистами**, следуя историческому исламу в его явном и тайном измерениях. ... Так или иначе, муфтий Габдрахман Расулев сыграл выдающуюся роль в сохранении не только **суфизма**, но и в целом **ислама** и его институтов на территории современной России»* («Республика Башкортостан»). Данный фрагмент определяет коллективный интолерантный взгляд на представителей разных направлений одной веры. Приём параллельного употребления метафоры – *в явном и тайном измерениях* – передает образно-оценочное восприятие проблемы преданности мусульманской

вере. Журналист обнажает проблему терпимости в обществе межконфессиональных различий. Как известно, конфессиональная идентичность – это жизненный выбор. Не случайно автор, повествуя в тексте о событиях хрущевского периода гонений на религии, раскрывает важную грань конфессиональной толерантности: свободу выбора веры [8].

Отметим, что лексика религиозной сферы активизируется в газетных публицистических текстах в дни религиозных праздников. Рассмотрим интерпретацию хаджа – опоры мусульманской религиозной жизни: «...Дед был **муллой**, мама много чему научила – сидело во мне что-то этакое подсознательно. Я начал готовиться: прочитал книгу старинную ещё с «**ятями**» о жизни **пророка Мухаммеда**. Интересно стало: неужели это все правда? Читалось-то как сказка. А когда **хадж** совершил, увидел все места, что в книге описывались, убедился – не сказка. Когда поднимался в гору, где прятался пророк, а его голуби спасли, недоумевал: какие голуби на такой жаре? Оглянулся: а вот они, на камне сидят, воркуют («Республика Башкортостан»). Национально-специфическое понятие маркируется скрытым темпоральным сигналом (увидел все места, что в книге описывались), характеризующим определённый исторический этап в жизни мусульман. Использование прецедентного имени (пророк Мухаммед) свидетельствует о достоверности данного события. Авторская оценочность проявляется в противопоставлении временных планов, в использовании риторических вопросов. Очевидно авторское отношение к хаджу как осмыслению духовной составляющей религиозного ритуала (хадж как испытание души).

В последнее время журналистами активно освещается национальная специфика культуры, связанная с определённым укладом жизни, спецификой быта, обычаями. В публицистическом произведении сочетание слов *ковыльная степь* выступает одновременно и как пространственный маркер, и как маркер национальной идентичности. Свойственный многим тюркским народам концепт «степь» задаёт авторскую установку к восприятию окружающего мира, скрепляет отношения между различными социальными и этническими группами, формирует *свой круга* обуславливает варианты эстетического осмысления действительности, обеспечивает связь между поколениями. Обратим внимание на используемые средства языковой выразительности во фрагменте текста, способствующие возникновению полимодальных (зрительных, кинестетических, слуховых) ассоциаций, усиливающих воздействие описания: «Места в Хайбуллинском районе своеобразные. У них своя, особая красота. Глава администрации Раил Ибрагимов отмечает: когда въезжаешь в **степь** после гор Зилаира, «дышать становится легче». И в этих словах не только **местный патриотизм**. **Бескрайность степей** сказывается на настроении почти **так же, как и вид моря до горизонта: такой же ветер обдувает лицо, а запах полыни и ковыля не хуже черноморского бриза**. Недаром арабские шейхи любят выезжать с семьями в пустыню. Есть в этом какая-то связь – люди отрываются от современной цивилизации, уезжают от побережья Персидского залива, чтобы провести время в **бескрайних просторах песков**... («Республика Башкортостан»).

В текстах активизируются регионализмы, обозначающие предметы быта, домашней утвари. На данном участке языковой картины мира есть общее, что объединяет русскую и башкирскую культуры. Опыт длительного совместного проживания двух народов создаёт условия для взаимопроникновения культур и приобщения к особенностям другой культуры. Извлечённые журналистом из естественной коммуникативной среды речевые практики толерантности формируют модели толерантного отношения к *другому*, демонстрируют возможности

приобщения к *чужому* и трансформации *чужого* в *своё*. Так осуществляется межкультурный диалог.

Список литературы

1. Аюпова Л. Л. Лексика народов Башкортостана в русской речи. Уфа, 1994. 146 с.
2. Аюпова Л. Л., Салихова Э. А. Региолект как производная дискурсивного мира многонационального социума // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве. М., 2018. С. 89–94.
3. Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И., Скитова Ф. Л. Локализмы в литературной речи горожан : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Пермь, 2002. 91 с.
4. Салихова Э. А. Билингвемы как лингвокогнитивные составляющие региолекта // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования. Пенза, 2020. С. 45–51.
5. Салихова Э. А., Искужина Н. Г. Гетерогенное языковое пространство города: специфика речевого контактирования // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (Ч. 2). С. 181–186.
6. Салихова Э. А. Билингвемы как лингвокультурологические компоненты региолекта // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире. Великотырново ; Уфа, 2020. С. 263–269.
7. Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. 312 с.
8. Туксайтова Р. О. Речевая толерантность в билингвистическом тексте (на материале русскоязычной казахской художественной прозы и публицистики) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2007. 43 с.
9. Языковая мозаика г. Уфы : колл. моногр. : в 2 т. / под ред. проф. Э. А. Салиховой. Уфа, 2021.

Информация об авторе: *Салихова Эльвина Ахнафовна*, доктор филологических наук, профессор кафедры языковой коммуникации и психолингвистики общенаучного факультета Уфимского государственного авиационного технического университета (г. Уфа, Россия).

ЯЗЫКОВАЯ ПОЗИЦИЯ АВТОРА В АНАЛИТИЧЕСКОМ ОТЧЁТЕ

Е. Н. Сердобинцева

г. Пенза, Россия

Аннотация. Языковому наполнению журналистских жанров уделяется недостаточно внимания, поэтому обращение к теме языкового выражения авторской позиции является актуальным. Поднимается проблема выражения позиции автора в аналитическом отчёте, который выступает объектом нашего исследования. Цель работы – выявить проявление авторской позиции и ее взаимосвязь со структурами жанра. Выявлено воздействие авторской позиции на формирование подвида отчёта.

Ключевые слова: журналистский жанр, аналитический отчет, авторская позиция

Для цитирования: Сердобинцева Е. Н. Языковая позиция автора в аналитическом отчёте // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 482–484.

Когда настаёт время решения проблем в обществе, в журналистике на первый план выходит аналитика, способная выявить причины создавшейся ситуации и подсказать возможные пути её решения. В последние годы аналитическим жанрам в отечественной прессе отводится всё больше места. Поэтому изучение специфических черт, присущих одному из названных жанров, является актуальным.

Аналитические жанры требуют высокой логики, чтобы предъявить проведённый анализ социально-политического явления. Присутствие автора в таком тексте часто выражается лишь в подборе фактов и аргументации. Аналитический отчёт носит официальный характер и не допускает двойного смысла, что требует от журналиста особой строгости в построении текста. Рассматриваемый жанр допускает авторские комментарии, но они должны чётко отграничиваться от содержания отчёта. Комментарии обычно играют функциональную роль, которая позволяет выделить разновидности аналитического отчёта, что определяет важность исследования языкового воплощения авторской позиции в тексте.

Рассмотрим несколько журналистских материалов, представляющих разные подвиды исследуемого жанра. Так, в материале «Симпозиум продемонстрировал большой интерес к тематике БРИКС», опубликованном в «Российской газете» 4 декабря 2020, комментарии автора выведены из основного текста и выделены курсивом: *«На симпозиуме БРИКС названы способы развития сотрудничества России и Китая» / «БРИКС оказывает стабилизирующее воздействие на мир»*. Оба комментария несут положительную оценку мероприятия (*сотрудничество, стабилизировать*).

Однако оценка события проглядывает и в основном тексте отчёта в выборе определённых цитат выступающих, где используются оценочные слова: *«Как отметил в завершении мероприятия гендиректор ФГБУ "Редакция "Российской газеты" Павел Негоица, тема видеоконференции была обозначена как проблемы государственного управления, но в реальности предмет обсуждения оказался куда масштабнее»*.

Журналист подбирает цитаты, в которых подчёркивается значимость мероприятия: *«Даже разделение на три секции, шедшие параллельно, не решило проблемы, много вопросов не уместилось в рамки мероприятия, – отметил Негоица. – Это говорит о том, что БРИКС и процессы, идущие в этом объединении, волнуют многих»*.

Важность подотчётного события представлена автором и в собственной речи при пересказе происходящего: *«По его словам, оказалось, что ... на одном симпозиуме... обсудить их все (вопросы) не представляется возможным» / «Также, по его словам, происходящее в БРИКС, одном из крупнейших международных объединений, на территории стран которого проживает более 40 процентов населения планеты, "требуется очень серьёзной поддержки во всех странах БРИКС».*

Положительная оценка касается не только масштаба совещания, но и уважительной, дружественной атмосферы, в которой оно проходило: *«Также гендиректор "Российской газеты" отметил уважительное отношение участников друг к другу» / «Главный редактор Китайской международной издательской корпорации Гао Аньмин также отметил, что... общение участников не стало менее дружественным».*

На первый план в позиции автора в данном тексте выходит оценка события, что и определяет подвид жанра – отчёт-оценка.

В материале «Российские юристы и представители власти решили сообща защищать интересы страны» («Аргументы недели», 18.09.2015) также имеется оценка происходящего события: *«Создание эффективных моделей совместной работы представителей юриспруденции и органов власти в Российской Федерации является одним из определяющих факторов успеха ... / Открытый диалог становится важной составляющей для продуктивной работы ... / В этой связи трудно переоценить значение подписанного соглашения...».*

Однако на первый план в тексте выходит объяснение, почему происходящее событие имеет такое важное значение: *«...в ведении Роспатента находятся ключевые вопросы современной экономики и права. / ...это правовая защита интересов государства... А также контроль и надзор в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета. /... их защита как в России, так и за рубежом, создание комфортных условий для взаимодействия правообладателей и Федеральной службы становятся приоритетными направлениями».*

Комментарии автора не выделяются, они размещены в тексте отчёта, перемежаясь с цитатами участников, подтверждающими тезисы журналиста. Однако материал организован таким образом, что информацию о самом мероприятии невозможно спутать со словами автора, которые формируют подвид отчёта-объяснения.

Третий материал, который мы рассмотрим, принадлежит перу известного журналиста Андрея Колесникова, чьи публикации (чаще репортажи) насыщены иронией. Отчет «Что делали с Конституцией на встрече в Ново-Огарево» опубликован газетой «Коммерсантъ» № 27 от 14.02.2020 и представляет собой отчёт-программу, т. к. точно передаёт ход события. Автор указывает место, где произошло событие, каким образом добирались участники встречи, когда началась встреча. Даже эти протокольные позиции журналист умело наполняет иронией: *«Встреча происходила в Ново-Огарево, которое в последнее время редко используется президентом для официальных мероприятий... / Членов рабочей группы привезли на двух автобусах с надписью «Россия» по боку (остались еще со времен проведения «восьмерки» в Санкт-Петербурге). Это обстоятельство затруднило им отъезд: всем пришлось ждать всех, а некоторые выходить совершенно не спешили (а может быть, даже и не собирались). / Мероприятие началось позже, чем планировалось, минут на 45, т.е. в 15:15, и судя по количеству участников, грозило затянуться до темноты: на эту тему (грех ведь не*

попытаться отметить в вечности, ведь если бы президент в ответ на чье-то замечание среагировал положительно или даже с энтузиазмом, то твоя фраза могла бы оказаться в Конституции, и тогда жизнь в искусстве, спорте или политике прожита, может, не так уж и зря) явно считал своим долгом высказаться каждый, а всего в двух автобусах приехали ведь почти 70 человек».

Как видим, свою позицию автор выражает открыто, заключив слова в скобки. Однако иногда ирония прорывается и в текст отчёта, как в последнем примере при помощи слова «грозило», вносящим оттенок оценочности в высказывание. Там же используется антитеза, которая создаётся словами «всего в двух автобусах», со значением недостаточности и «почти 70 человек», со значением приблизительности большого количества. В следующем предложении опять появляется антитеза за счет слов «вначале» и «наконец»: «**Вначале Владимир Путин наконец** объяснил для людей, зачем нужны поправки». Антитеза придает смысл характер абсурдности, что подчеркивает ироничную позицию журналиста.

Весь текст отчёта переполнен иронией, показывающей негативную оценку события журналистом. Таким образом, в данном тексте происходит наложение подвидов отчета: программы и оценки. Сложно определить, что здесь выходит на первый план: с одной стороны, четкое следование протоколу встречи, с другой – ирония не только в комментариях, но и в подборе цитат, в использовании риторических приемов, не заметных на первый взгляд.

Анализ разных типов аналитического отчёта показал, что во всех текстах наглядно присутствует авторская позиция, которая проявляется не только подбором выбором отдельных фактов описываемого события, но их оценкой и объяснением. Авторская позиция проявляется в выборе языковых средств. Обычно это использование слов, в семантике которых заключена оценка: *положительный, важный, грандиозный, необходимый* и т.п. Часто автор проявляет своё отношение, разъясняя суть вопросов мероприятия.

Официальность жанра требует использования лексики в первичном значении, исключения тропов, дабы не создать в тексте двусмысленности. Тем не менее, авторская позиция, хотя и не часто, может строиться на использовании изобразительно-выразительных средств, как мы увидели в материале Андрея Колесникова.

Информация об авторе: *Сердобинцева Елена Николаевна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Журналистика» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВВЕДЕНИЯ ГРАФЕМ В РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ (НА МАТЕРИАЛЕ г. ПЕНЗЫ)

И. А. Фомина

г. Пенза, Россия

Аннотация. Рассматриваются различные способы введения графем в рекламные тексты на основе материалов города Пензы. Наблюдается тенденция к созданию необычных, индивидуальных рекламных образов.

Ключевые слова: графема, реклама, текст, графодеривация, графическая игра, Пенза

Для цитирования: Фомина И. А. К вопросу о способах введения графем в рекламный текст (на материале г. Пензы) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 485–487.

В XXI веке реклама является неотъемлемой частью внешнего облика города. Она окружает людей буквально повсюду: в транспорте, на улице, на экранах телевизоров и т.д. Человек привыкает видеть и слышать её везде, и как следствие со временем всё меньше обращает на неё внимание. Поэтому маркетологи, дизайнеры, копирайтеры борются за создание оригинальной, креативной рекламы, которая могла бы привлечь и заинтересовать покупателя.

Несмотря на то разнообразие и обилие рекламы, которое существует в настоящее время, в науке до сих пор нет единого определения понятия рекламы. Так, по «Словарю русского языка» С. И. Ожегова [3], реклама – оповещение различными способами для создания широкой известности, привлечения потребителей, зрителей. Учёный-экономист Е. В. Ромат пишет, что реклама – это платное, одностороннее и неличное обращение, осуществляемое через средства массовой информации и другие виды связи, агитирующее в пользу какого-либо товара, марки, фирмы (какого-то дела, кандидата, правительства) [5, с. 145]. Кандидат филологических наук М. В. Ягодкина рассматривает рекламу с языковой точки зрения и пишет, что она «представляет собой особую сферу практической деятельности, продуктом которой являются словесные произведения – рекламные тексты [6, с. 50].

Реклама – это явление междисциплинарное, что позволяет учёным из разных областей исследовать её в рамках своей направленности. Изучение особенностей рекламных текстов представляет собой особый аспект филологии. Рекламный текст можно разложить на несколько языковых уровней: фонетический, лексический, синтаксический, графический. Языковая игра на каждом из этих уровней делает рекламу интересной по-своему. Однако принято считать, что графические приёмы языковой игры являются наиболее распространёнными и эффективными. Это связано с тем, что благодаря ярким рекламным заголовкам и слоганам, люди реагируют на тексты быстрее и чаще.

К основным графическим приемам относят включение в рекламный текст различных графем. Под термином «графема» в Большом Энциклопедическом словаре понимается минимальная единица письменной речи, соответствующая фонеме (её варианту или последовательности фонем) в устной речи. В качестве графемы может выступать буква, сочетание букв, иероглиф или его часть.

В рекламе г. Пензы можно выделить разнообразные элементы графического оформления. Самым распространенным является использование в рекламных текстах букв кириллицы. Это обусловлено тем, что кириллица легко узнаётся потребителем и можем вносить в текст дополнительные смысловые оттенки. Причём в рекламе можно наблюдать как целые слова, написанные латиницей, так и отдельные латинские графемы. Например, в названии парикмахерской «Цирюльникъ» помимо архаизма используется буква Ъ. Или в названии магазина, продающего старинные вещи «Антикваръ».

Также в рекламных текстах г. Пензы употребляются математические, химические символы, цифры. Их использование обусловлено стремлением к повышению смысловой значимости информации. Так как Пенза имеет код региона 58, то на улицах города можно нередко встретить вывески, имеющие в своих названиях данную комбинацию цифр. Например, магазин автозапчастей для грузовиков «Вездеход-58», магазин канцелярских принадлежностей «Канцелярь 58», магазин рыболовных принадлежностей «Наживка 58». Математический символ «нижнее подчёркивание» употреблён в наименовании турагентства «COLIBRI_YA». Знак «решётка» или как его сейчас принято называть «хэштэг» в названии бара «#Corner74».

Языковой материал г. Пензы позволяет также рассмотреть использование в рекламных текстах внебуквенных графических средств. Суть этого явления в том, что «буква-пиктограмма внедряется в букву и, заменяя её, становится знаком отдельного слова или всего рекламного текста» [1, с. 69]. Наиболее часто такие примеры можно увидеть в названиях магазинов. Например, в городе распространена сеть соляриев «Загорай», которая в своих рекламных вывесках вместо буквы «О» использует солнышко, таким образом, вызывая у людей ассоциацию с теплом, летом. В период выборов президента по городу Пенза размещались агитационные баннеры за кандидата КПРФ Павла Грудинина, где буква «У» изображалась в виде галочки «V». Такая реклама могла создавать у избирателя желание проголосовать за этого кандидата на подсознательном уровне.

Также можно наблюдать проявление такой графической игры, когда рисунком заменяется целое слово. Этот рисунок становится пиктограммой рекламируемого товара. Например, змея, обвивающая ножку чаши и склонившая голову над самой чашей, является символом медицины (аптеки). Каждый пензенец сейчас без труда сможет опознать символ магазина «Магнит» (красная рамка, в которую помещена буква М) или «Пятёрочка» (зелёно-красная эмблема с цифрой 5 по центру).

Употребление графем в рекламных текстах подчинено двум основным целям: 1) привлечение внимание реципиента – потенциального потребителя; 2) графическая трансформация слова или текста и извлечение из него дополнительного содержания» [2, с. 92]. Важно, чтобы рекламная задумка была понятной для потребителя, не требовала на расшифровку много времени, иначе языковую игру можно считать неуспешной.

Языковой материал города Пензы обширен и разнообразен. В дальнейшем, продолжая рассматривать графемы и способы их введения в рекламные тексты города, мы планируем опираться на исследования Т. В. Поповой [4, с. 163].

Подводя итог описанию способов введения графем в рекламный текст на материале рекламы города Пензы, можно сделать вывод, что графодеривация даёт возможность создать неповторимый индивидуальный рекламный образ г. Пензы. Так, на городских улицах появляются необычные вывески и банеры, которые содержат в себе буквы кириллицы, математические и химические символы, внебук-

венные средства. Графическая игра в большей степени привлекает внимание потенциального покупателя, положительно воздействуя на его мышление.

Список литературы

1. Григорьева Т. М. Параграфемные явления в современном русском письме // Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия. Научно-методический бюллетень. Вып. 1. Абакан, 2003. С. 68–76.
2. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникационном пространстве СМИ и рекламы. М. : Флинта, 2009. 296 с.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь. URL: <http://slovar-ozhegova.biz/> (дата обращения: 05.02.2021).
4. Попова Т. В. Графиксация как новое явление в языке и научной когнициии // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24. С. 160–163.
5. Ромат Е. В. Реклама. СПб. : Питер, 2002. 544 с.
6. Ягодкина М. В. Категория виртуальности в языке рекламы // Вестник ГПУ. 2006. № 4. С. 44–53.

Информация об авторе: *Фомина Ирина Александровна*, студентка историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

НАЗВАНИЯ РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В СМИ

К. Ялова

г. Братислава, Словакия

Аннотация. Рассматривается применение названий русских литературных произведений в качестве средства языковой игры на материале медиальных текстов, причём внимание уделяется заголовкам статей. Анализируются способы модификации прецедентных онимов – названий двух литературных произведений («Пир во время чумы» А. С. Пушкина и «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова) в заголовках российских средств массовой информации, тематически связанных с пандемией коронавируса.

Ключевые слова: прецедентные онимы, русская литература, языковая игра, медиальный дискурс

Финансирование: исследование выполнено при поддержке гранта VEGA 1/0452/21 Jazyk sekuritizácie v súčasnom slovenskom verejnom diskurze.

Для цитирования: Ялова К. Названия русских литературных произведений как средство языковой игры в СМИ // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 488–492.

Роль русской классической литературы в разнообразных дискурсах современного российского общества можно анализировать в многих аспектах. В настоящей статье остановимся на довольно частой актуализации в средствах массовой коммуникации названий русских литературных произведений, выступающих как неотъемлемый компонент языковой игры автора медиального текста и его реципиента, при этом входящих в разряд прецедентных онимов.

Е. А. Нахимова в своей монографии исходит из ономастического взгляда на разграничение прецедентных онимов – антропонимы, зоонимы, топонимы, астрономы, урбонимы, названия событий, кораблей и др., но выделяет и другие группы:

«1. Прецедентные имена, которые обозначают художественные или иные произведения (напр. «Одиссея»);

2. Прецедентные имена, которые обозначают важные события при помощи указания на их дату (напр. 11 сентября);

3. Прецедентные имена, которые обозначают те или иные события при помощи указания на место, где они произошли (напр. «ходынка»);

4. Прецедентные имена, которые обозначают объекты бизнеса – компании, заводы, банки и т.п. (напр. ЮКОС);

5. Прецедентные имена, которые обозначают получившие широкую известность географические объекты;

6. Прецедентные названия стран способны служить напоминанием об исторической судьбе соответствующих государств;

7. Прецедентные имена, которые восходят к названиям кораблей (напр. Титаник)» [4, с. 82–85].

В нашем дальнейшем анализе остановимся на прецедентных онимах, обозначающих художественные произведения, в нашем случае, обозначающих произведения русской классической литературы XIX века – «Пир во время чумы» А. С. Пушкина (1830) и «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова (1873–

1878). Нами выбранные прецедентные онимы являются многокомпонентными, из-за чего они подвергаются типичным для прецедентных высказываний способам трансформации, т.е. «умышленным нарушениям не только их семантической, но и структуральной целостности» [7, с. 21]. Самым распространённым способом является замещение (субституция), когда один или несколько элементов прецедентного высказывания заменяются другими лексическими единицами. Замещение большинства компонентов прецедентного высказывания может снизить его узнаваемость для читателя. Следующий частый приём – добавление к прецедентному высказыванию нового элемента. Нередко встречаются и усечение (часть прецедентного высказывания опускается, что с одной стороны делает фразу более универсальной, может заинтриговать читателя, с другой, однако, может снизить её узнаваемость для читателя) и смешение (контаминация), когда в одной фразе соединяются два и более прецедентных элемента.

Использование данных трансформационных приёмов в медиальных текстах способствует «повышению экспрессивности», так как «только методом «преобразования» и адаптации оригинального устойчивого словосочетания автор текста может непосредственно реализовать свою дискурсивную стратегию» [7, с. 21]. Одновременно привлекается внимание реципиента, создаётся интрига, и, главным образом, трансформации представляют собой средство языковой игры. В рамках нашего анализа мы придерживаемся дефиниции языковой игры словацкой русистки О. Ермачковой, согласно которой это «проявление творческой сущности автора в языке, основанное на сознательном отходе от нормы с целью проведения эксперимента с формой, желание «поиграть» с реципиентом (читателем), проверить его «лингвокультурологические способности»» [2, с. 8]. От успешности такого «эксперимента с формой» зависит дальнейшее восприятие текста, желание читателя продолжать чтение, продолжать своеобразную игру с автором. Нежелание вступать в игру обосновывается непониманием употребляемых языковых средств, вызванным недостаточной лингвокультурологической компетенцией реципиента (изредка самого автора).

Основным местом для развертывания языковой игры служит заголовок – важная часть газетного текста. Согласно М. Кормилицыной «заголовок к письменному тексту требует от журналиста напряжённой творческой работы: он должен быть и ярким, не штампованным, и связанным с контентом статьи – анонсировать его и завлекать, интриговать» [3, с. 37]. Для заинтригованности идеально подходят именно прецедентные феномены, а именно прецедентные высказывания или прецедентные имена, которые как «актуализирующее и экспрессивизирующее средство (...) подчеркивают экспрессию заголовка повышением перцептивной сложности, результатом чего является более активное привлечение читателя к процессу коммуникации» [6, с. 66].

Пандемия нового коронавируса повлияла на жизнь практически всего мира и начала активно заполнять страницы практически всех газет. Наверно, как никогда стало актуальным название «маленькой трагедии» А. С. Пушкина «Пир во время чумы», благодаря своей популярности почти полностью завершившее процесс фразеологизации в русской языковой картине мира. Данное выражение часто использовалось и до марта 2020-го года, но с совершенно другими коннотациями. «Чума» обозначала лишь неблагоприятные условия жизни обычных людей в сравнении с богатыми чиновниками, которые, несмотря ни на что, организовывали эксклюзивные вечеринки, парады и даже спортивные состязания на фоне последствий наводнения на Дальнем Востоке:

(01) «*Пир во время чумы*»: о банкетах чиновников за счёт народа [regnum.ru, 05.12.2020];

(02) *«Пир во время чумы»: в Сети осудили корпоратив партии Зеленского* [ria.ru, 21.12.2019];

(03) *Парад во время чумы: россияне раздражаются праздничные выдумки властей* [ridus.ru, 16.09.2019];

(04) *Хабаровский край: пиар во время наводнения* [amurpress.ru, 19.09.2019];

Или покупали дорогостоящие, ненужные вещи и инвестировали в проекты, предназначенные только для избранных:

(05) *«Пир во время чумы»: не все в Кемерово довольны дорогой ёлкой* [amur28.info, 29.11.2019];

(06) *Пир во время чумы: Бейский район покупает внедорожник за 1,5 миллиона* [19rus.info, 05.12.2019];

(07) *Пир во время чумы. В нищей Онеге строят аква-рай для богатых* [rusnord.ru, 27.05.2019].

В примерах (03) и (04) основные компоненты выражения прошли процессом субституции, причём в примере (03) замещено было лишь слово «пир» на отчасти синонимическое «парад», а в примере (04) замещены были оба главных компонента – слова «пир» на почти созвучное «пиар» и «чума» на более актуальное в данной ситуации происшествие «наводнение».

Однако всемирная пандемия всё изменила и вернула первоначальное морбиальное значение слову «чума», на что с самого начала разгара коронавируса обращают внимание и журналисты, применяя данное выражение для метафорического описания незаконных вечеринок во время введенных ограничений и карантинных мер:

(08) *«Пир во время чумы»: российские звёзды отдыхают в Куршевеле, не смотря на коронавирус* [eg.ru, 10.03.2020];

(09) *«Пир во время чумы»: в Сочи ресторан и ярмарку опечатали из-за нарушений карантина* [pexkuban.ru, 14.04.2020];

(10) *Пир во время чумы: более 50 человек собрались на вечеринку в ночном клубе в Башкирии* [gtrk.tv, 26.04.2020];

(11) *В России парад Победы в Минске назвали пиром во время чумы* [lenta.ru, 03.05.2020];

(12) *Пир во время covid* [kstovo.ru, 22.12.2020];

(13) *Пир во время ковида: как шифровались тусовщики* [vesti.ru, 04.01.2021];

(14) *И снова пир во время чумы... Бузова с размахом отметила свой день рождения* [tvcenter.ru, 26.01.2021];

(15) *Мир во время «чумы». Как живётся на карантине в других странах* [aif.ru, 27.03.2020];

(16) *ТВ во время чумы: шелуха сошла на нет* [mk.ru, 02.04.2020].

Как видим, некоторые из журналистов заместили историческую «чуму» на современный «ковид» (примеры (12) и (13)). Субституции также подвергся первый компонент «пир» в примере (15) на созвучное «мир» и в примере (16) на «ТВ», актуализируя таким образом обстановку в мире и в стране.

Коронавирус повлиял и на актуализацию названия поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

(17) *Кому в коронакризис жить хорошо? Откровения работающих кузбассовцев* [sibdep.ru, 24.04.2020];

(18) *Кому в коронакризис жить хорошо* [km.ru, 27.04.2020];

(19) *Чиновники-оптимисты или кризис-диссиденты: кому жить хорошо даже в пандемию* [долг.рф, 29.05.2020];

(20) *Кому в пандемию на Руси жить хорошо?* [kdpconsulting.ru, 15.09.2020];

(21) *До 100 и даже до 270 тысяч в месяц: Кому на удалёнке жить хорошо?* [tsargrad.ru, 19.10.2020];

(22) *Кому на Орловщине в пандемию жить хорошо* [oreltimes.ru, 20.11.2020];

(23) *Кому и в пандемию жить хорошо: как в кризисном 2020-м году разбогатели российские миллиардеры* [bloknot.ru, 05.01.2021].

Во всех нами приведённых примерах наблюдается субституция главного элемента «на Руси» более актуальными выражениями «в коронакризис», «в пандемию», «на удалёнке», или конкретной локализацией «на Орловщине». Лишь в примере (20) видим добавление выражающего актуальные обстоятельства компонента «в пандемию» к оригинальному прецедентному названию.

Как известно, «для выражения сильных чувств, для убеждения читателя, воздействия на него, для полемического заострения темы публицистика использует богатый арсенал риторических средств» [5, с. 206], к которым принадлежит и риторический вопрос. Сама конструкция выражения «Кому на Руси жить хорошо» побуждает к её употреблению в качестве вопроса, как об этом свидетельствуют примеры (17), (20) и (21). В остальных примерах вопросительное свойство заголовка можно достичь лишь правильной интонацией.

Русская классическая литература по сей день имеет свое стабильное место в языковой картине мира россиян, являясь главным источником интертекстуальных ссылок в медиальном дискурсе и весомым эмоциональным аргументом в сознании представителей русского лингвокультурного сообщества [1, с. 233]. Частая актуализация названий некоторых известных произведений присуща не только повседневной коммуникации, но и средствам массовой информации. В качестве прецедентных онимов они привлекают к себе внимание читателей, становятся средством языковой игры между автором и реципиентом, чем усугубляется интеракция участников коммуникации. Нельзя забывать и о правильном декодировании смысла применённого прецедентного онима со стороны читателя, что обуславливает успешную коммуникацию. Данная цель достигается выбором самых известных, самых знаковых прецедентов, которые наиболее ярко описывают актуальную ситуацию. На основе нашего короткого анализа таким наиболее подходящим прецедентным онимом можно считать «Пир во время чумы», так как само название вызывает определенные коннотации с тяжёлой болезнью с одной стороны, и желанием людей продолжать свой прежний образ жизни с другой. Трансформации прецедентных названий в заголовках газетных статей подтверждают стремление журналистов как можно больше заинтриговать читателей и привлечь их внимание к тексту.

Список литературы

1. Галло Я. К проблематике интертекстуальности // Русское слово в контексте этнокультуры XX–XXI вв. Старый Оскол : РОСА, 2012. С. 231–236.
2. Ермачкова О. Е. Языковая игра с именами собственными в газетном заголовке // Пражская русистика : рец. сб. ст. конф. Прага, 2020. С. 7–14.
3. Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Язык СМИ. М. : ФЛИНТА, 2015. 92 с.
4. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т ; Ин-т социального образования, 2007. 207 с.
5. Солганик Г. Я. Стилистика текста. М. : ФЛИНТА, 2015. 256 с.

6. Adamka P. Ruská publicistika (jazyk). Nitra : Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2011. 108 s.

7. Cingerová N., Dulebová I. Jazyk a konflikt. My a tí druhí v ruskom verejnom diskurze. Bratislava : Univerzita Komenského, 2019. 202 s.

Информация об авторе: *Ялова Катарина*, магистр, аспирант кафедры русистики и восточноевропейских исследований философского факультета Университета имени Я. А. Коменского в Братиславе (г. Братислава, Словакия).

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

<i>Киянова О. Н., Василенко С. А.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ	3
<i>Канакина Г. И.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ ЛИЧНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА	10
<i>Бобунова М. А.</i> ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА XXI в.: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	13
<i>Милёхина Т. А.</i> К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЕ	17
<i>Алхасов Я. К.</i> ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ НАД ТЕКСТОМ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	22
<i>Брутян Л. Г.</i> КОМПЛИМЕНТЫ С ЗООНИМАМИ И ФИТОНИМАМИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	27
<i>Хисамова Г. Г.</i> О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СТАЦИОНАРНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	31
<i>Протасова Е. Ю.</i> СЛОВЕСНОЕ ВОССОЗДАНИЕ ЭПОХИ В РОМАНЕ ДМИТРИЯ БЫКОВА «ИЮНЬ»	36
<i>Бу Тхи Нгок Хоа.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИГРЫ КАК СПОСОБ ДЛЯ ЛУЧШЕГО ЗАПОМИНАНИЯ НОВЫХ СЛОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЛЕКСИКЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКИМ ЯЗЫКОМ СО СТУДЕНТАМИ АКАДЕМИИ НАРОДНОЙ ПОЛИЦИИ	41
ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА	
<i>Баженова Т. Е.</i> САМАРСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ЛЕКСИКЕ ВТОРИЧНЫХ ГОВОРОВ	47
<i>Буцких С. А.</i> СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПОЛОТНА	51
<i>Вавилова Е. М.</i> ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ УЧАЩИХСЯ 6 КЛАССОВ ЛИЦЕЯ № 230.....	54
<i>Ван Юйин.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В НАЗВАНИЯХ КИТАЙСКИХ БЛЮД.....	57
<i>Васинькина Ю. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ЧАСТНОГО ПИСЬМА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	60
<i>Герасименко И. А., Пивень А. В.</i> СОВЕТСКИЕ ИМЕНА УЛИЦ В СОВРЕМЕННОЙ ГОРЛОВКЕ	65
<i>Гурьянова Л. Б.</i> ПИСЬМА В. И. ДАЛЯ: КОМПОЗИЦИЯ, ТЕМАТИКА, ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ.....	69

Дубинина В. А. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	77
Касимова Г. К., Елизаров П. С. О ПОПОЛНЕНИИ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА	82
Косс Е. В. ОБРАЗ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ОБЪЁМ ПОНЯТИЯ И ЕГО МЕСТО В КАРТИНЕ МИРА	86
Красовская Н. А. ПРИМЕРЫ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ, ОТРАЖАЮЩИХ СИМВОЛИЗАЦИЮ ЗНАЧЕНИЯ (СЛОВА ЗООНИМИЧЕСКОЙ ОТНЕСЁННОСТИ)	90
Куприянова Н. С. ЯЗЫК И ПАНДЕМИЯ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ – НОВАЯ ЛЕКСИКА	94
Кусайкина А. В. СУБСТАНТИВАЦИЯ СЛОВ «УМНЫЙ» И «ГЛУПЫЙ» В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ	96
Милуд М. Р., Гезайли Н. К ВОПРОСУ О ПРОЕКТИРОВАНИИ И СОЗДАНИИ ПЕРЕВОДНОГО СЛОВАРЯ ТЕРМИНОВ ПАНДЕМИИ КОВИД-19	99
Павкина В. Г., Маслова А. Ю. ДИРЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В ЭПИСТОЛЯРИИ Л. Н. ТОЛСТОГО	104
Панова М. Н. О МЕТОДАХ ИЗУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО	109
Редькина Н. С. СЕМАНТИКА ЦВЕТА И МЕТАЛЛА ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ (СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	114
Сидорова А. С. ПОДПИСЬ-НОМИНАЦИЯ КАК ВИД ПОДПИСИ К ФОТОГРАФИИ В ФОТОАЛЬБОМАХ О ГОРОДЕ ПЕНЗЕ И. С. ШИШКИНА	119
Турлыбекова И. А. ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ	123
Устинская В. В. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ДАРСТВЕННЫХ НАДПИСЕЙ НА КНИГАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИНГВИСТОВ.....	128
Шатилов А. С. ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ А. МЕРКЕЛЬ И В. В. ПУТИНА	133
Шетэля В. ТЕКСТ ПОЭЗИИ ЯНА КОХАНОВСКОГО КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ.....	138
Юденкова А. В., Ковалёва Е. В. АССОЦИАТИВНЫЙ АСПЕКТ ЭРГОНИМОВ г. МОЗЫРЯ	142

**ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА: СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ
И ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ В ВУЗЕ И ШКОЛЕ**

<i>Аббасова С. З.</i> РАЗВИТИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В СТАРШИХ КЛАССАХ.....	146
<i>Бровкина Д. В.</i> СПОСОБЫ АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ.....	151
<i>Вожель Я. А.</i> РУССКИЙ ЯЗЫК ВО ФРАНЦИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ.....	156
<i>Бу Тхе Кхой.</i> ПЕРВЫЙ ОПЫТ ВЬЕТНАМО-РУССКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ	166
<i>Гац И. Ю.</i> ФУНКЦИЯ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА В ОБУЧЕНИИ ШКОЛЬНИКОВ ЯЗЫКУ И РЕЧИ	172
<i>Демина Л. И.</i> ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ (НА ПРИМЕРЕ Б. П. ЕКИМОВА).....	177
<i>Зайцева А. В.</i> КОММУНИКАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СИСТЕМЕ «УЧИТЕЛЬ – УЧЕНИК» В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	180
<i>Кенжешев К. Д.</i> КЫРГЫЗ АДАБИЯТЫН ЭТНОПЕДАГОГИКАЛЫКА НЕГИЗДЕОРТО МЕКТЕПТЕ ОКУТУУНУН ЭГЕМЕНДҮҮЛҮКТӨН ИЙИНКИ АБАЛЫ ЖАНА ПРОБЛЕМАЛАРЫ	184
<i>Керестеши Т. М.</i> ВОЗМОЖНОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ РЕЧЕВОМУ ЭТИКЕТУ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ВО ВРЕМЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ	191
<i>Лаптева М. Л.</i> ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ РЕФЕРАТУ НАУЧНОЙ СТАТЬИ.....	196
<i>Мали Л. Д.</i> Ф. И. БУСЛАЕВ О МЕТОДЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА	201
<i>Перепелкина Л. П.</i> ПОВЕСТЬ И. С. ТУРГЕНЕВА «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ» В ШКОЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ	204
<i>Приорова И. В.</i> ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ	207
<i>Сагитова Д. С.</i> ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА БАЗЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ ОБНОВЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	213

Финяк И. С. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	220
Шевченко М. Н. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ВИД ИСКУССТВА И СРЕДСТВО НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ	224
Шестовская Е. А. РАБОТА НАД ЛЕКСИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ РЕЧИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 5–6 КЛАССАХ	228

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ

Акыйкатова А. КЫРГЫЗ ЖАНА КЫТАЙТИЛДЕРИНДЕГИ УЗУНДУКТУ ТУЮНДУРГАН ӨЛЧӨМ СӨЗДӨРДҮН ЛЕКСИКА-СЕМАНТИКАЛЫК МААНИЛЕРИ	232
Бабичева Е. Л. ТЕНДЕНЦИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ.....	239
Бахышова Я. РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ТЕКСТА В ЛИНГВИСТИКЕ	242
Гарагёзова С. РОЛЬ ПРОСОДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В РЕЧИ.....	247
Долженкова А. Е. ОМОКОМПЛЕКС «КАК МОЖНО» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	251
Кетенчиев М. Б. МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ АРАБИЗМОВ И ПЕРСИЗМОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ.....	254
Колганова В. М. ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ.....	259
Олесюк Д. А. КУЛЬТУРНАЯ КОННОТАЦИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ ЯЗЫКА	262
Починяева (Ананьева) О. А. СООТНОШЕНИЕ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ПЛАНОВ ПРЕДИКАТИВНЫХ ЕДИНИЦ РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С СОЮЗОМ <i>ИЛИ</i> КАК ОДНА ИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ИХ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	266
Shahbazli Ch. SEMANTIC FEATURES OF WORD COMBINATIONS DEPENDING ON THE CONTEXT	271

ЯЗЫК И СТИЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Бауаев К. К. ФОРМИРОВАНИЕ СТИЛЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ПОЭТОВ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА	276
Болотская М. П., Маликова Я. В. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ» В РОМАНЕ И. Л. МУРАВЬЁВОЙ «БАРЫШНЯ».....	281
Болотская М. П., Смага А. С. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В РОМАНЕ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ»	284
Борбучалова Б. Ж. КЫРГЫЗ АКЫНДАРЫНЫН ЧЫГАРМАЛАРЫНДАГЫ САТИРА	

ЖАНА ЮМОР ЭЛЕМЕНТТЕРИ (18-КЫЛЫМДЫН АЯГЫ 20-КЫЛЫМДЫН БАШЫ).....	287
Борова А. Р. ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИРИКИ А. КЕШОКОВА	293
Бу Тхыонг Линь. ЭПИГРАФ В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА НА ВЬЕТНАМСКИЙ ЯЗЫК	298
Гасымова С. Дж. ГУМАНИЗАЦИЯ МЫШЛЕНИЯ: МИФОЛОГИЗАЦИЯ И МИСТИФИКАЦИЯ В «КОЛЛЕКЦИОНЕРЕ» ДЖ. ФАУЛЗА.....	302
Гришина И. С. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНТИТЕЗЫ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЁМА ВЫРАЖЕНИЯ КОНТРАСТНОСТИ В ПОЭЗИИ Н. ГУМИЛЁВА	307
Гусейнова А. И. ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА О ЛЮБИМОМ БАКУ	311
Жумаканова Э. Ш. ДУЙШЕЕВДИН ЧЫГАРМАЧЫЛЫГЫНДАГЫ САТИРАЛЫК ЛИРИКАНЫН КӨРКӨМ-ЭСТЕТИКАЛЫК ТАБИЯТЫ	315
Зайцева А. М. К ВОПРОСУ О СОПОСТАВЛЕНИИ КОНЦЕПТА «РОДИНА» В ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА И В. МАЯКОВСКОГО.....	321
Злобин А. А. ЯЗЫК А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА: ФУНКЦИИ ВТОРИЧНЫХ НОМИНАЦИЙ В РОМАНЕ «В КРУГЕ ПЕРВОМ».....	324
Козина Т. Н. ФУНКЦИИ ЗАГЛАВИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ	328
Кузьмич В. В. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАВЕСТИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ТЕКСТАХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАРОДИЙ	331
Наден А. С. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА БАБА-ЯГА В ПОЭТИЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ РАБОТАХ К. Д. БАЛЬМОНТА	335
Овакимян Л. М. ЯЗЫКОВЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ПРОЗЕ ЧЕХОВА И ЗОРЬЯНА	339
Пичугина Д. В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭПИТЕТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ А. И. КУПРИНА «ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ»	344
Плотникова С. В. «ВЛАСТЬ» В СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Г. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»).....	347
Пономарёва Т. А. МЕТАФОРИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ОДИНОЧЕСТВО» В ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО	350

<i>Решетарова И. В., Коваленко Ю. Э.</i> ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ ЗАИМСТВОВАНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Э. БЁРДЖЕССА «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН»	354
<i>Садыралиева Г. Э.</i> КӨРКӨМ ТЕКСТТЕГИ ЭПИТЕТТЕРДИН ЛЕКСИКА-СЕМАНТИКАЛЫК ӨЗГӨЧӨЛҮГҮ	358
<i>Сомова М. В., Южакова Ю. А.</i> РЕЧЬ ПЕРСОНАЖЕЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОГО МАСТЕРСТВА АВТОРА (ПО ЛИРИКЕ В. С. ВЫСОЦКОГО).....	361
<i>Сузько Е. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА РОМАНА Г. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»	366
<i>Ток Нефзат.</i> «СЫНГАН КЫЛЫЧ» РОМАНЫНДАГЫ КИЙИМ-КЕЧЕК АТАЛЫШТАРЫНА ЛЕКСИКА-СЕМАНТИКАЛЫК ТАЛДОО	371
<i>Щеголихина Т. С.</i> СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНТРАСТА В ЛИРИКЕ В. Д. АГАПОВА	377
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	
<i>Балаш Д. Б.</i> ГЛАГОЛЬНЫЕ ДЕРИВАТЫ СЛОВА <i>КАЯТЬСЯ</i> В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО	382
<i>Кабанова С. А.</i> КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ Н. СЛАДКОВА)	387
<i>Карякина В. Л.</i> БРАННАЯ ЛЕКСИКА В ПЬЕСЕ Н. В. ГОГОЛЯ «ЖЕНИТЬБА».....	392
<i>Коновалова Л. А.</i> ФУНКЦИИ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТЕ РОМАНА М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА»	396
<i>Кочелав А. А.</i> ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ».....	399
<i>Лифиренко Е. П.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТЕКСТЕ РОМАНА Д. РУБИНОЙ «НА ВЕРХНЕЙ МАСЛОВКЕ»	402
<i>Мадей Е. Д.</i> ИЗУЧЕНИЕ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ.....	405
<i>Мазуркевич Л. М.</i> ЗВАРОТАК У ВЕРШАВАНЫХ ТЭКСТАХ Н. С. ПЛЕВИЧА.....	411

<i>Малышева Н. Д.</i> УРБАНОНИМЫ В ДИЛОГИИ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ» И «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЁНОК» КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КАРТИНЫ ЭПОХИ.....	415
<i>Мартирян Н. И.</i> АНТРОПОНИМЫ В РАННИХ РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА.....	419
<i>Родионова И. Г.</i> СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ МЕРЫ В МАЛОЙ ПРОЗЕ К. Г. ПАУСТОВСКОГО	424
<i>Сергушкова О. В.</i> К ПРОБЛЕМЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ РИТОРИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА)	427
<i>Сыромятникова И. Д.</i> МОДЕЛИ СОСТАВНОГО ИМЕННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР».....	432
<i>Татаринова Т. И.</i> РОЛЬ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»)	434
<i>Хантаева Л. А.</i> ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ АФОРИЗМОВ В ТРИЛОГИИ Л. Н. ТОЛСТОГО «ДЕТСТВО. ОТРОЧЕСТВО. ЮНОСТЬ»	441
ЯЗЫК СМИ И РЕКЛАМЫ	
<i>Абуталипова Ю. Ш.</i> ЯЗЫК БРАЧНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ: СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ САЙТОВ ЗНАКОМСТВ).....	444
<i>Бабаева Н.</i> РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ.....	448
<i>Борзова Т. А., Беланова В. Д., Лоцилина У. Д.</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ- ПРОСТРАНСТВЕ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА РЕЧИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦСЕТЕЙ)	453
<i>Долотова Ю. С.</i> ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ФУНКЦИИ ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ «МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ»)	457
<i>Дулёбова И., Цингерова Н.</i> ЭНЕМИФИКАЦИЯ МИГРАНТОВ В МЕДИАДИСКУРСЕ СЛОВАЦКИХ ПРАВЫХ ЭКСТРЕМИСТОВ	460
<i>Ершова Н. И.</i> СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ЖАРГОНИЗМОВ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ	465
<i>Луннова М. Г., Можяева Ю. А.</i> ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ В ЗАГОЛОВКАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ г. ПЕНЗЫ)	468

Маринова Е. В. ПОНЯТИЯ НРАВСТВЕННОГО ПОРЯДКА КАК КОММЕРЧЕСКИЙ ПРОДУКТ	471
Салихова Э. А. РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ.....	476
Сердобинцева Е. Н. ЯЗЫКОВАЯ ПОЗИЦИЯ АВТОРА В АНАЛИТИЧЕСКОМ ОТЧЁТЕ	482
Фомина И. А. К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВВЕДЕНИЯ ГРАФЕМ В РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ (НА МАТЕРИАЛЕ г. ПЕНЗЫ)	485
Ялова К. НАЗВАНИЯ РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В СМИ.....	488

Научное издание

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ВОПРОСЫ
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Сборник научных статей по материалам
V Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 25–27 марта 2021 г.

Под редакцией
кандидата педагогических наук,
профессора **Канакиной** Галины Ивановны;
кандидата филологических наук, доцента
Родионовой Инессы Геннадьевны

Все материалы представлены в авторской редакции.

Корректор *А. П. Федосова*
Технический редактор *М. Б. Жучкова*
Компьютерная верстка *М. Б. Жучковой*
Дизайн обложки *А. А. Стаценко*

Подписано в печать 23.04.2021.
Формат 60×84¹/₈. Усл. печ. л. 58,36.
Тираж 200. Заказ № 135.

Издательство ПГУ.
440026, Пенза, Красная, 40.
Тел.: (8412) 66-60-49, 66-67-77; e-mail: iic@pnzgu.ru